

В. Н. ШЕРСТОБОВ

ИЛИМСКАЯ ПАШНЯ

Том II

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Н. ШЕРСТОБОЕВ

ИЛИМСКАЯ ПАШИНЯ

Том II

ИЛИМСКИЙ КРАЙ
ВО II-IV ЧЕТВЕРТЯХ XVIII ВЕКА

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Илимский край (Северное Предбайкалье) является одним из интереснейших районов Восточной Сибири — он имеет славное прошлое и блистательное будущее. Здесь раньше, чем в других краях Восточной Сибири, зародилось и развилось русское земледелие. Здесь ныне начато строительство сверхмощной Братской гидроэлектростанции и будет сооружена Усть-Илимская ГЭС. В годы шестой, пятилетки начнется разработка Коршуновского железнорудного месторождения. Край сплошной тайги недавно пересекла Ленская железная дорога.

В границы описываемого края входят Братский, Нижне-Илимский, Усть-Кутский и Киренский районы современной Иркутской области.

Второй том «Илимской пашчи» посвящен развитию экономики северного Прибайкалья во II—IV четвертях XVIII века.

Этот период является одним из самых темных и наименее исследованных исторической наукой. До сих пор нет работ, освещающих экономику Восточной Сибири XVIII века.

Источниками для изучения хозяйства Илимского края в XVIII веке послужили фонды, хранящиеся в Иркутском областном государственном архиве. В ходе их изучения они подверглись новой систематизации, произведенной автором в 1948—1951 годах.

Фонд № 75 — илимской воеводской канцелярии был заново описан. Бумаги этого фонда, находившиеся ранее в россыпи, образовали опись № 2. Всего в фонде числится 5218 единиц, т. е. дел. При цитировании фонда № 75 первая опись не указывается.

Фонд № 2 — усть-киренской воеводской канцелярии со стоит из 1386, главным образом мелких, единиц.

Фонд № 4 — киренской нижней расправы насчитывает 75 единиц.

Фонд № 9 — киренского нижнего земского суда. Сформирован автором из дел, числившихся в фондах киренского земского суда, киренского нижнего земского суда, киренского земского исправника и киренского земского комиссара;

из 10 описей и недописанных дел составлена единая опись, включающая 1724 единицы.

Фонд № 7 киренского уездного (окружного) суда. Образован из двух фондов. Вместо 4 описей составлена одна опись, охватывающая 1077 единиц.

Фонд № 435 — киренской городской управы. Составлен из нескольких фондов, включает 334 единицы.

Фонд № 482 — Киренского Троицкого монастыря. Состоит из 125 единиц.

Кроме того, использованы некоторые фонды, хранящиеся в Московском центральном государственном архиве древних актов:

Фонд № 24 — Сибирского приказа и управления Сибирью.

Фонд № 248 — Правительствующего Сената, описи 4 и 20.

Фонд № 214 — Сибирского приказа, описи 10 и 15.

Методика разработки материала, послужившего основанием для написания II тома, осталась такой, как она сложилась при составлении I тома «Илимской пашни».

Сохранена также система ссылок, принятая в I томе.

ГЛАВА I

ИЛИМСКИЙ (КИРЕНСКИЙ) УЕЗД И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ

ВОЛОСТИ

С тех пор, как в 1-й четверти XVIII столетия установился состав волостей Илимского уезда, он оставался почти неизменным более полувека. Затем, в последующие 25 лет состав уезда и волостей подвергается крупным переменам.

Различные обстоятельства обусловили эти изменения, главное из них — развитие местного земледелия. Рост населения и связанное с этим увеличение посевов существенно меняли экономическое значение отдельных районов, являлись основой для развития хлеботорговли и для установления новых транспортных связей.

Все это давало возможность властям производить крупные переформирования уездов и волостей и сообразовывать свои действия в этом направлении с усилением правительственной администрации.

Основными волостями Илимского края, история которых отражена в настоящем томе, являлись волости, указанные в таблице 1. Здесь же приведены данные о числе селений и душ муж. пола по 1 и 2 ревизиям.

Кроме того, в 12 монастырских деревнях числилось по 2-й ревизии 431 душа муж. пола монастырских крестьян.

Расселение крестьян Братского острога к югу, вверх по р. Оке и ее притокам, и создание там русского хлебопашества уже в конце 1-й четверти XVIII столетия сделали необходимым образование особой волости — Барлукской или Барлуцкой. Это было тем более неизбежным, что вскоре стала создаваться от Красноярска до Иркутска Большая Московская дорога, впоследствии получившая название Московского тракта. Уже в 1724 году из Илимска в Барлукскую слободу был назначен особый приказчик, не зависимый от Братского острога.

Таблица 1

В о л о с т и	Селений		Душ муж. пола	
	1722 г.	1745 г.	1722 г.	1745 г.
Верхне-Илимская волость	11	10	68	123
Нижне-Илимская слобода	49	34	933	688
Карапचाиский погост	—	16	—	347
Усть-Кутский острог	19	20	393	528
Криволуцкая слобода	29	29	550	670
Киренский острог	13	13	506	664
Чсчуйский острог	18	21	687	872
Орденская слобода	23	25	330	477
Тутурская слобода	21	20	326	410
Илгинский острог	22	24	887	1148
Ново-Удинская слобода	3	8	255	426
Яндиискный острог	23	28	607	932
Братский острог	34	35	1176	1672
Барлукская слобода	1	10	—	338
Кежемская слобода	6	9	184	312
И т о г о	272	302	6902	9607

Карапчанская волость выделилась из Нижне-Илимской в 1744 году вследствие успешного развития там земледелия и значительной удаленности селений, расположенных по Ангаре ниже устья р. Илим, от волостного центра, т. е. от Нижне-Илимской слободы.

Других изменений в составе волостей Илимского уезда со времени проведения первой и до второй ревизии не произошло. Число селений с 1722 по 1745 год увеличилось на 37 единиц, за то же время запустело 7 деревень.

Возникавшие деревни получали названия или по фамилии первого поселенца или по названиям рек.

Впоследствии уже не было таких значительных изменений в числе деревень.

Например, к 3-й ревизии по 11 волостям вовсе не отмечено возникновения новых деревень, к 5-й ревизии (1795 год) по Нижне-Илимской волости убавилась одна деревня Поповская, зато учтено новое селение — Суворовское зимовье на Ангарском волоке, по Верхне-Илимской волости отмечено две новых деревни — Лыхинская, Чурилова и «Ленского волоку Избушечное зимовье».

Можно еще отметить, что деревня Тулуновская и окружающие ее селения скоро приобрели важное значение, так как тамошние крестьяне серьезно расширили запашку и вели гоньбу по государственной дороге Красноярск — Иркутск.

Это послужило основанием того, что илимский воевода Игумнов назначил «для розводу в подводной гоньбе и разсуждении в крестьянских ссорах и драках Илимского ведомства в Тулуновскую деревню прикащика по выбору из илимских служилых людей». Иркутский вице-губерна гор нашел мотивировку воеводы для назначения приказчика достаточной и утвердил распоряжение Игумнова, «понеже никакой указом противности не видно» (Фонд 75, арх. № 687, л. 109).

Деревня Тулуновская, т. е. современный г. Тулун, входила в состав Илимского уезда в 1730-1743 годах, но без оформления этого каким-либо указом. Как незаметно она попала в ведение Илимска, так же незаметно она перешла в ведение Иркутска, с которым ее связывала большая проезжая дорога. Илимск, отстоявший от Тулуновской деревни за 400 верст, назначал туда приказчиков только потому, что первые жители этой деревни являлись выходцами из илимских волостей.

В 1763 году произошла секуляризация монастырских вотчин. Из 7 селений Киренского Троицкого монастыря была образована Макаровская экономическая волость; две заимки Якутского Спасского монастыря стали называться экономическими, не образуя волости вследствие малого числа жителей в них. Что касается крестьян Братской Спасской пустыни, то они, оставаясь жить в деревнях Братской волости, как-то исчезли из поля зрения илимской воеводской канцелярии.

Вот и все перемены в составе волостей Илимского уезда с 1724 года до переезда воеводской канцелярии в Киренск, т. е. до 1775 года.

Но за это время в развитии сельского хозяйства Илимского уезда произошли важные изменения. Рост производства хлеба оказался настолько значительным, что стало возможным снабжать Якутск продовольствием за счет одних только нижних ленских волостей Илимского уезда. Значит волости, лежавшие южнее, — по р. Илге, а также по Лене и Ангаре, могли реализовать свой хлеб, минуя Илимск.

Поэтому при создании в 1775 году Киренского уезда южные волости — Яндинская, Ново-Удинская и Барлукская — отошли к Иркутскому уезду.

Одновременно по указу иркутской губернской канцелярии от 1 августа 1775 г. крестьяне Витимской и Пеледуйской слобод Якутского уезда в связи с организацией Усть-Киренского уезда передаются в ведение усть-киренской воеводской канцелярии.

Однако усть-киренская воеводская канцелярия очень недолго управляла новым уездом. В 1784 году система воеводского управления упраздняется, в уездах создаются нижние земские суды. При организации нижнего земского суда в Киренске состав уезда был заново пересмотрен; от него отчисляются в Иркутский уезд — Братская, Илгинская, Орленская и Верхне-Илимская волости, в Якутский уезд — Витимская и Пеледуйская слободы, в Красноярский уезд — Кежемская волость.

Почти все эти перемены были достаточно обоснованы, так как отходившие волости потеряли экономические связи с Киренском. Только в отношении Верхне-Илимской волости была допущена ошибка, и эту волость пришлось после длительной переписки вернуть в 1790 году в состав Киренского уезда.

Одновременно с отпиской в 1784 году были приписаны к Киренскому уезду две волости, расположенные по р. Нижней Тунгуске — Нижне-Тунгусская государственная и одноименная экономическая волости. До этого они входили в Мангазейский уезд, который был заинтересован в удержании их в своих пределах как промысловых волостей, дававших много пушнины. Падение добычи зверя перевернуло все карты, и эти волости, оторванные от уездного центра на 2000 верст, естественно перешли в ведение киренского нижнего земского суда.

Дальнейшие перемены в составе волостей Киренского уезда, вплоть до общей реформы 1797 года, выражались в отдельных, частных и поэтому несущественных изменениях.

Наступает 1797 год. В империи идет ломка учреждений, установленных Екатериной II. В результате этой ломки усиливается централизация государственной власти, и на местах создаются укрупненные волости с волостными правлениями, просуществовавшими до революции 1917 года

Павел I «конфирмировал», т. е. утвердил 7 августа 1797 г. предложения «Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и ведомства» — учреждения, ведавшего государственными крестьянами, о перестройке волостного управления государственных крестьян России.

Иркутский генерал-губернатор на основании указа Павла I предложил 27 октября 1797 г. казенной палате наметить новые волости. При этом было указано, что волости не должны объединять более 3000 ревизских душ, но вместе с тем не допускалась разбивка «пятисотных участков», по которым велись рекрутские наборы.

Казенная палата наметила образовать в Киренском уезде 6 волостей.

До этого волости складывались по чисто территориальному признаку, причем учитывалось только удобство связи

деревень со своим волостным центром, но не обращалось большого внимания на число жителей в волости. Теперь волости должны были составляться определенной величины, соответственно численности населения. Некоторое значение имело при этом желание государства сохранить рекрутские участки.

С этого времени слово «волость» заменяет все прежние названия низшего административного объединения деревень, такие, как «острог», «слобода», «погост», «заимка». Вместе с тем исчезают и такие названия выборного волостного управления, как «мирская изба» или «нароцкая изба», и вменяются новым обозначением — волостное правление. Сибирская терминология уступает место общероссийской.

Разработка окончательного решения по образованию волостей длилась 2½ года. Наконец был принят проект, в котором бюрократические принципы создания крупных волостей возобладали над принципом удобства связи деревень со своим волостным центром.

По указу иркутской казенной палаты от 19 апреля 1800 г. в Киренском уезде создавалось только 3 волости: Нижне-Илимская, Макаровская и Подкаменная. Количество селений и число крестьян, включенных в эти волости, показаны в таблице 2.

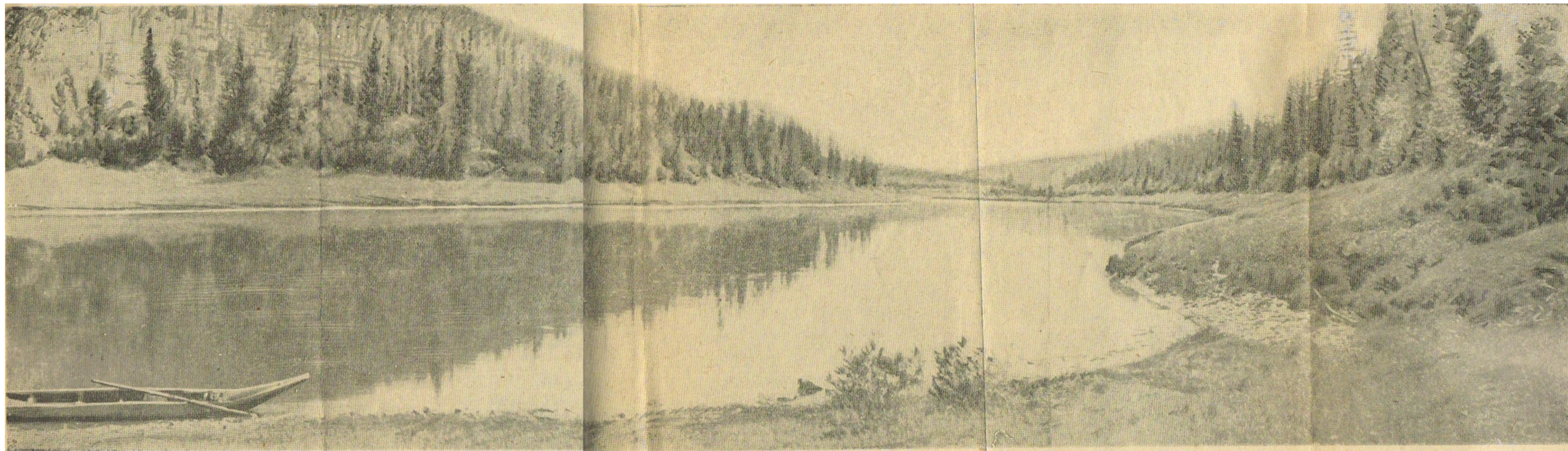
Таблица 2

Волости	Число селений	Крестьян, душ муж. пола		
		государственных	экономических	итого
Нижне-Илимская	67	2007	—	2007
Макаровская	62	1527	284	1811
Подкаменная	49	1825	212	2037
Итого	178	5359	496	5855

Так, к началу XIX века была завершена эволюция волостного управления XVIII века, носившего еще многие черты XVII столетия. Вместо небольших по размерам волостей создается система крупных уездоподобных административных единиц, в рамках которых потекла теперь жизнь государственных крестьян.

ОСТРОГИ И СЛОБОДЫ

Облик острогов и слобод в XVIII веке изменился мало. Как и в XVII столетии, они являлись волостными центрами, где имелась приказная (позднее — мирская) изба и другие казенные или общественные постройки.

р. Илим выше Илимска

Остроги и слободы представляли чаще всего небольшие деревни с самым разнообразным населением, в наиболее крупных из них жили посадские.

Нижне-Илимская слобода являлась центром управления одноименной волости с развитым земледелием.

Слобода представляла небольшую деревню; в настоящее время — это крупное село, центр Нижне-Илимского района.

По ревизским сказкам 1745 года в слободе проживало 37 душ муж. пола, в том числе 6 служилых, 4 дворовых, 7 хлебных обротчиков, бобыль, крестьянский сын, 2 ссыльных и 16 посадских. Как видно, в числе жителей не было ни одного пашенного крестьянина.

По передаче имущества новому приказчику в конце 1752 года «в той слободе судная приказная изба, строения прежних лет, которая в постройке по крестьянскому обыкновению, ветхая. В той избе 3 образа и на них краски опоршевели и ликов не знать, которым и молиться нельзя». В опись включена медная печать, присланная из Иркутска в 1745 году.

В самой приказной избе находился стол, 2 скамьи, 2 сундука с делами, 2 ящика. Очень подробная опись имущества, переданного новому приказчику, имеется в деле за 1752 год. (Фонд 75, опись 2, арх. № 625, лл. 25-32).

2 января 1794 г. новые выборные сельские власти — староста, два старшины и два сотских, после приведения их к присяге, приняли медную печать, мирскую избу, построенную в 1773 году «крестьянским кочтом», перед избой клеть, амбар с перерубом для экономического хлеба и 2 бывших соляных амбара. Мирская изба имела 3 окна колодных и 2 волоковых. У колодных окон «оконницы слюденые, деланы по стекольчетому», волоковые — без оконниц. В избе стоял стол с 2 ящиками и шкаф. При избе имелись сени, перед входом «крылец, рублен городком, покрыт драньем» (Фонд 9, арх. № 149, л. 102).

Усть-Кутский острог, ныне г. Усть-Кут, центр Усть-Кутского района, являлся в XVII-XVIII веках центром одноименной волости. Здесь строились суда, направлявшиеся в Якутск, и имелась таможня.

Согласно 2-й ревизии в остроге жило 78 душ муж. пола, в том числе 12 служилых людей, 37 отставных плотников, 20 посадских, 5 разночинцев и ссыльный. Крестьяне расселялись по окрестным деревням.

Усть-Кутский острог быстро потерял оборонительное значение и в XVIII веке являлся только важной ленской пристанью, где сосредоточивались грузы, шедшие из Илимска и с верхнего течения Лены.

По описанию 1731 года в остроге оставалось полуразрушенное укрепление «в длину 14 сажен, в ширину 13 сажен и

не годен, для того что строен был (острог) в давних летах и весь погнил и вывалился». Там хранилось 6 мушкетов без замков — все, что осталось от его вооружения (Фонд 75, арх. № 348, л. 271).

Последнее описание построек Усть-Кутской волости было произведено в 1787 году. В самом остроге стояли деревянная церковь «нерукотворенного образа об одном парламенте», при ней деревянная колокольня, новый винный магазин и «питейной дом». Кроме того, в Макаровском погосте находилась вторая церковь «о двух парламентах» с колокольней и питейный дом. Питейные дома были еще в трех деревнях волости. «Обывательских» домов насчитывалось 178 (фонд 9, арх. №31, лл. 79-80).

Криволуцкая слобода называлась также Полоротовской (от слова «поворот», так как Лена делает здесь длинную петлю — излучину). В ранних документах встречается название «Полороты».

В течение XVIII века Криволуцкая слобода представляла обычную деревню, и, наконец, потеряла значение волостного центра.

Население ее по данным 2-ой ревизии состояло из 95 душ муж. пола: 72 крестьян, живших в 9 дворах, 6 служилых, 5 нищих, 3 гулящих, 6 подворников и разночинцев и 3 ссыльных.

Чечуйский острог тоже представлял в XVIII веке обыкновенную деревню. Когда-то острог защищал путь на Нижнюю Тунгуску, куда вел Тунгусский волок, но быстрое замирение края сделало деревянное укрепление ненужным, и оно оставалось безнадзорным.

По переписи 1745 года в остроге имелось душ муж. пола: 60 крестьян, живших в 12 дворах, 18 служилых, 2 бобыля, 2 ссыльных, 2 разночинца и нищий.

Уже при передаче в 1727 году острога от одного приказчика другому было отмечено, что башня и «острог стоячей» пришли в ветхость и что половина восточной и северной стен упала. В новой земской судной избе имелось настольное зеркало, чего раньше в волостных приказных избах не отмечалось (фонд 75, арх. №238, лл. 56-60).

Наводнением в конце апреля 1771 года при ледоходе на Лене «круг церкви тын подмыло и у острога наугольная башня от того наводнения приходит в несостояние». Приказная изба просит у илимской воеводской канцелярии разрешение — перенести башню «на новичное место» и огородить церковь (фонд 75, опись 2, арх. №1274, л. 1).

В конце XVIII века Чечуйская волость была упразднена, сведений о дальнейшей судьбе башни в делах не имеется.

Орловская слобода представляла деревеньку, где по данным 1745 года проживало всего 42 души муж. пола, из них

15 крестьян, 3 служилых, 16 разночинцев и 8 прочих сельских жителей. Слобода являлась центром небольшой приленской волости.

В феврале 1768 года «выборной крестьянин» Конон Басов, «взирая на прежние в той приказной избе росписные списки, орленскую приказную избу, потом же казенную печать и Уложение и прочее, что есть казенное, принял налицо к себе в содержание». Среди перечисленных в росписном списке вещей значатся: стол с красным сукном «для покрытия настольных указов», осьмина, пудовая гиря, изломанная железная ложка, «ис Чюдинского рудника камня в кладовом амбаре», т. е. образцы руды и «насланных из главных команд... дела» (Фонд 75, арх. № 3127).

Тутурская слобода представляла совсем незаметную деревеньку, в которой по переписи 1745 года числилось 16 душ муж. пола, в том числе 4 служилых, 8 хлебных обротчиков, 2 разночинца, ссыльный и гулящий. Все они жили в 2-3 дворах.

Илгинский острог являлся центром одной из хлебородных волостей Илимского уезда. В 1745 году в нем проживало 134 души муж. пола, в том числе 74 крестьянина (12 дворов), 5 служилых, 4 бобыля, 12 гулящих, 11 отставных плотников, 6 разночинцев, один ссыльный и 21 посадский.

В остроге имелась башня с небольшим укреплением в виде деревянного ограждения. В передаточной ведомости 1739 года отмечено, что 5 саж. 1 арш. острога выгорело. Временно приказная изба размещалась в таможне. Приказчиий двор состоял из жилой избы и амбара (Фонд 75, арх. № 918, лл. 7-12).

По передаточной описи 1753 года названо «остаточных» от постройки судов Камчатской экспедиции инструментов наковальня, молот, клещи, 2 пары мехов дорожных и 3 точила (Фонд 75, опись 2, арх. № 651, лл. 1-27).

При передаче острога в 1768 году налицо оказались проезжая башня и вновь построенная приказная изба «обще с кружечным двором». В судейской каморе приказной избы стоял «судейской стол», покрытый зеленым сукном. Из другого имущества были приняты медная печать, Соборное Уложение, канцелярские книги, ящики для дел, подъяческий стол, «чепь железная, колода деревянная, по концам пробой и петли железные». Здесь же находились «остаточные» от 1736 года вещи Камчатской экспедиции.

Кроме того, в приказной избе хранилось имущество, конфискованное в 1740 году, т. е. за 28 лет до составления описи: образ Николая «чюдотворца» — 5 копеек, «нерукотворенного господа Исуса Христа» — 10 копеек, богородицы Казанской — 15 копеек, Николая «чюдотворца» — 6 копеек, Георгия победоносца — «на цепке, спершевел» — 1 копейка.

Кроме того, тут были коробья, 2 замка, «кораблик соболий женский», рубаха женская.

С 1757 года приказная изба хранила вещи умершего подпрапорщика Мих. Кожевникова: сундук, посуду меди зеленой, посуду оловянную, белье, «карманной плат ветхой».

Все это напоминало не волостное учреждение, а скорее коллекцию Плюшкина.

Ново-Удинская слобода, заселенная в конце XVII века, вскоре стала одним из самых крупных селений Илимского уезда. Как слобода, так и вся небольшая Ново-Удинская волость лежали в удобной для земледелия местности, посевы здесь быстро расширились и хлебопашество повелось в больших размерах. Все это отразилось и на составе населения Ново-Удинской слободы, где по 3-ей ревизии насчитывалось 283 души муж. пола. Главной частью этого населения были пашенные крестьяне — 193 души (30 дворов). Кроме того, в слободе жило 20 служилых, 20 хлебных обротчиков, 4 гулящих, 21 ссыльный, 15 разночинцев и 10 посадских.

Ядинский острог имел небольшое укрепление с одной башней. Население его в 1745 году состояло из 89 душ муж. пола, в том числе было 50 крестьян, 15 посадских и 24 души разного другого люда — служилых, бобылей, ссыльных и обротчиков.

В Ядинской волости проживали почти все беломестные казаки Илимского уезда.

Приказчик Сермин сообщал в августе 1727 года: «а ныне Ядинской острог огнил и весь розвалился, такожде и прикащичей двор потому ж весь згнил и овалился».

Управитель Антипин в ответ на донесение Сермина велел укрепление починить или поставить новый острог, привлекая крестьян к вывозке леса, а беломестных казаков к строительным работам (Фонд 75, опись 2, арх. № 67, лл. 198-199).

Воевода Шарыгин в 1763 году, ссылаясь на переписку 1735 года о починке острога, писал в иркутскую провинциальную канцелярию, что «острог с трех сторон весь огнил и упал на пол и четвертая стена весьма плоха, а башня вся ветхая и подгнила, в которой прежними приказчиками засорено и дверей одних не имеется, а других и отворить невозможно, что весьма от нечищения под башней всякого дразгу. И двери стоят в земле полколено» (Фонд 75, опись 2, грх. № 981, л. 44).

Братский острог являлся одним из крупных селений уезда. Он был центром самой большой волости Илимского уезда. Удобное положение острога на устье р. Оки при впадении ее в Ангару содействовало развитию торговых связей. Братский острог имел свой штат казаков.

Население острога состояло в 1745 году из 198 душ муж. пола: 69 служилых, 79 посадских, 11 ссыльных, 12 обротчиков, 4 бобылей, 20 разночинцев. Кроме того, в остроге жило 2 новокрещенных и 1 дворовый человек.

Укрепление Братского острога было, после Илимска, наиболее обширным и сложным.

В делах разрядного повытья за 1742 год имеется очень подробное описание Братского острога, составленное в связи со смертью приказчика Тимофея Бейтона. Острог имел 4 стены длиной в 120 сажень, 2 башни «на жилых избах», «с решную сторону острога в стене проезжие ворота»; вокруг острога вместо старых надолб были в 1738 году «построены миром рогатки новые». Старая приказная изба в острожной стене уже не использовалась. «Да в острожной стене на углу от полуденной стены в недостройке новой приказ, строен на коште мирском, с общенародного совету, пятистенной» (Фонд 75, арх. № 1610, лл. 158-161).

Судя по описаниям острога, сделанным в 1756 и 1757 годах, он мало изменился за прошедшее полустолетие.

В 1769 году при новой передаче острога приказчику еще раз была составлена опись. За время, протекшее с 1757 года, здесь мало что изменилось, только еще более постарело. В описи перечисляются все иконы, находившиеся на проезжих воротах. Возможно, что эти иконы некогда совершили поход с первыми казаками-завоевателями.

Подробные описания острогов и слобод имеются, главным образом, за те годы, когда волости управлялись приказчиками. Описания встречаются все реже, с тех пор как только управление волостями было передано самим крестьянам.

Поэтому по некоторым волостям, перешедшим в ведение Киренского уезда в конце XVIII века, никаких документов о передаче дел не имеется.

УЕЗДНЫЙ ЦЕНТР

В ЭТОМ разделе даются описания двух городов, в которых последовательно находилось уездное управление — Илимска и Киренска.

1. Илимск

Город Илимск или Илимский острог являлся центром одноименного уезда до 1775 года, после чего Илимск стал внештатным городом, где еще некоторое время проживали комиссары.

Потеряв былое торговое и путевое значение, Илимск уже в начале XVIII века превратился в «город», населенный наполовину канцеляристами и казаками.

По ведомости города Илимска 1769 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 1177) «город Илимск герб имеет единственно на казенной печати: соболь, сверху звезда и под ним стрела... Оной город стоит на берегу Илима реки, по компасу в части азин, между нордом и вестом. Жилья онаго в городе на версту и 120 сажень, а за рекой Илимом — малое житие, показано в плане (его и не составлялось)... В Илимске и в уезде народ живет христианского закона; ясашные брацкие и тунгусы — идолаторского закона».

Имеется очень много описаний Илимска, сделанных в XVIII веке.

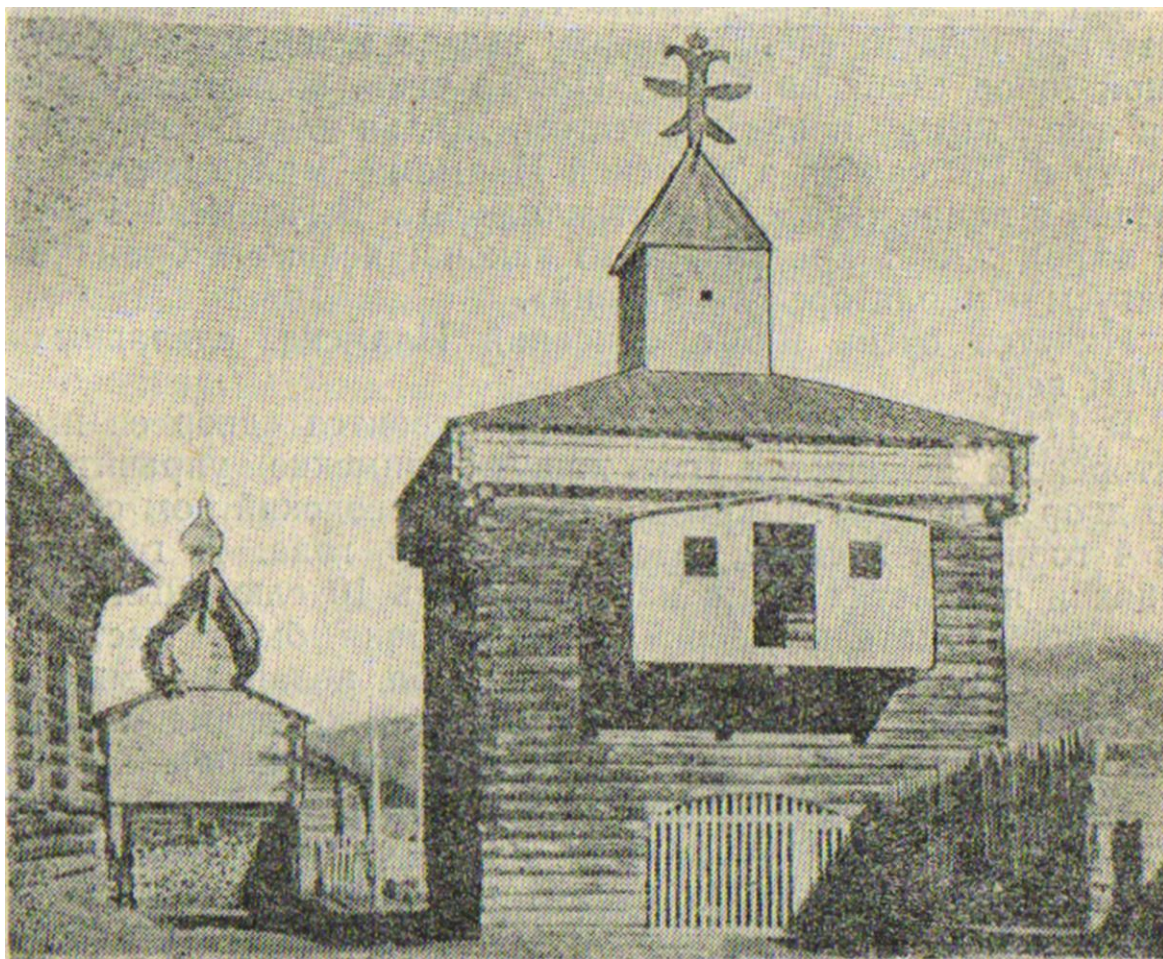
В 1716 году внутри укрепления строится «двор ея императорского величества, где живут илимские управители». Во двор вели ворота, крытые тесом. Воеводский дом состоял из 4 горниц и 2 сеней, постройки 1710 года. В горницах, сенях и подклетах дома насчитывалось 10 слюдяных окончин, «пятнадцатеры двери», 2 печи. Баня была выстроена в 1731 году. Остальные здания — изба поварная, мшеник. хлебный амбар, конюшня, скотский двор ко времени описания уже обветшали (Фонд 75, опись 2, арх. № 94).

При приеме города воеводой Петровым в 1730 году длина острожных укреплений указана в 333 сажени, а по описанию острога, сделанному в 1734 году, она составляла 284 саж. 1³/₄ арш. (Фонд 75, арх. № 328, лл. 201-286; арх № 496, лл. 292-295).

При передаче Илимского острога в 1733 году от Турчанинова Чемесову (Фонд 75, опись 2, арх. № 128) укрепление оказалось очень ветхим, «тычины от земли подгнили», башни стояли без крышек и без оружия. В башенных часовнях находились только многочисленные иконы. На Спасской башне остались лишь два пушечных стана; пушки в 1727 году были отправлены в Якутск.

В канцелярии также мало что переменилось, попрежнему по стенам висело 8 образов, в железном ящике хранилась серебряная печать. В особом ящике можно было найти образцовый камень, 32 образца полотна, секретный указ, указы Сибирского приказа; в том же ящике хранились «о сыску великанов 3 меры, в том числе одна по концам за иркуцкою... печатью на сургуче». Ящик был покрыт красным сукном, «мерою один аршин без дву вершков».

Кругом судейского места стояли лавки, обитые красным сукном, на столе, покрытом также красным сукном, стоял указ «яко зеркало», лежали генеральный регламент, инструкция воеводам и инструкция иркутского вице-губернатора Жолобова. Соборное Уложение Алексея Михайловича в переплете хранилось в особом ящике, окованном белым железом и обитом красным сукном, а сверху еще красной кожей.

Спасская башня в Илимске после реставрации (снимок 1956 года).

Воевода Своитинов, приняв 1 января 1746 года город Илимск, составил опись укрепления и казенных построек «строения прошлых лет». В описи все время подчеркивается, что острог и башни к тому времени сильно обветшали¹.

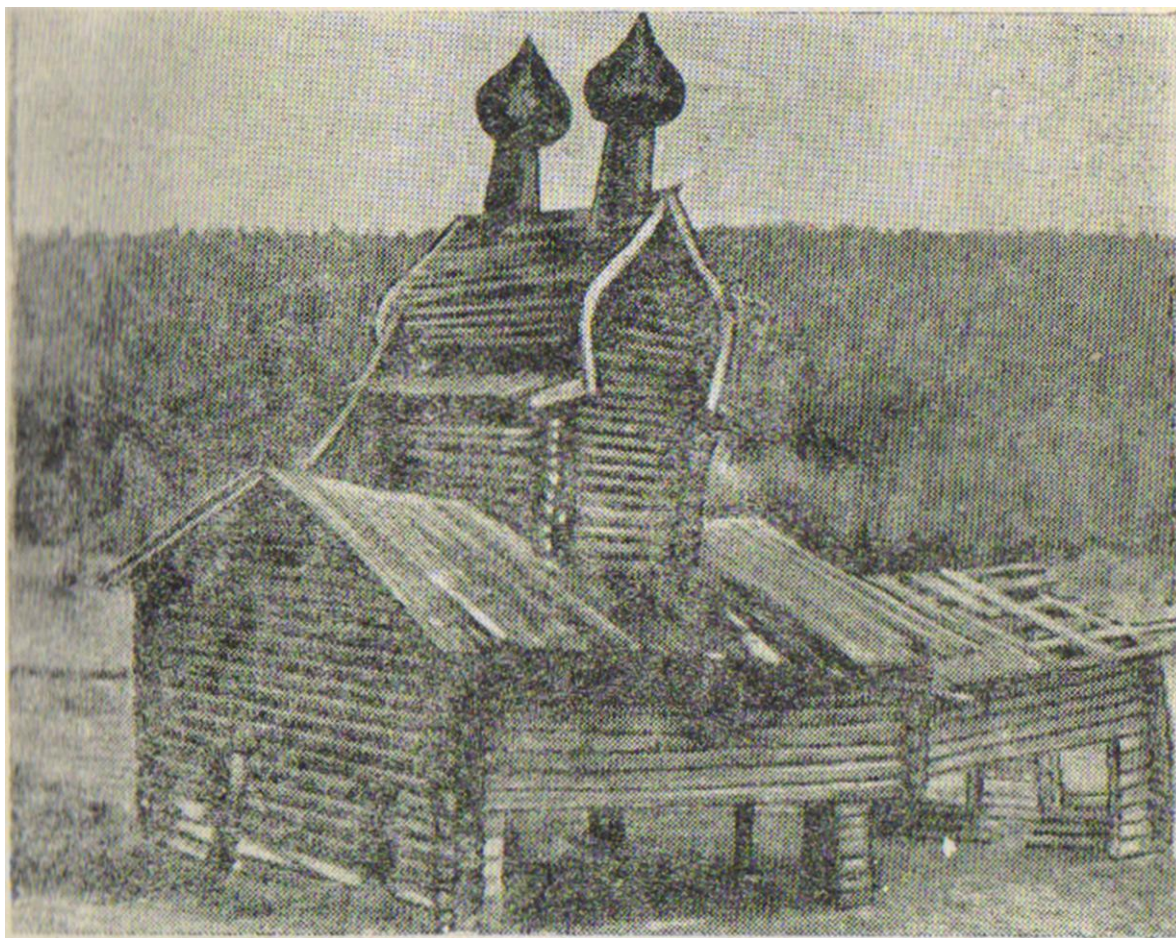
Воевода Иван Попов принял город 3 апреля 1750 г.

В перечне принятого имущества значится и канцелярия, состоявшая из двух жильев, «да предел Никифора Кондратьева (воеводы), в котором заседают управители». Одни двери здесь были обиты красным сукном, другие — зеленым, потолок и стены обиты холстом (Фонд 75, арх. № 1786, лл. 1-272)².

Воевода Попов 20 апреля 1753 г. велит городничему исправить острог силами казаков. Он приказывает заготовить не менее 1500 бревен «тынового лесу», выкопать рвы глубиной в $\frac{1}{2}$ аршина под тынины и поставить «круг города стамовой тын». Работа эта должна была развёрстываться на илимских казаков, по $1\frac{1}{2}$ сажени на душу. Береговые башни

Сибирский приказ, фонд 214, опись 15, арх. № 897, лл. 1-2.

² См. также Сибирский приказ, фонд, № 214, опись 15, арх. № 851, лл. 85-372.

Введенская церковь в Илимске (снимок 1949 года).

воевода велел перенести выше к горе, перекрыть тесом и починить «добрым и крепким мастерством».

Илимская воеводская канцелярия привлекла к работам по починке острога всех жителей Илимска, т. е. служилых людей, посадских и ссыльных. После двух лет работы илимский казак Нефед Балашев в июле 1755 года докладывал илимской воеводской канцелярии, что были наряжены всякого чина люди и посадские «для становления городской крепости тыну», а казаки — для перекрытия башен и что теперь башни перекрыты, а «стамовой тын... поставлен». Как видно, подмытые р. Илимом башни при починке острога не передвигались (Фонд 75, арх. № 2047, л. 323).

Перестройка острога, предпринятая воеводой Иваном Поповым, оказалась последней в истории Илимска. С тех пор в течение 200 лет укрепление постепенно разрушалось, и сейчас едва видны следы минувшей работы.

Жизнь Илимска протекала долгие годы без перемен, как это и свойственно захолустью. Может быть, самыми крупными событиями являлись разливы р. Илима, из которых наиболее опустошительное произошло в 1767 году.

В остальные годы воеводская канцелярия время от времени составляла разные ведомости о городе и передаточные списки по приему города одним воеводой от другого.

По ведомости города Илимска 1769 года (Фонд 75. опись 2, арх. № 1177), составленной по печатному образцу такой же ведомости о городе Угличе, в Илимске насчитывалось 20 улиц и переулков. Из 107 дворов были: один воеводский, 23 купеческих и посадских, 3 поповских, 5 солдатских, 38 казачьих; 10 дворов принадлежали канцелярским служителям, один — сыну боярскому и 11 — разночинцам.

В той же ведомости указывалось, что «ярмонок» в Илимске не бывает, но лишь «временно наезжают из других городов купцы, торгуют самым малым числом рускими и китайскими товарами. Купечество ж во оном городе весьма небогатое... Промыслы... бывают малое число, на свое пропитание, а по большей части кормятся черной работой. Ремесла у жителей и у купечества серебряное, чеканное, портное, токарное, кузнишное, кожевенное, мыльное (содержание «мылен», т. е. бань), шапошное, сапожное, чирошное, кирпичное, оконешное. Только каждого рода не более как от одного до четырех человек».

В 1774 году, когда илимская воеводская канцелярия доживала последние дни, в остроге еще хранилось 65 трехфунтовых пушечных ядер и 60 полуторафунтовых, а также 2 лафета, знамя илимских казаков, знамя, перевезенное из Братского острога, бердыши, копья и стрелы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1145).

Почти все это имущество, за исключением знамен, так и осталось навсегда в Илимске, пока не погибло.

С переездом илимской воеводской канцелярии в Киренск отпала необходимость и в тюремном доме с его особым тыновым ограждением. В 1779 году, по представлению илимского комиссара, усть-киренская воеводская канцелярия приказала «острог для колодников» разломать (Фонд 2, арх. № 311. лл. 201-203).

Наконец, в 1792 году поступило распоряжение казенной палаты «о распродаже в Илимском остроге казенному ветхому строению». Воеводский дом, воеводская канцелярия и хлебные амбары после оценки «присяжными оценщиками» были проданы с торгов за 60 руб. 22 коп. (Фонд 9, арх. № 133, лл. 97, 107). Так исчезло брошенное воеводское гнездо в Илимске. Жизнь пошла своим чередом. Вскоре на месте воеводского двора возник дом и другие постройки изгнанника Л.Н. Радищева.

2. Киренск

Киренск стал центром Илимского края после упразднения Илимска как уездного города.

До этого Киренск был небольшим острогом, в котором, не считая церковников, проживало по данным 3-й

ревизии 152 души муж. пола, в том числе 38 служилых, 6 ссыльных, 16 обротчиков, 28 разночинцев и 64 посадских.

Удобное положение на стыке двух рек — Лены и Киренги — предопределило судьбу Киренского острога. Развитие торговли по Лене, особенно после отмены государственного хлебного обложения крестьян, поставило Киренский острог на центральное место в Илимском крае.

Укрепление Киренского острога находилось на «горе промеж Леной и Киренгою реками», т. е. там, где сейчас стоит каменная церковь. Вот описание острога, сделанное в 1757 году: «Башня проезжая, в ней с приезде ворота створные на пятах деревянных. В одной двери прорублена калитка... У других ворот из острогу дверей не иметца. Мерею та башня по стенам... 3 сажени с аршином. От оной башни, от Лены реки к Киренге реке до [глухой] башни длиннику в стене 24 сажени с полусаженью; башня мерею в стенах 3 сажени бес трех четвертей аршина. У той башни снизу двери на пятах... От той башни вверх Лены и Киренги рек поперешнику до [другой глухой] башни... 21 сажень с полуаршином. Мерею та башня в стенах по 3 сажени с четвертью. От оной башни до Киренги, к Лене реке до угла длиннику... 27 сажень с полсаженью, на котором углу стоит колокольня. От того угла вниз Лены реки до проезжей башни поперешнику 15 сажень без аршина. Кругом того острогу... 109 сажень». Ко времени описания сооружение обветшало и обвалилось.

Таким образом, укрепление представляло в плане неравносторонний четырехугольник, на трех углах которого стояли башни, и на четвертом — колокольня.

Недалеко от башни, вниз, — считая по течению Лены, — размещался «ея императорского величества двор», в котором жили приказчики. Он состоял из избы «поземной», сеней, амбара. В избе имелось 2 окна косячатых и 5 волоковых, внутри находилась «казенка». Перед выходом из избы стоял амбар с 2 дверями, одна выводила к острогу, другая к Лене. Перед избой имелась еще белая горница с 7 окнами и кирпичной печью, под горницей находился погреб. Позади избы и горницы видна была баня и около нее амбар «на отставке».

Между белой горницей и проезжей башней стояла старая приказная изба с разными ветхими служебными постройками.

Ниже острога, на левой стороне Лены, на р. Китиречихе, над которой жили монастырские вкладчики, отстаивались зимой казенные дощаники. В 1757 году там стояло 4 дощаника, три — по 8 сажень длиной, один — 10 сажень. Видимо, все они были крытыми, кругом шли перила (Фонд 75, опись 2, арх. № 812).

Важнейшее событие для Киренска произошло в 1775 году: туда 23 сентября приехала воеводская канцелярия и Киренский острог превращается в уездный город Усть-Киренск.

Новый уездный центр получил в том же году свой герб, который изображал реки Лену и Киренгу, окружающие город с юга и запада.

С переездом воеводской канцелярии из Илимска в Усть-Киренск началось усиленное строительство казенных и частных зданий. Маленькому населенному пункту, каким являлся до этого Киренский острог, предстояло стать уездным городом со многими «присутствиями» и с немалым служилым населением.

Воевода Черемисинов 13 мая 1779 г. передавал Ланскому все дела и казенные постройки г. Усть-Киренска. Энергичный воевода выстроил много новых зданий, без которых невозможно было наладить деятельность воеводской канцелярии.

Ланской принял канцелярию «о 6 покоях», которую освещали 16 «косящатых» окон, и «застроенной вновь воеводской дом», состоявший из 5 покоев, при нем погреб, а над погребом амбар и два магазина.

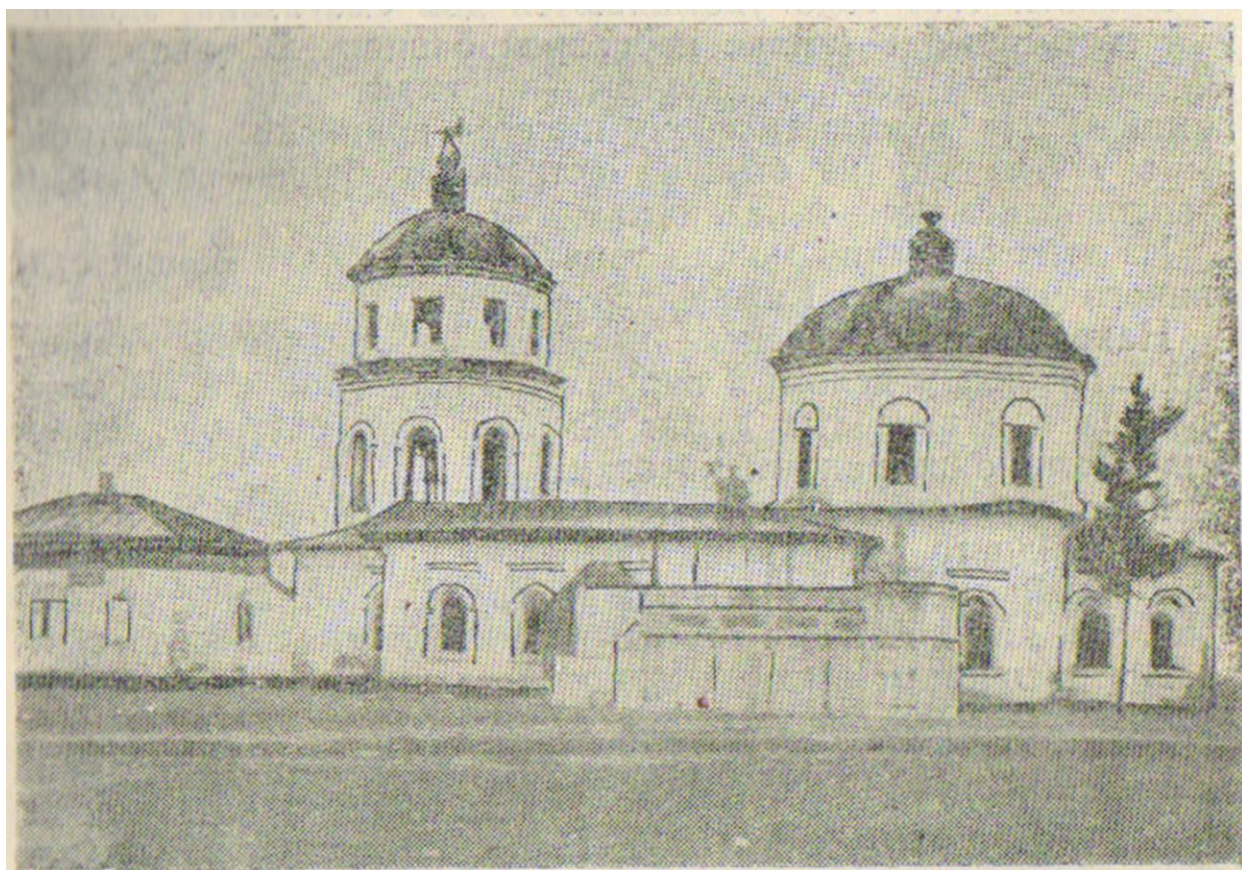
Кроме того, были переданы в церковной ограде «бывшая прежде народская судная изба», амбар с государевыми делами и соляные магазины (Фонд 2, арх. № 211, лл. 11-13).

При организации в 1784 году киренского нижнего земского суда была упразднена усть-киренская воеводская канцелярия и городу возвращается старое название — Киренск.

5 ноября 1786 г., ночью, вследствие топки печей без присмотра сгорел стоявший на горе городнический дом, в котором размещался киренский нижний земской суд. В огне погибли все дела, среди них довольно много старых бумаг, начиная с 1714 года (Фонд 9, арх. № 14, лл. 31-53).

Краткие сведения о г. Киренске, когда он уже был центром уезда, дал городничий Градковский, отвечая на указ иркутского наместнического правления от 20 января 1785 г.

«Под каким градусом лежит сей город — точного мнения положить неможно; а примерно состоит Киренск под одним градусом с престольным градом Санктпетербургом, примечая по восходе и закате солнца». От Олёкминска он находится в 950 верстах, от Якутска — в 1476, от Иркутска — в 790. Но городничий добавляет, что «поныне верных росписаней и размеру верст не имеется». Город лежит на правой стороне Лены, по левой — р. Киренги, окружен горами, частью болотами и лугами, он овальной фигуры — 5x1½ версты. Затем Градковский прибавляет, что разделил город на 5 частей: улицу, лежащую под горой над берегом Лены, назвал Надбережною, лежащую по левой стороне назвал Ямскою, строящуюся на горе над берегом — Разно-

Церковь в Киренске (снимок 1949 года).

чинною, место на горе вблизи дома городничего и присутствий — Казачьей слободою, улицу около Троицкого монастыря — Троицкою. Это разделение, как отмечает городничий, «апробовано» указом иркутского наместнического правления 13 июля 1783 г.

В городе, — продолжает Градковский, — имеется три церкви: соборная Спасская, Архангельская и монастырская живоначальной троицы. Монастырь окружен тесовой оградой, а город не укреплен. «Обывательского строения состоит 87 домов», жителей в городе — 240 душ муж. пола и 245 душ жен. пола. Большая часть мещан занимается перепродажей хлеба, который покупается в Илгинском остроге. Художников и ремесленников в городе нет. Не имеется также ярмарок и фабрик.

Дом бывшего воеводы Черемисинова, перешедший в казну, теперь занимался нижней расправой и нижним земским судом. Он состоял из 4 покоев с сенями, насчитывал 11 косячатых окон, имел 9 дверей и 4 печи. Наверху находился чердак с 3 окнами и 2 дверями, по двум сторонам шли перила. В дом вели 2 крыльца, из них одно брусчатое с балконом. К дому принадлежали 2 людских избы, амбар с погребом, «амбар кладовой», баня, переделанная в горенку, скотный двор и конюшня с сенником. Все это было построено в 1777 году и обошлось казне в 138 руб. 50 коп.

В описи 1785 года упоминаются два «магазина, зделанные из бывшей в ограде церковной башни». В одном хранились старые дела, в другом — провиант для городской команды. На ведомости сбоку имеется приписка: «Построены в 777-м году из бывших острожных башен солдатами городской команды и казаками».

Из этих описаний можно узнать, как исчезли башни старинного укрепления Киренского острога.

Наконец, в г. Киренске имелось много зданий, связанных с питейным делом: 2 винных магазина, пивной магазин, поварня и 2 питейных дома. Из всех этих построек новым был только один винный магазин.

Рост городского населения в связи с переводом в Киренск уездного управления потребовал расширения городских земель, которые были нужны главным образом для выгона, так как почти все городские жители имели тогда скот.

Но расширить выгон можно было только урезкой крестьянских земель, окружавших г. Киренск.

Уже в 1776 году усть-киренская воеводская канцелярия предпринимает первые меры к обеспечению скота городских жителей выгонами. По межевой инструкции надлежало прирезать во все стороны выгона на 2 версты.

Через два года после переезда в Киренск воеводской канцелярии были произведены первые отрезки от крестьянских земель. Затем, в 1787 году, пригородные крестьяне потеряли еще часть своих покосов и скотских выпусков. Отрезки составляли: по деревне Кривошапкиной 76 десятин сенокосов и 8 десятин выгона, по деревне Хабаровской — пашни $44\frac{3}{4}$, сенокосов 32 десятины.

В марте 1790 года киренский уездный землемер отмежевал на основании распоряжения иркутского наместнического правления двухверстную полосу вокруг Киренска, причем оказалось, что такого пространства недостаточно для города, а крестьянские земли все равно уменьшались.

Другой уездный землемер, Лосев, в 1793 году представил наместническому правлению план крестьянских земель и городского выгона с предложением, основанном на согласии крестьян и городских жителей, о разграничении владений (Фонд 435, арх. № 35, лл. 151-155, 170).

Это разграничение было утверждено казенной палатой «впредь до генерального межевания»; палата одновременно предложила киренскому нижнему земскому суду «склонить (крестьян) на прииск в другом месте... из пустопорожных земель» пригодных участков и давать разрешение крестьянам переселяться на вновь приисканные ими земли.

Так началась жизнь нового уездного города.

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Учет численности населения в XVIII веке преследовал налоговые цели, поэтому охватывал не все, а преимущественно податные сословия. По данным переписей населения производился также набор рекрутов.

Всего в XVIII веке было проведено 5 переписей населения или так называемых ревизий душ муж. пола (хотя некоторые переписи охватывали и женское население).

Из всех переписей наиболее разносторонней, касавшейся не только численности населения, но и его хозяйства, являлась первая ревизия. Все последующие переписи производились по очень узкому числу (показателей и не могут идти ни в какое сравнение с первой ревизией. Лишь при проведении второй переписи, да и то попутно, собирались некоторые сведения об отдельных сторонах крестьянского хозяйства.

Несмотря на несовершенство учетной техники, счет населения был довольно точный и ошибки не составляли сколько-нибудь существенной величины.

Первая ревизия душ муж. пола, или так называемая генералитетская перепись, проведенная по Илимскому уезду в 1719-1722 годах, долгое время являлась основным документом для разных расчетов, предпринимаемых илимской воеводской канцелярией. В промежутке между первой и второй ревизиями учеты илимского населения проводились только с налоговыми целями, причем за основу брались ревизские сказки 1719-1722 годов, которые в документах илимской воеводской канцелярии обычно именовались «переписью князя Сонцова-Засекина», а иногда и «сонцовой» переписью.

Промежуточные учеты населения только отмечали изменения, происходившие в составе и численности русского населения со времени первой ревизии.

Такой учет был сделан по Илимскому уезду в 1728 году, притом очень подробно, с указанием поименно всех жителей уезда и их возраста. Учет отражал и прибыль и убыль населения за минувшие 6-9 лет. Проводился он илимскими служилыми людьми (Фонд 75, арх. № 254, лл. 1-296).

Итоги этого учета в сопоставлении с ревизскими сказками 1719-1722 годов приведены в таблице 3.

Сюда не вошли посадские (270 душ), духовенство и ясачные (824 человека). Из всех групп населения уезда увеличилось только крестьянское население, причем почти исключительно за счет естественного роста. Группа разночинцев, в числе которых были гулящие, ссыльные, новокрещенные, нищие и разные подворники, т. е., главным образом необеспеченные и бессемейные люди, уменьшилась очень сильно,

на 30%. Группа служилых, включавшая много одиноких людей, тоже дала уменьшение, хотя и не столь значительное, как разночинцы, — на 10%.

Таблица 3

Душ муж. пола	Крестьяне	Служилые люди	Разночинцы	Итого
Состояло по переписи 1719-1722 гг.	5763	537	919	7219
Убыло: умерло	639	101	197	937
бежало	121	22	159	302
взято в рекруты	91	19	14	124
переселено на Аргунь	435	—	—	435
уехало	—	4	3	7
ошибки в переписи 1719-1722 гг.	46	—	27	73
Итого убыло	1332	146	400	1878
Прибыло: родилось	1392	92	85	1569
вернулось из бегов	27	2	27	56
приехало	16	3	6	25
Итого прибыло	1435	97	118	1650
Состояло в 1728 году	5866	488	637	6991

В таблице 4 вычислены главные изменения на 100 душ различных групп населения за истекшие 6-9 лет.

Таблица 4

Группы населения	На 100 душ		
	умерло	бежало	родилось
Крестьяне	11,1	2,1	24,2
Служилые люди	18,8	4,1	17,1
Разночинцы	21,4	17,3	9,2
В среднем	13,0	4,2	21,7

В крестьянских полнокровных семьях рождалось детей в общем в три раза больше, чем среди разночинцев, умирало в два раза меньше. Крестьяне, более обеспеченные, чем разночинцы, давали беглых в 8 раз меньше, чем эта бедствующая и обездоленная часть илимского населения.

Перепись 1728 года преследовала цель — расположить платеж «оброчного провианта» на крестьян по числу дворов. До этого года «збирали прежней поземельной оклад воеводы Федора Родионовича Качанова» в соответствии с размерами пашни. С 1728 года вводится уравнительный сбор хлеба по 60 пудов со двора. «Расположение» по новому способу было произведено по ведомости, составленной илимским служилым человеком Тимофеем Баженовым в 1728 году (Фонд 75, опись 2, арх. № 75, лл. 1-109).

По 14 волостям подверглось обложению 793 двора, в которых имелось 3680 душ пашенных крестьян муж. пола.

Вне «расположения» остались слабые крестьянские дворы, подворники, обротчики, бобыли. Все они вместо хлебного обложения уплачивали 4-гривенный сбор. Всего «за расположением» осталось 1576 душ муж. пола.

Монастырские крестьяне сохраняли свои отношения к монастырям. По ревизии 1719-1722 гг. монастырских крестьян и вкладчиков было учтено 391 душа муж. пола.

Остались также «за расположением», т. е. вместо хлебного платежа вносили 4-гривенные деньги, самые разнородные группы населения. Всего их было в 1728 году (душ муж. пола): гулящих 261, присыльных 10, бобылей 66, богадельщиков 11, нищих 31, новокрещенных 14, казачьих детей 12, дворовых людей 10, судовых плотников 68, промышленных людей 19, отставных служилых 119, подворников 16, итого 637 человек.

Указ Елизаветы о производстве новой, второй ревизии душ муж. пола был опубликован 17 декабря 1743 г. Подлежало переписи все податное население империи, за некоторыми исключениями. В частности не подвергались переписи «сибирские ясачные иноверцы». В указе устанавливалось, что впредь переписи должны производиться через каждые 15 лет.

Указом предписывалось вернуть на прежние места жительства всех самовольно уехавших и поселившихся лиц податных сословий, — пункт, достойный крепостнической эпохи. Перепись возлагалась «на генералитет, штап и обер офицеров». К указу прилагалась копия указа Петра I об ответственности за утайку душ.

В Сибирской губернии производством переписи ведал «генерал-маэор и нашей лейб-гвардии маэор Дмитрий Чернцов» (Фонд 75, арх. № 1215 лл. 57-65).

Для переписи населения в Илимском и Якутском уездах и Иркутска приехал «секунд-маэор» Нармацкий. 19 октября 1744 г. он потребовал от илимской воеводской канцелярии отвести для него и казаков особый дом, передать ему 6 пеших и 6 конных казаков, двух подьячих и двух сторо-

жей, а также канцелярские принадлежности: 2 аршина красного сукна на стол, оловянную чернильницу, 5 шандалов.

Все это было воеводской канцелярией исполнено. Нармацкий занял дом бывшего протопопа Петрова и принял материалы первой ревизии. Так создалась «Канцелярия Сибирской губернии Иркутской провинции ревизии мужеска полу душ от определенного в город Илимск для оной же ревизии секунд-маэора Петра Нармацкого». Первым делом этой новой канцелярии было требование Нармацкого о выдаче ему из илимской воеводской канцелярии жалования за треть года в сумме 19 руб. 50 коп. и денщику 1 руб. 33 $\frac{1}{3}$ коп., а также хлебного жалования ему и 9 солдатам (фонд 75, арх. № 1178, лл. 4-24).

Вторая перепись производилась по особой форме, и, значит, полное сопоставление показателей первой и второй ревизий невозможно. Вторую ревизию отделяет от первой четверть века.

За это время изменилось значение отдельных слоев населения в жизни страны. Поэтому вторая ревизия регистрировала одни группы населения с большей тщательностью, чем это делалось в 1719-1722 годах, и, наоборот, перестала придавать значениедробному учету других социальных групп.

Ближайшей целью второй ревизии являлось обложение подушными сборами. А так как размер подушной подати для крестьян, посадских и разночинцев был различным, то при проведении второй переписи особенное значение придавалось точному отнесению плательщика к одной из названных групп; ко времени второй ревизии средневековые внутрисословные подразделения крупных групп, т. е. посадских, крестьян и разночинцев, потеряли реальное значение.

Каждый плательщик подушной подати облагался по точно известным признакам: если он имел землю, тем более если пахал некогда государеву пашню, то считался крестьянином; если он пашни не имел, но вел торговлю или занимался ремеслом и был приписан к какой-нибудь ратуше, то считался посадским. Все прочие слои податного населения: хлебные обротчики, гулящие, крестьянские дети, бобыли, дворовые люди, жители, ссыльные и служилые люди относились к разночинцам.

Крестьяне Восточной Сибири делились только на две подгруппы: на государственных, т. е. пашенных крестьян, и монастырских крестьян. Это разделение имело смысл и в силу разницы в административном и правовом отношении и в силу различных норм податного обложения.

Поэтому в таблице 5 монастырские крестьяне (334 души муж. пола) и вкладчики (97 душ) выделены в самостоятельную группу.

Кроме того, в таблице отдельно показаны ссыльные, как резко отличная группа от всех остальных по правовому и хозяйственному положению; конечно, ссыльный до тех пор оставался в этом «звании», пока не обзаводился хозяйством или не приписывался к какому-нибудь сословию.

Общие итоги переписи мужского населения Илимского уезда, без духовенства и ясачных (фонд 75, арх. № 1530, лл. 1-479), даны в таблице 5.

Таблица 5

Группы населения	1-я ревизия (1722 г.)	2-я ревизия (1745 г.)	Удельный вес в % к итогу	
			1722 г.	1745 г.
Пашенные крестьяне	5236	7605	66,6	73,6
Монастырские крестьяне, вкладчики	222	431	2,8	4,1
Посадские	277	438	3,5	4,2
Разночинцы	2088	1535	26,5	14,8
Ссыльные	48	340	0,6	3,3
Итого	7871	10349	100,0	100,0

Наибольший рост за истекшие 23 года произошел по группе крестьян, что объясняется более нормальным составом семьи и более устойчивым хозяйственным положением крестьянина по сравнению с другими слоями сибирского населения того времени.

Иногда в илимских документах встречаются несколько другие цифры итогов первой ревизии (например, арх. № 1222, л. 568). Это объясняется тем, что илимская канцелярия вносила в первоначальные данные поправки на прибыль и убыль населения за время между первой и второй ревизиями.

Так, к 1743 году было дополнительно положено в подушный оклад после первой ревизии 167 человек, из них ссыльных — 90, разночинцев — 41, крестьянских детей — 22, крестьян и бобылей — 8, монастырских вкладчиков, отставных (дьячков, отставных служилых и т. п. — 6 человек (фонд 75. арх. № 1275, лл. 1-12).

Значит, те списки, которыми пользовались в 1744-1745 годах как ведомостями первой ревизии в действительности являлись списками лиц, положенных в подушный оклад.

В другом деле (фонд 75, арх. № 1489) имеется сводка изменений численности населения после 1723 года: отправлено на Нерчинские заводы 474 души, взято в Охотск и на Камчатку — 128, определено в службу из разночинцев — 107,

«выключено двоекратных» — 51. Приписано, главным образом из ссыльных, 144 человека.

По данным той же ревизии (фонд 75, арх. № 1216, лл. 1-763) имеются полные именные списки всех лиц, охваченных переписью.

Если подсчитать и сгруппировать эти подворные данные, то можно построить таблицу, отражающую основные изменения в численности населения Илимского уезда за 23 года. Но ввиду того, что получающиеся при этом итоги несколько отличаются от приведенных данных в предыдущей таблице, удобнее эти изменения показать в относительных величинах, именно на 100 душ населения каждой группы. Это и выполнено в таблице 6.

Таблица 6

Группы населения	На 100 душ				
	Умерло	взято в рекруты	бежало	уехало	родилось
Крестьяне государственные	28,5	5,1	1,6	11,1	87,0
Подворники этих крестьян	44,3	4,2	5,7	7,8	23,1
Крестьяне монастырские	45,7	4,4	1,4	4,4	60,3
Посадские	29,4	4,9	3,6	16,9	59,3
Разночинцы г. Илимска	36,8	6,0	3,0	17,0	48,3
В среднем	32,3	5,0	2,5	10,7	72,4

Нетрудно заметить резкую разницу в динамике разных слоев илимского населения, отраженную в приведенной таблице. Особенно сильно проявляется это различие между крестьянами и подворниками. Относительная смертность среди крестьян более чем в 1½ раза ниже, а рождаемость почти в 4 раза выше, чем у подворников. Крестьянин, как правило, имел полную семью, в то время как среди подворников семейных было очень мало и преобладали лица старших возрастов. Случаев бегства среди крестьян (на 100душ) наблюдалось в 3½ раза меньше, чем среди подворников, так как крестьянин имел несравненно более устойчивое хозяйство, чем подворник.

Состав подворников был очень сложным. На подворье у пашенного крестьянина, казака, священника могли проживать самые разнородные элементы населения, как правило, малосостоятельные, бесхозяйственные слои, из которых пашенный крестьянин черпал нужную ему дешевую рабочую силу.

В подворниках можно было встретить и потерявшего свой двор пашенного крестьянина, и обротчика, и бобыля, и осколки разных слоев местного населения, искавшие в Илимской деревне заработка.

Но переписи 1745 года было учтено 926 подворников, из них крестьян и обротчиков 457, бобылей 35, гулящих людей 180, работников или «работных» 9, новокрещенных 43, нищих 23, дворовых людей 9, «присыльных» 163, отставных служилых 7.

Из подворных переписей можно извлечь подробные данные о судьбе 554 гулящих: в течение 23 лет умерло 350 человек, или 63,2%, бежало 47. А родилось за то же время только 74 души муж. пола, или 13,4 человека на 100 душ (у крестьян 87 человек на 100 душ, т. е. в 6½ раза больше).

Социальное положение обрекало гулящего человека, т. е. батрака, на безбрачие.

Может показаться, что пашенные крестьяне давали больший, чем остальные слои населения, процент ухода в другие уезды. Но анализ цифр показывает обратное. Сами, по своей воле, крестьяне крайне редко покидали насиженное место. Из 637 душ муж. пола пашенных крестьян беглых оказалось только 66, «сошедших собою» 15 и переселившихся на почтовые станции 21. Остальные простились с родными краями по велению начальства: 426 душ переселилось на Аргунь, и Дауры», 58 — в Якутск, Охотск и на Камчатку, 18 — на Китайскую границу, 11 — в Иркутский уезд, 22 — взято и партию Шестакова.

По отдельным волостям илимское население в 1745 году распределялось так (таблица 7):

Кроме того, в Илимском уезде проживало 160 церковнослужителей и их детей муж. пола.

После окончания ревизии началось, согласно 10 пункта инструкции, переселение за счет хозяев-держателей тех пришлых людей, которые не имели паспорта.

С лиц, державших таких «беглых», взыскивалось после 1 января 1744 года, т. е. после официального срока отвоза, по 10 рублей за каждую мужскую и по 5 рублей за женскую душу.

Всего по Илимскому уезду подлежало выслать «на держателевых коштах» 173 человека. С их хозяев было взыскано 1155 рублей, но в действительности ни один человек не был отправлен на покинутую им некогда родину (фонд 75, арх. № 1222, лл. 502-514).

В одном из дел, посвященных второй ревизии (фонд 75, арх. № 1261, лл. 11-26), имеется список лиц, с которых был взыскан штраф за держание 86 беспаспортных. Так как хозяева держали подворников как рабочую силу, то совершенно естественно, что главная часть штрафов упала на кре-

Таблица 7

г. Илимск и волости	Душ муж. пола					
	крестьяне государст- венные	крестьяне монастыр- ские	посад- ские	разно- чинцы	ссылные	итого
г. Илимск	—	—	126	136	49	311
Верхне-Илимская	98	—	—	18	7	123
Нижне-Илимская	871	—	17	103	44	1035
Усть-Кутская	359	—	22	128	19	528
Криволуцкая	593	—	—	72	5	670
Киренская	487	221	64	105	8	885
Чечуйская	811	—	—	55	⁶	872
Орленская	390	—	—	78	9	477
Тутурская	386	—	—	23	1	410
Илгинская	880	79	25	239	4	1227
Ново-Удинская	335	—	10	53	28	426
Яндинская	572	—	21	297	42	932
Братская	999	131	153	171	52	1506
Барлукская	295	—	—	29	14	338
Кежемская	264	—	—	17	31	312
Тулунский погост	265	—	—	11	21	297
Итого	7605	431	438	1535	340	10349

стьян, ибо крестьяне (зажиточные) эксплуатировали наемный труд больше, чем какой-либо другой слой населения Илимского уезда.

С отдельных крестьян взят штраф за держание 34 беспаспортных, с обществ крестьян — за 22 человека, с служилых людей — за 7, с управителя Воинова — за 4, с посадских — за 4, с игумена Киренского Троицкого монастыря — за 9, с винного откупщика — за 4 и с монастырских крестьян — за 2 человека. Значит, крестьяне заплатили почти 70% суммы штрафа.

Поплатился также «за держание гулящих» в Тыптинской и Захаровской деревнях и Якутский Спасский монастырь, с которого поручик Ачкасов, помощник Нармацкого, потребовал 370 рублей штрафных денег (фонд 75, арх. № 1232, л. 15).

Но бессмысленность возврата на прежние места жительства осевших в Сибири крестьян была очевидна и правительству. Однако лишь перед третьей ревизией, 12 июля

1760 года, Сенат принял решение: «Обретающихся ныне в Иркутске по их художествам и желаниям единственно черносошных государственных (в скобках было сказано: «кроме помещичьих, дворцовых, архиерейских и монастырских») крестьян, не высылая на прежния жилища, в цехи записать и впредь... таких черносошных крестьян... кто жить пожелает, записывать позволить». Сенат предписал строго соблюдать, чтобы «помещиковы» и другие лично несвободные крестьяне «без увольнительных писем» нигде не проживали.

На основании сказанного Сенат отклонил просьбу устюжской провинциальной канцелярии о возврате из Иркутской провинции всех «государственных черносошных крестьян... на держателевых подводах» (Фонд 75, арх. № 2496, лл. 168-169).

Вторая ревизия душ муж. пола закончилась в марте 1745 года. 19 марта Нармацкий потребовал от илимской воеводской канцелярии дощаник с двумя лодками и отправился обратно в Тобольск (Фонд 75, арх. № 1226, л. 41).

В промежутке между второй и третьей ревизиями в учетные данные 1745 года вносились незначительные изменения, главным образом по зачислению новых, «прибылых» душ. Ни рождавшиеся, ни умиравшие лица при этом в расчет не принимались.

За десять лет, протекших со времени второй ревизии, было вновь положено в подушные оклады только 117 душ. Таким образом, в течение XVIII века илимское население увеличивалось почти исключительно за счет естественного прироста.

Из 117 душ зачислено: в купечество 21 человек, в разночинцы 52 и в крестьяне 44 человека (Фонд 75, арх. № 2129, лл. 6-8). Эти 117 человек происходили из самых разнородных групп, в их числе было 10 ссыльных, 17 крестьян, 30 крестьянских детей, 14 детей церковнослужителей, 7 человек, вернувшихся из бегов; кроме того, среди них встречались казачьи дети, вкладчики, незаконнорожденные и приехавшие из других уездов.

Еще раз изменения в перепись были внесены в 1757 году: причислено 125 и отчислено 609 душ муж. пола, главным образом рекрутов (Фонд 75, арх. № 2374, лл. 82-85).

Печатный указ Сената о производстве третьей ревизии был препровожден в Илимск обер-секретарем 27 декабря 1761 г. вместе с указом и формами, по которым должна была вестись перепись населения (Фонд 75, арх. № 2654, лл. 1-6).

Третья ревизия, в отличие от второй, должна была, согласно печатному указу Сената от 20 декабря 1761 г., производиться по местам, без посылки особых чиновников. Всем делом переписи ведали губернские, провинциальные и вое-

водские канцелярии. Сказки о числе душ подавались по дворцовым, синодальным и монастырским вотчинам — их управителями, по владельческим крестьянам — помещиками, по посадским — магистратами и ратушами. Сказки о «государственных же чернососных крестьянах», к которым приравнивались пашенные крестьяне Сибири, было велено брать у выборных и сотских».

Срок подачи сказок устанавливался в 5 месяцев. Впрочем, каждому «скаскоподателю» предоставлялось дополнительно 2 месяца, чтобы он мог «еще осмотреться» и заявить об утайке душ. После этого срока Сенат грозил послать ревизоров. Указ заканчивался обычным вынужденным жестом: «и при взятые сказок... обывателям волокит не чинить и взятки отнюдь не брать» (Фонд 75, опись 2, арх. № 961, л. 12).

Жест этот не означал ничего иного, кроме признания взяток обыденным, хотя и нежелательным, но неустраняемым явлением.

По третьей ревизии учитывались и души женского пола. Но так как за утайку их не полагалось никакого наказания, то перепись женщин велась спустя рукава. Вследствие этого нет возможности противоречивые, неполные первичные данные свести в достоверные итоги.

Впрочем, и вся постановка переписи 1762 года оказалась порочной, и результаты ревизии нужно признать неудовлетворительными.

Основные материалы третьей ревизии по Илимскому уезду сосредоточены в шести делах (томах) 1762 года (Фонд 75, опись 2, арх. №№ 946-951).

Из этих громоздких материалов можно извлечь связанные данные только по 10 волостям и по монастырским деревням.

Данные о числе душ муж. пола по 10 волостям и по монастырским деревням сведены в таблицу 8.

Таблица 8

Группы населения	1745	У б ы л о				Прибыло		1762
		умерло	бежало	взято в рекруты	уехало	переселилось	родилось	
Государственные крестьяне и разночинцы	6224	1616	237	299	691	96	3144	6621
Монастырские крестьян и вкладчики	420	125	9	21	12	10	212	475
Итого	6644	1741	246	320	703	106	3356	7096

Как видно из приведенных в таблице данных, прирост населения за 17 лет составил только 6,8%. Смертность населения следует признать невысокой. На 100 душ, числившихся по 2-ой ревизии, умерло в течение 17 лет 26 человек. Число бежавших сильно уменьшилось по сравнению с первой половиной XVIII века и составляло на 100 душ 3,7 человека. Из каждых 100 душ взято в рекруты 4,8 и уехало с места приписки 10,6 человека. Из 703 человек, уехавших в другие уезды, 346 были переселены, главным образом в Иркутский уезд, а 357 переселилось самовольно, преимущественно на станции Московской дороги.

Если выделить разночинцев, то окажется, что число их по 10 волостям уменьшилось с 1069 до 987 человек, т. е. на 7,7%. Значит, сравнительно слабый рост населения объясняется продолжавшимся сокращением численности разночинцев. Причины последнего явления были объяснены при анализе данных второй ревизии.

Неудовлетворительный ход третьей ревизии, затянувшейся на 3 года, заставил правительство издать 17 февраля 1763 г. сенатский указ о прекращении переписи и об отмене ответственности «сказкоподателей» за утайку душ. Запоздалой угрозой звучали слова указа: «но впредь с таковыми поступать наистрожайшим образом», помещиков за утайку душ лишать чинов «и из числа честных извергнуть» (Фонд 75, опись 2, арх. № 932, л. 11).

Илимская воеводская канцелярия сообщила в Сенат, что сказки, а также именная и краткая ведомости отосланы были в Иркутск 21 февраля 1763 г., т. е. с опозданием на полгода.

Все это говорило о неудаче переписи.

С какими-то целями илимская воеводская канцелярия собирала в 1771 году сведения от волостей о незаконнорожденных. Сохранились ответы 7 приказных изб на указанный запрос Илимска (Фонд 75, арх. № 3327, лл. 457-486 и № 3334, лл. 82-84).

Чтобы представить важность таких данных для понимания хозяйства и быта народа, нужно помнить, что каждый случай внебрачного рождения влек за собой судебное следствие и наказание как за противозаконное деяние. Конечно, рождение ребенка без брака его родителей часто происходило по очень случайным, индивидуальным причинам, разбирать которые бессмысленно. Но как массовое явление рождение внебрачных детей отражало глубокие противоречия между внешними религиозными правилами официальной церкви и живой жизнью народа.

В 7 волостях, приславших данные о 123 незаконнорожденных, числилось по третьей ревизии около 8000 душ обо-

его пола. Значит, из каждых 100 жителей 2 (точнее — 1,6) являлись незаконнорожденными.

В крестьянской среде не делалось различия между детьми, прижитыми в браке и родившимися вне его. Незаконнорожденные имели обычные права крестьян. Многие из них воспитывались обоими родителями, но большинство являлось сиротами и относилось к необеспеченной части населения.

Когда производилось новое разделение Иркутской губернии на уезды, то Екатерина II, рассмотрев соображения иркутской губернской канцелярии и мнение Сената, 31 января 1775 г. утвердила не только состав уездов, но и распределение по уездам населения Иркутской губернии (Фонд 2. арх. № 4, лл. 2-18).

Данные о числе жителей Иркутской губернии, составленные на основании третьей ревизии, последний раз в истории Илимского уезда отразили численность населения.

Из ведения Илимска уходили в Балаганское комиссарство Ново-Удинская и Барлукская слободы, Яндинский острог и «станцы» Московской большой дороги: Тайтурский, Заларинский, Кутуликский, Зиминский, Кимильтейский, Шерагульский и Тулуновский. В названных трех волостях и в 7 «станцах» проживало 3473 души муж. пола.

В таблице 9 показано число душ муж. пола по всему Илимскому уезду ко времени образования новых уездов и комиссарств, т. е. к 1775 году. Численность населения, как отмечено, дана по итогам третьей ревизии.

Таблица 9

Группы волостей Илимского уезда		Крестьяне	Посадские	Разночинцы	Ясачные	Итого
1.	Отходящие в Балаганское комиссарство	2629	34	810	—	3473
2.	Переданные в Илимское комиссарство	2882	400	522	911	4715
3.	По Лене реке"	4718	134	738	—	5590
	Итого	10229	568	2070	911	13778

Эти данные можно сопоставить с итогами второй ревизии; численность всего населения возросла на 22,6%, в том числе крестьян на 24,3%, разночинцев на 10,6%.

В число разночинцев включены служилые люди и беломестные казаки.

Общая численность русского населения Илимского уезда, включая и лиц женского пола, составляла в 1722 году, т. е.

по первой ревизии, около 14400 человек, к 1745 году, согласно второй ревизии, она возросла примерно до 20600 человек, а к 1762 году, когда проводилась третья ревизия, достигла 25700 человек.

Все русское население Восточной Сибири, т. е. Иркутской губернии, по третьей ревизии составляло 37037 душ муж. пола.

Распределение его по уездам приведено в таблице 10 (по данным губернской канцелярии).

Таблица 10

Уезды Иркутской губернии	Душ муж. пола				
	крестьян	посадских	цеховых	разночинцев	итого
Иркутский	7308	2288	742	2765	13103
Илимский	10068	568	—	2070	12706
Селенгинский	4557	1683	1087	1327	8654
Якутский	394	460	—	1720	2574
Итого	22327	4999	1829	7882	37037

Население Селенгинского уезда показано вместе с Нерчинским уездом, причем в состав последнего не включены горнозаводские рабочие.

Как следует из таблицы 10, главную часть русского населения Восточной Сибири составляли крестьяне. По численности крестьянского населения Илимский уезд до конца своего существования стоял среди других уездов Восточной Сибири на первом месте. В Илимском уезде в 1762 году проживало 45,1% крестьян Восточной Сибири.

Можно, кстати, отметить, что по тем же материалам в Восточной Сибири насчитывалось 73293 души муж. пола ясачных народов, в том числе в Илимском уезде только 911 человек. Значит, в отличие от всех уездов Восточной Сибири население Илимского уезда состояло почти сплошь из русских.

Указ о новой, четвертой ревизии был опубликован Сенатом 10 декабря 1781 г. Предполагалось закончить перепись июлю 1782 года, а по Сибири — к 1 января 1783 г. (Фонд 2, арх. № 293, лл. 42-44).

Порядок проведения переписи сохранялся прежний, но только ведомости о душах муж. и жен. пола государственных крестьян выборные и сотские подавали не в воеводскую канцелярию, а в нижний земский суд. Городничие — по городам, нижние земские суды — по уездам проверяли правильность сказок и отсылали их в губернские канцелярии.

Итоги 4-й ревизии по Киренскому уезду, построенные на основании двух дел (Фонд 2, арх. №№ 566 и 762), показаны в таблице 11.

Таблица 11

Население Киренского уезда	Душ муж. пола	
	1762 г.	1783 г.
Крестьяне государственные	5955	7314
Крестьяне экономические	469	546
Служилые люди	191	144
Купцы и мещане	434	236
Ясачные	678	643
Итого	7727	8883

Часть ясачных ко времени проведения четвертой ревизии была переведена в Балаганский уезд. Кроме этого населения, было учтено еще церковнослужителей и членов их семей 131 человек. Четвертая ревизия по качеству материалов стоит на одном уровне с третьей. Киренский земский исправник Сычевский потребовал в 1794 году от волостей пересоставить ведомости по единым формам, «ибо во всех почти сказках... слечение выведено весьма несправедливо»; дать общеуездную сводку данных переписи было, по мнению исправника, невозможно, «чему причиною разность форм при сочинении их по недоумению волостных писцов» (Фонд 9, арх. № 4, лл. 550-554).

Сенатским указом 21 сентября 1794 г. было объявлено «о учинении новой по государству генеральной ревизии» на основании порядка, установленного при проведении четвертой переписи. Переписные бланки рассылались на этот раз заблаговременно, и желающие могли приобретать их по деньге за лист. Устанавливался срок окончания пятой переписи к 1796 году. Городничие и нижние земские суды были обязаны проверить сказки, свести их в ведомости и представить (по Сибири) в нижние расправы. В губернских городах все сведения сосредоточивались в казенных палатах, которые сводные данные о населении губернии представляли в Сенат (Фонд 9, арх. № 166, лл. 49-50).

Вскоре, 5 декабря 1794 г., последовал указ иркутского наместнического правления о производстве пятой переписи по губернии, и на места поступили разъяснения казенной палаты.

После окончания переписи по Киренскому уезду поволост-

ные данные о численности населения поступили на проверку в Киренскую нижнюю расправу и последняя обнаружила в них много погрешностей, о чем она писала 19 ноября 1795г. так: «ревизские скаски... оказались законным правилам весьма несходны и неверны» и вернула перепись в нижний земский суд для исправления (Фонд 9, арх. № 166, лл. 68-70).

После внесения поправок перепись была утверждена иркутской казенной палатой, которая велела 15 сентября 1797 г. считать 1796 год последним годом новой ревизии и с этого времени исчислять новые оклады подушных податей.

Итоги переписи по душам муж. пола казенная палата сообщила киренскому уездному казначейству и нижнему земскому суду (Фонд 9, арх. № 175, лл. 153-155). Итоги пятой ревизии приводятся в таблице 12.

Таблица 12

Группы населения	4-я ревизия 1783 г.	5-я ревизия 1796 г.	Состав населения в %	
			1783 г.	1796 г.
Крестьяне государственные	5269	5361	85,5	77,1
Крестьяне экономические	378	508	6,2	7,3
Купцы г. Киренска	9	30	0,1	0,4
Мещане г. Киренска	74	96	1,2	1,4
Дворовые люди	2	2	—	—
Ясачные тунгусы и буряты	430	962	7,0	13,8
Итого	6162	6959	100,0	100,0

По этой таблице нельзя судить о динамике населения, так как в составе волостей Киренского уезда за время, протекшее между 4 и 5 ревизиями, произошли некоторые перемены. Но по ней можно заключить, что Киренский уезд остался чисто крестьянским уездом. За это время Кежемская слобода перешла в Енисейскую округу Тобольской губернии, из Туруханской округи были перечислены в Киренский уезд (округу) Нижне-Тунгусская государственная и экономическая волости, а также Кондогирская и Курейская ясачные волости, в состав Киренских волостей вернулась Верхне-Илимская слобода, а Тыптинская заимка ушла под ведение Иркутска.

Но из материалов переписи (Фонд 9, арх. № 166) можно сделать выборки по 9 волостям, по которым имеются связ-

ные и сопоставимые данные о числе душ обоего пола. В таблице 13 даны итоги числа душ муж. пола по этим 9 волостям.

Таблица 13

Показатели	Число душ муж. пола	На 100 душ по 4 ревизии
Было по 4 ревизии в 1783 г.	3921	100,0
Умерло	859	21,9
Взято в рекруты	239	6,1
Выбыло в другие места	163	4,2
Родилось	1551	39,6
Учтено по 5 ревизии, 1796 г.	4221	107,4

Общий прирост крестьянского населения выразился за 13 лет в 7,4%. Число бежавших составляло ничтожную величину. Вообще уход крестьян в другие волости и уезды, как по разрешению властей, так и самовольно, резко сократился, и крестьянское население являлось устойчивым, увеличиваясь за счет естественного прироста.

При проведении пятой ревизии в Киренском уезде довольно тщательно учли число женщин.

В 1783 году на 100 мужчин приходилось 104,9 женщины, а в 1796 году — 107,4 (Фонд 9, арх. № 166, лл. 64-66). Меньшее число лиц муж. пола объясняется набором рекрутов и уходом более подвижной, мужской части населения за пределы уезда. В упомянутых 9 волостях числилось 1330 дворов, из них 154 двора, или 11,6%, возглавлялись вдовами. На каждые 100 душ, как отмечено выше, крестьяне поставили 6,1 рекрута, а вдовьи дворы поставили в 1½ раза больше — 9 рекрутов на 100 душ. Это значит, что при выборе рекрутов крестьяне не считались с положением вдов и вообще слабых хозяйств.

И хотя на один вдовый двор приходилось лишь 2 души муж. пола, а на один обычный крестьянский двор — 3 души, выборы рекрутов больше затрагивали именно вдов, может быть, не умевших оказывать сопротивления нарушению их прав.

По 9 волостям в 1796 году имелось 124 селения, в которых было 1330 дворов. На одно селение приходилось 10,2 двора, а на один двор 3,2 души муж. и 3,3 души жен. пола, всего 6,5 души.

Обращаясь к оценке качества пятой переписи, нужно признать его достаточно высоким, во всяком случае этот

учет по точности данных не уступает ни одной из предшествующих ревизий. Тогда впервые достаточно полно были учтены женщины. Но у последней ревизии имелись существенные недостатки: она оперировала только начальными и конечными величинами населения: было-стало. Она не пыталась связать эти величины учетом прибыли и убыли людей, хотя бы по главным показателям. Лишь посредством пересчета первичных материалов переписи можно, хотя и не по всем волостям, выбрать и суммировать эти важные показатели динамики илимского населения.

После пятой ревизии киренский нижний земский суд вел ежемесячный учет изменения населения уезда по рубрикам умерло, родилось, а также подсчитывал помесечно число браков. Такой учет сохранился, например, за 1799 год (Фонд 9, арх. № 214, лл. 126-128).

Полостные мирские избы также вели учет населения, используя эти данные при наборе рекрутов и сборе подушных денег.

По рапортам 13 мирских изб, за 1799 год числилось в 178 деревнях 1652 дома, в которых проживало крестьян 5530 душ муж. пола и прочих 34 души. На один дом приходилось, следовательно, 3,4 души муж. пола (Фонд 9, арх. № 217, лл. 1-121).

Таковы данные об изменении численности илимского населения за 75 лет. Илимский уезд продолжал оставаться в течение этого времени краем, населенным почти исключительно русскими, и в этом отношении резко отличался от всех других уездов Восточной Сибири. Главную часть населения Илимского уезда составляли государственные крестьяне, носившие до середины XVIII века название пашенных крестьян.

По количеству крестьянского населения Илимский уезд в течение почти всего XVIII века занимал среди прочих уездов Восточной Сибири первое место, несмотря на многократные отписки южных земледельческих волостей к Иркутскому уезду. Лишь последние перетасовки волостей, произведенные в конце столетия, в результате которых наиболее населенные и хлебородные волости Илимского края отошли к сопредельным уездам, поставили Киренский уезд на второстепенное место.

Можно также отметить, что наиболее нормально строились крестьянские семьи, так как сельскохозяйственное производство требовало устойчивости людского состава крестьянского двора. Впрочем, средний размер крестьянской семьи в течение XVIII века несколько уменьшился. Объяснение этому следует искать в том, что крестьянину теперь почти не приходилось осваивать новые земли, как это делал он в XVII веке. Обработка освоенных земель была под силу мень-

шему семейному коллективу, она была гораздо легче, чем разделка пашни из-под леса. Деды и прадеды облегчили труд внуков и правнуков. Устойчивость крупных крестьянских семей в XVII веке объясняется также и тем, что тогда существовал единственный признак государственного обложения — двор, независимо от числа проживавших в нем людей. Крестьянину легче было нести государево тягло много-семейным двором. Но в первой четверти XVIII века вводится подушное денежное обложение, и, значит, теряются выгоды многосемейного двора, по крайней мере в платеже денежной подати.

Крупный многосемейный двор в XVIII веке перестает быть массовым, нормальным явлением, но он остается как основа крупного производства в немногих, кулацких хозяйствах. Если в XVII веке многосемейный двор был типичным для среднего крестьянина, то в XVIII веке он становится типичным для зажиточного крестьянина — кулака.

Наконец, по ревизским сказкам можно хорошо проследить, как упрощалась постепенно сложная структура населения, еще так недавно, в конце XVII века, делившегося на многие слои, группы и подразделения, свойственные средневековью.

Сперва, к началу XVIII века, исчезли промышленные и торговые люди, захребетники, оброчники, затем настала очередь за гулящими, подворниками, бобылями. С введением подворного хлебного обложения сошли со сцены хлебные и поголовные обротчики. Перестали встречаться такие названия, как крестьянские дети, отставные крестьяне.

После секуляризации монастырских вотчин остается еще несущественная разница между государственными и монастырскими крестьянами, но и она постепенно исчезает и к концу XVIII века становится неуловимой. Таким образом, в сибирской деревне падает внутрисословное деление, и класс крестьян принимает общую сословную оболочку. Но одновременно резче, чем в XVII веке, выделяется группа зажиточных крестьян, крестьян-предпринимателей, крестьян-кулаков и группа деревенской бедноты и батраков.

Существенные изменения произошли и в делении на средневековые сословные группки служилых людей. В первой четверти XVIII века исчезают судовые плотники, дети плотников, отставные плотники (дощаничные, барочные, струговые и т. д.). Затем теряют значение атаманы, сотники, пятидесятники и десятники казачьи, дети боярские и сибирские городовые дворяне. К концу века ликвидируется как особая группа, беломестное казачество и превращается в крестьян, падает деление на пеших и конных казаков. Служилые люди столь разнообразных наименований превращаются в две простых и обособленных группы — казаков.

состоявших на иррегулярной военной службе, и канцеляристов, т. е. низших чиновников.

Из сборной и сложной группы посадских выделяются два резко ограниченные сословия с определенными классовыми признаками: купцы (они же предприниматели) и ремесленники; оставшаяся часть посадских с неопределенными занятиями получает новое название — мещан.

Все эти перемены совершались постепенно, в течение целого столетия, и отражали медленный, приторможенный крепостничеством процесс экономического развития России: рост мануфактур, общероссийской торговли, выход на международный рынок.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Освоение такой громадной страны, как Сибирь, неизбежно было связано с передвижкой крестьян из освоенных и населенных частей Сибири в малолюдные.

Одни передвижки производились, властями по особым указам, другие происходили самовольно.

В течение XVIII века власти предприняли несколько переселений крестьян из Илимского уезда в другие края Сибири: на Аргунь (об этом изложено в 1 томе «Илимской пашни»), в Якутск, в ОХОТСК, на Камчатку и на китайскую границу. Кроме того, было переселено некоторое число крестьянских дворов из ленских волостей Илимского уезда в пределы Иркутского и Балаганского уездов. Немало илимских крестьян переселилось в XVIII веке по своему почину на Московскую дорогу.

В итоге этих передвижек илимские крестьяне появились в самых отдаленнейших углах Северо-Восточной Сибири, на Крайнем Востоке, в Забайкалье и вдоль путей, по которым прошла впоследствии великая сибирская железная дорога.

Одни отряды илимских крестьян, переведенные казенною рукою на безлюдные окраины окраин, затерялись, не оставив следа своей земледельческой деятельности, зато другие, особенно перешедшие на новые места по своей охоте, заложили там прочные основы русского хлебопашества.

Самыми мучительными переселениями, предпринятыми казною в Илимском уезде, был перевод крестьян в Якутск, в Охотск и на Камчатку.

На основании указа иркутской провинциальной канцелярии от 5 августа 1733 г. Илимск посылает в ленские волости сына боярского Петра Завьялова отобрать 50 крестьянских семей для поселения около Якутска. Завьялов должен был ехать в Киренскую, Чечуйскую и Криво-луцкую волости «с великим поспешением, денно и нощно, не мешкав нигде

ни часа», и там выбрать «крестьян, лутчих людей», после чего отослать их на плотях в Якутск. На переезд 50 семей выдается из кабацких сборов 500 рублей, по 10 рублей на семью. Пропитание себе и корм для скота крестьяне должны были запасти на дорогу сами (Фонд 75, арх. № 496, лл. 122-123).

Сопровождение переселенцев возлагалось на илимских служилых людей — Филипа Мамонтова и Бориса Караулова. Весной 1734 года один плот из Киренского острога, 2 плота из Криволуцкой слободы и 3 плота из Чечуйского острога, нагруженные поселенцами, отправились в дальний путь. Но служилый Мамонтов самовольно оставил 19 семей дома. За это последовал приговор: «вместо смертной казни учинить жестокое наказание — бить кнутом и, вырезав ноздри, послать на вечное житье в Охоцк з женою и з детьми в число тех переведенцов» (Фонд 75, опись 2, арх. № 172).

Прибывшие в Якутск илимские крестьяне подверглись осмотру — были «освидетельствованы» якутским воеводой Заборовским. Признанных годными он велел «поселить в удобных местах по разсуждению морского флота капитана- командора Беринга». Негодных оказалось 7 человек, а двое умерли.

С крестьян, оказавшихся, по мнению якутских властей, негодными, взыскивается выданная им 10-рублевая ссуда, а за умерших расплачиваются их родственники.

Итак, оторванных от хозяйства крестьян заставляют плыть в Якутск и там их, проделавших многотрудный путь, осматривают, как скот, бросают негодных к поселению на произвол судьбы, не забыв отобрать у них предварительно последние деньги.

Вместо негодных воевода Заборовский требует выслать из Илимска 10 человек «пашенных крестьян других, молодых, здоровых, прожиточных и к поселению в переведенцы годных и семьянистых пашенных крестьян з женами и з детьми и с их крестьянскими животы и с хлебом» (Фонд 75, арх. № 561, лл. 508-513).

При отборе на поселение несколько крестьян жаловались на несправедливость старост и десятских. Один заявил, что его назначили «для поселения в Якуцк, в Охоцкой острог в семейшики..., согласясь, не вем по какой злобе». Воеводская канцелярия запросила старосту и десятских, как они выбирали «в семейшики» (писали также — «в посельшики»), а если выбирали, то «со всего ли мирского совету или сами собою» (Фонд 75, арх. № 926, лл. 112-116). Другое заявление было сделано от имени мира выборным крестьянином Ново-Удинской слободы. Суть заявления заключалась в просьбе вернуть в волость крестьянина, выбранного на поселение вместо негодного. Иркутский вице-губернатор Лоренц

Ланг, разбиравший заявление, был вынужден согласиться с доводами мирского челобитчика и приказал вернуть поселенца домой (Фонд 75, опись 2, арх. № 285, лл. 86-87).

В 1740 году происходило второе дальнейшее переселение илимских крестьян в Охотск и на Камчатку. В Братском остроге отобрали целая группа крестьян во главе со старостой Ермаковым (дети его сразу же бежали) и пятью десятскими. «Семьянистых» крестьян набралось 10 дворов. Впрочем, один десятский и двое крестьян бежали еще до отъезда партии на Восток (Фонд 75, опись 2, арх. № 286, лл. 43-44).

Вскоре побежали и остальные. Староста побежал по следу своих сыновей; все десятские, глядя на старосту, побежали в свою очередь, а за ними последовали «семьянистые» крестьяне. Один при наборе заявлял, что он стар, но когда представилась возможность, он бежал не хуже молодых. Двое во время набора лежали «в немощи». Когда же пришло время бежать, то они увлекли за собой и сыновей и братьев. Так исчезла вся партия (Фонд 75, опись 2, арх. № 232).

Власти думали, что переселение обществом, во главе со старостой, будет более надежным. В действительности, все вышло иначе: артель легче договорилась о бегстве.

Староста и десятские за отбор негодных крестьян-поселенцев и «за умедление» были биты плетью (Фонд 75, опись 2, арх. № 317, лл. 12-17).

По илимскому фонду невозможно проследить за судьбой илимских крестьян, заброшенных на крайний восток империи. Несомненно им пришлось до дна испить горькую чашу пионеров земледелия в безлюдных и суровых краях. Они сразу же оказались без хлеба и без семян. Об этом можно судить на основании неоднократных требований Охотского порта о посылке из Илимска хлеба для посельщиков.

Если своих же русских крестьян казна переселяла, не считаясь с их интересами и щепетильно подсчитывая каждую копейку расхода государственных денег на это дело, то в других случаях она проявляла заботливость и забывала счет деньгам.

Иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг 16 ноября 1739 г. обратился в Сенат с просьбой оказать помощь иностранцам, пожелавшим переселиться из Петербурга в Иркутск. Это были сапожник Брехт из Гамбурга, сапожник Бергард из Брауншвейга, перчаточник Петерлин из Саксонии, столяр Клифер «Прусской земли», два серебряника, седельник и портной.

Сенат согласился выдать каждому «на ссуд» по 60-150 рублей и освободил их от платежа прогонов.

Но уже в 1743 году все эти иностранцы покинули Иркутск и выехали в Москву, так как «пользы никакой себе от

мастерства не имеют... Всякой в Ыркуцке харчъ и протчее очень дорого покупают... Промышленных сапожников и протчих мастеровых людей многое число здесь имеется»¹.

Сибирская губернская канцелярия велела 22 мая 1735 года поселить 30-50 крестьянских семей на границе с Китаем «впредь для содержания караванных табунов и протчаго». Точного места поселения не указывалось: «поселить при границе, где пристойно, на пахотных местах», но можно полагать, что хлебопашество насаждалось вблизи путей на Кяхту. В указе иркутского вице-губернатора Плещеева, посланном 20 февраля 1736 г., говорилось, что надлежит подбирать крестьян, бобылей и захребетников «з женами и з детьми, добрых, которые б к поселению и к пахоте были угодны» (Фонд 75, арх. № 683, лл. 24-26).

Отбор поселенцев производился в волостях одного только Илимского уезда «ис крестьян, из бобылей, из захребетников, которые в оборочной правиапнт не положены».

Для отбора 10 семей из Братского острога и Барлукской слободы туда выехал иркутский сын боярский Кондратов, который вместе с приказчиком и старостой подбирал будущих поселенцев. В составе 10 отобранных семей имелось 60 душ. Затем 10 семей было выделено из оборотчиков Яндинской и Ново-Удинской волостей. На земли ушедших к китайской границе крестьян Ново-Удинской слободы илимская воеводская канцелярия поселила 5 ссыльных (Фонд 75, арх. № 613, лл. 94-95, 113-115, 144-148).

Вскоре один поселенец бежал с дороги, но вместо него был выделен другой крестьянин.

Переходим к принудительному переселению ленских крестьян.

Причина переселения крестьян ленских волостей очень ясна: крестьяне здесь были неразумно переобложены подворными хлебными платежами, введенными в 1728 году, и поэтому вечно оставались недоимщиками. Чтобы склонить воеводскую канцелярию к отсрочке платежей, крестьяне почти ежегодно подавали «доношения» о наводнении, морозе, кобылке, засухе, причинявших им крупные потери. Воеводская канцелярия проверяла эти заявления, чаще всего спустя рукава, находила доводы крестьян справедливыми и давала отсрочку платежей до будущего урожая. Но в следующем году все начиналось сначала. Заявления крестьян передавались в Иркутск, в Сибирский приказ, доходили до Сената. В конце концов, сложилось общее мнение властей не о порочности системы обложения ленских крестьян, а о невозможности вести земледелие в ленских волостях.

24 августа 1749 г. Сибирский приказ передал в Сенат представление иркутской провинциальной канцелярии «о переводе живущих в Ыркуцкой правинции по Лене реке на острогах и слободах крестьян за недородом в тамошних местах от вытопления и разнесения Леною рекою насеенного хлеба — по другим слободам». Сенат не полюбопытствовал — а какого мнения придерживаются на счет переселения сами ленские крестьяне, и 12 сентября принял решение о переводе этих крестьян «в удобные места порядочно, дабы тот перевод с пользою мог быть» (Фонд 75, опись 2, арх. №504, л. 50).¹

Сенатское решение было подлинно, в настоящем и полном смысле этого слова, чиновничьим решением, увенчавшим всю казенную, канцелярскую переписку о живых людях, о жизненных вопросах, о действительных нуждах ленских крестьян жестоким указом о сселении просителей.

В октябре 1749 года илимская воеводская канцелярия же дает распоряжение по ленским волостям о выборе двух дворов из каждого десятка для переселения в Иркутский и Балаганский уезды.

В течение 1750 года из деревень Усть-Кутского острога согласно этому распоряжению были высланы «с 39 домов от 10 по 2 семьи, итого 7 семей и с их семейством» (Фонд 75, опись 2, арх. № 544, л. 22).

В мае 1750 года 10 семей киренских крестьян (131 душа обоего пола) переводятся «в Балаганской дистрикт». Им была дана 3-летняя льгота в платеже провианта «для дального тех крестьян собственным коштом переводу». После минования 3 лет с них надлежало взыскивать обычный хлебный оклад, т. е. по 60 пудов со двора в год. Лоренц Ланг велел выдать переселенцам на семена и на пропитание ссуду по 15 пудов ржи на каждую душу, итого 1965 пудов, с возвратом хлеба «как оные крестьяне в пахоте и в севе обзаведутся и по воли божией урожай хлебу будет». Отсрочек и льгот по подушному сбору переселенцам не давалось. Тогда же из Чечуйского острога прибыло 23 семьи (323 души обоего пола), которые селились в Балаганском уезде на тех же основаниях, как и киренские «переведенцы» (Фонд 75, арх. № 1764, лл. 46-47).

Всего было переселено в Иркутский и Балаганский уезды 55 семейств ленских крестьян или 339 душ муж. пола, т. е. около 700 человек.

Крайнее обременение крестьян Чечуйской волости подводной гоньбой вдоль Лены до Витимской слободы вызывало на протяжении нескольких десятилетий многочисленные жалобы чечуйских крестьян.

¹ См. также фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 36/1881, лл. 464-472.

Первые челобитчики Чечуйского острога обращались к местным властям с просьбой упорядочить ямскую гоньбу еще в конце XVII столетия. Но ни челобитчики, ни их дети и даже внуки так и не дождались разрешения тяжелого для них вопроса.

Лишь примерно через 100 лет, в начале 70-х годов XVIII века, губернские власти задумали поселить на Якутской дороге в пределах Витимской и Пеледуйской волостей особых посельщиков из ссыльных, которые могли бы заняться там земледелием и принять на себя тяжесть подводной гоньбы по пустынному краю.

На основании илимских документов можно лишь частично осветить некоторые стороны предпринятого казною заселения Якутской дороги.

В 1772 году на Якутском тракте, т. е. по дороге вдоль Лены севернее Чечуйского острога, было поселено 55 душ, высланных из Балтийского порта и предназначенных здесь, в Сибири, содержать почтовую гоньбу. Смотрителем над этими невольными поселенцами был назначен сын боярский Шестаков, по требованиям которого илимская воеводская канцелярия не раз посылала посельщикам хлеб, крупу и предметы хозяйственного обихода (Фонд 75, опись 2, арх. № 1306, лл. 75-107).

Через несколько лет, в 1776 году, на 17 станках Якутского тракта от Пеледуйской до Олекминской слободы уже имелось посельщиков муж. пола 159, «женок» — 71 и детей «от двух лет и далее» — 65, всего 295 человек. Попытки вести земледелие на станках долго кончались полной неудачей. Поэтому из Илимска в указанном году для посельщиков сплавляли на двух барках 8000 пудов хлеба, из расчета «солдатских дач»: взрослым посельщикам муж. пола муки по 21 пуд. 30 фун., круп 1½ пуда на душу в год, а женам и детям посельщиков «вполю» (Фонд 75, опись 2, арх. № 98, лл. 9-11).

Еще через 2 года губернатор Немцов, отыскивая причины неудач по развитию хлебопашества среди посельщиков на Якутской дороге, пришел к выводу, что неурожаи происходят «от поздого сеvu» и от неправильного выбора места для пашни — «на низких и поемных водою местах». А это, в свою очередь, по мнению Немцова, произошло «от слабого радения смотрителей». По предложению иркутской губернской канцелярии Киренск отпускает посельщикам 130 рублей из кабацких сборов и 500 пудов хлеба. Позднее, в том же году, покупается для посельщиков еще 1000 пудов хлеба и 100 пудов конопляного семени (Фонд 2, арх. № 228, лл. 1-9, 50).

Неудачи с хлебопашеством проистекали не от неумения крестьян выбрать удобные места или от незнания ими пра-

вил сева в ранние сроки и даже не от «слабого радения смотрителей», как полагал Немцов, а от казенно-приказной постановки всего дела заселения Якутского тракта.

Туда было послано много людей вовсе неспособных к работе. Только в 1780 году новый смотритель над посельщиками удосужился установить — сколько же проживает на станках непригодных ни к какой работе людей, поселенных здесь по распоряжению начальства. Смотритель отобрал 22 посельщика, непригодных к работе по следующим причинам: стар, без ума, кила, озноблены руки и ноги, руки гниют и по локоть выпадают кости, совсем без ума, «высыпаются черева», опухоль ног, на ноге раны «и сущей стар и дряхл», припад-ки, болен «от вышибу лесиною левой руки» и т. д.

«Станцыев смотритель» дворянин Харитонов 29 июля 1781 г. отсылает в Киренск целую партию негодных к работе людей, дополнительно отобранных им при осмотре. Всего направилось в Киренск 27 семей (80 душ обоего пола). 15 глав семей были дряхлы, двое имели «нутрянную болезнь», трое страдали килой. Про остальных 7 человек сказано: «каменная болезнь, отчего и моча запираетца», «за франсускою болезнию», глух, «имеет чехотную болезнь», «розшибся и поныне чахнет» (Фонд 2, арх. № 336, лл. 1-32).

Не помогали начальству завести земледелие ни указы, ни ссылки на неспособность подчиненных, ни губернаторское вмешательство в агрономцию, ни снабжение, исходя «из солдатских дач» и «вполы».

Но «отставные с якутских станков посельщики», направленные для устройства в деревни Киренского уезда, не были там приняты крестьянскими обществами. Поэтому они просили иркутскую губернскую канцелярию направить их в деревни Иркутского уезда.

В 1783 году направляются для поселения в разные волости Киренского и Иркутского уездов еще 22 посельщика с Якутской дороги, некоторые с семьями, но большинство одиночек, сосланных по разным причинам в Сибирь. Многие из этой партии мыкались по волостям, где их не соглашались принять крестьяне, пока они не сумели, наконец, как-то устроиться на задворках илимской деревни (Фонд 2, арх. № 1017, лл. 1-32).

Происходили в Илимском уезде, конечно, и самовольные переселения, вызванные разными хозяйственными соображениями крестьян. Но передвижки населения даже внутри уезда рассматривались властями как нарушение законов. Ведь каждый крестьянин платил подушные деньги по месту приписки, и внести изменения в ревизские сказки, в окладные книги и ведомости по подушному сбору можно было только по особому разрешению уездной или губернской канцелярии.

В 1727 году властями возвращаются в свои деревни крестьяне разных волостей Илимского уезда, самовольно уехавшие за Байкал в Куяцкую деревню Посольского монастыря. Иркутская провинциальная канцелярия велела илимских крестьян Рудых, Дроздова, Чекотеева, Рогова и Высоких бить кнутом, после чего отпустить в Куяцкую деревню для уборки урожая, а затем направить в Илимск, «на прежние их жилища з женами и з детьми и со всеми животы». Пользуясь этим случаем, илимская воеводская канцелярия предложила приказчикам возвратить всех «самовольцев», так как «в зборе подушных денег и правянта происходит немалая доимка» (Фонд 75, опись 2, арх. № 235).

На основании этого указа из Усть-Кутского острога сообщили, что из волости самовольно переселилось 15 крестьянских семей в разные деревни Илимского уезда. В октябре 1737 г. воеводская канцелярия велела этих крестьян сыскать, допросить, учинить им наказание и отправить под караулом на прежние места жительства (Фонд 75, опись 2, арх. №227).

В годы тяжелых и затяжных неурожаев передвижка крестьянского населения происходила особенно усиленно. Многие семьи бросали родные, но голодные места и тянулись в хлебородные волости. Уездные власти, бессильные остановить этот поток людей, приходили в отчаяние от той неразберихи в расчетах подушных и хлебных сборов, которая на их глазах возникала вследствие перемены места жительства крестьян. Властей беспокоило не то, что уходил человек, а то, что исчезала единица податного обложения, до тех пор так прочно, в указном порядке занимавшая место в сказках по ревизии душ муж. пола, в окладных и недоимочных ведомостях.

Но приходилось подчиняться необходимости и производить перечисление плательщиков из одной волости в другую.

С первой половины XVIII столетия Московский тракт, «большая столбовая дорога» от Красноярска на Иркутск, становится главным средством связи южного Предбайкалья с Западом. Увеличение перевозок шло настолько быстро, что потребовалось заселять местности, лежавшие вдоль тракта.

Сложность решения этой задачи для чиновников заключалась не в том, чтобы произвести переселение примерно 300 человек, а в том, что нужно было перечислять подушные платежи и оклады по хлебному обложению из одного уезда в другой. Поэтому началась переписка между Братским и Балаганским острогами, в которой приняла участие и илимская воеводская канцелярия (Фонд 75, опись 2, арх. № 352, лл. 121-122).

В 1743 году илимской воеводской канцелярии пришлось согласиться с переводом 60 душ из изнуренной длительными

голодовками Нижне-Илимской слободы хотя и не в сытую, но и не в голодную Барлукскую волость (Фонд 75, арх. № 1101, л. 11).

Летом того же года братская приказная изба писала промеморию в Барлукскую слободу, что туда самовольно переселились 15 семей пашенных крестьян и разночинцев «з женами и з детьми своими, оставя дома свои, пахотные земли и сенные покосы без ведома брацкой приказной избы».

Извещая о «противности» крестьян, не желавших возвращаться в пораженную неурожаем Братскую волость, барлукская приказная изба вежливо заканчивает: «да соблаговолит брацкая приказная изба за известие сию промеморию принять» (Фонд 75, арх. № 1223, л. 1).

Местным властям пришлось смириться с этим самовольным переселением и не трогать более «сходцев».

Также согласилась воеводская канцелярия с просьбой 10 крестьян ленских волостей и Нижне-Илимской слободы о переводе их в Иркутский уезд. Они указывали, что земли их выпахались, «а других к пахоте угодных земель в перемену не обыскали» (Фонд 75, арх. № 1226, лл. 156-159).

При проведении второй ревизии душ муж. пола было подсчитано, что за 23 года, с 1722 по 1745 год, самовольно переселилось илимских крестьян из одной волости в другую 193 человека и переехало с согласия воеводской канцелярии 234 человека.

Уход из илимских волостей на Московский тракт, главным образом «без указу», продолжался и в 50-х годах XVIII столетия. К 1755 году из Ново-Удинской слободы на Заларинскую, Кимильтейскую, Тайтурскую, Черемховскую, Зиминскую, Тулунскую, Шерагульскую и Куйтунскую станции ушло самовольно 18 семей, из Яндинского острога 16 семей, из Карапчанской волости 3 семьи, из Барлукской слободы 12 семей, из Братского острога 33 семьи (Фонд 75, арх. № 2047, лл. 51-67, 325-332).

По ведомости «сошедших» крестьян на Московский тракт из Барлукской слободы (Фонд 75, арх. № 2199, лл. 314-317) можно установить, как устроились на новом месте илимские крестьяне. 11 семей распахали, по их показаниям, 94 десятины, ставили ежегодно 4200 копен сена. Все они жили здесь «без указу», хлеб и подушные платили по старому местожительству. Один сказал, что переехал «для содержания почтовых и ямских подвод». Трое показали: «пашню пашут обще... платят обще... возят вместе».

В 1765 году было дано разрешение 6 крестьянским семьям в составе 27 душ муж. пола переселиться из Илимского уезда в Оекскую слободу Иркутского уезда, где освободились земли, занимавшиеся купцом Иваном Ворошиловым (Фонд 75, арх. № 2838, лл. 402-403).

Разрешение переселяться из волости в волость давал без волокиты только один воевода — Черемисинов. В 1773 году он разобрал все вопросы, связанные с самовольным переселением крестьян, накопившиеся за 10-12 лет до его приезда. Согласно решению Черемисинова все 157 душ муж. пола самовольно переселившихся дворов были приписаны по желанию крестьян к новому местожительству.

В Сибирь продолжали тянуться крестьяне северных уездов России, и попытки вернуть их на старые места не привели к сколько-нибудь положительным результатам. Наконец сибирский губернатор Соймонов при уходе с этого поста писал в Сенат, что очень трудно высылать на прежние места жительства крестьян и разночинцев, переселившихся из центральных губерний в Сибирь и там просрочивших паспорта, «и ежели ту высылку продолжать с таким послаблением, как доныне она есть, что еще ни одна душа не выслана, то никакой пользы [ни казне] ни себе приносить не могут». Соймонов спрашивал — не лучше ли таких крестьян и разночинцев переписать и оставить в Сибири. Если среди них окажутся крепостные крестьяне, то помещикам зачесть их за рекрутов. Екатерина II согласилась с мнением Соймонова (Фонд 75, арх. № 2840, лл. 19-24).

На основании этого илимская воеводская канцелярия составила по уезду ведомость о числе людей, записавшихся здесь в крестьяне и в разночинцы «из пришлых разных российских городов». Оказалось, что из Тотьмы, Шенкурска, Вычегды, Соликамска, Вятки, Яренска, а также из Западной Сибири в Илимском уезде проживало и записалось в посадские 6, в разночинцы 50 и в крестьяне 11 человек (там же, лл. 32-34).

Все изложенное о переселениях позволяет сделать заключение, что передвижки населения в Сибирь и внутри этого края, в общем, происходили в интересах государства, так как этим путем осуществлялось заселение отдаленнейшей окраины, притом без всяких издержек из казны. Но там, где правительство прямо признавало необходимость и пользу переселения, оно приводило в движение косный бюрократический аппарат, причинявший незаслуженные страдания переведенцам, а там, где крестьяне сами заселяли свободные места, оно оставляло нетронутыми поставленные ею же самую рогатки.

ВРЕМЕННЫЕ ОТЛУЧКИ

Все податное население России приписывалось при проведении ревизий душ муж. пола к какому-нибудь месту жительства, и поэтому свобода передвижения его ограничивалась. Сибирский крестьянин мог беспрепятственно отлучать-

ся из дома на небольшие сроки при поездках в другие деревни или на рынки по своим хозяйственным делам, ставя об этом в известность старосту или десятского. По общероссийскому законодательству такие отъезды допускались не далее 30 верст от дома¹. Но это правило не соблюдалось в Илимском крае да, вероятно, и в других районах Сибири, как в силу больших расстояний, отделявших селения, так и в силу невозможности установить контроль за хозяйственными разъездами местного крестьянина.

Если же отлучка по своим делам была длительной и превышала несколько месяцев, то требовалось получить на нее разрешение местной власти и выбрать паспорт, или так называемую покормежную.

Изучение практики воеводской канцелярии по выдаче покормежных дает возможность установить главные цели, ради которых крестьяне запасались паспортами.

В Илимском уезде покормежные брали крестьяне преимущественно тех волостей, которые лежали на главных путях сообщения, особенно на Лене. Здесь в отдельные годы пользовалось покормежными 10-15% взрослого мужского населения.

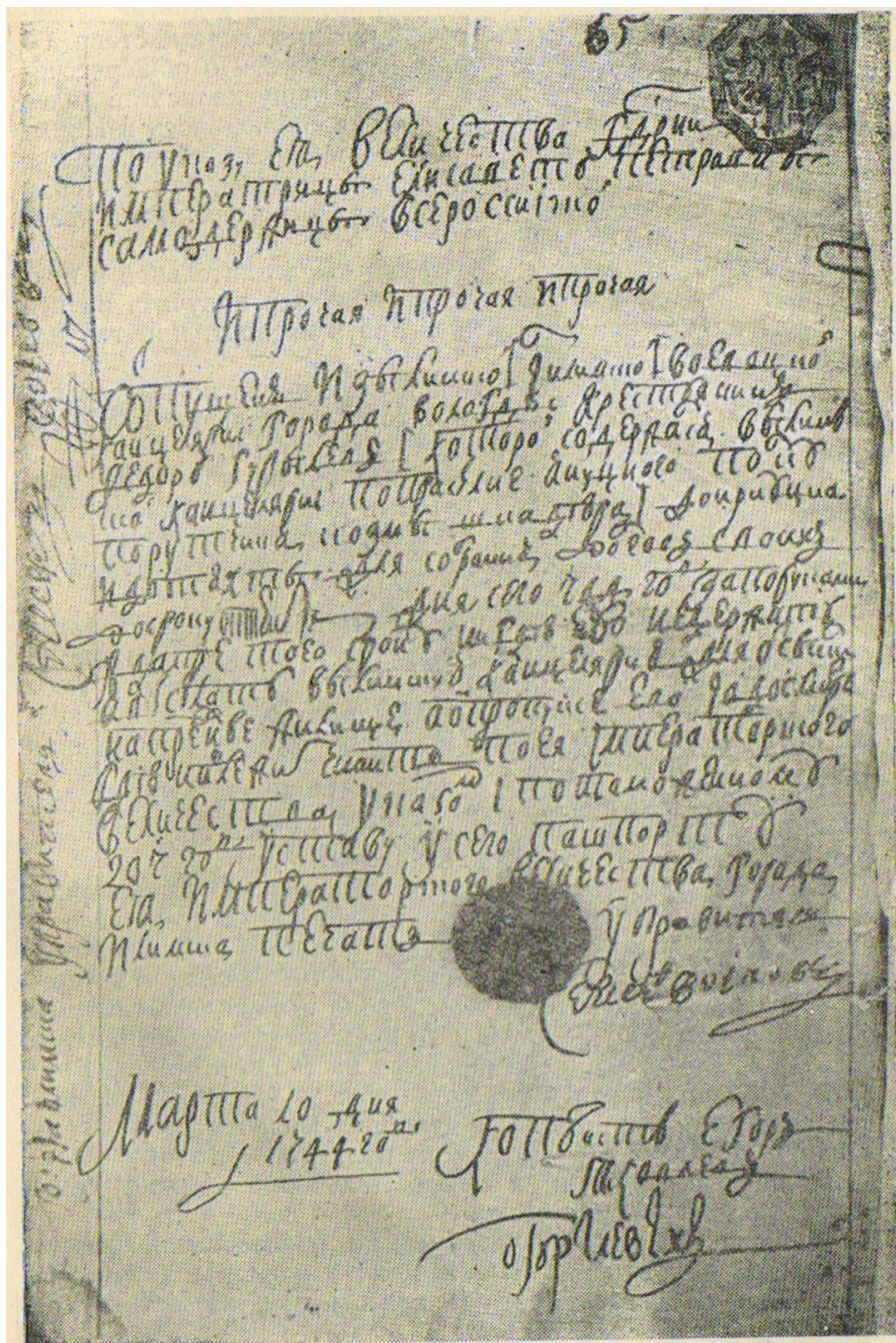
Подавляющая часть паспортов выбиралась крестьянами, искавшими работы в других волостях и уездах, а также на сплаве. Много паспортов выдавалось в неурожайные годы крестьянам, выезжавшим в хлебородные волости для покупки семян и продовольствия. В обоих случаях крестьянина выгоняла из дома нужда.

Некоторое количество паспортов, и тоже в виде покормежных, получали крестьяне-богатеи, хлеботорговцы. Их толкала в дальний путь жажда наживы.

За 1738-1740 годы илимской воеводской канцелярией было выдано 314 подорожных и паспортов, в том числе в январе (за 3 года) — 21, в феврале и марте — 81, в апреле-октябре — 105, в ноябре и декабре — 107 (Фонд 75, арх. № 807). Значит, документы этого рода выдавались главным образом к весенним работам и ко времени установления санного пути. Крестьяне, нанимавшиеся на сплав и весенние работы, брали паспорта в феврале-марте, а уходящие на зимние заработки — в ноябре и декабре. Впрочем, записи за декабрь 1740 года сохранились не полностью, поэтому сезонность поездок крестьян в действительности должна была выражаться еще более резко.

Вначале паспорта выдавались по произвольной форме. Например, в 1736 году было выдано 3 паспорта такого содержания: «1736 году марта 12 дня отпущен из Усть-Куцка

¹ К. Маркс называет свободу передвижения русских государственных крестьян фиктивной (Архив Маркса и Энгельса, том XII, стр. 88).

Паспорт, выданный в 1744 году из илимской воеводской канцелярии крестьянину Гурылеву для проезда до Кяхты.

ис приказной избы вверх по Лене до Бирюльки усть-куцкой крестьянин Никита Подымахин для хлебной скудости. И о том дан ему пашпорт, по которому велено ему возвратно явитца в Усть-Куцку в мае месяце сего ж 1736 году» (Фонд 75, опись 2, арх. № 208).

Ссылные, оказавшиеся непригодными для работы в командах Камчатской экспедиции, отпускались в пределах Илимского уезда на все четыре стороны, чтобы они сами снискивали себе пропитание: «Июня 20 дня (1737 года) дан пашпорт ссылным в Нижно-Илимску — Власу Юрьеву... с товарищи для прокормленья и житья, всего 8 человек, которые к сплавке в Якуцк в Камчатскую экспедицию правианта и протчих припасов явились за болезнями негодны». Далее в паспорте названы поименно все 8 ссылных и указаны их приметы. У одного «в ногах ломота и пухнет», у другого левая нога изломана, третий «штидесят шти лет, скорбен нутреною болезнью». Один «глазами слеп», другой не владеет руками и т. д. Четверо имели от роду по 65-70 лет.

С этим паспортом ссылные должны были явиться в нижеилимскую приказную избу. «И жить им в той слободе, где пожелают, до указу» (Фонд 75, опись 2, арх. № 228). Здесь они становились разночинцами, «жителями», при удаче — крестьянами, при неудаче — нищими.

В том же году покормежные получили 2 крестьянских сына и 28 ссылных, негодных к работе. 22 человека получили паспорт в Нижнеилимскую слободу, 5 — во все селения Илимского уезда и 3 — в разные места.

Среди ссылных было две «женки», три «распопы», в том числе бывший архимандрит Питирим, «что ныне рострига Петр». Вследствие его старости жителям разрешалось держать его в домах «без опасения» (там же).

В 1737 году из Иркутска в Илимск было прислано 200 печатных стандартных паспортов «для прокормления в другие уезды» (Фонд 75, опись 2, арх. № 235).

Первоначально покормежные выдавались илимской канцелярией. Для получения паспорта необходимо было иметь одобрение приказной избы и справку об отсутствии недоимок. Сохранилась книга Илгинского острога за 1747 год, в которой собраны заявления крестьян и справки старосты, что за просителями недоимок нет (Фонд 75, опись 2, арх. № 450, лл. 1-24).

Резкое увеличение платы за выдачу паспортов было произведено Екатериной II в 1761 году, когда повышались многие другие пошлины и сборы. Вместо 2 копеек было велено брать за годовой паспорт 10 копеек, за двухгодичный 50 копеек, за трехлетний 1 рубль (Фонд 75, опись 2, арх. № 979, лл. 38-39).

В начале 1765 года илимская воеводская канцелярия

разослала по ленским волостям, пораженным неурожаем, указ о порядке отпуска крестьян с паспортами для покупки хлеба как себе, так и для сдачи в казну. В предыдущем году из Иркутска было получено подтверждение правила, что приказные избы могут отпускать крестьян не далее 30 верст от их жительства. Илимская воеводская канцелярия допустила нарушение этого правила, ибо, как она писала, «признаваетца немалое в том тем крестьяном и различием за отдаленностию от Илимска неспособность и отягощение». Поэтому она разрешила приказным избам давать отпуск крестьянам и на дальнейшее расстояние в том случае, если они поедут покупать хлеб для сдачи в казну. Те же крестьяне, которые пожелают отлучиться за покупкой хлеба для себя далее 30 верст от их жительства, должны явиться в Илимск, где им и будут выдаваться паспорта. Воеводская канцелярия обязала приказные избы следить — не думают ли крестьяне под видом отпуска бежать. 14 марта усть-кутская приказная изба сообщила, что ею отпущено 13 человек в Илгинский острог сроком по 1 мая. Как заявили крестьяне, они намеревались купить там 222 пуда 30 фун. хлеба для сдачи в казну и 2369 пудов себе на пропитание. Но под видом нуждающихся крестьян, несомненно, поехали вверх по Лене и хлебные скупщики. Так, крестьянин Наумов хотел купить для сдачи в казну 20 пудов, а себе 580 пудов, Антипины — себе 290, а для казны 10 пудов (Фонд 75, опись 2, арх. № 1073, лл. 22-25).

В 1776 году выдается 207 покормежных, в том числе 2 — купцам, 1 — новокрещенному и 204 — крестьянам. По срокам паспорта распределялись так: на 1 год — 181, на 2 года — 7, на 3 года — 19. Из общего числа паспортов больше $\frac{1}{3}$, именно 71 покормежная выдана в мае (Фонд 2, арх. № 107, лл. 1-7).

В 1777 году илимская воеводская канцелярия выдала 276 покормежных, в том числе 223 сроком на I год, 10 — на 2 года и 43 — на 3 года.

Больше всего крестьяне выбирали паспорта весной, чтобы отправиться в сплав по Лене или уходить в батраки: в январе-апреле было взято 53 покормежных, в мае 147 (!), в июне-августе только 17, и в сентябре-декабре — 59 (Фонд 75, опись 2, арх. № 1567, лл. 101-106).

За 1777-1778 годы крестьяне взяли 298 паспортов, из них сроком до 1 года — 215, двухгодичные — 11 и трехлетних — 72. И снова, как и в предыдущие годы, основная часть покормежных, 187 из 298, была выдана в мае (Фонд 2, арх. № 153, лл. 1-7).

По отчету за 1781 год выдано 204 паспорта, почти все на срок до 1 года, из них в мае выбрано 89 (Фонд 2, арх. № 642, лл. 1-9).

Одни крестьяне отправлялись в путь «для выработывания ни платеж в казну подушных денег и протчих мирских податей», другие стремились в Якутск выгодно продать скупленный ими хлеб и овощи: «для сплаву и продажи покупных... разных земляных вещей». 24 крестьянина мотивировали отъезд необходимостью искать работы «в других городах»; 4 крестьянина-предпринимателя плыли в Якутск на своих судах; 11 человек нанялись работниками на суда (Фонд 2, арх. № 1077, лл. 133-190).

И предприниматель-хлеботорговец и батрак писали в приказную избу одинаковые заявления, представляли однообразные одобрения от крестьянского общества и получали трафаретные паспорта. Все они числились крестьянами.

Различие целей хорошо выражено в заявлении 14 крестьян Усть-Кутской волости, поданном в усть-киренскую воеводскую канцелярию 11 января 1783 г., как «всей волости крестьян покорнейшее доношение». Эти 14 человек просят отпустить их для закупки хлеба вниз по р. Илим и вверх по Ангаре и добавляют: «а о таковых просим не допускать, кои [хотят] покупать для города Якутска и в продажу употребляют. А нам у таковых покупать весьма несходно» (Фонд 2, арх. № 1009, лл. 1-4).

Воеводская канцелярия разрешение на отъезд дала, но ничего не сказала о запрещении покупки хлеба кулаками для сплава в Якутск.

В этом году цены на покормежные были увеличены — на годовые в 10 раз, на двухгодовые в 6 раз, на трехгодовые в 5 раз.

«Экономии директор» по Иркутской губернии, к которому перешел надзор за разными хозяйственными делами крестьян, дал в 1785 году «наставление старостам и выборным, в приказных избах находящимся» о порядке выдачи покормежных.

Если крестьянин «пожелает наняться в работу, то есть в срок, по здешнему названию», с уходом из селения, — говорилось в наставлении, — то его просьбу рассматривают староста и выборный. Они наблюдают при этом, чтобы дом крестьянина не оставался пустым, а земля невспаханной. Если проситель обращается «лености ради, не хотя употреблять себя в работу, и земледелие свое оставляет единственно по привычке к празности», прогуливает заработанные деньги «и возвращается в дом без нечего», то таковых не увольнять, «а понуждать к домашнему хозяйству и земледелию». Тем, «кои поведения хорошего, не пьяницы, не ленивцы, а бедны или от сиротства и малолетства или другими какими нечаянными случаями пришли в скудость», покормежные выдавать «безвозбранно», с надежными поруками.

Если отпущенный по покормежной крестьянин не вернется в срок, то об этом должны заявить поручители, после чего староста сообщает директору экономии, который и объявляет сыск, как о беглом (Фонд 9, арх. № 10, лл. 464-465).

Наставление прямо и точно определяло назначение отходничества, как заработка на стороне батрачествующих слоев деревни.

В 1787 году по Макаровской экономической волости было выдано 25 покормежных, по Подкаменской волости — 41. В этих волостях числилось тогда 922 души муж. пола, из которых не менее половины было детей и стариков. Значит, около 15% взрослого мужского населения этих волостей отрывалось от крестьянских работ. Такое же положение складывалось и по другим, особенно по ленским волостям.

В 1787 году из той же Макаровской экономической волости ушло по паспортам 19 крестьян, по пропускам от мирской избы 3 человека и самовольно отлучилось 4 семьи. Из Подкаменской волости было отпущено 24 человека, самовольно ушло 5 человек. Мирская изба нарушала указы и давала покормежные на длительный срок и разрешала отъезд на дальние расстояния. В объяснении она писала: «хоша и были прежде повелении, но пищики не читали [старосте] и староста об оном неизвестен, потому и отпускал» (Фонд 9, арх. № 39, лл. 165-169).

Паспорта брали преимущественно крестьяне ленских волостей. По другим волостям, например по Карапчанской и Нижне-Тунгусской экономической, в 1787 году не было выдано ни одного паспорта (там же, л. 170).

В 1800 году царь предоставил Российской Американской компании право выдавать паспорта сроком до 7 лет (Фонд 9, арх. № 224, лл. 73, 76).

Таковы главные материалы по выдаче покормежных в Илимском (Киренском) уезде.

Они говорят о том, что на фоне малой подвижности сельского населения илимской деревни происходил ежегодно сезонный отлив крестьян-бедняков, искавших работы на стороне.

Но не всегда покормежная являлась паспортом работника. Кулак, совершая крупные и сложные торговые операции, смело предъявлял властям покормежную, это удостоверение батрака.

ГЛАВА II

УЕЗДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В XVIII веке в сибирские учреждения полностью внедряются правила и традиции общероссийского приказного порядка. Это столетие явилось веком пышного расцвета бюрократизма. Две причины лежат в основе такого явления — централизованное абсолютистское руководство закрепощенной страной посредством чиновников и отсутствие самоуправления.

«Отсталости России и ее абсолютизму соответствует полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии» (В.И. Ленин. Сочинения, том 2, стр. 313).

Государственное управление осуществлялось через местные губернские, уездные и волостные канцелярии и, в общем, помогало закрепощать и эксплуатировать крестьян помещиками или самим государством. «...идиотское чиновничье вмешательство в крестьянскую жизнь...» (В.И. Ленин. Сочинения, том 15, стр. 246), столь сильное еще в начале XX века, было в Сибири XVIII века не менее ощутимым. Оно создавало почву для бесконечного обирательства сибирского крестьянина бюрократами, оно принижало крестьянина как человека.

К концу века произошло сильное сосредоточение власти в руках наместников и губернаторов и одновременно — уменьшение административной самостоятельности уездных органов управления.

Все сколько-нибудь важные уездные дела, которые раньше решались на месте, стали теперь решаться только в губернии и в центре.

Бюрократическая система управления, охватывавшая все государство от высших звеньев правительственной власти до волостных учреждений, породила сложное делопроизводство как бы единой всероссийской канцелярии. Главное движение бумаг в этой непомерно разросшейся конторе, в этой импе-

рии канцеляристов шло в виде указов сверху вниз и в виде рапортов снизу вверх. Винтики, колесики и пружины писмоводства нередко выходили из строя, не поспевая за жизнью, и власть долго старалась прилаживать жизнь к своей, казалось, всемогущей машине, пока не приходила к мысли о необходимости некоторых изменений в системе канцелярского аппарата. Появлялись всякие разъяснения, толкования, наставления по старым указам и, наконец, рождалась какая-нибудь дополнительная деталь, позволявшая поддерживать ход громоздкой машины управления.

«...тяжеловесность механизма, чрезмерная централизация, необходимость самому правительству сунуть во все свой нос — все это явления общие, распространяющиеся на всю нашу общественную жизнь...» — писал Ленин, характеризуя бюрократическую систему управления дореволюционной России (В.И. Ленин. Сочинения, том 4, стр. 385).

Человек с его частными и особенными интересами отходил на второй план, терялся среди беспрерывно движущихся потоков бумаг. Если же течение какого-нибудь дела приостанавливалось, то у заинтересованного лица не было сил возобновить нужное ему движение бумаг. Чем ниже был человек по своему общественному положению, тем непреложнее и независимее от него совершался кругооборот бумаг.

Указ представлялся современникам всемогущим: ведь его социальной основой являлся крепостнический строй, и неспроста писался он от имени «его (ея) императорского величества». Указ, казалось, обладал какой-то внутренней, присущей ему силой и жил своей, ни от кого не зависимой жизнью.

Он писался в определенной последовательности, своеобразным языком и в особой форме.

По решению Сената все правительственные указы с марта 1764 года стали печататься в типографии (Фонд 75, опись 2, арх. № 1032, л. 76).

Это нововведение было объяснено так: «примечено, что простой народ по уездам, а особливо ныне с некоторого времени по монастырским волостям, нередко обманываем бывал списками ложных от имени ея императорского величества и от Сената указов»¹.

В магической силе указа были убеждены и в Петербурге и в уездных канцеляриях. Макаровская экономическая изба 3 апреля 1792 г. сообщает о получении указа киренского нижнего земского суда «о подтверждении поселениям, чтоб они сохраняли благонравие, имели к ближнему любовь и

¹ Речь, видимо, идет об указе Петра III о секуляризации монастырских вотчин.

ссор воздерживались». Экономическая изба уверяет свое начальство, что об исполнении крестьянами этого указа, «с предписанием обществу, строжайше имеет быть подтверждено» (Фонд 9, арх. № 137, л. 269).

Но и в самых пустых, на первый взгляд безобидных указах нельзя не почувствовать «...невежественные, чисто наглые, покушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию» (В.И. Ленин. Сочинения, том 15, стр. 75).

Указы охватывали все стороны жизни — политические, хозяйственные, управленческие, налоговые, судебно-правовые. Даже духовные власти писали указы.

Волей-неволей крестьянин должен был знакомиться с многими указами, так как они часто касались его самых жизненных нужд.

ПЕРЕМЕНЫ В ГУБЕРНСКОМ И УЕЗДНОМ УПРАВЛЕНИИ

Государственное управление Сибирью велось в начале XVIII века из Сибирского приказа, подчинявшегося Сенату. Вся Сибирь образовывала одну Сибирскую губернию, непосредственное управление которой было возложено на сибирскую губернскую канцелярию, возглавлявшуюся сибирским губернатором. Губернская канцелярия и губернатор находились в Тобольске.

В составе Сибирской губернии была выделена Иркутская провинция, управлявшаяся иркутской провинциальной канцелярией, которую возглавлял провинциальный воевода.

Иркутская провинция делилась на три уезда — Иркутский, Якутский и Илимский. В двух последних уездах имелись воеводы и подчиненные им воеводские канцелярии.

Каждый уезд состоял из волостей, управлявшихся приказчиками, назначаемыми воеводой.

Линейное подчинение и универсализм функций являлись отличительными чертами сибирского управления. При помощи такого аппарата правительство успешно осуществляло в течение длительного времени управление необозримой территорией с редким населением.

По развитие хозяйственной жизни Сибири в XVIII веке непрерывно ставило новые и все более сложные вопросы, которые уже нельзя было удовлетворительно решать в условиях жесткой системы общесибирского управления. Чем дальше, тем больше централизованный механизм управления гигантской страной запаздывал в выполнении предписаний правительства, тем чаще порождал злоупотребления властью и тем меньше поддавался контролю.

Вначале правительство пыталось улучшить положение ликвидацией Сибирского приказа. Он был упразднен в 1730 году. Но вскоре оказалось, что дела в Сибири не улучшаются, а Сенат оказался вынужденным вести непосредственное хлопотливое руководство Сибирью.

Вскоре Анна Иоанновна, 20 декабря 1730 г., приказала: «Сибирскому приказу быть попрежнему особливым и все сибирские города, как зборами, так и всяким правлением, ведать в том приказе. И быть тому приказу под сенацким. ведением, в дирекции генерала и кавалера... Ягушинского»¹.

Но возрожденный Сибирский приказ просуществовал недолго. В 1763 году, одновременно с реорганизацией ряда центральных учреждений, в том числе и самого Сената, Сибирский приказ был по указу от 15 декабря упразднен, на этот раз навсегда (Фонд 75, опись 2, арх. № 979, лл. 34-37).

Еще до ликвидации Сибирского приказа правительство предприняло переустройство местных сибирских учреждений. Главные направления этих переустройств — расчленение территории Сибири на менее крупные административные единицы и разделение функций между различными местными учреждениями. Были даже сделаны шаги в сторону введения выборного начала в низшие административные звенья.

Но так как основным принципом при всех нововведениях оставалась бюрократическая централизация власти, то существенных улучшений в управлении Сибирью достичь было невозможно.

Разделение пространства сибирского губернаторства посредством создания независимой от Тобольска Иркутской провинции началось в 1736 году. При увольнении сибирского губернатора Плещеева Анна Иоанновна указала: «А понеже Сибирская губерния весьма обширна... оную губернию разделить надвое». В Иркутскую провинцию назначается в качестве вице-губернатора Алексей Бибилов, которому «в особой команде Сибирского приказа быть, а от команды тобольского губернатора отрешить... А им, губернатором, между собою корреспонденцию и сношение иметь промемориями».

Указы Сената от 17 февраля и 24 марта 1736 г. о разделении Сибирской губернии были посланы в Иркутск Сибирским приказом 2 апреля того же года (Фонд 75, арх. № 718. лл. 94, 125).

Так появились в Сибири Тобольская губерния и независимая от нее Иркутская провинция со своим вице-губернатором.

Через 19 лет после образования особой Иркутской провинции ее переименовывают в губернию. 19 октября 1764 г. Екатерина II предложила Сенату «в рассуждении великой

обширности Сибирского царства учинить во оном вторую губернию».

В состав новой губернии были включены города, входившие в Иркутскую провинцию — Иркутск, Нерчинск, Селенгинск, Якутск и Илимск «с принадлежащими к ним дистриктами, слободами и острогами» (Фонд 75, арх. № 2838, лл. 159-160).

В 1768 г. Сенат представил Екатерине II проект штатов губерний России, за исключением Иркутской. Иркутскому губернатору было поручено разработать предложения о необходимых изменениях в управляемом им крае.

Иркутский губернатор Бриль представил следующее мнение: «тамошние жители, ради чрезмерной дальности, в платеже государственных поборов... чувствуют великое отягощение... И медленность, но и сущая неудобность в делах происходит». Он считал необходимым создать провинции в Якутске и Удинске (впоследствии Верхне-Удинск) и «для удобнейшего сбора податей и к разбирательству между жителями споров и маловажных дел назначить комиссаров». Комиссарство должно было объединить несколько смежных волостей. Предполагалось создать 12 комиссарств.

В отношении Илимского уезда губернатор предложил: «из Илимска, за неудобностью там места... и по отдаленности его от принадлежащих к оному жилищ, воеводское правление перенести в Усть-Киренской острог и переименовать, а в Илимске оставить комиссарство».

Сенат согласился с этим проектом разделения Иркутской губернии и одобрил предположения Бриля о распределении селений по уездам и комиссарствам. 31 января 1775 г. Екатерина II утвердила представление Сената по Иркутской губернии (Фонд 2, арх. № 4, лл. 1-14).

В Илимске об этом узнали 23 мая, а 12 июня илимская воеводская канцелярия послала свой последний указ по волостям с извещением о происшедших переменах.

Согласно указу иркутской губернской канцелярии, полученному в Илимске 2 июня, к Илимскому комиссарству, подчиненному усть-киренской воеводской канцелярии, приписывались Нижне-Илимская, Карапчанская, Кежемская слободы и Братский острог. Илгинский, Усть-Кутский и Чечуйский остроги, Орленская, Тутурская и Витимская (до этого подчинявшаяся Якутску) слободы оставались в непосредственном ведении усть-киренской воеводской канцелярии.

Воеводе «с командою» приказывалось «съехать в Усть-Киренск и при присутствии своем, собрав тамошних жителей и при молебствии в церкви манифесты прочесть» (Фонд 2, арх. № 4, л. 1).

Воевода Черемисинов отбыл из Илимского острога 12

сентября, приехал 23 в Киренск, где 25 сентября вступил в воеводское правление и велел «при собрании крестьянства троекратно 1-го, 8-го и 16-го числ октября публиковать» о начале деятельности воеводской канцелярии, разместившейся временно в монастыре (Фонд 2, арх. № 4, л. 13).

Так, через 126 лет после того, как первый илимский воевода Тимофей Шушерин прибыл в Илимский острог, последний илимский воевода Иларион Черемисинов закрыл здесь навсегда дверь воеводского правления. С этих пор Илимск захирел, превратившись сперва в захудалый заштатный город, где недолгое время оставалось комиссарство, а затем — в ничтожную деревеньку.

Оставшийся после отъезда Черемисинова в Илимске его товарищ Шестаков стал первым комиссаром нового комиссарства. Он отправил 9 ноября с солдатом вслед своему начальнику последние атрибуты воеводской канцелярии: 10 образов, «бочешного инструмента — одну стружь, 3 скобеля, 4 ножа, 2 стружи ж», 11 серпов, 10 стоп бумаги, сургуч, слюду, молоток, 4 копья, пальму, щуп, 20 бердышей, железо с лафетов, клюку, машинную трубу с принадлежностями, в том числе ключ, молоток, 4 кожаных ведра, «двои вилы, один волк железной». Канцелярских припасов оказалось на 35 руб. 57 $\frac{1}{8}$ коп. (Фонд 2, арх. № 4, лл. 2-4).

Так уехала илимская воеводская канцелярия из насиженного гнезда.

Стремясь к укреплению власти, Екатерина II в числе других мероприятий создает Иркутское наместничество, громоздкое и нежизнеспособное объединение Иркутской и Колыванской губерний. 2 марта 1783 г. появляется указ об образовании наместничества, а 12 сентября И.В. Якобий вступает в должность иркутского и колыванского генерал-губернатора (Фонд 2, арх. № 796, лл. 2-3, 9). Иркутское наместническое правление торжественно открыло свое действие 21 января 1784 г. (Фонд 4, арх. № 1, л. 363).

Структура губернского управления, принятая при Екатерине II, подвергалась впоследствии многочисленным изменениям. Однако они касались лишь отдельных частей этого сложного механизма или связей между ними. По существу же, главные контуры губернского аппарата управления сохранились до революции 1917 года.

В том же 1784 году были произведены большие изменения и в уездном управлении. Воеводские канцелярии и должность воеводы упраздняются.

Вместо единовластного уездного управителя, каким являлся воевода с его канцелярией, в уезде появляется ряд новых учреждений и уездных начальников, поделивших функции воеводы.

Главным учреждением, ведавшим хозяйственными, адми-

нистративными и судебными делами в уезде, стал нижний земский суд. Его возглавлял назначенный наместническим правлением исправник, обычно в чине капитана. Поэтому он официально именовался капитан-исправником. Впоследствии его называли земским исправником, одно время — земским комиссаром. В состав суда входили два дворянских заседателя, назначаемые наместническим правлением, и два сельских заседателя, которых избирали крестьяне и ясачные.

7 февраля 1782 г. в Киренске был «торжественно открыт... здешний усть-киренской нижней земский суд... с преподанием всевышнему благодарения», как сообщал об этом событии сам земский суд нижней расправе (Фонд 4, арх. № 1, л. 26).

Хозяйственные, полицейские и судебно-следственные обязанности в уездном городе нес городничий, назначавшийся наместническим правлением.

Уездом ведал нижний земский суд, а городом — городничий. Друг другу они не подчинялись.

Более важные судебные дела разбирало особое, вновь созданное учреждение — нижняя расправа. Она решала дела на основе следственного материала, подготовленного нижним земским судом или городничим. Но она могла вести следствие и самостоятельно, особенно по должностным преступлениям. В состав ее входили: расправный судья, как руководитель, секретарь и два заседателя, выбранные от населения. Исполнение решений расправы возлагалось на нижний земский суд.

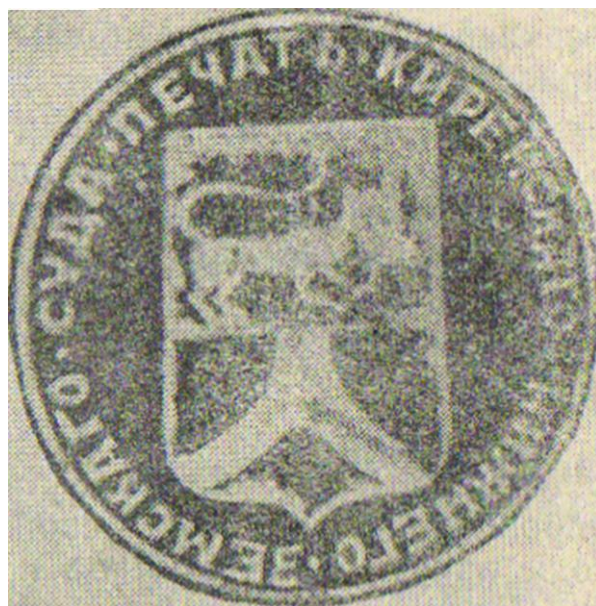
Прокурорские обязанности в уезде выполнял стряпчий.

Для решения дел между купцами создавался третейский орган — словесный суд с двумя выбираемыми судьями.

Финансовые функции были переданы в ведение уездного казначейства. Сюда поступали все денежные сборы с населения и доходы казны, и отсюда велась оплата всех местных государственных расходов.

Так распались хозяйственные, полицейские, судебные и финансовые функции воеводы между различными, созданными в 1784 году уездными учреждениями.

Не все в этой новой системе уездного управления было

Печать киренского нижнего земского суда

ясно; не вполне определенными оказались объем власти, связь и подчиненность разных уездных присутствий.

Иркутское наместническое правление в таких, например, неопределенных выражениях обрисовывало обязанности киренского нижнего земского суда в указе, посланном 11 июля 1784 года на имя капитана-исправника, коллежского асессора Сычевского: «Нижней земской суд долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок. Второе — чтоб предписанное законами полезное — повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было... Третье — нижней земской суд один в уезде право имеет приводить в действии повелении правления (наместнического), решении палат, верхних и уездных судов (т. е. верхней и нижней расправы) и чинить отказы» (Фонд 2, арх. № 293, лл. 4-5).

Таким образом, наместническое правление, не говоря о конкретных обязанностях нижнего земского суда, делает ударение на его полицейских функциях.

С увеличением числа учреждений и занятого в них чиновного и служилого люда умножилась переписка, усложнилось делопроизводство и расширилось поле для бюрократизма.

Эта громоздкая система просуществовала без изменений в течение 13 лет. Павел I утвердил 4 марта 1797 г. новый, упрощенный штат Иркутской губернии, а 17 июня того же года иркутское губернское правление сообщило копии указа Сената об изменении штата Иркутской губернии всем губернским и уездным властям (Фонд 7, арх. № 34, лл. 16-21; Фонд 9, арх. № 176, лл. 98-103).

Одновременно были упразднены верхняя расправа и верхний земский суд, уничтожены должности губернских стряпчих. Содержание магистратов было снято с государственного бюджета и отнесено на доходы купечества и мещанства. С исчезновением ряда губернских учреждений оказались ненужными прокуроры «средних мест», т. е. магистрата, верхнего земского суда и земской расправы. Тем самым был нанесен удар по сословному принципу судостроительства.

Изменения коснулись и всех 17 уездов, из которых состояла теперь Иркутская губерния.

Нижняя расправа была закрыта. Вместо нее создается уездный суд, как чисто судебное учреждение, подчиненное палате суда и расправы. В уездном суде решаются дела городских и сельских жителей, за исключением купеческих дел, которые разбирались в городских магистратах. Но так как в Киренске городского магистрата не полагалось, то большинство купеческих дел стало решаться на месте, в уезд-

ном суде. Все незаконченные дела нижней расправы были переданы в уездный суд (Фонд 7, арх. № 34, л. 127).

Уездный суд состоял из уездного судьи, двух чиновников-заседателей и секретаря. Сельских выборных заседателей не предусматривалось, поэтому с ликвидацией нижней расправы исчезли и эти представители крестьянской общественности.

Иркутское наместническое правление 5 июня 1784 г. писало из рапорта расправы усматривается, что она называет себя усть-киренской и что вместо сельских заседателей «подписался за безграмотством их секретарь». Но согласно «стату губернии» эта расправа должна называться киренской. «Заседателям же объявить, что естли не могут они сами выучиться имя свое подписывать, то б по крайней мере приучили себя к какому-либо знаку... или бы зделали себе какие печати, которые б так хранили, чтоб оные кроме их никто прикладывать не мог, и прикладывали [бы] оные там, где им подписаться» (там же, л. 299).

С этого времени, с 1784 года, город Усть-Киренск, называвшийся так в течение 10 лет, всегда уже будет называться Киренском.

Все расходы по содержанию учреждений Иркутской губернии с 17 уездами были определены в 151800 рублей (Фонд 9, арх, № 176, лл. 102-103).

На 1 душу муж. пола всего (и русского и ясачного) населения расходы по содержанию губернских и уездных властей составляли 1 руб. 30 коп.-1 руб. 40 коп. в год.

Так изменилась в XVIII веке система губернского и уездного управления в Сибири. В целом произошло ее укрепление на основе разделения функций и сосредоточения власти в губернии.

В начале XVIII века воеводы имели власть, мало отличавшуюся от власти губернатора. В конце века уездные учреждения по всем вопросам их деятельности оказались прямо и жестко подчиненными губернии.

В начале XVIII века уездом ведал единовластный воевода, управитель, сосредоточивший в одном лице все функции управления. В конце века функции бывшего воеводы оказались разделенными между многими учреждениями и должностными лицами. У крестьянина появилась дюжина новых начальников.

ВЫБОРЫ КАНДИДАТОВ

Проводимая правительством в конце XVIII века реформа судеустройства, создание особых судебных учреждений, не вполне независимых от местных властей, потребовали привлечения к судейской деятельности выборных представителей дворян.

В Сибири дворян как сословия не существовало, поэтому председателями судов назначались правительственные чиновники; часть членов, т. е. заседателей, определялась властями, а часть — избиралась населением. Но так как купцы и духовенство имели свои судебные учреждения, то практически заседателей избирали только крестьяне и ясачные, ибо и те и другие признавались законом свободными.

Когда вслед за судебными преобразованиями началась перестройка и местного управления, то правительство распространило принцип выборности и на учреждения, созданные взамен воеводских канцелярий. Введение в состав судов и органов местного управления выборных населением заседателей не меняло природы новых «присутствий», которые оставались органами полицейско-чиновничьей системы управления. Поэтому совершенно легко выборные заседатели могли быть заменены правительственными чиновниками, что и было осуществлено при Павле I, отменившим установления Екатерины II.

Говоря о роли земства и земских депутатов, Ленин заключает, что «земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» (В.И. Ленин. Сочинения, том 5, стр. 32).

В еще большей мере эти слова можно применить к представителям сибирских крестьян и ясачных в уездных и губернских учреждениях конца XVIII века.

Несмотря на то, что сущность полицейского управления не менялась от присутствия выбранных населением заседателей, для крестьян и ясачных во многих случаях облегчалась и упрощалась защита своих прав в различных местных учреждениях. Поэтому представляется важным показать, как практически была создана и как действовала эта новая система местного суда и управления с участием выборных представителей крестьян и «иноверцов».

По журнальной записи иркутской губернской канцелярии от 21 октября 1783 г. «о разделении учреждающегося Иркутского наместничества на округа» было предложено губернатору Ламбу произвести новое деление губернии на уезды.

В каждом уезде надлежало «выбрать кандидатов от земли», по одному на 200-300 человек «из людей честного поведения, почтенных в их обществе, здравых в разсуждениях». Кандидаты уезда должны были выбрать из своей среды 10 человек для избрания судей «в совестной суд и в

верхнюю расправу». Судьи ехали в Иркутск «на своем кочте», так как должны были там получать «довольное жалованье».

Выбор кандидатов происходил «на основании обряда», установленного 14 декабря 1766 г. для выбора депутатов в Комиссию по составлению нового Уложения. Право выбора предоставлялось только свободным сословиям, в том числе и государственным крестьянам.

Кандидаты или поверенные получали от избирателей «поверенное письмо» за подписями священника и семи других лиц (Фонд 2, арх. № 999, лл. 1-2).

Так как в Киренском уезде преобладали мелкие селения, то усть-киренская воеводская канцелярия дала 23 ноября 1783 г. распоряжение о выборе кандидатов не по селениям, а по волостям и указала, какое количество кандидатов должна была выбрать каждая волость.

Вскоре в Киренске собрались все 25 кандидатов от 11 волостей. На выборах в Подкаменной слободе участвовало 80 человек, из них 13 оказалось грамотными. Выбор в Усть-Кутском остроге от имени 63 крестьян подписали шестеро. В Чечуйском остроге за 76 человек «и всех той волости пашенных крестьян» приложили руки 4 крестьянина. Подпись священника встречается только под одним выбором.

Некоторые кандидаты поняли свое новое положение как тяжёлую обязанность, к тому же поездки их в Киренск казной не оплачивались. Крестьянин Семен Шеин писал в воеводскую канцелярию сразу после избрания: «я человек нездоровой, некрепкой и в грамоте не ученой. Покорно прошу, дабы меня именованного за безграмотством и нездоровьем моим защитить» (Фонд 2, арх. № 1050, лл. 1-2), т. е. освободить от обязанности кандидата.

Когда кончилось трехлетие службы выборных заседателей, то были произведены новые выборы, в том числе и в киренские уездные учреждения.

Иркутское наместничество 16 ноября 1786 г. разослало указ, согласно которому крестьянский депутат избирался от 500 душ муж. пола. Туземное население избирало по одному человеку от рода, независимо от численности последнего. Киренский нижний земский суд 4 декабря распорядился, чтобы на местах выбрали «общественным согласием... оставляя тот выбор на волю крестьян и иноверцов, по волостям, в их полную волю».

В Киренском уезде числилось тогда 5197 муж. душ крестьян. от которых следовало избрать 8 кандидатов. Вследствие малого числа жителей в Нижне-Тунгусской государственной волости (52 души), Макаровской экономической волости (285 душ), Тыптинской и Захаровской заимках

душ) и Нижне-Тунгусской экономической волости (170 душ) выборы там не производились.

Кроме русских волостей в Киренском уезде имелось 6 тунгусских родов, в которых числилось 553 души муж. пола. Тунгусы, согласно предоставленному им праву, избирали 4 депутатов.

После того, как все депутаты съехались в Киренск, они «по балтировке», организованной городничим, избрали 2 января 1790 г. из своей среды в киренский нижний земский суд крестьянина Михаила Антипина, новокрещенного Василия Максимова и двух человек на случай убыли заседателей. В Киренскую нижнюю расправу оказались выбранными три крестьянина и один «ясашной» (Фонд 9, арх. № 2, лл. 1-41).

В конце 1792 года производятся очередные перевыборы на тех же основаниях, как и за три года до того (Фонд 9, арх. № 133, лл. 288-290).

В нижний земский суд направились три новых заседателя, из них один ясачный, и в нижнюю расправу 4 заседателя, из них один ясачный тунгус (Фонд 9, арх. № 135, л. 40).

Отслужившие трехлетие заседатели получали за беспорочную службу аттестат. Киренский земский суд выдал в марте 1793 года аттестат бывшему сельскому заседателю «из ясашных, новокрещенному Егору Мардовскому в том, что он во время своего 3-летнего в суде заседания находился добропорядочно, без всяких пороков, почему по резолюции сего суда за беспорочную ево службу... уволен в свое селение, где ему против своей братьи — ясашных иметь старшинство и от них почтен быть первым и в никакие нижние другие службы ево не выбирать» (Фонд 9, арх. № 134, л. 124).

Но бывали и другие отзывы. Киренская нижняя расправа дала хорошую аттестацию всем, «кроме тунгуса Филипа Зырянова, которой во время трехлетнего своего заседания более обращался в пьянстве и буянстве».

Выборы на следующее трехлетие прошли осенью 1795 года по заведенному порядку. Но на этот раз в киренскую городовую управу поступило из волостей много протоколов о выборах кандидатов. Например, из Нижне-Илимской волости пришел следующий выбор: «По силе указа киренского нижнего земского суда... Из государственных крестьян мы, нижеподписавшиеся, по общему согласию пяти сот душ крестьян выбрали между собою Степана Петрова сына Куклина, действительно дом и землю в деревне Игнатьевской имеющего, женатого, детей имеющего, в наказаниях, подозрениях, ябедах и явных пороках не бывалого, но доброго и неззорного поведения, не моложе 30 лет, которому и дали сие доверенное письмо». Варианты таких выборов: «...же-

натаго, детей не имеет, а только отца и брата» (марковская мирская изба), «...из ииоверцов новокрещеного... имеющего кочевой дом» (Киренская, Хандинская и Усольская ясачная волость), «...в наказаниях, подозрениях и в судах и ни в каких пороках не бывал», «которой не ниже 55 лет» (Фонд 435. арх. № 43, лл. 272-293).

Избрание заседателей в 1795 году оказалось последним выбором, произведенном в XVIII веке.

В штате Иркутской губернии, «конфирмованном» Павлом I в 1797 году, вводились многие изменения. Упразднялись совестный суд, губернский магистрат, верхняя и нижние расправы. Во всех этих учреждениях были выборные члены. Но в новом штате не предусматривались выборные заседатели и в нижних земских судах. Поэтому иркутское губернское правление приказало 13 июня 1797 г. выборных заседателей уволить (Фонд 4, арх. № 69, л. 52).

Выбор сельских заседателей возобновился только при Александре I, в 1804 году. Павел I, ревизуя указы своей матери, приглушил мимоходом и тот слабый голос, который ненадолго получил государственный крестьянин в учреждениях, стоявших наиболее близко к нему.

СОСТАВ ИЛИМСКОЙ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Руководство уездом воевода осуществлял через особую канцелярию, которая в XVII веке первоначально называлась съезжей избой, потом приказной избой. В начале XVIII века сменилось несколько названий — приказная палата, приказная канцелярия, земская канцелярия, воеводская канцелярия. Последнее наименование твердо вошло в обиход уже в начале 2-й четверти XVIII века, но еще в 1737 году всем служителям илимской воеводской канцелярии было предложено употреблять только одно последнее название (Фонд 75, опись 2, арх. № 227).

С тех пор до ликвидации воеводской канцелярии никаких изменений в ее названии не происходило.

При отъезде воеводы по делам службы в остроги и слободы управлять канцелярией назначался кто-нибудь из служителей. Например, в 1732 году в Илимске замещал воеводу «оставшей» сын боярский Завьялов.

С воеводой отправлялись по уезду некоторые писцы, образуя так называемую походную канцелярию (Фонд 75, арх. № 444).

Илимская воеводская канцелярия и другие уездные учреждения, сменившие ее в конце XVIII века, являлись сколком с губернских присутствий, действовали по одним законам и пользовались одинаковой методикой работы.

Во второй четверти XVIII века илимская воеводская канцелярия разделялась на разрядное (административное), денежное и хлебное повытья, или столы, во главе которых находились подьячие. При воеводской канцелярии на правах повытья действовал в те годы так называемый надворный суд.

В 1733 году имелись повытья: разрядное, подушное, денежное, хлебное, ясачное, соляное и судное, заменившее надворный суд (Фонд 75, опись 2, арх. № 129).

Временами документы упоминают другие повытья, например протокольное (1737 год), но вследствие небольшого количества дел некоторые повытья объединялись одним лицом.

Распределение повытьев между приказными служителями в значительной мере определялось способностями и опытом наличных сил в канцелярии.

В 1745 году в илимской воеводской канцелярии занимались 2 канцеляриста, 2 подканцеляриста, 2 «за подканцеляриста», 3 «копеиста» и 2 «пищика».

В 1752 году повытья были соединены так: денежное с соляным и ясачным, подушное со счетным, судное и розыскное с протокольным, хлебное с разрядным. Не соединенным ни с каким другим повытьем оставался стол «сочинения щетных выписок». Каждая группа повытьев возглавлялась или канцеляристом или «за подканцеляристом», а в одном случае «копеистом» (Фонд 75, опись 2, арх. № 633).

Несколько изменился состав повытьев воеводской канцелярии к 1757 году. Тогда действовало 6 повытьев.

Кроме служилых людей (XVII век) или канцелярских служителей (XVIII век), в воеводской канцелярии занимались так называемые счетчики, обязанностью которых было ведение учета и хранение казенных денег и ценностей. Счетчики заменили казенных целовальников XVII века и, как и последние, выбирались посадскими людьми.

Когда в Илимск стали назначаться товарищи воеводы, так называемые «с приписью», то на них было возложено все руководство канцелярией.

Согласно утвержденным Екатериной II в 1763 году штатам уездных городов, в воеводских канцеляриях вместо «с приписью» был предусмотрен секретарь, «ранга регистратора коллежского», и, кроме того, 3 канцеляриста, 4 подканцеляриста и 4 «копеиста».

Иркутская губернская канцелярия сообщила об этом в Илимск в конце 1770 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 1219, л. 27).

Лица, занимавшиеся в канцелярии, считались в XVII и в начале XVIII века служилыми людьми, т. е. имели такие же права, как и казаки. С 1726 года канцеляристы были

выделены в особую группу приказных служителей, с этого же времени вместо слова «подьячий» вошло в обиход слово «канцелярист», а также слова «подканцелярист» и «копеист», обозначающие разные ступени в служебной лестнице.

«Копеист» являлся самым низшим служителем канцелярии, а так называемые писчики являлись в эти годы как бы учениками, готовившимися стать «копеистами».

После назначения на должность служилых людей и вообще лиц, на ответственности которых лежало казенное или общественное имущество, приводили к присяге.

Канцеляристы, подканцеляристы и писчики воеводской канцелярии назначались воеводой, но изредка могли избираться самими канцелярскими служителями. Такой случай можно отметить по 1750 году, когда вместо умершего подканцеляриста, ведавшего денежным, соляным и ясачным повытьями, приказные служители выбрали «по необходимой самонужнейшей, крайней в повытчиках нужды... копеиста Егора Бобошина... Ко оным делам заобычаен, притом же и не подозрителен» (Фонд 75, арх. № 1706, лл. 80-82).

Этот выбор подписало 9 приказных служителей.

В 1755 году служило в воеводской канцелярии 16 человек, из них 8 происходили из казаков, 4 из приказных служителей, один из дворцовых людей, один из разночинцев, один из крестьян и один из ссыльных.

В деле за 1755-1766 годы (Фонд 75, арх. № 2198, с 212-217) имеется ведомость о приказных служителях воеводской канцелярии за 1722-1755 годы.

По этим данным можно определить, что в 1723-1725 годах на службе находилось в среднем 9 человек, в 1727-1736 годах — 15 человек, в 1737-1746 годах — 14 человек, в 1747-1756 годах — 13 человек.

За 34 года в илимской воеводской канцелярии побывало 50 служителей. Из них умерло 19, переведено в Иркутск и в волости 9, арестовано 3, уволено по старости 3, отрешен один, бежал один. Налицо оставалось в 1756 году 14 приказных служителей.

Отрешенным оказался Григорий Кочергин. Он проходил обычную долгую службу с 1731 года копеистом, с 1737 года за-подканцеляристом, с 1745 г. подканцеляристом, с 1749 г. канцеляристом. И в том же году, после 18 лет службы, его прогоняют с работы, так как он был «произведен из присыльных».

Из 50 канцелярских служителей илимской воеводской канцелярии прослужило от года до 5 лет 30 человек, от 6 до 10 лет — 7 человек, от 11 до 20 лет — 9 человек и от 21 года до 30 лет — 4 человека.

После переезда воеводской канцелярии в Киренск там в 1776 году служило 8 человек: один канцелярист — «пра-

вающей» секретарскую должность, 3 подканцеляриста, 3 копеиста и «писщик» Иван Сенотрусов, которому в это время исполнилось 13 лет.

С образованием в Киренске нижнего земского суда в новое учреждение перешли и приказные служители упраздненной воеводской канцелярии. В 1798 году там было три канцелярских служителя: губернский регистратор Дмитрий Бутаков, подканцеляристы Карсаков 16 лет (сын исправника) и Федор Бутаков.

Работа подьячего, т. е. канцеляриста, была несомненно очень тяжелой. Труд его длился весь день, вознаграждение оказывалось ничтожным, поэтому сама жизнь толкала канцеляристов на путь взяточничества.

Существовало много приемов, в том числе и очень грубых, посредством которых принуждали канцеляристов работать сверх меры.

Понуждение подьячих заковычиванием на то время, какое необходимо для выполнения срочных работ, было введено Петром I и вошло в систему мер, широко применявшихся в XVIII веке в местных канцеляриях.

В 1745 году солдат Якутского полка посылается из Иркутска в Илимск для ускоренного составления ведомостей.

В августе Лоренц-Ланг шлет ему, «обретающемуся в Ылимске у понуждения в сочинении щетов», указ, чтобы он понуждал воеводскую канцелярию «непрестанно». Он должен был о всех «присутствующих в тех (воеводских) канцеляриях за воевод и управителей и с приписью подьячих и других канцелярских служителей содержать в канцеляриях под караулом, скованных в чепях и железах, и самим (понудителям) быть при том неотлучно» (Фонд 75, опись 2, арх. № 391, лл. 13-14).

Канцеляристу грозило нелегкое наказание за неверное или несвоевременное составление нужных бумаг. По указу Петра I от 27 января 1721 г. вводились следующие взыскания: «велено за неапортование за всякой месяц, за сроком, а имянно за первой штрафовать на 100 рублей, за другой — вдвое, за третьей втрое, за четвертой — вчетверо, за пятой — лишения всего (состояния) и в вечную работу на галеры, ежели законных притчин не положит» (Фонд 75, арх. № 2650, л. 1).

Из Иркутска иногда попугивали уездных канцеляристов этим указом Петра I, напоминая о нем еще в 60-х годах XVIII века и нередко штрафуя воевод и приказных служителей. Но больших сумм штрафа не применялось, также как и ссылки на галеры.

Репрессии в виде заковычивания применялись и к воеводам. В 1732 году иркутская провинциальная канцелярия по-

сылает в Илимск капрала требовать представления ведомостей. «А пока он, Горяистов (воевода), ведомость не отправит и ответствия не отдаст, то тебе ево, Горяистова, держать в илимской канцелярии безвыходно, скована и принуждать ежечасно» (Фонд 75, арх. № 458, лл. 32-34).

Довольно рано власть стала наблюдать, чтобы канцелярские служители и по внешнему виду отличались от крестьян и другого населения.

«О ношении всякого звания российского народа людем, кроме духовных чинов и пашенных крестьян, немецкого платья и о бритые бород и о прочем» было подтверждено указом Сибирского приказа 14 марта 1743 г. Илимский управитель Семен Воинов велел объявить этот указ с барабанным боем и выставить его на городских воротах (Фонд 75, арх. № 1066, л. 450).

Но окончательно был введен мундир для чиновников значительно позднее.

По случаю утверждения новых «статов» губерний Сенат установил указом от 15 февраля 1797 г. образцы губернских статских мундиров. Для чиновников всей империи был принят суконный темнозеленый кафтан, причем по каждой губернии устанавливались различные цвета обшлагов и воротников.

Например, для чиновников Иркутской губернии вводился мундир с белыми обшлагами и белым воротником, с темно-зеленой подкладкой и с желтыми пуговицами. Камзол и «исподник» устанавливались палевого цвета. По борту кафтана нашивалось 8 пуговиц, на фалдах — по 2, на обшлагах и у клапанов — по 3, на камзоле — 9 пуговиц.

Рисунок мундира, выполненный уездным землемером Антоном Лосевым, был прислан в Киренск при указе иркутского губернского правления от 21 августа 1797 г. (Фонд 7, арх. № 34, лл. 74-75).

Иркутское губернское правление не раз после того подтверждало указы «о строгом и неупустительном наблюдении... дабы статские чины и приказные служители и все отставные отнюдь не носили жилетов» и других непредусмотренных властями одеяний, как «курток, панталонов, толстых галстуков и никаких фраков».

В XVII веке подьячие получали, как и все служилые люди, денежное, соляное и хлебное жалование, но по более высоким окладам.

Денег выплачивалось по 6-15 рублей в год, ржи — от 6 до 15 четвертей, овса — от 4 до 15 четвертей и соли — 2-3 пуда.

Когда сибирская (тобольская) губернская канцелярия устанавливала в 1725 году новые штаты служилых людей по уездам, то она не указала, в частности по Илимску,

какое число подьячих должно заниматься в воеводской канцелярии и какой им установлен оклад.

Поэтому подьячие илимской воеводской канцелярии с 1727 года перестали получать жалование. Привыкнув к медленному ходу приказного порядка, подьячие смиренно ждали распоряжения о выдаче им жалования 5 лет, потом 10 лет, затем 20 лет. Наконец, через 28 лет, в 1755 году, они коллективно подали заявление, в котором писали, что «пропитание имеем от случающихся по челобитчиковым делам акциденций, и то уже с крайнею нашею нуждою, что едва себе единое з домашними своими пропитание иметь могли, отчего, а паче за неимением по илимской воеводской канцелярии челобитчиковых дел, не токмо в одежде и обуви, но и в пропитании никакой впредь себе надежды полагать не можем» (Фонд 75, опись 2, арх. № 729, лл. 25-26).

Выходит, что доходы от службы канцеляристы могли получать только в форме поборов с просителей. Лишь с большим усилием можно отчасти вообразить, как на челобитчика, появившегося с нуждой в стенах илимской воеводской канцелярии, набрасывалась в эти годы голодная банда оборванцев. Если указы не разрешали платить канцеляристам жалования, то они не могли запретить и обирательство просителей.

Как естественно, что в народе сложилось столь резкое мнение о подьячих-обиралах!

Упорядочение оплаты приказным служителям было произведено в 1763 году по указу Сената от 15 декабря о штатах Иркутской губернии.

По этим штатам был предусмотрен следующий состав илимской воеводской канцелярии: воевода с окладом в 375 руб. в год, воеводский товарищ — 250 руб., «вместо с приписью секретаря, ранга регистратора коллежского» — 200 руб., 3 канцеляриста — по 60 руб., 4 подканцеляриста по 40 руб., 3 копеиста — по 30 руб., сторож — 18 руб. В 1767 году был добавлен еще один «копеист» (Фонд 75, арх. № 3336, лл. 462-463).

Илимская воеводская канцелярия состояла с этого времени из 15 человек.

Одновременно был установлен штат илимской городской команды.

В отношении оплаты приказных служителей допускались, по усмотрению воеводы, вычеты из жалования у одних — «за нерадивое ведение» и прибавка за хорошую службу — другим.

В тех городах, где имелись лекари и аптеки, из жалованья служителей производились вычеты на медицинские нужды.

Примерно с 1780 года или несколько раньше стали производить вычеты со всех служителей воеводской канцелярии в размере 1 копейки с рубля.

Введение постоянного и по сравнению с XVII веком значительно повышенного жалования канцеляристам означало превращение их в низких чиновников, этой основы бюрократической пирамиды империи.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЕЗДНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Через илимскую воеводскую канцелярию проходило громадное число дел. Централизация управления и многообразность вопросов, решаемых одним учреждением в большом уезде неизбежно создавали обширное делопроизводство.

Количество дел, поступавших воеводе и исходивших от него, можно установить по книгам входящих и исходящих бумаг. За время с 1732 по 1771 год полностью сохранилось 78 книг, в которых записывалась вся корреспонденция илимской воеводской канцелярии. Кроме того, много книг такого рода дошло до нас в виде обрывков.

Движение дел начиналось с указов губернских учреждений. За 50 лет в среднем поступало ежегодно 256 указов. Илимская канцелярия посылала в Иркутск рапорты о получении и исполнении указов. Такой корреспонденции в среднем проходило 454 единицы в год.

Во исполнение предписаний губернской власти воеводская канцелярия рассылала по волостям свои указы, в среднем по 1637 указов ежегодно. От волостей и отдельных лиц поступало по 1506 рапортов, доношений и заявлений в год.

Таким образом, в среднем за год проходило 3853 дела, т. е. более 10 дел в день, причем число их заметно увеличивалось в течение всего XVIII века.

Можно полагать, что с 1725 по 1774 год, т. е. до ликвидации илимской воеводской канцелярии, через нее прошло не менее 200 тысяч самых разнообразных по объему и содержанию дел.

По месячным и «третным» «репортам» в иркутскую губернскую канцелярию можно подсчитать число дел, решенных илимской воеводской канцелярией в 1766-1772 годах, всего за 6½ года.

Отчетность отмечает 4387 решенных дел, в среднем 693 дела в год. Из них 36,5% падали на так называемые государственные, т. е. связанные с предписаниями вышестоящих властей, 61,3% — «интересных», т. е. связанных с исками и 2,2% — «челобитчиковых», т. е. разных заявлений, не содержащих материальных претензий (Фонд 75, арх. № 2966, лл. 1-204).

Не только илимская воеводская канцелярия вела обширную переписку, но и приказные избы, эти отпрыски уездных канцелярий, могли похвалиться толстыми сборниками дат. В приказной избе Илгинского острога за 1732 год было получено и исполнено 129 дел, а переписка за 1757 год составила том в 649 листов, т. е. около 1200 страниц. Здесь была сосредоточена переписка о продаже соли, о выборах, о казенном винокуренном заводе, ведомости о посеве и урожае хлебов, о взыскании с крестьян хлеба и подушных сборов, о сплаве хлеба в Якутск, а также списки неисповедавшихся, допросы, объявления и т. д., целая коллекция дел, материальное доказательство усидчивой работы писца в течение года.

Поступавшие дела в илимскую воеводскую канцелярию направлялись воеводой в повытья, т. е. отделы или столы. По книгам входящих донесений, полученных из приказных изб за 1732 и за 1734 годы, можно подсчитать, как распределялись дела по повытьям (Фонд 75, арх. № 511, лл. 1-32).

Эти подсчеты приводятся в таблице 14.

Таблица 14

Повытья	1732 г.		1734 г.	
	число дел	удельный вес в % к итогу	число дел	удельный вес в % к итогу
Денежное	195	29,2	210	22,4
Хлебное	142	21,4	330	35,1
Судное	137	20,6	145	15,4
Разрядное	90	13,5	160	17,0
Подушное	74	11,1	52	5,5
Соляное	19	2,9	23	2,5
Ясачное	6	0,9	17	1,8
Счетное	3	0,4	3	0,3
Итого	666	100,0	940	100,0

Если в XVII веке главная часть дел относилась к земледелию, к заготовке и сплаву хлеба, то в XVIII веке в связи с введением подушных сборов первое место стали занимать денежные дела.

Чем дальше шло время, тем больше уменьшалась доля дел, связанных с земледелием. К концу XVIII века основными вопросами, занимавшими внимание и время уездных канцелярий, являлись полицейские дела.

Можно мимоходом отметить, что с 1781 года в делах воеводской канцелярии появилась та плотная синяя бумага, о которой упоминает А.С. Пушкин в «Повестях Белкина».

Воеводская канцелярия с ее чрезмерной централизацией местного управления была заменена нижним земским судом, имевшим менее широкие полномочия, но сохранившим соединение полицейских и хозяйственных функций.

Несмотря на такую реорганизацию уездного управления, нижний земской суд многое унаследовал от воеводской канцелярии и являлся в отношении крестьян универсальным органом, разбиравшим почти все крестьянские дела, в том числе следственные, полицейские, хозяйственные, налоговые и земельные.

Мало заметной оказалась и замена единоличного руководителя-воеводы коллегиальным управлением.

Объем и характер дел нижнего земского суда можно раскрыть по журналам, в которые записывались все вопросы, разрешавшиеся этим «присутствием».

Например, в 1788 году состоялось 293 заседания киренского нижнего земского суда (Фонд 9, арх. № 51, лл. 1-438), из них при четырех участниках было проведено два заседания, при трех участниках — 87 заседаний. На 123 заседаниях присутствовало два члена суда, а 81 заседание проводил только один человек — или капитан Белелюбский, или коллежский секретарь Попрядухин. Но не было случаев, чтобы заседание суда проводили одни сельские заседатели.

Из 747 дел, рассмотренных в 1788 году киренским нижним земским судом, 201 дело относилось к административным вопросам, как например утверждение крестьянских выборов, рассмотрение условий почтовой гоньбы, учет числа душ мужского пола, выдача паспортов крестьянам, разработка мер борьбы с болезнями и тому подобное.

За год прошло 215 мелких судебных дел, к ним относятся судебные следствия, сыск беглых, вызов свидетелей, отправка арестантов в Якутск. Хозяйственных и налоговых вопросов решено 306, среди них большое место занимали питейные дела, продажа соли и устройство земледелия (20 дел). Церковно-полицейских дел прошло 25, из которых почти половина относилась к штрафованию верующих за неявку на исповедь.

Многие из перечисленных дел не требовали никаких решений суда, так как заключались в слушании указов, попавших сверху, и «репортов», притекавших снизу. На 15 заседаниях члены нижнего земского суда никаких вопросов не решали, а читали законы. Чтение указов (на 106 заседаниях) как бы являлось школой подготовки административных работников, иногда приобщало к общероссийским делам

малосведущих людей, какими являлись члены суда, особенно сельские заседатели. Но часто эти чтения являлись простой потерей времени, так как велись бессистемно и посвящались темам, иногда очень отдаленным от жизни уезда. Например, в журналах киренского нижнего земского суда за 1788 год записано, что члены суда читали указы об учреждении ярмарки в г. Ревеле, о договоре с Францией, о переменах в составе губернской администрации российских губерний, о правилах приема в кадетский корпус.

Важные вопросы равнодушно перемешивались с пустяками. Из этой свалки дел можно выделить несколько интересных случаев.

В январе решался вопрос о запрещении старостам наказывать крестьян без суда, в октябре — о запрещении шуленгам подвергать виновных телесному наказанию без решения нижнего земского суда.

В мае суд слушал донесение уездного стряпчего о крестьянине Пежемском, который закупил целую барку хлеба и уехал на ней в Якутск, не взяв паспорта.

В июле прошло дело о расчистке крестьянами земли под сенокосы в Криволуцкой волости. Затем слушалось несколько заявлений мирских изб о розыске крестьян, уехавших «безвидно» (т. е. без взятия вида или паспорта). «По наслышке (известно), что уплыли в Якутск в наймах».

В апреле члены нижнего земского суда читали указ иркутского наместнического правления о том, что генерал-губернатор выезжает «к высочайшему двору для зделания нужных распоряжений относительно здешняго края и дабы вершение и самое производство текущих дел всегда основано было на справедливости». Выслушав саморекламу генерал-губернатора, киренский нижний земский суд постановил: «о получении указа отрапортовать, а указ, приняв, приобщить к протчим; хранить при суде для ведома и исполнения».

Так, вперемежку слушали дела — важные и неважные, деревенские и столичные, по всем вопросам, на всякие темы, перемалывая, как в мясорубке, все, что туда ни попадало.

И другие уездные учреждения то и дело «упражнялись чтением указов за невступлением из разных присутственных мест дел». Например, киренская нижняя расправа в 1790 году слушала указы на 87 заседаниях, а уездный суд в 1800 году посвятил таким занятиям 25 заседаний (Фонд 7, арх. № 26).

Приказный мир выработал особый канцелярский язык с трудными, иногда нерусскими оборотами и с особыми словами, которые являлись или новообразованиями, или устаревшими славянизмами, или испорченными иностранными терминами.

Вот образец такого указного языка: «Указ ея императорского величества из Ылимской воеводской канцелярии в Усть-Куцк, за-кащику Алексею Караулову. В указе ея императорского величества из ыркутской правинцыальной канцелярии сентября от 4, а в Ылимску, в канцелярии полученном в октябре 1 числа сего 740 году под нумером правинцыальным 2680-м, написано: в указе ея императорского величества из Сибирского приказу апреля от 28, а в Ыркуцку полученном августа 5 чисел сего 740 году, в ыркуцкую правинцыальную канцелярию написано о неподаче ея императорского величества челобитен знатным людям под лишением чинов или имения, а нижним и подлым людям о письме челобитен с подписками по подтверждение прежних всех о том указов. Того ради, по указу ея императорского величества и по определению ыркуцкой правинцыальной канцелярии велено в ыркуцкой правинцыальной канцелярии чинить как оным ея императорского величества указом повелено... А для исполнения оног... послать ея императорского величества указы и притом с вышеписанного из Сибирского приказу указу сообщить точные копии, которая при том указе и приобщена. И октября 1 дня сего 740 году по указу ея императорского величества и по определению илимской воеводской канцелярии велено по силе оног ея императорского указу и ылимской воеводской канцелярии исполнение чинить, как оным ея императорского величества указом повелено... А о исполнении о том... послать ея императорского величества указы и при тех указах с копии с указу из Сибирского приказу сообщить точные копи[и], которая присем ея императорского величества указе и сообщена» (Фонд 75, опись 2, арх. № 291).

Столь простое дело, как запрещение подавать императрице прошения, изложено невозможным языком.

Ленин в статье «Борьба с голодающими» упоминает об одном из правительственных циркуляров и замечает, что требуется большое терпение, чтобы дочитать его до конца. «Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь...» (В.И. Ленин, Сочинения, том 5, стр. 211-212).

Царские бюрократы начала XX века и по языку и по мало чем отличались от приказных служителей XVIII века.

Даже такие мелочи, как требование выслать бумагу для канцелярских нужд, излагались подробно с титулованием и соблюдением формы и стиля.

В 1734 году из Усть-Кутского Усолья была направлена в Илимск следующая бумажка: «Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня, императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская. Которая имелась в Усь-Куцком Усолье, присланная из ылимской канцелярии бумага, и той бумаги только за расходом в остатках от ноября в декабрь месяц полдести. И о присылке бумаги из ылимской канцелярии в Усь-Куцкое Усолье для письма всяких дел указом вашего императорского величества что повелено будет» (Фонд 75, арх. № 395, л. 14).

Пропуск или искажение титула царя в деловых бумагах влекли немедленное взыскание. Приказчик Криволуцкой слободы Григорий Курбатов был в 1734 году оштрафован на 3 рубля за пропуск титула царицы, а писчик — «бит батоги нещадно» (Фонд 75, арх. № 635, л. 268).

В 1740 году был послан в остроги и слободы указ, чтобы титул царицы писали большими буквами (Фонд 75, арх. № 926, л. 144). Наоборот, такие имена как Анна Брауншвейг-Люнебургская или Жолобов, должны были писаться с малой буквы (Фонд 75, арх. № 1131, л. 112).

Заявления в воеводскую канцелярию, хотя бы и но самым ничтожным поводам, подавались на имя царей и цариц, в торжественной форме, что еще сильнее подчеркивает комизм таких документов.

Посадский Дементьев в июле 1742 года подал следующее заявление: «Всепресветлейшая державнейшая великая государыня, императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая. Бьет челом... Дементьев, а о чем, тому следует пункты. 1) Сего 1742 году в летнее время, а в каком месяце и числе, того сказать не упомяну, не стало у меня, раба вашего, из поскотины, барана двоегодовалого безвестно, цена 50 копеек».

Далее заявитель пишет, что 2 года назад исчезли у него же 2 овцы, сети нитяные «щучьи», и тому подобный вздор (Фонд 75, опись 2, арх. № 335, лл. 66-67).

До начала XVIII века в документах, особенно в челобитных, встречаются ругательные и просто неприличные слова, взятые из обыденной речи. Иногда и воеводы в указах называли некоторые вещи своими именами. Сенат 29 ноября 1753 г. предписал, чтобы челобитчики «в подаваемых против своих суперников челобитных не употребляли бранных слов».

Но так как привычка пользоваться крепкими выражениями еще оставалась, то Сенат подтвердил свой указ в 1764 году (Фонд 75, арх. № 2896, л. 103).

С тех пор воеводская канцелярия обращала внимание не только на соблюдение формы заявления, но и на язык просителя.

По указу Сената 19 февраля 1786 г. было велено слова: «челобитная», «всеподданейший раб», «бью челом» заменить в делопроизводстве словами: «прошение, жалобница», «верный подданный», «прошу». Заявления, поданные с нарушением этих нововведений, учреждениями не рассматривались и возвращались просителю (Фонд 4, арх. № 16, л. 247).

В делопроизводство XVIII века все более внедряется форма, каждая бумажка должна была облекаться в мундир, как несколько позднее, в конце столетия, облекутся в мундир служители канцелярии, а вся жизнь «присутствия» станет протекать в рамках мелочной внешней регламентации. Формализм становился принципом.

В сентябре 1754 года крестьяне Криволуцкой слободы просили воеводу сменить приказчика Алексея Кузнецова, на которого они жаловались «в обидах, нападках и взятках». Илимская воеводская канцелярия нашла, что в заявлении крестьян «титул ея императорского величества написан неисправно», жалоба подана на простой бумаге, не послано челобитчика (Фонд 75, арх. № 2199, лл. 63-65).

На основании этого воевода возвращает заявление и требует, чтобы крестьяне написали его по форме и выслали в Илимск челобитчика.

Крестьяне разъяснили: староста помер, подьячему писать было недосуг, «да и приказчик писать не давал и запрещал», а челобитчика выбрать не из кого, так как «такого заобыкновенного человека из них, пашенных крестьян, не имеется». Все-таки они челобитчика выбрали и написали новое заявление. Однако воеводская канцелярия опять усмотрела неисправность в титуле царицы, да и «писано по чищенному».

Крестьяне решили по-своему: они выбрали крестьянина «Ивана Аникина сына Карманова меньшего в выборные», а приказчика Кузнецова отставили.

Вскоре приходит ответ воеводы, что жалоба возвращается, как составленная не по форме, нужно написать правильно и выслать в Илимск для подачи жалобы челобитчика. А так как вы, — пишет воевода, — выбрали Карманова, то я его назначаю выборным приказчиком, пусть он примет дела у Кузнецова.

Разумеется, крестьяне не стали писать заявления «по форме», да и воевода уже не требовал этого, так как приказчик был, согласно желанию крестьян, замене другим.

Крестьяне были довольны тем, что они добились своего, а воевода был доволен тем, что в его канцелярии не имелось неправильно-го, составленного не по форме заявления.

Изредка привычный ход канцелярской машины нарушался каким-нибудь важным внешним событием.

В 1762 году по случаю смерти Елизаветы I был объявлен траур, коснувшийся и воеводской канцелярии: необходимо было сменить красное сукно, покрывавшее судейский стол, на черное, обить стулья черной материей, а пакеты печатать не красным, а черным сургучом (Фонд 75, арх. № 2657, лл. 193-198, 206).

Столкновения канцеляристов с воеводой были для них очень опасны, но, несмотря на это, находились очень обиженные люди, которые отваживались вступать в борьбу со своим начальством.

Особенно много столкновений возникло в годы правления Шарыгина.

Приказный служитель, подканцелярист Бутаков в 1764 году пьяный ругал воеводу Шарыгина в церкви, обвиняя его в воровстве. Казаки вывели Бутакова из церкви, «яко мятежника», а несколько дней спустя он был бит плетьюми в присутствии воеводы и «с приписью». Через год он похитил со стола какую-то челобитную. По приговору Шарыгина его за пьянство и проделки отослали в распоряжение казачьего сотника, так как Бутаков «и в приказные служители произведен ис казаков» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1072, лл. 6-37).

Видимо, не без участия Шарыгина было произведено в 1768 году освобождение коллежского асессора Юрлова от должности секретаря воеводской канцелярии: «за шумством ево от дел отрешить» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1149, л. 9).

Одновременно тем же указом предписывалось канцеляриста Анциферова «написать в копейсты». Это было очень сильное понижение в должности, едва ли не единственное за всю историю илимской воеводской канцелярии.

Может быть, воевода Шарыгин, так легко расправлявшийся со своими подчиненными, сам являлся деловым человеком?

На этот вопрос нетрудно дать полный ответ.

В 1753 году вводится форма журналов «присутствия» воеводских канцелярий, а в 1764 году — ежемесячная отчетность о днях «присудствий», о числе рабочих дней воеводы, о часах прихода воеводы в канцелярию и о часах его выхода из присутствия (Фонд 75, опись 2, арх. № 1026, лл. 1-2).

Воевода «секунд-мазор» Шарыгин приходил на занятия между 6-8 часами «пополуночи» и заканчивал их обычно в 1 час «пополудни». В 1763 году он был в канцелярии 159 раз, не явился по случаю праздников 111 раз и был болен 95 дней (Фонд 75, опись 2, арх. № 981, лл. 55-63).

Просматривая дни, в которые Шарыгин отсутствовал «за болезнью», легко подметить некоторую закономерность его неявок.

Например, в январе он не был 6-го числа по случаю приаздника, а в следующие два дня — «за болезнью». Затем он отсутствовал 20 января, т. е. в понедельник, потом 27 января — тоже в понедельник. В феврале он отсутствовал 3-го числа, т. е. опять в понедельник, в марте 3-го числа, в понедельник. И так во все недели года. В ноябре понедельники приходились на 3, 17, 24 числа и как раз в эти дни воевода был «болен». Всего им пропущено 30 понедельников. Иногда за понедельником шла вереница дней, когда воевода был «болен». Например, 21 апреля падало на понедельник — праздновался царский день, а 22-30 апреля воевода не являлся в канцелярию «за болезнью». Воевода болел также после каждого праздника.

Подьячие и посетители могли составить довольно точный прогноз болезни воеводы на целый год вперед. Для этого нужно было знать, на какие числа приходятся понедельники и послепраздничные дни.

Губернатор Адам Бриль только через 4 года заметил неисправное исполнение Шарыгиным своих обязанностей и написал «ордер», т. е. приказ, в котором отметил, что некоторые воеводы, «в том числе и ваше высокоблагородие [часто] присудствия не имели». Бриль предупреждает, что он будет вынужден докладывать «ея императорскому величеству», что воевода, вопреки генеральному регламенту, пропускает служебные дни. «И во исполнение оногo вашему высокоблагородию рекомендую — изволите как в присудствие приход, так же и выход, иметь непременно» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1112, л. 35).

Можно привести еще один пример, дополняющий характеристику воеводы Шарыгина как «делового.» человека.

Канцеляристы превращались в касту, а канцелярия — в универсальный орган, решавший все вопросы жизни. Требовалось только соблюдение формы. Это и использовал воевода Шарыгин, вечно с кем-нибудь ссорившийся. Он подал заявление самому себе, жалуюсь на своего подканцеляриста Корелина (Фонд 75, опись 2, арх. № 1066, лл. 98-105, арх. № 1067, лл. 61-62).

По заявлению воеводы был произведен допрос Корелина и свидетелей-канцеляристов. Тут же приложен указ Шарыгина о принятии с него, т. е. Шарыгина, пошлины. Дело закончилось приговором воеводы (Шарыгина) об удовлетворении просьбы заявителя (Шарыгина же).

Учреждение новых инстанций усложнило переписку и еще больше замедлило прохождение дел, умножая крючкотворство и порождая новые формы бюрократизма.

И если канцеляристы и склочники могли использовать свое положение и затевать никчемные дела, то для крестьян искусственно создавались препятствия, затруднявшие им возможность обращаться к местным властям...

Иркутская губернская канцелярия 31 июля 1772 г. разослала указ, запрещающий крестьянам в летнее время, с 1 мая по 1 октября, выезжать с жалобами в Иркутск и уездные города. Срочные заявления предлагалось передавать в приказные избы или старостам, а крестьянам было велено «обращаться в земледелии безленостно».

Воеводским канцеляриям запрещалось вызывать крестьян в рабочее летнее время «к магистратскому суду» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1273, лл. 103-104).

Указ этот может служить примером чистейшего бюрократизма. Вместо того, чтобы принять меры к прекращению судебной волокиты, отрывающей крестьян от полевых работ, губернские власти запретили крестьянам возбуждать дела на протяжении 5 месяцев под предлогом, что крестьяне из-за лености предпочитают празднично проводить время в городах.

В то же время уездные чиновники пользовались самыми вздорными предложениями, чтобы удовлетворять мелочное самолюбие.

Городничий Белевский жаловался в 1790 году «на здешнего расправного судью Децырмана в разных неудовольствиях: ...в церкви во время служения в высокаторжественные дни благодарных молебнов ходит наперед ко кресту... А через сие ево самовольство разрушается установленный законами порядок и благочиние».

Иркутский нижний надворный суд, куда поступило это заявление, решил: в титуле императрицы вместо литеры (ять) написано «е», т. е. с нарушением формы, установленной 2 июля 1762 г.; написано — «жалуется», а по указу 19 февраля 1786 г. должно писать «приносит жалобу»; следует по указу 1762 г. в заявлениях писать: «бьет челом имярек на имярека»; по указу и форме суда 5 ноября 1723 г. жалобы следует писать не сплошь, а по пунктам; в указе 21 апреля 1787 г. дается "объяснение об обидах трех родов (приводится длинная выписка), а в заявлении Белевского не сказано — какого оно рода; по учреждению 31 главы, 489 статьи, 2-го отделения власть иркутского нижнего надворного суда на г. Киренск и его уезд не распространяется; неизвестно, имеют ли жалобщик и ответчик собственные дома; если да, то по статье 477 этому суду дело неподсудно.

Жалоба Белевского нашла достойное судилище! (Фонд 9. арх. № 108, лл. 212-213).

XVIII век уходил в прошлое, погребая в длинном ряде лет многие учреждения уездного управления, замененные

новыми присутствиями. И именно в них дух канцеляризма, казенщины, бюрократической волокиты расцветал с невиданной силой.

Усовершенствованные канцелярии могли затевать переписки, которые были бы не по плечу подьячим XVII века.

В марте 1799 года иркутское губернское правление прислало в Киренск распоряжение государственной адмиралтейств коллегии «о непременном доставлении» в лесной департамент подробных сведений — «сколько потребно ежегодно дров на отопливание печей в селениях казенных крестьян по Иркутской губернии» (Фонд 9, арх. № 216, лл. 193-194).

Как полагается, киренский нижний земской суд, исполняя предписание начальства, предложил мирским избам определить, сколько крестьяне сжигают дров и потребляют кольев. И вот в Киренск стекаются подробные сведения о дровах и кольях. Поступают поселенные ведомости из Чечуйского острога, что нужно 4550 сажен дров, 62470 жердей и 49760 кольев. По Нижне-Илимской волости на 276 домов требовалось 5535 сажен дров, 55200 жердей и 47600 кольев. А некоторые волости, например, Марковская, исполняя указ о представлении «подробных сведений» прислали поименные списки всех крестьян, с указанием, сколько каждому из них требовалось дров, жердей и кольев (там же, лл. 205 и др.).

Запрос о потребностях в дровах и кольях илимских и киренских крестьян, живших в тайге, окруженных миллионами десятин леса, имел не более смысла, чем, например, учет воды, выпиваемой крестьянами и их лошадьми и коровами из Ангары и Лены.

Переписка о жердях и кольях явилась финальным аккордом, славно завершавшим деятельность канцеляристов XVIII века.

ИЛИМСКИЙ АРХИВ

Илимский архив подвергся всем превратностям судьбы, какие могут случиться с подобным хрупким и беззащитным памятником старины. Зарождаясь и накапливаясь в отдаленнейшем глухом крае, собрание илимских документов часто попадало в руки невежественных людей, которые считали его докучливой обузой. Хранился он то в приказной избе, то в соляных, то в купеческих заброшенных и никем не охраняемых деревенских амбарах, дважды перевозился он на дальние расстояния. Его отдельные части истреблялись на протяжении 300 лет людьми и стихиями, сам он не раз подвергался неумелым обработкам и, наконец, в истерзанном виде поступил на хранение в Иркутский государственный архив. И несмотря на это, он является одним из наиболее полных и сохранных уездных архивов.

Ранние дела Илимского воеводства почти целиком погибли при пожаре Илимского острога 24 июля 1666 года. Отложившиеся после пожара дела были расстроены историком Миллером и его помощниками в 1733-1734 годах. Испытал илимский архив и наводнение при разливе р. Илима.

Вице-губернатор Плещеев в январе 1736 года напомнил илимскому воеводе Игумнову, что в воеводском наказе повелело «впредь для порядочного дел содержания к настоящему и будущему правлению содержать текущие дела в своей канцелярии, а вершенные и действием оконченные и старых лет дела... отобрав, положить в особливое безопасное место и учинить им роспись с нумерами» (Фонд 75, арх. № 687, лл. 66-67).

Но не видно, чтобы воевода Игумнов побеспокоился выполнить возложенную на него обязанность по упорядочению архива, и напоминание вице-губернатора было подшито к процитированному делу.

В 1768 году иркутская губернская канцелярия запрашивала илимскую воеводскую канцелярию о гербе города Илимска.

Воеводская канцелярия дала 15 августа того же года следующий ответ: «Герб откуда и по каким повелениям и когда начался, за згоранием в прошлых годах прежней канцелярии, а особливо за разбитием в прошлых 733 и 734 годах в бывшую морскую команду, и после того — с 741 по 759 год у прииску о бывшем правлении прошлых лет, которые по листу все порознь разбиты в особливом амбаре. И за тем дело к делу прибрать никак было невозможно. А напоследок уже паче того — от помешательства в бывшее в 767-м году потопление, в переноске дел, в отыскании не явилось» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1132, л. 119).

При передаче дел 23 июля 1771 г. поручиком Шатиловым новому воеводе Ходыревскому было записано: «Сверх вышеписанных (текущих дел) имеются в архиве письменные дела до 768 году в необыкновенной разбивке, так что собрать и з делом порядочно собразить никак невозможно, что последовало от водяного потопа в 767-м году» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1259, лл. 7-16).

Упорядочение архива было предпринято замечательным илимским воеводой Иларионом Черемисиновым. При вступлении в воеводскую должность он отмечает, что дела «найжены в архиве давных и недавних прошлых лет... не в порядке и в неописании и разбиты».

Черемисинов велел приказным людям выбрать из своей среды лицо, ответственное за состояние архива. Это лицо должно было следить за возвратом в архив взятых дел «и без себя ж... никого ис приказных в архив не впускать и дел для справок брать самовольно и протчих, содержащихся

в архиве дел рабивать непорядочно — не допускать. И для того архив з делами тому выбранному за замком и своей печатью иметь».

В сентябре и октябре 1772 года шло описание дел и затем была составлена «опись переплетов» за 1700-1772 годы, дошедшая до нас неполностью (Фонд 75, опись 2, арх. № 1298, лл. 15-21, арх. № 1298, лл. 20-31).

Всего было упорядочено и включено в опись 1601 дело за 1720-1769 годы, т. е. за 50 лет, без перерывов. В среднем за год откладывалось по 32 дела (Фонд 2, арх. № 4, лл. 35-36).

При переезде воеводской канцелярии из Илимска в Киренск Черемисинов позаботился и об отправке туда архива. Часть бумаг он взял с собой, возложив ответственность на илимского комиссара Шестакова за сохранение и отправку в Киренск оставшегося в Илимске архива.

В феврале 1776 года Черсмисинов дает строгий указ илимскому комиссару об отправке в Киренск остатков илимского архива (Фонд 2, арх. № 51, лл. 116-117).

Но распоряжение это, несмотря даже на посылку нарочного, не было выполнено, что повлекло гибельные последствия для оставшихся в Илимске документов.

Видимо, Черемисинов стремился сберечь и волостные архивы, так как в делах встречаются сведения об отправке старых документов мирских изб в воеводскую канцелярию. Например, выборный Усть-Кутского острога Андрей Антипин сообщает 17 января 1771 г. воеводе, что отправил в усть-киренскую воеводскую канцелярию «бумажную архиву прежних лет» и прилагает перечень 57 «переплетов» за 1721-1775 годы, по одному переплету за год (Фонд 2, арх. № 127, лл. 41-42).

Гибель дел илимского архива, оставшихся в Илимске, выясняется из следующей переписки киренской городской управы. 14 января 1787 г. иркутское наместническое правление предложило Киренску выслать копии старых дел, которые были необходимы князю М.М. Щербатову «для сочинения общей российской истории».

Киренская городская управа ответила, что старых дел, с 7158 по 7191 год (т. е. с 1650 по 1683 год) «в киренской архиве не имеется, а перевязаны только по закрытии илимской воеводской канцелярии. А по открытии в Киренске воеводской канцелярии дела с 1720 года. А тех годов дела все... остались в илимском комисарстве в архиве под наблюдением комисара Шестакова. А в 784 году архива з делами созжена казачьим сыном Михаилом Сенотрусовым, который ныне содержится по тому [делу] в Иркутске, в тюремном остроге» (Фонд 435, арх. № 8, л. 141).

Итак, нужно считать, что в 1784 году погибли дела

XVII века и начала XVIII века, хранившиеся в Илимске, драгоценные памятники истории Илимского края.

Воеводе Черемисинову мы обязаны тем, что подобной участи избежали некоторые документы XVII века, перевезенные им в Киренск, и обильные материалы, отложившиеся в илимской воеводской канцелярии в течение XVIII столетия.

В 1784 году в Киренске сгорел дом городничего с делами киренского нижнего земского суда. Частично погибли и илимские бумаги начала XVIII века.

ВОЕВОДЫ

За три четверти XVIII века мало что изменилось в положении уездных воевод Сибири по сравнению с предшествующим столетием.

Но сроки службы воевод и порядок их назначения менялись в XVIII веке не один раз, что иногда приводило в недоумение не только губернаторов, но и Сибирский приказ.¹

Согласно указу от 23 апреля 203 (1695) года воеводам в Сибири было велено находиться по 4, но 5 и по 6 («по шти») лет.

23 марта 1730 г. Анна Иоанновна сократила этот срок до 2 лет, «и буде которой исправен — и после смены в год челобитчиков на него не будет, таких определять в воеводы ж по рассмотрению» (Фонд 75, опись 2, арх. № 85).

Назначение воевод в Илимск помимо Сибирского приказа привело, в частности, к тому, что Сенат в 1731 году не имел никаких сведений об илимских воеводах.² Указом 3 июля 1735 г. было установлено, «чтоб воеводам быть непременным, пока кто умрет или впадет в какое подозрение».

Вскоре, 26 июля 1737 г., Сенат разъяснил Сибирскому приказу, что в случае смерти воеводы или его товарища местные губернаторы должны, «не отписываясь, вместо оных до указу определять по своему рассмотрению, людей добрых и бесподозрительных».³

В целях борьбы с служебными злоупотреблениями воевод Анна Иоанновна указами, от 1 июля и 27 августа 1740 г. запретила воеводам и губернаторам приобретать и закладывать на месте службы имения, земли и людей, а также брать векселя.⁴

В 1744 году было велено воеводам служить в городах по 3 года. Указом 1755 года вновь устанавливалась бессрочная служба воевод.

См., например, фонд Сената № 248, опись 20, арх. № 25/1368, л. 461 об.

² Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 8/160, л. 44.

³ Фонд Сибирского приказа № 214, опись 15, арх. № 76, л. 1.

⁴ Фонд Сената № 248, опись 20, арх. № 1369, лл. 1489, 1580.

Но уже указом Сената 26 октября 1760 г. эта практика признается неудовлетворительной; по мнению правительства, честные воеводы проживаются, теряя связь с своим хозяйством, а нечестные наживаются. Поэтому Елизавета повелела Сенату сменить всех воевод, которые прослужили на одном месте непрерывно более 5 лет. «И впредь быть им по 5 лет». Если же помещики и граждане пожелают продлить срок службы воеводы, то они могут подавать в Сенат «желательные (т. е. заявления с пожеланием оставить воеводу) со удостоверением о их добродетельных поступках челобитья» (Фонд 75, арх. № 2576, лл. 65-66; опись 2, арх. № 722, лл. 2, 4).

Елизавета также указала Сенату, что воеводы в Сибири назначаются местными властями «ис тамошних обывателей, а именно ис купечества и казаков... в том числе и не умеющих грамоте... також и бывшие у некоторых персон в холопстве, да и такие, которые бывали в розысках, наказаниях». Она указала Сенату на необходимость назначать воевод в Сибирь «из знатного шляхетства, добрых и пожиточных и известных людей», и велела поручить Сибирскому приказу определять воевод, приводить к присяге и высылать их к местам службы. При этом устанавливалось правило, чтобы воеводы в Сибири служили по 3 года и сменялись 1 января (Фонд 75, арх. № 1226, лл. 125-128).¹

Желая разобраться в путанице, которая неизбежно происходила вследствие частых перемен в порядке назначения воевод, Сенат 17 февраля 1763 г. обязал воеводские канцелярии сообщать ему дважды в год сведения о воеводах и их товарищах по особой форме. Благодаря этому распоряжению можно найти в делах илимской воеводской канцелярии ведомости о воеводах, содержащие главные биографические данные как о них самих, так и о их товарищах.

В сентябре 1772 года Сенат указал Иркутску «о неувольнении собою здешней губернской канцелярии воевод от должности» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1296, л. 4).

Возврат к порядку назначения воевод из Сибирского приказа означал одновременно замену управителей, вышедших из канцеляристов, лицами, прошедшими длительную военную службу. Все воеводы, направленные с этого времени Сибирским приказом и Сенатом в Илимск, долгие годы до этого служили в армии, имели офицерский чин и являлись мелкопоместными дворянами.

Всего с 1725 по 1784 год сменилось в Илимске 24 воеводы и один — в Киренске. Из них 13 человек было назначено из иркутской провинциальной, 3 — из губернской канцелярий и 9 — из Сибирского приказа или из Сената. Лица, назначен-

См. также фонд Сената № 248, опись 20, арх. № 25/1368, лл. 443-488

ные Иркутском, обычно звались управителями, а присланные из Москвы — воеводами.

В 1 томе «Илимской пашни» приведен список илимских воевод, в который включено 29 лиц. В настоящем томе этот список продолжен.

Литвинцев Иван Степанович, «города Илимска дворянин», являлся илимским управителем еще в 1720-1722 годах, после чего подвергался аресту. Вторично был назначен илимским управителем указом иркутской провинциальной канцелярии в конце 1726 года и пробыл в этой должности с 13 марта 1727 г. по 26 января 1729 г.

Местный уроженец, имевший свое хозяйство в деревне Литвинцевой, на р. Илеме, он после смены уехал в Иркутск со всей своей семьей и там получил звание иркутского дворянина.

В Иркутске началась длительная и опасная борьба Литвинцева с вице-губернатором Жолобовым. Отголоски этой борьбы достигали и Илимска в виде указов Жолобова об описи имущества Литвинцева. Громадная переписка по этому вопросу имеется в делах Сената.¹

Умер Ив. Литвинцев в 1747 году, будучи управителем Верхоленского дистрикта. До конца жизни он занимался доносами, которые иногда доходили до Сената.²

Бодоруев Константин Тимофеевич, иркутский сын боярский, находился согласно указу иркутской провинциальной канцелярии управителем г. Илимска с 26 января 1729 г. до 27 января 1730 г., когда был «взят по некоторому делу» в Иркутск (Фонд 75, арх. № 328, лл. 201-286).

Петров Петр Федорович, иркутский «камерирский сын», сменивший Бодоруева, сам сдает вскоре, 31 декабря 1730 года, воеводские дела новому управителю. Против него возбуждается судебное дело о злоупотреблениях подрядами.

Завьялов Петр Кузмич, из илимских подьяческих детей, «вступил в команду» 31 декабря 1730 г. и находился в должности илимского управителя до 21 сентября 1731 г. В конце этого года его вызывают с отчетом в Иркутск, так как он «явился в подозрении в похищении подушного збору», всего 114 руб. 28 коп. 'Двор и пожитки Завьялова были распроданы, а дом взят в казну.

Турчанинов Никифор, иркутский дворянин, дважды назначался управителем в Илимск. В первый раз он исполняет воеводскую должность с 12 марта по 30 сентября 1731 г., когда его сменяет Горяистов. Но 14 апреля следующего года он сам

¹ Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 7/159, лл. 2-334, 335-1413.

² Например, донос на воеводу Кондратьева. Вице-губернатор Лоренц-Ланг и бригадир Якобий доказали Сенату ложность доноса Литвинцева (Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 35/187, лл. 57-90).

сменяет Горяистова и служит до 7 декабря 1733 г., пробыв воеводой в общей сложности несколько более 1 года 2 месяцев.

Но за это недолгое время он два раза подвергался штрафу и, наконец, против него по предложению Шпанберха возбуждается серьезное дело о злоупотреблениях при даче подрядов на постройку барок.

Спустя 39 лет со дня отъезда Турчанинова из Илимска, илимская воеводская канцелярия получила указ иркутской губернской канцелярии дать справки, как отработали за барки, недостроенные 42 года назад, те лица, которым Турчанинов якобы переплатил деньги (Фонд 75, арх. № 3391, лл. 28, 30, 33).

Горяистов Тимофей Кирьянович принял дела от Турчанинова 2 октября 1731 г. и вновь сдал их ему 13 апреля 1732 г. В указе иркутской провинциальной канцелярии о назначении Горяистова говорилось, что ему «велено в Ылимску... отправлять воеводскую должность» (Фонд 75, арх. № 399, л. 40).

Слабость контроля за деятельностью воевод и их полная независимость от населения породили странную меру — опрашивать бывших подчиненных воеводы — не имеется ли у них жалоб на смененного начальника.

Воевода Горяистов рассылает 9 октября 1731 г. по всем острогам и слободам Илимского уезда следующий указ: «...в Илимску городе чрез барабанной бой публиковать... указом и в пристойном месте выставить публичной лист... не было ль кому каких обид и раззорения... О том подавать в ылимскую воеводскую канцелярию прошени[я] сущюю правдою, без ызлишества, безо всякого опасения». В особенности Петрову ставилось в вину, что он брал лишних рекрутов (Фонд 75, арх. № 342, лл. 59-62).

Пока Горяистов собирал обвинительные материалы на Петрова, иркутская провинциальная канцелярия готовила дело против своего ставленника. Указом 31 марта 1732 г. на имя иркутского дворянина Никифора Турчанинова она велела сменить «управляющего воевоцкую должность» в Илимске — Тимофея Горяистова «за неисполнение во отправлении ведомостей и репортов и за самовольное дерзновение, что, оставя команду, ездил по своим прихотям по уезду». Во время его отлучки возвращались китайские послы из России на родину. Их в Илимске не встретили, не оказали им «никакова почтения по достоинству». За это «и за протчие ево продерзости... управителем... ему... не быть». Одновременно провинциальная канцелярия велела собирать на Горяистова челобитные от крестьян (Фонд 75, арх. № 457, лл. 1-2).

Всего удалось добыть 8 заявлений. Но и Горяистов не дремал. С многими челобитчиками он успел совершить мировую, очевидно, дав отступного. Обе стороны должны были быть

довольны: Горяистов избавился от опасных обвинений, а доносчики наловили рыбки в мутной воде. Ведь иркутской провинциальной канцелярии было важно иметь челобитья. А правдивые они или клеветнические — это было ей совершенно безразлично.

Пока воевода у власти на него не жалуются, так как это в большинстве случаев грозит неприятностями самому жалобщику. После смены воеводы на него можно написать что угодно, ставя его в опасное положение без риска для себя. Начальство, беспомощное в отношении контроля воеводы, пока он находится у власти, начинает поощрять всех челобитчиков, в том числе и тех, которые из личных, может быть и корыстных, побуждений пожелали бы воспользоваться благоприятной возможностью, создаваемой сменой воеводы. Чаще всего к этому прибегали служилые люди. Таково было одно из следствий порочной системы управления.

Через 12 лет после смены Горяистова иркутская провинциальная канцелярия сообщала в Сенат, что «при щетных выписках оказалось сверх приходу в расходе в лишке казны» 1670 руб. 95 коп. Ревизоры того времени так и не установили происхождение оказавшихся избыточных денег. Горяистов тем временем получил повышение, так как из Тобольска уехал в Москву по именному указу.¹

Чемесов Иван, иркутский дворянин, начал свою деятельность в Илимске в качестве управителя с ареста своего предшественника Турчанинова, от которого он принял дела 7 декабря 1733 г. Но не прошло и трех месяцев, как его убирают из Илимска и вскоре направляют приказчиком Илгинского острога. Согласно данному ему указу он и там арестовал своего предшественника. Как за полгода до этого Чемесов отправил воеводу «за караулом» в Иркутск, так теперь то же самое он сделал в отношении приказчика (Фонд 75, опись 2, арх. № 170).

Игумнову Константин, иркутский дворянин, сменил 1 марта 1734 г. Ивана Чемесова.

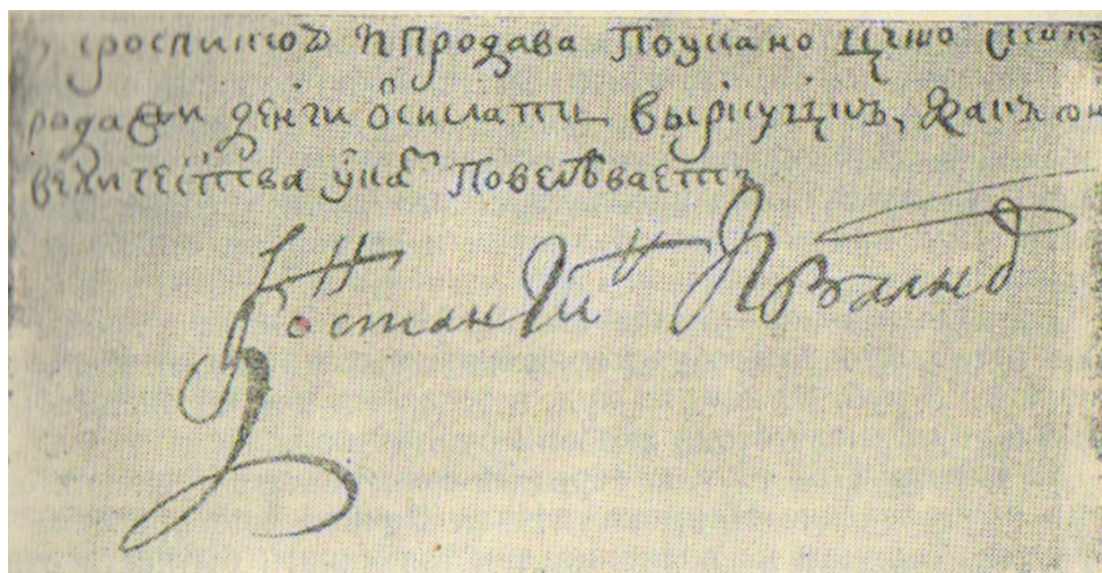
Сдал дела 20 июня 1736 г. Матвею Бейтону и был потом комиссаром в Китайском караване, учет по которому затянулся до смерти Игумнова в 1744 году.

Бейтон Матвей Яковлевич, иркутский сын боярский, 20 июня (по другим документам — 3 июня) 1736 г. принял от Игумнова город, «снаряд», «альтилерию», городовые ключи, серебряную печать, денежную, товарную и ясачную казну, провиант и все дела (Фонд 75, арх. № 522, л. 14).

Все эти вещи и ценности он сдал 22 января 1738 г. Кондратьеву, новому илимскому управителю. А в марте этого же

года «отбыл в Иркутск» вместе со своим помощником Толстоуховым «по указу — к следствию». Бейтон обвинялся «во взятках лихоимственно с разного чина людей от рекруцкого набора». Общая сумма претензий к нему и соуправителю Толстоухову достигала 1319 руб. 50 коп. деньгами и 176 руб. 30 коп. товарами.

Следствие по этому делу излагается в отдельном разделе настоящего тома.

The image shows a piece of aged paper with handwritten text in Cyrillic. The top part contains several lines of text in a cursive hand, which appears to be a legal or official document. Below the text is a large, stylized signature, likely of the voevoda Igumnov mentioned in the caption. The paper has a slightly textured appearance and some minor discoloration.

Подпись воеводы Игумнова.

Кондратьев Никифор, дьяк, управлял Илимском после смены Бейтона до 20 июня 1743 г., т. е. в течение 5 с лишним лет.

Кондратьев умер в Илимске 3 июля 1743 г. Пользуясь благоприятным случаем, дворовый человек Кондратьева подделал «воровски» отпускную себе, жене и детям. Чем кончилось следствие, установить нельзя, так как возбужденное дело было утеряно илимской воеводской канцелярией (Фонд 75, арх. № 1225, лл. 30-31).

Сохранилось несколько заявлений крестьян, обвинявших Кондратьева во взяточничестве и вымогательствах.

Семен и Иван Воиновы, отец и сын, управляли Илимском 20 июня 1743 г. по 13 августа 1745 г.

Семен Воинов был сослан за какое-то преступление в Илимск, но в марте 1726 года, как грамотный человек, назначается подьячим (Фонд 75, арх. № 194, лл. 48-51). Затем его по старости освободили от дел, он уехал в Иркутск, как вдруг иркутская провинциальная канцелярия встретила с затруднением, — кого послать управителем в Илимск. Она назначила туда Воинова с сыном и велела Семену принять воеводские дела.

Но вскоре, именно 20 февраля 1745 г. «илимской управитель Семен Осипов сын Воинов, будучи при смерти своей, а

в совершенном разуме, приказал: вместо себя быть в илимской канцелярии и управлять... дела до присланного из иркутской провинциальной канцелярии... указу, сыну своему Ивану Воинову» (Фонд 75, опись 2, арх. № 398, л. 211).

Иван Воинов передал должность илимского управителя иркутскому дворянину Федору Иванову сыну Литвинцеву 13 августа 1745 г. (Фонд 75, арх. № 1228, л. 1).

Дела же он сдал воеводе Своитинову 1 января 1746 г. по подробным описям и уехал служить в иркутскую провинциальную канцелярию (Фонд 75, арх. № 1341, лл. 1-157).

Несмотря на то, что Иван был только казаком и соглашался управлять Илимском лишь в силу затруднительных для провинциальной канцелярии обстоятельств, Иркутск после смены Ивана Воинова преследовал его долгие годы, предъявляя ему надуманные обвинения и заставляя отвечать за умершего отца.

Главное обвинение, падавшее на Ивана Воинова, заключалось в том, что по его распоряжению было куплено 90 пудов хмеля по 2 руб. 80 коп. за пуд, в то время как по оценке посадских пуд хмеля стоил якобы 2 руб. 40 коп.

25 января 1767 г., т. е. через 24 года после вступления его отца в управление Илимском, Иван Воинов еще проверял в Иркутске с одним из подканцеляристов «книги бытности отца своего... илимским управителем» (Фонд 75, арх. № 1120, лл. 104-110).

И Семен и Иван Воиновы не были титулованными чиновниками, один — ссыльный, а потом подьячий, другой — рядовой казак. И во время их правления жалоб от населения ни на того ни на другого не поступало. Может быть, это и казалось странным иркутским властям, которые и постарались заполнить пробел, преследуя сына, в то время как его отец уже четверть века лежал в могиле.

Литвинцев Федор Иванович, иркутский сын боярский, происходил из илимских служилых людей. Он занимал ряд важных должностей, но особенно выдвинулся во время преследования илимского управителя Матвея Бейтона. После смены Ивана Воинова он временно, около пяти месяцев, т. е. до приезда воеводы Своитинова, управлял Илимским уездом.

Своитинов Степан Федорович, ассессор и воевода. После длительного перерыва это был первый илимский воевода, к тому же утвержденный Сенатом (15 декабря 1744 г.). Сообщение о его назначении было послано из Иркутска только 15 мая 1745 г. (Фонд 75, арх. № 1226, лл. 125-128). Но Своитинов еще долго не появлялся в Илимске и вступил в управление городом и уездом только 1 января 1746 г.

В течение длительного времени он отказывался подписывать росписные списки с Федором Литвинцевым, так как последний все не мог составить таких же документов с своим

предшественником Иваном Воиновым. И лишь в мае 1749 года, т. е. через 3 года, незадолго до своей смерти, Своитинов принял по описи город Илимск и расписался в приеме дел у Литвинцева.¹

Своитинов умер в Илимске 6 апреля 1750 г.

Сибирский приказ долго проверял отчеты за время службы Своитинова в Илимске, наконец «при ревизии щетов» илимской таможни за 1746 год он обнаружил какие-то упущения. Следствием этого был указ от 13 марта 1751 г. — оштрафовать воеводу Своитинова и с приписью на 10 рублей (Фонд 75, опись 2, арх. № 580, лл. 79-83).²

Оштрафование мертвого Своитинова еще не было последним актом, напомнившим Илимску об усопшем воеводе. Отчет о деятельности Своитинова пересоставлялся в 1766 году, через 16 лет после его смерти.

Попов Иван Григорьевич, ассессор и воевода, назначенный Сибирским приказом в декабре 1749 года в Илимск, должен был принять дела и счесть воеводу Своитинова (Фонд 75, арх. № 1714, лл. 10-11).³

Попов начал свою службу с 1722 года в возрасте 21 года солдатом Воронежского батальона. Он участвовал «на баталиях и на ахциях и штурмах при полку безотлучно по 733 год» в качестве сержанта. В 1734 году он был в Польше, в 1735 году участвовал в Крымском походе «и по взятые Перекопа и протчих городов», пожалован в 1736 году прапорщиком в Белозерский полк. В 1737 году его направляют с командой под Очаков, где немедленно по прибытии его бросают «в самую атаку с минерами», затем прикомандируют «в фетмаршельской редут на караул». За военные отличия его в 1738 году производят в подпоручики. В 1741 г. он участвует в боях «под Мыню Мызу», после чего производится в поручики. В 1747 году он — капитан и командирится с князем Репниным «в Цесарию и в Ругу». Через два года, после 25-летней службы в армии, его переводят на гражданскую службу, присваивают чин ассессора и передают в распоряжение Сибирского приказа. Последний назначает его воеводой в Илимск. «А с пожалования в ассессоры жалованья не получает». Иван Попов имел 5 крепостных душ в Тульской губернии (Фонд 75, арх. № 2048, лл. 243-244).

Попов был энергичным человеком, он перестроил почти нацело Илимский острог.

Несмотря на исполнительность, приобретенную за долготлетнюю военную службу, не избег штрафа и Попов. Иркут-

¹ Сибирский приказ, фонд 214, опись 15, арх. № 897, лл. II-III.

² См. также, фонд Сибирского приказа № 214, опись 15, арх. № 851, л. 46.

³ Там же, лл. 2-43.

ская провинциальная канцелярия отыскивала какие-то неисправности и оштрафовала его, «с приписью» и приказных служителей на 20 рублей (Фонд 75, опись 2, арх. № 631, л. 10).

Андреев Григорий, ассессор и воевода, назначен Сибирским приказом и утвержден Сенатом, о чем Сибирский приказ 5 мая 1754 г. извещал илимскую воеводскую канцелярию.

Андреев сменил Попова 4 января 1755 г.

Летом 1756 года Андреев заболел. Последний раз он был «в присутствии», т. е. в воеводской канцелярии, 19 августа. 9 сентября в журнале была сделана следующая запись: «А сего сентября 9 дня пополудни, например в 10 часу, оной воевода Андреев по воли божеской скоропостижною смертию помре». Печать илимской воеводской канцелярии взял с приписью Смирнов. В Иркутск поехал нарочный казак (Фонд 75, арх. № 2205, лл. 60-61, 73).

Дьяконов Кузьма Семенович, поручик, исполнял после смерти Андреева воеводскую должность.

До его приезда в Илимск журнал илимской воеводской канцелярии вел «с приписью» Смирнов, а 7 декабря 1756 г., в субботу, «порутчик, правящей воевоцкую должность Дьяконов в присудствие прибыл пополудни в 7-м часу». С этого времени и до сдачи 24 марта 1758 г. дел новому воеводе Дьяконов без всяких инцидентов исполнял порученное ему дело.

Павлуцкий Федот, поручик и воевода.

Новый воевода прибыл в Илимск почти через год после назначения и принял 24 марта 1758 г. от Дьяконова воеводские дела.

Павлуцкий передал дела вновь назначенному воеводе Шарыгину 4 января 1761 г.

Шарыгин Андрей Федорович, «секунд-маэор», направляется по решению Сибирского приказа от 12 июня 1760 г. воеводой в Илимск (Фонд 75, арх. № 2558, л. 1).

В 1764 году указом Сената служба его в Илимске была продлена (Фонд 75, арх. № 2838, лл. 184-187). Сам он в 1767 и 1768 годах, запутавшись во взятках, просил иркутского губернатора Бриля уволить его по болезни от воеводской должности. Но лишь через 2 года, 19 января 1769 г., Шарыгин сдал дела, прослужив в Илимске 8 лет, и только тогда получил жалование за свою службу. В должность воеводы вступил Федоров (Фонд 75, опись 2, арх. № 1178).

Шарыгин был истый чиновник своего времени: гуляка, крючкотвор, и обирала. В настоящем томе не раз приводятся тому примеры.

В черновой книге казначея монастыря за 1762 год наряду с обычными записями по приходу и расходу денег отражено и посещение воеводы Шарыгина, который производил опись

имущества монастыря по указу иркутской провинциальной канцелярии.

В книге, в частности, записано: «по приказу настоятелей иеромонахов Иоасафа и Мефодия снесено ему (Шарыгину) в покой денег 10 рублей да одна кожа юфтяная, черная. Да настоятели иеромонахи Иоасаф и Мефодий несли от себя (!) казенных (!!) денег рублевой монет». С Шарыгиным были подьячие И. Корелин и П. Хлебников, которым по приказу настоятелей казначей выдал 20 рублей и 2 кожи. Шести казакам в том же порядке дали 5 рублей, кожу юфтяную, «да всем, на свиту их, дубленая кожа одна».

Из подвала Шарыгин и его люди забрали вина па 6 рублей. При отъезде из монастыря воевода взял себе коня «виноходца», другого коня забрали по примеру начальника и подьячие.

Убыль лошадей пришлось записать по шнуровой «скотной книге» без расписок (Фонд 482, арх. № 28).

Федоров Иван, коллежский ассессор, принял дела от Шарыгина 19 января 1769 г. Он умирает 7 мая 1770 г. Его пожитки были описаны, оценены в 41 руб. 36 коп., а затем проданы на торгах за 82 руб. 91 коп. В опись вошло 84 вещи, в том числе: 5 икон, 2 пистолета, шпага, кафтан, перчатки, галстух, салфетки, костыль, 3 чернильницы, воинский артикул, 3 книги «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» за 1759 г. (оценка 9 копеек; купил купец за 35 копеек), печатный манифест о войне с Турцией, табель о рангах.

Купили: прапорщик Хабаров 17 вещей, сержант — 11, канцелярист — 30, купцы — 17, прочие люди — 9 вещей.

Не поступили в продажу 4 патента на чипы (Фонд 75, арх. № 3320).

После смерти Федорова остался его слуга с женой. Они утверждали, что в опись имущества Федорова вошла часть их собственных вещей. Остатки нераспроданного имущества Федорова были в 1771 году возвращены жене его слуги.

Суровцев Иван, коллежский ассессор, был назначен илимским воеводой Сенатом, приехал на место новой службы около 12 апреля 1770 г. В это время его предшественник Федоров был еще жив, но тяжело болел.

Суровцев прослужил в Илимске еще меньше, чем Федоров. Официально он вступил в должность воеводы 18 апреля, а умер 19 июня 1770 г.

Имущество, оцененное в 95 руб. 61¼ коп., продали с торгов канцеляристам, прапорщику Хабарову и купцу за 97 руб. 70 коп. В числе этих вещей были: шпага — стоила 65 копеек, другая шпага — 1 руб. 60 коп., серебряные часы — 11 рублей, кафтан — 4 рубля и «Книга печатная — Домашней лечебник» — 80 копеек (Фонд 75, опись 2, арх. № 1221, лл. 117-140).

Шатилов, поручик, исправлял воеводскую должность временно.

Шатилов правил недолго. 18 мая 1771 г. в Илимске был уже новый воевода Ходыревский и «слушал» указ иркутской губернской канцелярии «о бытии в городе Илимску воеводою секунд-майору Прохору Ходыревскому» (Фонд 75, арх. № 3237, л. 69).

Ходыревский Прохор Егорович, секунд-майор, до назначения в Илимск прошел в армии обычную, только чрезмерно затянувшуюся службу мелкопоместного дворянина. Он происходил из Курской губернии, где его мать имела 25 душ крепостных крестьян.

12-летним мальчиком Ходыревский был зачислен в армию, а первый офицерский чин он получил через 17 лет военной службы.

После почти 30-летней армейской службы его переводят в распоряжение Сибирского приказа с чином секунд-майора.

Столь долгая служба в армии, к тому же начатая в отроческом возрасте, отгородила Ходыревского от гражданской жизни, порядков которой он не понимал, и, без сомнения, внушила ему презрительное отношение к канцелярскому труду. В управлении он считал верным только один метод — команду. Его, вероятно, поражала неисполнительность подьячих, которым одно и то же нужно было приказывать по нескольку раз.

Немудрено, что назначенный комендантом селенгинской комендантской канцелярии он быстро возбудил к себе неприязнь ее служителей. На него немедленно стали поступать заявления, как только он появился среди приказных людей в качестве их начальника. Он был неопытен в этих делах и не умел ни предотвращать, ни отражать подьяческих атак. Среди заявлений были и пустяковые жалобы и доносы «по секрету», т. е. пахнувшие государевым словом и делом.

Иркутская губернская канцелярия разбирала заявления, поступившие из Селенгинска «о непорядочных ево, Ходыревского, поступках, яко то: в заседании в присутствии за зеркалом в шабке, в курении трубки и в держании при себе в судейской каморе охотничей собаки и в ругании приказных служителей скверною матерною бранью».

Ходыревский при допросе и не думал этого отрицать, полагая, что с неисполнительными кропателями бумаг иначе и разговаривать нельзя. Он просто заявил, что «то им чинено было от неведения, чтоб сие противно было законам».

Иркутская губернская канцелярия объявила Ходыревскому «крепкой выговор» и держала его под арестом 3 дня. Но так как «казенного упущения и других непорядков, кроме временного шумства, не оказалось», то было решено отправить

Ходыревского в Илимск и обязать подпиской держать себя в известных границах.

Итак, секунд-майор Ходыревский направляется в Илимск, прибывает туда 17 мая и на следующий день вступает в управление. Он явился в илимскую воеводскую канцелярию с приговором иркутской губернской канцелярии по его делу и с проектом странного обязательства. Он должен был на месте, в Илимске, дать подписку «в том, что будучи ему в Ылимску шумственных и других непорядочных поступок, таковых, как в бытность ево чинил он в Селенгинске, не чинить» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1257, лл. 14-16).

Илимская воеводская канцелярия, получив эту подписку от Ходыревского, отправила ее в Иркутск 10 июня того же года, что, вероятно, несколько успокоило илимских подьячих, недоверчиво встречавших беспокойного секунд-майора, своего нового начальника.

Вскоре начался прием острога, бумаг и ценностей от Шатилова и закончился 23 июля.

Но приказные люди илимской воеводской канцелярии успокоились ненадолго.

Через месяц после того, как был закончен прием всех дел, 20 августа 1771 г., он отдает следующий приказ по илимской воеводской канцелярии:

Так как запущены многие дела, требующие срочного исполнения, то определить «за эскутера одного бес[с]менно и безотлучно капрала», которому дать инструкцию о наблюдении за работой приказных служителей. Дела «сочинять с крайним успехом и радением, порядочно, по законам и [с] тшанием... во ожидании доброго воздаяния, а за неисполнение... неупустительного, сверх телесного штрафа, из жалованья вычета опасаться неотложно». Так, из подьячих Ходыревский образовал нечто вроде отряда писцов под командой капрала, для канцеляристов совсем необычного начальника.

Инструкция капралу, назначенному надсмотрщиком над канцеляристами, говорила о том, что:

при смене Шатилова оказалось нерешенным 161 дело. Это произошло «ни от чего инаго, как только от лености, нерадения, от нетшания к лутшему порятку, от ненаблюдения канцелярскими служителями своих должностей».

Служителям велено «сочинять с крайним успехом».

До тех пор, пока «повытчики... с копейстами и пищиками дел не окончат, таковых в канцелярии содержать без выпуска, кроме табельных воскресных, праздничных дней. И то только — чтобы для слушания божественного пения в божью церковь, да обедать и ужинать. Всего на 3 часа в сутки».

«За продерзости» капрал должен был штрафовать подьячих по законам «неупустительно», примерно так, как наказывают солдат в воинских командах, а именно, за несвоевре-

менный приход и уход, за пьянство, за отлучки, «за неопрятность... за празднословие и за гуляние (зачеркнуто: «без дела»)... кто необычайно кричать или ссоры, а в случае и драки производить отважитца». Все эти продерзости записывать в особую книгу. А пьющих неоднократно — «в железа заковать».

В канцелярии, как в казарме, должен назначаться из служителей дневальный. Ему канцеляристы при уходе должны сдавать под расписку книги, указы, инструкции и все дела (Фонд 75, опись 2, арх. № 1259, лл. 127-131).

Превратив таким образом илимскую воеводскую канцелярию в штрафную роту, Ходыревский добился того, что она работала круглые сутки, день и ночь.

Сенат, получив сообщение иркутской губернской канцелярии о переводе Ходыревского из Селенгинска в Илимск, не одобрил этого и издал указ «об отрешении за непорядочные поступки... воеводы Ходыревского от дел» и велел произвести следствие, на каком основании Ходыревский заседал в шапке, курил и держал собаку в суде (Фонд 75, опись 2, арх. № 1299, лл. 49-51).

После смещения Ходыревского поступили жалобы илгинских и турских крестьян о его взяточничестве.

Черемисинов Иларион Михайлович, капитан и воевода, управлял Илимском с 14 августа 1772 года до ликвидации илимской воеводской канцелярии и, таким образом, оказался последним илимским воеводой. После переезда воеводской канцелярии в Киренск, возглавил новую усть-киренскую воеводскую канцелярию. Был смещен 13 мая 1779 г.

Ввиду того, что деятельность воеводы Черемисинова представляет особый интерес, она освещена в отдельной главе настоящего тома.

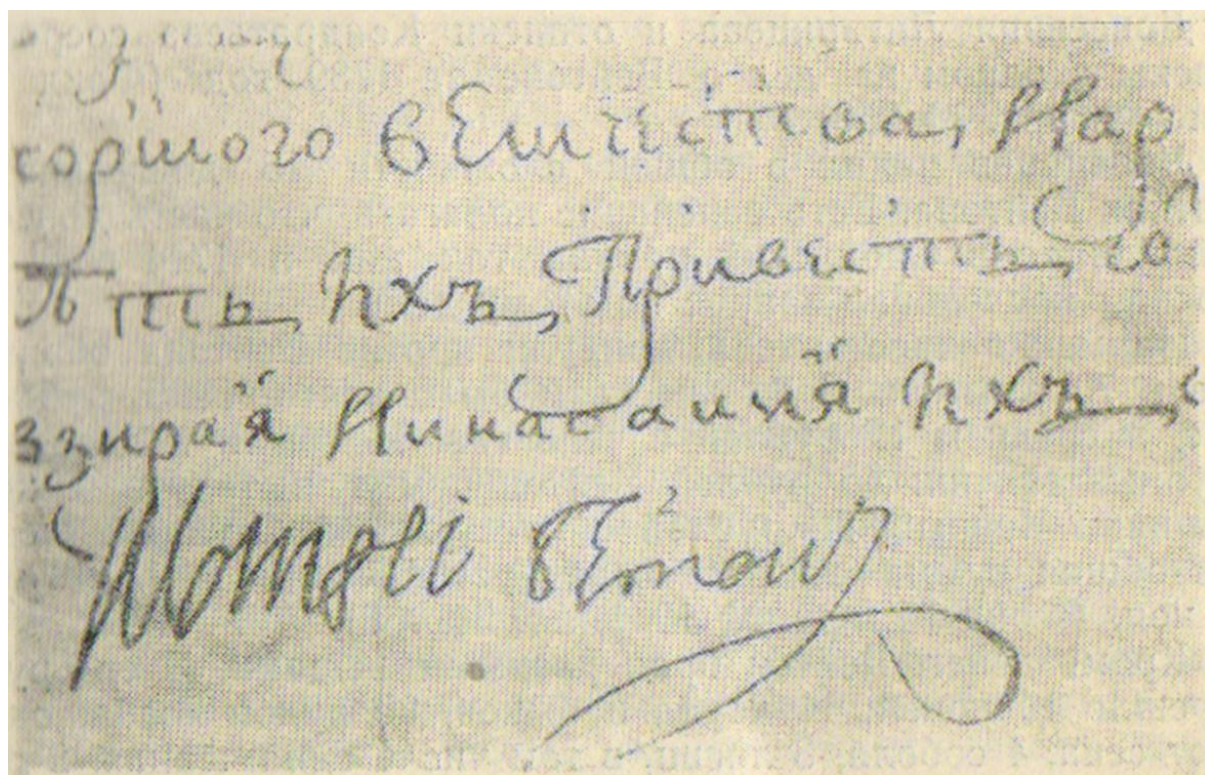
Ланской, коллежский асессор, после смены своего предшественника управлял Киренским уездом в качестве воеводы до ликвидации в 1784 году воеводской системы управления.

УПРАВИТЕЛЬ БЕЙТОН

Иркутский сын боярский Матвей Бейтон по назначению иркутской провинциальной канцелярии управлял Илимском в 1736-1738 годах. Сменивший его дьяк Кондратьев совершенно равнодушно отнесся к многочисленным сведениям, имевшимся в илимской воеводской канцелярии о взяточничестве Бейтона.

По заявлениям Ф. Литвинцева началась длинная переписка, типичная для того времени, и возникло сложное судебное следствие, в котором, как в капле воды, отразилась радуга всех цветов судебной волокиты.

Бейтону по обвинениям его во взяточничестве пришлось в 1738 году отвечать при допросах на 79 пунктов. Тактика этого пройдохи, представителя длинной цепочки служилых людей фамилии Бейтонов, ряда поколений типичной паразитической семьи карьеристов, взяточников и насильников, была очень простая. Сперва требовалось все отрицать. Так как заявителей было много и следствие неизбежно затягивалось, то часть из них, не желая тратить время и деньги на разъезды, попускалась своими интересами, другие впадали сами

The image shows a close-up of a handwritten signature in Russian. The text is written in a cursive script on aged, slightly textured paper. The signature reads: "Матвеи Бейтону". Above the signature, there are some faint, partially legible words, possibly "соруго" and "Величества", which might be part of a larger document or a reference to a specific context.

Подпись Матвея Бейтона.

в затруднения, например, по болезни, третьи умирали, четвертые уезжали или шли в рекруты — и естественно выпадали из рядов истцов. Чем больше было заявителей, тем дольше затягивалось следствие, тем сильнее выбывали челобитчики. Но какая-то часть их, конечно, оставалась. Тогда выступало на очередь другое средство «защиты», именно сговор о мировой с теми заявителями, согласие которых на прекращение исков покупалось дешевой ценой. Наконец в общей системе «защиты» большое значение имели несовершенство и подкупность судебного аппарата и разные случайные обстоятельства: утеря челобитчиками документов, неразбериха и присутственных местах, довольно частые амнистии. Помогали выпутываться и друзья, и тем лучше, чем больше слабели ряды врагов.

Уменье лгать, ждать, подкупать приносило тем лучшие плоды, чем длительнее и медленнее вершилось правосудие. Кривые дороги были вернее прямых.

Случались, разумеется, неудачи и у пройдох, даже при «правильной» тактике борьбы с челобитчиками. И тогда приходилось «приносить извинение» и возвращать какую-то дробь полученных взяток.

Следствие по делу Бейтона хорошо подтверждает все сказанное о тактике подследственных взяточников.

Дело Матвея Бейтона возникло благодаря необыкновенно настойчивым усилиям Федора Литвинцева и вопреки стремлениям воеводы Кондратьева направить следствие на путь бесплодной переписки.

Донесения Литвинцева и отписки Кондратьева сосредоточены в одном из дел о Бейтоне за 1739 год (Фонд 75, опись 2, арх. № 250).

Литвинцев подал в общей сложности 15 донесений о взятках Бейтона. Есть основание полагать, что часть донесений попала в Сибирский приказ, так как в 1744 году из Москвы последовал запрос по этому делу.

Илимские крестьяне выдвинули против Бейтона обвинение в 79 взятках. С 64 крестьян было взято 1095 рублей, т. е. в среднем 17 рублей с человека. Но были и довольно крупные взятки: 55 рублей Бейтон сумел вытянуть с крестьянина Черных, 90 рублей с крестьянина Ступина. Позднее общая сумма взяток была установлена в 1319 руб. 50 коп. (Фонд 75, арх. № 1961, лл. 54-63).

Кроме денег, Бейтон брал разными вещами. В его руки перешло 14 коней, 11 коров и быков, 90 пудов хлеба, один плот сена, 4 соболя, 8 лисиц, в том числе одна черная, 2 рыси, 100 белок, сукно, ковры, холст, кружева, парча и другие ценности. Пользовался он и бесплатными подводами «для своих прихотей».

Бейтон на все пункты отвечал отрицательно, делая иногда замечания о безосновательности обвинения.

Изредка, когда это не было опасно, Бейтон кое в чем полу-признавался, выдавая взятки за подарки. Один крестьянин будто бы подарил ему «за честь» бычка, другой подарил коня, но Бейтон, дескать, поил его за это вином, третий «поклонился мне оным жеребцом за честь», еще про одного он выразился так: «за честь подарил сына моего жеребенком трех лет да кланялся мне за честь же бычком трех лет». В числе таких доброхотных деятелей назван Бейтоном, видимо по оплошке, крестьянин, у которого был только один сын. Отсюда можно заключить, что взятки брались не только по рекрутскому набору (Фонд 75, опись 2, арх. № 1436, лл. 34-42).

Крестьяне и казаки на допросах и при очных ставках с Бейтоном не только точно указывали размеры взяток, но и средства, которыми пользовался Бейтон при вымогательстве. Одни показали, что вынуждены были давать взятки «из за

батожья» или «бил его батожьем», другие, что Бейтон «держал их недель по шти и по пяти и по четыре» (Фонд 75, опись 2, арх. № 233).

Взятки большею частью брались на месте, так как Бейтон неоднократно выезжал в разные волости — в Яндинскую, Братскую, трижды в Верхне-Илимскую. Это тоже сильно осложняло следствие, так как вызов крестьян из многих и дальних деревень был для властей затруднительным, а для пострадавших — отяготительным.

Поэтому когда Лоренц Ланг возобновил по предложению Сибирского приказа следствие о Бейтоне, то многие крестьяне махнули на свои убытки рукой.

Лоренц Ланг обнаружил, что надлежало привлечь к делу 94 свидетеля, что из них 62 человека подтвердили взяточничество Бейтона, отказалось от исков 24 человека, а 8 крестьян вовсе не были опрошены, «а Бейтон в ответах своих... заперся и извинения ни в чем не принес». Следствие велось так, что, по мнению вице-губернатора, и допрошенные 62 свидетеля «ни в чем его, Бейтона, точно не уличили».

Иркутская провинциальная канцелярия, заслушав распоряжение Сибирского приказа и соображения Лоренц Ланга, определила: считать, что следствие велось «не по форме», что все дело основано на заявлениях только Федора Литвинцева, а не самих пострадавших и что они могли бы сами писать, «понеже те обидимыя не безгласны». Поэтому провинциальная канцелярия решила Бейтона освободить, а крестьянам предложить подать заявление от своего имени (Фонд 75, арх. № 1225, лл. 123-126).

Все же в 1744 году дело Бейтона было несколько подвинуто: его по указу иркутской провинциальной канцелярии привозят в Илимск. Сюда же должны были прибыть и истцы.

По в Илимск приехали только крестьяне Нижне-Илимской волости, причем они дали такие ответы, которые свели на нет все дело. Один из крестьян сказал, что он не истец, другой — «просить о том не желает», 12 остальных заявили, что могли бы дать показания позднее, в декабре, «а ныне им за страдным временем (июль) ехать невозможно» (Фонд 75, арх. № 1223, лл. 105-107).

Сибирский приказ, не получая сведений из Иркутска о Бейтоне, в мае 1749 года и в декабре 1751 года предписал вице-губернатору довести дело о Бейтоне, а попутно и о его жене, до конца.

Вполне возможно, что Федор Литвинцев играл какую-то роль в появлении этих указов Москвы.

На беду Бейтона в Иркутске действовала тогда «следственная сибирских и камчацких дел комиссия». Она установила, что жалобы оекских крестьян, которыми управлял

Бейтон, правильны, и велела вернуть им взятки, а Бейтона бить плетью. То и другое было исполнено.

На основании распоряжения Сибирского приказа в Илимск посылается сержант Тобольского полка для помощи воеводе в ускорении следствия над Бейтоном. Туда же должен был выехать и Федор Литвинцев.

Напуганный Бейтон в январе 1752 года заявил, что все обвинения илимских крестьян признает правильными, обязуется возратить им взятки в сумме 99 руб. 30 коп. и просит освободить его от посылки в Илимск.

Конечно, он действовал не только под влиянием неожиданно сложившихся для него неблагоприятных обстоятельств, но и по простому расчету. Дела были совершены 14 лет тому назад, а в это время была объявлена амнистия, освобождавшая его от наказания, но не от возврата взяток. Сумма же исков по сравнению с начальной величиной сильно понизилась, так как большинство пострадавших не подало исковых заявлений. Кроме того, поездка в Илимск могла потребовать от Бейтона больших издержек. Стало выгоднее платить по искам, чем судиться.

Но иркутская провинциальная канцелярия не могла нарушить прямое распоряжение Сибирского приказа. Бейтона посылают под караулом в Илимск, предлагая илимской воеводской канцелярии вернуть крестьянам взятки при Бейтоне под расписки и «не чиня им в том ни малейшей волокиты, а Бейтону поноворовки» (Фонд 75, арх. № 1961, лл. 52-53).

В следственном деле о взятках Бейтона есть «реэстр, что с кого брал Матвей Бейтон взятков с крестьян и прочих имянно», но он, видимо, не закончен. Список («реэстр») составлялся несомненно пристрастным лицом. Об этом можно заключить по примечаниям, сделанным против имени каждого из 84 пострадавших крестьян.

Ответ, что истец — «не челобитчик» встречается в «реэстре» 46 раз, пометка — «не сыскан» (илимской воеводской канцелярией) — 9 раз, «послан нарочной» — (для допроса) — 4 случая, «не бирывал (Бейтон) и не челобитчик» (пострадавший) — 10 случаев, «умре» — 3 случая, «умре, а наследники от иску отказались» — 7 случаев. Наконец, о 5 пострадавших в списке никаких отметок не сделано (Фонд 75, опись 2, арх. № 274, лл. 45-52).

Следовательно, из 84 крестьян отказались от иска 63 человека.

Все это означало, что Бейтон, будучи в Илимске, сумел еще понизить сумму предъявленных ему претензий, действуя на крестьян всеми доступными ему мерами. Немало содействовали ему в этом зажиточные крестьяне, сыновей которых он некогда освобождал от рекрутчины.

В июле 1772 года он предъявил воеводе ряд писем, в которых челобитчики отказывались от исков. Вот одно письмо: «Милостивый наш государь Матфей Яковлевич. Слышно нам, что Федор Литвинцев в Ыркуцку на вашу милость показал доношением, будто изволил ты взять с нас взятку от рекруцкого набору И то он, затеев, бьет челом на тебя напрасно. И ваша милость, у нас... ничего не бирал. А мы на вас бить челом не желаем, понеже не папаткою изволили с нас взять и не от рекруцкого набору. И в том вашей милости для уверения сие пишем» (Фонд 75, арх. № 1961, лл.66-69).

Письмо было от крестьянина Кокшарова. но писал его едва ли не сам Бейтон.

Воевода Попов, согласно этому и подобным ему письмам, велел выключить из исков 45 рублей и 4 соболей. Сумма претензий снизилась таким образом до 50 руб. 30 коп. Губернская канцелярия сочла на этом дело законченным.

Тогда Бейтон передал илимской воеводской канцелярии 50 руб. 30 коп. для раздачи истцам. Он не преминул указать лицемерно, что многие из крестьян «живут от Илимска в дальном расстоянии... им в нынешнее работное время [ехать] будет не безобидно». Истинная цель этого жеста была проста: «мне, нижайшему, от долговременного в Ылимску житья произойдет конечное раззорение» (Фонд 75, арх. № 1961, л. 71).

Так, в ходе непомерно долгого следствия крестьяне забыли вины своего обидчика; может быть другие, более свежие деяния таких же жуликов вытеснили из их памяти поборы Бейтона и они удовлетворились предоставленным им правом получить $\frac{1}{40}$ того, что некогда забрал у их отцов управитель.

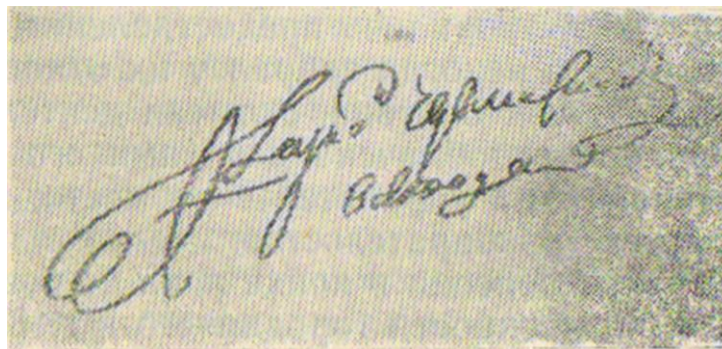
Таково лицо Матвея Бейтона, скрытая деятельность которого была случайно разоблачена доносами его недруга, может быть, мстившего на управительское место, и таковы результаты 35-летнего разбирательства.

Потомок Матвея Бейтона в конце века не без выгоды для себя подвизался в должности городничего в г. Киренске.

ГЛАВА III

ВОЕВОДА ИЛАРИОН ЧЕРЕМИСИНОВ

Воевода капитан Иларион Михайлов сын Черемисинов был сыном подьячего. В Исетской провинции Оренбургской губернии он имел 28 крепостных крестьян. Военную службу Черемисинов начал солдатом, 17 лет от роду. Через 7 лет он производится в прапорщики, еще через 7 — в поручики. В следующем году Черемисинов выходит в отставку с производством в капитаны. Штатскую службу он начал в качестве товарища воеводы в мехонской воеводской канцелярии Оренбургской губернии, где пробыл свыше 3 лет (Фонд 75, арх. № 2829).

Подпись воеводы Черемисинова

13 января 1772 г. по определению Сената он назначается воеводой в Илимск, а 14 августа того же года вступает в управление Илимским уездом.

Это был наиболее замечательный воевода из всех, виденных Илимском за истекшие 120 лет.

Несомненно, Черемисинов много размышлял над тем, что он наблюдал в течение 15-летней службы в армии, в которой сам долгое время был солдатом, и над тем, что видел в мехонской воеводской канцелярии, где он должен был близко сталкиваться с жизнью и нуждами крестьян.

Во всяком случае что-то серьезное, вынесенное Черемисиновым из жизни, предопределило его необычайное для воеводы поведение в Илимске.

Ещё новый воевода не доехал до Илимска, как в воеводскую канцелярию стали приходить сведения о его странном поведении по дороге к месту его будущей службы.

Когда Черемисинов проезжал по Ангарскому волоку, он встретил близ зимовья солдата, посланного из илимской воеводской канцелярии. Черемисинов остановил его и осведомился о цели его поездки. Тот ответил, что направляется в Ново-Удинскую слободу, чтобы привезти в Илимск крестьянина Вологженина для допроса. Черемисинов прочитал указ и увидел, как он сам выразился в предложении, посланном в воеводскую канцелярию, что крестьянин вызывается «не по большей важности дел, а время страдное». Он приказал нарочному вернуться в илимскую воеводскую канцелярию. Тогда солдат заявил, что у него имеется другое поручение — осмотреть побитый градом хлеб у крестьян. Воевода отобрал у солдата и второй указ и написал в илимскую канцелярию: зачем посылать нарочного, «не уверяясь на репорте приказной избы...; это представилось мне... непонятно». Ведь крестьяне, рассуждал Черемисинов, не могли выдумывать о градобитии, а если уж им не верить, то не лучше ли поручить волостной власти проверить их сообщения, тем более, что у крестьян, занятых уборкой хлеба, дела поважнее, чем какая-то проверка или допросы, предпринятые илимской канцелярией (Фонд 75, арх. № 3338, лл. 5-6).

По дороге из Иркутска в Илимск, «как-то: в Шиверской деревне, в Яндинском остроге и протчих местах от многих обывателей были словесно приносимы мне, — пишет в одном из указов Черемисинов, — жалобы на нарочно посылаемых из илимской воеводской канцелярии в остроги и слободы за разными делами салдат и казаков».

По этому поводу Черемисинов послал 25 августа 1772 г. указ в Яндинский острог. На черновике указа, писанном каким-то канцеляристом, поправки сделаны Черемисиновым (Фонд 75, арх. № 3338, лл. 9-11; опись 2, арх. № 1313, лл. 61-62).

Казаки и солдаты, говорится в указе, берут лишние подводы, не предъявляя подорожных и «наставлений», нарочные «бьют чем ни попало крестьян, также и жен их (Черемисинов вписал: «и детей», а на полях приписал: «безвинно»), которые приносимые свои об оном жалобы уважали слезами, почему [я] и обещал, и есть мой долг в самом деле, таковые крестьянству причиняемые обиды, подлинно разведав, и отвращать».

Например, фурьер Курбатов, — пишет Черемисинов, — брал без подорожных «самосильством своим» по 16 подвод,

казак Скорняков по 6-7 подвод. Присланный из Илимска казак Бутаков по сбору недоимок «старосту (Черемисинов вписал: «безвинно») высек от своего буйственного произволу». Черемисинов допросил на месте казака Бутакова, тот повинился. Тогда Черемисинов продержал его в колоде 2 суток, а затем заставил просить прощения у крестьян. И казак, посланный из илимской воеводской канцелярии с широкими полномочиями, как «понудитель» по взыскании «доимок», извинялся на собрании крестьян «и христианским прощением при собрании в Яндинску крестьян... и обидимым старостою Луковниковым и от всего собранного общества крестьян в преступлении означенной Бутаков прощен».

После этого Черемисинов отставил Бутакова «от принуждения».

Не ограничиваясь этими мерами, принятыми на месте. Черемисинов в том же указе излагает свой личный взгляд о достоинстве крестьянина как человека и дает распоряжение на будущее об охране прав выборных крестьянами лиц. «Удивлению ж достойно, что как приказных изб выборные старосты, выбранные к защите крестьянства, слабы и безгласны, что не только подчиненных своих от обид не защищают, но и себя в наказании, неповеленные казакам, предают, как в Яндинском остроге казаком Бутаковым староста батожьем наказан и никем же бывшими при том многими крестьянами порядочно не защищен, что б отвратить легко было можно, токмо одним непослушанием: по приказу казака Бутакова крестьянем не слушать и командира своего — старосту (вписано: «самим») не брать и не роздевать и за руки и за ноги не держать и батогами не бить. А лехче всего, видя пьяного казака, в приказную избу не впускать, а ежель и нечаянно вошел, можно б ево порядочно, не причиняя ему ни малейшаго зла, из оной вывести. Предписанная (т. е. описанная) выборного и старосты яндинских (зачеркнуто: «поступок», вписано Черемисиновым: «подлость») и неразумие подобно скотской».

Черемисинов рассылает этот приказ во все приказные избы Илимского уезда как основу для работы выборных от крестьян лиц.

Таким неслыханным указом начал свою деятельность последний илимский воевода Иларион Черемисинов.

Выборный и староста Яндинского острога ко времени приезда туда Черемисинова были отрешены от дел илимской воеводской канцелярией. Но крестьяне на них, как они заявили Черемисинову, «никакого подозрения ни в чем не имеют» и просили, чтобы они дослужили до конца 1772 года. Черемисинов «разведаль», что эта смена была произведена по ложному донесению казака. Черемисинов отменил распоря-

жение воеводской канцелярии. Он добавил, что казак Бутаков «к принуждению збора подушных денег... быть, признаетца мне, не способным, которого я и отрешаю и поручаю единственно о зборе тех подушных денег наиприлежно обоим — выборному и старосте с лутчими крестьяны старатца». (Фонд 75, арх. № 338, лл. 1-2).

Итак, воевода убрал «понудителя» и поручил сбор подушных денег самим крестьянам. Но он пошел дальше — отозвал таких «понудителей» из всех острогов и слобод, несмотря на строгие предписания иркутского губернатора о скорейшем изыскании недоимок и о повсеместной рассылке уполномоченных по сбору денег.

27 августа, т. е. через 2 недели после вступления Черемисинова в воеводскую должность, он на предложение губернатора о скорейшем сборе подушных денег пишет: «из тех нарочно посланных в подушном сборе принудителей многия оказались в преступлениях. И о протчих же слышу — чинят противныя ж поступки и крестьянству оные в большую следуют тягость. А паче в нынешнее работчее страдное время, ездя оные принудители по деревням и по полям с соцкими и десятскими для платежа подушных денег, сыскивают крестьян и от работы отлучают. А крестьяне от них укрываютца убегом, о чем мне от крестьян словесно приносятца со дня на день многие жалобы и уважают оные горькими слезами. И я, не обождав указа вашего превосходительства... принудителям определил от себя приказами... о зборе подушных денег единственно одним выборным и старостам с лутчими крестьяны старатца, подтвердил». Черемисинов добавляет, что может доложить лично свое мнение о средствах по скорейшему сбору недоимок (там же, л. 12).

Итак, Черемисинов, вопреки распоряжению губернатора, удалил из волостей всех понудителей и даже привлек их к ответственности. Он считал порочной самую систему понуждения крестьян посредством особых уполномоченных.

Для того, чтобы лично убедиться в положении илимских крестьян, воевода Черемисинов в конце ноября того же 1772 года отправляется в ленские волости.

Черемисинов вернулся в Илимск 19 декабря и наткнулся на заставу, учрежденную воеводским товарищем Шестаковым «в старом остроге», т. е. при выезде из Илимска на Ленский волок, для задержки «провозимого мимо города Илимска ангарскими, нижно-илимскими крестьянами разного хлеба на продажу в желаемых ими местах». Казак Садовников избил на этой заставе двух крестьян Нижне-Илимской слободы и получил с них за проезд в Усть-Кутский острог взятку в 6 руб. 25½ коп.

Черемисинов привлек к ответственности казака, и тот вернул крестьянам взятку. По этому поводу воевода писал в

Нижне-Илимскую слободу: «И как никакой в той заставе нужды не нахожу... И отныне проезжающим мимо города... крестьянем и протчим впредь, за отлучкою моею, с хлебом и другими припасами чинить свободной и безобидной пропуск без задержания, [без] бою и без взяток же. И давать крестьянем в продаже хлеба волю — где хотят оной продают». Письмо заканчивается наивной, но многоговорящей угрозой Шестакову — если он будет в отсутствие воеводы притеснять крестьян, то «я имею... губернатору... репортовать и приносить мою и народскую на ево жалобу». В заключение предлагалось прочитать это письмо крестьянам в ниже-илимской приказной избе. Через два дня подобный же указ шел в Братскую, Барлуцкую и Яндинскую волости (Там же, лл. 75-76).

Следующее необычайное для воеводы письмо было послано 20 декабря 1772 г. по ангаро-илимским волостям: «Нижно-Илимской, Карапчанской, Кежемской слобод, все общество крестьян, други мои, здравствуйте!» Илимская воеводская канцелярия распорядилась с 1 января 1773 г. «поставить для развозу писем и почт лошадей». Для уравниения тягот Черемисинов составил расписание ям и взял обязательство возить почту, «принося мою за ваше ко мне всегдашнее благодеяние услугу. И желаю продолжения вашей ко мне дружбы и любви. И ежели вам сие угодно и приятно покажетца — я, сколько здесь пробуду, тое вам службу продолжать обещаю, понеже у меня люди и лошади по благости божией есть и находятца здесь в городе праздны. Иларион Черемисинов».

Это письмо говорило, что между воеводой и ангаро-илимскими волостями возникли небывалые отношения.

Через несколько дней, 31 декабря, Черемисинов направляет в пять ангаро-илимских волостей более подробное и чисто деловое письмо: «Верхо-Илимской, Брацкой, Барлуцкой, Яндинской, Ново-Удинской слобод выборным, старостам, соцким, десяцким и крестьянем, всем и каждому, моим любезным, здравия и всякого блага желаю».

Черемисинов сообщает, что Нижне-Илимская, Кежемская и Карапчанская волости «положились на меня» в том, что он «за превосходную плату» нанял бы охочих людей. «По старанию ж своему я в сем деле, благодаря бога, успел зделать вам мое усердное служение». Черемисинов склонил двух ямщиков согласиться на меньшую плату, чем была ранее, и заключил с ними от имени крестьян соглашение. Копию этого соглашения он послал в приказные избы. «И угодно ль будет, прошу, при собрании крестьян о всем предписанном объявить». Пусть пришлют ответ за рукоприкладством крестьян, ведь, может быть, сыщется еще более дешевый подрядчик и тогда соглашение потеряет силу.

Черемисинов требовал, чтобы ответ на его письмо был «за руками всех крестьян», а не только за подписью одного выборного.

Так как по договору с ямскими подрядчиками нужно было внести деньги за январскую треть в размере 54 рублей, то «я свои, по просьбе вашей, им отдал», взял расписку, с которой для сведения посылается в волости копия. Такое же письмо было послано и по другим Ангари-Илимским волостям с подписью: «Охотный наш слуга Иларион Черемисинов» (там же, лл. 85-86, 95).

Все это могло показаться стороннему наблюдателю невероятным, а обещания Черемисинова неосуществимыми, если бы в деле не имелись бесспорные бумаги, доказывающие, что действия воеводы были проведены в жизнь. В частности, в деле хранится и обязательство ямского подрядчика и его расписка о получении с воеводы 54 рублей (лл. 88, 101).

Желание ускорить решение поступающих в воеводскую канцелярию дел, в особенности об обидах крестьян, заставило Черемисинова завести особые книги, в которых собраны его решения по мелким словесным заявлениям крестьян. Не требовалось соблюдать формы, платить гербовые сборы. По каждому заявлению немедленно давался приказ в мирскую избу с требованием разобрать заявление выборному «с лутчими крестьянами» и тотчас доложить о исполнении Черемисинову. Иногда воевода посылал нарочных, чтобы они помогли быстрее решить подобные дела. Например, в сборнике приказов Черемисинова за 1772 год (Фонд 75, арх. № 3304, лл. 1-18) собрано 34 приказа по мелким жалобам крестьян.

Ничего подобного ни один илимский воевода не предпринимал, направляя все заявления, даже самые пустячные, медленно действующей канцелярской машине.

Около 100 писем собрано в другом деле (Фонд 75, арх. № 3293, лл. 1-126), все они адресованы приказными (мирскими) избами и отдельными крестьянами лично Лариону Михайловичу Черемисинову.

Видимо, воевода умел внушать к себе глубокое доверие. Все действия Черемисинова, его приказы, иногда подобные прокламациям, его личная связь с крестьянами, его ответственность, честность, доступность и отзывчивость привлекали к нему сотни просителей.

Нередко можно встретить в таких сборниках личных просьб заявления вроде следующего: «Превосходительному господину капитану и города Илимска воеводе Илариону Михайловичу. Орленской слободы деревни Боярской убогая вдова Парасковья Андреева дочь, прошу вас, милосердаго моего государя, отписать сюда старосте, чтоб подушные деньги за мужа моего умершего Никиту Антипина народом бы сняли. 1773 году августа 20 дня».

Это скорее не заявление, а записка. Как далека она от неуклюжей формы «доношений», всегда начинающихся, согласно канцелярскому ритуалу, многословным титулом императрицы!

Черемисинов ответил вдове также не по казенным правилам, даже не от имени воеводской канцелярии, послав «города Илимска воеводы Илариона Черемисинова Орленской приказной избе приказ», в котором предлагал удовлетворить просьбу крестьянки (Фонд 75, арх. № 3361, лл. 172-173).

Можно заметить, что просьба Парасковьи не была даже подписана. Ведь грамотных крестьянок в то время не было. И воевода завел такой порядок приема заявлений на его имя, по которому проситель мог принести жалобу устно, а писарь Черемисинова кратко излагал ее на бумаге, не заботясь о внешнем оформлении, столь скрупулезно соблюдавшемся канцеляриями.

Черемисинов давал ответы на заявления крестьян быстро и совершенно определенно, никогда не употребляя выражения «до указу». Чтобы не заводить волокиту, он обычно в таких случаях действовал помимо воеводской канцелярии, пользуясь услугами особого писца, а нередко и сам составляя нужные бумаги.

Как пример его писем подобного рода можно привести приказ от 20 марта 1773 г. в Усть-Кутский острог хлебному приемщику казаку Федору Скуратову. Черемисинов писал: крестьянин Нижне-Илимской слободы Дмитрий Черных сдал тебе 12½ пуда хлеба; ты обещал выдать общую квитанцию ему и его дяде, но этого не сделал. «И просит (Черных) в той учиненной ему обиде и обманстве удовольствия». Ответь мне, принял ли ты хлеб, почему не дал квитанцию и зачем причинена крестьянину «напрасная проездом волокита и труд и обида... Ежель... тобою учинена неумышленная оплошка, то не приводя себя к дальнейшему следствию и штрафу, объявленного крестьянина удовлетвори и квитанцию, ежель правянт принят, неудержно дай». О исполнении репортуй. «Иларион Черемисинов, воевода» (Фонд 75, арх. № 3363).

При другом воеводе казак стал бы отрицать свою вину, предоставил бы решение дела бесконечной волоките и добился бы того, что крестьянин махнул бы на свои потери рукой, предпочитая работать, а не волочиться по судам. При Черемисинове такие жульничества раскрывались быстро и дела решались не в пользу жуликов. И казак немедленно исправил свою «оплошку».

Примером того, как быстро решал Черемисинов дела, может служить перевод крестьян по их просьбам из одной волости в другую.

Все старые дела о переселении 157 крестьян Черемисинов решил без всякой волокиты в течение одного 1773 года, с переводом подушных платежей по новому месту жительства. Попутно Черемисинов удовлетворил просьбы 16 человек бывших дворовых о перечислении их в крестьяне (Фонд 75, арх. № 3379, лл. 189-195).

Странно, что Черемисинов заступался только за крестьян, видимо считая их единственными подлинными тружениками, к тому же наиболее социально незащищенным. К служилым людям, чиновникам, священникам, к разным сотникам, детям боярским и казакам, и даже к выборным сельским властям Черемисинов относился подозрительно, а к купцам и вообще посадским — прямо враждебно.

Илимский воевода задумывал осуществить важное дело — найти способ бездоимочного взыскания подушных платежей.

В рапорте на имя губернатора от 1 февраля 1773 г. он открывает наконец свой секрет. Он напоминает, что «вызывался о бездоимочном платеже подушных денег лехкий крестьянству способ изыскать... И усчастливился, как свое разведывание... кончить, так и обещанной мною о бездоимочном платеже... лехкий способ изыскать». Необходимо, чтобы крестьяне этим способом «немедленно воспользовались, которого они жадно ожидали и все ж по истолкованию и объяснению ныне оной радостно и со удовольствием приемлют». Далее вписано крайне неразборчиво: «а паче самобедные, неимущие и выборными и старостами раззоренные, налагаемым не по силе возможности за умерших, беглых и взятых в рекрутов... крестьяне чювствуют себе отраду и от мучительных наказаний избавление, то с прописанием оного изысканного способа Илимского ведомства во все приказные избы я от себя посланными повелениями дал знать». Черемисинов просит одобрить его способ (там же, л. 31).

В чем же заключалось предложение Черемисинова, которого, как он уверяет, крестьяне жадно ожидали?

Заключалось оно в том, чтобы недоимки за умерших, беглых, отданных в рекруты и за неимущих разложить на богатых крестьян!

Удивительно, что губернатор не ответил на этот проект Черемисинова. Возможно, в Иркутске помнили, как неоднократно губернские власти угрожали недоимки взыскать «с прожиточных», помнили, что и в царских указах проскальзывало нечто подобное, и потому не придали особого значения предложению Илариона Черемисинова.

Кроме того, Черемисинов был назначен в Илимск Сенатом, значит он в какой то мере не отвечал перед губернатором.

И Черемисинов, тонко используя лицемерные выражения некоторых царских указов и манифестов, в которых заявля-

лось о «матерной любви к подданным», о «заботе о бедных поселениях», нашел для своих действий законное обоснование.

Пользуясь широкой властью воеводы, текущая деятельность которого почти никогда не контролировалась, Черемисинов энергично осуществляет свою мысль.

Еще до отсылки приведенного выше письма к губернатору Черемисинов направляет 22 января 1773 г. ордера в каждую волость, с приложением составленных им форм, о раскладке недоимок на зажиточных крестьян.

Но совершенно естественно, что одним указом Черемисинова невозможно было изменить порядок взыскания недоимок, сложившийся с давних времен, тем более что зажиточные крестьяне являлись влиятельным элементом в каждой волости и, конечно, противодействовали начинаниям илимского воеводы.

Поэтому ни одна волость не исполнила приказа Черемисинова.

Тогда воевода направляет 14 марта 1773 г. новый, более категорический и совершенно конкретный ордер.

Нарушителям его указа он пригрозил, что «жестoko виновные наказаны и от должностей их отрешены быть имеют».

Раскладку на «прожиточных» следовало выслать непосредственно Черемисинову. При этом воевода еще раз предупредил, что если от бедных крестьян поступят жалобы на тяжесть платежей, то выборные, старосты и писчики будут «за то жестoko наказаны», отрешены от должностей, а деньги будут взысканы с них (Фонд 75, арх. № 3361, лл. 146-151).

К этому приказу прилагалась поволостная ведомость о недоимках. Всего по Илимскому уезду без монастырских крестьян считалось 9960 душ муж. пола, на них числилось недоимок по подушному сбору 3079 руб. 77³/₈ коп. Но из общего числа душ оказалось 2250 душ умерших, беглых, взятых в рекруты и неимущих. Черемисинов велел разложить недоимки на 7788 душ, т. е. в среднем по 40 копеек на душу.

Но при этом, как видно из приведенного распоряжения, собрание крестьян должно было разлагать не уравнилельно по душам, а сообразно с имущественным состоянием каждого крестьянского двора.

Приказом Черемисинова практически отстранялась от участия в раскладке сельская администрация, т. е. выборные, старосты и писари, находившиеся под влиянием зажиточных крестьян.

Вскоре от всех волостей, согласно ордеру Черемисинова от 22 января 1773 г., поступили ведомости о числе выбывших душ муж. пола по предложенной илимским воеводой форме.

В перерасчет налогов Черемисинов вовлек все подчиненное ему крестьянское население и, несомненно, нашел среди

громадного большинства крестьян самую деятельную поддержку. Иначе нельзя объяснить того простого и важного обстоятельства, как успешный сбор всех необходимых воеводе сведений и фактическое перераспределение важнейшего государственного налога, каким являлась подушная подать.

Некоторые, немногие, правда, волости, как Братская и Барлукская, приняли уравнительное распределение платежей за выбывшие души, но большинство встало на путь классового обложения.

Например, в Верхне-Илимской волости недоимки разлагались от 3½ коп. до 2 руб. 70 коп. на наличную душу, в Киренском остроге от 10⅝ коп. до 87 коп., в Тутурской слободе от 25 коп. до 1 руб. 50 коп., в Криволуцкой слободе от 7⅝ коп. до 6 руб. 51 коп.

Значит, в последнем случае богатые платили на душу в 84 раза больше, чем самые бедные дворы, а в Чечуйском остроге даже в 273 раза больше!

Движение за перекладывание сбора недоимок на богатых, как предложил Черемисинов, было настолько широким, что захватило даже церковнослужителей. Под некоторыми ведомостями стоят подписи священников и причта.

Черемисинову удалось вовлечь в перераскладку недоимок монастырских крестьян, непосредственно ему не подчиненных и находившихся в ведении Коллегии Экономии.

Сделали раскладку и чечуйские крестьяне. Они составили список 217 плательщиков, на которых и упали платежи недоимок в сумме 328 руб. 20½ коп. Одни крестьяне должны были платить по раскладке 20 копеек, другие, зажиточные, по 7 руб. 47½ коп.

В таблице 15 показан размер платежа, положенного на души по мирской раскладке в этой волости.

Таблица 15

Размер платежа на душу	Число душ	% к итогу
До 50 копеек	35	16,1
50 копеек-1 рубль	61	28,1
1-2 рубля	74	34,1
2-3 рубля	33	15,2
Более 3 рублей	14	6,5
Итого	217	100,0

Возникает вопрос, не отражает ли достаточно точно распределение крестьянами недоимок социального состава деревни. Низшие платежи, без сомнения, несли беднейшие

слои Чечуйской волости, более высокие платежи — крестьяне среднего достатка, а высшие платежи — зажиточная, богатая часть деревни.

Раскладку делал крестьянин Кирик Засорин «с товарищи... с общего крестьян согласия... Естли где спор и несогласие учинитца, то уж неминуемо нам, обще со старшинами и с крестьяны разверстана быть имеет безобидно против первого другому».

Таков был первый итог работы воеводы Илариона Черемисинова.

Другим делом, за которое взялся воевода Черемисинов, чтобы облегчить положение крестьян Илимского уезда, была борьба против незаконных поборов.

С этой целью он послал 10 февраля 1773 г. «ордир» всем волостям. Можно заметить, что из илимской воеводской канцелярии попрежнему шли указы, а свои личные распоряжения Черемисинов рассылал в виде ордеров. Ордера были более простой формой приказа, они позволяли развивать личные мысли воеводы, писались языком, близким к разговорному, в них можно было говорить о таких делах, которые не затрагивались казенными указами с их обязательным упоминанием «ея императорского величества».

Во время объезда волостей в декабре 1772 года и в январе-феврале 1773 года «по острогам и слободам и по всем селениям, — начинает свой ордер Черемисинов, — мог я разведать и от крестьян многих, хотя не формально, но словесно приносимые мне жалобы слышать, как во всех тех селениях крестьяне от выборных, старост и десятских непозволительными [сборами] на приносы и подарки... обременялись». Черемисинов перечисляет многие из этих поборов. Воевода установил, «что действительно те поборы превосходили гораздо более платежи в государеву казну подушных денег. Выборные старосты, соцкие, не делая пристойного на совет о предписанных (т. е. впереди, вначале описанных) поборах лучшим крестьянам по созыву и не чиня ж повески оным, те поборы больше сами, по одному своему произволу на крестьян налагали и взыскивали собою не без ылишества ж»; всем указанным поборам «поверки и ссчету погодно никогда прежде не бывало». Илимская воеводская канцелярия не занималась проверкой волостных расходов, «а народские люди, крестьяне... к поверке и щетам оных поборов не сведущие и время на то не имеют. И всякой упражняетца в своих делах — и для тех и малейшую от домов и дел своих отлучку щитают себе более приключившихся малосносных им поборами убытков. А протчие составляют втуне все то — за скудностью и крайним же своим недостатком. И находятся те и другия во отчаянии ж получить ни от кого ни малейшей

в том себе защиты, по чему всему не приступают и к дальнейшим прозьбам и доказательствам об оных».

Так Черемисинов вскрыл и осудил практику незаконных поборов, царившую в Илимской деревне, и объяснил причины полной бесконтрольности в поступлении и расходовании мирских средств.

Он предписывает «никаких подарков с крестьян в приносы в почесть и в подарки воеводе, товарищу, секретарю и приказным илимской канцелярии, хотя б оные были от общего крестьян согласия и доброусердия, с крестьян не собирать и крестьянам оных не давать... И вам теми (подарками) илимской канцелярии всех штатных чинов, в коем числе и я, отнюдь не марать и заражать. И будьте ж безсумнительны... в делах и нуждах и в прозьбах ваших, всем и каждому всякое удовольствие (удовлетворение) и защищение, поколь я здесь продолжусь, получать будите, как я жизнь свою с прибытия моего сюда, провождаю и моими делами, вам сколько есть известно, так ее и докончить хочу».

Как узнал Черемисинов, выборные берут «с богатых и прожиточных крестьян, избавляя их от служб... в год с семейств хорошего по 30-ти, по 40-ку и до 50-ти рублей; богатых же крестьян, избавляя ж детей от взятъ в рекруты, беру с них по сту — по полтора рубля и более, все яко б на народные нужды ж... И чрез то следует же крестьянам совершенное разорение и от рекрутства не свобода, но явной обман».

В отношении упорядочения мирских сборов Черемисинов предложил илимской воеводской канцелярии ежегодно высылать по все волости шнуровые книги за его подписью и печатью. Все мирские сборы и расходы должны утверждаться на собрании крестьян и удостоверяться их подписями. По окончании года книги и «народские приговоры» старосты должны представлять в илимскую воеводскую канцелярию «для щету и поверки и рассмотрения поборов, что те подлинно ль неминуемые были» (Фонд 75, арх. № 3361, лл. 52-56).

Таков ордер Черемисинова, смесь трезвых и тонких наблюдений с наивными желаниями помочь крестьянам.

Свой ордер Черемисинов сообщил губернатору Брилю, но зная, что он никак не откликается на его мероприятия, направил копию ордера в Сенат, добавив при этом: «дабы и протчие места в государстве воспользоваться тем могли» (там же, л. 160).

Впоследствии мы узнаем, как отнесся Сенат к предложению далекого уездного воеводы.

Как следует из ордера, Черемисинов наметил меры по борьбы со взяточничеством и по установлению контроля за мирскими сборами.

Коснемся сперва первой части его программы, а затем расскажем, как была осуществлена ее вторая часть.

31 марта пишет Черемисинов в илимскую воеводскую канцелярию: «являсь ко мне Киренского острогу и Криволуцкой слободы от народу челобитчики... принесли мне в подарок зборных с народу... денег 20 руб. 50 коп.». Они просили не высылать в работы их выборных и старост.

Черемисинов принял деньги и, указав, что он разослал распоряжение об упорядочении сборов с крестьян, внес эти деньги в казну.

Другой случай, когда сельские власти, несмотря на распоряжения Черемисинова, пытались дать ему взятку, относится к осени 1773 года.

Воевода писал по этому поводу ордер в ряд волостей: «Известился я, что Нижно-Илимской слободы староста Слободчиков на народные деньги купил коровьяго масла 2 пуда» и передал его моему человеку, калмыку Яковлеву. Староста дал мне, продолжает воевода, взятку «ухищренно, хотя тем меня привести в порок и безславие... за что они. староста и человек мой, подверглись достойному наказанию». Воевода счел себя обязанным выслать старосте за масло «не по состоящей цене, но по превосходнейшей цене деньги во удовлетворение народу», а именно 4 рубля вместо 2 рублей. Расписка старосты прилагается.

Третья попытка дать неявную взятку Черемисинову была сделана старостой Усть-Кутского острога, куда приезжал в январе 1773 года илимский воевода (Фонд 75, арх. № 3364. лл. 111-112).

Других попыток дать Черемисинову взятку уже не делалось. Но взяточничество было социальным злом, и оно оказалось сильнее Черемисинова. Оно не только продолжало существовать тут же, рядом с Черемисиновым, приняв, быть может, более потаенные формы, оно, как ни печально это сказать, и погубило замечательного илимского воеводу.

Обратимся теперь к рассмотрению мер по сокращению мирских расходов.

Приказные избы, получив ордер Черемисинова об упорядочении этого дела, прежде чем составлять сметы на мирские расходы, выслали в Илимск рапорты, что распоряжение будет исполнено.

Кежемская приказная изба 25 марта 1773 г. сообщала, что распоряжение Черемисинова «при собрании крестьянства опубликовано, и в слышании в приказной избе соцкой и десятицкие, крестьяне обязаны подписками». К рапорту приложена и подписка их: «впредь на подарки всякого чина людям поборов с крестьян чинить не будем». Подобные рапорты поступили от всех приказных изб. Например, из Карапчанской волости было сообщено об этом так: «...исполнение чинитца

и с крестьян, кроме неминуемых сборов, в почет и подарки никому в минувшей трете чинено не было».

Затем стали поступать мирские решения об установлении величины сборов: «в том сие написали за руками. К сему согласию...» (следуют подписи крестьян) (Фонд 75, арх. № 3374, лл. 1-70).

Илимская воеводская канцелярия и в первую очередь Черемисинов могли теперь проверить, опираясь на решения самих крестьян, не собирают ли под видом мирских денег всевозможные подарки начальству, не допускаются ли ищогество в самих сборах и достаточно ли крестьяне следят за своими старостами и сотскими.

Даже в частных, отдельных случаях Черемисинов не упускал из вида, что разные начальники могут поживиться за счет населения и принимал меры к защите интересов крестьян.

22 октября 1773 г. иркутская губернская канцелярия сообщила Черемисинову, что осенняя распутица и последовавший рекостав Лены задержали в Усть-Илгинской пристани посельщиков, направлявшихся под присмотром прапорщика Иркутского батальона Афанасьева для устройства их на Якутском тракте, и предложила Черемисинову оказать помощь партии посельщиков и прапорщику Афанасьеву.

Но Черемисинов вместо содействия прапорщику счел более важным предупредить его, чтобы ни он, ни посельщики не обижали крестьян (Фонд 75, арх. № 3391, лл. 313-314).

Ближайшее будущее показало, насколько хорошо знал Черемисинов повадки господ, попадавших в деревню и не млн топавших над собой контроля.

Оказалось, что прапорщик Афанасьев изувечил своего квартирохозяина; у старосты «сильною рукою из-за пристрастия взял лихоимством» 15 рублей; «учинил драку немалую»; «приказывал с криком зверообразным... крестьян смертно бить», обвиняя их в воровстве. Крестьяне «по несмелости своей, а по свирепству ево всегда в пристрасти (и страхе) находятся и письменно объявить о таковых обидать нигде смелости не имеют». Когда в Илгинский острог приехал сержант из Илимска, то «прапорщик зверообразием своим и усильно находил (наступал), поносительными словами ругал]... и зубами скырчиал и крехтел усердно, яко на самого подлого человека» (Фонд 75, арх. № 3459, лл. 26-27).

За поборы и взятки с крестьян Черемисинов немедленно смещал должностных лиц. Так, по просьбе крестьян Братского острога в 1773 году Черемисинов удаляет за взятки писчика Калгина без права занимать впредь такую должность (Фонд 75, опись 2, арх. № 1350, лл. 112-113 и след.).

Третьим шагом Черемисинова было устройство земельных дел.

Он поставил перед собой задачу отобрать землю у разных пользователей для передачи ее крестьянам и упорядочить землепользование путем уравнительных переделов.

Черемисинов при объезде деревень заметил большое неравенство наделов у крестьян. Земля была распределена между ними не по душам, а по окладам провианта, вследствие чего богатые крестьяне имели большие площади земель, и «за взятием одними возможными и прожиточными крестьянами» другим земли не досталось.

Вследствие этого он предлагает провести с будущей весны раздел всей земли. Десятину следует, по его мнению, считать — «в длину 80, поперешнику 30 сажень» и будущие, наделы исчислять этой величиной, по 2400 кв. саж. в десятине. Если при нарезке земли по душам отдельные крестьянские дворы овладеть наделом «будут не в состоянии, то для платежа подушных денег могут сами по-вольно возможным и прожиточным оные земли и покосы в кортом на время, до возможности (т. е. до хозяйственного укрепления) отдавать» (Фонд 75, арх. № 3361, лл. 156-159, № 3365, лл. 1-2).

Смысл перемен в землепользовании, предложенных Черемисиновым, был прост: наделы уравнивать по душам, уменьшить землепользование зажиточных дворов и увеличить его для маломощных хозяйств. При этом дать право слабым дворам сдавать земли в аренду, что могло помочь таким дворам стать впоследствии на ноги.

В одном деле (Фонд 75, арх. № 3365, лл. 10-12) имеется ведомость о землях некрестьянского населения Илимского уезда. По этому документу можно установить, что служилые люди и духовенство имели 2219 десятин пашни и, кроме того, сенокосов на 17-18 тысяч копен.

Писец, составлявший ведомость, писал против каждого церковнослужителя: «по указу». Черемисинов везде исправил это примечание, написав: «без указу».

Воевода задумывал все земли некрестьянского населения передать крестьянам, поэтому важно было установить — имеют ли «данные» или «владенные указы» разные землепользователи, в том числе и служители церкви.

Когда в мае 1773 года Карапчанская приказная изба обратилась с запросом, посланным на имя Черемисинова, как быть с землями причта, то Черемисинов вынес решение: «велеть... у священника с причетники пахотную землю и сенные покосы все отобрать».

Пользуясь этим случаем как предлогом, Черемисинов посылает указы во все приказные избы: «где священники с причетники... владеют без указов и без платежа в казну оброков... и велеть от них те земли отобрать же и отдать крестьяном в общий роздел» (там же, лл. 65-66).

Спустя некоторое время, 4 июля 1773 г., из илимской вое-

водской канцелярии исходит еще более категорический указ, имевший целью уничтожить все некрестьянское землепользование в уезде. В указе было предложено, что если при разделе земли крестьянам ее «не достанет», то «имеющиеся во оных острогах за денежной и хлебной оброки и за жалованье ж у служащих илимских казаков, казачьих старшин, казаков и у сын боярских и у посацких и у церковнослужителей за хлебные оброки и без оброков же, пахотные земли и сенные покосы крестьянам к своему удовольствию взять и по себе разделить» (там же, лл. 76-77).

Можно отметить, что не все в этом распоряжении было законным. Черемисинов не имел права отбирать земли у казаков, которые не получали хлебного жалования и взамен его пользовались пашней. Тем более примечательны его решительные действия в пользу крестьян, что он не побоялся нарушить действовавшие законоположения.

В Тутурской слободе, по сообщению выборного, священник Шастин «с причетники» владел землей «якобы за следующую им с крестьян ругу». За эти земли общество платило провиант «роскладкою». Но так как у священника указа на право владения землей нет, то в мае 1773 года она была отведена крестьянам на 11 душ (Фонд 75, опись 2. арх. № 1403, лл. 94-95).

Такая же участь постигла земли и многих других священников.

И июле того же года была отобрана земля у 24 служилых людей и передана крестьянам.

Летом была произведена полная уравнительная переверстка всех крестьянских земель, о чем подробно излагается в разделе о землепользовании илимских крестьян.

Однако деятельность Черемисинова в Илимске была прервана в конце 1773 года.

Якутский воевода Афросимов рассорился со своими подчиненными и из-за «спорчивых дел» выехал в Иркутск. Губернская канцелярия 23 ноября 1773 г. решила перевести в Якутск Черемисинова.

Черемисинов получил 24 руб. 51 коп. прогонных денег до Якутска на 3 лошади, по деньге на версту, всего на 1634 версты и, не закончив многих задуманных и начатых дел в Илимске, отправился к новому месту службы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1332, лл. 81, 89-115, 117, 120).

Перед отъездом в Якутск Черемисинов оставил илимской воеводской канцелярии, так сказать, прощальное предложение.

Напомнив, что при его вступлении в должность воеводы им было принято много нерешенных дел за время с 1730 года по 1772 год, что было начато упорядочение архива, Черемисинов признается: «по притчине продолжающейся в ми-

нувшее время, мало не 6 месяцев, доныне моей болезни», он поручал многие дела своему товарищу Шестакову и канцеляристу Сизову; в присутствие ходил мало, «то за тем и совершенной исполнительной строгости и должного ж понуждения... в исправлении означенных дел и употребить был невозможен... За всем тем не отчаянным себя вовсе от здешняго места нахожю и не без должности ж признаю о упущенном». Далее он указывает на важность «государственных и общенародных дел» и добавляет: «я себя... совершенным примером представить не могу». Он пишет, что оставляет свои «черные», т. е. черновые определения и представления, и просит закончить начатые дела. «А ежели в присутствующих ныне в илимской канцелярии онаго искусства не найдетца, то хотя определений и распоряжений, при мне учиненных, не нарушить».

Заканчивается предложение Черемисинова очень характерно: «А ежели мало что поступлено будет теми (управителями), развратно моим распоряжениям и установлениям, то... поселяне жалобу свою... за моим ходатайством произвести не оставят, которые, как вижю, меня недостойного, ныне с током слез своих и з жалением сердец в Якуцк препровождают. Разсудите ж по такому искреннему изъявлению их ко мне усердия, могу ль впредь в непопечении моем тех оставить» (Фонд 75, арх. № 3364, лл. 102-104).

Как видно, Черемисинов не хотел порвать связей с народом, которым он управлял немного более одного года и даже предупреждал илимских управителей, что поддержит «сограждан и уездных жителей», если они будут жаловаться на своих начальников, нарушающих установления воеводы Черемисинова.

Во время отсутствия Черемисинова в Илимске был получен указ иркутской губернской канцелярии от 16 июля 1774 г. с решением Сената от 15 февраля и 13 апреля того же года по предложению Черемисинова относительно борьбы с излишними поборами.

В указе Сената по этому поводу написано: «Хотя старание илимского воеводы об отвращении чинимых тамошним крестьяном от их старост и выборных обид и налогов весьма похвально и учиненные к тому распоряжения кажутся быть достаточными, но как при всем том должно бы ему представить об оном сперва к господину иркутскому губернатору». Поэтому пусть последний даст заключение о целесообразности мер, предложенных Черемисиновым.

Так откликнулся чисто бюрократически Правительствующий Сенат на предложение воеводы Илариона Черемисинова. Илимский воевода на 30 лет ранее осуществил мероприятие, которое тот же Сенат проводил в царствование Александра I.

Указ заканчивается предупреждением Черемисинову, «чтоб он таких представлений мимо господина губернатора... не чинил под штрафом» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1396, лл. 50-52).

Едва успел уехать Черемисинов, как 24 служилых человека подали заявление о возврате им земель, отобранных в пользу крестьян (Фонд 75, опись 2, арх. № 1403, лл. 68-70).

Оставшиеся в илимской воеводской канцелярии помощники Черемисинова, которым он столь недавно «почтенно предлагал» хотя бы не нарушить «определений и распоряжений», проведенных при нем, начали немедленно после отъезда воеводы ломать его начинания.

Они вернули многим служилым людям, священникам и посадским отданные Черемисиновым крестьянам, и даже заручились согласием иркутской губернской канцелярии на возврат таких земель.

Черемисинов пробыл в Якутске воеводой до 11 февраля 1774 г., т. е. около 2 месяцев, сдав дела назначенному туда секунд-майору Шатилову, и вернулся в Илимск 13 марта.

В оправдание своей задержки он представил в илимскую воеводскую канцелярию следующую справку якутской воеводской канцелярии, помеченную 11 февраля: Черемисинов задержался «по притчиие законной своей нужды, а имянно: первое — супруга ево была беременна, и ожидал... разрешение, второе — по разрешении ж ево той супруги, в скором времени она скончалась» (Фонд 75, арх. № 3400, л. 90).

За поездку в Якутск, вызванную ссорами тамошних воевод, Черемисинов заплатил потерей своей семьи.

О деятельности Черемисинова в Якутске до Илимска донеслись лишь отдельные обрывочные сведения.

Крестьян там не было, поэтому Черемисинов обратил внимание на защиту прав якутов. Как он действовал, можно отчасти узнать из указа иркутской губернской канцелярии, направленного 23 февраля 1776 г. в усть-киренскую воеводскую канцелярию (Фонд 2, арх. № 66, лл. 85-91).

Вначале иркутская губернская канцелярия приводит один из указов, данных Черемисиновым во время пребывания в Якутске. Черемисинов отмечает, что купцы, казаки и другие люди производят торги и мену с ясачными иноверцами до того, как последними уплачивается ясак: «мягкую рухлядь выкупают и выменивают весьма знатным числом и за малую цену и за небольшие... подарки, яко то табак и протчия мелочи... Ясачные чувствуют себе обиду и раззорение». Сенатским указом 9 июля 1768 г., отмечает Черемисинов, в Якутске учреждена ярмарка, которая должна действовать в июне-июле и в декабре каждого года. Но купцы предпочитают ездить в ясачные волости. На основании этого Черемисинов

предложил купцам торговать с ясачными только на ярмарке, где складываются более высокие цены на пушнину, и запретил купцам ездить по волостям. Черемисинов считает неправильным, что приезжающие в Якутск якуты становятся на квартиры к жителям, «которые по даному своему заобыкновению у них, ясашных, как у лехкомысленных людей, мягкую ясашную рухлядь, обольшая (обольщая) разнообразно, на деньги и товары скупают... по причине каких мошеннических скупов и оборов... в заплату ясака (якуты) доставить не могут». Черемисинов восстает против того, что такой «захват и обор» якуты «терпеливо несут» и, обремененные долгами, никому не жалуются. Поэтому воевода запрещает жителям Якутска принимать якутов на квартиры и предлагает властям отводить им спокойное пристанище.

Он предупредил купцов, что не будет признавать никаких долгов ясачных людей купцам.

Кроме того, повсюду по волостям был разослан его указ — купцов и казаков «ловить и со всем их имуществом, с товаром, мягкой рухлядью за крепким караулом присылать в якутскую канцелярию».

Как видно, воевода открыто назвал купцов мошенниками и велел вылавливать их по волостям так, как ловили беглых и преступников.

Он подтвердил запрещение «о необязывании впредь купцами... ясашных иноверцов, ибо они не имеют никакой веры, а идолопоклонники. Грамоты ж и письма на их языке у них нет». Прикладывание же к долговым обязательствам ясачных людей знамен еще не является доказательством, «ибо во многих делах по разбирательствам открылось — от знамен и печатей княськи и ясашные отпираются. Да и в самом деле, к письмам знамен и печатей прикладывано... не было, а от плутов и мошенников такие сочинены».

Черемисинов был так глубоко уверен в своей правоте, что просил Иркутскую губернскую канцелярию «о конфирмации» этого указа для всей Сибири и спрашивал, «не соизволит ли здешняя губернская канцелярия Правительствующему Сенату представить».

Но иркутский губернатор Бриль, получив письмо Черемисинова, видимо по привычке, отложил его в сторону, не зная, что предпринять, пока из Якутска не стали поступать доношения «от торгующих там разных городов купечества». О заступничестве за обиженных купцов писала и якутская ратуша «с приложением своего мнения к защищению купечества».

Однако Бриль, получив эти жалобы на Черемисинова в декабре 1774 года, лишь в феврале 1776 года решил издать указ, отменяющий распоряжение Черемисинова, которого, кстати сказать, уже давно не было в Якутске.

Несмотря на отмену указа Черемисинова, не все его усилия защитить якутов миновали бесследно.

Указ Илимской воеводской канцелярии «о прибытии в город Илимск господина капитана Черемисинова и о вступлении в правление воеводское» был разослан по волостям 13 марта 1775 г. (Фонд 75, опись 2, арх. № 1440, л. 4).

Несмотря на то, что многие начинания Черемисинова в его отсутствие были не только нарушены, но отчасти и дискредитированы указами иркутской губернской канцелярии и Сената, он по возвращении в Илимск продолжает вести прерванные дела с неменьшей настойчивостью, чем раньше.

Он дал твердый отпор церковнослужителям, желавшим вернуть отобранные у них земли.

Священник Киренской Спасской церкви Григорий Яковлев просил илимскую воеводскую канцелярию возвратить ему сенокосы в деревне Балахонской, поступившие в раздел крестьянам.

Черемисинов 2 ноября 1775 г. вынес по этому случаю следующее решение: «по прозьбе означенного священника... отказать и быть довольну вышеписанными с крестьян указными доходами».

Черемисинов решил попутно объявить всем священникам уезда через киренское заказное духовное правление, чтобы они «о подобных сему делах в здешней канцелярии никаких прозьб не приносили и тем бы напрасно затруднения и в делах помешательства не наводили, а довольствовались бы от своих доходов, как выше значит, непременно» (Фонд 2, арх. № 7).

Следует отметить еще один шаг, сделанный Черемисиновым при его возвращении в Илимск, шаг, который дополняет характеристику Черемисинова как человека.

Воеводская канцелярия получила в феврале 1776 года указ из Иркутска о взыскании с Черемисинова по просьбе губернатора Оренбургской губернии подушных денег «за дворовых ево людей и крестьян, а именно: по ревизии за 16, за написанных после ревизии за 4, а всего за 20 душ».

Черемисинов был в отъезде, когда поступил этот указ. Вернувшись из поездки, он направил усть-киренской воеводской канцелярии 16 мая следующее письмо: «как взятые со мною сюда дворовые люди, так и живущие ж в деревне Кумляцкой... крепостные крестьяне и дворовые ж люди, кроме одного дворового человека, находящегося ныне при мне... все отпущены от меня вечно на волю». Все отпущенные на волю должны теперь платить подушные сами (Фонд 2, арх. № 66, л. 443).

Такой шаг, как освобождение крепостных без всяких условий был в те времена исключительно редким делом.

Скажем несколько слов о товарищах воеводы, т. е. помощниках Черемисинова. От них зависело очень многое. Они могли помочь ему в его начинаниях или же мешать в осуществлении самых необходимых дел.

Пока Черемисинов был в Илимске, все чины воеводской канцелярии как будто подчинялись ему «без прекословия».

Но стоило ему уехать в Якутск или даже на время в Иркутск, как они принимались дружно действовать против него.

Для характеристики отношений между воеводой и прочими чинами воеводской канцелярии можно воспользоваться решением Черемисинова от 3 сентября 1776 г. по поводу одного земельного спора (Фонд 2, арх. № 98, лл. 23-25).

Крестьянину деревни Оглоблиной Архипу Наянову илимская воеводская канцелярия отвела в 1773 году 22½ десятины земли. Но в 1774 году его братья казаки у него эту землю «усильно отнимали и тем обидели». Когда Черемисинов вернулся в Илимск из Якутска, он приказал возвратить землю Наянову, а братьям его велел «не вступатца». Едва Черемисинов выехал в июле 1776 года по делам службы в Иркутск, как его товарищ и другие чины воеводской канцелярии на другой же день решили дело в пользу казаков, «и остался он (Наянов) вовсе без пахотной земли и покосов».

Черемисинов напоминает, что в 1773 году в Илимском уезде согласно указам был произведен передел земли. «А после того в бывшей же илимской канцелярии за отлучкою в Якутск воеводы Черемисинова, оставшими... в противность генерального регламента... иноеобразное определение... было учинено» — земли у крестьян отобрать и отдать служилым людям, церковникам и посадским, «по которому (определению) тогда оные земли обратно прежним владельцам и розданы». От этого крестьяне «пришли в сущую скудость и впали в немалые долги», особенно сильно пострадали бывшие разночинцы, перешедшие в крестьянство. Они, «оставя свои дома и переходя с места на место, живут ныне в наемных срочных работах», подати платят «бедно и нужно».

Черемисинов отдает приказ илимскому комиссару Крюкову вернуть крестьянину Наянову, «насев и паровую землю и сено», а казакам отказать. Пусть они ищут «из способных земель к расчиске и порозжих и ни у кого ж невладелых».

Но теперь Черемисинов имел против себя не только весь руководящий состав воеводской канцелярии; поскольку он требовал отмены решения иркутской губернской канцелярии, значит имел против себя и губернатора.

Через 10 лет после того, как Черемисинов покинул мехонскую воеводскую канцелярию, иркутская губернская канце-

лярии в марте 1778 года послала в Усть-Киренск указ о взыскании с воеводы Черемисинова излишне издержанных на канцелярские расходы в бытность его в Мехонске воеводским товарищем в 1768 году — 3 руб. 8¼ коп. (Фонд 2, арх. № 175» л. 68).

Штрих очень аримечательный казна взыскивает, спустя 10 лет, вздорные мелочи с своего безупречного, бережливого слуги. Сколь часто казна миловала матерых жуликов, столь же редко она прощала малейшие упущения честных людей, которыми мог гордиться русский народ.

Перемена губернаторов сильно ухудшила положение Черемисинова. Если Бриль почти не вмешивался в дела илимского воеводы и отменял его решения при давлении со стороны, то сменивший его Немцов, считавший себя знатоком сельского хозяйства и строивший свою карьеру на пустых бюрократических выдумках о преобразовании земледелия, сразу настроился против Черемисинова.

Немцов послал императрице и Сенату глупейшие проекты о заведении в Иркутской губернии экономических полей.

Черемисинов как трезвый человек сразу оценил вздорность проектов иркутского помпадур. Он отвечал, что в Киренском уезде экономических полей пока заводить нельзя, так как пашни расположены на низких местах по берегам рек и, следовательно, нарезать большие массивы невозможно. Окружающие горы, как вразумлял воевода губернатора, «густыми и усильными к расчистке жителями многотрудными лесами поросли». Черемисинов предложил — сделать опытный посев в 2-3 местах и не торопиться заводить экономические поля во всех селениях уезда.

В ответ он получил строгое письмо недовольного Немцова от 17 апреля 1778 г.

Отсрочки, писал Немцов, дать не может, так как о введении экономических полей уже «отрепортовал» царице и Сенату.

Если крестьяне будут противиться, то ослушников, «заковав в кандалы, высылать для публичного наказания ко мне» (Фонд 2, арх. АРХ. № 192, лл. 38-39).

Черемисинов, не отвечая Немцову, разослал по волостям приказ самодура губернатора.

Черемисинов, без сомнения, понимал, что он и губернатор придерживались несовместимых точек зрения. С какой горечью должен был читать Черемисинов, этот защитник крестьян, сумасбродный насильнический проект Немцова, который заранее предусматривал заковывание крестьян в кандалы и публичное наказание ослушников, сгоняемых в губернский город.

Но зато с каким неудовольствием узнавал Немцов о проектах Черемисинова, в которых на первое место выдви-

гались какие-то там крестьяне и этакая, почти неприличная борьба со взятками!

Подождав, когда закончится яровой сев, Черемисинов в июле 1778 года составляет решение усть-киренской воеводской канцелярии: так как в один год завести экономические поля «для поселян будет отяготительно», то пока можно было бы построить хлебные магазины, «а посев экономического хлеба оставить до предбудущей осени». Но для постройки домов и хлебных магазинов планов не прислано, поэтому построить как образец один дом в г. Усть-Киренске (там же, лл. 42-43).

Черемисинов хоть выигрывал время, ожидая — не одумается ли губернатор, не отменит ли Сенат его вздора.

И судьба как будто улыбнулась Черемисинову — Немцов был смещен новым губернатором Пилем, а Сенат, приняв во внимание успешный сбор недоимок, 13 июня 1779 г. даже приказал: «города Усть-Киренска воеводе капитану Лариону Черемисинову за добропорядочную его службу и исправление порученных ему должностей... дать чин коллежского ассесора» (Фонд 2, арх. № 211, л. 1).

Однако, в последние годы своего управления Черемисинов допустил грубые ошибки. Зажиточные крестьяне ленских волостей уже давно внимательно следили за его деятельностью, ища повода для возбуждения против него дела. Не исключено, что они провоцировали Черемисинова, предпринявшего постройку себе дома, и устроили так, чтобы он не брал плату за оказываемую ему помощь.

Они следили и за его энергичным строительством в новом городе, куда переехала воеводская канцелярия и где не было нужных для уездного управления помещений.

Они сумели подметить незаконное отправление Черемисиновым губернатору Немцову рыбы и ягод в Иркутск. Им не было дела до того, что Черемисинов, подчиняясь распоряжениям губернатора, может быть думал этим отклонить его затею об устройении экономических полей и добиться согласия на возврат крестьянам земель, отданных заместителями Черемисинова служилым людям и церковникам.

Они воспользовались решительными мерами Черемисинова по взысканию недоимок, что возбудило против него многих крестьян. Они распространили слух, что правительство простило недоимки крестьянам, что Черемисинов скрывает от них милостивый царский указ и незаконно взыскивает с крестьян задолженность, образовавшуюся за 30 лет до того времени.

Черемисинов, понимая, что между ним и крестьянами теряется связь, сам попросил губернатора освободить его от обязанностей воеводы.

Это желание Черемисинова не осталось тайной для крестьян.

Зажиточная верхушка илимской деревни поняла, что настало время ее действия.

Тщательно собрав материал, они в апреле 1779 года направили челобитчиков в иркутскую губернскую канцелярию, где просили отрешить Черемисинова «от воеводства», назначить воеводой направленного комиссаром в Олекму коллежского ассесора Ланского и расследовать преступления Черемисинова.

Иркутская губернская канцелярия 27 апреля 1779 г. потребовала от усть-киренской канцелярии ответа по возбужденному делу против Черемисинова. В мае того же года усть-киренская канцелярия ответила, что об отрешении Черемисинова посланы указы в волости и что дела приняты Ланским, а Черемисинову предложено ответить на обвинительные пункты (Фонд 2, арх. № 310, лл. 10-96).

Черемисинов отчитался в служебных делах безупречно. Примечательна ведомость о взыскании недоимок с крестьян, составленная при сдаче дел.

Оказались полностью собранными: оброчный платеж за 1745-1776 годы, запущенный предшественниками Черемисинова «в доимку», главным образом, по ленским волостям; подушные сборы по Илгинской волости, недоимки по которой образовались в 1769 году, когда она находилась под ведением губернской канцелярии; ясачный платеж за 1742-1767 годы, а также розданный в ссуду хлеб разными лицами. Не был закончен только сбор денег за провиант, задолженность по которому образовалась в 1744-1773 годах — из 19080 рублей Черемисинов взыскал 14198 рублей (Фонд 75, опись 2, арх. № 1630, лл. 26-27).

Казна заставила Черемисинова собрать мертвые долги, забытые крестьянами, она потребовала от него выправить положение, созданное его предшественниками в течение почти 30 лет. Особенно сильно пострадали при этом ленские крестьяне.

И, пожалуй, только он один, так хорошо знавший крестьян и пользовавшийся доверием с их стороны в такой степени, в какой не пользовался ни один воевода, только он один мог выполнить эту ужасную работу.

Он должен был поставить на карту свой авторитет; он его поставил, и он его потерял. Крестьяне приходили к простому выводу — Черемисинов был их враг, притом опаснейший враг, сумевший добиться их доверия и теперь воспользовавшийся этим для беспощадного обирательства за мифические долги казне.

С самого начала деятельности Черемисинов попал в безысходное противоречивое положение. Он, чиновник царского

правительства, осмелился понять свое назначение, как службу царю и крестьянству. Но если он делал что-нибудь в пользу крестьян, то неминуемо вызывал подозрение и неудовольствие казны и ненависть связанных с ним по службе чиновников. Если он выполнял требования казны, то так же неминуемо вызывал противодействие и ненависть крестьян.

Его тактика в отношении богатых крестьян помогала ему долгое время сохранять доверие бедноты, но должно было наступить время, когда ради «пользы» казны он принужден был нарушить интересы и бедных крестьян, а значит потерять их доверие к себе.

Иркутская губернская канцелярия, как водилось при смене воевод, разослала указ, по которому было «велено объявить о вызове и о присылке на усть-киренского воеводу челобитчиков».

Озлобленные его решительными и крутыми мерами по взысканию недоимок, представители ленских волостей воспользовались ошибками Черемисинова и сумели возбудить против него серьезное дело.

Черемисинову были предъявлены следующие 14 вопросных обвинительных пунктов, на которые он должен был дать ответы (там же, лл. 13-19).

При взыскании недоимок Черемисинов не принимал жалоб крестьян, садил неплательщиков в холодные бани и амбары, определил к сбору недоимок казака Ивана Воинова, который получал с крестьян в год по 50 руб., по 14 овчин и по 1 корове и бил крестьян.

В г. Иркутск посылались «с разными напитками и протчими презентами» два павоска, без оплаты за лошадей, затем 3 павоска с живой красной рыбой, губернатору Немцову без оплаты доставлялись пушнина и ягода.

Черемисинову строили дом, за что крестьяне 4 волостей просят уплатить 636 руб. 35 коп.

В городе на копке колодца работало 110 человек, за расчистку «городовой горы и с нее чащи» не заплачено крестьянам 23 руб. 40 коп. Строился за счет крестьян ямской дом в Киренске. Крестьяне привлекались на постройку канцелярии и воеводского дома, воевода отрезал от подгородных крестьян 15 десятин покоса и передал эту землю городу.

6 ноября 1779 г. воеводская канцелярия отправила в Иркутск часть следственных материалов и ответы Черемисинова (они в делах не сохранились) на 14 пунктов. В тот же день в Иркутск выехал Черемисинов, навсегда покинув края, с которыми он был связан в течение почти 7 лет своей службы.

Иркутская губернская канцелярия была удивлена вздорностью большинства обвинений и дело прекратила. Черемиси-

синов передал свой дом в казну, внес 178 рублей для удовлетворения истцов и уехал в Оренбург.

История воеводы Черемисинова убедительно показывает, что сред русской служилой интеллигенции того времени нарождались пережовые люди, понимавшие, в каком тяжелом и бесправном положении находится народ, как он незащищен от произвола чиновников, попов и купцов. Несомненно, эти передовые люди XVIII века, не философы, не просветители, не кабинетные теоретики, представляли, что крепостное право является первопричиной всех бед народа, но лишь немногие из них, как воевода Черемисинов, доходили до практического решения об освобождении своих крепостных.

Примечательно, что деятельность Черемисинова совпала с восстанием Пугачева и что сам Черемисинов происходил из Оренбургской губернии, служил там долгое время и имел там крепостных крестьян. Эта губерния явилась одним из крупных очагов народного движения под руководством Пугачева.

Всякое освободительное крестьянское движение того времени полностью бы восприняло мероприятия Черемисинова: раздел всех земель только между крестьянами, защиту бедных от богатых, свободу хозяйственной деятельности крестьянина, контроль над чиновниками, беспощадную борьбу с обирательством населения, упорядочение мирских сборов.

Противоречия феодального общества проявились в конце XVIII века с величайшей силой, и они заставляли честных и мыслящих людей пересматривать свое отношение к правовому и социальному порядку, сложившемуся в империи.

История Черемисинова поэтому не эпизод, а симптом. Россия уже имела безымянных предшественников А.Н. Радищева и будущих его читателей... Ведь имел же в виду какую-то аудиторию РАДИЩЕВ, выступая с знаменитым «Путешествием». Свои речи он обращал не к сановникам, не к помещикам, не к помпадурам, а к другу.

По странному стечению обстоятельств Радищев провел свою ссылку в Илимске, где за полтора десятка лет до него действовал последний и самый замечательный илимский воевода.

Служебное лицо, желавшее помочь народу, неизбежно оказывалось в те годы в противоречивом положении, из которого не было выхода. Невозможно было одновременно и исполнить указы власти и бороться за интересы крестьян.

Надо было быть утопистом, чтобы уверовать в возможность достичь сколько-нибудь осязательных результатов от усилий одинокого администратора, считавшего себя обязанным помочь своим друзьям-крестьянам. Печальный конец деятельности Черемисинова — тому убедительный пример.

ГЛАВА IV

КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Крестьянское самоуправление в первой половине XVIII века выражалось в выборе старост, сотских и десятских, следовательно, оставалось таким, как оно сложилось в XVII веке.

Но постепенно, сперва в виде единичных случаев, крестьяне добиваются права избирать и волостных приказчиков, а со второй половины XVIII века воеводские приказчики повсеместно уступают место мирским приказчикам, так называемым выборным.

Кроме старост, сотских и десятских, крестьяне нередко выбирали писчиков в волост.ную приказную избу, устраивая с ними соглашения о работе и оплате.

Изредка крестьяне выбирали особого человека «к правежу доимочного провианта», обязанного собирать недоимки.

Выбор старосты происходил ежегодно. Так, на 1743 год крестьяне Илгинского острога выбрали в старосты пашенного крестьянина Широковского. В «выборе» было записано, что Широковский должен исполнять указы властей, «також и мирские наши нужды на указные термины без всякого послабления и отговорок». Крестьяне заверяли, что будут старосте послушны. «А в мирском правлении дёржи иметь ему, Широковскому, наши мирские, которые велеть ему, Широковскому, десяцким збирать с нас, крестьян» (Фонд 75, опись 2, арх. № 227).

При выборах 3 декабря 1740 г. старосты Илгинского острога было записано: «выбрали меж себя из своей братии, ис пашенных крестьян... в предбудущей 741 год в мирские старосты... Потапа Новопашенного». Он должен был «отправлять подводы по очереди... неотменно со всяким прилежанием, бес фальшивности». Крестьяне обязывались подводы предоставлять «без противности и отговорок». Староста

должен выдавать квитанции десятским, собирающим мирские деньги. «А мирские дёржи записывать в расходную книгу без ызлишества, та-кож и подводам иметь записку» (Фонд 75, опись 2, арх. № 296, л. 72).

Крестьяне выбирали также сборщиков подушных денег. Так, 8 января 1740 г. разночинцы и пашенные крестьяне выбрали двух сборщиков, одного из разночинцев, другого из крестьян, и дали им наказ «сбирать с нас на обе половины года», деньги отвозить в Илимск и их «не истерять», иначе отвечать будут выборщики (Фонд 75, арх. № 296, л. 73).

Нередко в эти годы крестьянам приходилось выбирать вместо воеводских приказчиков своих людей. При приеме дел «выборным» от воеводского приказчика легче обнаруживались служебные преступления сменяемого главы волости.

В 1741 году крестьянин Алексей Чиин был избран вместо приказчика Москвитина «для справедливого суда и росправы всяких крестьянских нуждах... кроме креминальных дел и смертных убивств».

Но Москвитин не сдал Чиину денег и ценностей. При разборе заявления «выборного» вскрылось, что бывший приказчик широко брал взятки, что ему старосты «кланялись деньгами» (20 рублями), что один пашенный крестьянин поклонился... конем... за честь». Обнаружение этих дел пошло к судебному следствию над бывшим приказчиком (Фонд 75, арх. № 1015, лл. 288-323).

Надзор илимской воеводской канцелярии за крестьянскими выборами, в том числе и за выборами волостных приказчиков, был внешний, и воеводы не имели права вмешиваться в выборы. Но все же существовали некоторые правила, за соблюдением которых воеводская канцелярия следила: выборы должны были производиться ежегодно, в конце года, протокол выборов необходимо было правильно написать и заверить. Избранный приказчик приступал к исполнению службы, лишь получив согласие воеводской канцелярии и после приведения его к присяге.

Крестьяне Криволуцкой слободы добились смены воеводского приказчика и получили право избирать своего выборного приказчика в 1748 году.

Когда в ленских волостях шел отбор семей на поселение в Иркутский уезд, то многие крестьяне, не желавшие трогаться с обжитого места, откупались от этого переселения, давая взятки приказчикам. В Чечуйском остроге в этот год выборным был крестьянин Ушаков. И он стал брать взятки не хуже воеводских приказчиков. Тогда крестьяне выбрали Федора Озерных, принимавшего много раз деятельное участие и коллективных действиях крестьян, и поручили ему подать жалобу в Илимск. Озерных правильно исполнил порученное ему дело. Он установил, что выборный и подьячий (писчик)

взяли с 8 крестьян 35 руб. 50 коп. денег, 10 пудов пшеницы, 2 косы, 2 топора, 1½ пуда слюды, рыбу и пушнину. Общая сумма взяток составляла около 50 рублей.

По заявлению Озерных, выборный и писчик в январе 1750 года были «взяты к следствию» (Фонд 75, опись 2, арх. № 544, лл. 80, 86, 92).

В том же году крестьяне Яндинского острога выбрали из своей среды Ивана Первушина, которому доверили подачу заявления о перераскладке провианта и о жалобе на приказчика Шелковникова. Крестьянский поверенный писал, что в 1728 году на крестьян положен провиант «не по ровному числу... А ныне мы... желаем между собою обложитца правиантом вновь и поровнятца между собою по тяглам и по пожитком и по семьям и по людем, чтоб скудному перед богатым не было тягости» (Фонд 75, опись 2, арх. № 544, лл. 81-82).

С этих пор Шелковников, не понявший, что волость — не вотчина, он — не властелин, пашенные крестьяне — не холопы, навсегда исчезает из списка илимских приказчиков.

Воевода Павлуцкий в 1757-1758 годах заново пересмотрел число десятских по каждой волости и ввел выбор пятидесятников и сотников. Например, в Тутурской слободе (на 113 дворов) крестьяне должны были избирать 11 десятских, двух пятидесятников и одного сотника (сотского), Илгинская волость на 259 дворов — 25 десятских, Кежемская на 74 двора — 7 десятских и т. д. (Фонд 75, арх. № 2353, лл. 339-369).

По подписям приказчиков можно установить, сколько из них было грамотных. Например, в 1762 году в волостях было 9 назначенных приказчиков, шестеро из которых подписывали бумаги сами, и 5 выборных, из которых грамотным был только один (Фонд 75, опись 2, арх. № 940).

Всех приказчиков, безразлично — назначенных или выборных. приводили к присяге. Вот пример того, как совершалось это дело:

«Указ (!) из илимской воеводской канцелярии... священнику Василию Дмитриеву... По указу... и по определению... а по прошению... выборного от крестьян крестьянина Степана Горбунова, по данному ему от всех крестьян выбору, определен в Киренской острог ко исправлению... государственных дел выборным того ж острогу крестьянин Матвей Рукавишников. И в верности службы ея императорскому величеству ево, Рукавишникова, надлежит привести к присяге. Того ради вам... привести к присяге и по приводе... под сим указом подписав, прислать в здешнюю канцелярию обратно».

Когда священник выполнил то, что от него требовали, он послал воеводе рапорт (!), как будто он был казаком (Фонд 75, опись 2, арх. № 940, лл. 78-79).

Впрочем, церемония не спасла Рукавишникова от скорой смены. Через 8 месяцев он сдал дела другому приказчику.

Наконец иркутской губернской канцелярии стала ясна невозможность сохранения системы назначаемых приказчиков. Она искала в обширном сенатском законодательстве нужное ей обоснование и остановилась на указе от 12 октября 1760 г., в котором говорилось: «для защищения от обид и всяких по делам ходатайств и надсматривания иметь государственным крестьянам по выбору из лутчих крестьян, кого они похотят, по желанию своему, так как и до того у них в волостях старосты и выборные и соцкия находягца». Как видно Сенат ничего нового не предписывал, и иркутская губернская власть не придала значения этому указу, когда он появился. А затем, через 5 лет, 26 июля 1765 г., этот указ был положен в основание следующего распоряжения губернской канцелярии: «отныне впредь во всех слободах, кроме таких, где винны, пивны и соляна продажи имеются, кроме острогов, по приказным избам прикащиками из афицеров, дворян, детей боярских и казаков — не быть, а имеющихся всех отрешить», Значит, за исключением некоторых острогов, во всех волостях вводились выборные приказчики на крестьян (Фонд 75, опись 2, арх. № 1100, лл. 87-89).

Но дальнейшие разоблачения взяточничества назначенных приказчиков острогов заставили губернскую канцелярию распорядиться 5 августа 1766 г. о замене назначенных приказчиков во всех острогах крестьянскими выборными и сотскими. При этом высказывалось пожелание, чтобы из двух сельских начальников хотя бы один был грамотным.

С этого времени приказные избы стали называться мирскими избами. Управление мирской избы состояло из выборного и писчика. Но в больших волостях, избирался еще сотский, помощник выборного. Кроме того, сохранял свои права и обязанности староста, ведавший хозяйственными делами мира, и десятские.

Три человека в волости — выборный, сотский и староста — образовывали крестьянскую администрацию.

Для выборного илимская воеводская канцелярия составляет инструкцию, являющуюся переработкой прежних наказов приказчику.

Крестьянину Тутурской слободы Солоницыну, избранному выборными на 1768 год, воеводская канцелярия дала такую инструкцию:

После того, как новый выборный будет приведен к присяге и подпишется под указом о нелихоимстве и о ревностном соблюдении казенного интереса, он должен сменить старого

выборного, а также старосту и сотского. «Росписной список», составленный при смене выборного, отправлялся в Илимск.

Выборный должен сделать выпись — что выполнено и что не выполнено его предшественником, особенно по сбору хлеба и подушных денег, и собрать все недоимки.

Выборный, староста и сотский должны «поступать порядочно... не чиня своей братье, крестьяном, из напрасных приметок или во отмщение прежних обид между собою, ссор, никаких обид и налог». Чинить разбирательство в мелких делах, а дела об убийствах, воровстве и грабежах присылать в воеводскую канцелярию.

Исполнять указы об искоренении воров, разбойников и их пристанищ. От крестьян брать подписки «о неимении» воров и ежемесячно об этом рапортовать в Илимск.

Смотреть, «не курили б воровски вина».

«Иметь вам (выборному, сотскому и старосте) незабвенное наблюдательство:... (чтобы) по растаянии снегов... оставшу[юся] от жнитств солому и траву, называемую ветошь, крестьяне по древней своей в том заобычности отнюдь не зажигали и тем по лесам огненных палов не умножали».

Собираемые пошлины отсылать в Илимск. Смотреть над соляными целовальниками. Читать указы, особенно о сборе недоимок «почасту, неотменно». Тамошних людей и проезжающих «оборонять и защищать». Не писать частным лицам о делах, «тайности подлежащих».

Эта инструкция подписана воеводой, его товарищем, регистратором и подканцеляристом. За инструкцию и указ выборный должен был платить 1 руб. 01 коп. (Фонд 75, опись 2, арх. № 1126, лл. 28-30).

Теперь воеводы все меньше вмешивались в управление волостями, постепенно уступая им одни свои функции за другими.

Воеводы сохранили, конечно, право смещать приказчиков за важные проступки, но крестьяне избирали других лиц из своей среды, и все шло по заведенному порядку.

В 1771 году был смещен воеводой выборный Братского острога Голятин за то, что ударил по щеке солдата, требовавшего людей для чистки дороги (Фонд 75, опись 2, арх. № 1254, лл. 407-426).

Несмотря на то, что среди выборных было меньше грамотных людей (в 1771 году из 13 человек — только 3), чем среди приказчиков, управление выборными оказалось более успешным, и жалоб в воеводскую канцелярию поступало значительно меньше.

Крестьяне сами, не спрашивая никого, сменяли своих выборных, правда, отмечая причины таких решений, например: «за ево непорядочные в народе поступки» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1313, л. 6).

К концу XVIII века уездные власти совсем не вмешивались в крестьянские выборы и киренский нижний земский суд ограничивался формальным утверждением выборов. Исчезали трафаретные приговоры, и крестьяне в своих решениях, написанных вразнобой, все чаще вводили свои выражения. Слово «выборный» к этому времени выходит из употребления и заменяется словом «староста», а вместо прежних старост появляются старшины.

На примере выборов сельских властей на 1796 год можно показать все эти нововведения (Фонд 9, арх. № 171, лл. 2-36).

В конце декабря 1795 года «в криволутскую мирскую избу. Криволутской же волости всех селений крестьяне подали сей выбор в том, что выбрали мы со общего согласия к исправлению государственных и мирских дел... в старосты... в старшины в сотски[е]... людей крепких, здоровых, не пьяниц и ни в чем не подозрительных». Подписали приговор 2 грамотных крестьянина.

В приговоре крестьян Макаровской экономической волости записано: «выбрали... в мирскую избу ко исправлению государственных дел и общественных разбирательств... во общественные старосты».

По верхне-илимской мирской избе записано: «велено вновь выбрать в... мирскую избу на верность службы старосту и велеть по сношению [с] священником привести к присяге». Там выбрали «людей добрых и не подозрительных и некакими делами не обязанных».

В Чечуйском остроге «выбрали... в мирские службы... в старосты... в старшины... в сотские... к государственной подушной казне в зборщики (2 человека), которые поведения доброго, в штрафах, наказаниях не бывали... жития домовых». Приговор подписали 3 грамотных крестьянина. Или: «по общему нашему согласию всех крестьян выбрали мы ис [с]воей братьи... в старосты судные... в старшины к мирскому мешку... сотских (2 человека)... в зборщики (2 человека)... и старосты к экономическому хлебу».

МИРСКИЕ СБОРЫ

Среди крестьян издавна производились сборы денег и хлеба на покрытие разных мирских расходов: на оплату подводной гоньбы, на содержание общественных построек, на посылку челобитчиков в уездный или губернский город, на дачу взяток и разных подношений «в честь» начальству, на наем писчиков, сторожей и т. д. С введением рекрутских наборов появились сборы «складочных» денег. Никто не следил за назначением и размерами большинства таких сборов, производившихся внутри волостей по приговорам самих кре-

стьян. А между тем сборы эти служили источником бесконечных злоупотреблений со стороны всяких властей, от малых и до больших.

Лишь изредка, по почину самих крестьян, поднимались вопросы об учете мирских денег.

Крестьянский десятский Яндинского острога в феврале 1770 года «прописывал» в доношении, посланном губернской канцелярии на бывшего старосту Коновалова, что тот отягощал крестьян многими поборами.

Крестьяне поддерживали десятского и составили список сборов, произведенных «народским старостою». Здесь и сборы «с тягол», и с душ, и «якоб в складку рекрут», и «в росчиску дороги», и «еще взял, а куда не знаем». Всего крестьяне насчитали сборов, произведенных с них старостой, на 1191 руб. 93 коп.

По заявлению началось следствие, закончившееся учетом мирских сумм (Фонд 75, опись 2, арх. № 1236, лл. 11-53).

Илимская воеводская канцелярия вызывает для отчета старосту, а крестьяне выбирают «поверенного», пашенного крестьянина Красноярова, которому поручают защищать мирские требования вместе с челобитчиком.

В Илимске производится своего рода публичный «счет»: зачитываются статьи расходов, произведенных старостой, а челобитчик и «представленный от всех крестьян поверенный» заявляют по каждой такой статье: «на щет приемлют» или: «на щет не приемлют» или: «челобитчик, буде свидетель скажет, — приемлет, а поверенный Краснояров по доверенности от миру прекословить не будет».

После совершения всех церемоний учета у старосты не было принято расходов на 265 руб. 07 коп.

Но окончательно размер начета установил крестьянский мир, которому были доложены итоги ревизии. 26 мая 1770 г. «все пашенные крестьяне, нижеподписавшиеся сею скаскою объявили... еще положили по народцким своим обрядам 150 рублей 6 копеек, а более на щет не приемлем». Таким образом, со старосты надлежало взыскать 115 руб. 01 коп. незаконно сделанных им расходов. А воеводская канцелярия, чтобы не остаться в стороне от возникшего дела, вынесла и свое решение: старосте «учинить наказание батоги».

Первый, кто обратил внимание на необходимость упорядочения мирских сборов, был воевода Иларион Черемисинов. И только с этого времени появляются в делах илимской воеводской канцелярии обильные документальные данные о той стороне общемирской, роевой жизни крестьян, которая раньше была известна по обрывочным данным, чаще всего по жалобам и по судебным делам о взяточничестве.

Решение о сборе денег принималось на крестьянском сходе или «совете». Так, 2 февраля 1773 г. «Киренского острогу

выборной Никифор Горбунов, староста Иван Кобелев, десяцкие (названо 7 человек) и все крестьяне... будучи на мирском согласии и со общего согласия положили по приказной избе на всякие держи с трех сот девеноста шти душ, с каждой по петнатцати копеек... Да сверх же того положили на всякие нароцкие держи с пахотных земель з десятин...» Всего по этому приговору на январскую треть собиралось по волости 126 руб. 99 коп. (Фонд 75, опись 2, арх. № 1351, л. 81).

Приходо-расходные книги волостей стали поступать по требованию Черемисинова в илимскую воеводскую канцелярию для проверки. В книге киренской экономической избы «сбираемых с крестьян поборов» за 1773 год по приходу значится:

Принято от десятников "по словесному нароцкому приговору рекрутских" денег с 210 душ по 50 коп.....105 руб.
Собрано на разные мирские расходы с пахотных земель и сенных покосов, с 1184 десятин по 1 копейке 11 руб. 84 коп.
Тоже по второму сбору 28 марта11 руб. 84 коп.
Собрано на рекрутов "по нароцкому письменному приговору" с 183 душ по 28 коп.51 руб. 24 коп.
Складочных денег с 39 душ по 1 руб. 20 коп.46 руб. 80 коп.
Продано имущество выморочного двора 40 коп.
Итого в приходе.....227 руб. 12 коп.

По расходу имелись следующие записи.

Дано рекрутам на дорогу до Иркутска.....120 руб.
Отдано в Иркутск складочных денег.....73 руб. 60 коп.
Куплено вино для отвозки рекрутов1 руб. 28³/₄ коп.
Выдано сторожу за кормление рекрута в течение 10 дней.....35 коп.
Куплено писчей бумаги, сургуча, свеч2 руб. 86¹/₄ коп.
Заплачено писчику.....28 руб. 80 коп.
Куплено пирогов рекрутам 15 коп.
Итого в расходе227 руб. 5 коп.

К книге приложены мирские приговоры, по которым производится сбор денег (Фонд 75, арх. № 3376).

Другая книга, поступившая в илимскую воеводскую канцелярию после окончания 1773 года, была представлена для проверки старостой Киренского острога.

Всего было собрано за год 336 руб. 75 коп., т. е. по 85 копеек с души муж. пола. Расход за то же время составил: по

рекрутскому набору 220 руб. 68 коп., на ведение гоньбы 84 руб. 26 коп., на канцелярские расходы и писчику 27 руб. 41 коп., взнос подушных за неимущих 4 руб. 40 коп. (Фонд 75, арх. № 3383, лл. 1-6).

Типичные книги пяти старост за 1771-1775 годы поступили для проверки в илимскую воеводскую канцелярию (Фонд 75, опись 2, арх. 1357, лл. 78-83).

Начала этого дела не сохранилось, но по тексту можно установить, что книги относятся к Тутурской слободе.

Старосты, сменявшиеся ежегодно, вели учет прихода и расхода мирских денег, собиравшихся десятскими.

В упомянутых книгах отражены следующие расходы: ежегодно по 1 руб. 01 коп. печатных пошлин с указа, которым утверждались выборные; оплата писчика — за 5 лет 84 рубля; «денщику за служение ево» — 34 рубля за 5 лет; канцелярские припасы — бумага, сургуч, чернила, свечи, сера горючая, кремни и нитки; «за прикладывание к разным делам рук рушником», т. е. плата грамотным крестьянам, заверявшим своей подписью бумаги неграмотного старосты или выборного; «за постоянную квартиру»; оплата ямщику «за исправление чрез Ленской волок подводной гоньбы»: перевозка соли из Усть-Кута; сплав хлеба в Якутск; покупка рекрутам одежды и обуви.

Несмотря на введение контроля со стороны воеводской канцелярии, в волостях давали взятки всяким чинам. Это нашло отражение и в книгах старост: «Следующему из Ыркуцка с посельшичьей командою... прапорщику Семену Афанасьеву (см. «Воевода Иларион Черемисинов», стр. 119) ис подобострастия отдано 40 рублей», «Капралу... отдано сеном» на 17 рублей, «следующему с радостными указами о примирении со Отоманскою Портою сержанту... отдано в подарок» 20 рублей.

Сжатая сводка мирских сборов и расходов старост Тутурской слободы за 5-летие приводится в таблице 16.

С души муж. пола в среднем собиралось в год по 51 копейке.

Сведения о мирских расходах киренских экономических крестьян имеются за 10 лет, с 1766 по 1775 год (Фонд 2, арх. № 301, лл. 131-141).

За это время было собрано с крестьян 1016 руб. 16½ коп., или в среднем за год по 42 копейки на душу муж. пола. Израсходовано: на оплату писчика 300 рублей, на канцелярские принадлежности, отопление и освещение мирской избы 155 руб. 50 коп., на отвоз подушных денег 78 руб. 28 коп. Снаряжение и отправка рекрутов обошлась обществу в 465 рублей. Кроме того, покупка новой мирской избы и мелкие затраты по ее оборудованию составили 17 руб. 38½ коп.

Таблица 16

Приход и расход денег	Рублей	% к итогу
Сборы с крестьян	984	—
Расходы:		
ямщику и денщику	118	12,0
Канцелярские	35	3,6
постоянная квартира	43	4,1
перевозки соли	96	9,8
ямщику и сплав хлеба	359	36,5
рекрутам	200	20,4
постройка приказной избы	40	4,1
взятки	77	7,8
прочие расходы	14	1,4
Итого	982	100,0

Крестьяне Киренского острога собирали в 1773-1775 годах на свои мирские нужды с каждой души муж. пола в год деньгами по 38 копеек, мукой по 1 пуду 7 фун. (там же, лл. 121-124).

По Илимскому комиссарству имеется сводка о сборах на мирские нужды в пяти волостях за 1775 год. На бумагу, сургуч и свечи по разрешению крестьян собиралось в пяти волостях 58 руб. 50 коп., на ямскую гоньбу 554 рубля и 150 пудов хлеба, четырем писчикам 75 рублей, на провоз казны до Илимска 19 рублей. Итого, считая хлеб по 10 копеек за пуд, собиралось 711 руб. 50 коп., примерно по 23 копейке с души (Фонд 2, арх. № 93, лл. 50-52).

Такие же раскладки имеются и по другим волостям.

На сбор денег крестьяне давали старосте «согласное письмо», в котором указывались размер и целевое назначение сборов.

Наиболее полное и выразительно написанное «согласное письмо» дали крестьяне Илгинского острога в июле 1775 года (Фонд 2, арх. № 93, лл. 25-27).

Ниже приводится почти полный текст этого чисто крестьянского документа.

«Илгинского острогу крестьяне в собрании в мирской приказной избе учинили общее согласие и дали за рукоприкладством своим мирскому старосте Ивану Евдокимовых, чтоб собрать ему и десятникам... на необходимые мирские держи... со всего нашего оклада, кроме умерших, взятых в

рекруты, за неимущих, престарелых и своевольно сошлых... с семи сот восьмидесяти трех душ по двадцати по две копейки с четью 3 души. А на какие имьянно расходы употреблять, значит под сим: пищику 20 рублей по согласию мирскому, ко[н]торщику 7 рублей, сургучу на рубль на 60 копеек, пищей простой бумаги на 7 рублей на 80 на 3 копейки, на свечи говяжьего сала — на 3 рубля на 20 на 5 копеек, за литье и за маканье свеч 40 копеек, на чернила 20 копеек, слюды в окончины в приказную избу — 5 фунтов — рубль 25 копеек, за обоконье 85 копеек, за шитье окончин 50 копеек, в оброк за поповские и дьяконовские бани и за протчее 3 рубля 95 копеек... за починку казенных замков 25 копеек... за прикладывание рук рушникам, за неимением других, рубль 25 копеек, священником за приход в судейскую ка[н]тору со святою водою 25 копеек, в приклад в колокол 10 копеек... в тезоименитство государыни, по согласии нашему, на вино — рубль, ямщику Гиляшеву из Усть-Куцкого острогу до Илимска за разгон подвод 60 рублей, за повоску соли ...кроме прогонных денег, за 300 пуд, по мирскому согласию, 60 рублей. Итого 172 рубля 84 копейки с четью, которые деньги держать ему, старосте, без ызлишества».

«К сему согласному письму за всех Филат Чувашев руку приложил». Далее следуют подписи еще 3 крестьян.

К этому письму приложена «отчетная», подписанная теми же крестьянами.

Но так как староста Евдокимовых «за умножением по приказной избе многотекущих государственных дел» выехать в Киренск с отчетом не мог, то крестьяне выбрали для поездки крестьянина Григория Дроздова и дали ему «указное наставление».

Толчок, данный Черемисиновым делу по упорядочению мирских касс, продолжал еще действовать и после ухода этого воеводы.

Минет некоторое время, правительство наведет указный казенный порядок в мирские сборы и включит их как побочную статью в свой бюджет.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КРЕСТЬЯН

На протяжении всей истории илимского крестьянства воеводам и приказчикам непрерывно приходилось сталкиваться с коллективными действиями крестьян. В большинстве случаев крестьяне обращались к местным властям всем миром, прося удовлетворить их различные нужды; нередко крестьяне коллективно жаловались на приказчиков или воевод, иногда возбуждали преследование против лиц, нарушавших их права.

В приглушенном шуме потревоженного или недовольного улья тонут отдельные индивидуальные голоса и звучит явственно только общий, согласный ропот. И хотя действия крестьян никогда не освещались никаким политическим знанием, тем не менее общемирская жизнь деревни представляла важное общественное явление, существенное следствие примитивной крестьянской демократии.

Когда-то Ф. Энгельс писал К. Марксу по поводу противодействия русских земских собраний правительственным мероприятиям: «Ты видел, как земства бунтуют против Игнатьева, отчасти в форме петиций, отчасти же в форме прямого отказа собираться» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XXIV, стр. 538).

Так же боролись и илимские крестьяне с средневековым гнетом крепостнического государства — подачей бесчисленных заявлений, посылкой челобитчиков, отказами сдавать хлеб в казну.

«Формы демократии, — как замечает Ленин, — неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим» (В.И. Ленин. Сочинения, том 28, стр. 441-442).

В крестьянском мире и в его действиях проявляется, конечно, только инстинктивный, первобытный демократизм крестьянина и то в очень узкой сфере его применения. И лишь значительно позже, через 100-150 лет, в годы, последовавшие за ломкой крепостнических устоев, стихийный примитивный демократизм русского крестьянина стал основой, на которой возникли разные формы буржуазно-демократической идеологии. В учении Л.Н. Толстого Ленин открыл «протест... примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти» (В.И. Ленин. Сочинения, том 16, стр. 294). Народническое мирозерцание также выросло на почве примитивной аграрной демократии русского крестьянина (В.И. Ленин. Сочинения, том 6, стр. 306).

Но Ленин подметил и третье направление, в котором проявился примитивный демократизм крестьянина: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий... Нет-нет, и прорвется голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность. Тогда правые (в Думе. В.Ш.) вынуждены выгонять вон «неудобного» мужицкого демократа» (В.И. Ленин. Сочинения, том 19, стр. 350).

И Ленин, считая крестьянский демократизм важным явлением в народной жизни России, учил партию не игнорировать его, а очищать демократические воззрения крестьян от крепостнических пережитков (В.И. Ленин. Сочинения, том 20, стр. 277).

Понятно, в рассматриваемую эпоху, в XVIII веке, примитивная крестьянская демократия могла ставить только узкие, чисто практические цели борьбы с насилием и обирательством казны, чиновников и, реже, попов. И в этом ее огромное значение.

Обратимся к делам илимской воеводской канцелярии.

В 1726 году крестьяне 7 волостей подали коллективное заявление о зачете десятинного хлеба, сданного ими в 1725 году, в платеж следующего года (Фонд 75, арх. № 213, лл. 222-223).

Крестьяне трех ленских волостей, Чечуйской, Криволуцкой и Киренской, в 1729 году выбрали трех челобитчиков, которые подали заявление об отмене подворного хлебного обложения и о возврате к обложению по десятинам. Они подтвердили свою просьбу через 10 лет, в 1738 году.

Крестьяне умели действовать не только целыми волостями, но и всем уездом. В последнем случае выборные от всех волостей съезжались в одно селение и выбирали уполномоченных, выступавших от имени крестьян уезда.

Вот пример такого действия этой примитивной крестьянской демократии: в январе 1729 года воеводе доносили «Илимского уезду выборные пашенные крестьяня» от восьми волостей:

«В нынешнем в 729 году по мирскому нашему выбору, всеуездных пашенных крестьян совету, выбрали мы... из своей братии двух человек пашенных крестьян, а имянно: Чечуйского острогу Афанасия Решетникова, Тутурской слободы Козму Наумова... что будучи им... в Ыркуцкой правинцы за нашими крестьянскими всеконечными нуждами, против нашего прошения стоять и бить челом». Изъяснив воеводе эти обстоятельства, выборные просили дать Решетникову и Наумову паспорта.

К этому заявлению приложен «выбор», в котором выражено доверие крестьян, что всеуездные уполномоченные будут отстаивать их требования. «А что какой издержки оным нашим выборным станет, то тое всякую держь и волокиту нам, всеуездным пашенным крестьяном, окупать самим».

Воевода не имел права задерживать крестьянских легатов, и они получили следующий паспорт: «По указу его величества Петра II, императора и самодержца всероссийского и протчая и протчая. Отпущены из Ылимска... пашенные крестьяне... для их крестьянской от всех волостей всеконечной нужды о прошении».

В паспорте были указаны «по силе печатного плаката, впредь для осторожности, описные непереманные приметы» выборных. Решетников оказался ростом 2 арш. 4 вершков, смуглым и сухощавым, с черной бородой. Одна рука у него была переломана «и кость в завите высунулась», на руке же был след от ножевого пореза». На спине поясница во многих местах изожена ядунами». Лодыжка правой ноги тоже была со шрамом.

Другой выборный был «чернорусым», сухощавым бородатым крестьянином (Фонд 75, арх. № 271, лл. 10-14).

Досрочное смещение приказчиков и сыски о их беззакониях происходили почти всегда по почину крестьян. Таких дел сохранилось очень много.

По заявлению крестьян Усть-Кутского острога туда выезжает илимский служилый человек. Приказчику воеводская канцелярия пишет, что этот служилый «послан для следствия о тебе, Марызенкове, и о подьячем Якове Гиляшеве во обидах от вас пашенным крестьянам и в раззорении» (Фонд 75, арх. № 624, л. 112, 1736 год).

Крестьяне жаловались на приказчика и писчика, что они долго не принимают от них хлеб, привозимый для сдачи в казну, не выдают им в приеме хлеба квитанций, ездят по деренням «для своих прихотей» и т. д. За всех крестьян, «кои грамоте не умеют, по их прошению Степан Сабуров руку приложил» (Фонд 75, арх. № 727, лл. 23-31).

После разбора заявления на месте последовал арест Марызенкова.

Крестьяне трех ленских волостей, Чечуйской, Киренской и Кривоулицкой, послали в Иркутск трех представителей, которые в заявлении от 27 мая 1734 г. поставили перед вице-губернатором много широких вопросов. Крестьяне доказывали, что подворный порядок обложения не учитывает особенностей земледелия в ленских волостях, что посылка нарочных солдат из Иркутска для поуждения в сборе подушных денег совершенно излишня, так как подушные вносятся крестьянами исправно, что властями допущен беспорядок во взыскании податей за переселенных крестьян. Представители волостей напомнили, что при воеводе Федоре Качанове ямская гоньба обходилась по 2-3 рубля с десятины, а теперь, т. е. в 1734 году, по 10-12 рублей. Крестьяне указали на нелепость распоряжения Шпанберха, который «доправляет» с них по 54 пуда муки и по 3 пуда крупы, за хлеб, где-то по его вине замерзший в Кежме на Ангаре. Иркутская провинциальная канцелярия, выслушав крестьянских представителей, поручила илимской воеводской канцелярии «все исследовать» и удовлетворить их просьбы (Фонд 75, опись 2, арх. № 171).

Примечательно, что крестьяне через четверть века еще помнили воеводу Качанова и ставили его в пример иркутским властям. Из дел не видно, чтобы Иркутск предпринял какие-нибудь меры по удовлетворению просьб ленских крестьян.

Иркутский вице-губернатор Бибииков велел, правда, в 1737 году илимскому управителю Бейтону ответить на просьбу крестьян. Бейтон послал на место нарочного, но дело опять кончилось ничем (Фонд 75, арх. № 1005, лл. 18-23).

Случалось, что жители волостей поднимали и более важные вопросы.

Братский острог с его «уездом» был подчинен Илимску сравнительно поздно, в 1705 году, причем самое подчинение произошло при сложных обстоятельствах — в разгар борьбы братских жителей с насильником Кафтыревым. Этой борьбой руководил замечательный народный вожак Григорий Микляев, выступавший иод именем Гришки Бессонова.

Конечно, жители Братского острога долго помнили свою славную борьбу с Кафтыревым и чтили память мирских челобитчиков.

Падение экономического значения Илимска и быстрое развитие Иркутска, с которым Братский острог связывался удобным путем по Ангаре, поставили в порядок дня вопрос об отписке Братского острога от Илимска и о подчинении его Иркутску.

Жители Братского острога раньше всяких провинциальных и воеводских канцелярий поняли необходимость таких административных перемен и не раз просили передать их в ведение Иркутска.

В 1737 году они для подачи заявления в Иркутск «об отрешении Братского острогу от Илимска ради бывших налог и обид от прежних илимских управителей» выбрали трех человек, представлявших главные слои населения Братской волости, как это они делали и в годы борьбы с Кафтыревым: отставного служилого Леонтия Микляева (родственника Григория Микляева), посадского Петра Кокорина и крестьянина Ивана Жидовкина. Главным челобитчиком должен был выступать Микляев. Но потомок бывшего главаря не оправдал надежд своих выборщиков. Он «не радел» о делах, порученных ему миром, и не отчитывался в деньгах, собранных жителями на его расходы по поездкам в Иркутск.

Тогда служилые люди Братского острога подали 11 января 1739 г. заявление в илимскую воеводскую канцелярию на своего ставленника — Микляева.

Началось судебное разбирательство, во время которого выяснилось, что челобитчикам было передано денег от служилых людей 55 руб. 50 коп., от посадских 15 рублей и от пашенных крестьян 91 рубль.

Микляева показал, что ездил в Иркутск неоднократно и произвел следующие расходы: дал илимскому управителю Бейтону 5 рублей, «губернатору снесено» 50 копеек, «празнишного снесено» 1 руб. 50 коп., сыну (кого? губернатора?) «снесено» 25 копеек, подьячему дано «празничного» 30 копеек, «на светлой неделе вышло на вино» — 1 рубль. Всего набралось расходов 8 руб. 08 коп. В другой справке Микляев перечисляет следующие расходы: «на губернаторский двор и в ыные росходы — рубль, за калач 5 алтын, дьяку за калач 5 алтын», «сам я пропил 2 рубли» и т. д. В третьей справке указано, что Микляев «бес Кокорина (сочелобитчика) носил полполтины деньщику, двум — по копейке, подьячему дал 2 алтына».

Попятно, что судебное разбирательство, основанное на устных показаниях о данных взятках, не могло привести к обоснованному решению, и следствие, видимо, прервалось (Фонд 75, арх. № 984, лл. 8-17).

Иркутская провинциальная канцелярия согласилась, чтобы деньги, собираемые в Братской волости, отвозились прямо в Иркутск на «полковой подушного збору двор». С 1744 года оброчный хлеб и «провиантскую доимку» разрешается братским жителям «собирать самим», в провиантмейстеры выбирать «погодно» из братских служилых людей. Дается разрешение построить в Братском остроге винокуренный завод за счет средств местных жителей, а для его управления выбирать своих ларёшных и целовальников. Жалование служилым людям было велено выдавать из братской приказной избы из средств, выручаемых от винной продажи. Откупные и оброчные деньги с 1744 года должна была принимать братская приказная изба. Ясак и деньги, собираемые в Братской волости, с этого времени отсылаются прямо в Иркутск. За Илимском сохранилось право контроля над деятельностью братской приказной избы и право использовать только тех братских служилых людей, которые не были заняты па месте (Фонд 75, арх. № 1131, лл. 87-94).

Приказчик Кривоуцкой волости Кузнецов во время разъездов по деревням для сбора с крестьян хлеба злоупотреблял властью и почти сразу же встретился с единодушным сопротивлением крестьян. В марте 1754 года 11 крестьян и одна вдова деревни Кривоуцкой, пригласив какого-то писца, имевшего пристрастие к букве «ъ», жаловались в Илимск: приказчик приехал пьяным и позвал «нас нижеподьписавшихся»; когда крестьяне явились к нему с хлебом-солью, он, бросив подношение, начал избивать их и «порицать... всяким небылым порицанием». Приказчик призвал «нишую сироту, вдову Марью Михайловну дочь и стал судить необычайно и, клав на землю, три раз стегал батожьем, а не спрашивает свидетелей. И смучил с нее 3 рубли... и пу-

стил бедную сиротину в нишету». В свою очередь приказчик жаловался на крестьян деревни Кривая Лука. По его словам, он никого в этой деревне «не обыскал», т. е. не нашел, — «знатно, что они, крестьяне, отбывают за своими бездельными корыстями от домов своих». Приказчик нашел все же двух крестьян Мигалкиных, но они «учинились противны и едва не убили; из дому... отбились и на улицу выбежали и за стеги хватались». Приказчик выражает опасение: «и мне б, прикащику, не утерятца». В другом заявлении он предостерегает илимскую воеводскую канцелярию от приема заявлений на него, чтобы он «от напрасного их нароцкого писания» не пострадал (Фонд 75, арх. № 2066, лл. 106, 108, 154).

Однако крестьяне Криволуцкой слободы сумели обезвредить все встречные заявления приказчика Кузнецова. 15 декабря 1754 г. староста, 8 десятских, 23 крестьянина «и все той же волости пашенные крестьяне» составили обширное заявление, написанное мастерским почерком. Они привели несколько случаев того, как Кузнецов «стегал... крестьян батожьем безвинно и смертно, без всякого дела и виду и без приговоров, напрасно». Наказывал десятского, которого сам же незаконно назначил. Одного крестьянина «стегал... смертно спине, по бокам и по брюху», другого бил палкой, старосту «бивал палкою многократно и черемшинами, от которых побой были у него и ребра изломаны». Всего приказчик избил 11 («перваго на десять») человек. Кроме того, он брал взятки, утопил коня, отобрал часть «нароцких денег» (Фонд 75, опись 2, арх. № 740, лл. 105-106).

Воевода Андреев, получив это заявление, отметил, что оно написано на простой бумаге и в челобитной «по усмотрению илимской воеводской канцелярии явилась в высочайших ея императорского величества титулах... неисправно». Поэтому он вернул заявление крестьянам, предложив им переписать его по форме, а вместо приказчика выбрать «выборного», которому и принять все дела от Кузнецова.

Крестьяне очень быстро, 7 января 1755 г., прислали заявление на гербовой бумаге. Но Кузнецов, боясь наказания и, может быть, думая склонить крестьян к мировой, медлил с отъездом в Илимск, затянув сдачу дел на 3 месяца. Тогда воевода послал указ о немедленном приезде Кузнецова в Илимск «для положения штрафа» (там же, лл. 107-108).

Так сошел со сцены еще один зарвавшийся жулик.

Число заявлений крестьян на приказчиков возрастало год от году. Особенно много таких требований поступило в воеводскую канцелярию в 1757 году.

Этот поток заявлений и жалоб ставит в затруднение илимскую воеводскую канцелярию. Служилых людей не хватает: одни под судом, другие в отъезде, третьи на службах,

и она соглашается на назначение приказчиками разночинцев, убеждаясь все более и более в необходимости допустить повсеместно выбонных крестьянами лиц.

Крестьяне не только умели дружно и согласованно выбрасывать неугодных им приказчиков, но и осуществлять сложную защиту своих прав с помощью документов. В их среде отыскивались грамотеи и счетчики, производившие, если требовалось, разные статические и экономические выкладки.

Крестьянин Кежемской слободы Андреи Кокорин в январе 1766 года писал илимской воеводской канцелярии: «...по данному мне, рабу вашему, той Кежемской слободы от всех крестьян за руками выбору велено в илимской воеводской канцелярии просить о всяких принадлежащих нароцких нуждах».

Крестьяне поручили Кокориину доказать воеводской канцелярии, что она неправильно определила размер хлебных недоимок по Кежемской волости за 1744-1763 годы. Крестьяне не обращали внимание на расчеты Илимска до тех пор, пока оттуда не пришел в 1765 году строгий указ о взыскании недоимок за показанные 20 лет в размере 3309 пудов (Фонд 75, арх. № 2968, лл. 243-244).

Кокорин просил воеводскую канцелярию, во-первых, проверить по квитанциям правильность ее расчетов, а, во-вторых, зачесть за хлеб сданную крестьянами пеньку.

Такая задача для воеводской канцелярии оказалась не по зубам.

Зато Кокорин предъявил копии всех квитанций о сдаче каждым крестьянином Кежемской волости хлеба за 20 минувших лет! Где-то в тиши приказной избы тщательно переписывали казавшиеся ненужными листики бумаги, получившие вдруг жизненное значение.

Кокорин предъявил 868 копий квитанций (впрочем, набралось еще с десятков подлинников), переписанных на 112 страницах! (там же, лл. 247-302).

Около каждой копии стоит крестик, знак проверки.

Воеводская канцелярия сличила данные Кокорина с окладными книгами и счетными выписками за те же 20 лет погодно, и воевода Шарыгин вынужден был признать, что вместо 3309 пудов с крестьян Кежемской слободы следует взыскать только 1191 пуд 30 фун.

Он предложил разложить эту недоимку «по тяглам и по семействам, чтоб им друг против друга было безобидно», и взыскать с крестьян «за употребленную по поданной выборного от всех крестьян крестьянина Кокорина челобитье в деле вместо гербовой простую бумагу» 2 руб. 88 коп. (там же, лл. 305-341).

Кокорин охотно заплатил эти деньги, так как в руках у него был документ с гербами и печатями о списании с крестьян 2117 пудов хлебной недоимки. Он не заботился о том, куда же девалась эта масса хлеба. Воевода, вероятно, был тоже доволен, что все выполнено по форме и деньги с челобитчика внесены в казну. Но ему было невдомек, что убыток от воровства 2000 пудов крестьянского хлеба был челобитчиком переложен на казну.

В более поздние годы крестьяне Усть-Кутского острога внесли поправку в расчет недоимок, сделанный воеводской канцелярией, и сослались на квитанции, сохранившиеся с 1745 по 1773 год (Фонд 2, арх. № 228).

В одном из дел 1767 года (Фонд 75, арх. № 3068, л. 17) сохранился очень редкий и важный документ — «грамотка» выборного Илгинского острога к выборным других волостей. Несколько таких писем было перехвачено приказчиком Усть-Кутского острога и передано воеводе Шарыгину, который усмотрел в них разглашение государственной тайны и начал следственное дело.

Выборный Илгинского острога Ожегов был за посылку таких писем смещен с должности.

Вот содержание письма, адресованного выборному и старосте одной из волостей: «Благодетели наши, господин выборной Козма Епифанов, староста Прокопей Нечаев, здравствуйте. Сим вам во известие пишу — из Илгинского острогу в город Ыркуцк по выбору народскому выборной челобитчик посылаетца. И вы, выборной с товарищем, согласны ль челобитчика сюда прислать апреля к 1 числу для отправления в Ыркуцк и общей там подачи челобитны о таком порядке, что яко б будет накладка правианту по петнатцати пуд на душу, которой платеж, известно вам — что невсилу и о протчих принадлежащих нуждах. Мы желаем быть в семигривенном и четырехгривенном окладе или ям иметь. И вы, выборной со старостой и всеми крестьяны, желаете ль находитца во оном — по 15 пуд на душу... Естли о коем накладе желайте, то о том ему, челобитчику, обо всем с прописанием от народу тамошнего дать выбор... А в Орленскую, Криволуцкую, Киренскую волости таковы ж грамотки посланы. Впрочем, вам остаюсь слугой. Выборной илгинской Яков Ожегов с крестьяны, кланеюсь». Подписано 15 февраля 1767 г.

Вот как сносились крестьянские челобитчики разных волостей. Перед нами хорошо продуманный план действия: представители 5 волостей должны были съехаться к 1 апреля в Илгинский острог, имея на руках наказы от крестьян, условиться там о совместных действиях и выехать в Иркутск для борьбы против ожидавшегося крестьянами дополнительного хлебного обложения. Крестьяне условливались высту-

пать против всякого хлебного обложения, за замену его 4-гривенным денежным сбором. Попутно челобитчики намеревались поставить в Иркутске и другие важные для крестьян вопросы.

Воевода Шарыгин 5 марта сместил выборного Ожегова, «а для предускорения к пресечению того разглашения в Ылгинском остроге впредь до указного об оном изследования», послал туда приказчиком казака (Фонд 75, опись 2, арх. № 1126, л. 24).

В 1767 году по жалобе яндинских крестьян, поданной губернатору Фрауэндорфу на бывшего приказчика Степана Бутакова, на место был послан поручик Михайлов, который с помощью крестьян раскрыл немаловажные служебные преступления воеводы Шарыгина и служителей илимской воеводской канцелярии (Фонд 75, опись 2, арх. № 1126, лл. 82-118).

Бутаков на допросах отрицал получение им взяток, объясняя, что хлеб и деньги давались «в честь» и ему и воеводе. Опрошенные крестьяне показали: «повсягодно хлеба збирается (на взятки) не по равному числу, но смотря по урожаю, со общаго мирских людей согласия, без всякова их к тому принуждения, раскладывая сами собою со старостами. И ис того зборного хлеба по данному их обыкновению посылается в гостинцы воеводе, с приписью подьячему, да наемным в Ылимску и на станце от миру ямщикам». Но расписок на принятый «в гостинцы» хлеб все эти лица не дают. Воеводе Шарыгину, как показали крестьяне, было послано 250 пудов, с приписью подьячему 100, ямщикам 242, приказчику Бутакову 50, наемному писчику 50, всего 692 пуда. Как выяснилось дальше, Бутаков принуждал крестьян чистить зимой дорогу, но затем освободил их от этой работы за взятку в 100 пудов хлеба. Кроме того, оставшиеся деньги от оплаты провоза соли бывший приказчик забирал себе.

Иркутская губернская канцелярия, заслушав результаты следствия по заявлению яндинских крестьян, постановила: взятки Бутаков должен вернуть крестьянам; его самого, «дабы впредь от того воздержался» — бить плетью; «подтвердить наистрожайше... дабы... воевода и приказные служители (илимской канцелярии) от таких раззорительных крестьяном подарков удержались под опасением за то неизбежного по указам штрафа»; послать во все волости Илимского ведомства указы, что за дачу подарков будут отвечать сотские и десятские; собрать сведения о воеводе Шарыгине и представить их Сенату, с истребованием «на место его вновь другога».

Получив это решение, воевода Шарыгин пишет сам себе в илимскую воеводскую канцелярию: мне прислано «ни из-за какого принуждения и ниже требования» из Яндинско-

го острога 95 пудов, из Ново-Удинской слободы 89 пудов хлеба, «которой провиант мною принят; токмо оной по вышепроизшедшим от них ябедническим поступкам, чего дабы впредь того ж последовать не могло, положен в удобное место под охранение, впредь до рассмотрения» (там же, л. 91).

Следствие также установило, что Шарыгин и служители воеводской канцелярии брали взятки из денег, предназначенных для расчета с крестьянами за перевозку соли (там же, лл. 95-98).

Так заявления крестьян привели к разоблачению воеводы, долгие годы безнаказанно обиравшего правого и виноватого. Больше Шарыгину взятки брать не пришлось — он был уволен.

Как вытекает из всего сказанного, пашенные крестьяне не являлись покорной средой, терпеливо сносившей обирательства и насилия больших и малых управителей. Напротив, крестьяне безустанно вели напряженную, хотя в большинстве случаев незаметную, потаенную борьбу с обиралами и насильниками. Сговору взяточников они противопоставляли организованность крестьянского мира, ухищрениям и крючкотворству приказных служителей — умение разбираться в письменных и счетных делах, выдвигая своих грамотеев. Для коллективных действий крестьян характерны единодушие, стойкость, умение толковать в свою пользу указы и тонко вскрывать слабые места воеводского управления.

ГЛАВА V

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

ОТВОД И УЧЕТ ЗЕМЕЛЬ

Все земли Сибири считались государственными, и частного землевладения здесь не существовало. Угодия, закрепленные за крестьянами, образовывали крестьянские земли. а находившиеся в пользовании местных народов — считались ясачными землями. Больше всего имелось так называемых пустопорожных земель.

Закрепленные за крестьянином земли находились в бессрочном пользовании двора.

Так как крестьянские и ясачные земли являлись собственностью государства, а не землепользователей, то всякие сделки с землей воспрещались.

В октябре 1731 года от пашенных крестьян были отобраны подписки следующего содержания: «1731 году октября 14 дня в ылгинской земской (т. е. приказной) избе... илгинской пашенный крестьянин Петр Выборов сею скаскою объявил: пашет де он в Чичековской деревне чичековской пашенной земли полдесятины по отводу отцу их Ивану Выборову. И оной земли и сенных покосов никому не променивал, и не здаывал, и впусте не покидывал, и на другия места не переезживал, и впредь вышеписанного — здач и мен чинить не будет. И в том подписуетца под штрафом и наказанием. К сей сказке... Петр Ерофсевских руку приложил».

Всего таких подписок по Илгинской волости дали 77 пашенных крестьян (Фонд 75, опись 2, арх. № 91).

В числе показаний о земле имеется несколько совместных сказок, отражающих общее владение землей, вероятно, как отголосок складнического хозяйства.

И впоследствии власти не раз напоминали населению о запрещении всяких оборотов с землей. Например, в указе иркутской провинциальной канцелярии от 31 марта 1735 г. предписывалось пашенным крестьянам и «ясачным инозем-

цам», чтоб они земли «никому б не продавали и не закладывали под жестоким истязанием» (Фонд 75, арх. № 270, л. 142).

Это положение оставалось неизменным и в XIX веке: «Всякая продажа, заклад или какая либо уступка сих участков запрещается» (Свод законов Российской империи, издание 1857 года, том IX, статья 671).

В XVII веке все акты по закреплению земель за каждым крестьянским двором выдавались воеводской канцелярией и лишь изредка это право передавалось приказным избам.

Постепенно этот порядок, столь строго соблюдавшийся в XVII и в начале XVIII века, стал нарушаться, земельные дела все чаще начали решать в волостях, а со времени установления выборного волостного управления земельные вопросы полностью перешли в ведение мира.

Вновь селившиеся семьи теперь уже не получали никаких документов на право пользования землей, закрепленной за ними; старожилы утратили выданные им некогда акты, и во второй половине XVIII века лишь редкий крестьянин мог сослаться на документ, подтверждающий его земельные права.

Переделы земли и вовсе сделали ненужными всякие владенные указы, столь необходимые в XVII веке.

Дела по устройению новых крестьян все более переходили в ведение мирских изб. Если в XVII веке воеводская канцелярия имела основное значение в деле «приверстания» на пашню, определяла размер подмоги и срок льготы, то теперь, когда государство уже не оказывало помощи новым крестьянским хозяйствам, воеводская канцелярия теряла часть хозяйственных функций и превращалась все более в полицейское управление.

Важнейший налог XVIII века — подушный сбор — автоматически настигал всякого, селившегося в деревне и, значит, не было надобности особыми указами воеводской канцелярии определять ни размер запашки крестьянина, ни его платежных обязательств перед казной.

По землеустроительная деятельность воеводской канцелярии отмерла не сразу, вот почему в 30-50 годах XVIII века еще встречаются челобитья о наделении землей новых крестьянских дворов и о расширении или замене земель старожильского населения.

Так, в 1736 году были поданы заявления детей Димитрия Бухарова, одного из участников братского «бунта» 1696 года. Они просили передать им три острова по р. Ангаре, ниже устья р. Вихоревой, так как у них была «выпашная земля». Другие заявления относятся к закреплению порожних земель, осваиваемых отдельными крестьянскими дворами. Такие заявления подаются нередко крестьянами Илгинской

волости, так как в вершине р. Илги оставались еще значительные пространства свободной земли, которая была «под пахоту и под сенные покосы угодна». Изредка ссыльные или их дети просят закрепить за ними надел (Фонд 75, арх. № 613, лл. 72-86).

Пашенные крестьяне Тутурской слободы Спиридон, Семен, Родион и Иван Аксамитовы просили в 1736 году отвести им «пустовую порозжую землю» по р. Киренге, начиная от верхнего устья р. Ханды, вниз до Горяйского луга, по обеим сторонам р. Кирепги и «по Етеголме речке». Илимская воеводская канцелярия велела приказной избе освидетельствовать просимые крестьянами земли, — «нет ли кочевья ясачных имоземцов». Так как от Тутурской слободы, лежащей по р. Лене, до р. Киренги нужно было ехать через дикие места, по горам и тайге около 150 верст, тутурская приказная изба послала осмотреть местность только одного крестьянина Кузьму Наумова. Он выполнил поручение и подал в приказную избу сказку, которая явилась первым свидетельством изучения крестьянами верховьев р. Киренги, тогда совершенно пустынных.

Один из немногих владетельных указов был выдан «Тутурской слободы крестьянину Ивану и детям ево Федору и Алексею Чертовских» в 1751, а затем дополнительно в 1761 годах. В документе было сказано: «выдан тебе владетельный указ, по которому велено тебе порозжую нероспашную заложную землю и сенные покосы вверх по Чикану да дальний берег и по Талану (в другом месте — «по Талакану») речкам отвести во владение с 752 году впредь вечно, из оброку в 50 копеек» (Фонд 75, опись 2, арх. № 926, лл. 20-22).

Ослабление контроля со стороны илимской воеводской канцелярии за порядком использования земли в волостях и незаинтересованность мирских изб в обложении лиц, занимавших порожние земли, привели к появлению безуказного, самовольного пользования сельскохозяйственными угодьями, главным образом сенокосами.

Изредка илимская воеводская канцелярия пыталась наводить порядок в этом деле. В августе 1762 года она велела братской приказной избе выслать в Илимск всех лиц, кто пользуется землей без законного основания (Фонд 75, опись 2, арх. № 958).

В Илимск приехало для дачи объяснений более 10 человек. Крестьянин Максим Муратов показал, что владеет землей деда, взятого на Аргунь в 1723 году; если требуется платить, то заплатит. Другой крестьянин объяснил, что сверх надельной земли он пользовался с 1739 года в деревне Красноярской сенокосами «споваль той деревни с крестьянами... да на островах, называемых Сухом, Еловом, Таловом и на материке за Ангарою рекою на Лисвинишном

лушку сенные покосы бывшего ясачного тунгуса». Не платил за несколько лет. Если прикажут, то заплатить он в состоянии.

Допросу подверглись две женщины. Одна — жена умершего казака Ивана Микляева Олёна Иванова дочь сказала, что землей мужа не пользовалась «за скудостью», но теперь можно определить на службу за землю ее сына.

Из показаний выясняется, что одни пользователи земли относились к зажиточной части деревни и, пользуясь слабым контролем, захватывали лишние земли. Один из них отказался платить за пользование землей, сказав, что за плату владеть ею не желает. Другие пользователи являлись наследниками умерших или взятых на службу, или переселенных дворохозяев, впали в нужду и не могли использовать землю.

В 1767 году была произведена передача земли с согласия илимской воеводской канцелярии от крестьян Тутурской слободы Аксамитовых и Наумовых крестьянину Рудых.

При этом прежние владельцы выдали Рудых так называемое отступное письмо, а в илимскую воеводскую канцелярию представили «даную» 1661 года и отводную 1714 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 1125).

С 70-х годов XVIII века заявлений крестьян о земле в делах илимской канцелярии уже не встречается.

Перемерка угодий производилась по волостям Илимского уезда довольно часто, обычно в целях частичного передела пашни и сенокосов. Иногда воеводская власть по разным поводам предлагала мирским избам произвести учет земли. Таким образом, появляется возможность довольно подробно осветить как общие размеры крестьянского землепользования, так и распределение пашни между различными по хозяйственной мощности крестьянскими дворами.

Илимская воеводская канцелярия указом 26 декабря 1733 г. велела взять сказки у тулунских и братских крестьян о свободной и пригодной к поселению земле.

Пашенные крестьяне Тулунской деревни показали, что у них имеется «залишечных пахотных земель и сенных покосов семей на 30». Насколько скромна эта цифра можно судить по тому, что названная деревня стала впоследствии городом, а Тулунский район является теперь одним из значительнейших сельскохозяйственных районов Иркутской области с посевом в несколько десятков тысяч гектаров. Крестьяне Кеменской (вероятно Тэминской) деревни указали, что у них свободных земель найдется только на 3 человека, крестьяне Ербинской, Кобинской и Подволошной деревень и Архангельского погоста (это Шаманский погост, крестьяне употребили новое название, имея в виду Архангельскую церковь этого погоста) ответили, что свободных мест для

поселения в названных селениях не имеется. Крестьянин деревни Тангуйской, тогда чуть ли не единственный земледелец этого ныне районного села, указал, что его брат просил поселиться в Тулунскую деревню, «потому что эта наша тангуйская земля з давних лет выпахалась» (Фонд 75, опись 2, арх. № 131).

Конечно, крестьянину с сохой, бороной, топором и серпом невозможно было быстро осваивать значительные площади свободных земель, находившихся большею частью под лесом, и он поневоле приходил к выводу, что удобных земель нет. Земледельческой технике XVIII века были недоступны многие земли, считающиеся теперь одними из лучших.

Измерение земель производилось по различным поводам, поэтому документы, связанные с учетом земли, этой первоосновы крестьянского производства, нередко связываются с описанием самых различных сторон сельской экономики.

В некоторых случаях нет оснований отделять эти сопряженные с землеустроительными работами описания, и они излагаются в настоящем разделе.

В декабре 1736 года мирской «выборной» староста, десятские и все пашенные крестьяне» Криволуцкой слободы, отвечая приказчику Михаилу Анцыфорову на вопрос — мерили ли их земли, сообщили, что воевода Игумнов, проезжая по Лене в июле 1735 года, послал к ним двух илимских служилых людей «с веревкою», которые и измеряли все земли. Они добавили, что в декабре измерять земли нельзя, так как поля находятся под снегом. «А пахотные земли у нас... близ рек; далее на распашь вновь земель нигде не имеетца, потому что по обе стороны по Лене и по Киренге рекам прилегли хрепты, а на хрептах пустоземье» (Фонд 75, опись 2, арх. № 207).

По Чечуйской волости была составлена ведомость о размерах тягла и земли в связи с раскладкой провианта между крестьянскими дворами в 1737 году (Фонд 75, арх. № 771, лл. 146-166).

Из этой ведомости можно взять примечания, которые дают представление о соотношении между тяглой десятиной, кстати сказать, потерявшей к тому времени всякое действительное значение, и между сенокосами.

Например, по Чечуйскому острогу, как населенному пункту, сделана приписка: «У вышеписанных крестьян Чечуйского острогу на каждую тяглую десятину (приходится) пахотной земли мерных 13 десятин. Сенных покосов на каждую тяглую десятину — мерных по 8 десятин с $\frac{1}{2}$ десятиною, а ставитца копен волоковых ста по полшеста» (Фонд 75, арх. № 771, лл. 146-166).

В 1741 году усть-кутская приказная изба производила по распоряжению илимской воеводской канцелярии перемерку

пашни и сенокосов и перераспределение этих угодий по душам муж. пола, учтенных «по нынешней третичной ревизии» (Фонд 75, опись 2, арх. № 318, лл. 53-57).

Усть-Кутская волость никогда не имела значительных запасшек, здесь издавна проживали судовые плотники, ставшие в начале XVIII века разночинцами; кроме того, в самом остроге имелось некоторое число служилых людей, часть которых также превратилась в разночинцев. Бывшему служилому было труднее стать крестьянином, чем разночинцем.

Естественно, что при перераспределении земель многим ее не досталось. Из 482 душ муж. пола (96 семей) остались без земли 70 душ (15 семей). Остальные получили на душу в среднем по 3,4 десятины.

Дворы, в которых имелось до 2 душ муж. пола, получили в среднем по 9,6 десятины, дворы с 3-5 душами — по 15,8 десятины, дворы с 6-8 душами — по 21,7 десятины. Крупным дворам, в которых числилось более 8 душ муж. пола, нарежали по 24,1 десятины земли.

Кроме наделных пахотных угодий и сенокосов, в Усть-Кутской волости имелось 426½ десятины оброчных земель. Пользователи платили за них хлебом по 2 пуда или по 10 копеек за десятину в год. Из оброчных земель 45 десятин находилось в пользовании священников, за которых оброчную плату вносили крестьяне, и 113 десятин — в распоряжении содержателя Усть-Кутского солеваренного завода.

Так как многим крестьянам земли досталось меньше, чем полагалось по межевой инструкции, то часть из них решила брать участки под расчистку. Таких хозяйств записано 18: площадь земли, которую они намеревались чистить, составляла 26¼ десятины пашни и 52¼ десятины сенокосов. Об этих крестьянах в ведомости записано так: пожелал взять «в породных местах», пожелал в своих владениях «причистить две чети (т. е. ½ десятины) покосов», «желает против своих урочищ в угодных местах причистить 2¾ десятины», «пожелал расчистить в своих владениях пашни 2¼, покосов... 3 десятины» и т. д.

Маломощные крестьяне нередко отказывались брать полный надел и указывали, на сколько душ нужно нарезать им земли. Например, Ефрем Таюрский, имевший 4 души муж. пола, пожелал взять земли на 2 души. Он же хотел расчистить 4 десятины «на полтрети души», т. е. на 2½ души муж. пола. Один крестьянин отказался взять полный земельный надел «по несостоянию своему». Всего таких крестьян, бравших земли меньше, чем полагалось по инструкции, оказалось 21. Отказы вызывались бедностью крестьянина, невозможностью обработать надел.

Раздел в те годы не являлся общей переверсткой земель. Он проводился путем отрезки излишних и прирезки недо-

стоящих земель по числу лиц муж. пола. Насколько небольшими оказались эти внутриселенные межевания можно судить по тому, что площадь всех отрезков в волости составила 183¾, а прирезков 156⅞ десятины.

Одновременно с проведением второй ревизии, в 1745 году, производился опрос сельского населения о размерах землепользования (Фонд 75, арх. № 1282, лл. 3-359). Итоги опроса по 10 волостям приводятся в таблице 17.

Таблица 17

Группы населения	Хозяйств	Пахотной земли, десятин	Залежи, десятин	Сенокосов, на тысячу копен	На 1 двор	
					пахотоспособной земли, десятин	сенокосов, копен
Крестьяне	742	6872	670	148,2	10,2	200
Беломестные казаки	43	816	299	3,5	25,9	80
Служилые люди	10	170	—	2,9	17,0	290
Разночинцы и посадские	19	41	—	4,5	2,2	240
Итого	814	7899	969	159,1	10,9	195

В ведомости о землепользовании имеются краткие замечания о качестве и расположении земель.

Крестьяне деревни Леоновской заметили о своей пашне, что расположена она «при боровом месте, выпашная»; по другим деревням Кривоуцкой слободы имелось много «пустой земли, коя хлеба и травы не родит». Упоминается и пашня, растянутая «по край Лены реки в выпашных местах». Значит, в волости имелось немало негодной, выпашанной земли. «А вышеписанные мы крестьяне живем в четырех дворах близ лесу над Леною рекою. А... пашњи пашем по полосно и також и покосы косим по паям. И скотцкого выпуску имеется самое малое число, и отпушаем (скот) в дуброву, в лес, в дальность» — повествовали крестьяне деревни Красноярской. Им вторили крестьяне деревни Потаповской.

Много здесь выдрало земли при ледоходе Лены. Вперемежку с заявлениями целых деревенских обществ о тяжелых условиях сельскохозяйственного труда встречаются сетования и отдельных крестьян. Один не сеет хлеба — «оная земля вся впусе, и запущена за всеконечную скудостью и за недородом хлеба: по один год выбило градом до волоти,

по другой год морозом вызябло. А после того sprawy взять никак невозможно».

Не лучше складывались условия в Криволуцкой слободе и по реке Киренге: «водой вынесло.. по край Киренги реки и при полоях», «а та пашня по край Киренги реки — водопольное место, выпашная земля», «...для того запущена (земля), что льдом выдрало и распахать нельзя... хлеба не родитца», «оная пашня по Киренге реке, при лесу и при болотах, возле курью, выпашная земля».

В Орленской слободе крестьяне разных деревень показали: «...пашни при болотах и на низменных местах. И те земли подмористы, оттого нехлебородны», «а та земля выпахиваетца; когда тое землю навозом навозим, тогда и посеенной хлеб родитца; и от болотных мест без навозу та земля нехлебородна». Почти все крестьяне этой волости отмечают наличие «подмористой» земли. Довольно часто земля запускалась в залежь. «А когда оная земля отдохнет, тогда к распахию надежна будет» — замечают крестьяне двух-трех деревень.

Немало земель, которые были «к пахоте ненадежны», имелось в Тутурской волости. Одни пашни оставлялись в залежь, потому что хлеб «вызябал... на луговых местах и в лисвягах» или потому что «пещаная и нехлебородная». Один крестьянин неполностью использовал землю, потому что «за многоделием распахать было невозможно».

В отношении оставленной в залежь земли крестьяне Илгинского острога давали такие пояснения: «...понеже оная земля хлеба не родит и пахать ненадежна. А распашная земля в пахоте ныне надежна, докуль не выпашетца».

По другим волостям крестьяне давали примерно такие же показания. Можно отметить, что различались, — особенно ясно это высказывали крестьяне Яндинского острога, — земли «залежные» и земли «заложные». Первые (от слова «залежь») были выпашанными землями и забрасывались без обработки на несколько лет. Вторые (от слова «залог») заканчивали свое пребывание в залежи и, таким образом, оказывались пригодными для разработки.

В 1748 году карапчанская приказная изба составила ведомость о землепользовании крестьян и разночинцев своей волости.

На вопрос о праве, на основе которого дворы пользуются землей, были даны следующие ответы: по «данным» XVII века — 5, владели прадеды — 2, владели отцы — 5, по отводным XVIII века — 13, сгорели документы у 5 хозяйств, покрадены у одного, а 6 крестьян сказали, что у них никаких бумаг нет (Фонд 75, арх. № 1577, лл. 470-478).

В том же 1748 году крестьяне Барлукской слободы дали сказки о своем хозяйстве. Близость волости к Московскому

тракту или, говоря словами того времени, к Московской столбовой дороге, вызывала появление среди крестьян ямщиков. Два хозяйства занимались перевозками по тракту как постоянным и главным делом и были приписаны к «Куйиуцкому станцу», расположенному там, где ныне находится районное село Куйтун. Один крестьянин с той же целью переселился на Зиминский станец, три — «подписались на столбовую Московскую дорогу на Комельтейской станец», 13 хозяйств — на Шарагульский станец (там же, лл. 488-504).

Таким образом, ко времени учета земель волости из 50 крестьянских дворов 19 были связаны с ямщицким делом или готовились стать ямщиками. Большинство таких крестьян, тяготевших к ямскому промыслу, переселилось сюда недавно из других волостей Илимского уезда, главным образом, из Нижне-Илимской слободы.

И 1719 году сюда переселились первые 7 хозяйств названной волости, в 1720-1721 годах — 9, в 1725-1728 годах — 7, в 1732-1734 годах — 13 и в 1736-1747 годах — 14 хозяйств. Почти все — 46 хозяйств — переселились с согласия илимской воеводской канцелярии, т. е. «по указу», и 4 двора перешли сюда самовольно.

Каждый крестьянин дал при опросе показания такого содержания: «Крестьянин Иван Мурашев в скаске сказал: из Нижне-Илимской слободы переехал он, Мурашев, на Барлук в прошлом 1719 году по указу великого государя из ылимской приказной палаты владетьному. Поселился он, Мурашев, домом на порозжую землю, а порозжей земли пашет з детьми в поле — в перемену 8 десятин, в двух потому ж, с рыбными ловли и звериными и со птичьи угодьи и засеки от старописанного утесу вверх по Оке реке по обе стороны до Алки речки». Далее в сказке говорится о размере платежа хлебом в казну.

Каждый самовольно переехавший крестьянин показал: «дикого поля порозжей земли пахал одну десятину».

Всего 50 крестьянских дворов «пахали» $173\frac{1}{2}$ десятины, или в среднем $3\frac{1}{2}$ десятины на двор.

В этой же слободе в 1768 году, одновременно с проведением описи земель, производился опрос желающих взять свободные земли.

Как вновь населяющаяся волость, имевшая много удобных и никем не занятых земель, Барлукская слобода отличалась от других волостей резким различием в величине землепользования крестьянских дворов: те хозяйства, которые уже устроились, захватили значительные площади сельскохозяйственных угодий, напротив, те хозяйства, которые устраивались, еще не имели нужного числа лошадей и орудий труда и поэтому ограничивались незначительной запаш-

кой. В самом деле, в 1768 году из 17 хозяйств 4 имели по 9 десятин земли, 3 — по 12 десятин и 10 — по 55 десятин, 27 человек, не имевших земли, выразили желание взять 96 десятин, т. е. только по 3,6 десятины на хозяйство. Среди этих лиц были «съемщики», т. е. арендаторы, «житель в разных работах», крестьянский сын, разночинцы, «сирота» и крестьяне других волостей. Здесь же оказались двое «вновь присланные во крестьяне», но они не выразили желания взять землю, так как не имели ни лошадей, ни инвентаря. Судьба готовила им здесь участь батрака (Фонд 75, опись 2. арх. № 1168, лл. 2-9).

В июне 1748 года от всех крестьян и беломестных казаков Яндинского острога были взяты подписи о наличии у них земли. Это илимская воеводская канцелярия взялась за расследование о самовольном заселении «диких мест».

В поданных крестьянами и беломестными казаками сказках указывались следующие сведения о землепользовании: с какого года имеет землю хозяин, каков размер государственной пашни, сколько десятин состоит в распахке и какова величина хлебного платежа в казну. Опрос коснулся 77 крестьян, 35 беломестных казаков и одного «жителя».

Не все 113 опрошенных лиц полностью дали ответы, но, несмотря на это, стоит остановиться на некоторых сторонах столь важного опроса (Фонд 75, опись 2, арх. № 482, лл. 1-35).

86 человек показали, с какого времени они жительствоуют в Яндинской волости: 10 дворов поселились до 1700 года, 5 дворов — до 1710 года, 6 дворов — до 1720 года, 37 дворов — до 1730 года, 10 дворов — до 1740 года, 5 дворов поселились в 1741-1748 годах, а 13 крестьян и казаков ответили, что землю пахали их отцы и деды. Как видно, волость все время населялась новыми дворами.

О размерах пашни было дано 111 ответов. Подавляющая часть крестьян и казаков имела по 10 десятин (42 случая) и по 15 десятин (39 случаев). Из 62 хозяйств, от которых получен ответ о характере использования пашни, 16 сказали, что эта земля находится «в распахке», 18 — «пахут с переменою», т. е., очевидно, в виде двухполюя, 5 — «пахут на три перемены», т. е. в виде трехполюя, 20 — «в поле (сколько то), в дву потому ж», что представляет отголосок терминологии доуральского крестьянина с его трехполем и, наконец, 3 хозяйства указали, что земля у них в распахке и заложная.

По всем этим, не вполне определенным ответам, можно судить о том, что в Илгинской волости встречались и двухполье и трехполье.

О величине государственной пашни дали ответ 62 человека. Сама государева пашня учитывалась только по традиции.

В 1754 году были составлены ведомости о земле по нескольким волостям (Фонд 75, опись 2, арх. № 698, лл. 1-98).

Обработка ведомости из этого дела по Ново-Удинской слободе дана в таблице 18.

Таблица 18

Группы хозяйств по величине пашни	На 1 хозяйство			Пашни на 1 душу, десятин	Оклад на 1 десятину, пудов
	душ муж. пола	пашни, десятин	сена, копен		
5,1-15 десятин	6,2	11,7	150	1,9	3,4
15,1-25	8,6	20,0	280	2,3	3,2
Более 25	10,0	29,3	325	2,9	2,3
Среднее	6,8	14,3	180	2,1	3,2

Зажиточные хозяйства имели больший состав семьи, более высокую обеспеченность земель на 1 душу и облагались хлебным окладом в расчете на 1 десятину пашни ниже всех других хозяйств. Все эти явления оказывались закономерными в развитии сибирской деревни XVIII века и подтверждаются многочисленными документами.

Ново-Удинская слобода быстрее других волостей переходила в XVIII столетии к расширению посевов яровых хлебов за счет уменьшения озимого клина. Поэтому там сильнее и раньше, чем в иных волостях, двухпольный севооборот перестраивался на трехпольный. Излагаемый документ содержит прямые доказательства внедрения трехполья: два крестьянина показали, что земля у них «в трех переменах», а 12 крестьян — «пашут в трех полях». Остальные крестьяне никаких замечаний о порядке расчленения полей не сделали.

В том же 1754 году были описаны земли Яндинского острога.

Границы земель каждой деревни описаны довольно подробно обычным крестьянским языком с выразительными народными обозначениями межевых знаков.

Приводим для образца несколько таких описаний.

У крестьян самого Яндинского острога «пахотная земля в урочищах, отведена снизу от Нижней Большой Янды (речки) вверх по Ангаре реке по услонам до деревни Ключевской. На угоре стоит сосна и на ней грань загранена. А сенные покосы по лугам».

Земля крестьян деревни Милославской лежала «снизу от межи от Мольки речки». Исходным межевым знаком являлась береза на берегу р. Ангары, «На березе грань; да на той же березе грань в гору через проезжую дорогу. На угоре лисвиница, а на лисвинице грань — и от той лисвиницы

прямо в гору по Сухому ручью, возле черемхового куста, на лисвиницу суховерхую. А на той лисвинице грани на обе стороны». Далее признаки вели к следующей листовнице, на которой была «грань», а под гранью два рубежа. «...А верхняя межа той их пашне и санным покосом вверх по Ангаре реке до межи удинских пашенных крестьян... и до сухой пади до заграничных лисвиниц. Да санные ж покосы в урочищах по речке Еловке от Божедаевых юрт вверх по Еловке речке до вершины».

Такие описания даны и по землям остальных селений Яндинской волости. В описаниях упоминаются «поклопая береза», «высокий яр», «верхней ельник», «Распутина межа Перова», «еловый малой остров», «межевой Черемховой ручей», «верхняя (нижняя) изголовь» и другие местные приметы.

Сибирские земельные вопросы привлекли в это время внимание Сената. В докладе Сенатской конторы 11 ноября 1763 г. отмечается, что тайный советник Соймонов и сибирский губернатор Чичерин предлагали «имеющиеся в Сибирской губернии все распашные казенные земли оставить, как и ныне, в собственном тамошних крестьян владении... По великому ж довольству в Сибирской губернии годных к пашне земель, раздавать из оных тамошним всякого звания жителям, кто б только ни пожелал для распашки оные взять». Соймонов и Чичерин считали, что плату за использование земли следует взимать только деньгами.

Сенатская контора согласилась с мнением авторов проекта о сибирском землепользовании, но возразила против раздачи земли беглым. Она добавила, чтобы лица, берущие землю «в том размножении (хлебопашества) с крайним трудолюбием упражнялись и чтоб во оном, яко главном к содержанию человеческой жизни упражнении, нежели в ловлении зверей... воеводам... приказать надзирать... чтоб от лености нерачительных та земля по взятъе ими оной праздна без хлебопашества не оставалась». Чиновники не преминули также добавить и замечание о методах действия воевод: «однакож впредь до усмотрения никакого принуждения и усильности им в том не чинить, но склонять их благопристойными увещаниями».

Предлагалось также сибирским крестьянам распахать в течение 3 лет все выделенные земли, иначе пустующие угодья могли быть переданы другим.¹

Но вскоре начались общие работы по межеванию земель империи.

В 1764 году был произведен учет земель 107 крестьянских дворов в Илгинском остроге. При опросе крестьяне по-

казали о наличии у них пашни, употребляя следующее выражение: «Пахотной земли у них, Широковских (или у другого крестьянина) в обе перемены 7 десятин»; потом эти слова о переменах постепенно исчезают (Фонд, 75 арх. № 2793, лл. 1311-1359).

«Обе перемены» означают двухпольное хозяйство; первая перемена — пар, вторая перемена — хлеб.

23 хозяйства сохранили «отводные», выданные из илимской воеводской канцелярии еще в XVII веке, но большинство их не имело.

В 1767 году здесь снова производится учет земель, причем составляется ведомость «со взятых с крестьян сказок, сколько у кого по их мере имеется пахотной земли и сенокосов десятин и о числе душ их семейства по окладу». На 108 крестьянских дворов по измерению самих землепользователей оказалось 1286 десятин пахотной и 740 десятин сенокосной земли (Фонд 75, опись 2, арх. № 1121, лл. 82-85).

В таблице 19 приводится группировка этих хозяйств по величине используемой земли.

Таблица 19

Группы хозяйств по размерам непользуемой земли	Число хозяйств	Душ муж. пола	Земли (десятин)	Оклад, пуд.		На двор душ муж., пола	На двор земли, десятин
				на 1 душу	на 1 десятину		
До 5 десятин	13	70	108	5,4	3,5	5,4	8,3
5,1-15 десятин	76	523	1293	5,8	2,4	6,9	17,0
15,1-25	12	130	339	6,0	2,3	10,8	28,3
Более 25	7	124	286	4,7	2,0	17,7	40,8
Итого	108	847	2026	5,7	2,4	7,8	18,8

Самые крупные по земельной площади хозяйства имели наиболее многочисленный состав двора, более 30 человек обоого пола, и платили казне из расчета на 1 десятину земли и на 1 душу меньше всех других групп крестьянского населения. Наименее обеспеченные землей дворы были самыми малосемейными и платили в казну с десятины больше, чем какая-либо другая группа крестьян.

Манифестом 20 сентября 1765 года были утверждены генеральные правила для составления межевой инструкции. К манифесту была приложена и сама инструкция (Фонд 75, арх. № 2907, лл. 190).

В связи с предпринятыми в стране межевыми работами и в Иркутской губернии и в Илимском уезде началось измерение крестьянских земель.

Илимская воеводская канцелярия не вмешивалась в установление крестьянами норм земельного надела по волостям, хотя и сообщала им общие правила межевания. 29 апреля 1776 г. она предложила мирским избам при разделах земель выделять крестьянам на каждую ревизскую душу муж. пола «на пашню, леса, сеньные покосы, на усадебные места и животной выпуск» по 8 десятин, «а на двор, полагая в нем по 4 души, по 32 десятины». Правило это никогда не соблюдалось ни приказными избами, ни самими крестьянами. Для расчета надела они брали только пашни и сенокосы, оставляя все остальные угодия вне подушного распределения.

Измерение земель производилось в казенной десятине, равной 2400 квадр. сажень. Например, по Братскому острогу в ведомости за 1760 год десятина принята «длиннику 80, поперешнику по 30 сажень».

В 1765 году «навигацкие ученики» иркутской навигатской школы Иван Лосев и Иван Михалев производили обмер земель в ряде волостей Илимского уезда согласно указам иркутской губернской и илимской воеводской канцелярий. Часть работы они проделали совместно с илимским сыном боярским Андреем Березовским. Сохранились их отчеты о измерении и об отводе земель крестьянам Чечуйской, Киренской, Криволуцкой, Усть-Кутской, Орленской, Тутурской, Илгинской и Ново-Удинской волостей (Фонд 75, арх. № 2790, лл. 432-467, арх. № 2872, лл. 1-102).

Ввиду того, что оба дела дают неоднородный материал, они излагаются здесь порознь; сперва рассматриваются итоги учета по первым четырем, а затем по остальным волостям.

Каждому крестьянскому двору, независимо от числа проживавших в нем человек, навигацкие ученики отводили по 15 десятин пашни, а сенокосов на 150 копен, «те ж 15 десятин», так как считалось, что с десятины луга ставится в среднем 10 копен сена.

Порядок отвода был очень простым, что позволяло землемерам провести в течение одного лета работу в 8 волостях, объединявших 180 деревень.

Вряд ли хозяйству указывались границы его нового землепользования, поэтому каждый пахал попрежнему и жалоб на отрезку земель в илимскую воеводскую канцелярию не поступило. Значит, перераспределение было произведено на бумаге.

Измерение началось 15 мая с деревни Натальинской Чечуйского острога и было закончено по 4 волостям 14 июня. За один месяц землемеры ухитрились объехать 93 селения! Отведено в полном размере, т. е. по 15 десятин пашни и по 15 десятин сенокосов 136 дворам, отведено ниже этой нор-

мы 79 дворам и нехватило вовсе земли 59 хозяйствам, лишь незначительная часть которых отказалась от земли добровольно. Кроме того, навигацкие ученики отвели сенокосы некоторым обротчикам.

Одновременно отдельные, главным образом зажиточные хозяйства, получили, часто под видом оброчных угодий, дополнительные сверхнадельные земли: Петр Яковлев сын Полосков на заимке Полосковой получил $86\frac{3}{8}$ десятины земли, Михаилу Юрьеву в деревне Подъельничной отмежевали $93\frac{1}{2}$ десятины. Крестьянину деревни Панской Петру Меркурьеву земли не дали, хотя он имел 4 рабочих лошади и 7 коров и заявил о желании получить надел. Напротив, Алексею Карасову из Потаповской деревни выделили все положенные 30 десятин, несмотря на то, что он и все члены его семьи в возрасте 40, 30 и 20 лет «скитаются между дворов» и земля «запущена».

Ненужную землю такие крестьяне сдавали в аренду или, как тогда выражались, — «отдавали в кортом».

Про одного из таких крестьян, сдающих свою землю другим, сказано: «и владеть ему самому собою нечем».

Встречаются случаи отвода земли в совместное пользование, «вообще», например двум семьям, живущим в одном дворе.

В 93 селениях Чечуйской, Киренской, Криволуцкой и Усть-Кутской волостей проживало в 288 дворах 2349 душ муж. пола. В среднем на двор приходилось 20,7, на душу — 2,5 десятины пашни и сенокоса.

Все 4 ленские волости довольно однотипны. Соотношение между площадью пашни и сенокосов приближается к единице.

В 87 селениях других четырех волостей имелось 378 дворов, в которых проживало 1598 душ муж. пола. На 1 душу приходилось пахотной, сенокосной и залежной земли в Орленской волости 4,5, в Тутурской — 7,1, в Илгинской — 8,0 и в Ново-Удинской — 12,9 десятины. В среднем по 4 волостям — 8,3 десятины.

Вся земля, находившаяся во владении крестьян, распадалась на пахотные или на «пахоту», сенокосы и залежи. Не все эти угодья учитывались с одинаковой точностью. Можно полагать, что измерялась только пашня; сенокосные угодья почти никогда не показывались как площадь, и величина их измерялась числом накашиваемых копен; размеры залежи скорее всего определялись глазомерно. В силу этого соотношения между тремя категориями земель могли принимать разнообразные значения.

Например, в деревне Павловской имелось 12 десятин «пахоты», $140\frac{1}{4}$ десятины «сенного покосу» и вовсе не учтено залежи. Совершенно очевидно, что часть сенокосов легко

отнести к залежи, которая в случае необходимости могла распахиваться. Напротив, в деревне Бурдушной на 215¼ десятины пашни приходилось только 36¼ десятины покоса; кроме того, имелось 40 десятин залежи. Ясно, что залежь могла выкашиваться. Крестьянин имел также возможность искать пригодные для сенокосения участки, разбросанные по лесу, кустарнику, между болотами, т. е. среди угодий, которые не включались в его надел. В пользовании такими свободными угодиями крестьянин никакой помехи со стороны воевод или общества не встречал.

Несмотря на отмеченную неопределенность в соотношении между различными угодиями, находившимися в пользовании крестьянина, все же имела некоторая общая закономерность в виде приближенного равенства в отношении между площадью пашни и площадью лугов. Это равенство, экономически означавшее значительную обеспеченность илимского крестьянина скотом, нарушалось в ту или другую сторону по разным волостям в зависимости от различной степени развития земледелия и животноводства.

В таблице 20 показан удельный вес трех угодий по каждой из четырех волостей, где был проведен учет земель Березовским и навигацкими учениками.

Таблица 20

Волости	Удельный вес угодий, %			
	пахотная	сенокос	залежь	итого
Орленская	46,2	42,7	11,1	100,0
Тутурская	43,2	50,4	6,4	100,0
Илгинская	54,6	42,9	2,5	100,0
Ново-Удинская	65,8	26,0	8,2	100,0
Среднее	55,1	39,0	5,9	100,0

Наибольший удельный вес пахотные земли имели в Ново-Удинской слободе, т. е. в волости с самым развитым земледелием.

Под залежью имелись сравнительно небольшие площади, являвшиеся резервом пашни. Впрочем, о порядке вовлечения залежи в обработку и о порядке забрасывания в залежь выпаханных и засоренных пашен сказать на основании илимских бумаг ничего нельзя.

Измерение земель на этом приостановилось. Жена Лосева Анисья Савина дочь просила выдать ей жалованье мужа, так как он 22 сентября 1766 г. умер в Шаманской деревне Карапчанского погоста, где должен был продолжать работу, начатую в ленских волостях (Фонд 75, арх. № 2906. лл. 673).

ПЕРЕДЕЛЫ ЗЕМЛИ

Частые изменения в землепользовании илимских крестьян не устранили недостатков, унаследованных в этом деле от XVII века.

Отмена хлебного обложения крестьян и перевод натуральных подворных платежей в денежные подушные сборы явились причиной поощрения властями уравнительных крестьянских переделов земли. В конце XVIII века производится несколько общих переделов пашен и сенокосов по числу душ муж. пола.

В ходе этих переделов было ликвидировано многое из того, что являлось порождением XVII века.

Исчезли почти нацело оброчные земли, в крестьянские наделы заверстываются земли беломестных казаков, поубавились владения служилых людей и посадских.

Пользуясь случаем, воевода Черемисинов довольно успешно осуществляет ликвидацию в Илимском уезде церковного землевладения.

После переделов земли окончательно теряется грань между пашенными крестьянами и хлебными обротчиками, почти исчезает различие между государственными и экономическими крестьянами. Следует также иметь в виду, что к началу общих крестьянских переделов монастыри уже потеряли свои вотчины и земли их перешли в распоряжение крестьян.

В целом, землепользование к началу XIX века потеряло межсословный характер и стало почти исключительно крестьянским землепользованием.

Зажиточный крестьянин старался сохранить при переделах земли свои угодья и часто успевал в этом, так как обычно выступал от имени многосемейного двора. Нередко земли зажиточных крестьян лежали далеко от земель других пользователей и поэтому не попадали в общую переверстку площадей. У зажиточного крестьянина имелась легкая возможность аренды земли маломощных дворов. Наконец, расчистки земли не попадали в раздел и оставались в распоряжении тех дворов, которые освоили новую площадь. Напротив, беднота лишалась при переделах права на землю.

Излагаемые далее материалы позволяют судить и об общих переменах в крестьянском землепользовании и о технике крестьянских переделов.

Тутурская приказная изба представила в 1771 году илимской воеводской канцелярии ведомость о разделе пахотных земель и сенных покосов (Фонд 75, арх. № 583).

Распределение земли было произведено уравнительно, согласно следующим данным и предположениям: в волости

имелось 524 души муж. пола, разделу подлежало 1594 десятины пашни и 1598 десятин покосов. Следовательно, на душу приходилось по 3 десятины пашни, причем по волости оставалось лишних 22 десятины; сенокосов можно было выделить по 3 десятины на душу и тогда оставалось 26 десятин неподеленных лугов. Но в одних деревнях при 6-десятинном наделе оказывались значительные излишки, а в других — крупные недостатки земли. Чтобы добиться уравнительности наделов, была произведена переверстка земель между деревнями, невзирая на возникавшие неудобства в землепользовании.

Поэтому подавляющее большинство крестьян, которым прирезали земли от других деревень, отказались «единогласно из желания своего, подписками обязались... А довольствоватца можем де вновь причищенными местами». Те крестьяне, от которых намечалась отрезка земель, в силу этого оставались при своих прежних наделах.

Такой же передел земли произвели в Карапчанской слободе, о чем выборный рапортовал 15 июля 1773 г. На душу досталось там по $4\frac{3}{4}$ десятины (Фонд 75, опись 2, арх. № 1345, л. 56).

Некоторые крестьяне были устранены от передела, одни по решению мира, другие — по их заявлениям. Два примера. Первый: «Андрей Алексеев сын Юрьев божием изволением великою болезнию одержим... и языком нем и всем человеческим подобием владеть... не может». Второй: «Семен Опекин за старостию и неимуществом пахотной земли и сенных покосов принять не пожелал».

Безземельные крестьяне становились нищими, а кто мог работать — батраками.

В 1772 году был произведен учет и передел земли в Ново-Удинской слободе. На душу предположено было нарезать по 4 десятины пашни и по 4 десятины сенокосов. В это время в волости числилось 116 дворов крестьян, которые владели 1036 десятинами пашни и 339 десятинами сенокосов. Но из них «без хлебопашества» насчитывалось 33 двора. Кроме того, там же проживало 23 разночинца, из которых 12 не имели земли, а трое — сенокосов.

При переверстке земли оказалось, что у одних крестьян было в излишке 165 Десятин пашни (обычно 2-5 десятин на двор, лишь у одного Ивана Вологженина — 14 десятин), зато у других нехватало 331 десятины пашни и $941\frac{1}{2}$ десятины сенокосов (Фонд 75, опись 2, арх. № 1308, лл. 6-10).

Все отмеченные переделы не были доведены до конца и, в общем, сохраняли старое землепользование. Широкие мероприятия по переделу земли, притом в пользу рядовых, а не зажиточных крестьян, проводятся при воеводе Иларионе Черемисинове.

В конце 1772 года и в начале 1773 года он разослал указы по всем волостям об уравнительном переделе пашни и сенокосов между крестьянами по числу душ муж. пола.

В указе илимской воеводской канцелярии говорилось, чтобы земли беломестных казаков положить в общий крестьянский раздел и «будущей весной до деловой вешней поры и до начатия хлебопашества ж те земли от опшества выборными старостами и лутчими от каждого жительства крестьянами были б измерены... равно всем разверстаны и разделены».

В Верхне-Илимской слободе согласно этому указу было отобрано у детей боярских, казаков и священника 82 десятины «роспашной», 131 десятина «нероспашной» и 248½ десятины сенокосной земли.

Не все волости представили отчеты о переделе земли, несмотря на повторные требования воеводы, как не все материалы, полученные илимской воеводской канцелярией о переделах, являются доброкачественными. Проверить правильность переделов и дать подробный разбор их нет возможности, так как присланные ведомости составлялись обычно в виде поселенных итоговых таблиц без перечисления отдельных крестьянских хозяйств (Фонд 75, опись 2, арх. № 1350).

В Криволуцкой слободе разделу подверглось 1213 десятин пашни и 1222 десятины сенокосов на 457 дворов по всем душам муж. пола, исключая выбывших после ревизии, т. е. умерших, взятых в рекруты, «сошедших», а также неимущих. На одну душу пришлось по разным деревням волости от 2 до 2¾ десятины пашни, в среднем — 2,7 десятины и от 1¼ до 9 десятин сенокосов, в среднем — 2,7 десятины (Фонд 75, опись 2, арх. № 1350, лл. 66-67).

В Кежемской слободе на 430 душ муж. пола, согласно ведомости, разделено 1416 десятин пашни (по 3,3 десятины) и 1321 десятина сенокосов (по 3,1 десятины). В волости имелось «способных к расчиске» 117 десятин земли. По отдельным деревням обеспеченность земель сильно отклонялась от приведенных средних величин. В самой Кежемской слободе на душу досталось по 5,3 десятины пашни и сенокоса, в деревне Верхней Кежмы по 8,9 десятины, а в деревне «Тургенева острова нижней изголови» — по 4,4 десятины (там же, л. 69).

Но в другом документе, имеющемся в том же деле, за подписями выборного, старосты, «соцкова», 4 десятских и 24 крестьян («дьячек Иван Матвеев руку приложил»), приводятся другие итоги, да и сама ведомость не свободна от ошибок (л. 83).

Все переделы земли, проведенные крестьянами по указам Черемисинова, были подытожены усть-киренской воеводской

канцелярией в 1776 году. Это была последняя сводка по волостям старого состава, образовывавшим некогда Илимское воеводство (Фонд 2, арх. № 95, лл. 1-45).

Сводка в виде поволостного баланса земли была построена по следующим показателям: число душ, требуется пашни и сенокосов по межевой инструкции, имеется земли «по мере крестьян», излишек и недостаток земли.

Выявленный недостаток земли воеводская канцелярия пыталась уменьшить, вводя в расчеты дополнительные показатели: 1) площадь пригодная к расчистке, 2) земли, которые можно отрезать у хлебных и денежных оборотчиков, 3) отрезки у лиц, пользующихся землями безоброчно, т. е. церковнослужителей и разночинцев, 4) отрезки у казаков, не платящих оброк.¹

Общий самый краткий итог расчетов воеводской канцелярии состоит в следующем (в десятинах):

Требуется по межевой инструкции	— 74,490
Оказалось по измерению крестьян	— 59,045
Недостаёт	— 15,445
Площадь пригодная к расчистке	— 4,083
Отрезки у других землепользователей	— 3,459
Недостаёт после всех прирезок	— 7,903

Таким образом, баланс земли был сведен с недостатком в 7903 десятины, что составляет 10,6% к потребности.

Можно, да, пожалуй, и следует, возразить против некоторых статей этого баланса. Во-первых, потребность была вычислена без должного обоснования, так как почти по каждой волости брались нормы надела, несколько превышающие возможности удовлетворить по ним крестьян; если, например, в волости приходилось на душу 5 десятин, то брали как норму 5½ десятины. Во-вторых, совершенно без критики воеводская канцелярия поставила в баланс лишь те площади земли, пригодные к расчистке, которые показали крестьяне. Этим только и можно объяснить, почему по одним волостям показаны значительные площади удобной к освоению земли, например, в Братском остроге оказалось 2740 десятин земли, пригодной к расчистке, а по 5 волостям, если верить сводке, не имелось ни одной десятины подобных земель.

Особенное внимание следует обратить на те расчеты воеводской канцелярии, которые касаются числа душ, имеющих право на землю. В Илимске не согласились с многими волостями, исключавшими маломощные дворы из раскладки земли.

Обеспеченность землей на 1 душу муж. Пола по равным

После смены Черемисинова часть этих отрезков была отобрана у крестьян и возвращена прежним пользователям.

волостям колебалась довольно значительно — от 2,5 до 14,8 десятины, как это можно проследить по таблице 21.

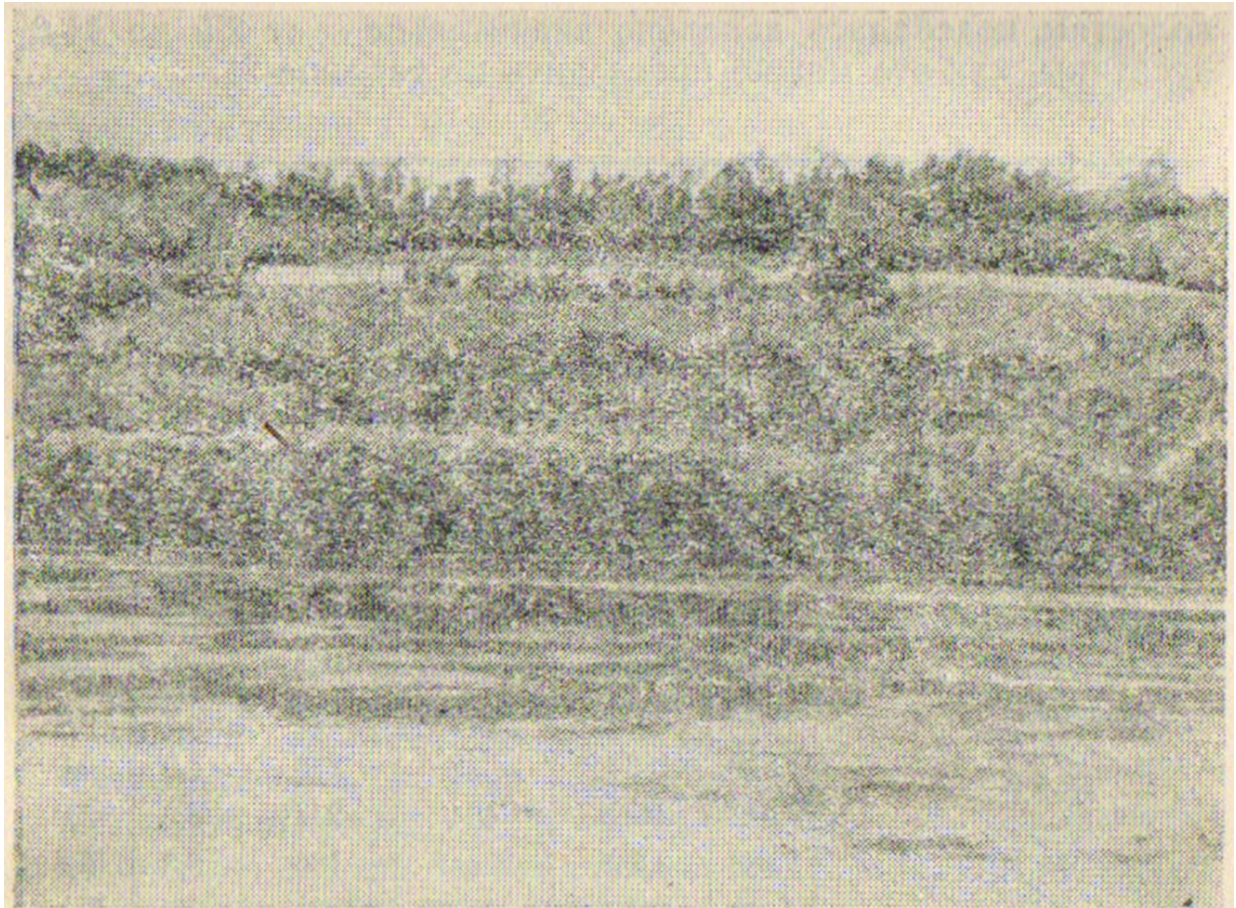
Таблица 21

Волости	Душ муж. пола	Земли, десятин			На 1 душу десят. земли	
		по измерению крестьян	годных к расчистке	прирезка от друг. пользователей	наличной земли	после прирезки
Верхне-Илимская	230	846½	136	553¾	3,7	6,7
Нижне-Илимская	670	4048½	114	430½	6,0	6,9
Карапчанская	435	2175	—	30	5,0	5,1
ОРЛЕНСКАЯ	590	2863¾	—	—	4,9	4,9
Усть-Кутская	574	1407⅛	46¼	486	2,5	3,4
Криволицкая	636	2435	100	202	3,9	4,3
Киренская	538	1883	19	224	3,5	4,0
Чечуйская	829	3482½	454	247⅞	4,2	5,0
Тутурская	538	3369	—	136	6,3	6,5
Илгинская	1228	5960	225¾	71	4,9	5,1
Ново-Удинская	444	3552	—	38	8,0	8,1
Яндинская	1067	10302	131	214	9,7	10,0
Братская	1381	8887	2740	576½	6,4	8,8
Барлукская	343	5096¼	—	249¾	14,8	15,6
Кежемская	430	2737	117	—	6,7	6,9
Итого	9933	59044⅝	4083	3459⅜	5,9	6,7

Как видно, половина удобных земель сосредоточивалась по Ангаре с ее притоком Окой, хотя крестьянское население здесь составляло немного более ⅓ от поуездной величины, Ангаро-Окские волости по обеспеченности пашней и сенокосами более чем вдвое превосходили ленские волости, почти равные им по населенности. Последние, кроме того, часто страдали от неурожая, а государству платили по более высоким ставкам, чем их соседи, вследствие чего на них и накопилась невероятно большая хлебная недоимка.

Братская и особенно Барлукская волости, лежали частью в зоне лесостепи и имели значительные пространства неосвоенных земель, легко доступных для вовлечения в сельскохозяйственное использование даже при примитивной земледельческой технике XVIII века.

Волости, лежавшие по рр. Илиму, Тутуре и Илге, в целом были обеспечены землей удовлетворительно.

Пашни по Ангаре, часть из них зарастает лесом.

Из таблицы также можно определить роль возможных прирезок земли для увеличения крестьянского землепользования. Всего по уезду площадь расчисток и прирезок давала возможность увеличить обеспеченность земель на 0,8 десятины на душу муж. пола. В отдельных волостях, например, в Верхне-Илимской, где имелось много служилых людей и разночинцев, передача их земель крестьянам позволила бы почти удвоить крестьянские земли. Заметное приращение могло бы произойти по ленским волостям, прежде всего по Усть-Кутской.

Технику крестьянских переделов и раскладок земли можно довольно хорошо показать на примере Макаровской экономической волости, в которой происходила переверстка земель в октябре 1786 года (Фонд 9, арх. № 19, лл. 50-57).

Раздел производился согласно указу киренского нижнего земского суда от 21 сентября 1786 г. «в собрании той волости всего экономического крестьянского общества». Счет душ муж. пола, по которым велась раскладка, установление размера надела на одну душу, перечисление одних сельскохозяйственных угодий в другие, даже переселение отдельных дворов из малоземельных селений в многоземельные, — все это являлось делом мира, сельского и волостного. Ни глава волости, так называемый выборный, ни старшины в развер-

стку земель не вмешивались. Этим волостное собрание крестьян XVIII века резко отличается от волостного схода XIX века.

Раздел земли в Макаровской экономической волости хорошо подтверждает все сказанное. Волость объединяла тогда

8 деревень, основатель девятой деревни, Безруковской, Алексей Безруков умер, оставив 7 и 12-летнего сыновей. Мир решил поселить их в деревню Верхне-Лугскую, получил от них «согласие», и таким образом деревня Безруковская, возникшая за несколько лет перед этим, перестала существовать.

Всего в волости на 256 душ муж. пола имелось $503\frac{1}{2}$ десятины пашни и $719\frac{1}{2}$ десятины сенокоса, т. е. в среднем 4,8 десятины на душу.

Но крестьяне сперва установили, на какое число душ следует делить землю. Ведь души считались по ревизии, а после нее в числе населения произошли перемены; кроме того, некоторые ослабевшие дворы могли отказаться от надела. В расчет числа душ поэтому были введены следующие поправки: исключено умерших 16 душ, но несколько хозяйств выразило желание получить землю и на умерших (8 душ). Отказалось от надела 6 душ, 1 бежал, 2 были переселены, как указывалось, из одной деревни в другую и 1 не получил земли по неизвестным причинам. Таким образом, крестьяне установили, что пользоваться землей (как сказано в документе: «в пахоте»), будет 230 душ.

Отказавшиеся заявили, что не могут пахать «за старостью и одиначеством», «за болезнью ног», «за болезнью паходьбы не принял», «за малолетством», «отец не взял» (на одного из сыновей), «за малолетством и болезнью», «за болезнью и неимением конной силы». Большинство таких, терявших землю крестьян, становились батраками или нищими.

Затем крестьяне установили, что раздел нужно вести отдельно по каждому селению, значит, допуская в каждой деревне особые размеры надела на 1 душу и не устанавливая общеволостной нормы. Вследствие этого пришлось, например, в Кутимской деревне по $1\frac{1}{2}$ десятины пашни и по $4\frac{3}{4}$ десятины сенокоса на одну душу, а в деревне Скобельской — по $2\frac{1}{4}$ десятины пашни и по $2\frac{3}{4}$ «с осьмою и полуосьмою», т. е. по 2,9375 десятины, если точно выразить крестьянские нормы.

Часто при разделе всей земли получалась очень сложная дробь. Ее тогда упрощали, уменьшая до ближайшего простого выражения, а образующиеся в этих случаях излишки земель оставались в распоряжении крестьянского общества.

В нескольких случаях крестьянам пришлось перечислить часть сенокосных угодий в пашни для того, чтобы получился достаточный пахотный надел.

Одновременно крестьянское собрание решало — за кого из умерших будут платить подати родственники и за кого — мир. Если платежи принимал на себя мир, например, за умерших сирот, о чем в ведомости делалась отметка — «в общественной раскладке», то они исключались из пахотных душ, а их земли обращались в общий раздел. Всего «в общественной раскладке» по волости числилось 19 душ муж. пола.

В этом же году был произведен раздел земли в Захаровской экономической избе. На 30 душ муж. пола было поделено 60 десятин пахотной и $20\frac{3}{8}$ десятины сенокосной земли. На одну душу пришлось по 2 десятины пашни и по $\frac{11}{16}$ десятины сенокоса. Последняя дробь изображена в документе так: $\frac{1}{2} \frac{1}{8} \frac{1}{16}$, между дробями подразумевается знак сложения.

Поделили тогда же землю и крестьяне Тыптинской экономической вотчины. На 66 душ пришлось пашни «по три десятины по без одной осмины и по без малейших долей, а сенокосных угодьев по две десятины с. малейшими долями». Выражение «по без малейшей доли», означало, что не хватило $1\frac{3}{4}$ десятины на 66 душ.

Такие же разделы в 1786 году были произведены и в других волостях.

С переходом в состав Киренского уезда двух волостей Туруханского уезда, лежавших на р. Нижней-Тунгуске, т. е. Нижне-Тунгусской экономической и Нижне-Тунгусской государственной волостей, были произведены измерения и переделы земли и там (Фонд 9, арх. № 19, лл. 60-61).

Обе нижне-тунгусские избы, экономическая и государственная, «репортовали» совместно 31 октября 1786 г. киренскому нижнему земскому суду, что по указу этого суда земли измерены. При этом сообщалось, что крестьянину Кладовскому отведены были пашни из экономических земель в виде двух небольших лужков, Ключевого и Сосниного, однако он их не принял, сославшись на то, что осматривал раньше и даже «пробовал посевкой немного хлеба, но ничего не родилось». Он объявил «в мирской избе при всем крестьянском обществе, что он подыскал пустопорожняя два ж небольшие лужка пониже... верстах в 30 и от межи государственных крестьян ниже в 20 верстах... называемые Ербокачан». Крестьянское общество соглашалось отдать ему эти лужки. Так началась история заселения с. Ербогачена, теперешнего центра Кангского района.¹

В 1799 году крестьянин той же волости Юрьев просил закрепить за ним усмотренный им луг «называемый Нербокочон», пригодный для распашки. Может быть это тот луг, о котором только что шла речь (Фонд 9. арх. № 210, л. 164).

Последний раз земли острогов и слобод были учтены в 1798 году, незадолго до образования укрупненных волостей (Фонд 9, арх. № 123). На 5377 душ муж. пола тогда имелось 9677 десятин пахотной и 8024 десятины сенокосной земли.

Наибольшие площади земель сосредоточивались теперь по р. Лене, а наиболее крупной волостью являлась Нижне-Илимская. Соотношение между площадью пашни и сенокосов в целом было близко к единице, причем в волостях с более развитым земледелием преобладали пашни, а в северных волостях — луговые угодия.

Средняя обеспеченность везде была примерно одинаковой, около 3 десятин пашни и сенокоса на одну душу муж. пола. Все южные волости с открытыми пространствами степи или лесостепи отошли к этому времени из состава Киренского уезда и именно только в тех южных волостях степень земельной обеспеченности достигала вдвое-втрое больших значений.

Проведение переделов земли в Сибири стерло окончательно разницу между черносошными крестьянами доуральских уездов и пашенными крестьянами Зауралья, превратив тех и других в государственных крестьян.

ПРИУСАДЕБНЫЕ ЗЕМЛИ

Кроме пашен и сенокосов, крестьянин пользовался и некоторыми другими землями — под усадьбами, под огородами, под гумнами, а также выгонами для скота. Но учет подобных земель производился крайне редко.

Одна из справок по Илимску за 1745 год говорит, что по книге отдачи и владения илимских разного чина людей «прошлых давних лет», отводилось под дворовое строение в длину по 19-20 сажен, в глубину от 6 до 14 сажен (Фонд 75, арх. № 1330, л. 17).

В 1755 году по указу из илимской воеводской канцелярии были переписаны усадьбы в селениях Усть-Кутского острога и указаны длина и ширина участков, находившихся под строением, усадьбой и под гумнами. Кроме того, по каждому селению приведены сведения о длине и ширине скотского выпуска. По этим величинам можно вычислить площадь названных земель у 3 дворов священнослужителей, у 15 дворов разночинцев и у 82 дворов крестьян (Фонд 75, арх. № 2138, лл. 1-8).

Всего под усадьбами и постройками у 100 дворов было занято 36733 кв. сажени или 15,3 десятины, кроме того, у 52 дворов имелось 7382 кв. сажени или 3,1 десятины под гумнами. Встречаются и крохотные усадьбы 6х7 сажен и усадьбы-гиганты в 2200 кв. сажен, но преобладают дворы, занимающие 200-400 кв. сажен.

По 11 деревням (из 20) показаны скотские выпуски. Площадь их составляет 19,4 десятины. Здесь же показано 540 кв. сажен земли, расчищенной в лесу под пашню. У Усть-Кутского острога, как селения, имелась общая покотина.

В другом деле (Фонд 75, опись 2, арх. № 739, лл. 19-24) собраны показания крестьян Усть-Кутского острога (волости), которые они еще раз давали кому-то, возможно, геодезисту Овцыну, об усадебных землях.

Указание, что выпас скота производится по лесу, встречается по 7 деревням. В одном случае показано: «да скоцкого выпуска на десятину — и то на мелкого скота; и протчей скот питание имеет по лесам», в другом: «да телячей выпуск на полдесятины; а скоцкого выпуска не имеется».

Некоторые крестьяне показали, что часть их усадебного хозяйства находится «на отставе» или «на отставке». Примеры: «да на отставке капуста посажена, огороду в длину 8, в ширину 8 сажен» или: «на островке гомно и с овином и с пригоном».

Другой учет усадебных и приусадебных земель был произведен почти одновременно в деревнях Киренского острога (Фонд 75, опись 2, арх. № 699, лл. 15-30).

Всего у 59 крестьянских дворов было 18406 кв. сажен таких земель (7,7 десятины), или по 312 кв. сажен на одно хозяйство, т. е. несколько меньше, чем по Усть-Кутской волости.

В указанную площадь вошли усадьбы с постройками, огороды, места под отдельно стоящими амбарами и под гумнами.

В таблице 22 приводятся данные о площади таких земель и число дворов, имевших эти земли.

Таблица 22

Показатели	Единица измерения	"Под избой и дворовым строением"	Под огородом	Под амбарами "на отставе"	Под гумном
Площадь земли	кв. саж.	6742	4016	230	7418
Число дворов, имевших эти земли	единиц	59	42	20	32
Земли на 1 двор	кв. саж.	114	96	12	232

В селениях Киренской волости не встречается непомерно больших усадебных участков, как в Усть-Кутской волости; самые большие из них достигали здесь 800 кв. сажен. Зато имелись крохотные участки вроде усадеб по 10 и даже по

9 кв. сажен, т. е. площадь усадебной земли иногда равнялась и площади основания дома крестьянина.

Огороды были, в общем, незначительными, но попадаются огороды в 250-300 кв. сажен. Совсем не показано огородов у 17 хозяйств, но большинство из них имели значительные площади под усадьбой или гумном, где могли размещаться овощи. В отношении 5 дворов можно твердо сказать, что у них посевов овощей не было за неимением земли.

В другом деле (Фонд 75, опись 2, арх. № 717, лл. 36-51) имеется продолжение этого учета усадебной земли по Киренской волости и приводятся данные по Криволуцкой волости. Но, в отличие от рассмотренных материалов, там указаны длина и ширина только усадеб. Всего на 126 дворов имелось 12491 кв. сажен усадеб или по 99 кв. сажен на двор.

Наиболее подробная ведомость о размерах приусадебных земель, основанная на тщательном измерении всех участков, была составлена в 1755 году по селениям Карапчанского погоста (Фонд 75, опись 2, арх. № 740, лл. 13-28).

В ведомости даны длина и ширина участков, находящихся «под хоромами и дворовым строением», под огородами и конопляниками, под амбарами, стоящими «на отставке», под овинами, гумнами, скотскими пригонами и телятниками. Следовательно, представляется возможность вычислить площадь приусадебных земель различного хозяйственного назначения.

Всего у 91 двора имелось 66227 кв. сажен усадебных земель (27,6 десятины), или в среднем по 728 кв. сажен на двор.

В общем, здесь преобладали большие усадьбы: до 100 кв. сажен имели 9 дворов, до 250 кв. сажен — 3 двора, до 500 кв. сажен — 14 дворов, до 1000 кв. сажен — 45 дворов (49,4% всей площади усадебных земель) и свыше 1000 кв. сажен — 20 дворов (40,5% всей площади усадебных земель).

Под постройками и дворами было занято 16,5% всех усадебных земель, под огородами и конопляниками — 65,9% и под овинами, гумнами и выгулами — 17,6%.

В среднем каждый двор со своими постройками занимал 115 кв. сажен, отдельный огород — 140, отдельный конопляник — 396, смешанные участки, т. е. огороды с конопляниками — 503, амбары — 10, овины и гумна — 242 и телячьи выпуски 71 кв. сажен.

Относительно выгонов для скота в ведомости даны прямые цифры по 7 селениям Карапчанской волости, которые имели по 2-5 десятины на селение, а по остальным 12 деревням сделаны отметки: «скоцкой выпуск по лесу».

Еще больший размер приусадебных владений был в селениях одной из хлебородных волостей с развитым земледели-

ем, именно в Илгинском остроге, как показывает учет 1756 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 781, лл. 43-48).

Мелких дворов, имевших усадьбы до 100 кв. сажен, насчитывалось 10, дворов, у которых усадьба составляла 101-250 кв. сажен, было 18, до 500 кв. сажен — 40, до 1000 кв. сажен — 41, и свыше 1000 кв. сажен — 78 дворов.

Особенно большими усадьбами располагали крестьяне самого Илгинского острога и некоторых других селений.

Уже то обстоятельство, что 18 хозяйств имели каждое от 2000 до 3000 кв. сажен усадьбы, т. е. около 1 десятины, заставляет думать, что в усадебные земли могли включаться и выгоны личного пользования. Наиболее крупные усадьбы имели: Степан Винокуров в деревне Нижняя Слобода — 1½ десятины, Семен Баев в Илгинском остроге — 2 десятины. Ермил Олферов в деревне Константиновской — почти 2 десятины, а Андрей Пономарев из деревни Усть-Илгинской имел под усадьбой почти 4 десятины.

Бок о бок с богатыми и обширными усадьбами находились крохотные хозяйства, может быть, не имевшие ни посева, ни скота, с усадьбой в 30 кв. сажен. А у вдовы Логуновой, видно, отрезали после смерти мужа и огороды, и конопляники, и гумны, и выгулы. Не могли отрезать только землю под избушкой, вследствие чего Логунова и появилась в списке рядом с богатыми крестьянами, так как она все еще имела 4 кв. сажени земли.

ОБРОЧНЫЕ ЗЕМЛИ

Кроме земель, переданных в постоянное, неопределенно длительное пользование крестьянам, небольшая часть пашен и сенокосов, обычно не образующих целого и полного крестьянского надела, сдавалась казной с торгов всем желающим. Это были так называемые оброчные земли, за пользование которыми в XVII веке уплачивался оброк хлебом, а в XVIII веке преимущественно деньгами.

По учету оброчных сборов в 1752 году оброчные земли находились у 51 пользователя (Фонд 75, арх. № 1889, лл. 1-36).

В среднем на 1 съемщика земли приходилось платы около 1 рубля. Но среди обротчиков были лица, платившие и по 5 копеек в год (5 случаев) и по 4-8 рублей.

В 1791 году происходила переобработка оброчных земель в Чечуйской и Усть-Кутской волостях.

Всего в оброчном пользовании там находилась 229¼ десятины, из них 130¼ десятины у содержательницы солеваренного завода Ковалевской.

Остальные 99 десятин снимали 8 лиц; все они ко времени переторжки умерли. За эти земли вносилось ежегодно

13 руб. 90 коп., или по 14 копеек в среднем за десятину. Наследники выразили желание оставить земли у себя и соглашались надбавить к плате 2 руб. 20 коп. (Фонд 9, арх. № 120, лл. 183, 216-219).

Оборчные сенокосы Криволуцкой слободы находились в 1773 году в пользовании двух крестьян «с товарищи» и у двух зажиточных крестьян. Три брата Ярыгины из деревни Заборской снимали за 50 копеек 70 десятин, а Мартын Потапов из деревни Мартыновской за 50 же копеек пользовался 300 десятинами! В то же время Федор Кузаков платил за 2 десятины 40 копеек в год. При переоборчке всем сьемщикам сенокосов плата была снижена.

В ведомость 1775 года по уезду было включено 169 человек и 2 общества, у которых имелось в пользовании 1191³/₄ десятины пахотных и 1142 десятины сенокосных угодий. Значительная часть этой земли находилась у служилых людей, как данная им вместо хлебного жалования (Фонд 2, арх. № 30, лл., 21-25).

Материалы упомянутой ведомости сведены в таблицу 23.

Таблица 23

Землепользователи	Число землепользователей	Земля, десятин	Плата за землю		Десятин на 1 полвателя	Плата за 1 десятину	
			хлебом, пудов	деньгами, рублей		хлебом, пудов, фунтов	деньгами, коп.
Служилые люди	30	1011	795	—	33,7	31 ф.	—
Усть-Кутский солеваренный завод	1	113	33½	10,30	113,0	12 ф.	9
Разночинцы	12	166	355	—	13,8	2 ф.	—
Монастырские крестьяне	?	304	—	30,32	?	6 ф.	10
Разные лица	126	1010	—	106,05	8,3	—	10
Итого	169	2634	1183½	146,67	—	—	—

В группу «разные лица» вошли: 61 крестьянин, 11 служилых людей, 3 посадских, 1 «зимовщик» (содержатель зимовья на волоке) и 50 человек, о социальном положении которых в документе ничего не сказано. Среди них преобладали крестьяне и казаки.

В пользовании оброчными землями за XVIII век произошли существенные изменения. Если в начале этого столетия они снимались у государства в аренду маломощными безземельными крестьянами, так называемыми хлебными обротчиками, то в конце этого времени оброчные земли арендовывались крупными крестьянами и купцами.

ГЕОДЕЗИСТЫ И ЗЕМЛЕМЕРЫ

В течение XVIII века илимская деревня хорошо познакомилась с землемерами. Правительство несколько раз посылало геодезистов описывать географию северного Предбайкалья и производить инструментальные измерения, а местная власть поручала землемерам межевание крестьянских земель.

Но появлявшиеся в Илимском уезде землемеры оказывались чиновниками, которым были чужды интересы крестьян. Вместо оказания помощи земледельцу землемеры обычно занимались обирательством крестьян.

Все сложные измерения, связанные с переделами земли, крестьяне производили сами. Землемер стоял в стороне от нужд крестьянина и вымогал у него взятки.

Такова участь чиновника, казалось наиболее близко соприкасавшегося с хозяйственными делами крестьянина.

«Геодезии подпорутчик» Петр Скобельцын получил 31 декабря 1739 г. задание обследовать и описать Ангару до устья р. Илима и до Кашиной шиверы, затем реки Оку и Ию до р. Коби. Приказным избам было велено для производства измерительных работ выделить рабочих. Повидимому, намеченные описания входили в круг исследований Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина, профессоров Камчатской экспедиции, и Скобельцын должен был им доставить основной описательный материал (Фонд 75, опись 2, арх. № 268, лл. 39-40).

Вся переписка Скобельцына с Илимском касалась только его жалоб о бегстве выделенных ему рабочих.

«Геодезии порутчик Владимир Зуров», как он именовал себя в промемории 18 октября 1740 г., появился в Илимске с важным заданием: было велено послать в Сибирь «геодезии афицеров для сочинения Всероссийской империи ланкарты, для которого описания я (Зуров) командирован на место преждебывшего Шишкова... А по прибытии моем от Кежем надлежит мне тракт иметь на вершину Подкаменной Тунгуски».

Три крестьянина, одна крестьянская жена и служилый человек жаловались в 1741 году из Кежемской слободы на Зурова в чинимых им поборах и взятках.

Один жаловался, что Зуров «грабежем взял... ржи 15 пудов, да ячменю, приготовленного на семена — 6 пудов»; другой заявил, что геодезист взял 25 пудов хлеба, рыбу и увез с собой «новокрещеного из тунгуской нации, 12 лет»; третий жаловался, что Зуров держал его в колодках 3 дня, «вымучил письмо» на 80 пудов хлеба, быка и $\frac{1}{2}$ пуда масла. Жена крестьянина заявила, что геодезист «замучил с мужа ее» 10

пудов муки, 4 пуда мяса и 1½ пуда масла (Фонд 75, арх. № 987, лл. 719-720).

В 1744 году в Илимске появился еще один геодезист — Шехонский. Как водится, первое слово, с которым он обратился к воеводе, было требование.

«Геодезии в ранге порутчика князь Иван Шехонской» в ноябре 1744 года потребовал от илимской воеводской канцелярии 6 человек «для меры и охранения... инструментов». Воевода наряжает четырех (Фонд 75, арх. № 1131, л. 196).

4 января 1747 г. Шехонский пишет в илимскую воеводскую канцелярию, что по указу Анны Иоанновны и по наказу «из Оренбургской комиссии господина тайного советника Татищева» велено требовать ответы к географическому описанию краев. При этом он сообщает, что велено на местах «мне чинить вспоможение под штрафом». К письму приложено 90 вопросов, на которые была обязана отвечать илимская воеводская канцелярия. Вопросы объединены в следующие разделы: о званиях, о границах, о свойстве и действии воздуха, о водах, о природном состоянии земли, о подземностях, о жителях, о жилищах (Фонд 75, арх. № 1234, лл. 1-7).

Чиновничье указное отношение, как видно, было внедрено и в научные исследования.

В илимских делах сохранились требования Шехонского о предоставлении ему подвод, рабочих, толмача, «вожа» и денег.

В ряд волостей отправляется в 1755 году копия указа иркутской провинциальной канцелярии, что по распоряжению Сибирского приказа отправлен «во все Илимское ведомство для свидетельства и описи пахотных и порозжих земель и всяких оброчных статей геодезист Мирон Овцын». Ему было велено давать две междворных подводы, а для переноски геодезических инструментов и «землемерной веревки» выделить не менее 2 казаков. Для ведения переписки («для письма») нужно было дать Овцыну подьячего «или кого писать умеющего» с двумя подводами. Указ заканчивался так: «И во всем том землемерии показывать ему, Овцыну, надлежащее вспоможение без отрицания» (Фонд 75. опись 2, арх. № 745, л. 4).

Он вел работы еще в 1760 году, описывая земли Яндинского острога.

Илимская воеводская канцелярия запросила 23 декабря 1766 г. все волости, велев справиться «чрез всех крестьян», добропорядочно ли поступал бывший «у измерения» земель «навигации ученик» Иван Михалев.

Из Ново-Удинской слободы ответили: «Упоминаемый Михалев при землемерении поступал добропорядочно, никому, обид и налог не чинил и ко взяткам не касался». Такие же справки прислали еще 2 волости.

Но крестьяне всей Кежемской слободы во главе с старостой в январе 1767 года жаловались, что Михалев принуждал их беспрестанно перевозить на острова тех лошадей, на которых он объезжал земли, а крестьяне «пешие» ходили с мерою за ним. «И ежели кто за ним не успеет итти, бил и увечил напрасно». Чтобы избавиться от беготни за лошадьми, на которых ездил по полям ретивый землемер, крестьяне решили откупиться и подарили ему 15 рублей и 12 пудов осетрины.

В Криволуцкой слободе Михалев велел крестьянам бродить в воде «по пояс и по горлу». Это принесло более заметные выгоды. У старосты землемер взял «ис подобострастия и за побои» 26 руб. 93 коп., в деревне Ульканской «у тутошных крестьян и за побои» — 8 руб. 50 коп., в других деревнях — 40 руб. 70 коп. В одной деревне Михалев хотя и взял деньги, но, видимо, только «за побои», так как «отводил по несправедливости землю» Михалева долго еще помнили в Криволуцкой слободе еще и потому, что он увез с собой «межевую крепость, которая у нас (крестьян) была с монастырскими межами» и тем обезоружил крестьян в возможных земельных спорах с соседями. В Киренском остроге землемер, собрав взятку «ис подобострастия» на 31 руб. 10 коп., увез отводную, «без которой теперь пашни содержать и владеть опасно» (Фонд 75, арх. № 3072, лл. 36-73).

Иркутская губернская канцелярия в марте 1779 года выслала в г. Усть-Киренск для измерения земель «и делания планов навигатской школы ученика» сержанта Василия Кожевникова. Посылка была вызвана нуждами военного ведомства, которое проводило в разных губерниях описание рек, мостов, переправ и собирало сведения о расстояниях между селениями.

Усть-Киренская воеводская канцелярия, отвечая 15 июня того же года на запрос Иркутска о работе Кожевникова, сообщала, что ему дано поручение проехать по Лене до границы Якутского ведомства, затем обратно — до Верхоленска. Работу он не закончил, так как в Усть-Киренске не нашлось необходимых бумаг и красок, а также «карандашей в тонком дереве». По окончании работ на Лене Кожевников будет послан, — сообщает воеводская канцелярия, — в Илимское комиссарство. Он же будет измерять пашни у крестьян (Фонд 2, арх. № 246, лл. 1-20).

При объезде волостей к Кожевникову присоединился «геодезии сержант» Худяков. В июне они проходили от Усть-Кутского острога до Пеледуйской и Витимской слобод (Якутского уезда), в июле посетили Паршинский станец Чечуйской волости, затем вышли на р. Нижнюю Тунгуску в Киренскую ясачную волость, после чего вернулись на Лену и закончили работы около Киренска 1 сентября.

Одним из доказательств их пребывания в Киренском уезде является дневник следования, в котором дни недели отмечены знаками «зодии», т. е. зодиака (Фонд 2, арх. № 217, лл. 46-46).

Одним из сложных землеустроительных вопросов в Киренском уезде была тогда прирезка выгонов к г. Киренску (Усть-Киренску). Весной 1780 года оба геодезии сержанта — Кожевников и Худяков направляются для межевания земель вокруг города. Они измерили земли деревень Хабаровской, Кривошапкинской (или Чернослободской) и Криволуцкой слободы с точностью до 1 сажени и спросили — как повелит воеводская канцелярия (Фонд 2, арх. № 310, лл. 72-73).

В следующем 1781 году работы около г. Киренска продолжали Худяков и посланный в его распоряжение «ундер-афицер» Зевякин. Они составили 26 планов, в масштабе 5 верст в дюйме, не сохранившиеся в делах воеводской канцелярии. В Илимское комиссарство была выслана из Иркутска «инстрелябия со всею к ней принадлежностью». Значит, по Лене съемки и описания велись без инструментов. Усть-Киренская воеводская канцелярия считала, что геодезисты не должны «насевные поля топтать», особенно в страдное время, а тем более без инструментов, поэтому она предписала «инстрелябию» передать Кожевникову, который производил съемку местности около Илимска (Фонд 2, арх. № 534, лл. 46-47).

Указом наместнического правления 21 июня 1794 г. было предложено «отправленным для описания заселенных и незаселенных мест уездному землемеру прапорщику Ивану Притону и землемеру Ефиму Кожевину» давать при работе 15 человек, а в лесистых местностях 30 человек (Фонд 9, арх. №145, л. 175).

Землемер Бритов, оказавшись в деревне, применил ряд новинок в обирательстве крестьян. Вот как повествуется о его изобретениях в жалобе 41 крестьянина Нижне-Илимской волости от 10 сентября 1794 г. (Фонд 9, арх. №156, лл. 1-4; фонд 9, арх. № 158):

22 июля в волость приехал «уездный землемер господин прапорщик Иван Бритов для размежевания и разделения лесов на лесосеки и для принятия казне принадлежащих рош», т. е. рощ. Он накладывает, — пишут крестьяне, — на каждую душу по 30, 40, 50 копеек и «доходил уже до рубля». Без всякой платы берет баранов, быков, куриц «и прочия съестные припасы». Если кто противится, то «налагает напрасные увечья своими руками плетью» и приказывает делать то же имеющемуся при нем казаку. «Да и наводит за то (за отказ дать взятки) на хлебные клади канпас и разламывает клади до самой земли». За вином «посылает крестьян раза по два и по три в сутки».

Бритов направился за взятками и в те деревни, через которые он проходил со съемкой в предыдущем году; тогда ему было дано «от общества» 55 рублей. Пришлось и в 1794 году дать 40 рублей. Однако Бритов остался недоволен и требовал давать ему от каждой деревни по 10-30 рублей «и обещается вторично итти по тем же сей волости селениям».

В делах иногда попадаются рапорты мирских изб о предоставлении и другим землемерам лошадей и рабочих. Например, в 1788 году макаровская экономическая мирская изба докладывала киренскому нижнему земскому суду, что она выделила «господину землемеру сержанту Реброву» трех человек с топорами, трех рабочих без инструментов и лошадей (Фонд 9, арх. № 57, лл. 427, 433).

Чечуйская мирская изба в 1789 году рапортовала, что «велено господину порутчику и землемеру Ахрямкину для прохода ныне по речке Ичере» нарядить 30 человек и что это ею исполнено (Фонд 9, арх. № 78, лл. 205, 206).

Как видно, разные землемеры и геодезисты для крестьян являлись только бременем. Не один из них запятнал себя в глазах крестьян грязным, а иногда и ухищренным взяточничеством.

ГЛАВА VI

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ И ПОГОЛОВЬЕ СКОТА

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПО ОЦЕНКЕ КРЕСТЬЯН

Время от времени губернские или центральные власти требовали от уездов сводных данных о природных условиях, об экономике и технике крестьянского хозяйства.

Воеводская канцелярия, а позднее — нижний земский суд, почти никогда не давали сами ответов на подобные запросы, отсылая их в волости. Поэтому в общих описаниях крестьянского хозяйства отразились мнения самих крестьян, что придает особую ценность переписке такого рода.

Илимская воеводская канцелярия, на основании запроса иркутской канцелярии от 30 июля 1764 г. о причинах слабого развития земледелия и о путях его улучшения, собрала от приказных изб всех волостей ответы на заданные Иркутском вопросы («Чем кто пропитание имеет, умножается ли хлебопашество, какое средство ко умножению необходимое, к их содержанию потребное находит»).

Запрос был основан на указе из «учрежденной по именному ея императорского величества о расположении в Сибирской губернии вновь ясака комиссии».

На столь важные вопросы приказные избы дали ответы по своему разумению, и многие из этих ответов примечательны (Фонд 75, арх. № 2753, лл. 375-381).

Верхне-Илимская волость, самая маленькая и самая нехлебородная из всех волостей Илимского ведомства, так и писала о своих крестьянах: «Пропитание имеют малым своим хлебопашеством». Урожаи страдают от ранних осенних заморозков, от повреждения кобылкой «и от нападения, называемой ржа». Поэтому многие крестьяне вынуждены зарабатывать в хлебородных местах. Хлебопашество «не умножается», ибо пашни «из древних лет одне... Прилегли каменные горы и непроходимые чернолесные места». Средства к

улучшению земледелия: «На тех же отводных прежних землях и оные к лучшему их пропитанию роспахивать и назымить желают».

Кроме крестьян (141 душа), в волости проживало 18 разночинцев. В отношении их приказная изба сообщила, что они немного занимаются земледелием, а некоторые из них «по неимению пашен — работою своею в протчих хлебородных местах».

Нижне-Илимская слобода писала, что крестьяне занимаются хлебопашеством и частью разными работами. Путь для дальнейшего — «доброе хлебопашество» и развитие «белых и протчих звериных промыслов и работ». О разночинцах сказано, что они кроме хлебопашества пропитание имеют «от работы своей у разного чина людей».

Карапчанская приказная изба, отметив, что хлебопашество «не умножается» вследствие неурожаев, считает выходом из положения «доброурожаемый хлеб», т. е. подъем урожаев.

Из Яндинского острога писали, что земледелие развивается хорошо и что в дальнейшем нужно вести «одно хлебопашество».

Ново-Удинская слобода к общему заключению о благоприятном развитии земледелия и необходимости усиления хлебопашества у крестьян сделала важное замечание о заработках разночинцев и посадских (их всего было 55 душ): «оныя разночинцы пропитание имеют той слободы у крестьян по наймам в работах»; посадские, кроме одного, имеющего пашню, «пропитание имеют той слободы у крестьян разными работами». Ново-Удинская слобода была одной из зажиточных волостей, где многие крестьяне имели крупное хозяйство.

Илгинская приказная изба, отметив хорошее состояние земледелия и указав, что разночинцы живут работами (тоже, очевидно, по найму), красноречиво заключила, что о пути улучшения положения разночинцев «предузнать невозможно». Такой же ответ дала и Тутурская слобода.

Киренский острог имеет хлебопашество «по малой части», поэтому крестьяне вынуждены работать на стороне и развивать звериные промыслы. Там считали, что наряду с прежними занятиями следует усилить и «рукоделия».

Из Чечуйского острога донесли, что крестьяне пропитание имеют от хлебопашества, работ, промыслов «и покупным в хлебородных местах правиантом». Но земледелие не развивается из-за разливов Лены и отяготительных разгонов подвод до Витима. На вопрос о путях улучшения хозяйства крестьян был дан безрадостный ответ: «никакова ко умножению тех крестьян к содержанию средства не находитца».

Ответы Усть-Кутского острога и Криволуцкой слободы в сводке воеводской канцелярии почему-то зачеркнуты. А в

ответах содержалось важное замечание, что земледелие «не умножается за скудостью земель» и что «ко умножению оных средства никакова не находитца» (полный текст письма Усть-Кутского острога есть в делах 1764 года. Фонд 75, опись 2, арх. № 1040).

Ответы приказных изб отражают очень точно состояние земледелия в разных волостях, затруднения крестьян, неблагоприятные местные условия, тяжесть подводной повинности; раскрывают социальное положение разночинцев как батраков и сроковых рабочих у зажиточных крестьян; подчеркивают безвыходность положения крестьян ряда волостей.

В этом заключается главная ценность ответов, написанных вне сомнения, с голоса крестьян.

Через несколько лет после этого опроса от Илимска потребовали дать ответы на вопросы, поставленные Екатериной II еще при ее путешествии в 1762 году в Казань и сформулированные затем в сенатском указе 5 июля 1767 г.

Екатерина велела опросить губернаторов, воевод, купцов и помещиков о причинах дороговизны хлеба. Вопросы, на которые должна была отвечать и илимская воеводская канцелярия, касались важнейших сторон крестьянской экономики. В ответах следовало осветить причины недородов хлеба, число хлебопашцев и жителей в уезде, площади пустующих пахотных земель, степень использования земель экономическими крестьянами, качество пахоты, применение удобрений, размеры скотского падежа, деятельность скупщиков хлеба, расход хлеба на винокурение.

Илимская воеводская канцелярия дала на эти вопросы следующие ответы:

Неурожаи в Нижне-Илимской слободе происходили от «жаров», кобылки и червя; кроме того, с 1762-1763 годов появилась ржа. В Братском остроге случаются неурожаи от «позябления»; в ленских волостях — «за раззорительными от потопления Леною рекою пашенных земель каждогодно». Кроме того, посевы страдают от морозов, появилась ржа. Земель мало, кругом лежат горы, многие пашни расположены по необходимости на низких местах, «также к тем землям припали студеныя речки, ручьи и ржавцы».

Убыли землепашцев по уезду нет. Только из ленских волостей в 1750 году было переселено по 2 двора из каждого десятка.

Земель «впусте», за исключением Братской и Орленской волостей, нет. Экономические крестьяне засевают отведенные им земли полностью.

Крестьяне пахут «ныне весьма мелко. Кто имеет свободу в лошадях — пахут лутчѐе, а кто имеет одну или две, а особливо другие и вовсе лошадей не имеют, которые у тех же крестьяне берут в наем и пахут весьма мелко и малое

число. А земли хоша иные назьмом и одабривают, токмо не во всем Илимском ведомстве — и то по малому числу. А другия и никогда одобрения не чинят и одабривать по малоскотоводству и лошадей — нечем. А у других пашни от их жилищев в дальном месте, чрез лесные и гористые места состоят. И оттого, по их крестьянской скудости и за неодобрением признаваецца в хлебе недород».

Большой скотский падеж произошел в 1764 году по ленским волостям, где больше пользовались навозным удобрением. «И во навозе ко одобрению земель, а к пахоте неимения лошадей, состоит крайней недостаток».

Скупщики бывают в отдаленных волостях от Илимска: в Илгинской, Яндинской, Тутурской, Ново-Удинской и Барлукской. Плавят в Якутск ежегодно от 20 до 50 тысяч пудов хлеба, «а особливо в нынешнем 767-м году — до 100 тысяч пуд».

Главные причины недостатка хлеба — неурожай и «потопление».

Так отвечала илимская воеводская канцелярия на вопросы о причинах дороговизны хлеба (Фонд 75, опись 2, арх. № 1111, лл. 8-9, 44-54).

По требованию киренского земского исправника капитана Якова Сычевского мирские избы составили в 1785 году экономическое описание волостей. Особенно важным является в этих описаниях оценка крестьянами качества земель, а также сведения об удобрении полей и времени некоторых полевых работ (Фонд 9, арх. № 9, лл. 28-97).

Макаровская экономическая мирская изба писала о деревне Сидоровской, что в ней 8 дворов, занимающих в длину $\frac{1}{2}$ десятины, в ширину «то ж число», что отстоит она от г. Киренска в 3 верстах. Местоположения «гористого и болотного», «грунт земли... часть глинистой и каменистой, часть песчаной, третья — подморная и выносная водами. Обыватели пахут землю сохами. Под яровой хлеб [пахут] один раз в лето; начинают пахать от долгобывающих вод майя с последних числ, потому ж и сеять. А под озимой — два раз в лето; одобряют воскою навозов». Убирают хлеба с 20 августа. «Удачливее» родится ячмень и ярица. Лесов изобильно. Земли на души недостаточно. «Жители упражняются в одной крестьянской работе; ремеслов не имеющие — уходят для работы по пашпортам к городу Якутску на сплавов барок».

В деревне Хабаровской 13 дворов, под ними земли $2\frac{1}{2}$ десятины на 30 сажень. Земли черные, глинистые, песчаные и каменистые. Пахать начинают с середины мая. «А под озимой два раз в лето со одобрением воскою навозов». Уборка урожая начинается с 15 августа. «Удачливее» родится ячмень и овес. Кроме наличной пашенной земли имеется «вновь

на росчиску» 13¼ десигины. В окрестностях деревни имеется 4 озера. Жители ловят рыбу, но не на продажу.

О деревнях Скобельской, Макаровской и «Верхо-Луцкой», т. е. Верхне-Лугской, даны такие же сведения, как и о предыдущих двух деревнях. Только упоминаются наряду с другими почвенными разностями бурые земли.

Деревня Кутимская объединяла три селения, которые в некоторых ведомостях показываются раздельно, именно: Кутимскую, Могольскую (обе на правой стороне р. Киренги) и Давыдовскую (на левой стороне этой реки). «Места положения гористаго, наволокнуго и логоватаго». Грунт земли при деревне песчаный. Рыбу ловят в Киренге и продают в г. Киренске.

Вторая волость, от которой были получены описания селений, — Кежемская слобода. Вначале даются сведения о деревне Привалихинской. Земли ее лежат, — сообщается из волости, — по реке Тунгуске (Ангаре) на 8 верст, «не исключая и лесных мест», затем простираются через острова и реку с матерой до матерой земли на 5 верст. Сама деревня находилась на острове. Места ровные «и между тем луга и бугры». Грунт земли черноземный, глинистый, песчаный и каменистый. «Глинисту удобряют скотинным назьмом. Пашут и боронят под пары, под посев хлеба, то-есть ярицу, пшеницу, ячмень, овес — 3 раза и сеют в апреле месяце». Как видно, и яровые в этой волости размещались по парам. Вспашка и посев яровых велись здесь значительно раньше, чем к ленских волостях, страдавших от весеннего подъема воды в реках.

«Под рожь пашут и боронят один раз в апреле месяце, второй раз пашут и боронят и сеют (?) в июне месяце». В некоторые годы («иными годами») хлеб не родится «от падения медвеных рос и студеных инеев озебают, и бывает помха в зерне, и от бывающих жаров выгорает». Земель пахотных и луговых достаточно («землею изобильны»). Лесу довольно. Промышляют белку, зайца, хорька, горноста, лису. «Для работы ни х каким городам по паспортам не ходят».

О селениях Барнаулева Острова, Соснового Острова, Оникина Острова, Тургенева Острова, Тургенева Острова Нижней Изголови (изголовь — конец острова) и о других селениях говорится примерно то же, что и о деревне Привалихинской. В четырех из этих селений землю не удобряют, в других «пещаную одобряют скотским назьмом», «пещаную и каменистую одобряют скотинным назьмом».

Третья волость, представившая исправнику сведения о землях, — Типтинская экономическая вотчина. В ней было всего лишь 49 душ муж. пола, у них имелось 139 десятин старой пахотной земли и вновь расчищенной — 4 десятины. Земля представляла «чернозем з глиной в смешении, то есть су-

глинка». Пахали под озимые 2 раза, под яровые 3 раза, в июне и июле. Значит, под яровые тоже готовили пар. Озимую рожь «засевают в августе с первого числа», а яровые с 1 мая. Уборка начиналась с 15 августа и шла до первых чисел сентября. Земель в вотчине было недостаточно «и к роще разве с нуждою». Рыбы и зверя ловили мало. В деревне Балыктинской, приписанной к этой вотчине, имелось «негодной черноземной, — по близости болот не родит хлеба, так и травы, — 17 десятин». Значит, крестьянин взвешивал качества земли не только по обычным типам, но и по местоположению.

Карапчанская волость представила однообразные сведения по каждому из 20 селений, входивших в ее состав, именно — сколько верст в длину и в ширину занимают земли каждой деревни. К этому прибавлено, что местность гористая, земля глинистая. Пашут с 1 мая, причем под рожь — 2 раза в лето. Земель имеется в изобилии.

Следующая волость, Криволуцкая слобода, наряду с представлением общих сведений сделала очень важную попытку — показать, какое количество десятин занимают разные типы почв. Конечно, оценка эта поневоле оказывается приблизительной и не совсем совпадает с современной (то же условной) почвенной классификацией, но она драгоценна, как оригинальная попытка крестьян дать связное представление о качественном составе почвенного покрова волости. В таблице 24 приведены итоги этих данных.

Таблица 24

	Типы почв				
	черно-земные	глини-стые	камени-стые	песча-ные	итого
Десятин	861	103	90	115	1169
Удельный вес, %	73,7	8,8	7,7	9,8	100,0

Итак, грубо говоря (что — лучше), — $\frac{3}{4}$ почв относилось к черноземным, т. е., вероятно, к дерново-подзолистым по современному обозначению. Остальные распадались поровну на 3 группы, в соответствии с различным механическим составом почвы. Против этой крестьянской оценки вряд ли что возразит и современный почвовед.

Кроме сведений о почвах, криволуцкая мирская изба представила некоторые другие данные о волости: «Пашут сохами, одобряют назьмом; распахивают и боронят по два раза... не ранее мая с пятого, а рожь [сеют] августа с первых чисел». Есть «белий» промысел. В заключение волость пишет, что «жители упражняются в земледелии и черной ра-

боте — уходят по пашпортам к городам Иркутску, Якутску и Енисейску». Волость, как известно, поражалась частыми недородами и неизбежно здесь развивалось отходничество.

Последняя волость, ответившая на требование земского исправника — Усть-Кутский острог. Но данные по нему менее содержательны, чем по другим волостям. По каждой деревне отмечено число домов. «Пахотная земля песчаная, а пашут сохами, удобряют оную и пашут и боронят по два раз». Начало пахоты между 1 и 16 мая. «Удачливее» родится ячмень. Есть упоминание, что крестьяне бьют белок и птицу.

В конце дела дано описание всех рек, озер и гор Киренской округи. «Знатных» рек названо четыре: Лена, Киренга («вершина еще не знатна»), Илим и Ангара. В Лену впадает 74 реки и речки, имеется 62 озера. В р. Киренгу впадает 18 речек, озеро есть только одно. В р. Илим впадает 12 речек, озер прилегает 11; в Ангара (в пределах, конечно, Киренской округи) впадает 52 речки, озер близ Ангара нет.

В конце XVIII века, в 1798 году, мирские избы дали общее экономическое описание всех волостей Киренского уезда. Сведения требовала иркутская казенная палата на основании предписания «экспедиции государственного хозяйства... о скорейшем составлении камерального описания всех деревень казенного ведомства» (Фонд 9, арх. № 169, лл. 64-111).

Чечуйская мирская изба дала «экономические примечания и объявления» к ведомости о землепользовании и, в частности, о характере почв и способах ее обработки: волость лежит «на большей столбовой якутской дороге... Пашенная земля разных родов есть черная суглинистая и песчаная... В каждой год в летнее время поблизости деревень навозят назьмом, а по отдаленности одабривают (в других местах сказано — «вздабривают») парами и перепашкой в два [ряда] и третий раз орут и с посеенным хлебом боронят... Хлеб лутче родится ячмень». Далее указывается, что в волости садов не имеется.

Ниже-Илимская волость в отношении качества земли заметила: «пахотная земля черная и глинистая и пещаная. Удобряют ее навозом, орут и боронят по два раза. И половину оставляют через год к отдохновению». Макаровская экономическая мирская изба писала: «Пашенная земля несравненна черна, глиниста и песошна, требует удобрение — назьму. Пашут сохам[и], боронят боронам[и] по одному разу и под пар землю орут и боронят по два раз». В Карапчанской волости, по сообщению мирской избы, «пахотная земля черная, глинистая и пещаная; удобряют навозом, орут и боронят по два раза. Половину оставляют через год к отдохновению». В Кривоуцкой волости земля «требует удобрения — скотского назьму». Пашут и боронят «под вешну по одному разу, а под пар землю роют и боронят по два раза». Отмече-

но также в сообщении, что садов в волости не имеется. По Усть-Кутской волости «пашенная земля глинистая», требует всегда удобрения назьмом. «А годом уносит большой водой. А оную пахут на лошадях в году по три раза, а по два раза боронят». Черная и глинистая земля в Верхне-Илимской волости. Ближайшие поля удобряют навозом, «а в отдаленности так пахут оную сохами и боронят боровами». Захаровская и Марковская мирские избы повторили сведения других волостей: «в каждой год в летнее время по близости деревень навозят назьмом, а по отдаленности вдабривают парами и перепашкой в два [ряда], а в третий раз орют и с посеянным хлебом боронят». Такие же сведения дали обе волости, расположенные по Нижней Тунгуске.

Все эти общие описания, собранные илимской воеводской канцелярией и киренским нижним земским судом по различным поводам, в целом хорошо отражают положение илимской деревни, дают правдивую оценку природных условий для земледелия и не обходят молчанием ни одного важного вопроса жизни крестьянина.

В ответах приказных (мирских) изб нашло отражение и отходничество и наем рабочей силы. Вместе с тем ответы хорошо отображали и состояние крестьянской агротехники: способы обработки почв, применение навозного удобрения, время посева хлебов, причины низких урожаев и т. д.

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ

После первой ревизии 1719-1722 годов в Илимском уезде долгое время не производилось учета посевов.

Главное внимание воеводской канцелярии было обращено на взыскание «провианта» и подушных денег, т. е. платежей, не связанных с размерами посева у крестьян. Лишь изредка появляются в документах показатели по государевой пашне, потерявшей в начале XVIII века всякое реальное значение.

За сравнительно большой промежуток времени, с 1722 по 1759 год, производится лишь несколько частных учетов зерновых посевов в отдельных волостях.

В 1740-1741 годах учитываются посевы ниже-илимских и кежемских крестьян в связи с неурожаем хлеба (Фонд 75, арх. № 1000, лл. 111-199).

За 1751 год имеется полное и подробное описание крестьянских посевов по Илгинскому острогу, сделанное приказчиком, солдатом и иркутским казаком в октябре, непосредственно на полях (Фонд 75, опись 2, арх. № 592, лл. 32-41).

Затем, в 1757 году учитываются посевы крестьян Чечуйского острога (Фонд 75, опись 2, арх. № 812, лл. 132-150),

Ново-Удинской слободы (Фонд 75, описание 2, арх. № 813, лл. 1-20), Илгинского (там же, лл. 50-57) и Усть-Кутского острогов (Фонд 75, описание 2, арх. № 818, лл. 1-19). По 1758 году имеется учет посевов только по Карапчанскому погосту (Фонд 75, описание 2, арх. № 842, лл. 63-77) и по Илгинскому острогу (Фонд 75, арх. № 2355, лл. 60-90).

Сводка всех поименованных учетов посевной площади приводится в таблице 25.

Таблица 25

Волости	Годы	Посев (десятин)					
		рожь озимая	ярица	пшеница	ячмень	овес	ИТОГО
Нижне-Илимская	1740	288	129 $\frac{1}{4}$	19 $\frac{1}{8}$	12 $\frac{7}{8}$	27 $\frac{1}{8}$	476 $\frac{7}{8}$
	1741	188 $\frac{1}{2}$	96 $\frac{5}{8}$	21 $\frac{1}{8}$	11 $\frac{3}{4}$	18 $\frac{7}{8}$	336 $\frac{7}{8}$
Кежемская	1740	120 $\frac{1}{4}$	10	$\frac{1}{4}$	5 $\frac{3}{4}$	1 $\frac{1}{2}$	137 $\frac{3}{4}$
	1741	66 $\frac{3}{4}$	23 $\frac{3}{4}$	3 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{3}{8}$	3 $\frac{1}{4}$	103 $\frac{5}{8}$
Илгинская	1751	438 $\frac{1}{4}$	123 $\frac{3}{8}$	90 $\frac{5}{8}$	84 $\frac{1}{2}$	63 $\frac{3}{4}$	800 $\frac{1}{2}$
	1757	554	76 $\frac{1}{2}$	65 $\frac{3}{4}$	80 $\frac{7}{8}$	62 $\frac{5}{8}$	839 $\frac{3}{4}$
	1758	484 $\frac{1}{2}$	70 $\frac{1}{2}$	66	76 $\frac{1}{2}$	59 $\frac{3}{4}$	757 $\frac{1}{4}$
Чечуйская	1757	75	67 $\frac{1}{4}$	43 $\frac{1}{2}$	96 $\frac{3}{4}$	49 $\frac{1}{2}$	332
Ново-Удинская	1757	361 $\frac{1}{2}$	35 $\frac{1}{4}$	27	$\frac{3}{4}$	10 $\frac{3}{4}$	435 $\frac{1}{4}$
Усть-Кутская	1757	50	36 $\frac{3}{4}$	10 $\frac{1}{4}$	15 $\frac{1}{4}$	9	121 $\frac{1}{4}$
Карапчанская	1758	126	93 $\frac{1}{2}$	10 $\frac{3}{4}$	14 $\frac{1}{2}$	20 $\frac{1}{4}$	265

По Нижне-Илимской и Кежемской волостям в таблице нашло отражение сокращение посевных площадей в неурожайные 1740-1741 годы.

В феврале 1759 г. воевода Павлуцкий представляет в Иркутск сводку посева по всем волостям Илимского уезда. В ведомость были включены также данные об окладе муки и крупы, о числе душ муж. пола крестьян и разночинцев и числе работников в возрасте 18-50 лет (Фонд 75, арх. № 2381, лл. 238-253).

По ведомость составлена довольно небрежно и не все можно использовать из нее для анализа состояния земледелия.

Приводим здесь только сведения о числе десятин посева (таблица 26). Это первые сводные данные после 1722 года, охватывающие весь Илимский уезд.

Воевода снабдил сведения о посевах объяснениями о причинах недоимочности подчиненных ему острогов и слобод.

Таблица 26

Волости	О з и м ы х			Я р о в ы х			Весь посев, десятин
	крестьяне	разно- чинцы	итого	крестьяне	разно- чинцы	итого	
Верхне-Илимская	11¾	3½	15¼	3¼	—	3¼	18½
Нижне-Илимская	316	2	318	271	1	272	590
Карапчанская	82	3	85	109	4	113	198
Усть-Кутская	52	6	58	69	5	74	132
Криволицкая	322	4	326	231	2	233	559
Киренская	148	36	184	148	18	166	350
Чечуйская	97	2	99	162	2	164	263
Орленская	68	—	68	78	—	78	146
Тутурская	125	—	125	30	—	30	155
Илгинская	509	33	542	247	32	279	821
Ново-Удинская	150	6	156	89	3	92	248
Яндинская	303½	—	303½	123½	—	123½	427
Боатская	402	—	402	151	—	151	553
Барлуцкая	143	—	143	57	—	57	200
Кежемская	198	—	198	193	—	193	391
Итого	2927¼	95½	3022¾	1961¾	67	2028¾	5051½

Печатным указом Сената от 3 декабря 1760 года предлагалось сведения о посеве или, как сказано там, «о произрастаемом земляном продукте», подавать самим обывателям. «Для требования таковых ведомостей в уезды отнюдь никого не посылать, дабы чрез те посылки не только малейшаго убытка, но и никакого беспокойства и помешания в их трудах не чинить» (Фонд 75, опись 2, арх. № 926, л. 51).

Видимо, до Сената дошли жалобы о притеснениях «поселян» и «обывателей», т. е. государственных крестьян и разночинцев, при сборе сведений о их посевах.

Несколько ранее, 19 ноября 1760 г., Илимск получил предписание обер-секретаря Сената, посланное им 28 августа, о представлении сведений об урожае и ценах на хлеб. При этом указывалось, что нарочных в деревни посылать не следует (Фонд 75, арх. № 2527).

На основании этих предписаний в 1762-1765 годах составляется ряд довольно подробных ведомостей о посевах в 6 волостях Илимского уезда.

Таблица 27

Годы	Посев, десятин									
	рожь озимая	ярица	пшеница	ячмень	овес	горох	гречиха	конопля	лен	итого
1765	3275	1351	801½	484¾	577¼	21½	—	18	—	6592
1766	3214¾	1310½	763	525¾	535¾	70⅝	8	121⅜	11¼	6571
1767	3214½	1187	621½	425	400¼	40½	11	40⅜	8	5948⅝
1768	2888¼	1247	640	438¾	480¼	51½	—	84⅜	7½	5838⅝
1769	2870¼	1292	683	476	467¼	197	—	114⅜	14½	6114⅝
1770	3098	1252	817½	512¼	553⅜	82	6	71⅝	9¼	6402
1771	2873⅝	1126	681	399⅜	459¾	66	6	38½	5⅝	5655⅜
1772	3132⅜	1681⅜	712⅞	686¼	515	89⅞	20	112⅜	12	6961⅝
1773	3989½	1494¼	1028⅝	593¼	653⅞	85	7¼	148¾	6	8006½
1774	4280	1946½	1106	645¾	714	63½	38	161¾	14	8969½

Начиная с 1765 года, в документах илимской воеводской канцелярии систематически появляются поуездные сводки о посевах.

Обер-секретарь Сената 16 января 1766 г. в предписании на имя илимской воеводской канцелярии предложил от имени Сената представлять ежегодно отчеты о посевах по уезду «не позднее октября или конечно (конечный срок) ноября месяцев» (Фонд 75, арх. № 2940, лл. 1-2).

Во исполнение этого предписания илимская воеводская канцелярия отправила 14 декабря того же года сводную ведомость о посевах, высевах и урожаях за 1765 и 1766 годы.

К этим отчетам, построенным в виде таблиц с поволостным разрезом, можно присоединить находящиеся в том же деле отчеты такого же вида за 1767-1773 годы. Из другого документа (Фонд 75, опись 2, арх. № 1165, лл. 97) можно взять данные по уезду за 1774 год.

Итоги, построенные на основании названных источников, по посевам всех 15 волостей Илимского уезда за 10 лет даются в таблице 27.

Положительной чертой этого учета является охват всех волостей Илимского уезда и всех полевых культур, в том числе гречихи и льна.

Вместе с тем этот учет дает возможность хотя бы отчасти раскрыть и его недостатки. Сопоставляя движение посевных площадей по каждой волости, можно встретить необъяснимые колебания их величины. Например, в Кежемской слободе в 1772 году сеяли 602¼ десятины, а в 1773 году — только 371½ десятины. В Яндинском остроге в 1772 году сеяли 1524¼ десятины, а в 1769 году якобы 394. В Илгинском остроге посевные площади за 1773 и 1771 годы по необъяснимым причинам давались в резко отличающихся величинах — 1117 и 272 десятины. Такие колебания посевных площадей нельзя объяснить неурожаем в отдельные годы. Наоборот, в неурожайные годы крестьяне показывали большие площади посева, стремясь подчеркнуть величину своих потерь.

Значит, нужно прийти к выводу, что резкие отклонения в учетных данных объясняются недостатками самого учета. Другое соображение в пользу такого объяснения — совпадение посевов по отдельным волостям в течение ряда лет.

Но подобные погрешности в учете не могут оказать существенного влияния на ряд выводов, которые можно сделать на основании этих, в общем ценных, отчетных данных, например, о структуре посевных площадей, о норме высева на десятину и о среднем урожае.

Если взять по каждой волости за 8-летие (1766-1773 годы) наиболее высокий уровень, достигнутый в расширении посева, и принять его за действительную величину освоенной

посевной площади, то сумма таких площадей по уезду составит 9736 десятин. Конечно, это спорный и не вполне достоверный способ избавиться от утайки посевных площадей, но иначе совершенно невозможно раскрыть действительную величину освоенной под посев площади. Но так как за другие, более ранние годы встречались по отдельным волостям большие величины, чем те, которые отражены в учетах 1766-1773 годов, то возможно предположить, что весь посев мог составить величину порядка 10000 десятин.

Вернемся к анализу размеров посева, как они показаны в ведомостях илимской воеводской канцелярии.

Все посевы Илимского уезда можно сгруппировать по приречным областям. К области р. Илима относятся Верхне-Илимская, Нижне-Илимская и, правда, условно — выделившаяся из нее Карапчанская волости. К области Лены относятся Орленская, Усть-Кутская, Криволучная, Киренская и Чечуйская волости. К области рек Илги и Тутуры — Илгинская и Тутурская волости. Наконец, к области рек Ангары и Оки — Кежемская, Братская, Барлукская, Яндинская и Ново-Удинская.

Посевные площади по этим приречным областям, в сопоставлении с посевами 1722 года, показаны в таблице 28, при этом посевные площади 1765-1773 гг. пересчитаны в средние величины, которые в таблице условно обозначены 1773 годом.

Таблица 28

Приречные области	Посевы, десятин		Удельный вес областей, %		1773 г. в % к 1722 г.
	1722	1773	1722	1773	
Область р. Илима	478	1064	12,0	16,5	222,6
Область р. Лены	1510	1308	37,9	20,3	86,6
Область рек Илги и Тутуры	770	1036	19,4	16,0	134,5
Область рек Ангары и Оки	1222	3046	30,7	47,2	249,3
Итого	3980	6454	100,0	100,0	162,2

Значит, за 50 лет площади посева возрастали медленно; они увеличились примерно в 1½ раза. Сильнее увеличились они в приангарских волостях, в 2½ раза. Южные волости этой области лежат частью в лесостепной зоне. В 2¼ раза расширились площади посева в приилимских волостях. Зато по р. Лене они сократились на 13,4%. Объяснение последнему обстоятельству нужно искать в несоразмерно высоком хлебном обложении ленских крестьян.

В 1774 году илимская воеводская канцелярия составила последний раз сводку о посевных площадях по всем волостям Илимского уезда. Сводка построена на основе отчетов выборных мирских изб (Фонд 75, опись 2, арх. № 1399, лл. 54-61).

Весь посев составлял тогда $8969\frac{1}{2}$ десятины.

Сравнивая величину посева 1774 года с данными предыдущих лет, можно отметить, что по двум волостям в этом году была достигнута наибольшая посевная площадь. Например, по Барлукской волости посев 1774 года составил 451 десятину, до этого высший размер посевов был в 1773 году ($312\frac{3}{4}$ десятины). В Илгинской волости сеяли в 1774 году $1684\frac{1}{4}$ десятины против 1117 десятин в предыдущем году.

Зато сильно уменьшился посев в Чечуйской и Кежемской волостях. Вообще же посевы 1774 года в целом по уезду оказались на 2516 десятин, или на 39%, больше среднего посева за 9-летие 1765-1773 годов.

Илимская воеводская канцелярия в 1774 году прекращает свою деятельность. С этого времени перестает существовать и Илимский уезд.

Поэтому уместно подытожить развитие илимской пашни за весь минувший период.

В 1652 году пашенные крестьяне сеяли 1643 десятины, в 1672 году — 2191 десятину, в 1699 году — 3100 десятин. За XVIII век площадь посева у крестьян возросла к 1722 году до 3980, к 1759 году — до 5050 и к 1774 году — до 8970 десятин.

За 122-летний промежуток времени размер посевов увеличился более чем в пять раз.

По первой ревизии 1719-1722 годов в Илимском уезде проживало 14400 душ обоего пола. По 2-й ревизии учтено 10349, по 3-й ревизии — 12706 душ муж. пола. Если рассчитать по среднему приросту мужское население к 1774 году, а полученный результат удвоить, то вероятная численность населения Илимского уезда на эту дату составит 28500 человек обоего пола.

Значит с 1722 по 1774 год население Илимского уезда удвоилось, а посевная площадь возросла в $2\frac{1}{4}$ раза.

Кажется, что увеличение запасов за это время соответствовало росту населения и являлось как бы нормальным.

Но на душу населения в конце 3-й четверти XVIII века приходилось только 0,3 десятины посева. Такой размер посева мог покрыть потребности уезда в хлебе лишь в годы очень хорошего урожая. Если же крестьян постигал неурожай, то они не только «приходили в несостояние», но испытывали голодовки и сокращали посевы.

Главной причиной низкого обеспечения хлебом Илимского края нужно признать хлебное обложение крестьян. Оно

притормаживало развитие сельского хозяйства, суживало хлебный рынок, сильно давило на экономику крестьян, в особенности малопопосевных.

Первая сводка, составленная усть-киренской воеводской канцелярией о посевах и урожае, содержала данные за 1776 год как по Илимскому комиссарству, так и по волостям, подчиненным непосредственно воеводской канцелярии (Фонд 2, арх. № 145, лл. 67-73).

Из двух других документов можно составить сводную таблицу о посеве в Киренском уезде за 1779-1780 годы.

По 1779 году имеются «репорты» и ведомости от 5 волостей, причем представители каждой из них называли себя по разному: «репорт от Илгинского острогу выборного», «Подкаменской слободы от выборного... с товарищем», «Ведомость, сочиненная в кривоуцкой нароцкой избе» или «...в усь-куцкой судной народной избе». Все это означало, что доношения шли от волостей (Фонд 2, арх. № 247).

По 1780 году цифры о посеве и сборе хлебов составлены Илимским комиссарством на основании доношений от подчиненных ему волостей (Фонд 2, арх. № 337, лл. 1-3).

Так как при создании Усть-Киренского уезда из его состава были выделены и переданы в Иркутский уезд Ново-Удинская и Яндинская волости, то прямое сопоставление посевных площадей Илимского и Усть-Киренского уездов невозможно и приходится счет посевов начинать как бы от нового начала.

В 1779-1780 годы, согласно тем документам, о которых только что упоминалось, общий посев в уезде составил 6113 десятин против 5475 десятин в 1776 году.

За 3-4 года в посевной площади не могло произойти существенных и устойчивых изменений, поэтому можно ограничиться двумя словами. Общее увеличение посева составило 11,6%. Больше всего, возросла площадь пшеницы, так как в конце XVIII века илимский хлеб стал вывозиться хлеботорговцами вниз по Лене.

Первая общая сводка о посевах и сборе хлебов, составленная киренским нижним земским судом, охватывает 1787-1790 годы. Но из этих лет только по 1778 году имеются сведения от всех волостей. Так как пропуски за остальные годы касаются волостей с небольшими посевами, то можно недостающие сведения взять из отчетов ближайшего года и таким образом получить без заметной погрешности итоги за все 4 года (Фонд 9, арх. № 42). Эти данные можно дополнить сводкой за 1799 год (Фонд 9, арх. № 218, лл. 40-41). В результате получена таблица 29.

Как следует из таблицы, за 12 лет посевные площади возросли очень сильно, более чем на $\frac{1}{3}$, при этом увеличились площади под всеми без исключения культурами. Заме-

Таблица 29

Культуры	Посев по годам, десятин					1799 г. в % к 1787 г.
	1787	1788	1789	1790	1799	
Озимая рожь	852 ⁷ / ₈	832 ¹ / ₈	948 ¹ / ₈	911 ³ / ₈	1262 ¹ / ₂	148,0
Ярица	1248 ⁵ / ₈	1289 ¹ / ₄	1511 ⁷ / ₈	1538 ¹ / ₄	1504 ³ / ₄	120,5
Пшеница	773 ¹ / ₄	865 ¹ / ₂	945 ¹ / ₄	977 ¹ / ₈	1125 ¹ / ₄	145,4
Ячмень	924 ⁷ / ₈	945 ³ / ₄	993 ⁷ / ₈	1003 ⁷ / ₈	1039 ¹ / ₂	112,4
Овес	510 ³ / ₈	583	546 ¹ / ₄	564 ⁵ / ₈	616 ³ / ₄	120,8
Горох	185 ³ / ₈	193 ¹ / ₂	197	219 ³ / ₄	347 ³ / ₄	187,2
Конопля	180 ³ / ₄	201 ¹ / ₈	206 ³ / ₄	214 ⁷ / ₈	213 ³ / ₄	118,2
Лён	¹ / ₈	21 ³ / ₈	2 ³ / ₈	2 ³ / ₈	—	—
Итого	4676 ⁵ / ₈	4931 ⁵ / ₈	5352	5432 ¹ / ₈	6110 ¹ / ₄	136,6

тим, что площади льна мирскими избами часто не показывались из-за их малой величины у отдельных крестьян.

В 1795 и в 1796 годах киренский нижний земский суд составил итоговую ведомость о посевах по всем волостям уезда. К этому времени Тыптинская заимка вместе с деревней Балыхтинской отошла к Иркутскому уезду, зато в состав Киренского уезда была вновь включена Верхне-Илимская волость (Фонд 9, арх. № 28, лл. 347, 358).

Основные показатели по посеву крестьян Киренской округи в конце XVIII века приводятся в таблице 30.

Главной волостью Киренского уезда и по числу крестьянского населения и по размерам запашки оставалась Нижне-Илимская слобода с примыкавшими к ней двумя волостями.

Волости, расположенные по Лене, сеяли в общем меньше, чем илимские волости. Чем ниже по Лене и чем, следовательно, севернее, тем заметнее уменьшалась запашка на 1 душу населения.

В целом илимские волости за 7 лет, протекших после сплошного учета посевов, увеличили запашку и довольно сильно — более чем на ¹/₃. Напротив, ленские крестьяне в целом несколько уменьшили площадь посева, хотя отдельные волости и расширяли пашню.

Нижне-тунгусские крестьяне продолжали свои удивительные опыты по внедрению земледелия в северной тайге.

Чтобы полнее оценить значение отмены «оброчного провианта» для развития земледелия в Илимском крае, достаточно сравнить величину посевной площади до и после отмены этого обложения. Для такого сопоставления построена таблица 31, в которой приведены данные за 1759, 1774 и 1796 годы. Сдача провианта была отменена в 1773 году, но

Таблица 30

В о л о с т и	Показатели 1795 года			
	душ муж. пола	посев, де- сятин	удельный вес посе- ва, %	посева на 1 душу, де- сятин
По Илим и Ангаре				
Верхне-Илимская	168	276½	4,8	1,65
Нижне-Илимская	989	1686	29,5	1,70
Карапчанская	564	969¾	16,9	1,72
Итого	1721	2932¼	51,2	1,70
По Лене				
Усть-Кутская	200	352½	6,2	1,76
Криволуцкая	458	759	13,3	1,66
Марковская	146	197	3,4	1,35
Подкаменская	364	477	8,3	1,31
Макаровская ЭКОНОМИЧ.	200	288¼	5,0	1,44
Чечуйская	603	529¾	9,3	0,88
Захаровская экономич.	32	27¼	0,5	0,85
Итого	2003	2630¾	46,0	1,32
По Нижней Тунгуске				
Нижне-Тунгусская госуд.	52	96	1,7	1,85
Нижне-Тунгусская эконом.	170	65	1,1	0,38
Итого	222	161	2,8	0,73
Всего	3946	5724	100,0	1,45

недоимки продолжали взыскивать еще в течение нескольких лет. Для сравнения взяты только те волости, которые входили в состав Илимского и Киренского уездов.

Итак, за 15 лет, в течение которых продолжало действовать хлебное обложение, площадь посева возросла только на 8,5%, или на 0,6% в среднем за год, а за 22 года, протекших после отмены названного налога, посевы увеличились на 138,9%, т. е. в среднем на 6,3% за год. Значит, среднегодовые темпы прироста посевов увеличились в 10 раз.

Если взять общие итоги роста посевных площадей, с которыми Киренский уезд вступал в XIX век, то можно их при-

знать удовлетворительными. Величина их с начала возникновения илимской пашни и до конца XVIII века возрастала из десятилетия в десятилетие.

Таблица 31

Волости	1759	1774	1796
	десятин		
Верхне-Илимская	19	49	300
Нижне-Илимская	590	770	1718
Карапчанская	198	372	1065
Усть-Кутская	132	314	546
Криволуцкая	559	393	752
Киренская	350	285	555
Чечуйская	263	107	534
Итого	2111	2290	5470

Повысилась и общая обеспеченность населения посевами хлебов.

По 5-й ревизии душ муж. пола, проведенной в 1796 году, по Киренскому уезду записана 4241 душа, что соответствует примерно 8500 душ обоего пола.

На 1 душу в год проведения переписи в среднем приходилось почти 0,7 десятины посева, т. е. в два раза больше, чем имелось ко времени упразднения Илимского уезда и его воеводской канцелярии.

Быстрое расширение пашни в последние десятилетия XVIII века нужно поставить в связь с отменой хлебного обложения крестьян и, следовательно, с более свободным и широким развитием рыночных связей, в том числе и по хлебу.

Имели, конечно, положительное значение и другие обстоятельства — ликвидация некрестьянского землепользования, в том числе монастырского, и связанная с этим передача земель крестьянам, переделы земли между крестьянами, особенно проведенными при Черемисинове, и дальнейшее усовершенствование крестьянской агротехники.

В то же время нельзя упускать из виду, что масса пригодных для распашки земель еще не была вовлечена в сельскохозяйственное производство, что прогресс земледелия задерживался уравнильным подушным обложением, казенным чиновничьим «попечительством» над крестьянами, неграмотностью народа и всем строем тогдашнего общества.

ПОСЕВЫ ДВОРОВ РАЗНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОЩНОСТИ

Илимское крестьянство в экономическом отношении вовсе не было однородным. Имущественное неравенство отражалось в размерах сельскохозяйственного производства, прежде всего в полеводстве — одни дворы имели незначительные посевы, урожаи с которых не покрывали потребности двора в хлебе, другие вели среднее хозяйство и сводили концы с концами, третьи осуществляли крупные запашки, дававшие товарное зерно.

Сообразно с этим большинство крестьян вело хозяйство личным трудом, иногда продавая свою рабочую силу, а некоторая, меньшая часть крестьян, широко пользовалась наемным трудом.

Расслоение илимской деревни началось давно, со второй половины XVII века, но подметить это явление по размерам пашни очень трудно, так как прямого учета посева тогда почти не существовало, а величина так называемой государственной пашни почти вовсе не отражала действительного посева отдельных крестьянских хозяйств.

С середины XVIII века появляются подробные сведения о посевах илимских крестьян. Обработка таких сведений позволяет группировать дворы разной хозяйственной мощности и раскрывать экономическое неравенство крестьян.

В Илимском уезде не было очень крупных хозяйств, так как таежный характер местности не давал возможности распахать больших массивов земель, как в Западной Сибири или даже в Иркутско-Тулунской лесостепи. Но все-таки и здесь обнаруживается стремление подойти к предельно большому в данных условиях хозяйству.

После отмены хлебного обложения крестьян развитие буржуазных отношений в илимской деревне пошло значительно быстрее, ибо товарные излишки хлеба предприиматель-хлеботорговец, все равно — купец или крестьянин, мог реализовать в северо-восточной части средней Сибири.

Группировки крестьянских хозяйств правильнее всего производить, как это принято делать в марксистских экономических работах, по площади посева, в отдельных случаях — по величине поголовья животных. Впрочем, иногда допустимы группировки по земельной площади. При этом средние величины лучше всего вычислять на один двор и лишь в особых случаях — на душу населения. Все эти приемы экономического анализа обоснованы Лениным в его аграрных работах (В.И. Ленин. Сочинения, том 1, стр. 9, том 3, стр. 48, 76 и 107).

Подобные методы исследования тем более применимы при анализе экономического положения илимского крестьянства.

янина, что сельскохозяйственное производство тогда, в XVIII веке, было однотипным, с решительным преобладанием зернового хозяйства.

По учету посевов, произведенному в 1751 году по Илгин-ской волости (Фонд 75, опись 2, арх. № 592, лл. 32-41), построена таблица 32, с группировкой крестьянских хозяйств по величине площади.

Таблица 32

Группы хозяйств по величине посева	Число хозяйств	Посев, десятин	Сбор хлеба, пудов	На 1 хозяйство		Удельный вес, %		
				посев, десятин	сбор, пудов	Числа хозяйств	посева	сбора хлебов
До 2 десятин	8	10 ⁵ / ₈	616	1,3	77	7,5	1,3	1,8
2,1-5	25	93 ⁷ / ₈	3990	3,8	160	23,3	11,7	11,6
5,1-10	51	366 ³ / ₈	16600	7,2	326	47,7	45,8	48,3
Более 10 десятин	23	329 ⁵ / ₈	13187	14,3	573	21,5	41,2	38,3
Итого	107	800 ¹ / ₂	34393	7,5	321	100,0	100,0	100,0

Средний размер посева в крестьянском хозяйстве этой волости был выше, чем по другим волостям Илимского уезда. Крупные хозяйства составляли здесь 21,5%, а по размерам посева занимали 41,2% всей посевной площади волости.

Самыми многопосевными хозяйствами являлись дворы Потапа Новопашенного — 22¹/₂ десятины (сбор 1110 пудов зерна), Корнилы Стрелова — 23¹/₂ десятины (сбор — 790 пудов) и Родиона Чувашева — 30¹/₂ десятины (сбор — 1080 пудов).

По учету посевов Чечуйской волости в 1757 году у 97 пашенных крестьян и 5 хлебных обротчиков было учтено 332 десятины зерновых культур. В числе их имелось 7 совместных (складнических) дворов и 6 беспосевных хозяйств.

Средний посев на один первичный двор по сравнению с более южными волостями оказывается довольно низким, всего 3,7 десятины. Вообще крупных хозяйств с значительным посевом в волости не было. До 2 десятин на двор сеяли 23 хозяйства, до 5 десятин — 46 хозяйств, в том числе 4 совместных. По всей волости имелся лишь один двор с посевом более 10 десятин — братьев Березовских в деревне Ичерской, которые засевали 14 десятин (Фонд 75, опись 2, арх. № 812, лл. 132-150).

По данным учета 1757 года по Ново-Удинской слободе можно сгруппировать хозяйства и построить таблицу 33, в которой все показатели даются в процентах к итогу.

Таблица 33

Группы хозяйств по величине посева	Хозяйства	Посев	Сбор хлеба	Хлебный оклад
До 2 десятин	13,3	4,2	4,5	10,7
2,1-5	49,4	31,9	35,6	40,5
5,1-10	20,0	25,1	25,4	23,8
Более 10 десятин	17,3	38,8	34,5	25,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Крупные хозяйства составляли по числу дворов 17,3%, по размерам посева — 38,8% и по сбору хлеба — 34,5% от общих сумм соответствующих показателей. Сдавали же эти хозяйства хлеба в казну лишь 25% от величины оклада волости. Следовательно, многопосевные хозяйства здесь, как и по другим волостям, находились в льготном положении в сравнении с другими, т. е. средними и мелкими хозяйствами.

Еще яснее можно показать это, если величину хлебного обложения рассчитать на 1 десятину посева: в среднем волость платила государству 4,9 пуда с десятины, в том числе дворы с посевом до 2 десятин — 12,6 пуда, дворы с посевом до 5 десятин — в два раза меньше — 6,3 пуда, дворы с посевом до 10 десятин еще меньше — 4,7 пуда и, наконец, самые крупные и, следовательно, зажиточные дворы, применявшие наемную рабочую силу, сдавали государству только 3,2 пуда на десятину посева.

Наиболее резко раскрывается неравномерность государственного обложения крестьян, если сопоставить сбор хлебов с размером обложения, т. е. вычислить процент изъятия казной хлеба у крестьянина. В среднем по этой волости он составлял в 1757 году 9,9%.

Группа самых маломощных крестьян обязана была сдать 23,9% урожая, вторая группа — в два раза меньше, именно, 11,3%, третья группа — 9,3%, а многопосевные хозяйства сдавали в казну только 7,2% урожая или в 3 раза меньше маломощных дворов.

Может показаться странным более низкая урожайность в многопосевных хозяйствах по сравнению с малопосевными. Объяснение этому обстоятельству нужно искать в экстенсивном, хищническом расширении запашек, посредством чего достигалось производство сравнительно легким путем значительного количества хлеба, что позволяло пренебречь некоторым снижением урожая на единицу площади. Кроме того, структура посевов у зажиточных дворов довольно заметно

отличалась от средней волостной структуры посевов: удельный вес ржи в зажиточных хозяйствах в общей площади этой культуры составлял 36,5%, а менее урожайных яровых культур — ярицы — 49,3%, пшеницы — 53,7% и овса — 41,9%. Только ячмень в 1757 году выделяется высокой урожайностью, но посев его был тогда настолько мал, -что не мог влиять на среднюю совокупную урожайность по волости.

Несмотря на значительные, в сравнении с другими волостями, посевы Ново-Удинской волости, они могли бы быть еще больше, если судить по Илгинскому острогу, где на 1 двор приходилось 7½ десятины посева.

Крестьяне, отвечая на вопрос, почему у них земля «в недопашке», дали следующие объяснения: «За скудостью своею, також и конной силы мало» (6 человек), конной силы мало (40 человек), болезнь, одиночество, скудность, недостаток лошадей (10 человек), выбило в предыдущем году хлеб градом (4 человека).

Никаких объяснений не дали 17 крестьян.

Почти все ответы о причинах недопашки связаны с недостатком лошадей.

Двое из этих крестьян добавили: «На пропитание вырабатывает работу свою».

Илгинская волость, как отмечалось, имела много зажиточных дворов, применявших наемную рабочую силу. Чтобы легче представить место зажиточных, многопосевных дворов среди других хозяйств Илгинской волости, в таблице 34 дан удельный вес различных групп крестьян по показателям учета посевов в 1757 году.

Таблица 31

Группы хозяйств по величине посева	Хозяйства	Посев	Сбор хлеба	Хлебный оклад
До 2 десятин	6,3	0,8	1,2	3,1
2,1-5	24,1	12,6	12,9	17,7
5,1-10	47,3	44,2	47,0	48,9
Более 10	22,3	42,4	38,9	30,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Первые две группы малопосевных хозяйств составляли по числу дворов около $\frac{1}{3}$, а по размерам посева и производства хлеба лишь $\frac{1}{7}$. Хозяйства с посевом от 5,1 до 10 десятин на двор, т. е. средние для данной волости, по всем показателям составляли менее $\frac{1}{2}$ общеволостных показателей.

Крупные хозяйства составляли менее $\frac{1}{4}$ всех дворов волости, а сеяли и производили хлеба около $\frac{2}{5}$.

По учету 1758 года в Илгинской волости (Фонд 75, арх. № 2355, лл. 60-90) наряду с посевом показано, сколько «пашет» каждый крестьянин. Под этим словом скрывается не действительная запашка, а величина выделенной хозяйству пахотной земли. Ниже будет показано, какое важное значение имеет этот показатель при сопоставлении его с посевом.

Группировка, включающая все измерители, отраженные в названном учете, приводится в таблице 35.

Таблица 35

Группы хозяйств по размерам посева	Число дворов	Душ муж. пола старше 17 лет	„Пашет“ десятин	Хлебный оклад, пудов	Посев 1758 г. десятин	Урожай, пудов			
						1755	1756	1757	1758
До 2 десятин	6	22	69	165½	9¼	1100	1200	980	380
2,1-5	26	106	252	784	100¾	5500	5860	5545	4681
5,1-10	39	207	546	1746½	295½	14800	16785	15485	14178
Более 10 десятин	26	193	433	1557½	351¾	13230	14490	14355	17298
Итого	97	528	1300	4253½	757¼	34630	38335	36355	36537

Как видно, у первой группы размер сбора хлеба снижается из года в год. Это показывает, что малопосевные хозяйства стояли на грани полного разорения, посев их все время уменьшался. Кроме того, у четырех крестьян посевов совсем не имелось.

Эти же показатели, рассчитанные на 1 двор, сведены в таблицу 36.

Таблица 36

Группы хозяйств по размерам посева	На один двор				
	душ муж. пола старше 17 лет	«пашет», десятин	хлебный оклад, пудов	посев 1758 г., десятин	сбор хлеба в 1758 г., пудов
До 2 десятин	3,7	11,5	27,6	1,5	63
2,1-5	4,1	9,7	30,2	3,9	180
5,1-10	5,3	14,0	44,8	7,6	364
Более 10	7,4	16,7	59,9	13,5	665
Среднее	5,4	13,4	43,9	7,8	377

По двум последним таблицам можно сделать такие выводы:

Самые маломощные хозяйства занимают по числу дворов $\frac{1}{18}$, а по посеву и сбору хлеба $\frac{1}{100}$.

Хозяйства с посевом 2,1-5 десятин на двор составляют $\frac{1}{4}$ всех хозяйств волости, а по посеву и сбору хлебов $\frac{1}{8}$.

Дворы с посевом от 5,1 до 10 десятин составляют $\frac{2}{5}$ всех дворов волости и занимают по всем показателям, отраженным в таблицах, среднее место.

Наконец крупные хозяйства, т. е. $\frac{1}{4}$ всех дворов волости дают по размерам посева и производства хлеба почти $\frac{1}{2}$ общеволостных величин.

Рассмотрим теперь соотношение между размером пахотных земель («пашет») и площадью посева. Но так как по учету не дана величина пара, то придется предварительно ее вычислить.

Предположим, что озимая рожь и яровая пшеница размещались по пару, а яровая рожь, ячмень и овес — по озимым.

Тогда для 1758 года можно построить распределение пашни, показанное в таблице 37.

Таблица 37

Группы хозяйств по размерам посева	«Пашет»	Пашня 1758 г., десятин				Разница, десятин	
		рожь озимая и пшеница	ярица, ячмень, овес	пар	итого	излишек	недостача
До 2 десятин	69	4 $\frac{1}{2}$	4 $\frac{3}{4}$	4 $\frac{1}{2}$	13%	55 $\frac{3}{4}$	—
2,1-5	252	73 $\frac{3}{4}$	27	73 $\frac{3}{4}$	174 $\frac{1}{4}$	77 $\frac{1}{2}$	—
5,1-10	546	213 $\frac{3}{4}$	81 $\frac{3}{4}$	213 $\frac{3}{4}$	509 $\frac{1}{2}$	36 $\frac{3}{4}$	—
Более 10	443	258 $\frac{1}{2}$	93 $\frac{1}{4}$	258 $\frac{3}{4}$	610 $\frac{1}{4}$	—	177 $\frac{1}{4}$
Итого	1300	550 $\frac{1}{2}$	206 $\frac{3}{4}$	550 $\frac{3}{4}$	1307 $\frac{3}{4}$	169 $\frac{1}{2}$	1771 $\frac{1}{4}$

Таким образом, результат расчета хорошо согласуется с размерами пашни («пашет»); разница в 7 $\frac{3}{4}$ десятины совсем несущественна. Ведь в 1758 году 4 крестьянина вовсе не сеяли, но они имели надел около 30 десятин. Значит 7 $\frac{3}{4}$ десятины могли размещаться и на этих свободных землях.

Из таблицы 37 видно, что хозяйства первой группы использовали лишь 13 $\frac{3}{4}$ десятины из 69, или $\frac{1}{5}$, хозяйства второй группы из 252 десятин земли использовали 174 $\frac{1}{2}$, т. е. $\frac{7}{10}$, хозяйства третьей группы из 546 десятин использовали 509 $\frac{1}{4}$. Самые крупные хозяйства распахивали 610 $\frac{1}{4}$ десятины, а надел их составлял только 433 десятины. Значит, не-

достающие 177¼ десятины они брали у других, главным образом, маломощных дворов.

Основной расширенной запашки являлся большой состав семьи: например, у многопосевных дворов в среднем на хозяйство приходилось 7,4 работника муж. пола старше 17 лет. значит, всех работников этого возраста там было 15 человек.

Наибольшее количество хлеба было произведено в 1758 году Федотом Широковских и Терентием Стреловым. Первый сеял 19½ десятины, намолотил 1260 пудов зерна и имел в составе своей семьи 10 душ муж. пола старше 17 лет, т. е. около 20 работников. Второй сеял 22 десятины, собрал 1174 пуда хлеба. В его семье имелось 12 душ мужского пола старше 17 лет, значит, 20-25 работников.

Крупные хозяйства на основе большой семьи увеличивали производство хлеба и неизбежно привлекали наемную рабочую силу. Те крупные хозяйства, которые не были обеспечены собственной рабочей силой, могли развивать свое хозяйство только за счет найма батраков и поденщиков.

Ленин в своих экономических работах не раз отмечает, что многогосемейные крестьянские дворы больше всех привлекают наемную рабочую силу. «Ясно, что многогосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства» (В.И. Ленин. Сочинения, том 15, стр. 77). «На самом же деле, оказывается, что и среди мелких промышленников, — точно так же, как среди мелких земледельцев, — растущее употребление наемного труда идет параллельно с увеличением числа семейных рабочих... «Семейная кооперация» является, таким образом, основанием капиталистической кооперации. Само собою разумеется, конечно, что этот «закон» относится только к самым мелким товаропроизводителям, только к зачаткам капитализма; этот закон доказывает, что тенденция крестьянства состоит в превращении в мелкого буржуа» (В.И. Ленин. Сочинения, том 3, стр. 303-304. См. также том 2, стр. 346 и 347; том 3, сноска на стр. 68, стр. 81; том 15, стр. 98; том 16, стр. 402-403; том 19, стр. 180).

Связь между многогосемейностью илимских крестьян и размером сельскохозяйственного производства хорошо видна из приведенных выше данных о посевах дворов разной хозяйственной мощности. Связь «семейной кооперации» и числа наемных рабочих была показана на основе ревизских сказок 1719-1722 гг. («Илимская пашня», том 1, стр. 285-289).

Возвращаемся к группировкам хозяйств по размеру посева.

Мелкие посевы, дающие к тому же низкие урожаи, оказались непреодолимым препятствием в деле взыскания с кре-

стьян хлеба в казну. Первая группа хозяйств в 1763 году производила на двор 31 пуд хлеба, а хлебный оклад составлял 34 пуда. При низкой урожайности и все остальные крестьяне не могли без нарушения хозяйственной устойчивости выполнить в 1763 году свои повинности перед казной. Но даже и в этих условиях обложение хлебом крестьян не соответствовало их мощности. На 1 десятину посева первая группа должна была сдавать государству 25,8 пуда, вторая — 14,3 пуда, а две высших группы — 9 пудов.

Учет посевов в Братской волости за 1763 год интересен в том отношении, что был составлен для выявления неурожая. Поэтому зажиточные и вообще многопосевные хозяйства не скрывали своих больших посевов, с которых они собрали в указанном году низкий урожай. Можно этим обстоятельством воспользоваться, чтобы, во-первых, установить действительную площадь посева волости, без утаек ее крестьянами, а во-вторых, выявить наиболее крупных посевщиков.

Общая посевная площадь Братской волости по учету 1763 года составляла $121\frac{3}{8}$ десятины, что дает 14,1 десятины на двор, т. е. величину необычайно высокую для Илимского уезда. Ввиду этого в группировке, приведенной в таблице 38, выделена дополнительная группа хозяйств с посевом свыше 20 десятин на двор.

Таблица 38

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств	Посев, десятин	Посев на 1 двор, десятин	Удельный вес	
				числа хозяйств	посева
До 2 десятин	7	$9\frac{7}{8}$	1,4	8,1	0,8
2,1-5	10	$34\frac{5}{8}$	3,5	11,6	2,9
5,1-10	14	$113\frac{3}{4}$	8,1	16,3	9,4
10,1-20	38	$522\frac{5}{8}$	13,8	44,2	43,2
Более 20	17	$529\frac{1}{2}$	31,1	19,8	43,7
Итого	86	$1210\frac{3}{8}$	14,1	100,0	100,0

Итак, наиболее мелкие хозяйства составляли по числу дворов $\frac{1}{12}$, а по размерам посева $\frac{1}{120}$ общеволостных величин. А самые крупные соответственно $\frac{1}{5}$ и $\frac{2}{5}$. Крупных хозяйств было почти в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем самых мелких хозяйств, а площадь посева первых почти в 55 раз больше, чем у вторых.

Яков Большая Шапка из деревни Большой Погост сеял 42 десятины. Яков Горносталев из Шаманского погоста —

42 десятины, Федор Чусовитин из той же деревни — 76 десятин.

Таково было имущественное, точнее — производственное неравенство среди крестьян Братской волости.

Подробные сведения о посевах крестьян за 1765-1773 годы имеются в ведомостях, представленных в илимскую воеводскую канцелярию выборными мирских изб (Фонд 75, арх. № 2940).

Было бы весьма важно проследить по сводкам мирских изб за изменениями величины посева у каждого крестьянина. Но, к сожалению, это представляется крайне трудным, почти невозможным делом, так как в сводках указывается только имя и прозвание (фамилия) крестьянина и отсутствует его отчество. Поэтому часто не представляется возможным установить преемственность в ведении многих хозяйств на протяжении 9 лет.

Вследствие этих затруднений пришлось ограничиться выборкой из именных списков данных о посеве каждого двора за один, именно за 1766 год, а где данные по этому году отсутствуют, то за 1767 год.

Всего по 6 волостям числилось 456 хозяйств с посевом 2879 десятин.

Крестьянские хозяйства этих волостей довольно сильно отличались друг от друга. Наиболее крупные посевы имели крестьяне Братской волости, почти 10 десятин на двор. Кроме того, здесь было много крестьян с большими посевами — 30 дворов сеяли 483 десятины, т. е. по 16 десятин в среднем на хозяйство. Василий Орлов с братьями и племянниками в деревне Филиповской сеял 30½ десятины, Евстафий Чусовитин в Шаманском погосте — 48½ десятины.

Крестьяне Илгинской волости имели в среднем почти 8 десятин посева на двор. Число многопосевных хозяйств здесь тоже довольно значительно — 24 из 112, или 21,4% — с средним посевом 15 десятин на двор. В этой работе не раз упоминаются имена Дроздова и Стрелова. Первый сеял в 1766 году 24, а второй — 23 десятины. В Илгинской волости 5 дворов имели посев по 20 и более десятин.

Из ленских волостей средней волостью являлась Криволуцкая (в среднем 6,9 десятины на двор), а Киренская и Чечуйская имели самые мелкие посевы (3,4 и 4,4 десятины на двор). В двух последних волостях преобладали крохотные (с посевом до 2 десятин) и мелкие (с посевом до 5 десятин) крестьянские хозяйства. Тоже можно сказать и о Барлукской волости. К данной характеристике ленских волостей можно добавить, что в Чечуйской волости числилось в 1766 году 13 беспосевных крестьянских хозяйств, в Киренской — 3, в Криволуцкой — 2 хозяйства. Среди 81 двора чечуйских

крестьян и 10 дворах проживало 21 семья. Может быть, нужда заставила их сближаться друг с другом и вести в какой-то мере совместное, складническое хозяйство.

Впрочем, и в Братской волости, где средний посев был сравнительно высоким, в 5 дворах проживало 10 семей, совокупный посев которых составлял 34 десятины, т. е. по 6,9 десятины на двор, а на первичное хозяйство — около 3½ десятины.

В таблице 39 вычислен удельный вес и средний посев разных групп крестьянских хозяйств по упомянутым шести волостям.

Таблица 39

Группы хозяйств по размерам посева	Удельный вес, %		Посев на 1 хозяйство, десятин
	числа хозяйств	посева	
До 2 десятин	18,2	3,7	1,3
2,1-5	30,3	18,2	3,8
5,1-10	36,8	42,7	7,3
Более 10	14,7	35,4	15,2
Итого	100,0	100,0	6,3

Значит, по 6 волостям можно достаточно убедительно подтвердить все приведенные ранее материалы о резком неравенстве производства хлеба в дворах различной мощности. Одни крестьяне, и таких было 18%, сеяли по 1,3 десятины на двор, другие, и таких имелось почти 15%, засевали на двор в среднем по 15 десятин.

По всему материалу о посевах дворов различной хозяйственной мощности можно сделать следующее заключение.

Илимская деревня представляла типичный для государственных крестьян пример внутрисословного распада деревни на мелкие, средние и крупные хозяйства. Мелкие хозяйства являлись поставщиками рабочей силы на возникающий рынок труда, крупные хозяйства, строившие свое производство на основе найма рабочей силы, превращались в хлеботорговцев.

В илимской деревне появились беспосевные крестьяне — явление неизвестное предшествующему веку.

Крупный хозяин, не довольствуясь земельным наделом двора, незаметно овладевает пашней и сенокосами менее обеспеченных односельчан.

Государство политикой подушного и подворного, т. е. уравнительного, обложения, создавало зажиточному двору

благоприятные, можно сказать, льготные условия для широкой производственной деятельности.

Сибирская деревня в XVIII веке предвосхитила путь экономического развития деревни центральной части России.

СТРУКТУРА ПОСЕВОВ И СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Соотношение между культурами в посевной площади, или так называемая структура посева, отражает не только направление земледельческого производства и способ использования пашни, т. е. севооборот, но и степень зависимости хозяйства от внешних экономических условий, например, от рынка, от налоговой политики государства.

Поэтому представляется важным разобрать изменения структуры посева илимского крестьянина на протяжении XVIII века.

Заселяя пределы северного Предбайкалья, пашенный крестьянин строил свое полеводство на основе резкого преобладания в посевах озимой ржи. Рожь являлась устойчивой к невзгодам культурой, она была основой хлебной пищи крестьянина, она выступала единственным платежным средством крестьянина в казну. Хлебный рынок был неразвит, да и он удовлетворялся в те времена рожью и не предъявлял серьезных требований к производству других хлебных растений.

По учету 1672 года озимая рожь занимала в крестьянских посевах 68,3%.

Мало изменилось положение и в начале XVIII века. По ревизским сказкам 1719-1722 годов удельный вес озимой ржи составлял 75,8%.

По под воздействием рыночного спроса и по мере овладения приемами возделывания яровых продовольственных хлебов илимский крестьянин начинает перестраивать свои посевы, отводя озимой ржи все меньше и меньше места.

Особенно быстро вытеснялась озимая рожь из крестьянских посевов в ленских волостях — Усть-Кутской, Криволуцкой, Киренской и Чечуйской, лежавших на главном торговом пути северного Предбайкалья. По Илим и Ангаре этот процесс шел значительно медленнее.

В 1773 году в Илимском уезде отменяется хлебное обложение крестьян, следовательно, отпадает серьезное препятствие, задерживавшее развитие хлебного рынка. Крестьянин освобождается от обязательной сдачи ржи и возделывание ее с этого времени производится на основе его свободного решения.

И крестьянин, учитывая свои хозяйственные потребности, присматриваясь к рыночным ценам и взвешивая урожайность

разных культур на его полях, подстраивает набор растений в севообороте к этим обстоятельствам, не оглядываясь на казенные интересы.

Изменение структуры посева с 1773 года и до конца XVIII века можно показать на основе подробных отчетов, имеющихся за это время в делах илимских и киренских уездных учреждений.

В последней четверти XVIII века резко падало значение озимой ржи, зато сильно поднимался удельный вес пшеницы и ярицы.

Безостановочно шло повышение удельного веса ячменя и сравнительно медленно — овса. Заметное место стал занимать в посевах горох. Нельзя, конечно, не отметить, что илимский крестьянин сеял и гречиху, неизвестную XVII веку, и коноплю, и лен.

Все вместе взятое говорит о серьезном сдвиге сельскохозяйственного производства в сторону построения более разностороннего полеводства, чем оно было в предшествующем столетии. Такой набор культур больше отвечал рыночному спросу на деревенские продукты и изделия. Он лучше удовлетворял потребности семьи крестьянина. Он расширял кормовые возможности для животноводства.

Понятно, по отдельным частям уезда произошли не совсем одинаковые изменения. Переходим к рассмотрению изменения в структуре посева по отдельным, приречным областям Илимского (Киренского) уезда.

Удельный вес в посевах различных полевых растений по главным приречным областям, согласно поуездной сводке за 1773 год, приводится в таблице 40.

Таблица 40

Приречные области	Удельный вес культур, %									
	рожь озимая	ярица	пшеница	ячмень	овес	горох	гречиха	конопля	лен	итого
Область Илима	34,4	41,1	7,6	4,6	6,3	4,1	—	1,6	0,3	100,0
Область Лены	26,5	22,6	17,7	17,9	12,3	0,4	0,1	2,5	—	100,0
Область Илги и Тутуры	66,8	10,4	7,4	7,2	6,2	0,3	—	1,7	—	100,0
Область Ангары и Оки	58,0	15,9	11,8	4,9	7,3	0,9	0,2	0,8	0,2	100,0
По уезду	49,2	20,6	11,6	7,8	8,0	1,2	0,1	1,4	0,1	100,0

Озимая и яровая рожь в это время занимали главную часть посевных площадей. Яровая рожь в первой половине XVIII века уже начала заметно вытеснять озимую рожь по

Илиму и несколько слабее — по Лене. В общем, она оказалась второй по величине посевной площади культурой. Самый большой удельный вес озимая рожь занимала в Тутурской волости — 81% и самый малый в Чечуйской — 10,7%. Ярица вышла на первое место в Нижне-Илимской волости, где она занимала 44,8% в посевах. В Тутурской волости яровая рожь составляла лишь 6,5% посевов.

Пшеница к середине XVIII века стала третьей по величине посевной площади культурой, местами, как в Криволуцкой волости, достигнув почти равной величины с озимой и яровой рожью.

Ячмень и овес, имевшие почти одинаковый удельный вес в посевах уезда, распределялись по волостям очень неравномерно. Наибольший удельный вес ячмень составлял в Чечуйской, т. е. северной волости — 33,7%, а также в Киренской — немного менее 20%.

Горох сеялся почти во всех селениях по р. Илиму, но больше всего в Нижне-Илимской волости. Незначительные площади его встречались в Кежемской, Яндинской, Тутурской, Усть-Кутской и Криволуцкой волостях. В других частях Илимского уезда горох не возделывался.

Гречиха стала внедряться, пока в скромных размерах, в Яндинской волости, частично в Орленской и, видимо случайно, в Братской.

Конопля была распространена повсеместно.

Лен на ограниченных площадях сеялся в Карапчанской и Кежемской волостях, временами встречаясь в Орленской и Чечуйской волостях. Но учет льна производился в эти годы крайне редко и, повидимому, всегда неполно.

В конце XVIII века границы Киренского уезда довольно сильно меняются: от него отходят самые южные волости и приписываются две волости по Нижней Тунгуске.

Структура посева в новых границах Киренского уезда по отчету за 1788 год показана в таблице 41.

Таблица 41

Приречные области	Удельный вес культур, %								
	рожь озимая	ярица	пшеница	ячмень	овес	горох	конопля	лен	итого
Область Илима и Ангары	27,1	31,0	12,7	7,8	8,9	8,8	3,2	0,5	100,0
Область Лены	9,6	24,1	21,9	24,1	14,3	0,6	5,0	0,4	100,0
Область Нижней Тунгуски	15,2	1,4	2,2	78,0	3,2	—	—	—	100,0
По уезду	16,9	26,2	17,6	19,2	11,8	3,9	4,0	0,4	100,0

В приречной области р. Илима (и частью Ангара) посевы озимой и яровой ржи составляли 58%, в области Лены — 34%, а на р. Нижней Тунгуске — только 17%. По Лене озимая рожь в конце XVIII века занимала около $\frac{1}{10}$ части посевов, а пшеница — более $\frac{1}{5}$. В больших размерах здесь сеяли ячмень, особенно в Чечуйской волости, где он занимал 38% всей посевной площади. Более заметное место, чем в других областях, издавна занимал на Лене овес. Горох продолжали возделывать, главным образом, по р. Илим; в частности в Нижне-Илимской волости он составлял в посевах $\frac{1}{10}$, что для этой культуры является весьма высокой долей. Льна сеяли немного, но он уже стал, хотя и неполно, учитываться в сводках. По Нижней Тунгуске ведущее место занял ячмень, имевший для севера и пищевое и кормовое значение. Другие культуры, кроме разве озимой ржи, сеялись в этой северной зоне больше для опыта.

Изменения в структуре посева лучше всего можно показать, если сравнивать посевы за длительный промежуток времени по одним и тем же волостям.

Первый учет посевов в Илимском крае был осуществлен в 1672 году. С этого времени и до конца XVIII века в составе Илимского (Киренского) уезда оставались три илимо-ангарских волости — Верхне-Илимская, Нижне-Илимская и Карапчанская — и четыре ленских волости — Усть-Кутская, Криволуцкая, Киренская и Чечуйская.

В таблице 42 дано сравнение удельного веса озимого и ярового клина (в процентах) по названным семи волостям за 126 лет, причем волости в таблице сгруппированы по двум приречным областям.

Таблица 42

Приречные области	1672		1759		1774		1798	
	озимь	яровые	озимь	яровые	озимь	яровые	озимь	яровые
Илимо-Ангарская		32,8	51,9	48,1	37,7	62,3	26,0	74,0
Ленская		36,7	51,2	48,8	22,0	78,0	14,0	86,0
Среднее	64,7	35,3	51,4	48,6	30,2	69,8	20,3	79,7

Таков итог длительной эволюции посевных площадей в Илимском крае. Произошла крупная перестановка разнородных слагаемых в общей величине посева. От господства озимого клина крестьянин перешел к яровым растениям, как главным в его полевом хозяйстве.

Одновременно, как было показано ранее, увеличилась абсолютная величина посева, изменилось пространственное

размещение пашни в Илимском крае, видное место заняли наиболее ценные и товарные культуры, и вообще стал разнообразнее состав возделываемых растений.

Перестройка посевов, проделанная илимским крестьянином, оказалась возможной, в частности, и потому, что полеводство велось в двухпольном, а не трехпольном членении пашни.

Это общее соображение о системе земледелия илимского крестьянина можно подкрепить и прямыми данными о площади пара.

Например, по Криволуцкой слободе посев всех культур в 1787 году составил 567 десятин, а пара было поднято 585 десятин. В следующем году посев достиг 652 десятин, из них $30\frac{1}{2}$ десятины было занято коноплей, значит в поле размещалось $621\frac{1}{2}$ десятины. Таким образом, пар почти целиком обеспечивал посев всех полевых растений, нехватало примерно 36 десятин пара. В некоторых деревнях разрыв между площадью пара и посева был значительным. Здесь могли сеять по стерне, переходя к трехполью. Но возможно, что площадь пара не была учтена достаточно полно.

В Карапчанской волости в 1787 году сеяли 486 десятин, а площадь пара составляла $355\frac{1}{2}$ десятины. Это давало возможность разметить по пару озимую рожь ($135\frac{3}{4}$ десятины), пшеницу ($69\frac{1}{4}$ десятины) и ярицу ($151\frac{1}{2}$ десятины). Только ячмень, овес и горох, общая площадь которых составляла $120\frac{5}{8}$ десятины, должны были идти по зерновым предшественникам.

В некоторых отчетах о посевах по уезду имеются сведения о паровой площади, например за 1795 и 1796 годы (Фонд 9, арх. № 28, лл. 347, 358). Но, видимо, в ведомости записана далеко не вся паровая площадь.

Если же пара нехватало бы для ведения двухпольного хозяйства, то илимский крестьянин мог переходить к трехполью вида: 1) пар-озимь-яровые и 2) пар-яровые-яровые.

Можно взять отчет по селениям Чечуйского острога за 1788 год и попытаться установить, какое место занимали разные варианты паровых севооборотов (Фонд 9. арх. № 28, лл. 388-391).

По этому отчету в 21 деревне имелось $832\frac{3}{4}$ десятины посева и $472\frac{1}{2}$ десятины пара. Но в 7 селениях на 200 десятин посева показано только $38\frac{1}{4}$ десятины пара; понятно, что по этим селениям площадь паров учтена не вся. В остальных 14 деревнях на $632\frac{3}{4}$ десятины посева приходится $434\frac{1}{4}$ десятины пара.

Но даже по этим цифрам можно прийти к заключению, что двухпольное деление пашни являлось действительностью.

В самом деле, названные цифры посева и пара в 14 деревнях можно связать в двух- и трехпольные севообороты лишь так, как показано в таблице 43.

Таблица 43

Состав пашни	Д е с я т и н		
	2-полье	3-полье	итого
Пар	235 $\frac{3}{4}$	198 $\frac{1}{2}$	434 $\frac{1}{4}$
Посев	235 $\frac{3}{4}$	397	632 $\frac{3}{4}$
Итого	471 $\frac{1}{2}$	595 $\frac{1}{2}$	1067

Значит, по крайней мере для Чечуйской волости можно установить, что примерно $\frac{1}{3}$ посевов размещалась в 2-польном севообороте вида: первое поле — пар, второе поле — озимь и яровые. Следовательно, $\frac{2}{3}$ посева укладывались в севооборот 3-польного вида, именно, первое поле — пар, второе поле — яровые и озимые, третье поле — яровые.

По другим волостям в том же деле (Фонд № 3, арх. № 139) отражены посевы и пар по некоторым волостям за 1791 и 1794 годы. Из этих данных в таблицу 44 выписаны для сопоставления площади пара и посева.

Таблица 44

Волости	Д е с я т и н		
	пара	озими	яровых
Подкаменская	225 $\frac{3}{4}$	33 $\frac{3}{4}$	468 $\frac{1}{4}$
Нижне-Тунгусская экономическая	93	5	50
Усть-Кутская	96 $\frac{1}{2}$	34	323 $\frac{1}{2}$

Как видно, площадь пара во много раз превышает посев озими. Значит, замечание, сделанное в отношении севооборотов Чечуйской волости, приложимо и к приведенным трем волостям.

Соотношение между площадями пара, озими и яровых можно проследить еще по сводке киренского нижнего земского суда за 1793 год (Фонд 9, арх. № 211).

Тогда площадь пара по всем 12 волостям составляла 2749 десятин, посев — 5576 десятин, в том числе озимых 1189, яровых 4178 и конопли 209 десятин.

В отношении всего уезда или округа можно подметить, что площадь пара превышала посев озимых в 2,3 раза, а по ленским волостям — в 3 $\frac{1}{2}$ раза.

Паровая площадь в $2748\frac{3}{4}$ десятины могла использоваться примерно так: озимь занимала $1188\frac{3}{4}$ десятины, по пару же шла вся пшеница, которой в 1793 году было засеяно 837 десятин, остальная часть пара использовалась под ярицу или ячмень. Всего по пару размещалось не менее 1560 десятин яровых. Остальные площади полеводственных яровых хлебов шли по зерновым предшественникам в трехпольном севообороте.

Переход к свободному трехпольному севообороту, в частности, вида: пар-яровые-яровые, является тем новым, что отличает илимскую пашню XVIII века от XVII.

Итак, развитие земледелия Илимского края в XVIII веке привело к существенным изменениям в структуре посева, к преобладанию яровых культур, к росту посевов пшеницы, кормовых и, частично, технических растений. В соответствии с этим господство двухполя сменилось преобладанием трехполя.

Особенно заметные сдвиги в структуре посевов произошли после отмены натурального обложения крестьян; земледелие северного Предбайкалья стало с этого времени строиться на более свободных основаниях, приспособляясь постепенно к развитию рыночных отношений.

Перестройка системы земледелия шла более ускоренно в многопосевных зажиточных хозяйствах.

Выяснив значение основных культур в посевах илимского крестьянина, остановимся теперь на некоторых, главным образом, пезерновых растениях.

НЕЗЕРНОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И ГРЕЧИХА

Конопля

Конопля являлась главным прядильным и масличным растением илимского крестьянина с первых дней его поселения в северном Предбайкалье. Он возделывал ее повсеместно, но в небольших размерах, определявшихся хозяйственно-бытовыми потребностями двора.

Впервые государство потребовало пеньку в значительных количествах во время Камчатской экспедиции Беринга. Расходовалась пенька не только для постройки судов самой экспедиции: с открытием постоянных путей и с установлением прочных связей с Охотском и Камчаткой пенька потребовалась для изготовления корабельных снастей. Но коноплю не возделывали в сколько-нибудь заметных размерах ни на берегах Тихого океана ни в Якутске. Поэтому казна стала заготавливать пеньку в Илимском крае.

Если бы на пеньку была установлена казной хорошая цена, то несомненно илимский крестьянин быстро расширил бы посевы конопли до размеров, достаточных для покрытия всех потребностей местного и морского судоходства.

Но казна предпочла установить твердую цену — по 2 копейки за фунт пеньки, а впоследствии, с падением покупательной силы денег, не повысила цены. Крестьянин стал неохотно отдавать пеньку в казну, вследствие чего начальство принялось изобретать всякие способы давления на крестьян, в том числе замену части окладного хлеба пенькой, а впоследствии сочло нужным организовать особые конопляники.

Но бюрократические выдумки губернского начальства встретили противодействие илимских крестьян, вследствие чего все затеи властей потерпели неудачу.

Первоначально заготовку пеньки вели посредством покупки ее у крестьян.

Первый приказ о покупке пеньки, полученный в Илимске, был послан из тобольской губернской канцелярии в мае 1733 года. Всего Камчатская экспедиция должна была получить 400 пудов пеньки, в том числе 100 пудов из Илимска (Фонд 75, опись 2, арх. № 135, лл. 91-92).

По требованию Камчатской экспедиции иркутская провинциальная канцелярия вводит в Илимском уезде с 1739 года сбор пеньки в размере 12 фунтов с души муж. пола, с оплатой по 2 копейки за фунт.

Сборы шли удовлетворительно, так как крестьяне получали цену близкую к рыночной. О полном сборе пеньки сообщили Яндинская, Нижне-Илимская, Тутурская, Усть-Кутская и другие волости. Казна своевременно оплачивала сдачу пеньки (Фонд 75, арх. № 926, л. 64; арх. № 970, лл. 61-63, 182, 192, 206).

Но, очевидно, государству не требовалось столько пеньки, сколько предусматривалось первоначально, поэтому в 1741 году стали собирать пеньки не по 12, а по 6 фунтов с души.

Всего в 1740 году было собрано 540 пуд. 14 фун., а в 1741 году 235 пуд. 3 фун. Еще меньше была заготовка в 1742 году (Фонд 75, арх. № 1183, лл. 770-776). Уже в 1747 году илгинская приказная изба рапортует, что купить 50 пудов пеньки не могла: «охочих людей никого не явилось» (Фонд 75, опись 2, арх. № 448, л. 2).

В 1748 году илимская воеводская канцелярия производит закуп пеньки для Якутска, выдав двум служилым людям 90 рублей. На эти деньги было куплено 82 пуда пеньки у 28 продавцов. У крестьян служилые люди скупали мелкими партиями, по 1-3 пуда (лишь один продал 7 пудов), и платили за пуд 1 рубль. У Киренского Троицкого монастыря была куплена более крупная партия — 25 пудов. Но почему-

то монастырю пенька была оплачена по 1 руб. 25 коп. за пуд (Фонд 75, арх. № 1577, лл. 538-541).

В 1750 году было опять нелепо заготовить 500 пудов пеньки. Вследствие слабой заготовки ее, илимскому казаку Степану Скуратову было поручено в апреле 1750 года осмотреть у крестьян Братского острога собранный урожай конопли. Он нашел у двух крестьян 30 снопов моченой и у 28 крестьян 408 снопов немоченой конопли (Фонд 75, арх. № 1766, лл. 18-19).

Такое же поручение было послано из Илимска в Илгинский острог. Воевода Своитинов приказал учесть весь урожай конопли. Немоченую он велел мочить как только ВСКРОются реки. Вследствие таких строгих настояний в Илгинском остроге была описана и частью куплена пенька у 48 крестьян. По заготовили всего лишь 15 пуд. 30 фун., причем у некоторых крестьян только по 5 фунтов (Фонд 75, опись 2, арх. № 546, л. 9).

В следующем, 1751 году, собирали пеньку по 3 фунта с каждой души муж. пола. Судя по донесениям илгинской и яндинской приказных изб, заготовка шла удовлетворительно.

В начале 1753 года иркутская провинциальная канцелярия предлагает илимской воеводской канцелярии вновь заготовить 500 пудов пеньки, отправить ее в Якутск, где она требуется для перевозки хлеба до Юдомского Креста. Попутно провинциальная канцелярия требует, чтобы илимские крестьяне сеяли коноплю «со удовольствием и с немалым излишеством... Оной пенек мочить и в чистоту исправлять в самые удобные времена». Наблюдать за этим должна была, илимская воеводская канцелярия (Фонд 75, арх. № 2033. лл. 1-73).

Но, очевидно, крестьяне стали неохотно сдавать пеньку по старой цене 40-х годов, т. е. по 2 копейки за фунт. Ведь илимские служилые люди покупали у них еще в 1748 году по 1 рублю за пуд. Поэтому назначенных 500 пудов пеньки в уезде не заготовили.

Затруднения илимской воеводской канцелярии по сбору пеньки и мероприятия по сплаву ее можно показать на при мере заготовки 1755 года (Фонд № 75, арх. № 2152).

Из Нижне-Илимской слободы сообщили, что конопля не уродилась из-за засухи, червя, кобылки (илимская воеводская канцелярия по этому письму приказала — «освидетельствовать»). Из Братского острога писали, что публиковали о сдаче пеньки троекратно, «но охочих людей не явилось». Так же ответили из Кежемской и Орленской слобод. Криволуцкая слобода известила: «за недородом пеньки не имеетца, понеже, хотя и которой в урожае был, но токмо божиею волею конопль снегом запало и в земле замерзло и пашенные крестьяне конопль на кореню косили, а другие серпом

жали. И семена вывелись. А которое и есть конопле, и то ныне в мочищах, а каково будет, о том еще не пробовано. Когда станут мять, то и проба пошлетца в ылимскую воевоцкую канцелярию, для того, что плохое принимать весьма опасно». В Усть-Кутском остроге конопля «за потоплением вешней полой водой и за уносом... ни у кого годного не явилось. А у которого, хоша и после потопления было насеяно, но токмо поздним временем. И тот весь позяб и ни к чему не годен» (там же, лл. 33-34).

Тем временем в Илимске попытались объявить торги на поставку ежегодно по 500 пудов пеньки на Усть-Кутскую и Усть-Илгинскую пристани по цене 2 копейки и ниже за фунт. Но на объявленные торги никто не явился (Фонд 75, опись 2, арх. № 735, л. 30).

В итоге было все-таки собрано 209 пуд. 35 фун. Присланные пробы из криволуцкой и киренской приказных изб показали, что там пенька была негодна к отправке.

Собрав все, что можно было взять у крестьян и присоединив остатки пеньки от прошлого года, воевода отправил казаков в Якутск.

В марте 1762 года поступил из Иркутска новый указ — производить для сдачи в казну особый сев конопля, а если это окажется невозможным, то заменять часть оброчного провианта пенькой, «счисляя от каждого штидесят-пудного оклада окладного хлеба по пуду муки». Но деньгами за пеньку из казны крестьянам не платить (Фонд 75, опись 2, арх. № 956, лл. 30-33).

Это предложение означало, что каждый двор, плативший по 60 пудов хлеба в казну, должен был сдавать по 10 фунтов пеньки, которую казна засчитывала бы за один пуд муки.

Но когда воевода Шарыгин разослал по волостям предложение об особом посеве конопля для сдачи пеньки в казну, то все приказные избы ответили отрицательно и сослались на мнение крестьян, «что они, по неимению к тому севу удобных и в ызлизестве земель, особого [под] коноплю севу принять на себя не пожелали и против (т. е. соразмерно) окладного хлеба платить не обязались».

Вся пенька, поступавшая от илимских крестьян в казну, направлялась в распоряжение провиантмейстера в Усть-Кутский острог или на Усть-Илгинскую пристань. Там из пеньки изготовлялись веревки и канаты особым прядильщиком. Поэтому-то указы и требовали, чтобы пенька была чистая «и на дело морского такелажа годная».

Установленный в 1763 году порядок заготовки пеньки сохранился до 1773 года. Например, в 1769 году было отправлено в Якутск 137 пуд. 25 фун. пеньки, собранной «с окладного штидесят-пудного числа, вместо пуда муки по 10 фунтов пенька» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1234, л. 5).

Слабое развитие коноплеводства и льноводства в Иркутской губернии не раз побуждало иркутские власти издавать указы о «размножении» посевов конопли и льна. Один из таких проектов, сочиненный в 1762 году, потерпел неудачу, как можно понять, из-за несогласия крестьян.

Губернатор Якобий предпринял в 1787 году новую попытку увеличить посевы конопли и льна. Якобий предложил «экономии директору господину надворному советнику Деппину» организовать отвод каждой крестьянской семье «в самых выгоднейших местах» особого участка, размером 80x15 сажень, для посева конопли и льна. Деппин доложил, что по Иркутской и Нерчинской областям на 14362 души было посеяно конопли 1149 $\frac{7}{8}$ десятины и льна 7 $\frac{1}{2}$ десятины, кроме того, в Китойском станце высеяно 2 четверти 6 гарнцев и в Братском остроге — 19 четвертей конопляного семени.

Иркутское наместническое правление, заслушав все изложение, приказало «учинить через городничего публикацию о покупке 300 пудов льна» (Фонд 9, арх. № 24, лл. 1-3).

Из приведенных цифр видно, что льна в Иркутской губернии почти не сеяли.

Якобий от имени иркутского наместнического правления разослал в том же году указы по всем городам губернии, кроме Якутска и Охотска, об усилении коноплеводства и льноводства. В указе с пренебрежением говорится о лености крестьян, непонимании ими своих нужд и о необходимости принуждения со стороны местных властей. Якобий подчеркивает пользу, которую могут получить крестьяне от разведения конопли и льна, излагая в пустых и витиеватых выражениях общеизвестные истины. Он объясняет пользу «от размножения уездными обывателями... трудами своими рукоделий, хлебопашества и других, превращающихся из семян в потребные вещи, как-то: конопля и лион главнейшие к тому имеют достоинства». Обывателей, по мнению Якобия, надо принуждать к посеву обеих культур, так как «даже и знание о том редкой имеет, обращайся в праздности... не ведая однакож того, какое тунность и леность — раззорение их состояния». Крестьяне предпочитают заниматься перевозками или нанимаются в работники (от лености, как полагал Якобий), оставляя дома стариков и «живя распутно и не делая домашним своим надлежащего вспоможения».

В заключение губернатор предлагает земскому исправнику послать весной 1-2 чиновников в деревню, чтобы следить за исполнением указа (Фонд 9, арх. № 39, лл. 207-211).

«Утопии... не комичны, а вредны, — писал Ленин, — особенно когда они ведут к донельзя разнузданным бюрократическим измышлениям. В России такое явление наблюдается, по вполне понятным причинам, особенно часто, но оно

не ограничивается Россией» (В.И. Ленин. Сочинения, том 2, стр. 453).

В том же деле (лл. 213-281) подшиты рапорты приказных изб о исполнении изложенного указа, со списками крестьян, которым отведена земля под конопляники. Против каждого двора, занесенного в списки, помечены мифические осьмухи и полосьмухи. В действительности никаких отводов земли под конопляники не производилось.

Приказные избы знали, как поступать, чтобы начальство было довольным.

Никакого практического значения опрос о землях не имел, так как не по всем даже волостям в ведомостях учета имеются отметки о выделении конопляников. Указы Якобия не дали никаких ощутимых результатов по развитию коноплеводства. Посевные площади конопли после 1787 года увеличивались не в большей мере, чем площади других культур, о которых не было никаких заботливых указов.

История заготовок конопли поучительна в том отношении, что показывает полную невозможность регулирования крестьянского хозяйства посредством чиновничьих приказов.

Несмотря на то, что в дело вмешался сам губернатор, рискнувший даже превысить данную ему власть, крестьяне продолжали сеять коноплю в тех размерах, в каких находили это необходимым.

Последующее увеличение посевной площади под этой культурой объясняется тем, что отпали казенные заготовки пеньки и купцы начали закупать пеньку для Якутска по свободно складывающимся ценам, значительно превосходящим казенные цены.

Лен

Лен являлся вспомогательной культурой, возделываемой вне общих полевых земель, на лугах. Занимал он незначительные площади и во многих деревнях заменялся коноплей.

В отчетах о посевных площадях лен почти не упоминается. Поэтому о выращивании его в Илимском крае часто приходится догадываться по косвенным указаниям.

В одном судебном деле 1734 года, касавшемся кражи в Братском остроге, упомянут среди украденных вещей «пряжи льняной мот, 15 пасом» (Фонд 75, опись 2, арх. № 161, л. 15).

В общем, посевы льна были незначительны. По отчетам приказных изб показывались далеко не все площади посева льна, так как у отдельных крестьян они выражались малыми долями десятины и подсчитывать их было очень трудно. Приказные избы редко пользовались дробями менее $\frac{1}{16}$. Но, даже принимая во внимание недоучет посевных площа-

дей льна, нельзя утверждать, что они по уезду составляли хотя бы нескольких десятков десятин.

Отвечая на один из запросов губернии, воеводская канцелярия составила в 1769 году ведомость города Илимска, в которой между прочим записано: «в Ылимском уезде хлеб сеется: рожь, пшеница, жито, овес, горох, ярица, семя конопленое и льняное» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1177).

В таблице 45 приведены данные о посевах льна, о размерах высева семян его на десятину и об урожае семян льна. Данных о сборе волокна не имеется (Фонд 75, опись 2, арх. № 1165, лл. 5, 22, 41, 97).

Таблица 45

Г о д ы	Посев льна, десятин	Высев, четвер- тей	Сбор, четвертей
1768	7½	11¼	20⅜
1769	14½	16⅜	32¾
1770	10¼	16⅝	15
1772	12	14	38⅜
1773	6	6	12
1774	14	16⅝	25⅝
Среднее	10,7	13,5	24,0

Средний размер посева за 6 лет составил 10,7 десятины, средний высев на десятину — 10 пудов и средний урожай льна-семени — 18 пудов с десятины.

Лен сеяли только по Илимю и Ангаре. В одном из отчетов есть указание, что в Нижне-Илимской волости при уборке лен ставили в суслоны (копны) по 10 снопов (Фонд 75, опись 2, арх. № 1231, л. 1).

О выращивании крестьянами льна по ленским волостям и о переработке волокна в холст прямых данных нет. Киренский Троицкий монастырь производил для своих нужд покупку холста в Киренской волости, в которой по отчетам посевов льна не показывалось. В 1764 году монастырь покупал холст-хрящ по 3 копейки за аршин, израсходовав на это около 90 рублей. Значит, было куплено до 3000 аршин холста (Фонд 482, арх. № 54). За более ранние годы (Фонд 482, арх. № 3) имеется отчет монастыря о расходе в 1744 году 2193 аршин холста. В 1752 году было куплено 1705 аршин. Сам монастырь льна не сеял и все свои потребности в холсте покрывал путем его покупки за деньги.

Холст покупался у местных крестьян, у вкладчиков и купцов, а также у разных лиц («у дьяконицы», у пономаря, у

половника). Всего в 1752 году записано 22 случая покупки холста, из них самая значительная партия была приобретена скупщиком в Нижне-Киренской и Чечуйской волостях — 700¼ аршина, другая большая партия — 305 аршин — поступила от купца. За аршин во всех случаях платили одну и ту же цену — 3 копейки. Но ни разу казначей монастыря не отметил, что холст был льняным, а не конопляным.

В конце XVIII века, по данным 1784 года, цена за аршин холста в Киренске колебалась уже около 9-12 копеек; за аршин крашенины платили тогда 7¼-9½ копейки (Фонд 435, арх. № 4, л. 420).

Гречиха

Гречиха занимала незначительные площади, возделывалась в немногих селениях и очень редко упоминалась в отчетах о посевах.

О возделывании гречихи илимскими крестьянами можно судить по редким и обрывочным известиям.

В 1743 году крестьянин Верхне-Илимской слободы Воронцов жаловался на соседа, что он потравил скотом посевы ржи «да посеенной гречухи с полдесятины... на 10 рублей». На место потравы выехал староста, который установил, что слегка помята была только рожь, а «гречуха выжата и кладено в кладь». Дело кончилось мировой, судебные издержки оба крестьянина заплатили «общее» (Фонд 75, арх. № 1126, лл. 100-103).

Давая в 1760 году ответы на вопросы Академии наук, приказные избы Братского острога и Ново-Удинской слободы отметили среди других культур гречиху или «гречуху» как обычное растение в крестьянских посевах (Фонд 75, арх. № 2591, лл. 161-165, 178-180).

Весьма интересная попытка внедрения татарской гречихи, или курлыча, вместо культурной гречихи была сделана в 1766 году, т. е. тогда, когда производились первые опыты с картофелем (Фонд 75, арх. № 2907, лл. 742, 744-752).

Медицинская коллегия представила Сенату «рассуждение о поощрении живущих в Сибири народов к размножению всякого рода жита и протчих известных овощей». Сенат, заслушав сообщение медицинской коллегии «о растущей около Аргунских заводов и Красноярска гречи, дыкушей и курликама называемой», велел иркутскому губернскому правлению закупить семена ее в Красноярске и раздать для посева крестьянам. В свою очередь медицинская коллегия поручила губернскому доктору Бааду и дивизионным врачам наблюдать за опытами с новым растением.

Иркутский губернатор Фрауэндорф приказал красноярской воеводской канцелярии собрать 3 пуда семян «кырлы-

ка», выслать их в Иркутск и сообщить об опыте жителей по посеву этой формы гречихи.

Красноярский воевода князь Пелымской 7 мая 1766 г. писал губернатору, что «кырлык» в количестве 3 пудов куплен, заплачено 60 копеек. Далее сообщалось, что он «к вашему превосходительству в двойном холщевом мешке за казенною печатью отправлен». В письме губернатору сообщались краткие сведения о приемах возделывания этого растения: «Посев оному кырлыку бывает обыкновенно, как и протчему — ярице, пшенице, ячменю и овсу. А пудом из оногo в разсеянии на землю -длиннику 40, поперешнику 6 сажень бывает (т. е. 10 пудов на казенную десятину). А егда и совершенной возраст придет, то из оногo по умолоту действительно в урожае бывает ис пуда 8 пудов. И оной сеять надлежит, чтоб от морозу во время схода повреждения не причинилось, в последних числах мая, ибо если ранее оной сеить или ж и позже, то во время сходов по прошествии возматования от морозов бывает немалая гибель». Воевода предупреждает, что осенью это растение не сеют. Он отмечает также способность дикой гречихи размножаться самосевом (паданкой): «плод дает от высыпи натурально семян на землю; и ту землю вешним же временем переарывают (перепаживают), а семян на посев уже не употребляют».

Иркутский губернатор, получив семена, отправил 17 мая в Илимск на почтовых лошадях в сопровождении солдата губернской роты 20 фунтов курлыча «в холщевом мешке за печатью». Илимская воеводская канцелярия была обязана «чрез нарочно определенных к тому знающих людей в Ылимском уезде в пристойных местах приказывать посеять», о полученном урожае рапортовать в Иркутск, а урожай раздать для нового посева.

Илимский воевода Шарыгин полученные 20 фунтов семян курлыча отправил 27 мая с тем же солдатом в Яндинский острог, где велел приказной избе выдать семена «нарочно определенному к тому знающему ис крестьян» для посева, если не ушло время, в том же году.

8 июня пришел ответ из Яндинского острога: греча-курлыч получена 2 июня и отдана крестьянам Петру и Федору Москалевым. Они курлыч посеяли.

Осенью, в ноябре того же года, яндинская приказная изба сообщила в Илимск, что урожай курлыча собран, «а по умолоту и по свидетельству выборного оной гречи оказалось в количестве, чистой, по весу 4 пуда 10 фунтов». Значит, урожай оказался сам — 8½.

Воевода Шарыгин сообщил о результатах в Иркутск и велел Москалевым посеять эту гречиху в следующем году.

Видимо, речь здесь идет о татарской гречихе (*Fagopyrum tataricum* Gaertn.) или о ее помесях с культурной гречихой.

Называют ее в документах по-разному: Сенат говорит о грече, которую называют «инде дыкушем, инде курликом»; такие же названия употребляет Фрауэндорф; медицинская коллегия упоминает слова «курлик» или «дикуш»¹ (в частности отмечает, что она по опыту, проведенному в Петербурге, вызрела); красноярская воеводская канцелярия употребляет местное название — «кырлык», а яндинская приказная изба — «курлыч».

Впрочем, и сейчас в Сибири этот сорняк называют в различных местностях по-разному: карлык, курлык и курлыч.

Овощи и картофель

Как и в XVII веке, овощеводство в XVIII веке оставалось подсобной нетоварной отраслью хозяйства илимского крестьянина, дополняя его скромный стол обычными для России того времени овощами.

Каждый крестьянский двор имел приусадебный огород по тому типу, который описан в I томе «Илимской пашни».

В истории овощного хозяйства Илимского края к концу XVIII века можно отметить два новых обстоятельства — появление картофеля и вовлечение в оборот, пока еще слабый, продуктов овощеводства.

Проникновение картофеля в илимскую деревню началось с 60 годов XVIII столетия и шло, в общем, медленно. До конца века картофель возделывался только в огородах, на грядах — как овощное растение.

Илимская воеводская канцелярия 18 апреля 1767 г. разослала указы в приказные избы о разведении картофеля с приложением «учиненных от медицинской коллегии наставлений: 1) о размножении, 2) в дополнение первого — и о бережении земляных яблок» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1121, л. 81).

Эти наставления, напечатанные типографским способом, Илимск получил от иркутской губернской канцелярии при указе от 7 марта 1766 года с большим запозданием — в апреле 1767 года.

Почему произошла такая задержка — объяснить трудно. В указе иркутского губернского правления упоминалось, что в Иркутскую губернию согласно указу Сената «назначено к отсылке» 33 пуда 7 фунтов земляных яблок, т. е., очевидно, клубней картофеля. При этом добавлялось, что земляные яблоки будут посланы г. Илимск, как только их получат в Иркутске.

С.Т. Аксаков в «Детских годах Багрова внука» гречиху называет дикушей.

Возможно, что указ нарочно держали в Иркутске, дожидаясь прибытия груза. Есть основание предполагать, что иркутская губернская канцелярия велела, вследствие позднего получения картофеля, посадить его в Иркутске, а полученный урожай разослать на следующий год.

Об этом можно судить по приводимому далее указу якутской воеводской канцелярии, что клубни были ею получены из Иркутска и разосланы по волостям в 1767 году.

Сведений о получении клубней в Илимске не сохранилось.

Илимская воеводская канцелярия разослала по одному экземпляру этих наставлений также начальнику илимской городской команды — прапорщику Хабарову, старосте Верхне-Илимской слободы, сборщику илимских городских разночинцев, старостам бывших монастырских деревень и илимской ратуше. Всем им предлагалось «учинить о том по сему ея императорского величества указу» (Фонд 75, арх. № 2907, лл. 705-708).

Первое приложение — «Наставление о разведении земляных яблок, потетесь именуемых» начиналось с указания, что из всех американских плодов наиболее близок к хлебу «род земляных яблок, которые и земляными грушами, а в иных местах тартуфелями и картофелями называются», что они родятся в 50 и во 100 крат (Фонд 75, опись 2, арх. № 1121, лл. 84-94).

Наставление излагает в 16 параграфах основные сведения о новом растении и о его возделывании.

В первом параграфе отмечается, что белые круглые и мягкие плоды называют яблоками, а красные продолговатые, более грубые — грушами, хотя это различие и условно.

Далее указано, что садить картофель нужно в апреле-мае, «как стужа совершенно из земли вышла. Мороз токмо один сему плоду главнейший губитель». Разводить картофель можно в огородах и на полях, не на очень жирных, не на переудобренных землях «для того, что в такой земле они сильно выбегают, а корениться не могут». Удобрять можно конским или овечьим навозом, соломой, перегнившими щепками, отработанной корой, употребляемой в кожевенном деле, золою и известью, лежавшими с навозом.

Садить следует на грядах, какие устраиваются под табак, не меньше аршина шириною и не менее $\frac{1}{2}$ аршина высотой. Между грядами оставляется проход. Картофель нужно садить в 2 ряда, ближе к краям гряды, на $\frac{3}{4}$ аршина растение от растения, накрест (теперь говорят — в шахматном порядке). При посадке делают колом ямки. Яблоки величиной в куриное яйцо можно перед посадкой резать пополам, в утиное яйцо — на четверо, в индюшиное — на 8 частей.

Можно садить и под соху, при второй вспашке, на 1 аршин. через борозду, после чего следует поле заборонит.

Крупные земляные яблоки можно употреблять в пищу, а мелкие сберегать для посадки.

Посевы картофеля следует полоть «руками, с бережью», а к развилке «розсаде поднять (землю лопатой) горкою», т. е. произвести окучивание.

Когда на растениях образуются ягоды, то можно подрезать ботву на $\frac{1}{4}$ аршина и скормливать ее коровам или приминать, «отчего также яблоки в земле увеличиваться и едренеть будут». Отмечается, что сушить ботву, как сено, — нельзя.

Уборка ведется осенью заступом, яблоки снимают «с поростей» (столонов), складывая клубни в корзины или в мешки; хранить следует в бочках, ящиках, корчагах и кувшинах, пересыпая сухим песком.

Участок можно занимать под картофель «без обнавожения» 2-3 года или засеять после первого сбора картофеля рожью и озимой пшеницей.

Если картофель до посадки прорастет, то ростки обламывать: они в пищу негодны. Их можно дать уткам, свиньям «и иной живности».

Как пища яблоки сытны и вкусны. Ополоскав, их отваривают в воде. Можно их класть в похлебку, делать из них блины, оладьи, пряженые, кашу, смешивать с пшеничной мукой в соотношении от 1:1 до 1:3. Но при смешивании с ржаной мукой «ничего не выходит».

Картофель может идти на корм коровам. Из него делают и вино — из четверти картофеля получается 6—10 бутылок вина. Готовят также пудру (крахмал) и «скорбило».

В заключение указывается, что по шведским опытам 1749 года можно нарезать от ботвы картофеля стебли по $\frac{1}{4}$ аршина, пересаживать их в черноземную гряду и вначале часто поливать — и стебли отрастают. Опыт этот заимствован «из Гишпани». В «теплых местах» возможно разведение картофеля и из семян, но при этом получаются более мелкие яблоки.

Несмотря на то, что некоторые из данных советов сейчас считаются неправильными, в основном изложена та агротехника, которой пользовались в течение 150 лет.

Второе наставление касается правил перевозки и хранения клубней картофеля в зимнее время (там же, лл. 83, 95).

При перевозке рекомендуется «яблоки» складывать в бочки, увязывать в рогожи, затем обкладывать сеном и вновь обвивать рогожами. Бочки ставить «в обшивные сани и обтыкать сеном, а под исподь, по бокам и сверху обложить рогожами или цыновками и лубьями». При перевозках «бояться мокроты». По привозе на место назначения бочки ставить в сухие, холодные (прохладные?) покои в кадах, пе-

ресыпая клубни песком с черноземом. В сильные морозы покои протапливать.

Подмороженные клубни «надлежит опускать в холодную воду, ибо сим образом вся стужа из яблок вытянется и к пище зделаются способными, а могут ли для плода употреблены быть, то испытать можно посадением в землю».

Если «яблоки» не больше грецкого ореха, то садить их можно по одному, а больше — разрезать. «Но как произростание их единственно чинится от находящихся в ямочках или так называемых глазках их зародышков, то... чтоб при разрезывании яблок те ямочки, или паче того, глазки, всемерно беречь и не прорезывать, ибо без оных гладкие частицы в рост не пойдут».

Гряды для посадки картофеля копать «по огородному обычаю». Для него лучше земли «из чернозему с песком смешана... Где земля совсем пещана, тоща и никакого чернозему и жирности не имеет, там прибавлять малое число перегнилаго коровьяго навоза... Где земля глинистая, там прибавлять лошадиного навоза».

И в этих наставлениях даны почти исчерпывающие для знакомства с новым растением правила обращения с ним.

Приходится удивляться не погрешностям и ошибкам, допущенным в наставлениях, а широким обобщениям всех сведений о картофеле, сделанным авторами, верной рукой направлявшими земледельца 180 лет тому назад к разведению этой важнейшей культуры.

Но в Илимск поступили не только указы и наставления о разведении земляных яблок. Иркутская губернская канцелярия 14 февраля 1768 г. сообщает, что «из государственной медицинской коллегии прислано уродившихся там земляных яблок семян, всего по весу: медицинского саду 6 унцов, да аглицких и берлинских по 2 золотника». Иркутская губернская канцелярия разослала семена в города, аптекарю, лекарям и в приказные избы волостей. В частности илимская воеводская канцелярия получила 3 золотника семян «медицинского» и $\frac{1}{2}$ золотника «аглицкого» происхождения.

К семенам прилагалась копия наставления аптекаря о правилах выращивания картофеля из семян (Фонд 75, опись 2, арх. № 1132, лл. 30-32).

Илимская воеводская канцелярия передала полученные ею семена сыну боярскому Андрею Березовскому, считая его способным осуществить научный эксперимент (там же, л. 34).

В ноябре 1768 года иркутский губернатор Адам Бриль направляет в Илимск еще одно предписание, в котором излагает, что местный аптекарь Брант, получив весной 1767 года 4 золотника семян земляных яблок медицинской кол-

легии, высеял из них 2 золотника и получил «мелких яблок два фунта с половиною». К указу приложено описание о порядке выращивания картофеля. Илимская канцелярия обязана была разослать это описание по острогам и слободам (там же, л. 14).

«Описание, каким образом надлежит сеять земляных яблок семя», содержало следующие указания:

Нужно взять супесок, к нему прибавить «несколько перегорелого назьму конского, с тем назьмом вскопать поглубже», затем сделать гряды. Семя картофеля перед посевом смешать с мокрым песком, высеять редко и покрыть свежим конским навозом. Лучше сеять в дождливое время, через день поливать, «постороннюю траву, особливо повелику и лебеду вычищать». Время посева — «на исходе мая». Далее рекомендовалось прикатать ботву картофеля, «взяв одну круглую лесину, нетолстую».

«Яблоки» выкопать 15 августа, очистить от корней и хранить в песке. Весной клубни рассадить, и в следующем сборе яблоки «гораздо крупня будут» (там же, л. 15).

Но Андрей Березовский, первый картофелевод в Илимском ведомстве, не дождался сообщения о первом местном опыте и посеял семена одновременно с Брантом. 27 апреля 2¼ золотника было «россеено в росадник и покрываны от морозу. А по наступлении теплого воздуха вырослая рассада россажена в гряды». Осенью было собрано 12 фунтов картофеля. «Величиной яблоки с русской орех и менее, а сызретка в куречье и утечье ейцо». У Березовского осталась часть семян для посева на следующий год, как страховой запас, на случай, если собранные клубни «нечаянно потратятся, а наипаче по зднешнему студеному воздуху».

Кроме того, Березовский писал в илимскую воеводскую канцелярию, что он получил еще 1 золотник семян картофеля (от аптекаря?), от которых уродилось 5 фунтов клубней.

Илимская воеводская канцелярия 10 января 1769 г. сообщила в Иркутск об опыте Березовского (там же, лл. 35-37).

Семена картофеля в июле 1767 года были разосланы в Охотск, в камчатскую воеводскую канцелярию и в другие края губернии для раздачи «любопытным мешчанам».

В частности, якутская воеводская канцелярия писала в подведомственные ей Витимскую и Пеледуйскую слободы, что она получила при указе из иркутской губернской канцелярии от 28 мая 1767 г. 22 фунта клубней картофеля, выращенных в 1766 году. Якутск предлагал раздать картофель «для разводу хорошим домо-строям», снабдив их печатными наставлениями. О результатах было предложено рапортовать.

Всего якутская воеводская канцелярия разослала 20 фунтов в 8 подчиненных ей острогов и слобод. Из этого количества в Пеледуй и Витим было направлено по 2½ фунта клубней (Фонд 75, опись 2, арх. № 1130, л. 101).

Насколько можно судить по приведенным материалам, первые шаги в развитии картофелеводства в Илимском крае были сделаны по пути выращивания картофеля не из клубней, а из семян. Может быть, этим объясняется своеобразный состав популяций картофеля в современных северных районах Иркутской области.

Как бы то ни было, илимский крестьянин к концу XVIII столетия овладел новой культурой, и сведения о ней начинают встречаться в большинстве ведомостей о посевах овощных растений.

Овощи предназначались исключительно для домашнего употребления. Поэтому, несмотря на повсеместное возделывание их, никакой отчетности по овощеводству не существовало.

Сведения об овощах и огородах попадают в дела случайно, в связи с другими вопросами, более занимавшими внимание воеводской канцелярии и приказных изб.

Только в конце XVIII столетия делаются попытки учесть и овощные посевы. Поэтому в ведомостях и рапортах мирских изб начинают встречаться различные, чаще всего обрывочные сведения о состоянии овощного дела у крестьян.

Например, Усть-Кутский острог сообщал в 1761 году, что там собран 801 мешок овощей, «то есть моркови, репы, капусты и прочего» (Фонд 9, арх. № 43).

Верхне-Илимская слобода доносила в 1793 году, что «огородных овощей в продаже не бывает никогда. А единственно сажают капусту, репы, моркови для домового пропитания». Из Чечуйского острога в том же году писали: «Во всей Чечуйской волости в селениях у крестьян хоша и было огородной овощи по малому количеству для осеннего времени: огурцы, капуста, морковь, ретка, репа, сфекла и зямляные яблоки, а для зимнего времени только остается одна капуста». Нижне-Илимская слобода сообщала: «Родились огородный овощи: лук, чеснок, морковь, сфекла, капуста, ретка — и то малое количество» (там же).

За 1794 год в рапортах многих волостей встречаются упоминания о посевах и сборе овощей. Например, в Захаровской заимке «огородных овъвощей сажено было про домовое продовольствие и родилось к пропитанию достаточно». В Подкаменской слободе «с огородов разных овощей к пропитанию народилось достаточно». В Макаровской экономической волости жители имеют капусту, редьку, репу, свеклу и другие овощи. Из Нижне-Илимской слободы писали, что «огородных овощей родилось достаточно». Из дру-

гих волостей — Марковской, Карапчанской и даже самой северной — Нижне-Тунгусской экономической волости сообщали, что овощей родилось достаточно, что их разводят «про домовое продовольствие и родилось к пропитанию достаточно». Лишь Усть-Кутский острог сделал огорожку, что овощей родится мало и то для своего пропитания, а не для продажи (Фонд 9, арх. № 28, лл. 22-427).

Марковская волость в 1792 году писала, что крестьяне имеют «овощей: лук, чеснок, морковь, репа, ретка, свекла, картофи, бобы, капуста, коих овощей по малому количеству. А огурцы сожены были, кои не родились».

Можно привести еще несколько показаний мирских изб об огородах и овощных культурах¹ по ведомостям за 1798 год (Фонд 9, арх. № 169). Чечуйская мирская изба писала: «Огороды есть и в них сажают из овощей: морковь, репа, ретка, свекла, огурцы, капуста, чеснок и лук». Кривоуцкая мирская изба дала такой перечень возделываемых крестьянами овощей: «картов, морковь, репа, ретка, капуста свекла, бобы, горох, огурцы».

Кстати, репа была одной из самых распространенных овощных культур. Упоминание о ней встречается чаще, чем о других овощах.

Осенью 1775 года один крестьянин Усть-Кутского острога жаловался воеводе, что он имеет «росчищенной в горе огород», на котором «насеял огородной овощ — репу», но сосед насильно завладел этим огородом и «насеял репу ж».

По этой жалобе воевода Черемисинов велел мирской избе разобратся в жалобе и заставить виновного уплатить убытки пострадавшей стороне (Фонд 75, опись 2, арх. № 1447, л. 57).

В 1785 году киренская городовая управа давала ответы иркутскому наместническому правлению на вопросы «относительно до сочинения топографического описания всему Иркутскому наместничеству» и в частности о разведении овощей.

Городовая управа отвечала, что в г. Киренске сажают огородные овощи: «огурцы, морковь, репу, капусту, свеклу, ретку, лук, чеснок, бобы, горох, а в некоторых огородах малу часть и зеленых яблок» (Фонд 435, арх. № 4, л. 588).

В этом перечне названы все виды овощей, которые возделывались в уезде.

Все приведенные сведения, как легко видеть, случайны.

Лишь в конце века начинают проскальзывать сведения о торговых операциях и по таким потребительским продуктам, каким являлись овощи.

В марте 1787 года один мещанин города Киренска жаловался на купца, что последний вследствие позднего отплытия заморозил павозок с овощами около Якутска. Купец

по доверенности заболевшего мещанина должен был провести овощи от Киренска до Якутска и там продать их.

Мещанин требует возмещения убытков и перечисляет свои затраты.

Куплен павозок за 4 рубля, посуда под овощами стоит 2 руб. 75 коп., холст на парус — 3 руб. 21 коп., береста на крышку павозка — 60 копеек, 3 пуда соли — на 1 руб. 5 коп., 7 мешков — 1 руб. 5 коп., задаток работнику на сплаве павозка от Киренска до Якутска — 2 рубля, другому работнику задаток 1 рубль, взыскано пошлин за павозок — 2 рубля, соли пуд для посолки в пути (?) — 35 копеек, 2 топора — 90 копеек, испечено на дорогу 2 пуда ржаного хлеба — 1 рубль, пшеничного 1 пуд — 60 копеек. Отправлено овощей на 67 руб. 54 коп. Итого все затраты мещанина составили 88 руб. 05 коп.

Известно, что одного работника он рядил за 13 рублей. Очевидно, мещанин предоставил работникам право самим тягаться с купцом, он заботился лишь о возмещении своих убытков.

В том же заявлении указаны количество, цена и стоимость овощей. Все эти данные приводятся ниже, в таблице 46.

Таблица 46

Вид овощей	Единица измерения	Количество	Цена, копеек	Сумма, рублей
Капуста	вилков	2420	5½	13,20
Огурцы	ведер	124	15	18,60
Морковь и свекла	мешков	83	18	14,94
Репка	"	60	10	6,00
Редька	"	10	7	0,70
Чеснок	тыс. шт.	7	150	10,50
Лук	"	12	30	3,60
Итого	—	—	—	67,54

Общий вес всех овощей составлял около 1000 пудов. Трудно сказать, какие здесь проставлены цены, но, вероятно, те, которые сложились в Якутске.

Место закупа овощей — город Киренск, причем часть их выращивал сам мещанин.

Покупки произведены у 18 лиц, в том числе у 6 служилых людей, у 2 сержантов, у священника, у 8 женщин и у одного жителя. Перечень лиц важен тем, что подчеркивает как бы

уголок женского хозяйства — огородничество. Это были жены служилых людей, солдат и вдовы.

Капуста приобретена у 10 лиц, огурцы — у 7, морковь и свекла — у 12, репа у многих лиц, также как редька, лук и чеснок, без указания числа продавцов (Фонд 4, арх. № 20. лл. 1-5).

Очевидно, что из Киренска и прилегающих сел вниз по Лене в конце века начали, пока еще не систематически, сплавлять овощи; отсюда же шло и идет в настоящее время снабжение рабочих Ленских приисков.

Можно еще встретить случайно проскользнувшие сведения о провозе овощей на барках, проход которых регистрировался в Усть-Кутском остроге для взыскания пошлин с судов «топорного дела». В 1781 году среди других судов прошли по р. Лене, направляясь в Якутск, две крестьянские барки, о каждой из которых в книге сбора пошлин с барок и судов помечено: «земного овощу в грузу 25 четвертей», т. е. на двух барках около 400 пудов.

В 1800 году 5 паузков мещанина, священника и трех крестьян направились «с овощами» в Якутск. При этом была взыскана пошлина с судов «топорного дела», благодаря чему и стал известен приведенный факт.

Развитие торговых связей, как видно, затронуло и такие культуры, которые испокон века являлись подспорьем крестьянского хозяйства. С удивлением отнесся бы пашенный крестьянин XVII века к предположению, что лук или капуста, за которыми ухаживала его жена в немудреном огороде, могут стать предметом сделок.

В течение 150 лет овощи в Илимском крае находились вне торгового оборота, «вещью в себе», если брать интересы торгового, «вещью для себя», т. е. для крестьянина.

В конце XVIII века илимские капуста, лук и репа совершили свое первое торговое турне по Лене.

Животноводство

Состояние животноводства у илимских крестьян можно изучать лишь по очень немногим и случайным источникам. Учет — сын налога. Но никакого обложения животноводства в XVII-XVIII веках не существовало, значит, не было и учета скота.

Отдельные переписи скота по некоторым волостям осуществлялись или случайно, или в силу исключительных обстоятельств, например, при гибели скота от повальных болезней. Единственный документ, отразивший довольно хорошо состояние крестьянского животноводства, — первая ревизия

1719-1722 годов — сохранился неполно. Итоги этой переписи рассмотрены в 1 томе «Илимской пашни».

Некоторое представление о размерах животноводства можно почерпнуть из заявлений крестьян о гибели скота вследствие неурожая хлебов и трав.

Так, в ведомости, составленной ниже-илимской приказной избой в 1756 году, имеются данные о падеже скота от бескормицы (Фонд 75, арх. № 2132, лл. 327-339).

Группировка этих данных приводится в таблице 47.

Таблица 47

Группы дворов по посеву, десятин	Число хозяйств	Погибло посева, десятин	Пало скота, голов	На двор	
				погибло посева, десятин	пало скота, голов
До 2 десяти	1	2	4	2,0	4,0
2,1-5 десятин	20	78	136	3,9	6,8
5,1-10	19	136	194	7,2	10,2
Свыше 10	10	194	254	19,4	25,4
Объединенные дворы	15	80	83	5,3	5,5
Итого	65	490	671	7,5	10,3

Приведенные цифры говорят о высоком обеспечении крестьян скотом. Конечно, не весь скот пал от бескормицы.

У некоторых многопосевных зажиточных дворов в ведомости отмечены большие потери от падежа. Например, у хозяйства Романовых пало 53 головы, в том числе 15 лошадей (посев 25 десятин), у Пушмина пало 40 голов (посев 22 десятины), у Белобородова — 41 голова (посев 25 десятин), у Черемнова — 37 голов (посев 25 десятин), у Родиона Черных — 33 головы (посев 24 десятины). У этих крестьян пала 61 лошадь, т. е. по 12 голов на двор в среднем.

Эти материалы говорят также о способности крестьянского хозяйства к быстрому расширению в годы урожайные и о его неустойчивости при наступлении тяжелых условий.

Доношение заканчивается безнадежным замечанием: «И остальное скотишко у них, крестьян... жив будет или нет и едва по улицам скитаецца».

Одним из редких случаев является учет некоторых видов скота при обмере земель в четырех ленских волостях, произведенный навигацкими учениками Лосевым и Михалевым в 1765 году (Фонд 75, арх. № 2872, лл. 1-102). Учету подверглись мерины, крупный рогатый скот и овцы.

В таблице 48 приведены сводные итоги упомянутого учета. Несколько дворов из этой сводки пришлось исключить,

так как землемеры пропустили по ним данные о поголовье животных.

Таблица 48

Волости	Число дворов	Душ муж. пола	Голов скота				На 1 двор	
			меринов	крупн. рогатого скота	овец	итого	всего скота	в т. ч. меринов
Чечуйская	83	779	477	863	1385	2725	32,8	5,7
Киренская	55	489	389	717	1230	2336	42,5	7,1
Криволуцкая	81	506	436	923	1258	2617	32,3	5,4
Усть-Кутская	57	481	299	592	638	1529	26,8	5,2
Итого	276	2255	1601	3095	4511	9207	33,4	5,8

Как следует из таблицы, обеспеченность дворов скотом была очень высокой: в среднем, в одном крестьянском хозяйстве находилось 33 головы, в том числе почти 6 рабочих лошадей. Крупного рогатого скота на двор приходилось несколько более 11 голов, овец — свыше 16 голов. В таежных волостях количество овец не могло быть значительным.

За 1765 год, к которому относятся приведенные данные о животноводстве, имеются в другом деле (Фонд 75, арх. № 2940) сведения о посеве. По четырем ленским волостям тогда сеяли 1112½ десятины. Значит, на одну лошадь приходилось только 0,7 десятины посева. Столь высокая обеспеченность полеводства тягловой силой объясняется тяжелыми условиями разработки пашни в таежной местности.

На одну десятину посева приходилось 8,3 головы скота, в том числе 1,4 лошади.

В конце XIX века у русских крестьян на лошадь приходилось 5-8 десятин посева. Ленин, отмечая это обстоятельство, приходит к заключению, что «...крестьяне держат *слишком много лошадей...*» (В.И. Ленин. Сочинения, том 15, стр. 95). В другом месте Ленин, касаясь этого факта, объясняет его мелким крестьянским производством: «...нельзя забывать, что в России число лошадей в сельском хозяйстве ненормально высоко по отношению к культурной площади. В мелкокрестьянской стране это и не могло быть иначе» (В.И. Ленин. Сочинения, том 3, стр. 118).

В Илимском уезде 200 лет тому назад крестьянское хозяйство было не только мелким, но и велось в тяжелых условиях таежной местности. Естественно, что относительное число лошадей оказывается очень высоким. Однако многопосевные дворы, как и следует ожидать, имели на 1 десяти-

ну посева меньше лошадей, чем мелкие хозяйства (ср. «Илимская пашня» том 1, стр. 291).

Так как крестьянство в имущественном отношении не было однородным, то и по степени обеспечения скотом зажиточные многопосевные дворы сильно отличались от маломощных бедных хозяйств. Однако поскольку в учете, проведенном Лосевым и Михалевым, нет данных о размерах посева, то группировку хозяйств пришлось сделать по количеству рабочего скота (меринов, как говорится в документе). В таблице 49 дана такая группировка (в относительных величинах).

Таблица 49

Группы хозяйств по числу лошадей	Удельный вес, % к итогу					На хозяйство		На 1 душу		
	хозяйств	душ	лошадей	крупн. рогат. скота	овец	всего скота	в т. ч. лошадей	всего скота	в т. ч. лошадей	плата в казну хлеба, пудов
До 2 лошадей	25,0	11,7	5,8	7,0	8,1	9,8	1,4	2,6	0,36	3,7
3 - 5	32,2	26,3	21,4	23,4	25,1	24,7	3,8	3,7	0,58	3,2
6-10	29,7	39,7	40,2	41,2	38,7	44,7	7,8	4,5	0,72	3,1
Более 10	13,1	22,3	32,6	28,4	28,1	74,1	14,5	7,4	1,04	2,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	33,4	5,8	3,3	0,58	3,1

Итак, $\frac{1}{4}$ хозяйств относилась к беднейшей части деревни, в них было $\frac{1}{8}$ всех душ муж. пола, но они имели только $\frac{1}{16}$ числа лошадей, учтенных в исследуемых волостях. На одно маломощное хозяйство приходилось несколько более одной лошади. Но платили такие хозяйства в казну в расчете на 1 душу муж. пола больше, чем другие, более мощные дворы. 8 хозяйств этой группы были безлошадными, 11 — бескоровными, а 2 хозяйства не имели овец.

Третью часть всех дворов составляли хозяйства, имевшие по 3-5 лошадей. Они владели $\frac{1}{5}$ частью всех лошадей, на хозяйство у них приходилось почти 4 лошади.

Следующая группа крестьян (6-10 лошадей на двор) составляла менее $\frac{1}{3}$ от числа всех хозяйств, но имела $\frac{2}{5}$ всех лошадей, примерно 8 лошадей на двор.

Наконец последняя, зажиточная часть крестьянства составляла $\frac{1}{8}$ от числа дворов, но имела $\frac{1}{3}$ всех лошадей четырех волостей. В среднем она располагала 14-15 лошадьми на двор и платила хлеба государству, в расчете на душу, меньше всех других дворов.

В этой же таблице показано, что по мере роста мощности хозяйства повышается обеспеченность (опять в расчете на 1 душу) двора всеми видами скота и в том числе лошадьми.

Самыми крупными хозяйствами по этому учету оказались: двор Степана Ильиных из деревни Ильинской; он имел 79 голов скота; Обросима Гладких из деревни Вешняковской, у него учтено 92 головы скота; Гаврила Зарукина из деревни Банщиковой, он довел поголовье принадлежащего ему скота до 111 штук; Алексея Чудинова из деревни Половинной, который держал 132 головы скота; Афанасия Шапошникова из деревни Лазаревой, имевшего 120 голов.

Алексей Чудинов мог выставить на поле 22 лошади; семья его состояла из 22 душ муж. пола, а всего примерно из 40 человек. Это являлось основой для построения крупного хозяйства с большими посевами.

Вместе с тем 6 крестьян тех же волостей вовсе не имели никакого скота, у 28 крестьян имелось только по одному коню. Безлошадные и однолошадные дворы не могли вести в таежных волостях самостоятельного хозяйства. Такие дворы неизбежно становились поставщиками наемной рабочей силы для зажиточных крестьян.

В другом деле (Фонд № 75, арх. № 2861, лл. 239-341) имеются показания крестьян Орленской, Ново-Удинской, Тутурской и Яндинской волостей о своем хозяйстве, данные навигацким ученикам Лосеву и Михалеву и сыну боярскому Березовскому.

Но объединить эти показания с учетом скота по только что рассмотренным волостям не представляется возможным вследствие несовпадения показателей. Кроме того, по Ново-Удинской слободе и Яндинскому острогу крестьяне вовсе опустили данные о животноводстве.

Как и в предыдущих волостях, по конскому поголовью счету подверглись только мерины, т. е. рабочие лошади.

Групповая сводка сказок орленских крестьян о количестве скота, имевшегося у них в 1765 году, дана в таблице 50.

Преобладающая часть крестьян имела, как следует из таблицы, от 3 до 5 лошадей. С ростом числа лошадей в различных группах хозяйств увеличивается обеспеченность крупным рогатым скотом и возрастает количество рабочей силы двора.

Многолошадные хозяйства одновременно оказываются многосемейными. Тягло и рабочая сила связаны известным соотношением как главные элементы земледельческого производства.

12 хозяйств согласно учету оказались однолошадными.

Учет по Тутурской волости дает еще менее распространенные данные. Сводка их приводится в групповой таблице 51.

Таблица 50

Группы хозяйств по числу лошадей	Число хозяйств	Душ муж. пола старше 10 лет	Меринов	Рогатого скота	На хозяйство		
					душ старше 10 лет	меринов	рогатого скота
До 2 лошадей	32	83	52	83	2,6	1,6	2,6
3-5	49	197	188	325	4,0	3,8	6,6
6-10	7	30	50	85	4,3	7,1	12,1
Более 10 лошадей	1	20	16	37	20,0	16,0	37,0
Итого	89	330	306	530	3,7	3,4	6,0

Таблица 51

Группы хозяйств по числу лошадей	Число хозяйств	Меринов	Рогатого скота	На 1 хозяйство	
				меринов	рогатого скота
До 2 лошадей	21	34	63	1,6	3,0
3-5	27	109	210	4,0	7,8
6-10	30	220	414	7,1	13,8
Более 10 лошадей	1	20	30	20,0	30,0
Итого	79	383	717	4,8	9,1

Те же закономерности о возрастании мощности хозяйства, отмеченные по другим волостям, проявляются и здесь.

В Тутурской слободе было 2 однолошадных и 3 безлошадных крестьянских двора.

Волости, представляя в уезд разные сведения о крестьянском хозяйстве, иногда делали краткие замечания о характере животноводства. Так, в сообщениях мирских изб за 1798 год имеются следующие описательные сведения о скоте (Фонд 9, арх. № 123, лл. 69-70) по Чечуйской волости — «скотоводство, родов: кони, овцы руския, свиньи, по неимению для них продовольствия, роду мелкого».

В тех же отчетах отмечается, что пчел в волостях не разводят.

В делах илимской воеводской канцелярии сохранился только один документ, отражающий условия найма пастуха крестьянами (Фонд 75, опись 2, арх. № 1074, л. 38).

Отставной «рудокопщик» Швецов в апреле 1765 года дал следующую «договорную запись» крестьянам деревни Голов-

ской Зуевым. Он подрядился пасти овец и баранов с 18 апреля до 18 октября. «И быть мне, Швецову, — говорится в соглашении, — у них, Зуевых, в пасебе всегда послушливу и необленчиву и не пьянствовать. По утру гонить в поскотину не позднее солносходу, а пригонять во двор по захождению солнца и иметь крепкое и усердное оберегательство: первое — от воров, второе — от зверя и от собак, також от воды и от грязи». Пастух обязан был оберегать поля и по косы от «травежу». Он не имел права принимать в стадо скот со стороны.

За работу Зуевы платили Швецову по 3 копейки за голову. В случае гибели или потери овец пастух возмещал убыток нанимателям по 50 копеек за голову.

Соглашение было подписано пастухом и его поручителями.

Иногда до Илимска доходили известия о некоторых мероприятиях правительства по улучшению животноводства в России. Но это были отрывочные сведения, обычно не касавшиеся крестьян. Таковы, например, указ Петра I о разведении белых овец и печатный указ Анны Иоанновны от 21 ноября 1739 г.

Последним актом предусматривалось создание при монастырях конских заводов, для чего производился набор кобыл из расчета поставки одной кобылы от 100 душ монастырских крестьян. В указе приведен хороший отзыв о русских лошадях и дана отрицательная оценка немецким и калмыцким лошадям: «во время мушкетной пальбы какую делают конфузию, то уже известно». Внимание к русской лошади объяснялось и тем, что завоз лошадей из-за границы был очень дорог, обошелся более чем в 1100000 рублей, «и народу отяготительно» (Фонд 75, арх. № 930, лл. 288-289).

В XVIII столетии было издано немало указов о борьбе с падежем скота. Так как лечить животных, особенно больных заразными болезнями, не умели, то усиленно рекомендовалось единственное тогда средство — отделение больного скота от здорового. Павших животных было приказано (см. например, печатный указ Сената 23 ноября 1743 г.) зарывать с кожей подальше от дорог и сел. Названный указ был направлен Сенатом по всем городам. На том экземпляре, который хранится в Иркутске, сделана в Сенате надпись: «города Илимска воеводской канцелярии» (Фонд 75, арх. № 1225, л. 109).

Заразные болезни не раз поражали скот илимских крестьян. Бессилие деревни того времени бороться с прилипчивыми болезнями скота делали крестьянина беззащитным при эпизоотиях, которые в таких условиях неизбежно становились бедствиями. Обычное объяснение, которое делалось при появлении поголовного падежа — это «от власти божии».

Подкаменская слобода потеряла, по сообщению приказной избы от 25 мая 1789 г., 77 лошадей, 169 голов крупного рогатого скота, 78 свиней, и 980 овец. Всего у 146 крестьян пало 1304 головы разного скота, т. е. почти по 9 голов на двор. В деревне Никольской у 6 крестьян пало 184 животных, или по 30 голов в среднем на двор (Фонд 9, арх. № 42. лл. 241-245).

Невозможно сказать по этому единственному свидетельству, какая доля скота погибла в этот год в селениях Подкаменской волости, так как нет данных об общем поголовье животных. Но если принять во внимание, что на двор в ленских волостях приходилось 33 головы всякого скота, то размер гибели составит $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{3}$ всего скота. Прекратился ли падеж животных после 25 мая или продолжал опустошать деревни мы не знаем.

Некоторые крестьяне, возможно, потеряли весь или почти весь скот. У Алексея Унжакова погибло 26 голов, у Василия Горбунова 30 голов, у Семена Полоскова 34 головы, у Ивана Полоскова 54 головы.

Крестьяне объяснили гибель скота «от власти божии и от бескормленницы».

Через 6 лет, в 1795 году, на Лене вновь отмечается массовая гибель скота (Фонд 9, арх. № 5, лл. 1-64).

Летом в Киренске были получены первые сведения о падеже животных, и 11 июля киренский земский исправник направил приказ мирским избам, в котором он извещает о начавшемся бедствии.

Он отмечает, что «хозяева, крестьяна, того упавшаго скота сваливают в реку Лену, не разумея, что от сего, чего не дай боже, последовать может в других селениях таковой же падеж». Исправник предлагал, чтоб крестьяне «от таковой, нечаянной гибели имели во всяком селении, по концам жительства и во всяком доме, деревянный огонь и делали курева из дехтю с вересом». Но так как по Лене вереска нет, то крестьяне жгли можжевельник (*Juniperus communis* L.), встречающийся повсеместно в лесах Прибайкалья.

В отношении павших животных исправник приказал трупы «тот час отвозить в дальнее от селения место и зарывать наиглубже в землю. А здорова скота от таковых заразившихся скотин отделять. А дабы сие в самой точности выполняемо было, во всяком селении выбрав надежных крестьян, приказать оным наистрожайше недреманным оком смотреть».

В конце июля исправник написал письмо в Иркутск, сообщая, что врача в Киренске нет, что болезнь появилась на людях и есть уже смертные случаи. Он докладывает об учреждении им «везде сторожей», о назначении начальником над ними дворянского заседателя Кошкарлова. Туда же, в

ленские волости, где болели люди и животные, был направлен и сельский заседатель нижнего земского суда Куклин.

Заболевание крестьянина Колесова, закончившееся смертным исходом, объяснено так: «...снял с палой лошади... кожу, на второй день и помре». Другой болевший крестьянин, Меркульев, «от прежней болезни — на щеках и шее [имел] опухоли, пользовался настоящим вином с нашетырем, табаком и дехтем, от чего и выздоровел».

В октябре исправник составил ведомость о наличии и гибели скота у тех крестьян Криволуцкой и Макаровской волостей, у которых болел скот. Таких хозяйств оказалось 41. Сводка по этой ведомости дана в таблице 52.

Таблица 52

	Криволуцкая волость					Макаровская волость				
	лошади	крупный рогатый скот	овцы	свиньи	итого	лошади	крупный рогатый скот	овцы	свиньи	итого
Пало скота, голов	27	28	43	7	105	45	40	45	9	139
Имелось у тех же крестьян скота до падежа	62	93	133	32	320	105	154	146	50	455
% гибели	43,5	30,1	32,3	21,9	32,8	42,9	26,0	30,8	18,0	30,6

Некоторые крестьяне имели скота по несколько десятков голов. Например, Тимофей Арбацких держал 51 голову скота, в том числе 10 лошадей, Остафий Спиридонов — 57 голов. У других имелось по 1-2 головы скота. Среди крестьян, у которых отмечен падеж животных, было 10 безлошадных, т. е. $\frac{1}{4}$ всех дворов. Двор «женки» Марьи Ножниных имел одну лошадь, другого скота не имелось. Лошадь пала.

Причины падежа установить невозможно. Несомненно, что болезнь была заразной, занесенной по р. Лене в ближайшие к Киренску волости.

Признаки заболевания и перечень мер, принятых крестьянами, дает макаровская экономическая изба: «отчего... падеж последовал, неизвестно. А только упримечено было неоднократно, что лошади, рогатой скот, бараны и свиньи, будучи здоровы, в другъ за дрозъ жать, падут на землю и издохнут. Знаков же на оном скоте никаких упримечено не было, почему и брали предосторожность — курением можжевельником, берестою с чистым дехтем и раскладывали во

всех дворах и по всем концам селения деревянные огни, отделяя здорового от больного прочь».

Прекращению эпизоотии, несомненно, содействовали принятые меры — удаление больных животных и зарывание трупов павшего скота. Разжигание «деревянного» огня принесло ту пользу, что показывало крестьянам состояние тревоги и призывало их к осторожности.

Много скота гибло в годы неурожаяев, но сведений о размерах потерь в делах илимской воеводской канцелярии не имеется. Можно лишь отметить на основании показаний крестьян о неурожаях, что бескормица тяжело поражала крестьянское животноводство.

В критические дни крестьяне пытались изыскивать иные кормовые запасы, кроме тех, которые доставляли полеводство и луга. В 1736 году мирской выборный пашенных крестьян Криволуцкой слободы сообщал воеводе о трудных условиях их жизни, о гибели скота из-за недостатка кормов. Он писал в декабре этого года: «рубим по берегам и по покосам тальники и тем тальником також скота своего кормим и за той бескормицею потому ж и больше всякой скот гинет» (Фонд 75, опись 2, арх. № 207).

Терял крестьянин немало скота от волков и медведей — «черным зверем съедено», а также от разливов рек.

Животноводство в Илимском крае на протяжении XVIII века продолжало оставаться нетоварной отраслью сельского хозяйства. Некоторое представление о размерах продажи лошадей дают книги «конской площадки». Довольно много покупалось коровьего масла для нужд Камчатской экспедиции. Но с конца XVIII столетия вовлекаются в местный торговый оборот и продукты животноводства. Об этом можно судить по сводкам цен на рынках в Илимске и Киренске.

Несмотря на крайнюю скудость материалов о состоянии скотоводства у илимских крестьян, следует отметить, что неравенство их как по хозяйственной мощности дворов, так и по обеспеченности скотом в XVIII веке усилилось.

В начале XVIII века, по первой ревизии, в Илимском крае не было безлошадных пашенных крестьян. В конце века такие крестьяне появились. Стало больше однолошадных крестьянских хозяйств, во всех волостях оказались бесскотные дворы, чего не знал XVII век.

Вместе с тем документы отражают даже здесь, в таежной стороне, наличие хозяйств, имевших по сотне и больше голов скота.

Следовательно, и животноводство отражало процесс расслоения илимской деревни на богатых и бедных, на эксплуатирующих и эксплуатируемых.

ГЛАВА VII.

УРОЖАИ И СБОРЫ ХЛЕБОВ

ПОКАЗАНИЯ КРЕСТЬЯН О НЕУРОЖАЯХ

До тех пор, пока действовало государственное хлебное обложение, крестьянин должен был при каждом неурожае доказывать казне, что он не может внести очередной платеж хлебом. Вследствие этого в делах илимской воеводской канцелярии отложилось много дел с крестьянскими заявлениями (чаще всего коллективными, поскольку неурожай постигал целые селения и волости) о причинах плохого сбора хлебов.

На величину урожая влияют многие сложные условия, независимые от воли земледельца. В заявлениях илимских крестьян чаще всего делаются ссылки на состояние погоды, на разливы рек и на нападение вредителей. Эти заявления очерчивают ту сложную обстановку, в которой приходилось действовать местному землепашцу.

Но если размер урожая зависел от многих причин, то и он в свою очередь обуславливал разносторонние следствия. Величиной урожая определялась вся жизнь крестьянина — его личное потребление, размеры его будущего посева, состояние скота, возможность уплатить налоги.

Неурожаи усиливали зависимость крестьянина от государственных чиновников, от разных воевод, приказчиков, провиантмейстеров, «понудителей» и т. д., заставляли искать заработка на стороне, попадать в кабалу к кулакам.

Казна предпринимала многие меры по воздействию на крестьян в неурожайные годы, вплоть до принудительного переселения земледельцев из неурожайных волостей в более благополучные округа.

В годы неурожая, потрясавшего хозяйство земледельца, поневоле усиливалась коллективная, общемирская жизнь крестьян — писались донесения, возбуждались ходатайства, посылались челобитчики в уезд и губернию с просьбами об

отсрочке платежей, о списании недоимок, о выдаче ссуд, производились обмеры посевов, предпринимались учеты хлебных остатков, описывались потери, строились хлебные балансы. При этом невольно обнажались многие стороны крестьянской жизни, незаметные в благополучные годы.

Все это нашло отражение в крестьянских показаниях о неурожаях.

В этих документах крестьянин неизменно связывает, как бы невольно сближая, два обстоятельства — стихийные причины неурожая и тяжесть государственного хлебного обложения. Эксплуатация крестьянина государством выступала в наиболее обнаженной форме именно в натуральных хлебных платежах. Она ослабляла хозяйственную устойчивость крестьянина в годы нормального сбора хлебов и подрывала его при неурожаях. И поскольку крестьянин становился неплатежеспособным, казна начинала присматриваться к положению крестьянина. Сперва она усиливала давление на крестьянина, чтобы понудить его отдать нужный ей (а еще больше — ему) хлеб, а затем, убедившись в тяжелом состоянии своего кормильца, делала какой-нибудь милостивый жест.

Голодовки неизменно сопровождают илимского крестьянина на протяжении долгих лет его истории и особенно сильно в годы, когда действовало хлебное обложение. «...голодают мелкие крестьяне, которых принято считать (и которые сами себя считают) самостоятельными хозяевами, лишь случайно попадающими иногда в ту или иную «временную» зависимость. Ближайшая причина голода — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье поущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожайи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними» (В.И. Ленин. Сочинения, том 5, стр. 252).

Так было в России даже в начале XX века, когда Ленин писал приведенные слова, так было и в Сибири в XVIII веке, когда крестьяне подавали бесчисленные заявления о постигавших их бедствиях.

Переходим к изложению документов.

Трое крестьян Нижне-Илимской слободы в 1727 г. просили освободить их от платежа хлеба в казну до следующего года «для того, что божиим изволением в прошлом 726-м году от солничья жару хлеб выжегло, а сего 727 году кобылкою и червием весь выело».

Иркутский провинциальный воевода Измайлов велел илимскому управителю Ивану Литвинцеву проверить это заявление, и если оно окажется правильным, то разложить платежи на других крестьян (Фонд 75, арх. № 194. лл. 61-62).

Но выполнить приказ Измайлова оказалось невозможным.

В сводке, составленной илимской воеводской канцелярией за 1727 г. по сбору хлеба с крестьян и обротчиков, значится, что вместо 4225 четвертей ржи собрано лишь 573 четверти и дается следующее объяснение неудовлетворительным итогам: «Хлеб недобран за скудостью и за недородом правианта, а имянно во оном 727-м году хлеб в полях червию и кобылкою выело (зачеркнуто: «и от божия изволения») и от солнечного жару. А на иных — за збегом и [с] умерших крестьян недобрано ж, что вместо их и взять не с кого» (Фонд 75, арх. № 230, лл. 117-118).

Некоторые волости в эти годы вступили в полосу сплошных неурожаев. В марте 1729 г. крестьяне трех ленских волостей решили общими усилиями добиться отсрочки платежей государству. Выборные пашенные крестьяне Чечуйского острога, Усть-Кутского острога и Криволуцкой слободы от имени трех волостей писали в илимскую воеводскую канцелярию, что внести хлеб в казну за 1726-1729 годы «никоторыми делы невозможно» вследствие неурожаев, и просили отсрочки до 1730 года.

Илимский комиссар (воевода) Бодоруев, получив это челобитие, велел воеводской канцелярии «выписать».

Выписка была сделана 31 марта. «По справке с окладною дворового числа правианскою книгою» оказалось, что в трех волостях еще в 1728 году был недород и крестьяне тогда же подавали «в разных числах» доношения о постигшем их неурожае и наводнении.

Водоруев, получив эти справки, велел послать в ленские волости «на крестьянском коште» отставного подьячего Семена Воинова, того самого, который впоследствии управлял Илимском. Перед поездкой Воинов был приведен к присяге. Ему поручалось установить, сколько хлеба имел каждый крестьянский двор.

По учету Воинова у 188 дворов оказалось 7232 пуда хлеба, т. е. по 39 пудов на двор. Ни одна волость не могла платить государству хлеба, так как наличных запасов зерна у крестьян не хватало даже на семена и на еду (Фонд 75, опись 2, арх. № 80).

Одновременно подобное же челобитие было подано в илимскую воеводскую канцелярию крестьянами Нижне-Илимской волости.

Федор Литвинцев по поручению воеводы произвел учет остатков хлеба у крестьян «при тамошних пашенных и десятских» и записал результаты в особую «переписную» книгу. Всего в 33 селениях Нижне-Илимской волости у 92 дворов пашенных крестьян было учтено 5910½ пуда разного хлеба в зерне (один двор был «впусте»).

Перепись Федора Литвинцева обнаружила крайне неравномерное обеспечение хлебом ниже-илимских крестьян.

У 8 дворов «ничего хлеба не явилось», у 47 дворов учтено не более 20 пудов на семью, у 10 дворов имелось до 50 пудов на семью, у 20 дворов — до 100 пудов, у 5 дворов — по 100 и более пудов на семью. Зато у Андрея Ступина хранилось 3000 пудов хлеба, т. е. больше, чем у всех остальных 40 дворов волости!

Значит, по крайней мере в 65 дворах уже в феврале-марте голодали или находились накануне голодовки, остальные 25 дворов еще могли свести концы с концами. Сам Литвинцев называет «лучшими» только 8 крестьянских дворов.

Причины недобора хлеба в 1729 году объяснялись воеводской канцелярией со слов крестьян так: «На полях весною сев был в доброе и в удобное время, как всякие хлеба засевают. И в том посеве в помешке непогодами не бывало. А всходы озимния и яровья были неисправны, понеже в то время дождей не имелось и было сухое погodye и солнечным жаром выжгло. И от того солнечного выжгу — по посеве и по всходе — в осеннее сенокосное время ужины и умолоты были плохи для того, что по всходе на каждом колосу зерна родилось мало и едром был скуден» (Фонд 75, арх. № 276, лл. 14, 19).

О состоянии хлебов в 1730 году илимская воеводская канцелярия запрашивала приказные избы с большой настойчивостью, чтобы можно было решить, как взыскивать «правиянт» за предыдущие годы, платеж которого был отсрочен по просьбам крестьян до 1730 года.

Криволуцкая приказная изба писала: «в том 730-м году за недородом сев был мал за умалением хлеба. И засуха была велика и ветрами выдувало и дождями в цвету хлеб в сенокосное время вымывало и после того иньями вызнобило. Да в том же 730-м году — которой поздой сев был вторичной яровой — и тот хлеб весь вызеб и метлицо[й] обдавило и в жнитве тот хлеб не был» (Фонд 75, арх. № 343, лл. 126-127).

Более подробный отчет о состоянии хлебов прислали из Киренского острога. Киренская земская (приказная) изба при этом ссыалась на показания «Ниже-Киренской волости мирского старосты... десятского... и всей той волости пашенных крестьян». Ответ содержал следующие сведения: «сев был ржаному хлебу в прошлом 729-м году в августе месяце к 730-му году и в посеве никакова помешательства не было. А... на тот ржаной хлеб волей божией напал червь и засуха была великая и червем ржанова хлеба выедено много... А яровому хлебу сев был в нынешнем 730-м году в мае и в июне месяцах... А на всходе яроваго хлеба помешательство было от великих дождей и от морозов для того,

что с Петрова дни дожди были великие. И после тех дождей на тот мокрой хлеб пала ржа и мороз, и на цвету ржею подавило и морозами побило все без остатку. А в ужинах ржанова хлеба в ретких местах з десятины набирали снопов по сту и по пятидесят и тот хлеб гораздо плох, а с ыных десятин и жать было не для чего — травили скотом. А в умолотах ржанова хлеба с овина падало пуда по три, и в силу что — по четыре. И тот хлеб зело плох же... А яровова хлеба в ужине и в умолоте падало з десятины потому ж, и меньши. А в нынешнем 730-м году к 731-му году осенней сев был ржаному хлебу августа в первых числах... А на всход червь потому ж напал и выел множество».

Неурожай 1731 года охватил также Илгинскую волость.

В точных, чисто народных выражениях рассказывает о неурожае и плохом качестве хлеба «оставшей закащик», т. е. заместитель приказчика, Матвей Шевелев в донесении 26 января 1740 г. из Криволуцкой слободы. Он пишет, что крестьянам платить в казну нечем. «Всякой хлеб — рожь, ярица, ячмень и овсы весьма вызябли. И самим на пропитание не будет... у них, крестьян... всякой хлеб в ростилах не растет, зерном тонок и весьма вызяб. И ис печи едва вынимают — и весьма солодит. А которые хлебы были вузельень — и те хлебы на полях косили косами и кормят скотишко своя» (Фонд 75, арх. № 970, л. 14).

Это письмо не только обрисовывает положение крестьян при неурожае, но и дает представление о способах оценки качества зерна и муки. Оказывается, крестьяне проращивали семена «в ростилах», оценивали их и по внешнему виду и по вкусу выпекаемого хлеба.

Неурожай 1739 г. был столь значительным, что илимские служилые люди не могли приобрести хлеба на месте. Поэтому по указу иркутской провинциальной канцелярии и по выбору иркутских служилых людей Сава Казанцев должен был купить в Иркутске 3000 пудов ржаной муки и сплавить ее на устье р. Илима для продажи жителям Илимска. Он привез на 2 дощаниках только 267 пудов ржи по 9-10 копеек и 500 пудов муки по 12-13 копеек за пуд (Фонд 75, арх. № 971, лл. 15-37).

Особенно тяжелые неурожай постигли илимскую деревню в начале 40-х годов XVIII века.

Немалую долю вины за низкие урожаи несет Камчатская экспедиция, ослабившая крестьянское хозяйство северного Предбайкалья отрывом лошадей и людей на многочисленные перевозки, на постройку судов и на сплав грузов по Лене.

В 1740-1742 годах в илимскую воеводскую канцелярию поступили от большинства волостей крестьянские заявления о неурожаях.

Осенью 1741 года воеводская канцелярия поручила подканцеляристу Николаю Сенотрусову осмотреть хлеба, установить размер повреждения посевов наводнением, освидетельствовать брошенные и выпаханные земли в Нижне-Илимской и Кежемской волостях. Сенотрусов выполнил поручение добросовестно и все собранные материалы представил в виде показаний крестьян за их подписями (Фонд 75, арх. № 1000, лл. 110-199).

Крестьяне объясняют неурожаи 1740 и 1741 годов не только неблагоприятными условиями погоды, но также и выпаханностью земель.

Например, крестьяне Пановы из д. Вологжениной показали, что «хлеб морозами вызнобило».

В других деревнях Нижне-Илимской волости крестьяне показали: «а которую пахотную землю снесло и та земля после сносу не родит». «Место по Илимуреке тесное и каменистое и лесное. И та земля вся выпахалась». Вдова Татьяна Мышкиных «сняла оной хлеб зяблой от иньев и от морозов и от дождей. А солнышной теплоты не было. Вешней большей водой не топило и льдом не выдирало для того, что было на горе, в боровом месте посеено». У другого крестьянина водою не топило, так как «земли на материках, от реки в дальнем расстоянии, в угорах», у следующего — «земля выпахалась и хлеб родит мало», у иных — земли нехватает, распахать негде, земля «имеетца на острову и на материках... припали места каменные, болотные и лесные».

Крестьянин Черемный из деревни того же названия показал, что с 1 десятины ржи он снял 50 суслонов, вымолотил из 30 суслонов 30 пудов хлеба и посеял «сего лета». Остальные сложил «в кладушки». Земли старые, пахали прадед, дед и отец.

Отсюда следует, что илимский крестьянин сеял рожь иногда сыро-молотными семенами.

16 человек, в том числе 2 крестьянские жены, мужья которых ушли «для вырабатывания хлеба», «скитаютца меж двор христовым именем» или «питаются работой своей».

Всего Сенотрусовым взято 175 показаний крестьян о 184 хозяйствах, из которых 10 дворов возглавлялись вдовами и крестьянскими женами. В 45 случаях расписались 6 крестьян, остальные показания подписаны 8-10 разными лицами — посадским, дьячком, служилым, «купецким человеком», двумя писчиками и двумя илимскими «жителями».

Всего в 184 хозяйствах было посеяно в 1741 году 5840 пудов, собрано 5843 пуда. Умолот с овина составил $5\frac{1}{2}$ пуда, с десятины — 13 пудов.

Следствием почти полного неурожая явилось, в частности, сокращение посевных площадей с $614\frac{5}{8}$ до $440\frac{1}{2}$ десятины. Так как по материалам Сенотрусова можно определить

размер посевов озимой ржи 1742 года, то легко проследить величину посева этой культуры на протяжении трех лет: в 1740 году было озимой ржи 408¼, в 1741 году — 255¼. а в 1742 году — только 229⅞ десятины.

Посев на 1 двор в 1740 году составлял 3,7 десятины, а в 1741 году он упал до 2,9 десятины.

Уменьшение посева на 1 двор за этот год можно наблюдать почти по всем группам крестьян, что и показано в таблице 53.

Таблица 53

Группы дворов по посеву в 1740 году	Число дворов	Посев на двор, десятин	
		1740	1741
До 2 десятин	67	1,1	0,9
2,1-5 десятин	58	3,7	2,7
5,1-10	41	7,4	4,8
Свыше 10	2	10,6	11,4

Неурожаи предыдущих лет так подорвали хозяйство крестьян этих волостей, что появилась группа беспосевных дворов; она насчитывала в 1740 году 19 хозяйств, в 1741 году эта необычная для илимской деревни группа увеличилась до 34 дворов. Образовалась она из следующих групп: 12 хозяйств не сеяли и в 1740 году, 16 хозяйств сеяли в 1740 году до 2 десятин на двор, 5 хозяйств сеяли до 5 десятин на двор и 1 хозяйство имело в предыдущем году более 5 десятин.

Случилось так, что целая деревня, именно Кеульская (в документе — Теульская), насчитывавшая 6 дворов, оказалась беспосевной. Все домохозяева этой деревни в 1741 году показали: «питаютца меж дворы работой своей и христовым именем».

Глубокий кризис охватил Илимский уезд и особенно волости по р. Илим. Не видя исхода, многие побросали пашни в поисках заработка или новых, более хлебородных мест.

Выборный приказчик Нижне-Илимской волости Аврам Байкалов сообщал 24 апреля 1742 г. илимской воеводской канцелярии: «А в Нижне-Илимской слободе глад имеетца. И от того гладу... многие з женами и з детьми розъехались, а иные и бежали в другие остроги и слободы Илимского ж ведомства. И остаточные от того ж гладу отбыть желают и содержать в том гладе не имеют силы».

Илимский управитель дьяк Никифоров сердито ответил: ты утруждаешь напрасно илимскую воеводскую канцелярию

такими отписками, ибо сам распустил крестьян, давая им паспорта без ограничения (Фонд 75, арх. № 1024, лл. 23-24).

Вероятно, ниже-илимские крестьяне поняли хорошо, в чем заключается разница между назначенным и выборным приказчиком, когда Байкалов в тяжкую для них годину не испугался окриков воеводы и отпускал односельчан на все четыре стороны.

Неурожай 1741 года, завершивший недороды предыдущих лет настоящим голодом, коснулся всех слоев населения. В марте 1742 года служилые люди и другие жители Илимска обратились к воеводе Кондратьеву с прошением, что «за недородом в Ылимском ведомстве у крестьян хлеба... помирают де от того голодом». Они просили разрешения купить 1000 пудов хлеба из присланной Енисейской партии для Камчатской экспедиции. Хлеб этот находился в Кежемской слободе и на устье р. Илима. Служилые люди просили взамен хлебного жалования, которое фактически не выплачивалось из-за неурожая, выдать им по 25-30 копеек за пуд, чтобы на эти деньги они могли купить енисейский хлеб. Кондратьев препроводил их просьбу в Иркутск и 7 апреля 1742 г. Лоренц-Ланг разрешил продать в Илимске 1000 пудов хлеба, присланного для Камчатской экспедиции, за наличный расчет (Фонд 75, арх. № 1023, лл. 70-72).

Продажа енисейского хлеба производилась в августе 1742 года на устье р. Илима. Отпускали каждому понемногу, иногда, как плотникам, только по 1 пуду. Всего было продано 1342 пуда 25 фун. ржаной муки по 45½ копейки за пуд, немного ржи и крупы (Фонд 75, арх. № 1043, лл. 1-9).

Но и хлеб, посланный из Енисейска, не был излишком производства его в Западной Сибири. В те же дни, когда илимские служилые люди обратились за помощью к воеводе, сибирская губернская канцелярия (в Тобольске) писала илимскому управителю: «Енисейские обыватели за недородом хлеба питаютца травой и боршем... Велеть тебе из Ылимска отправить в Енисейск овса, ежели имеетца излишней за семенами, до двух тысяч четвертей (16000 пудов) в самой крайней скорости». Указ помечен 16 марта 1742 г. (Фонд 75, арх. № 1023, л. 76).

Одновременно в Илимск поступила из Енисейска промемория с просьбой о помощи.

Илимск, сам страдавший от голода, мог только ответить, что никакой помощи Енисейску он оказать не может.

Бедствие захватило не только среднюю Сибирь, но и Забайкалье.

Иркутская провинциальная канцелярия 6 мая того же 1742 г. сообщила текст обращения архиерея по поводу неурожая: «Понеже всем известно есть, какое праведным су-

дом Божиим за умножением грех человеческих, в Ыркуцкой провинции, в городе Иркуцке, а паче что в Ылимске и в Селенгинском и в протчих местах имеется в хлебе недостаточество», — то надлежит повсеместно устроить молебны «з глубочайшим смирением, воздыханием же и сокрушением сердец и подобающим от злых дел раскаянием неотменно» (там же, лл. 122-124).

Если бы молитвы и евангелие не были написаны задолго до появления провинциальных, губернских и воеводских канцелярий, то светское и духовное начальство XVIII века заставило бы православных обращаться к небесам с просьбами, изложенными подьяческим слогом.

После сплошных неурожайных лет 1736-1742 годов известия о недородах поступают лишь от отдельных волостей и только за некоторые годы.

В 1749 г. сильный неурожай поразил низовые ангарские волости.

Староста и крестьяне Кежемской слободы в ответ на требование приехавшего к ним из Илимска казака Ивана Мишарина внести хлеб в казну писали: «сею скаскою объявляем по самой христианской правде, без всякой лжи, в том, что в тое нашей Кежемской слободе у всех нас прошлого 749-го году... в насеве весь [хлеб] изгиб безостаточно... Многие от глада разбрелись в другие слободы». О своем положении они также писали в илимскую воеводскую канцелярию «с нарочным челобитчиком» (Фонд 75, арх. № 1766, лл. 2, 7-8).

Отзвук крестьянских помыслов и сетований на тяжелые условия их жизни и труда звучит в заявлении Прокопия Бушмакина, которое было отправлено 20 октября 1754 г. из Киренской волости в илимскую воеводскую канцелярию (Фонд 75, опись 2, арх. № 698, лл. 1-16).

«...Крестьяне имеют у себя пахотные земли по обе стороны Лены реки и на островах, в niskих и наволочных местах... А окладной провиант положен на нас... с 728-году невсилу и весьма в отягчение и из-за пристрастия великаго и мучения, которой и выплачивать не по которой мере невозможно. И не точию что иные крестьяне провиант платить могут, но и едва себе на пропитание имеют... И многие пахотные земли и покосы выносные лежат впусе и к пахоте и к кошению сена негодны. А яровые севы бывают в позднее время, в мае месяце, в последних числах, и от великих морозов и иньев не уходят и вызябают для того, что по Лене реке воздух иметца студеной и бывают иньи августа на первое число... А снега бывают сентября на первое ж число и после... Да сего ж 754 году мая с 10 по 20 число от воли божии вешнюю лдяною водою... все вытопило... И сего ж 754 году сентября с 10 числа пал на стоячей хлеб великой снег

и ис под того снегу, октября по 8 число, насеянной хлеб снимали с великою нуждою».

Основная мысль этого изъяснения заключалась в том, что «заплатить доимочного нранианта вскоре неуповательно». Но документ в то же время излагает основные причины неурожаев по Лене.

Нижне-илимские крестьяне в 1754 году дважды подавали доношение в илимскую воеводскую канцелярию о гибели урожая «во время хлебного зрения... от божиего изволения и от солнышного печения», а также от кобылки и червя.

Но в следующем, 1756 году, Нижне-Илимскую волость вновь постиг тяжелый неурожай. Последствия его были подытожены в ведомости, отправленной приказчиком Андреем Анцыфоровым 29 февраля 1756 г. в илимскую воеводскую канцелярию (Фонд 75, арх. № 2132, лл. 327-339).

Ведомость сопровождалась доношением, как всегда написанным бесстрастным языком, тем сильнее оттеняющим бедственное состояние крестьян и затруднения самого приказчика. Он писал, что провиант «никоими меры взыскать невозможно для того, что подлинно у тех крестьян прошедшего лета от солнешного жару разного хлеба не родилось и предписанными червями и кобылками поедено («предписанными» значит — упомянутыми)... Пало... разного скота многое число за неимением сен и соломы... И многие крестьяне в то время перемолотили тот разной хлеб и приели, а ино в землю не сеяли, а именно называемую рожь. А ерового почти не у кого не уродилось. И во взыскании предписанного провианта крестьяне и протчие плательщики содержатся в нижне-илимской приказной избе под караулом безвыпускне».

О содержании под караулом за неурожай приказчик прибавил, несомненно, для красного словца. Этой фразой он давал понять воеводской канцелярии, что взыскивать хлеб с крестьян совершенно невозможно. В самом деле, ведомость перечисляет 65 пашенных крестьян 25-ти деревень Нижне-Илимской волости, у которых погиб хлеб и пал скот. Держать их под караулом было не только бессмысленно, но и невозможно.

Вероятно, и крестьяне, не без участия которых составлялись ведомость и доношение, не были против такой фразы.

За неграмотного главу волости, «велением приказчика Андрея Анцыфорова крестьянин Никифор Куклин руку приложил».

По той же ведомости пало от бескормицы 174 лошади, 220 голов крупного рогатого скота и 277 овец, всего 671 голова, или более, чем по 10 голов на один двор.

Воевода Андреев, получив доношение и ведомость из Нижне-Илимской слободы, велел «содержащихся в неплатеже правианта крестьян ис под караулу свободить», хлеб

с них не взыскивать до будущего года, а казака, посланного для принуждения крестьян к платежу, вернуть в Илимск.

Выборный от крестьян Братского острога сообщал, что в 1754 году «во время хлебного зрения насеяной ржаной и яровой хлеб за бездождем и от безмерных жаров выгорел» (Фонд 75, арх. № 2134, лл. 186-187).

Выборный от крестьян Чечуйского острога крестьянин Юмшанов подал в феврале 1755 года воеводе Андрееву челобитье, в котором сообщал, что во время наводнения 6-16 мая 1754 г. река Лена потопила посевы и просил отложить взыскание хлеба до будущего урожая.

Но положенный на крестьян окладной хлеб и недоимки Андреев велел взыскивать «без всякого упущения и поноворки», несмотря на челобитье чечуйских крестьян, при котором они представили образец негодной ржаной муки.

Приказчику Чечуйского острога было велено «за крестьянами прилежное смотрение иметь, дабы они прежде имеющиеся и ныне отведенный по разделу земли засевали в удобные времена и всегда находились в своих крестьянских обыкновенных зделях и работах и старались бы больше к тому, что до хлебопашества принадлежит» (там же, лл. 133-137).

Но об этом крестьяне знали лучше воеводы и не нуждались в его советах.

В следующем году два мирских старосты, 9 десятских «и все той волости пашенные крестьяне» вновь безуспешно просили отсрочки в платеже провианта, ссылаясь на гибель хлеба от морозов.

Возвратимся к ниже-илимским крестьянам. Не успели они отсеяться весной 1756 года, как опять началась засуха и появились вредители. 14 июля того же года крестьяне уже писали в Илимск, что погибло много хлеба «от солнышного жару, червя и кобылок едения... поедено». Вновь была составлена по всем селам волости ведомость о пострадавшем хлебе. Погублено вредителями: ржи 119, ярицы 238, пшеницы 64, овса 54, ячменя 52, а всего 527 десятин, т. е. больше, чем в минувшем году.

Воевода Андреев приказал выдать крестьянам на посев 130 четвертей (1040 пудов) ржи и велел приказчику смотреть над крестьянами прилежно, «чтоб в посеве хлеба было со удовольствием и порозжих земель впусте не оставалось и пашни пахали неленосно и к пахоте тех пашен почасту принуждать, дабы они праздно не жили». Выданный хлеб надлежало взыскать с крестьян при следующем урожае.

Когда осенью был подсчитан урожай, то оказалось, что во всей волости собрали лишь 78 овинов ржи, 118 — ярицы, 8 — пшеницы, 5 — ячменя и 9 — овса, всего 218 овинов (Фонд 75, арх. № 2199, лл. 7, 30-31, 347-348, 380-389).

Напомним, что в 1751 году сбор составил 1897 овин, т. е. в 9 раз больше. Недаром крестьяне писали в одном из заявлений, что «против прошлых лет не родилось и десятой доли».

Казак Никита Петровых в январе 1757 года заехал в качестве «понудителя» в Нижне-Илимскую волость, но, ознакомившись с положением крестьян, писал воеводе: «взыскать ничего не могу, не точию окладного, но и заемного... и помирают оне гладкою смертию, чего ради многих крестьян, кои займывали правянт, выслал самих головами в ылимскую воеводскую канцелярию, а иные разъехали».

Опустошительное нападение кобылки отмечается в 1756 году и по другим волостям. Из Кежемской слободы сообщили, что поедено кобылкой 230 десятин хлебов, посохла трава на лугах, пало разного скота 125 голов.

Между Кежемской и Нижне-Илимской волостями лежала Карапчанская волость. Получив сведения о кобылке, илимская воеводская канцелярия послала указ и в Карапчанский погост, чтобы там составили сведения — сколько осталось неповрежденного хлеба (Фонд 75, арх. № 2199, лл. 399-406).

Кроме того, илимская воеводская канцелярия в марте того же года обратилась в Иркутск с просьбой об отсрочке платежа хлебом: «Илимская воеводская канцелярия сие репортует и притом требует повелительного... указу вышеозначенным нижне-илимским и карапчанским крестьянам за их трилетним крайнейшим в хлебе неурожаем... до будущего и нынешнем 757-м году урожаю сроку дать соизволено ль будет».

Обратив внимание на непрерывную в течение ряда лет гибель хлебов от кобылки, иркутская губернская канцелярия в указе 10 марта 1757 г. предложила, очевидно, на основании личных указаний губернатора Вульфа, считавшего себя знатоком сельского хозяйства, призванным поучать крестьян, следующее мероприятие по истреблению вредителя: «А в разсуждении означенной по вся годы бывшей и ныне появляющейся кобылки, которая, как известно, ни откуда из других отдаленных стран не прилетает, но тут же расплождается, необходимо надлежит о ея переводе попечение иметь». Пусть крестьяне берут пример с Украины, куда прилетает саранча и там оставляет «свои семена». Тамошние жители «те места, на которых она садилась, ради ее переводу пристойными к тому метлами и вениками сметаю нашего и то все сметеное лопатами згребают и в нарочно на то выкопанные ямы сыплют и закапывают». Иногда жгут, а потом уже закапывают «и тем тот гад весь до остатку и переводят. Почему и во всех тех Илимского ведомства местах велеть всем земледельцам и всем тем, кои сенокосы

имеют, по вышепрописанному свои все поля и сенокосы, на которых кобылка в нынешнем лете была, очистить и по оном в разсуждении интересной (т. е. государственной) и им в том собственной (т. е. крестьянской) пользы велеть в будущее лето примечание иметь. И потому, когда оной уменьшение явится, впредь такожде поступать и всех к тому принуждать. А за неисполнение, смотря по обстоятельству — и наказывать».

Забавная рекомендация, которая могла в руках местных властей стать и средством вымогательства взяток у крестьян, считалась, видимо, действительным средством борьбы с саранчой. Можно указать, что даже у Глеба Успенского имеется очерк, в котором положительно оценивается подобная мера.

Илимская воеводская канцелярия разослала в волости указы, в которых повторила распоряжение Вульфа, в том числе и «о имени наиприлежного к переводу кобылки попечения», но о метлах и венниках умолчала (Фонд 75, арх. № 2309, лл. 46-137).

Почему илимская воеводская канцелярия не поддержала просьбы крестьян Кежемской слободы, объяснить трудно. А между тем их челобитье написано сильно и убедительно. Приводим его с некоторыми сокращениями.

В умолоте лучшая рожь с овина (200 снопов) дала по 9-10 пудов, средняя по 4-5 пудов, «а большая часть плохово, которой мразом побилло, которой и жат токмо ради одного скотцкого корму». Сенокосы поедены кобылкой «и против прежнего и третьей части сен не имеется». В деревнях много больных и умерших. Некоторые дома стоят пустые, и хлеб не жат. В деревне на Барнауловом острове во всех 6 домах все «скорбны», и для надзора за ними и для корма скота туда приезжают крестьяне из других деревень.

Хлеб заплатить могут очень немногие. Если у кого «какой хлеб потаен будет, то повинны мы, староста з десятниками и со крестьяны, жесточайшему истязанию» (Фонд 75, опись 2, арх. № 780, лл. 35-36).

Наиболее ценный по полноте материал был представлен по Яндинскому острогу (Фонд 75, арх. № 2206, лл. 9-18). На основании его можно сделать важные заключения о действительных размерах посевов у крестьян и беломестных казаков.

Один такой случай уже был рассмотрен по Нижне-Илимской слободе, когда крестьяне, стремясь показать размер потерь, невольно раскрыли действительные площади посевов.

В ведомость-список занесено 124 хозяйства, у них пострадало 1228⁵/₈ десятины.

С убранной площади было получено, по показаниям хозяев, 985¹/₂ овина, значит, с десятины — 0,8 овина. Считая

умолот по 6-8 пудов с овина, сбор с десятины составил 5-6 пудов. Значит, действительно, Яндинскую волость в 1756 году поразил полный неурожай.

Но это обстоятельство и заставило крестьян и беломестных казаков, в первую очередь, конечно, зажиточных, забыть осторожность, с какой они относились к показаниям о размерах своего хозяйства и раскрыть действительные величины посева.

В таблице 54 приведена группировка дворов пашенных крестьян и беломестных казаков по величине посева, согласно ведомости о числе пострадавших десятин. Ввиду того, что 18 хозяйств показаны в ведомости в 9 дворах и расчленить их нет возможности, они в таблице выделены в особую строку.

Таблица 54

Группы хозяйств по величине посева, десятин	Дворов	У них посев, десятин	Посев на двор, десятин
До 2 десятин	7	12½	1,8
2,1-5	21	77	3,7
5,1-10	33	252¾	7,7
10,1-20	35	504½	14,4
Более 20	10	264⅜	26,4
Вне группировки	18	117½	6,5
Итого	124	1228⅝	9,9

Таким образом обнаруживается, что 45 многопосевных, т. е., вероятно, зажиточных дворов, имели 768⅞ десятины посева. По числу дворов многопосевные составляли 36% от общего числа хозяйства Яндинской волости, удельный вес их посева равнялся 63% всех посевных площадей волости.

Наиболее крупные посевы имели: Иван Шиверских с братьями из деревни того же имени — 24 десятины, Артемий Смолеников с братьями в деревне Щербаковой — 27¼ десятины, Семен Константинов в деревне Шиверской — 38 десятин и Павел Москалев в деревне Милославской — 43½ десятины.

Неурожай в 1758 г. отмечается по Кежемской слободе (Фонд 75, арх. № 2382, л. 1).

В следующем, т. е. 1759 году, Кежемскую и Нижне-Илимскую волости опять постиг неурожай. Гибель хлебов объяс-

нялась засухой и нападением кобылки (Фонд 75, арх. № 2523, лл. 35-53).

Другое доношение из Кежемской слободы, поданное в илимскую воеводскую канцелярию в конце 1759 года, отмечает: «...ис под снегу озими вышли все здравы и отрасли дали». Ущерб был нанесен посевам в конце мая — начале июня. Так как посевы яровых были произведены зяблым хлебом, они были плохи: «ничего не растет... Корень ел червь».

У 35 крестьян оказалось $307\frac{3}{4}$ десятины посева, т. е. по 8,8 десятины на двор. Погибло $50\frac{1}{4}$ десятины ржи, или 23,8%, о состоянии яровых в ведомости сделаны на полях примечания: «иззябло... редкие... редко весьма... весь изгиб... погиб... плохи... плох».

И опять ведомость раскрывает крупные посевы у отдельных крестьян: Филип Воронов сеял в Кежемской слободе $22\frac{1}{4}$ десятины, Фома Кокорин (там же) — $24\frac{1}{2}$ десятины, Петр Панов с братьями в деревне Пановской $34\frac{1}{8}$ десятины.

В Нижне-Илимской волости после перезимовки 1760 года погибло озимой ржи «от великих мrazов и ветров» 239 десятин. Часть погибшей площади была перепахана и засеяна яровыми (Фонд 75, арх. № 2524, лл. 631-639).

В апреле 1762 года быстро сошел снег с полей Криволуцкой волости и вдруг снова покрыл землю. При этом пострадали «озименная ржи». Несколько позднее Лена вышла из берегов и потопила многие поля. «А которые земли хламом и протчим дрязгом и песком занесло — и на тех землях хлеб сесть было невозможно» (Фонд 75, опись 2, арх. № 953, лл. 2-3).

Через 3 года после того, как Кежемскую волость постиг неурожай, в 1762 году приказчик Иван Сизов сообщал: «божиим за грехи наши попущением насеянной хлеб, как рожь, так и яровое, все изгибло безостаточно. А посланные де от народу челобитчики в илимскую воеводскую канцелярию подписались», что Кежемская слобода полностью хлеб в казну не сдаст.

Крестьяне сами составили ведомость о погибшем хлебе и приложили ее к заявлению.

В 1763 году крестьяне Братской волости составили ведомость посеянного и пострадавшего от морозов, засух и наводнения хлеба (Фонд 75, опись 2, арх. № 994, лл. 113-115).

Из $1211\frac{3}{4}$ десятины «выгибло» $390\frac{3}{8}$ десятины, или 32,2%. Наиболее пострадала озимая рожь, ее погибло 43,7%; далее в убывающей последовательности по степени гибели идут: ячмень — 36,2%, пшеница — 15,8%, ярица — 15,2% и овес — 11,5%.

По величине гибели разных хлебов можно предположить, что главной причиной ее была засуха в первой половине ле-

та, во время цветения ржи и до начала цветения хлебов позднего сева.

Об одном неурожае, вызванном наводнением Лены в Усть-Кутском остроге, можно узнать по указу иркутской канцелярии от 12 марта 1763 г. Челобитчик, крестьянин Василий Подымахин, заявил, что вследствие наводнения «все бедные и неимущие крестьяне... довольствовались одною мекиною, пекли хлеб из травы пелыни с семенем и березовым дубом (т. е. корою), о чем и проба имелась» (Фонд 75, арх. № 2725, лл. 260-263).

Почти непрерывные неурожаи в Нижне-Илимской волости, в частности неурожай 1763 года, заставили крестьян еще раз выбрать представителя мира и направить его с доношением в Иркутск. Челобитчик предъявил пробу хлеба в мешочке за печатью ниже-илимской приказной избы.

Иркутская канцелярия на основании доношений о неурожаях в Илимском уезде писала в Сибирский приказ, что с илимских крестьян не взыскано за 1754-1756 годы 25569 пудов, кроме того, в 1765-1766 годах выдано «заимно» 17445 пудов. За крестьянами Нижне-Илимской волости состоит недоимок с 1744 по 1763 год 26426 пудов 9 фун. Выданный заимообразно в 1762 году «по их неотступной просьбе» хлеб они возвратили.

Иркутская канцелярия велела илимскому воеводе собирать хлеб только с тех ниже-илимских крестьян, «у кого уродилось». Кроме того, было дано разрешение вновь выдать хлебную ссуду с платежом в 1764 году.

Все излагаемое дело (Фонд 75, арх. № 2799, лл. 111-124) о выдаче ссуды ниже-илимским крестьянам закончилось письмом иркутской канцелярии в Сибирский приказ: «не соизволит ли Сибирский приказ указать — всю ту доимку с тех мест сложить, а илимской воеводской канцелярии до того взыскания обожждать».

В это время уже началась переписка по поводу указа Сената от 2 апреля 1764 г. о переселении илимских крестьян из неурожайных мест и о причинах громадной задолженности по платежу хлеба в казну. Выяснить эти вопросы на месте было поручено воеводе Шарыгину.

В сентябре 1764 года Криволуцкая, Чечуйская, Киренская и Нижне-Илимская волости сообщили Шарыгину об урожае и прислали колосья и «хлебу пробы».

В частности, криволуцкие крестьяне писали Шарыгину, что яровой хлеб они сеют «в мае, в последних числах, а с поль съем бывает в августе — в последних, також и в сентябре — в первых числах». Значит, в те времена применялся далеко не ранний сев, по современному календарю в начале июня.

Далее крестьяне указывали, что главной причиной неурожаев являются осенние морозы, «поход Лены реки, также на те хлеба, по их крестьянскому обыкновению (т. е. названию), падает ржа (ржавчина)» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1068, л. 102).

Присланные ленскими волостями колосья и пробы муки воевода передал илимскому городничему как постороннему и незаинтересованному лицу и велел ему совместно с казаками осмотреть и решить — годен ли хлеб текущего урожая в пищу (Фонд 75, опись 2, арх. № 1040, лл. 41, 44).

Как должны были поступить городничий и казаки с образцами муки, можно установить по другому случаю испытания качества хлеба. Прапорщик Хабаров призвал для испытания местных казаков. Образец муки весом в 5 фунтов был испечен, и хлеб был дан всем присутствующим. Казаки «тот испеченный хлеб пробовали, которой по свидетельству явился, хотя не весьма бел, токмо в пищу человеческую годен; как запаху, тако и солоделого и гнилого не имеетца» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1129, л. 37).

Результаты испытания были подписаны 19 казаками.

Такой способ определения хлебопекарных качеств хлеба являлся тогда общепринятым, и документ, составленный указанным порядком, признавался бесспорным обеими заинтересованными сторонами. Проверка семенных качеств зерна, как отмечалось, осуществлялась проращиванием.

В 1769 году в Нижне-Илимской волости опять случился недород. В июне пострадало от инеев 495¼ десятины. Осенью туда ездил пятидесятник Никифор Качин и нашел, что «позябшего» хлеба имеется 771 десятина. Вследствие этих донесений Нижне-Илимская волость получила отсрочку в платежах хлебом до 1770 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 1192, лл. 15-18, 32-36).

Для проверки показаний крестьян илимская воеводская канцелярия послала весной 1770 года в Нижне-Илимскую волость «в должности воевоцкого товарища» сына боярского Андрея Березовского. Он произвел опись хлеба, хранившегося в амбарах крестьян и составил ведомость на 1 апреля этого года. В 70 дворах проживало 1376 душ обоюбого пола, т. е. по 19,6 человека на двор. Оставалось хлеба 13383 пуда, или по 9,7 пуда на человека.

Но насколько неравномерно распределялся этот средний показатель, можно судить по тому, что 12 дворов имели хлеба менее, чем по 3 пуда на душу, 7 дворов — до 5 пудов. 7 — до 8 пудов, 9 — до 10 пудов, 21 — до 20 пудов и 5 семей имели более чем по 20 пудов на душу.

Среди них можно назвать Василия Москвина, имевшего на 23 души 575 пудов хлеба, Ефима Черных из деревни Игнатьевской, который запас 593 пуда на 15 душ, Тимофея

Куклина из деревни Заусаевой. хранилища 590 пудов при 23 душах (Фонд 75, опись 2, арх. № 1192, лл. 3-11).

Зажиточные дворы скрывались и ни этот раз за спиной бесхлебных крестьян, избегая платежей государству и храня значительные запасы хлеба. Таким образом они получали возможность ссужать не без выгоды те дворы, бедствия которых помогали им ускользнуть от обложения.

В ленских волостях, включая сюда Илгинскую и Тутурскую, расположенные по притокам Лены, заметных неурожаев не отмечалось в течение 15 Лет, до 1770 года.

Но в этом году ранний заморозок поразил хлеба во время налива, например, в Чечуйской волости — 20 июля или, по современному исчислению, — 31 июля.

Всего по 5 главным хлебам было посеяно 896 десятин, из них «в позябе» оказалось 854 десятины, «в урожае» лишь 42 десятины. Умолот из 10 снопов «большой вязи», или копны, составлял 1 четверик, т. е. 1 пуд (Фонд 75, опись 2, арх. № 1254, лл. 336, 368).

В 1770 году 10 волостей сеяли 4475 десятин, из них «позябло» 3073 десятины, т. е. 68,7%.

Наиболее пострадала из всех хлебов рожь, как рано созревающее растение, а менее всего овес — культура позднего или среднего сева. Видимо, заморозок случился до начала массового цветения овса, и половина его ушла от морозов.

Но хлеб пострадал не только от заморозков. Летом стояла сухая и знойная погода и хлеба, как выразилась чечуйская приказная изба, были «яко от огня и молнии опалены».

Просматривая ведомость о «позяблом» хлебе по Илгинской волости, где больше, чем в других волостях, применялся наемный труд, легко выделить хозяйства с крупными посевами. Зажиточное крестьянство, показывая казне свои потери, уже не имело интереса скрывать и преуменьшать размер запашки.

У Широковских было посеяно 20 десятин, у Бузюковых — 22, у Стреловых 25, Чувашевых, Кобычевых, Евдокимовых — по 27 десятин на двор, у Винокуровых — 30 десятин.

Голос зажиточного крестьянина лучше слышен в сумерки его хозяйств из-за спины попавших в беду маломощных дворов.

Июльский заморозок 1770 года охватил значительные пространства. Рядом с Илгинской волостью находились две бывшие заимки Якутского Спасского монастыря. В доношении о них сказано: «в Тыптинской вотчине и ведомства оной, в Балыктинской деревне», где насчитывалось всего 16 дворов, погибло «от превеликих мразов в июле 21, 22 и 23 чисел» 88¼ десятины. Значит, по современному стилю иней пал 1-3 августа, как раз во время налива хлебов. Поэтому

он и был опустошителен. Недаром в Тыпте «косили солому в пропитание скоту» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1230, л. 78).

В Нижне-Илимской волости, как отмечала воеводская канцелярия, «рожь и протчее всякое жито против прошлогодного году по умолоте скуднее зерном и мельче». Сено «против других годов зелено и мелко».

В Карапчанском погосте хлеб, «зерном неполон и мельче от выгибели. Сено травую черные и мельче от великих дождей и от насаждения при проходе рек илом».

В Братском остроге и Барлуцкой слободе «...в урожае зерном был неполон от предписанных приключений и зерно было морховатое (щуплое) и весьма мало».

В Яндинском остроге «за зяблостью неполон».

По другим 8 волостям повторяется, что зерно было мелкое и «морховатое» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1231, лл. 63-70).

В конце 1770 и в начале 1771 годов воеводский товарищ Шатилов производил обследование 8 ленских волостей для представления в иркутскую губернскую канцелярию обоснований о списании хлебных недоимок (Фонд 75, опись 2, арх. № 1274, л. 9).

Вероятно, об этом быстро узнали другие волости Илимского уезда. Выбранный крестьянами Братского острога Филип Усов в марте 1771 года просит от имени крестьян отсрочить платеж хлебом.

Семен Шестаков 23 марта поручил канцеляристу Корелину вместе с выборным освидетельствовать муку и «круглый хлеб», т. е. хлеб в зерне.

Неурожай вследствие «жаров» и нападения кобылки был и в верховьях Лены, в пределах Иркутского уезда. Об этом говорит указ иркутской губернской канцелярии 25 января 1772 г.: из Бирюльской слободы отозван понудитель, так как там погибло 587 десятин хлеба, а крестьяне освобождались на этот раз от сплава провианта в Якутск.

По той же причине были отозваны понудители и из Манзурской, Верховенской, Тутурской и Илгинской волостей (Фонд 75, опись 2, арх. № 1275, лл. 33-36).

Наиболее пострадавшие ленские волости с середины зимы, вскоре, после обследования Шатилова, обратились в илимскую воеводскую канцелярию с просьбами о выдаче хлебной ссуды. Мирской староста Чечуйского острога сообщал при этом, что в 1770 году «насеянные у нас ржаные и яровые хлеба от власти божеской июля на 20 число повредило — и так, подобно яко от огня запален был, от которого никакого плода, и кроме овса (эти два слова поставлены в скобках), в прочность не последовало». Староста просил выдать на 119 крестьян ссуду в размере 303 четвертей 5 четвериков.

Из Киренского острога посылается в Илимск «по выбору нароцкому» крестьянин Лев Караулов просить о выдаче ссуды в количестве 315 четвертей. Киренские экономические крестьяне также просили ссуду в размере 321 четверти (Фонд 75, опись 2, арх. № 1276, лл. 1-28).

Илимская воеводская канцелярия велела выдать хлеб заимообразно. Взыскать его следовало осенью, «с первых овинов, сухой и не сыромолотной». Далее идут ведомости о раздаче ссуды и подписки крестьян «с круглою порукою», что взятый из государства хлеб будет возвращен.

В следующем, 1771 году ленские волости вновь пострадали, на этот раз от наводнения.

Осенью в присутствии воеводы Ходыревского там была составлена ведомость о неурожае.

Орленская приказная изба 1 июля 1771 г. писала в Илимск, что крестьяне не могут платить подушных денег, несмотря на присылку поnudителя — солдата Спиридонова: «...ныне все Орленской слободы жители от гнева божия произошли в несостояние и, как от бывшего великого мраза и от позябку хлеба, принимают себе глад». Умер крестьянин, который «питание имел, за неимением у них в доме хлеба, травую». Умерло от того же двое детей. Их домашние, «хотя и здоровы, токмо весьма отощали и на лицо исхудели... и ходить, хотя б для искания па еду травы, уже не могут».

Осенью того же года поступили ведомости от Чечуйской волости, где в это время был воевода Ходыревский, от Орленской, Криволуцкой и Киренской волостей о полном неурожае.

Частичный неурожай постиг в 1773 году Чечуйскую волость (Фонд 75, опись 2, арх. № 1343, лл. 54-58).

Сведения о неурожаях и частичных потерях встречаются после 70 годов до конца XVIII столетия, но они уже не отражают столь подробно картину бедствий. После отмены обложения илимских крестьян хлебом отпали и многочисленные заявления об отсрочке платежа со ссылками на неурожай. Поэтому в делах киренского нижнего земского суда можно лишь изредка встретить более или менее обстоятельные материалы о неурожаях.

По отчетам волостей о посевах за 1787-1790 гг. имеются замечания о произрастании хлебов и размерах урожая (Фонд 9, арх. № 42, лл. 5, 6, 16, 30 и до 161).

Например, макаровская экономическая изба отмечает гибель от заморозков 56³/₄ десятины хлебов, почти исключительно яровых. Про озимую рожь по каждому селению (такое слово в эти годы стало входить в употребление вместо слова «деревня») сказано: «при том селении было хлебу приключение озимому — чреззерница и пустоколо-сие».

Таким образом, крестьянин точно подметил причину низких сборов от неполного опыления ржи.

Таковы известия о состоянии хлебов за 3 года. Вообще почти все волости отмечают, что хлеба хватит на продовольствие и на семена и определяют, сколько остается его на продажу.

На этот раз и Нижне-Илимская слобода прислала утешительные сообщения: «Хлебы сходом исправные и повреждения никакого не было».

Так отразились в крестьянских заявлениях тяжелые условия для ведения сельского хозяйства и последствия для крестьянина от неурожая хлеба.

Рассмотренные документы отразили не только непосредственные причины неурожая, вроде кобылки, засухи и морозов, они невольно раскрывают и другую сторону — непомерную эксплуатацию крестьянина государством.

«Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало как неизбежное последствие повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа... В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается»... (В.И. Ленин. Сочинения, том 6, стр. 66-67).

НАВОДНЕНИЯ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА УРОЖАЙ

О времени и размерах наводнений в северном Предбайкалье становится известным с того времени, когда здесь по берегам рек поселяется пашенный крестьянин.

Чаще всего причиняла ущерб илимскому крестьянину Лена, особенно во время ледохода. Иногда поля и луга потоплялись и паводковыми водами Лены. Менее опасными оказывались разливы р. Илима. Сравнительно редко наносила крестьянам вред Ангара и то только в низовых волостях, например в Кежемской.

Наводнения наносили крестьянскому хозяйству прямой урон — затоплялись посевы озимых и подготовленная для яровых пашня, повреждались постройки, погибал скот. На поля и луга вешними водами набрасывало много льда, ила, хлама и даже камней, вырывало рвы и нередко на долгие годы портило прибрежные пашни. Лед на полях таял медленно и долго, задерживая весенний сев, вследствие чего хлеба осенью попадали под заморозки.

После каждого опустошительного наводнения крестьяне общались илимской воеводской канцелярии о размерах бедствия и просили отсрочить хлебные платежи. Чтобы проверить крестьянские заявления о невозможности платить хлеб в казну, воеводская канцелярия поневоле собирала сведения о размерах наводнения, и, таким образом, в ее делах оказалось много документов, подробно описывающих вредоносные разливы рек.

Здесь, в этом разделе, излагаются материалы о наиболее типичных наводнениях. Кроме того, не раз упоминается о наводнениях и в других частях книги (в разделах об урожайности, о платеже хлеба в казну).

Макаровский посельщик монах Вавила доносил игумену: 24 апреля 1740 г. «на Лене реке лед понесло и заперло пониже нас в Кривой Луке. От того запору и понесло лед в речку и волею божьею льдом мельницу своротило... А насеянные озими потопило и льдом засадило и огороды до прясла все вынесло». Но скот и запасы хлеба в амбарах не пострадали. «И о том вашему благословению со всею братиею о своей победе (беде?) сим писанием объявляю» (Фонд 482, арх. № 3).

Приказчик Чечуйского острога Шевелев сообщил, что с 1 по 15 августа 1745 года «с великих дождей» поднялись реки Лена и Киренга и затопили поля и сенокосы, занеся их «всяким хламом». Погибло в воде некоторое количество скота. Такое же сообщение сделали мирской староста, десятские «и все пашенные крестьяне», написав в свою приказную избу, что «божиим де изволением была водная потопа великая: августа с 4 числа того же августа по 11 число стояла вода на полях» (Фонд 75, арх. № 1237, лл. 43-45, 54). Подобные повреждения вода сделала и по другим ленским волостям.

В июле того же года, как доносили из Нижне-Илимской волости, «божиим изволением четверы сутки без утыху дождь лил...» Водой р. Илима унесло сено в копнах, стогах и валках. Луга «засадило илом». Яровые хлеба с весны от засухи «от земли не весьма в подъеме были и по наливе зерна тем дождем промочило и отавой проросло». Хлеба клали в клады зелеными и в «умолоте ни единого зерна не имеетца». Водой снесло 3 мельницы, а с устья р. Илима сорвало дощаник, приготовленный «под господ Чирикова с товарищи» и его «сыскать не могли». Под этим сообщением на 2 страницах идут подписи крестьян (Фонд 75, арх. № 1237, лл. 93-94).

Выше Илимска, в Верхне-Илимской волости потопило в 8 деревнях скошенное сено, но хлебов не повредило. Ангара в 1745 году прошла спокойно и лугов не топила. Об этом сообщили Яндинская, Братская и Кежемская волости.

Зато по Лене только и Тутурской слободе не было отмечено никаких повреждений.

В мае 1751 года «в рекопоход» Ангары весь засеянный на островах хлеб у крестьян Кежемской слободы «потопною водою топило и льдами выдрало». По свидетельству приказной избы, погибло 112½ десятины хлеба (Фонд 75. арх. № 1836, л. 422).

Большие убытки принесло крестьянам ленских волостей весеннее наводнение 1754 года. Выборный от крестьян Киренской волости писал в Иркутск, прося дать отсрочку в платеже хлеба до урожая следующего года и освободить крестьян от посылки на работу в Усолье.

В этой волости местами льдом «выдрало земли глубиною в аршин». У одного крестьянина оказалось «в наносе всякого хламу по всему лугу и приносных 3 амбара», у другого на полях очутилась «приносная баня» и у многих — «в наносе камня, за которыми и пахать невозможно». В деревнях унесло водой много скота, борон, сох и даже некоторые постройки. У одного унесло «баню, пригон, а овин на веревках удержан». Вода стояла «выше печатной сажени по веретиям, а на низких местах — и выше». У одного крестьянина «в ызбе вода была по лавкам». Были сведения, что вода заливала постройки на 2 сажени. Наводнение началось 7-го и продолжалось до 22 мая.

В Чечуйской волости только по 3 деревням погибло 49 овец, 24 свиньи, 25 коров и 5 лошадей, унесло 3 амбара, 2 двора, 2 овина, 2 телеги, 3 амбара «с места своротило», потопило пашни, «и с того поля унесло пахотную землю»; на другом поле «пахотную землю льдом выдрало и великия рвы наделало». В деревне Гребенской вода на лугу стояла «на высоком месте 4 аршина, а на низких местах 4 сажени».

На полях Криволицкой волости вода стояла «над полями в сажень и больше», но сбыла через 3 дня. В некоторых деревнях вода заливала поля на 1½ сажени, а лед на полях лежал недели три, вследствие чего сев яровых закончили там только 12 июня.

У крестьян Кежемской слободы весной 1754 года снова «вынесло и льдом выдрало» много озимых посевов. Купить хлеб в Енисейске крестьяне не могли, так как там «урожая хлеба не имелось». Крестьяне выбрали челобитчика и послали его в Илимск просить об отсрочке платежа хлеба (Фонд 75, арх. № 2047, л. 246).

Воды рек в 1767 году дважды затопляли крестьянские поля. Бедствие постигло на этот раз все волости, лежавшие по Лене, Илим и Илге.

Как сообщал выборный Киренского острога, после весеннего сева водой Лены были снесены посевы; пришлось до начала июня пересевать поля, не оставив себе хлеба на еду.

Но июньским поводком посевы снесло вторично. «Маяя з 10-го по 27 число называемой в Лене реке поводной воды во всем Чечуйском ведомстве... унесло» — сообщал о первом потопе Чечуйский острог. Но в июне произошел второй разлив реки. Криволуцкая приказная изба писала, что крестьянские поля топило дважды — по вскрытии Лены и после сева. О втором наводнении говорилось так: «после того (сева) не в долгое время, уж тако богу изволевшу, вдруг учинилась поводь и начала вода збывати (прибывать?) и гораздо более прежней».

Поступили такие же печальные вести от Усть-Кутской, Орленской, Нижне-Илимской, Верхне-Илимской, Илгинской волостей и от киренского экономического старосты. Все данные об этом тяжелом наводнении илимская воеводская канцелярия свела в особое дело и составила сводную ведомость о размерах разрушения (Фонд 75, опись 2, арх. № 1129, лл. 8-62).

Погибла почти половина посева 9 волостей — 1430 десятин в том числе в Нижне-Илимской и Криволуцкой волостях $\frac{1}{3}$, в Верхне-Илимской и Киренской — $\frac{1}{2}$, в Орленской и Усть-Кутской почти весь посев, в Чечуйской — $\frac{2}{3}$ посева. В амбарах потопило тысячи пудов хлеба. Водой снесло 177 крестьянских построек — домов, амбаров, бань, овинов и мельниц, погубило более 250 голов скота.

В самом Илимске 13 июня «от воли божией и от великаго дождя набежала по реке Илиму вода, коя и в город Илимск вступила».

Как хозяйничала стихия, овладевшая Илимском, можно представить по одному делу (Фонд 75, арх. № 3054, лл. 115, 130-135): «1767 году июня с 11 числа по власти божией пр[о]исходил дождь безпрестанно. А 13-го зделалось великое в реке Илиме наводнение, от которого в городе Илимске, Верхней и Нижней посады, обывательские дома, так и в самом городе, где имеется соборная, Спасителя нашего святая церковь, воеводская канцелярия, казенный анбары... казенной винной подвал, кружечной и воеводской дворы... и за рекою Илимом с казенным правиантом казенные магазейны — все без остатку через 3 часа потопило, так что нигде сухова места ни на один аршин не осталось... Також обывательских домов множество повредило и инное строение много[e] унесло». Когда сержанту Зарубину было приказано спасти хлеб в амбарах, вода поднялась еще выше.

Вода подступила под самые башни острога, снесла 44 сажени палисада (тына); «в старом остроге круг церкви... ограду крутом и лесницу и ворота вынесло». Повредило у жителей Верхнего посада 20 дворов, Нижнего — 28 дворов и в старом остроге — 9 дворов.

Когда сведения о наводнении 1767 года в Илимском уезде дошли до Сената, то было «велено постараться, для предупреждения впредь подобного приключения... имеющиеся ныне на берегах в близости к воде обывательские строения, хотя не в одно время... перенести на высокие, не меньше и выгодные для них места».

Воевода Шарыгин отвечал на это сенатское распоряжение в иркутскую губернскую канцелярию 30 апреля 1769 г.: «как здешней канцелярии довольно сведомо и бес свидетельства знатно, что к переселению... способных мест... не имеетца. А той водою (при наводнении 1767 года) не понимающие места оставались только те одни, на которые селитца никак нельзя, а имянно каменные собки и утесы и гористые — и все безразрывно урослые еловым и лиственничным лесом непроходимо. Места, да не только на селение, но и на продовольство пахотою и покосами в близости к водам мест, кроме малых лугов, не состоит. И по множеству на оных каменных и ржавистых мест оного переносу учинить негде».

Несмотря на вздорность указа о переносе построек Иркутск прислал в Илимск геодезии прапорщика Бритова и двух учеников, чтобы они составили проект переноса селений на высокие места. Но, к удовольствию жителей, геодезисты ограничились составлением плана Илимска (Фонд 75, опись 2, арх. № 1132, лл. 74-83).

В 1769 году водами Лены размыло у крестьян Чечуйской волости $13\frac{3}{4}$ десятины озимых посевов и $42\frac{1}{4}$ десятины «паровой земли», унесло 86 голов скота и разметало 4450 сажень «прясла огородов» вокруг полей, вследствие чего произошли потравы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1200, лл. 15-18).

Весной 1778 года при проходе льда на Лене и Киренге «насадило льдом и снесло» 96 десятин пашни и 185 десятин сенокосов в 22 деревнях Криволуцкой слободы, унесло 47 верст «кругом поль огородов», потопило, десятки голов скота, «спехнуло» немало строений (Фонд 9, арх. № 59, лл. 270-272).

Очередное наводнение Лены произошло в 1800 году. На место был послан заседатель киренского нижнего земского суда Кошкаров, который 28 апреля 1800 г. доносил: «усмотрено мною, что от величайшаго от вскрытия оной реки наводнения... селения претерпели великой вред». Но Кошкаров не мог освидетельствовать поля, так как «на берегах стоящая величайшая льды к тому меня не допустили, почему за долг мой почитаю о сей несчастной, приключившейся для тех поселян печальной истинне... донести» (Фонд 9, арх. № 228, л. 196).

Об этом бедствии в киренский земский суд поступили доношения от 7 мирских изб. Но сообщения были краткими, так как теперь не было смысла описывать бедствия, чтобы просить отсрочки в платеже провианта. Только криволуцкая

мирская изба писала подробнее: «чего апрели 27 числа при походе Лены реки от чрезвычайной и неумеренной прибыли воды и несущего льда... своротило льдом мирскую избу... улицы, пахотную землю, сенные покосы льдом засадило, отчего пахотная земля нынешней весны к пахоте будет или нет способна, об оном еще неизвестно». Кроме того, мирская изба дала краткое перечисление убытков у крестьян: у одного «избу с месте спехнуло», у другого снесло скот, у прочих унесло хлевы, дрова, сохи, бороны, кузницы, коноплю, поросят, хлеб, гумно, «при Знаменской часовне колокольню своротило» (там же, лл. 197-225).

Так ознаменовала Лена конец XVIII и начало XIX века.

ОЦЕНКА КРЕСТЬЯНАМИ ВИДОВ НА УРОЖАЙ

Наиболее полные материалы по этому вопросу сосредоточены в донесениях мирских изб в киренский нижний земский суд за 1788-1796 годы.

Эти донесения, или рапорты о состоянии хлебов и трав, представляют значительный интерес, так как являются крестьянскими оценками видов на урожай и к тому же содержат много своеобразных понятий, слов и выражений чисто народной речи.

В 1788 году мирские избы на запрос исправника Ковалевского дали следующие оценки состояния хлебов (Фонд 9, арх. № 58, лл. 312-333).

Сообщение из Захаровской заимки от 30 июня говорит о наступившем улучшении в состоянии хлебов: «в июне месяце, в половине, бог даровал дождя на землю очень предовольно и хлебы на лугах поправились хорошо от великих жаров. А на сильных землях первые севы ржи, ярицы, пшеницы, ячмени колосуются, а новые (иные?) уже и цвести начинают, а последние севы збираются в пучку (в трубку)».

Через полмесяца та же мирская изба сообщила: «первые севы (яровых) начинают в зерна наливаться, средние цвет ропущают, а последния — колосуются. Но токмо от вешних прежних жаров хлебы растут с подсадою». Еще через 5 дней она пишет: «в наливе зерен хлебы подают надежду, а ячмени уже узревают... А иные ныне от падающих дождей с подсадкою сводят (всходят) и в тех надежды не подают». 30 июля хлеба были «в зрелости и есть иные хорошие, а другие от великих вешних засух очень ретки. Но токмо от дождей в тех хлебах появилась великая подсада и не успела в зерне налитца, потому что первой схот (всход) хлебов узрел и начинает сохнуть и понуждает к жатве, а подсада

и остается тунно». Травы, как уведомляла мирская изба, были редки и низки.

Из других волостей также писали о длительной весенней засухе, повлиявшей на состояние всходов. Дожди прошли только в половине июня и хлеба несколько поправились, но зато появилась подсада.

В этих донесениях крестьяне точно отмечают фазы развития злаковых хлебов — всходы, выход в трубку, колошение, цветение, налив зерна.

7 августа ниже-илимская мирская изба доносила о повреждении озимой ржи: «пала помха при наливе хлеба, то есть ржи, отчего и колосья покраснело». По 10 деревням пострадало от «помхи», т. е. по современному выражению от медвяной росы, 82½ десятины ржи.

Макаровская экономическая мирская изба о состоянии хлебов на 15 июля того же года сообщала, что при осмотре «оказались приключении озимому от засух и великих жаров: на бугроватых и песошных землях редкоколосие, ныне состоят в наливе половины зерен. Яровые первого и средняго засеvu по отцветении — к наливу, последняго засеvu — в цвету. И тому яровому хлебу... по небытию дождей — долговременное несхождение и по сходе — нескорое от земли растение... На бугроватых и угорных местах самое низкое растение и подсушение соломы и колоса от нападшей яди, называемой по здешнему климату — кобылки... Но на низменных и равнейших местах хлебы озимые и яровые соломою и колосом настоящей доброты, со обжиданием урожая».

Та же изба в рапорте от 1 августа писала, что «по учиненному от мирской избы осмотрению состоящие в полях хлебы озимые и яровые первых и средних засевов по наливе ко зрению зерн; между коими оказывается чреззерница и пустоколосие. А последняго засеvu яровые — к полности зерн налива. А на бугроватых и песошных землях — как соломою, [так] и колосом засохшие, кои не токмо жать, но и рвать нечего».

Чечуйская мирская изба 30 июня извещала киренский нижний земский суд, что в половине июня прошли хорошие дожди и хлеба поправились после засушливой погоды. «Многие из них... на добрых землях первые севы... колосуются, а иные уже и цветут, а последние севы собираются в пучку (в трубку)». Через 15 дней к этому добавляется, что хлеба раннего сева наливаются, среднего «цвет ропущают», а позднего — выколашиваются. Вместе с тем отмечается подсада.

30 июля хлеба были «в зрелости зерен изрядные, а другие — что мало и надежды», так как от засухи были очень редкими. Подсада, появившаяся после июньских дождей, налиться не успеет. Урожай наполовину погиб.

О редком хлебостое сообщили также усть-кутская и карапчанская мирские избы (Фонд 9, арх. № 56, лл. 10-397; арх. № 57, лл. 347-672; арх. № 58, л. 280).

За 1789 год в киренский нижний земский суд поступило от 5 мирских изб 10 доношений о произрастании хлебов (Фонд 9, арх. № 78, лл. 64-158).

Чечуйская мирская изба 1 июня извещала, что яровой сев еще не закончен. «А сходы первых севов хлебов, слава богу, благополучны». 1 июля в этой волости «озимовой хлеб начинает колосоватца и цвести, а яровые от засухи очень выгорают, а последние севы и по сие время еще не сходят». Наконец, 20 июля оттуда писали: «хлебы, первые севы, в наливе зерен, слава богу, подают надежду, а ечьмени уже и узревают. А последние севы колосуются и цветут, а иные (написано «инные», что встречается довольно часто) и в зерны наливаются. И то есть, что от падающих ныне дождей другия еще сходят».

Сообщения ниже-илимской мирской избы 1 июля и 1 августа говорили о благополучном цветении и наливе злаков.

Макаровская экономическая мирская изба 2 июля рапортовала: «озимые растением низкие, в колосу и в цвету. Яровые первого севу редкие и низкие, во окончании роста соломою, в колосу и в цвету, равно ж и средней сев. Последний сев сходами закрыли только землю. И тем хлебам есть приключение — от великой засухи выгорели и от напавшей, на зываемой кобылки, по бугроватым и средним местам соломы зблелели (побелели?) и колос высыхает. А семена конопленные и леновые имели ретко сходы, и самые низкие».

14 июля мирская изба осмотрела поля, причем оказалось, что озимые «соломою до колоса. Яровые... сеянные майя с 5 по 15 сходами землю покрыли... от 15 по 25 всходят к покрытию земли, а с 25-го по 5 числ июня исхождением от земли начинают». 4 июня иней повредил всходы, что сопровождалось «падением верхушек», т. е. подсыханием кончиков листьев.

За 1790 год поступило в киренский нижний земский суд 12 доношений о состоянии хлебов по 7 волостям (Фонд 9, арх. № 109, лл. 516-786).

Ниже-илимская мирская изба 4 июня доносила о исправных всходах, 26 июня она подтвердила сообщение о благополучном росте хлебов. Но 1 августа «по осмотру старшин по селениям оказалось — на хлеб, на ржах падала помха... В яровых хлебах, да также и во ржах чреззерницы предвидится довольно».

Криволуцкая мирская изба 2 июля отметила, что «хлебы озимые на колос мечутся и благополучны... Было повреждение от выдымки, а яровые ранние в трубице и надежду подают, а поздние ныне еще укрывают землю». 2 августа сооб-

щено, «хлебы озимые а налеве, только еще зерна не пришли в существо материи твердости и к жатвию надежду подают. А яровые ранние в полуналеве, а поздые ныне еще [только] цвет обронули (отцвели)». Таким образом, 2 августа на некоторых полях хлеб еще не начал наливаться, что угрожало ему полной гибелью. Следующий рапорт от 1 сентября подтвердил это: «...озимые и яровые ранние хлебы соломоу высоки и густы, и зерна пришли в существо материи твердости (писарь где-то усвоил это забавное выражение), а поздые яровые во всех здешней волости в селениях от морозов, называемых иньев, позябли и не только что на семена быть годными, но и на пропитание весьма неисправны».

Благополучно развивались хлеба в Тыптинской, Макаровской и Подкаменской волостях. В Захаровском селении появилась кобылка и нанесла ущерб хлебам и травам.

Самая северная волость, Нижне-Тунгусская экономическая на р. Нижней Тунгуске, пострадала от августовских заморозков. Хлеб рос хорошо, «а ныне по власти божией от воспоследовавших сего августа месяца на 16-ое и на 17-ое и на 18-ое числа иньями студенными хлебам [причинено] немалое повреждение».

За 1791 год поступило более 20 сообщений о росте хлебов (Фонд 9, арх. № 123, лл. 316, 377; арх. № 122, лл. 94-247).

Макаровская экономическая мирская изба 15 июня сообщала: «сей мирской избы по осмотрению» озими пошли в трубку, ранние яровые покрыли землю, поздние только еще всходили. Затем, «в июне месяце учинено обозрение», при этом оказалось, что озимые были «в колосовании и испущении цвету, яровые первые и средние посевы — испущением колоса». Поздние посевы имели «соломы до колоса». В рапорте от 1 августа мирская изба сообщает, что озимые созревают, ранние яровые наливают зерно, поздние «по отцветии — в наливе». Все шло благополучно. Но во время уборки, 27 и 28 августа, выпал снег, повредив яровые поздних сроков сева.

Нижне-Тунгусская экономическая мирская изба 1 июля отметила хорошие всходы ранних, изреженные и низкие — поздних яровых. Но 31 июля «по власти божией от воспоследовавших дождей (хлеба) ростом в вышину поправились, в цвете, и наливом в зерность подают надежду хорошую к зрелости». Недолго радовались на Нижней Тунгуске. Как и в предыдущем году, 23 августа «властию божиею от воспоследовавших студеных иньев зделало хлебам весьма великое повреждение».

За 1792 год в делах имеется 11 доношений о видах на урожай (Фонд 9, арх. № 142, лл. 3-205; арх. № 137, лл. 568-606; арх. № 138, лл. 616-705).

15 июня макаровская экономическая мирская изба после осмотра посевов сообщала, что озимые «ретки и (имеются) окружные пустоместия» (вероятно, местная гибель от вымокания). Яровые «от невозрастающих семян негусты». В рапорте от 1 июля сообщается, что озимые — «в растении колоса», ранние и средние яровые — «во испущении колоса», поздние — «в растении до колоса». Наконец 1 сентября мирская изба доносит о полной зрелости хлебов, кроме яровых поздних сроков сева, которые «от бывших морозов позябли». Урожай был посредственным: «первое: от невыцвету — пустоколосие, чреззерница; от наклонения погодами (значит, хлеб полег) — истечение зерна. А напоследок — от нападающего на 19 число июля инья, равно ж и в августе месяце в разные числа».

Из ниже-тунгусской экономической мирской избы редко приходили хорошие вести о хлебах. 27 июня она рапортует о низких и редких всходах. «А ныне от... теплаго воздуха поправились, подают надежду к колосованию». 10 августа хлеба «по береговым местам в зрелость происходят и жатва начинается, а которая вдале от берегов — от повреждения иньями никакой надежды нет».

Крестьянин точно оценивал разницу климата вблизи реки и вдали от нее, в тайге, и лишь недостаток пахотных угодий толкал его на таежные елани.

Марковская мирская изба сообщает, что хлеба осмотрены 30 июня. «Озимовые все на колосу, ис коих наполовину в цвету. Токмо от заливания от реки воды и от выдымки очень ретки. А яровыя в половине на колосу и горохи цветут и конопли хорошие».

В тот год по деревням Карапчанского погоста И Подкаменской слободы «в сходу всякой хлеб [был] хорош».

За 1793 год имеется несколько рапортов мирских изб о состоянии хлебов (Фонд 9, арх. № 140, лл. 102, 112).

Чечуйская мирская изба сообщает 1 августа, что хлеба «узрели» и начинается жатва. Но яровые поздних сроков сева «в зерно налились, только еще не узрели». Очевидно они были в стадии ранней восковой спелости.

Макаровская экономическая изба 1 августа доносит об осмотре полей, причем оказалось, что озимые и яровые ранних сроков сева «по наливе — во зрении зерн», яровые позднего сева «по окончании налива [приступили] ко зрению... А как озимому, равно и яровому хлебу было приключение от Медведевых рос — цвету слипление, и от невыцвету — чреззерница и пустоколосие, и от бывших погод и дождей — выклоном (полеганием) соломы». 23 и 24 августа выпали инеи, но повредили хлеб мало, так как почти весь он вызрел.

Отчеты за 1794 год, оба на 1 июля, имеются только по Нижне-Илимской и Чечуйской волостям. Первая, после

осмотра хлебов старшинами, оценивает их как «исправные». Они цвели, но были редки от засухи. Вторая волость отмечает цветение ранних и колошение поздних посевов. В деревне Кондрашинской град выбил коноплю, «отчасти и у насеянных хлебов... вершинки сломало тем же градом» (Фонд 9, арх. № 148, лл. 253-255).

Последние рапорты мирских изб в киренский нижний земский суд о состоянии урожая относятся к 1796 году (Фонд 9. арх. № 43).

Приведенные данные о развитии хлебов за 8 лет конца XVIII столетия, взятые в целом, дают полное представление об особенностях вегетационного времени северного Предбайкалья.

Весенние засухи, летние засухи и связанное с ними развитие кобылки, а также поздние весенние и ранние осенние заморозки создавали сложную и трудную обстановку, в которой илимский крестьянин выращивал хлеб. Он тонко взвешивал особенности восточно-сибирского лета, присматривался к влиянию почв и рельефа на посевы, следил внимательным взором за последовательным развитием хлебов, начиная от всходов и кончая созреванием.

Мирские избы давали отчеты киренскому нижнему земскому суду о состоянии посевов довольно редко, поэтому трудно дать связную сводку о фазах развития хлебов, тем более, что мирские избы не расчленяли своих, сообщений по культурам. Кроме того, местность, на которой велись наблюдения, была чрезвычайно обширной, с разнообразными, существенно отличавшимися условиями для роста и развития растений в различных ее частях.

Приблизительно фазы развития хлебов представлены сводками мирских изб.

Озимая рожь шла в трубку около 15-20 июня, колосилась с 19 июня до 3 июля, цвела с конца июня до начала июля и приступала к наливу зерна с половины июля. Наиболее раннее созревание ржи отмечено 1 августа.

Яровые ранних сроков сева, в первую очередь ярица, пшеница и ячмень всходили в середине — конце мая, шли в трубку с конца июня до начала июля, колосились одновременно с озимой рожью, т. е. между 20 июня и 3 июля, зацветали 30 июня-3 июля, начинали наливаться с 20-х чисел июля. Самое раннее созревание отмечено 20 июля — по ячменю, но, как правило, налив зерна шел до конца августа, а в первых числах сентября повсеместно началась уборка.

Яровые, посеянные с опозданием, всходили в течение всего июня, шли в трубку в первых числах июля, зацветали в конце июля и цвели иногда до начала августа. Налив зерна у них начинался в первой половине августа и нередко пре-

рывался ранними осенними заморозками, не дойдя до состояния полной спелости.

Внимательно всматривался крестьянин в свои посевы, следя за всеми их изменениями от всходов и до полной спелости. По многим, иногда очень малозаметным признакам он наблюдал за растущим хлебом, основой его существования. Сколь часто фазы развития хлебов становились актами драмы его хозяйства!

УЧЕТ УРОЖАЯ ПО ЧИСЛУ ОВИНОВ

Крестьяне вели свой учет сбора хлебов, пользуясь разными производственно-хозяйственными единицами измерения урожая: снопами, суслонами, овинами, кладами или кладушками, а также, понятно, и общепринятыми тогда весовыми и объемными мерами — пудами и четвертями.

Все способы крестьянского измерения являлись приблизительными, часто — глазомерными, но это не значит, что они были не достоверными; они давали крестьянину возможность оценить сбор главного продукта — зерна — с удовлетворяющей хозяина степенью точности. Впрочем, и казна нередко пользовалась крестьянскими способами оценки урожая.

Поэтому исследователь не может пройти мимо документов, в которых отразились крестьянские приемы оценки урожая. Кроме того, несмотря на приблизительность крестьянских учетов, они дают возможность представить структуру посевов и, значит, общий характер полеводства.

Чаще всего встречается измерение урожая в овинах, т. е. в ворохах хлеба, закладываемых зараз для сушки в овин. Так как в ворох входят и колосья и солома, то число овинов, получаемых с десятины, зависит от высоты и густоты стеблестоя, а также от урожая зерна. Но сбор соломы и зерна с десятины для разных лет является величиной переменной, поэтому крестьянин всегда определял и намолот зерна с овина.

Наибольшее число документов о количестве овинов хлеба, собираемого крестьянами, сохранилось за 30-60 годы. В конце XVIII века таких документов не встречается, так как с отменой хлебного обложения крестьян уездные власти все реже требовали от мирских изб сведения об урожае хлебов.

Учет в овинах как единицах измерения массы урожая касается лишь пяти хлебов, именно озимой и яровой ржи, пшеницы, ячменя и овса.

Между прочим, в Нижне-Илимской волости встречается слово «кладушка», обозначающее небольшую скирду хлеба, в которую сметывалось от 2 до 6 овинов.

Кладь не являлась сколько-нибудь постоянной мерой количества сжатого хлеба. Так как снопы сметывались в клади с каждого засеянного участка, т. е. непосредственно на месте уборки, то величина клади зависела от размера посева на данном участке. Вследствие этого клади ржи были больше, чем, например, клади пшеницы.

Учет убранного хлеба производился властями с целью определения платежеспособности крестьянина. И именно поэтому, учет велся на поле, когда крестьянин еще не мог потребить и продать хлеб или уменьшить урожай.

Крестьяне не мешали служилому человеку считать овины, подписывали ведомости о числе их, но не всегда давали обязательства об исправном платеже. Нередко служилый человек вместо обязательства получал челобитные, содержавшие просьбу к илимской воеводской канцелярии об отсрочке платежа.

И учеты, которые при благополучном урожае давали воеводской канцелярии эфемерные гарантии исправного платежа, связывали ей руки, если урожай был неудовлетворительным. В последнем случае крестьяне могли ссылаться на бесспорный документ, составленный уполномоченным самой канцелярии.

Вполне вероятно, что дело не обходилось без подарков «в честь» служилому человеку, поскольку учет хлеба касался жизненных интересов крестьянина.

За 1751 год по Илгинской волости имеется хорошая ведомость, в которой даны площади посева, число кладей и овинов, а также сбор зерна в пудах, что дает редкую возможность определить соотношение между всеми этими показателями (Фонд 75, опись 2, арх. № 592, лл. 32-41).

Результаты обработки названной ведомости отражены в таблице 55.

Так как в таблице относительные величины приведены с округлением, то проверочные действия, основанные на связи между этими величинами, дают приближенные значения (например, умножение числа кладей, полученных с десятины, на число овинов в клади должно дать число овинов, полученных с десятины и т. д.).

Таблица подтверждает, между прочим, простое явление — чем больше площади полей, тем меньшее число кладей или овинов ставилось на десятину. И наоборот, число овинов в клади увеличивалось при больших площадях уборки и уменьшалось в другом случае.

Счет в кладях и овинах, если даже указан умолот с них, всегда дает лишь приближенные величины урожая. Поэтому пользоваться им можно лишь в особых случаях.

В Киренской волости у 96 крестьянских дворов было переписано в 1752 году 169 овинов ржи и 1244 овина яровых.

Таблица 55

Показатели	Единица измерения	Рожь озимая	Ярица	Пшеница	Ячмень	Овес	Итого и среднее
Площадь посева	десятин	438¼	123¾	90⅝	84½	63¾	800½
Кладей	единиц	367	189	187	203	155	1101
Овинов	""	1352	426	446	487	331	3042
Умолот	пудов	17563	4250	4460	4810	3310	34393
Кладей на 1 десятину	единиц	0,8	1,5	2,1	2,4	2,4	1,4
Овинов на 1 десятину	""	3,1	3,5	4,9	5,8	5,2	3,8
Овинов в 1 клади	""	3,7	2,3	2,4	2,4	2,1	2,8
Умолот с 1 клади	пудов	4	23	24	24	21	31
Умолот с 1 овина	""	13	10	10	10	10	11
Умолот с 1 десятины	""	40	34	49	57	52	43
Структура посева	%	54,7	15,4	11,3	10,6	8,0	100,0

Средний умолот с овина составлял: ржи 9 пудов, яровых 6 пудов. В ведомости записано: «Ржаного садитца в овин по сту по штидесят снопов, ярового по сту по восьмидесят снопов» (Фонд 75, опись 2, арх. № 632, лл. 42-44).

В 1754 году у 82 крестьян Криволуцкой волости было учтено 886 овинов, в среднем по 10,8 овина на хозяйство. Отдельные крестьяне собрали значительное количество хлеба. Например, Михаил Ярыгин имел 50 овинов, Андрей Швецов — 30, Афанасий Шапошников 26. Таких хозяйств с большими посевами по волости учтено 5 (Фонд 75, арх. № 2047, лл. 240-241).

В 1756 году было учтено число овинов в Илгинском остроге, в Ново-Удинской и Барлукской слободах. Эти волости являлись многопосевными и благополучными по урожаю (Фонд 75, арх. № 2242, лл. 1-9; арх. № 2244, лл. 1-5).

Наиболее крупные посевы в Ново-Удинской волости были у Прокония Томских, у Семена, Силы и Фрола Купряковых. Они собрали 157 овинов и намолотили 2124 пуда хлеба.

Одиннадцать зажиточных крестьян Илгинского острога намолотили 7000 пудов зерна. Среди них были Осип Кирилов, Иван Новопашенный, Иван Дроздов, Яков Чувашев. Степан Мамруков, Михаил Константинов, Роман Сукнев. Ермил Олферов и Егор Пономарев — имена, встречающиеся в илимских документах в течение многих десятков лет.

В среднем на одно хозяйство они намолотили 636 пудов, в то время как остальные 154 двора волости собрали 19395 пудов, по 126 пудов на двор, т. е. в 5 раз меньше, чем собирали на двор многопосевные хозяйства.

В том же 1756 году «овинный хлеб» был описан по Чечуйской, Усть-Кутской, Криволуцкой и Барлукской волостям (Фонд 75, опись 2, арх. № 813, лл. 22-41).

Ведомость по Чечуйской волости была составлена приказчиком и провиантмейстером Усть-Кутского острога, значит, являлась документом большой доказательной силы. К ведомости они добавили примечание, что доимочный хлеб взыскать «никоими делы никак невозможно» и что качество хлеба низкое. «А которые ржи у них по малому числу и были — и те метлицей, торицей, жабреем задавило и умолоту имеетца самое малое число и те мукою красны». Упоминание о сорных травах, тем более названия их, встречается в илимских документах чрезвычайно редко.

О пяти хозяйствах Усть-Кутской волости из 52 сказано: за неимением семенного хлеба в урожае не имеется», значит, они в этом году являлись беспосевными.

Если свести все показания крестьян о намолотах разного хлеба с овина, а таких показаний в 50-х годах XVIII века поступило 18, то окажется, что намолот с 1 овина колебался около 9 пудов.

Умолоты с овина, по ведомостям приказных изб и по прямым показаниям крестьян, почти всегда невелики. Это объясняется и тем, что такие ведомости чаще представлялись как доказательство неурожая и тем, что крестьяне осторожно сообщали о своих доходах властям.

Поэтому ничего нет странного, если в других документах, например при споре крестьян друг с другом, указываются гораздо более высокие умолоты.

Например, 3 марта 1767 г. крестьяне Барлуцкой слободы Сила Гладких и Арсений Мурашев жаловались на односельчанина Ступина, что его конский табун разломал «огород», т. е. ограждение полей, и «свел» 3 десятины ржи. «А умолотом с каждого овина выходило по 20 пуд, а хлеб в той слободе происходит каждой пуд по 10 копеек». Кроме того, было стравлено $\frac{1}{2}$ десятины пшеницы. Впрочем, крестьяне, «поговоря между собою, изыскали в сердцах правду, не ходя в суд — помирились» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1121, лл. 111-112, 117).

«Выборной» Киренского острога Дмитрий Вострецов представлял 10 июля 1771 г. итоговую ведомость о посеве хлебов за 1770 год. В ней, между прочим, указано, что в суслоне «большой вязи» ставится 12 снопов озимой ржи или 9 снопов ярицы, или 6 снопов других хлебов.

В Чечуйской и Кежемской полостях суслоны называли копнами. В копне считалось 11 снопов озимой ржи или 8 — ярицы или 6 — других хлебов.

Но в Тутурской волости понятие копны было иное. Например, оценивая урожай 1772 года, оттуда писали, что на десятину ставится 3 копны, т. е., видимо, 3 овина.

По ведомости, представленной илимской воеводской канцелярией в иркутскую «правианскую экспедицию» в 1770 году, крестьяне ставили копны, или суслоны, из следующего числа снопов: озимой ржи по 9 (Криволуцкая слобода), 10, 11, 12 и 13 снопов (Нижне-Илимская слобода), ярицы по 8, 10, 11 и 12 снопов, пшеницы, ячменя и овса по 6 и 10 снопов, льна по 10 снопов. Кежемские крестьяне указывали, что в овин они складывают 200 снопов ржи.

Всего в 50-х годах XVIII века в илимскую воеводскую канцелярию поступило от 14 волостей 32 ведомости об «овинном числе». На основании их можно вычислить структуру посевов, как она сложилась в середине века: озимая рожь составляла 41,3%, ярица 21,0%, пшеница 14,4%, ячмень 11,4% и овес 11,9%.

УРОЖАИ И ВЫСЕВ СЕМЯН

В дополнение к показаниям крестьян о неурожаях здесь приводятся цифровые сведения о величине урожая.

Ввиду того, что до 1765 года не имеется сводных отчетов о сборе хлебов по всему Илимскому уезду, приходится использовать разрозненные данные об урожайности, составленные разными волостями за некоторые годы. В таблице 56 собраны все подобные данные по урожайности хлебов в отдельных волостях.

При просмотре данных этой таблицы бросаются в глаза резкие колебания сбора хлеба в отдельные годы. Неустойчивость урожаев — характерная черта земледелия того времени. Если брать отдельные хозяйства, то отклонения от приведенных величин еще сильнее выражат стихийность урожаев.

Таблица открывается данными о полном неурожае. Это время, 1740-1741 годы, являлось одним из наиболее тяжелых, когда-либо пережитых илимской деревней. Отрыв крестьян для обслуживания Камчатской экспедиции имел не последнее значение в ослаблении сил илимской деревни, а значит, и в углублении того кризиса, который переживал Илимский край. Но и обратно, падение производства хлеба в Илимском и других сибирских уездах сделало невозможным продолжение работ Камчатской экспедиции.

На благосостояние и силу крестьянского хозяйства оказывало отрицательное влияние государственное хлебное об-

Таблица 56

Волости	Годы	Урожай, пудов с десятины					
		рожь озимая	ярица	пшеница	ячмень	овес	среднее
Нижне-Илимская	1740	12,3	14,6	15,5	17,0	17,6	13,2
Кежемская	1740	8,9	14,8	20,0	12,2	18,0	9,5
Нижне-Илимская	1741	15,5	10,2	9,8	18,3	13,9	13,6
Кежемская	1741	13,6	9,1	3,1	12,2	10,5	12,1
Илгинская	1751	40,1	34,4	49,2	56,9	51,9	42,9
""	1757	43,0	39,4	41,8	43,1	45,3	42,7
Чечуйская	1757	42,1	43,7	39,9	49,2	40,1	43,9
Ново-Удинская	1757	51,7	41,0	35,0	93,3	38,4	49,6
Усть-Кутская	1757	69,5	60,8	58,7	52,1	59,9	62,6
Илгинская	1758	50,0	45,4	44,6	44,8	43,5	48,3
Карапчанская	1758	28,4	26,6	25,1	32,1	33,2	28,2
Нижне-Илимская	1762	28,2	29,1	30,5	28,8	31,9	29,7
Криволуцкая	1762	17,2	70,2	69,1	49,1	54,9	51,3
Кежемская	1763	17,7	14,8	17,6	19,7	29,7	17,7
Чечуйская	1763	29,7	20,1	27,0	18,7	19,1	21,9
Карапчанская	1765	36,2	35,9	10,8	6,6	8,6	23,2

ложение, связанное к тому же с дальними перевозками хлеба. Отмена хлебного обложения устранила крупную помеху, стоявшую на пути развития илимского земледелия, и развязала крестьянину руки в его хозяйственных делах.

Другое замечание по таблице можно сделать в отношении средних сборов. Они, в общем, были невелики, составляя в 50-60 годах величину меньше 40 пудов с десятины. Ни одна культура среди пяти хлебов не выделялась по средней величине сбора.

Ведомость 1762 года охватывает 59 хозяйств Криволуцкой слободы. И в 16 из них по ячменю, пшенице, ярице и овсу, всего в 27 случаях, получены урожаи свыше 100 пудов на десятину. Правда, нельзя не указать, что высокие урожаи были получены на малых площадях, часто на долях десятины, значит, небольшие неточности и округления в валовом сборе хлеба влекли резкое увеличение показателей по урожаю в пересчете на десятину.

Поля с высоким урожаем занимали 7,7% от всей посевной площади Криволуцкой слободы.

Первая сводка об урожае по всему Илимскому уезду составляется за 1765-1773 годы. Как раз в 1773 году илимский крестьянин освобождается от отяготительной натуральной повинности — сдачи хлеба в казну.

В целом по уезду урожай за 9 лет ни разу не поднимался до посредственной величины, например до 40 пудов с десятины.

По ряду волостей за это время наблюдался полный неурожай. Особенно страдала Верхне-Илимская волость, расположенная в таежной местности в верхнем течении р. Илима. В 1766 году там получено всего по 6,6 пуда с десятины, в 1767 году — 3,6 пуда, в 1768 году — 7 пудов, в 1770 году — 0,8 пуда, в 1771 году — 1,7 пуда. Из 9 лет сносный урожай наблюдался там только 4 раза. Поразительно упорство, с которым крестьянин этой волости, несмотря на частую гибель плодов его труда, продолжал неустанно засеивать свои крохотные участки.

В 1765 году Киренская волость собрала только по 0,7 пуда с десятины, в 1767 году Орленская слобода — 4,1 пуда, а в 1771 году — 4,4 пуда. В 1773 году Яндинская волость получила с десятины 7,8 пуда, Илгинская — 8 пудов. Полностью погиб урожай в 1772 году у крестьян Илгинской, Тутурской и Усть-Кутской волостей, в 1773 году — у крестьян Ново-Удинской слободы.

Однако можно отметить за это же время несколько случаев хорошего урожая, которые сведены в таблицу 57.

Таблица 57

В о л о с т и	Год	Урожай с 1 десятины, пудов
Ново-Удинская	1765	68,6
""	1766	73,9
Усть-Кутская	1766	55,7
Киренская	1766	60,0
Илгинская	1767	74,6
Усть-Кутская	1768	69,5
Чечуйская	1768	63,7

Все это характерно для стихийных урожаев.

Урожай в 1774 году по отдельным волостям, как обычно, колебался в широких пределах. Полный неурожай был снова в трудной для земледелия Верхне-Илимской волости, низкий — в ленских волостях, и хороший — в Приангарье.

Высокий урожай можно отметить в Яндинской волости: озимой ржи 48 пудов с десятины, ярицы 56 и пшеницы даже 72 пуда. В Кежемской слободе ячмень дал 72,8, а овес 75 пудов с десятины.

Но самый высокий, можно сказать, необычайный сбор хлебов был получен в Барлуцкой волости — озимой ржи по 98,6 пуда с десятины, ярицы — 108, пшеницы — 160, ячменя — 140, овса — 144, конопли — 70, а в среднем — 110,5 пуда с десятины.

Несомненно, что некоторые крестьяне Барлуцкой слободы добились еще более значительных сборов.

Сбор хлеба по всем волостям Илимского уезда достиг $\frac{1}{3}$ миллиона пудов. За 10-летие валовой урожай составлял в тысячах пудов:

1765 — 161,5	1770 — 118,9
1766 — 260,7	1771 — 162,2
1767 — 213,2	1772 — 187,4
1768 — 228,2	1773 — 197,8
1769 — 194,2	1774 — 344,4

Значит, урожай 1774 года, по существу являвшийся средним, «нормальным», оказался наибольшим за целое десятилетие.

О качестве урожая за этот год имеются замечания из Тутурской слободы.

Озимая рожь в этой волости дала 45 пудов с десятины, ярица — 36, пшеница — 32, ячмень — 41 и овес — 60 пудов. Как можно заключить, общий урожай был хороший. Тем важнее мнение крестьян, сопровождавших сведения об урожае тонкими замечаниями о причинах, снизивших сбор хлебов (Фонд 2, арх. № 28, лл. 79-81).

За 1775 год имеются ведомости выборных и сотских по шести волостям (Фонд 2, арх. № 26). Средний урожай зерновых составил тогда 41 пуд с десятины. Можно указать, что с этого времени повышается урожай хлебов в целом по уезду и все чаще встречаются случаи хороших сборов зерна.

Кроме вечно недородной Верхне-Илимской волости, урожай в 1775 году был средним. Судьба, наконец, порадовала крестьян Чечуйской волости — они получили высокий урожай на расширенной площади посева.

В 1790 году здесь уродилось с десятины 41,5 пуда (по другим документам — 43,3 пуда), несмотря на то, что «на ржи падала помха», а яровые «от морозу весьма вредило».

Как видно, ниже-илимский крестьянин уже не испытывал тех тяжких ударов, которые наносила ему природа четверть века назад. Земледелец научился более стойко и уме-

ло противостоять неблагоприятным условиям, в которых он вел свое хозяйство.

Обращает внимание то обстоятельство, что урожаи яровых зерновых, в общем, оказывались, особенно в конце века, выше, чем озимой ржи. Это послужило одной из причин вытеснения озимых в северных областях Предбайкалья яровыми культурами.

Отдельные волости по некоторым культурам получили превосходные урожаи. Например, Нижне-Тунгусская экономическая волость в 1787 году собрала с десятины 62 пуда ячменя, одноименная государственная волость — 51 пуд ячменя. Тыптинская экономическая заимка в том же году получила 64 пуда овса с десятины.

Чечуйская волость, на протяжении многих лет страдавшая от тяжелых неурожаяев, теперь не могла жаловаться на судьбу.

В течение 1788-1790 годов там с десятины уродилось озимой ржи 48,5 пуда в первом, 92,7 пуда во втором и 32,9 пуда в последнем году этого трехлетия; урожай ярицы за эти же годы составил 57,4 пуда, 55,7 пуда и 50,6 пуда; пшеницы — 64,4 и 55,3 и 50,2 пуда; главного своего хлеба, ячменя, было собрано с десятины 65,8 и 74,1 и 54,2 пуда; наконец получено овса — 82 и 70 и 76,2 пуда с десятины.

Чечуйская мирская изба представила 1 октября 1787 г. ведомость о посевах, «учинив опыт обмолота урожаемого в нонешнем 1787 году хлебу на каждое селение порознь».

Значит, мирская изба не только вела точное наблюдение за поведением хлебов, но и производила пробные, или, как сказано в донесении, опытные умолоты.

Захаровская мирская экономическая изба сообщила в 1788 году киренскому нижнему земскому суду о весьма высоких урожаях: по 111,5 пуда ячменя и по 103,2 пуда овса с десятины.

Теперь можно подвести итоги по урожайности в Илимском (Киренском) уезде.

Как отмечалось, первые обобщенные данные об урожае появились в виде сводки за 1765-1773 годы. В это время крестьянин еще платил в казну «оброчный провиант». Последующие девять отчетов об урожае с 1774 по 1799 год отражают величину сбора хлебов за то время, когда натуральное хлебное обложение было упразднено.

В таблице 58 даны все эти сведения.

Выходит, что урожаи после отмены хлебного обложения повысились довольно значительно, так как крестьянин избавился от наиболее тяжелой повинности, подрывавшей его хозяйство. Далее, нельзя не отметить более высоких урожаев яровых черновых культур по сравнению с озимой рожью.

Таблица 58

Г о д ы	Урожай с десятины, пудов								
	рожь озимая	ярица	пшени- ца	ячмень	овес	горох	гречиха	конопля	лен
1765-1773, среднее	30,1	29,9	27,0	29,0	34,7	22,2	22,9	19,1	17,7
1774-1799, среднее	37,4	40,1	40,0	50,0	54,4	32,3	13,3	29,8	14,6

Илимский край в последней четверти XVIII столетия уже не испытывал таких глубоких и повсеместных неурожаев, которые потрясли илимскую деревню в начале 40-х годов этого века.

Чтобы закончить с вопросом об урожаях, достаточно привести данные о средних сборах по пяти хлебам — по озимой и яровой ржи, пшенице, ячменю и овсу. В таблице 59 дается динамика средних урожаев по группе зерновых хлебов за 1765-1799 годы в пудах с десятины.

Таблица 59

Годы	Урожай, пудов с десятины	Годы	Урожай, пудов с десятины	Годы	Урожай, пудов с десятины	Годы	Урожай, пудов с десятины
1765	24,5	1770	18,6	1775	41,0	1788	46,4
1766	39,7	1771	28,7	1776	31,0	1789	50,7
1767	35,8	1772	26,9	1779	55,7	1790	44,2
1768	39,1	1773	24,7	1780	44,6	1798	43,4
1769	31,8	1774	38,4	1787	27,8	1799	45,1

С такими итогами по урожаю хлебов подошел илимский крестьянин к началу XIX века.

О размерах высева семян имеется довольно большой материал, но ввиду его однообразия в таблице 60 приводятся сводные данные по всему Илимскому (Киренскому) уезду только за некоторые годы конца XVIII века.

Илимский крестьянин еще в середине XVII века отказался от низких норм высева и в дальнейшем придерживался того размера высева, который указан в таблице.

Как следует из показанных в таблице величин, на десятину высевалось около 11-12 пудов озимой ржи и 16-20 пудов семян яровых хлебов. В отдельных волостях и особенно в неблагоприятные годы высев семян на десятину повышался.

Таблица 60

Годы	Высев семян на десятину, пудов							
	озимая рожь	ярица	пше- ница	ячмень	овес	горох	конопля	лен
1765-1773	12,0	15,9	15,6	16,9	19,0	9,5	13,2	10,2
1787-1790	11,7	16,2	16,5	18,9	28,8	12,5	16,0	9,1
1799	10,8	16,4	16,6	20,3	22,5	13,2	16,6	—

СПЛАВ ХЛЕБА В ЯКУТСК

В течение XVIII века илимским хлеб являлся основой продовольственного снабжения всего северо-востока Сибири, т. е. Якутского края и Дальнего Востока.

Ежегодно вниз по Лене сплавлялось 20-30 тысяч пудов илимского хлеба. Снабжение продовольствием Камчатской экспедиции проводилось из Илимска, о чем излагается в X главе настоящего тома.

До тех пор, пока действовала система хлебного обложения крестьян, т. е. до 70-х годов XVIII века, илимский крестьянин не только поставлял ежегодно почти весь хлеб, необходимый для пропитания русского населения северо-восточной Сибири, но и размалывал его в муку, подвозил к ленским пристаням, строил там барки или плоты и сопровождал грузы до Якутска, а временами и до Юдомского Креста.

Освоение северо-восточной части Евразии было бы неосуществимо без этой крайне сложной и трудной работы илимского крестьянина, совершенно позабытой потомками, несмотря на то, что она длилась свыше 100 лет.

В общих чертах все громоздкое и мучительное дело доставки хлеба в Якутск проходило так: подлежащий сдаче в казну хлеб бесплатно подвозился по санному пути к ленским пристаням; выделенные крестьянскими обществами рабочие по разнарядке илимской воеводской канцелярии, а также разночинцы и ссыльные рубили лес, подвозили его к плотбищам и делали там суда и плоты за низкую казенную плату. С открытием весной водного пути груженные хлебом барки и плоты в сопровождении крестьянских лоцманов, или «вожей», направлялись в двухтысячеверстный путь вниз по Лене. На судах находились выбранные крестьянами рабочие, которые гребли всю дорогу, причаливали в непогоду и на ночь к берегу, снимали суда с мелей, берегли хлеб от воды и огня.

В отдельных случаях казна прибегала и к свободным торгам на постройку судов.

Общее руководство сплавом осуществляла илимская воеводская канцелярия; на пристанях находились с 30-х годов XVIII века особые провиантмейстеры, а начальниками на судах во время плавания являлись казаки.

Весь этот порядок сплава в корне изменился после отмены хлебного обложения крестьян Иркутской губернии.

В пределах Илимского уезда по Лене имелось две основных пристани, Усть-Илгинская и Усть-Кутская. Однако во время следования барки и плоты нередко догружались и в других точках. В 1753 году каптенармусом Якутского полка Рахваловым была выбрана еще одна, третья пристань — в деревне Подкаменной Киренской волости. С этого времени «для убежания крестьяном излишней тягости» провиантмейстеры, сопровождавшие суда с хлебом, должны были «запутно» останавливаться здесь и принимать хлеб, сдаваемый киренскими крестьянами (Фонд 75, опись 2, арх. № 660, л. 13).

Складское и весовое хозяйство Усть-Илгинской пристани, где скапливались десятки тысяч пудов хлеба, не раз подробно описывается в бумагах илимской воеводской канцелярии. Три больших амбара, крытые тесом, с перилами, стояли буквой «П», образуя как бы незамкнутый двор, посредине которого имелась «важня на 6 столбах... В той важне вес — коромысло деревянное, обоина, дуга и по концам крюки железные. При том коромысле две доски весовые, деревянные, и у оных досок на середине оковано вокруг прутьями железными. При каждой (доске) по 4 кольца на пробоях железных. У тех досок веревки пеньковые и кольца вверх[у] железные ж». Здесь же имелся набор гирь: «троепудовая, двоепудовая», пудовые, полупудовая, 10-фунтовая и 5-фунтовые. При магазинах находилась караульная изба (там же, лл. 40-44).

Примерно такое же имущество имелось и на Усть-Кутской пристани: два магазина, весы «терезные, коромысло на петле железной, по концам оковано железом с кольцами железными ж», а также гири (Фонд 75, опись 2, арх. № 902. л. 2).¹

На обеих пристанях, из которых главной считалась Усть-Илгинская, находилось по одному провиантмейстеру и по два целовальника. Провиантмейстеры являлись начальниками пристаней. Они отвечали за сбор хлеба с крестьян окрестных волостей, за поделку судов и сплав хлеба. Назначались они то из иркутской, то из илимской канцелярий.

На Лене имелась еще Верхоленская пристань, лежавшая в пределах Иркутского уезда. Но она «за мелководьем» была упразднена в 1742 году.

Целовальники, выбиравшиеся из казаков, исполняли обязанности кладовщиков. Они принимали хлеб от крестьян и сдавали его на барки и плоты. Нередко они сопровождали грузы до места назначения, в Якутск.

Выборы провиантмейстера и целовальников на Усть-Кутскую пристань с 1751 года производились из илимских служилых людей.

Воевода предлагал городничему «обще с илимскими казаками» выбрать туда одного провиантмейстера и на обе пристани 4 целовальников «ис казаков, добрых и к тому делу достойных, грамоте читать и писать — в провиантмейстеры и одного целовальника — умеющих, до которых дел и щетов не касалось». Как видно, остальные 3 целовальника могли быть и неграмотными.

Постройка судов до начала 2-й четверти XVIII века велась судовыми плотниками, а с 1725 года крестьянами — «за плакатную плату». «По плакату» платили летом: работнику с лошадью 10 копеек в день, без лошади 5 копеек, зимой — соответственно 6 и 4 копейки в день.

Но при этом нельзя отвлекаться от того, что плакатная цена была очень низкой и добровольно никто не соглашался работать за 4-5 копеек в день. Частные предприниматели, бравшие подряды на постройку судов для казны, платили работникам обыкновенно в два раза больше плакатной цены.

Крестьяне Илгинского острога подрядились в 1731 году построить 4 барки по 115 рублей за каждую (Фонд 75, опись 2, арх. № 108). Но вскоре казне эта плата показалась очень высокой. 16 сентября 1734 г. в Илимск посылается указ из Иркутска, что суда на Лене должны строить казаки, так как они получают жалованье. Кроме того, было велено привлечь к постройке ссыльных, платя им кормовые по 3 деньки (1½ копейки) в день (Фонд 75, опись 2, арх. № 162, лл. 297-298). Но так как служилые люди были всегда заняты на других работах, то возродить институт судовых плотников XVII века было уже невозможно. Поэтому впоследствии суда строились за плакатную плату и лишь в редких случаях — с торгов.

Сравнительно просто проходила доставка хлеба на пристани из Ленских волостей, так как гужевой подвоз производился при этом на небольшие расстояния. Гораздо сложнее было перебросить грузы с Ангары на Лену. Существовало только два пути разрешения этой сложной задачи: первый — перевозка по Ангарскому, а затем по Ленскому волокам, т. е. от деревни Большая Мамырь через Илимск на Усть-Кутский острог; и второй — переброска по Яндинскому волоку на верхний участок р. Илима, сплав по этой реке до Илимска и перевозка далее до Усть-Кутского острога. Зимой шли гужевые перевозки, а весной — водные.

Сплав по р. Илимю всегда производился служилыми людьми, так как в верховьях р. Илима посевов не производилось и, следовательно, не было и крестьян, которые могли бы осуществить эту работу. Служилые люди г. Илимска избирали из своей среды рабочих, которым воевода давал наказ: приехав в деревню Тунскую (или в Кочергу)¹, принять хлеб от яндинских крестьян и беломестных казаков; для поделки плотов потребовать рабочих от приказчика Яндинского острога; плыть затем на плотях в Илимск «со всяким поспешением»; ослушников бить батожем; «обид и раззоренья не чинить»; «о делах, которые тайности подлежат, оного в партикулярных письмах отнюдь ни х кому не писать». В помощь служилым людям давался «понудитель», который и требовал от приказчиков исполнения всех работ, связанных со сплавом хлеба (Фонд 75, опись 2, арх. № 447, лл. 67-70).

Кроме продовольственного хлеба, из Илимска не раз отправлялись в Якутск для Охотска и Камчатки семена ржи, ярицы и конопли. Обычно семена покупались, так как собранный с крестьян хлеб для посева не годился, как пересушенный в овинах. В 1733 году в Якутск было сплавлено «семенного провианта»: ржи 300 и ярицы 200 пудов, «к севу годного», купленного в илимских деревнях по 25 копеек за пуд (Фонд 75, арх. № 496, л. 118).

Сплав начинался тотчас за проходом по Лене льда, т. е. в начале мая. Большегрузные суда и плоты с хлебом при позднем сплаве почти неминуемо садились на мели в верхнем течении Лены.

Староста, десятники и крестьяне Тутурской слободы писали 9 июля 1740 г. в Илимск, как они снимали с мели плот, груженный хлебом: «многими людьми... со всяким старанием на глубокую воду снимали. Точию того плота снять... за умалением в реке Лене воды [не могли], понеже те плоты водяного ходу требуют без мало двух аршин, а... по многих бороздах и розсыпях той воды находится по 3 четверти и меньше. А ежели мы, староста и десяцкие и крестьяне... объявляем ложно, и за то ея императорское величество указала б нам смертную казнь». Цитируется по черновику, написанному с многими поправками (Фонд 75, арх. № 936, л. 2).

Для переброски 15 тысяч пудов хлеба до Якутска, а потом и до Юдомского Креста в 1748 году потребовалось 30 «мелководных» судов, грузоподъемностью по 500 пудов. Постройку их было решено произвести на ленских пристанях Илимского уезда. С этой целью илимская воеводская кан-

¹ В начале 30-х годов казенные амбары из деревни Кочергинской переносятся в деревню Тунскую.

целярия велела набрать из крестьян или разночинцев 34 человека, в том числе в Усть-Кутском остроге 15 плотников «к судовому строению заобычайных». Из Иркутска в помощь илимским рабочим было прислано 43 плотника (Фонд 75, опись 2, арх. № 462, лл. 21-22).

На постройке этих 30 судов работало 51 человек судовых плотников и разночинцев, которым за 10 дней заплатили 25 руб. 50 коп., т. е. по 5 копеек в день человеку; там же работали многие крестьяне разных волостей (Фонд 75, арх. № 1541, лл. 149-166).

Всего на постройку 30 судов было израсходовано 575 рублей — менее, чем по 20 рублей на одно судно.

Вскоре оказалось, что на сплав потребуется 600 рабочих, и илимская воеводская канцелярия произвела разверстку по 12 волостям, предложив приказным избам выбрать из крестьян, в порядке очереди, нужное число людей (Фонд 75, опись 2, арх. №№ 465 и 468, лл. 8 и 22-27).

Такого набора рабочей силы Илимск не знал даже во времена Камчатской экспедиции. 179 илимских крестьян сопровождали караван судов до Юдомского Креста, куда они прибыли в сентябре 1748 года, пробыв в плавании не менее 4 месяцев. Ясно, что крестьяне не могли взять с собой продовольствия на столь длительное время. Поэтому им выдали в Якутске из казны вместо «плакатных денег» по 5 пуд. 20 фун. муки «по средственной торговой цене, по 50 копеек пуд». Крестьяне еще не возвратились из плавания, как иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг потребовал, чтобы с них взыскали деньги за отпущенный в Якутске хлеб (Фонд 75, опись 2, арх. № 518, лл. 15-18).

Если принять во внимание, что «по плакату» рабочему платили не более 5 копеек в день, то нетрудно подсчитать, что крестьянин за 5½ пудов хлеба, выданного ему казной «по средственной» цене, должен был работать 55 дней.

Даже во времена Камчатской экспедиции не было такой зверской эксплуатации крестьян.

Недаром крестьяне всячески уклонялись от сплавных работ. В следующем году пришлось за крестьянами посылать казаков. И вот, в марте 1749 года из Братского острога, Нижне-Илимской и Карапчанской слобод потянулся целый обоз крестьян, которых как бежавших «от сплавки провианта... и вышедших из под железа» (т. е. перевозивших железо до Усть-Кута), казаки сопровождали в Илимск. Всего из трех волостей прибыло в Илимск 105 крестьян. Не все эти люди шли на сплав по выбору своих односельчан; 11 человек были наемниками. Зажиточные крестьяне, на которых пал черед плыть с казенным хлебом в Якутск, наняли вместо себя рабочих из деревенской бедноты (Фонд 75, арх. № 1656, лл. 44-49).

И если казна поступала по-кулацки, то и кулаки действовали не хуже казны. Крестьянин Братского острога Никифор Усов нанял вместо себя на сплав до Юдомского Креста разночинца Григория Туголукова, «за которого повинен я, Усов, до выхода ево, Туголукова, сюда обратно... платить в илимскую воеводскую канцелярию подушные и что положено будет на него и раскладные деньги, без всякого отрицания» (Фонд 75, арх. № 1695, л. 8).

Итак, все вознаграждение за полугодовую работу состояло в оплате подушных и раскладочных денег, падавших на батрака!

Зажиточные крестьяне могли выиграть также и на подрядах по постройке барок. Пашенные крестьяне Илгинского острога взяли на себя постройку большого количества судов и плотов к сплаву 1749 года. Так Солоницын, Дружинин, Дроздов, Стрелов и еще два зажиточных крестьянина строили 7 плотов с лодками по 16 руб. 90 коп. за каждый плот. Такой же плот взялся подготовить староста Чиин. Егор Пономарев делал барку грузоподъемностью в 3000 пудов за 32 руб. 50 коп. Два крестьянина Чекотеевы строили две подобных барки (Фонд 75, опись 2, арх. № 477, лл. 40-44).

Но вскоре казна находит невыгодным устройство торгов и вспоминает, что можно заставить крестьян работать почти даром за так называемые плакатные деньги и в течение последующих 15 лет удобно для себя использует это изобретение Петра I.

В указе иркутской канцелярии от 20 февраля 1759 г. было велено барки строить за плакатную цену.

У крестьян имелось одно средство облегчить хоть немного тяжесть сплавных работ — это коллективные действия всем миром по упорядочению набора рабочей силы. Единодушие, с которым обратились 1 марта 1750 года илимские крестьяне в иркутскую провинциальную канцелярию, прося упорядочить это дело, показывает, насколько близко касались всех крестьян Илимского уезда поднятые ими вопросы. Челобитная в Иркутск была подана за подписями выборных челобитчиков от Нижне-Илимской, Орленской, Илгинской, Тутурской, Киренской, Яндинской и Кежемской волостей «с прочими Илимского ведомства слобод крестьянами». Они указали, что отправляют до Якутска и до Юдомского Креста казенный хлеб и строят суда за плакатную плату, что в 1748 и 1749 годах илимские и верхоленские крестьяне выставляли по 600 рабочих, что в Балаганском дистрикте состоит по последней ревизии 1065 душ, а в Илимском ведомстве 6477 душ. И илимские крестьяне предложили, чтобы из Балаганска выбирали на сплав 200 рабочих.

Иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг по этому заявлению крестьян велел илимскому воеводе Ивану Попову

набирать по Илимскому уезду не 600, а 400 рабочих. В апреле 1750 года по 14 илимским и 2 верхоленским волостям развёрстывается это пониженное число сплавщиков (Фонд 75, арх. № 1764, лл. 3-6).

Весной крестьяне Илимского уезда производят выбор из своей среды рабочих на сплав и представляют приговоры в Илимск (Фонд 75, опись 2, арх. № 544, лл. 61-62).

Неурожаи в ленских волостях не раз срывали предположения местной власти о сборе хлеба с крестьян. Приходилось прибегать к покупке хлеба и притом по высоким ценам. Например, в 1747-1750 годах пуд ржаной муки обходился на месте по 40-50 копеек, пуд крупы — по 70 копеек. По предположениям казны, ежегодно требовалось поставлять в Якутск 64305 пуд. 30 фун. ржаной муки и 2832 пуда крупы. Забавная точность расчетов, с выведением дробей пудов и даже фунтов, была столь же свойственна бюрократической системе управления, как и громадные отклонения от этих точных цифр при выполнении предположений на практике.

В 1748 году предпринимается неудачная попытка купить на Лене 65000 пудов хлеба, в 1750 году иркутская провинциальная канцелярия вновь объявляет торги на поставку в Якутск 60000 пудов муки (Фонд 75, арх. № 1764, л. 112).

Заброска значительных партий хлеба в Якутск за 1750-1751 годы полностью обеспечила нужды северо-востока Сибири в продовольствии. Якутская воеводская канцелярия уведомила Иркутск, что на месте имеется 133374 пуда ржаной муки и 3217 пудов крупы и что этого количества хватит «со удовольствием». Иркутская провинциальная канцелярия распорядилась не сплавлять хлеб по Лене в 1752-1753 годах, и илимские крестьяне получили передышку от тяжелой обязанности (Фонд 75, опись 2, арх. № 630, л. 110).

Все же для какой-то надобности и в 1752 году было сплавлено в Якутск 30 судов, но уже без груза (Фонд 75, опись 2, арх. № 631, лл. 1, 14).

Постройка 30 мелкосидящих судов велась на Усть-Илгинской и Усть-Кутской пристанях, а также в Орленской слободе силами крестьян. Всего на постройке было занято 150 человек — по 1 плотнику и по 4 рабочих на судно. Руководитель строительных работ, илимский сын боярский Иван Сенотрусов, сообщал о потребности в инструментах и материалах на поделку этих 30 судов: «Напарей трех рук» — 90, топоров — 50, тёсел — 10, долот — 6, скоб — 37000, «гвоздя плоскошляпного четверного» — 3500, «пятивершешного» — 1400, «двоевершешного» — 320 штук, четверного «гвоздя» — 15000, гвоздей «на обой» — 3000, «костылевых, на прибой тяг» — 500 штук, железа полосового — 4 листа, уклада — 2 пуда, «на варенье вару» — 3 котла, железных леек с нос-

ками — 6, оконпатов — 30, снастей пеньковых добрых — 600 сажень и 135 пудов пеньки (Фонд 75, опись 2, арх. № 634, лл. 55-57).

Хотя в Якутск в 1751-1752 годах хлеба и не требовалось, но в Илимске объявляются торги на поставку 30000 пудов муки в Охотск «собственным своим кочтом». Кроме того, видимо для винокурения, производится покупка 2800 пудов хлеба в Братском остроге и в Илимске. Крестьянин Балаганского дистрикта Иван Рютин (в подлиннике — Рутин) поставил в Братский острог 3000 пудов ржи «своей пахоты». Поступают предложения от других лиц на поставку 4500 пудов муки по 25 копеек за пуд (Фонд 75, опись 2, арх. № 658, лл. 16, 36-38).

Лишь в 1753 году власти отменили посылку илимских, балаганских и верхоленских крестьян до Юдомского Креста и согласились вернуться к порядку, существовавшему ранее, до времен второй Камчатской экспедиции, когда крестьяне сопровождали хлеб «только» до Якутска. Крестьянские «вожи», т. е. проводники судов, в отличие от прочих сплавных рабочих сменялись через короткие расстояния: в Орленге, Усть-Куте, Кривой Луке, Чечуйске, затем в Пеледуйской и Витимской слободах. С 1729 года они получали поверстные деньги, как и ямщики.

К 1756 году на ленских пристанях скопилось очень много хлеба: на Усть-Илгинской — 56500, на Усть-Кутской — 16100. всего 72600 пудов. Провиантмейстер Кожевников предложил, а потом долго настаивал, чтобы скопившийся хлеб направить в Якутск не на плотях, а на барках. Но иркутская канцелярия не согласилась с этим и велела делать плоты. Весной 1757 года строилось 42 плота, на которых должны были отправиться в путь 42 «вожа» и 168 рабочих (Фонд 75, арх. № 2234, лл. 11-39, 86, 132-133).

Размеры плотов можно представить по следующим данным: всего в 1757 году сплавлено с обеих ленских пристаней 71450 пудов муки и крупы на 50 плотах, значит, в среднем на плот грузили по 1430 пудов. Однако прибывший из Иркутска поручик Холмовский, опасаясь спада воды в Лене («за убегом воды»), дал распоряжение грузить «лехко». Нормально же плот поднимал 1400-1800 пудов. При этом сплаве скоропостижно умер провиантмейстер Кожевников. Его заменил прапорщик Замятин (Фонд 75, арх. № 2303, лл. 1-6, 41-44, 55, 80-83).

Сплав на барках в 50-х годах производился сравнительно редко. Подрядчик, крестьянин Кривоуцкой слободы Яков Кулебакин, так исчислял затраты труда на постройку барки: «ронили лес» 8 человек в течение 24 дней, возили его 7 человек на 5 лошадях 15 дней, «на плотбище робили» те же 8 человек с 10 марта по 5 апреля. Значит, всего затра-

чено 497 человеко-дней. По казенной расценке это обошлось бы в 24 руб. 85 коп. Кроме того, вышло 2 пуда конопли на причалы, всего на 1 руб. 60 коп., на конопать 5 пудов на 1 руб. 50 коп. К барке была куплена лодка за 2 руб. 50 коп. (Фонд 75, арх. № 2521, л. 342).

После проведения большого сплава 1757 года на ленских пристанях в 1758 году снова скопилось 32000 пудов муки.

Однако сплав хлеба в этом году сильно осложнился резким обмелением Лены в ее верхнем плесе. Два крестьянина деревень Грузновской и Ботовской, плававшие в качестве «вожей», подали 15 июня 1758 г. провиантмейстеру Замятину следующую «сказку»: «за нынешним в Лене реке мелководием... не токмо в грузу, но и простых плотов препроводить никоими способы невозможно и неуповательно, ибо в Лене реке по многим местам есть чрез всю реку великие мели, что уже не более воды трех четвертей, а в иных местах и пол аршина. А плоту з грузом потребно воды более аршина, тогда проплыть уже можно, понеже мы, крестьяне, на казенных плотах в лосманах бывали, и сколько идет з грузом воды подлинно, как выше сего написано, знаем» (Фонд 75, опись 2, арх. № 841, л. 13).

Замятин запасся этой «сказкой», чтобы снять с себя ответственность за неудачный сплав. В разгар подготовки к сплаву сменился илимский воевода Дьяконов, а новый воевода Павлуцкий вступил в управление делами поздно, 24 марта 1758 года. К тому же он, заканчивая срочный сыск о хищениях бурмистром казенных денег, сам сидел под наблюдением «принудителя», не подозревая, что должен в свою очередь понуждать провиантмейстера Замятина (Фонд 75, опись 2, арх. № 843, лл. 1-4, 108-111).

В цитированном деле (лл. 68-71) имеются хорошие данные о размерах плотов, построенных крестьянами 7 волостей. Всего было подготовлено 27 плотов, из них крестьяне строили сами 3 плота, а остальные наняли строить подрядчиков. На все плоты ушло 739 слег длиною по 9-10 и более сажен, толщиной не менее 3 четвертей. Значит, на 1 плот в среднем шло по 27 слег, т. е. бревен указанного размера. Кроме того, на каждый плот было употреблено по 2-4 клади, по 49 штук «балаганного», по 74 штуки «крышечного», лесу или, как выражались иначе, «полового и на выстилку», т. е. для поделки на плотах балаганов и устройства настилов. На каждый плот полагалось по 4 греби, по 4 шеста и по 60 сажен канатов.

Как сказано, почти все такие плоты строились по подряду крестьян «по 13 рублей, кроме плакатных денег». Значит, подрядчик получал от крестьян за каждый плот 13 рублей и от казны плакатные деньги — тоже примерно 13 рублей. Яндинские крестьяне и беломестные казаки таким же

образом наняли 6 крестьян Илгинского острога, послав туда для заключения договора особого выбранного доверенного. Подрядчики, т. е. илгинские крестьяне, дали выборному от яндинских крестьян «запись» — сделать на устье р. Илги 6 плотов «из лесу сухого и доброго и при оных при каждом плоту по лотке выежей (от слова «выежать») и с конатами и с возами. И на оных плотях балаганы ис тесу доброго и крышку, дорожены (с продольными дорожками, бороздами), тесовые ж, чтоб от дождей не могло сквозь крышку течи произойти». Срок постройки плотов — «к вскрытию льда» (там же, лл. 1-8).

Всего на устье р. Илги в 1758 году строилось 33 плота, что потребовало 198 рабочих и 198 лошадей. Впрочем, крестьянам было разрешено строить барки.

За несвоевременный сплав хлеба провиантмейстера Замятина сменяют весной 1759 года. Кроме того, у него удерживают в виде штрафа $\frac{1}{3}$ его годового жалования в размере 28 рублей. Указ о его смене привез по пути пономарь.

По произведенному учету при смене Замятина на Илгинской пристани оставалось к 1758 году 31882 пуда муки, поступило 20979 пудов, т. е. почти полный оклад 9 ленских волостей, отправлено в Якутск 53947 пудов. Значит, оказался излишек в 1086 пудов. Замятин дал следующее объяснение о причинах избытка: хлеб принимался от крестьян «у каждого по немногому числу, а не суммами... без всякого спору»; хлеб лежал в амбарах 1-2 года «и от того в весу стал быть тяжелее» (Фонд 75, опись 2, арх. № 872, лл. 85, 94-105).

Значит, крестьян систематически обвешивали; впрочем, и сам Замятин признал, что от сдатчиков бралось лишнее «на упылку и утруску».

Ведомости об учете хлеба и объяснение провиантмейстера направляются в Иркутск, «в канцелярию ревизии щетов».

При передаче Усть-Кутской пристани, наоборот, нехватило 998 пудов хлеба, за который отвечали провиантмейстер и два целовальника. Там от 1755 года оставалось 1060 пуд. 25 фун. муки, поступило 20310 пуд. 15 фун. муки и 428 пудов крупы, сплавлено в Якутск на 16 плотях 20801 пуд (Фонд 75, опись 2, арх. № 901, лл. 22-27).

Между прочим, сам провиантмейстер и целовальники Усть-Кутской пристани писали в 1762 году илимскому воеводе, что они «в грамоте читать и писать не умеют» и просили назначить писчика. Воевода Шарыгин велел подканцеляристу усть-кутской приказной избы вести одновременно и дела пристани, «а ежели за многотекущими делами в чем либо будет неможно исправляться, то уже приискать ис тамошних крестьян или разночинцов письмо умеющих, в споможение» (Фонд 75, опись 2, арх. № 956, л. 7).

В 1762 году возобновилось строительство барок; к очередному сплаву готовили 20 барок, в том числе на Усть-Илгинской пристани — 9, и на Усть-Кутской — 11. На сплав было выбрано по 5 рабочих и по 1 лоцману на каждое судно. Слово «вож» уже с этих лет в документах не упоминается. Кроме рабочих, выбираемых крестьянами, илимские служилые люди по предложению воеводы выбрали 16 приемщиков, которые должны были принять хлебные барки и сплавить их с грузом в Якутск (Фонд 75, опись 2, арх. № 956, лл. 18, 71, 103).

Барки благополучно пошли вниз по Лене. Кроме «провианта», они везли 400 пудов семенной ржи. Воевода не разрешил илгинским крестьянам плавить семена, как они просили, в особом закроме и велел купить или сделать для этой цели бочки.

Но главный груз составлял, конечно, продовольственный хлеб. С Усть-Илгинской пристани 5-12 мая отплыло 6 барок, неся 14608 пудов груза; 12-24 мая погрузили в 7 барок 22128 пудов хлеба на Усть-Кутской пристани. Весь караван в составе 13 барок шел под руководством илимского казака Буланова (Фонд 75, арх. № 2656, л. 283).

Так как в Якутске в этом году хлеба было достаточно, то иркутский вице-губернатор Сумароков приказал крестьянам Верхоленского дистрикта, т. е. Верхоленской, Бирюльской и Манзурской волостей, входивших за 100 лет до того в состав Илимского воеводства, собранный с этих волостей хлеб, всего 13733 пуда, перевезти в Удинский пригород (ныне Улан-Удэ). Сумароков обязал крестьян везти хлеб «своим коштом», как они в предыдущие годы сплавливали хлеб по Лене в Якутск. Зимой 1763 года полтысячи крестьянских подвод, направившиеся в дальний путь «с нарочными отдатчиками», выбранными крестьянами, пересекли Байкал по льду и потянулись по Забайкальским горам и степям к Удинску. Путь их в оба конца составил около 700 верст (там же, лл. 58-60, 95).

К Архангельским магазинам «за Байкал морем» были причислены указом иркутской губернской канцелярии от 13 декабря 1763 г. также Илгинская и Тутурская волости Илимского уезда. Илгинские «магазинны» велено было запечатать. С этого времени две илимских волости по вопросам сдачи хлеба стали подчиняться Иркутску (Фонд 75, опись 2, арх. № 1073, лл. 8-9).

На следующий год в Якутск и на Камчатку опять потребовался семенной хлеб. Сибирский приказ возложил на якутского воеводу Чередова обязанность заботиться о развитии земледелия в Якутске, а на его отца — капитана Василия Чередова — о развитии земледелия на Камчатке. На эту цель было выдано из казны 1000 рублей. «Навигацких

наук ученик Федор Чемесов» имел поручение купить на ленских пристанях семена ячменя, овса, ярицы и конопли и «зделать рашением пробу». Он же должен был доставить в Якутск 20 сошников, 40 серпов и другой сельскохозяйственный инвентарь. Чемесов сообщил, что в Удском остроге хлеб хорошо родился уже несколько лет подряд. В Илгинском остроге для дальневосточного земледелия было куплено весной 1763 года 107 пуд. 30 фун. семян овса, 179 пуд. 30 фун. ячменя, по 23 копейки за пуд и 20 пудов конопляного семени по 45 копеек за пуд (Фонд 75, опись 2, арх. № 976, лл. 1-27).

С 12 по 25 мая 1764 г. шла погрузка 6 барок в Усть-Кутской пристани. После погрузки 17680 пудов суда под смотрением илимского казака Скуратова отправились в Якутск. Вслед за ними с Усть-Илгинской пристани пошло еще 3 хлебных барки (Фонд 75, арх. № 2799, л. 36).

Также происходил сплав хлеба и в последующие годы.

Так как в Якутск опять было завезено хлеба на 3 года, то иркутская губернская канцелярия 2 ноября 1767 г. согласилась с просьбой крестьян Братского острога и разрешила им возить хлеб не на Усть-Кутскую пристань, а в Заларинский станец; до пристани считалось 303 версты, а до станца 352 версты, но зато не нужно было плавить хлеб по Лене (Фонд 75, опись 2, арх. № 1121, лл. 19-21).

С этого времени и до отмены хлебного обложения илимских крестьян мука из Братского острога поступала на Заларинский станец Московского тракта.

Ежегодная потребность Якутска теперь составляла 37715 пудов муки и 102½ пуда крупы. Кроме того, в Илимске на городовую команду (1 «ундер» и 28 рядовых), на двух детей боярских и на 88 казаков (из них не получали хлебного жалования 21 человек, так как пахали пашню) требовалось 2111 пудов муки, а солдатам еще 42 пуда крупы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1278, лл. 10-13).

С отменой в 1772 году хлебного обложения крестьян, казна сплавляет хлеб в Якутск через подрядчиков. Насколько казна эксплуатировала илимских крестьян, выдавая им плакатные деньги по 4-5 копеек в день, можно судить по тому, что в 1773 году подрядчики запросили за доставку 20000 пудов до Охотска и 2000 пудов «к Ковыму вершину» по 1 руб. 48 коп. — 1 руб. 55 коп. с пуда. Купец Сибиряков подрядился в том же году поставить в Якутск 16400 пудов муки по 31 копейке с пуда, с выдачей вперед половины всех следуемых ему денег (Фонд 75, арх. № 3391, лл. 40-72).

В ближайшие годы, следовавшие за отменой хлебного обложения, иркутская губернская канцелярия рассылает ряд указов, на основании которых перестраивается весь порядок отправки хлеба в Якутск.

10 октября 1774 г. подтверждается указ Сената, чтобы с государственных крестьян «никаких без указов доходов, подвод и работ с них требовано и брано не было». Значит, и постройку барок с этого времени казна могла «чинить подрядами и наймами». Оставалось еще одно средство пополнить хлебные запасы казны и Иркутской губернии, это — собрать хлебные недоимки за прошлые годы. Но вскоре все хлебные недоимки переводятся в денежную форму и, следовательно, казне приходится вести снабжение Якутска хлебом только через торги.

В 1774 году производится покупка 4087 пудов хлеба для поселщиков на Якутской дороге.

На запрос иркутской губернской канцелярии, сделанный в 1775 году, илимская воеводская канцелярия дает ответ: в казенных «магазейнах» в Усть-Илге, в Орленге, Усть-Куте, Макаровске, Кривой Луке, Сполошенском погосте хлеба нет (Фонд 2, арх. № 27, л. 2).

Последний сплав хлеба, устроенный местными властями, был произведен в 1777 году, почти через 130 лет после возникновения илимского воеводства.

В этот рейс пошло 3 барки, которые везли 9155 пудов покупного и 617 пудов оброчного хлеба. Купленный хлеб стоил 1553 рубля. Барки были сделаны по найму с торгов тремя казаками (Фонд 2, арх. № 148, л. 119).

Крестьяне, наконец, полностью освободились от несправедливо-тяжелой работы, наложенной на их плечи еще в XVII веке.

В конце XVIII века, в 1797 году, Марковская волость, давая кому-то ответ о судоходстве по Лене, уже вовсе не упоминает о казенном сплаве.

Вот ее ответы: Лена судоходна все лето; суда идут «проплавом» вешней водою — барки, полубарки, паузки, «плоскоденные» без килей; жители волости постройкой судов не занимаются; паузки покупают в Подымахинской пристани по 15-30 рублей; вверх по Лене проходят только осенью, с осадкой в 4-5 четвертей; «обратного ходу баркам никогда не бывает»; против течения употребляют для тяги 14-16 лошадей, а в случае мелководья вверх от Марковского погоста на 2 версты, по отмели, прибавляются и рабочие, человек до 20. Промышленники платят за лошадь «за каждое разъстояние», т. е. от Ульканской до Назаровской (42 версты) или от Назаровской до Таюрской (40 верст) по 80 копеек — 1 рублю; платят рабочим от Якутска до Киренска от 20 до 30 рублей каждому (Фонд 9, арх. № 180, лл. 9, 10, 18, 19).

Вот прекрасная оценка тягот крестьян на казенном сплаве: рабочий получал по плакату за сплав от Киренска до Якутска несколько рублей, а после отмены казенного сплава нанимался за 20-30 рублей!

Первые промеры глубины Лены были произведены в мае 1785 года геодезистом сержантом Худяковым на основании указа Екатерины II, велевшей «для отвращения бедствий, приключаящихся судам, по разным рекам плывущим», делать ежегодно «промер рек» и ставить на мелях знаки (Фонд 9, арх. № 7, лл. 17, 18, 46, 61-62).

БАЛАНСЫ ХЛЕБА У КРЕСТЬЯН

Не раз илимская воеводская канцелярия пыталась, уяснить общее состояние с хлебом в уезде и временами делала попытки свести все данные о производстве и потреблении зерна в общий баланс. Как выяснено в 1 томе «Илимской пашни», воеводы в XVII веке систематически составляли, для Сибирского приказа сметы и пометы по хлебу, являвшиеся балансами государева хлеба. Но тогда не пытались составить сводку прихода и расхода всего хлеба (и казенного и крестьянского) по целому воеводству.

В начале XVIII века и эти балансы государева хлеба стали терять значение, так как в связи с переходом на отсыпной хлеб оказались излишними ежегодные расчеты по предполагаемому приходу хлеба, отпали такие расходы, как выдача семян крестьянам на государеву пашню и вообще уменьшалась роль воевод по регламентации хозяйственной жизни уезда.

Но с середины XVIII столетия возникает прямая задача по полному взысканию с крестьян хлеба в казну и по обеспечению уезда своим хлебом, а в связи с этим делаются попытки построить баланс производства и распределение зерна. Конечно, расчеты эти ограничивались выяснением, главным образом, платежеспособности крестьян и не могут приниматься как обоснованные выкладки по движению хлебных запасов. Но тем не менее нельзя пройти мимо этой работы воеводской канцелярии и приказных изб, подчас освещающих темные закоулки уездной экономики.

Некоторые расчеты преследуют цель — вычислить остатки хлеба у крестьян, как, например, ведомости по Чечуйской волости, другие представляют более или менее законченные балансы хлеба.

По Чечуйской волости в марте 1755 года был проделан расчет количества хлеба, оставшегося к весне у крестьян. При этом оказалось, что на 1396 человек хранилось едового и семенного хлеба 6720 пудов. Если принять во внимание, что тогда Чечуйская волость имела более 300 десятин посе-

ва, на обсеменение которых требовалось иметь не менее 5000 пудов хлеба, то окажется, что для продовольствия на 5 месяцев оставалось около 1700 пудов хлеба, или менее 2 пудов на душу, — число совершенно недостаточное для крестьянина. Но эти цифры средние. А у 20 хозяйств, имевших 130 душ, новее не оставалось к весне хлебных запасов. У многих семей хранилось лишь по 5-10-20 пудов зерна. Ни о каком взыскании в казну хлеба при таких итогах и говорить было нельзя.

В 1757 году по этой же волости вновь произвели учет хлеба у крестьян. Весь сбор с 332 десятин составил 14590 пудов. По расчетам чечуйской приказной избы на обсеменение полей и на продовольствие крестьян следовало оставить 12355 пудов, следовательно, товарного хлеба получалось 2235 пудов.

В то же время платежи государству составляли по этой волости 2723 пуда ржи и 1356 пудов овса, всего 4079 пудов. Значит, вычисленных приказной избой излишков не хватало даже на покрытие платежа в казну, несмотря на сравнительно хороший урожай.

Таким образом, в отношении Чечуйской волости становилось ясным несоответствие между требованиями казны в отношении платежа хлебом и развитием земледелия.

Нормы, принятые чечуйской приказной избой, нельзя считать высокими. Как указано прежде, на обсеменение полей требовалось около 5000 пудов зерна. Значит, на продовольствие остается около 9600 пудов или около 7 пудов на душу, т. е. примерно половина обычного крестьянского душевого потребления.

Недостаток хлеба обнаруживается не только в целом по волости, но и по всем группам крестьян, в том числе и многопосевным. Это лишний раз подтверждает нежизненность обложения.

Таким образом, простые балансоподобные расчеты приказной избы позволяют обнаруживать крайнюю степень противоречия в государственной системе хлебного обложения, противоречие между требованиями казны о сборе «провианта» и действительными возможностями волости и в особенности ее беднейшей части.

В глазах илимского пахаря это противоречие превращалось в противоречие между разглагольствованиями «попечительного» начальства «о крестьянских пользах» и его действительной политикой.

Несмотря на неблагоприятный баланс хлеба в Чечуйской волости за 1757 год, власти, установив, что крестьяне собрали сравнительно хороший урожай, усилили меры по сбору хлеба с крестьян и в этом году были собраны недоимка за 1753-1756 годы в размере 7843 пудов. Весь этот хлеб был

ссыпан в Сполошенском погосте «во шти анбарах казенных за казенною печатью и за надежным караулом».

Чечуйские крестьяне решили хоть заработать у казны на сплаве своего хлеба в Якутск и объявили, что желают построить 6 плотов «добрым и крепким мастерством».

В том же 1757 году расчет потребного хлеба был произведен в благополучных, развитых в земледельческом отношении волостях — в Ново-Удинской слободе и Илгинском остроге.

Здесь процент изъятия в казну хлеба был значительно ниже, чем в Чечуйской волости. В Ново-Удинской слободе сбор хлебов по расчетам приказной избы составлял 21570 пудов, сдача хлеба в казну — 2203 пуда, т. е. 10,2%, волость имела избыток зерна в количестве 1390 пудов. В Илгинском остроге сбор хлеба в том же году составлял 35900 пудов, а хлебный оклад — 4841 пуд, т. е. 13,5% от валового урожая.

Волость имела, по расчетам приказной избы, товарных излишков 4757½ пуда у одних хозяйств и недостаток 80½ пуда хлеба у других хозяйств.

При группировке крестьянских дворов этой волости обнаруживаются излишки хлеба у более крупных и недостатки у самых мелких хозяйств (см. таблицу 61).

Таблица 61

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств	Посев, десятин	Излишки хлеба, пудов	Недостаток хлеба, пудов
До 2 десятин	7	6⅞	—	81
2,1-5	27	105⅝	456	—
5,1-10	53	371½	2615	—
Более 10 десятин	25	355¾	1687	—
Итого	112	839¾	4758	81

В таблице показаны окончательные, так сказать, чистые результаты баланса, это значит, что по каждой группе произведен зачет излишков и недостатков и в таблицу введен лишь конечный результат.

В крупных хозяйствах имелся сравнительно небольшой избыток хлеба. Это объясняется тем, что в крупном хозяйстве имелся большой состав семьи, следовательно, было значительное внутривоспитательное потребление хлеба. Кроме того, зажиточному крестьянину не было смысла показывать приказной избе всех своих излишков, поэтому возможно, что данные, приведенные в таблице 61 по этой группе хозяйств, являются преуменьшенными.

После отмены хлебного обложения дело изменилось коренным образом.

По сводному отчету киренского нижнего земского суда о посевах за 1787-1790 годы можно построить баланс хлеба у крестьян, ибо в отчете имеются основные данные для такого расчета: посевные площади, высев семян, сбор хлебов и число душ мужского пола (Фонд 9, арх. № 42).

Расчет, представленный в таблице 62, проделан по 1788 году, как содержащему наиболее полные данные по всем волостям. Кроме того, по этому же году киренский земский исправник проделал свои расчеты товарного хлеба, и таким образом можно сопоставить его расчеты с результатами обработки данных мирских изб.

Балансы построены отдельно по каждой волости, но в таблице отражены только уездные итоги. Из расчетов исключены конопля и лен и, следовательно, получен баланс хлебов. На продовольствие предположено по 12 пудов в год на каждую душу, независимо от возраста, но так как волости дали сведения только о душах мужского пола, то норму потребления пришлось удвоить. Высев семян на десятину принят в 12 пудов на десятину озимой ржи (по отчетам можно вычислить, что высев составлял 11,7 пуда) и 19 пудов на десятину яровых хлебов (по отчету — 18,4 пуда).

При этих предположениях получены следующие результаты (таблица 62).

Таблица 62

Приход хлебов	Тыс, пудов	Расход хлебов	Тыс. пудов
1. Валовой сбор	219,4	1. На продовольствие	100,0
2. Недостаток в одних волостях	2,4	2. На семена	84,4
		3. Излишек в других волостях	37,4
Итого	221,8	Итого	221,8

Все излишки составляют к сумме потребности 20,3%, все нехватки хлеба — 1,3%.

Наиболее благополучными оказались мелкие экономические селения — деревни Тыптинская и Захаровская, у которых производилось хлеба в два раза больше потребности в продовольствии и семенах. В Чечуйской волости излишек составил 38,7% к потребности в хлебе, в Криволуцкой — 31,8%, в Подкаменской — 22%, в Макаровской — 17,4%. Всего в Ленских волостях такого хлеба оказалось около 28 тысяч пудов. Но в то же время в Марковской волости не хватало

хлеба 19,6% от потребности в пищевом и семенном хлебе, а Усть-Кутская волость едва свела концы с концами.

На Илимe (частью на Ангаре) излишки хлеба составили: в Карапчанской волости 14,2%, в Нижне-Илимской 4,9%.

Обе волости, лежавшие по р. Нижней Тунгуске, были дефицитными: там не хватало 46% к потребности.

Конечно, слово «излишки» имеет совершенно условное значение. За счет «излишков» крестьянин должен был кормить скот, особенно рабочий, производить расширение посевов на следующий год и иметь некоторые неприкосновенные запасы. Если принять во внимание такие неизбежные расходы хлеба, то действительные излишки, составляющие товарную часть зерна, окажутся у среднего крестьянина очень скромными. Только зажиточные крестьяне деревни могли продать хлеб.

Баланс хлеба, составленный киренским земским исправником, сведен с товарным излишком в 4100 пудов. В отношении тех волостей, где хлеба собственного производства не хватало, в расчетах исправника отмечено: «покупают с проплывающих в Якутск с правяном партикулярных барок».

С отменой хлебного обложения заметно улучшилось продовольственное положение илимской деревни. Она получила возможность покончить с бесхлебьем. Ослабла внешняя давящая сила казны на крестьянскую экономику, и крестьянин мог серьезно расширить производство зерна. Отпало основное препятствие в развитии товарного земледелия.

ЦЕНЫ НА ХЛЕБ И ПРИПАСЫ

На местных рынках северо-восточной Сибири в XVIII веке продавался, главным образом, хлеб. Сделки по другим продуктам сельского хозяйства совершались случайно и редко. Поэтому в делах илимской воеводской канцелярии за это время отражаются почти исключительно хлебные цены.

Но по мере расширения круга местных изделий, превращавшихся в товары, начинают устанавливаться цены на многие предметы первой необходимости, стоявшие до того вне товарного обращения. К концу века число названий продуктов и местных изделий, по которым существовали более или менее постоянные цены, возрастает в десятки раз.

Но некоторая недоразвитость местного оборота остается заметной на протяжении всего XVIII столетия. Выравнивание цен, например на хлеб, по отдельным волостям осуществляется медленно и несовершенно. Регулирующая роль рынка сказывается слабо.

Можно подметить также, что на протяжении столетия цены на хлеб безостановочно увеличивались, Но илимский крестьянин ничего не выигрывал от повышения цен на хлеб, так как покупательная сила денег беспрерывно падала, а размер денежного обложения — возрастал.

Несмотря на обилие материалов о ценах по Илимскому (Киренскому) уезду, материалов, сосредоточенных в 89 делах, нередко очень объемистых, почти невозможно составить связной сводки цен ни на один товар, так как по одним годам имеются данные о ценах на зерно, по другим — на муку. То сводки о ценах отражают состояние рынка по одним волостям, то по другим. За многие годы XVIII столетия совсем нет никаких данных о хлебных ценах. Например, по Илимску есть данные о ценах на рожь только за 1724-1732, 1755-1758 и 1798-1799 годы. Сведения о ценах на ржаную муку по Илимску имеются за 1724-1730, 1736-1737, 1743- 1775, 1779-1781 годы.

Еще более скудны данные по другим острогам и слободам, в том числе и по Киренску.

Кроме того, некоторые данные малодостоверны.

Все же даже обрывочные сведения о ценах являются очень важными, и в этом разделе дается их общий обзор.

Сводки о ценах составляли разные учреждения: вначале это дело вела илимская ратуша, основываясь на донесениях земских изб. Затем учет цен был возложен на воеводскую канцелярию и, наконец, на нижний земский суд и городничего. Первичными документами о ценах являлись в конце века донесения мирских, т. е. волостных изб.

За 1724-1730 годы сведения о ценах в г. Илимске сообщал воеводской канцелярии «верный весовых пошлинных денег» целовальник Федор Зырянов. По Илгинскому острогу и Тутурской слободе такие же сведения дали земские избы, а по тем волостям, где не было посадских — приказные избы.

Очень часто из волости поступали сообщения, что «овса и ячмени... в продаже никогда не бывает, для того, что не родитца. И когда и родитца, да малое число и цены познать не по чему» (Фонд 75, опись 2, арх. № 86, л. 74, 1730 г.).

Неурожай 1731 года резко сказался на хлебных ценах, поднявшихся в три раза по сравнению с предыдущими годами.

Неурожаи начала 40-х годов XVIII столетия были наиболее грозными за весь век. Цена пуда ржи поднималась до 60 копеек. В большинстве волостей хлеба не продавали, а искали, где можно его купить. Даже в одной из хлебных волостей — Ново-Удинской — хлеба в продажу не поступало три года, именно в 1743-1745 годах. «А в вышеписанном 1743-м году питались травой, а в 1744-м году и семян не было», — показывали крестьяне этой слободы. Не продавалось

хлеба ни в Киренске, ни в Чечуйске, ни в Нижне-Илимске, ни в Карапчанской и Кежемской слободах. Везде поля крестьян поразили мороз, «потоп», вредители. В Нижне-Илимской слободе за эти три года хлеба в продаже не было «за неурождением от потопа вод, червя и кобылок ядения», — писали сотский и крестьяне (Фонд 75, арх. № 1237, лл. 63-69).

При покупке хлеба в 1751 году в Братском остроге уполномоченный илимской воеводской канцелярии платил за рожь по 15-27 копеек за пуд. Купленные 427 пудов в среднем обошлись по 23,6 копейки. Мука покупалась по 23-30 копеек, причем более дорогие цены оказались в деревнях Тулуне, Барлуке и Гадалее (Фонд 75, арх. № 1836, лл. 355-361). В 1755 году там же рожь покупалась по 23 копейки.

Илимская ратуша на основании ведомостей илимской земской избы регулярно представляла в воеводскую канцелярию понедельные сведения о ценах на 10-15 видов продовольственных товаров (Фонд 75, арх. № 2131, лл. 10-27).

Но случалось, что ратуша давала и такие сведения: «в мае (1763 года) в городе Илимску в базаре в продаже хлеба и протчих припасов не происходило» (Фонд 75, опись 2, арх. № 994, лл. 24-26).

С 1754 года указом Камор-коллегии вводится обязательное представление в Сенат месячных ведомостей о ценах на съестные припасы.

Илимская воеводская канцелярия в 1757 году производила закупки хлеба в Братском остроге; 573 пуда ржи обошлись по 15-27 копеек, 3449 пудов муки ржаной по 18-30 копеек и 143 пуда ячной крупы по 24-25 копеек за пуд (Фонд 75, арх. № 2312, лл. 1-5).

На основании указа Сената от 1 декабря 1755 г. илимская воеводская канцелярия в марте 1758 года объявила, что хлеб, живность, капусту, рогатую скотину, сено, дрова и прочее «продавать обывателем умеренными ценами до полудни. А в лавки и перекупщикам до полудни не покупать». За нарушение этих правил у продавцов надлежало отбирать товары, половина которых отдавалась доносителю. Указ Сената объявлялся в Илимске «третично», так как поверенный Илгинского винокуренного завода вел крупные заготовки хлеба и боялся конкуренции хлеботорговцев (Фонд 75, арх. № 2383, лл. 1-3).

В 1768 году илимская воеводская канцелярия сообщила приказным избам список товаров, которыми крестьяне, согласно законодательству того времени, могли торговать «без опасения» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1160, лл. 98-99).

В перечне названы: деревянная и глиняная посуда; сохи, серпы, косы, иглы швальные, булавки, ножи, ножницы, зам-

ки, уклад; сукна сермяжные, понитки,¹ кушаки, холст; овчины, шубы, шапки, кафтаны; кожи сыромятные, подошвенные «в разрез»; кресты, цепочки, серьги; ладан, свечи; бумага, сургуч, мыло, деготь, смола; «конские потребности» — хомуты, телеги, сбруя, но без медного набора; рогожи, цыновки, мочало, лыки.

1-й департамент Сената потребовал 5 октября 1765 г. составить полные сводки цен на съестные припасы с 1743 по 1754 год, т. е. до времени ликвидации внутренних таможен. На основании этого илимская воеводская канцелярия послала в иркутскую губернскую канцелярию очень подробный свод цен, существовавших на рынке Илимска в эти годы (Фонд 75, арх. № 2907, лл. 594-610).

В 1767 году в Илимск поступила промемория «из ыркуцкой провиант-мейстерской комиссии», образованной в Иркутске в этом году по указу главной провиантской канцелярии. Отныне Илимск должен был цены на припасы ежемесячно посылать и в эту комиссию (Фонд 75, арх. № 3037).

Монастырский хлеб казна продала после секуляризации монастырских вотчин по очень низким ценам: пшеницу по 6¼ копейки, ячмень по 6 копеек и овес по 5 копеек за пуд (Фонд 482, арх. № 43).

Как мало цены могли отражать общее состояние хлебного рынка видно из того, что в 1769 году илимская воеводская канцелярия не могла выполнить поручения Иркутска о закупе 10000 пудов хлеба, несмотря на низкие рыночные цены. Илимск сообщил в Иркутск, что мука ржаная в январе этого года «состоит в торгу» от 8 до 9 копеек за пуд. Но из Орленской слободы донесли: «ни у кого к продаже хлеба не имеетца ни единого пуда», из Усть-Кутской, Тутурской, Криволицкой и Илгинской волостей писали, что охочих людей продать хлеб «не явилось», из Киренской — «продавцов не отыскалось». Чечуйский острог дал такой же ответ, добавив: «да и явитца (продавцам) некому, ибо оные не точию в продажу, но и себе на пропитание с нуждою у пловающих в Якуцк на барках покупают, а протчие ж претерпевают глад. И об оном в оную канцелярию почтенно репортуя. Велением выборного Егора Березовского разночинец Яков Попов заручил» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1190, лл. 18-32).

При покупке хлеба в 1774 году для посельщиков по Якутскому тракту илимские служилые люди платили в среднем за пуд ржи «круглой» по 11½ копейки, ячменя — 13 копеек, овса — 9½ копейки и семени конопляного — 17 копеек. Тогда же было куплено 1038 пудов ржи по 20 копеек с условием доставки ее на пристань (Фонд 75, опись 2, арх. № 1397, л. 33).

Слово «пониток» употребляется крестьянами Сибири и в наше время.

К концу XVIII века издаются неоднократно указы о свободе хлебной торговли в России: «вольная торговля хлебом внутри империи... не токмо не ограничена никакими узаконениями, но дарована совершенная свобода всему внутреннему торгу». В положении о городах 21 апреля 1785 года говорилось: «уездным жителям да будет свободно и безопасно свои произрастения, рукоделия и товары в город возить». Запрещался осмотр товаров, привозимых на рынок. Даже местные ограничения, введенные некоторыми губерниями в связи с неурожаями, отменялись центральной властью (Фонд 75, опись 2, арх. № 1627, л. 78).

Затруднения с заготовкой в казну хлеба не раз приводили местную власть к борьбе с перекупщиками. Так, при покупке хлеба для Нерчинских сереброплавильных заводов в 1785 году казна встретила с высокими ценами, и Иркутское наместничество 10 января 1786 г. издало указ о запрещении перекупок хлеба. Иркутское наместническое правление, ссылаясь на указ 1725 года, велело местным властям следить, чтобы перекупщики не выезжали в деревни, а покупали хлеб в указанных начальством местах «и вязок собравшихся компаниями не имели и согласия, как у перекупщиков с продавцами, так и у продавцов с перекупщиками заранее к повышению цен чтоб отнюдь не происходило» (Фонд 9, арх. № 15, лл. 122-126).

С конца XVIII века сведения о ценах в г. Киренске стал представлять на основании данных земской избы киренский городничий.

На рынке становились обычными многие привозные товары. Например, в рапортах городничего за 1795 год указаны цены на следующие товары: холст простой — 10-13 копеек аршин, чай сушеный — 4-5 рублей пуд, сахар белый или рафинад — 55-80 копеек фунт, перец горошчатый — 80-85 копеек фунт, табак иркутский — 13-15 копеек фунт, табак листовой — 30-35 копеек фунт, чернослив — 29-30 копеек фунт, сапоги «юфтевы» — 1 рубль 10 коп. (Фонд 435, арх. № 48).

Киренскому нижнему земскому суду было поручено составить данные о размерах производства и потребления местных продуктов крестьянского хозяйства.

Такая работа была, понятно, не по плечу уездной канцелярии. Поэтому нижний земский суд поступил бюрократически просто, он разослал 22 мая 1798 г. формы и потребовал от мирских изб представить по ним все данные.

Но киренский нижний земский суд даже не потрудился обобщить хотя бы в виде простой сводки полученные от волостей таблицы.

Таблица 63

Продукты и изделия	Единица измерения	Производство	Товарный излишек	Цена (копеек)
Мука ржаная	тыс. пуд.	60,4	4,3	25-40
Мука пшеничная	""	36,4	1,2	30-60
Крупа ячная	""	7,1	1,2	40-70
Горох	""	11,7	1,1	23-40
Семя конопляное	""	4,0	0,4	23-59
Ячмень	""	39,1	3,7	20-37
Овес	""	29,6	2,9	20-40
Мясо говяжье	пудов	2430	130	100-150
Масло коровье	""	178	25	600-800
Пенька чистая	""	635	100	100-250
Пряжа льняная	""	208	36	200-1000
Смола	ведер	412	20	25-60
Деготь	""	154	40	100
Сукно сермяжное	тыс. арш.	2,8	0,4	40-50
Холст рубашечный	""	28,1	6,6	7-16
Холст порточный	""	20,6	6,9	4-8
Кожи мякотные	штук	765	130	250-600
Кожи подошвенные	""	705	60	300-500
Войлоки	""	230	40	150-450
Шерсть овечья	пудов	332	65	300-350
Овчины деланные	штук	3100	700	50-120

Несмотря на крайнюю условность цифр, сообщенных волостями, они представляют очень интересный баланс продукции уезда (Фонд 9, арх. № 168).

В таблице 63 приводятся итоговые данные по 8 волостям Киренского уезда, основанные на донесениях мирских изб.

Кроме отмеченных в таблице продуктов и изделий, в отчетах волостей упоминаются солома, сено, солод, чулки, веревка, масло конопляное, сало говяжье и свиное, сальные свечи, слюда обрезающая и разные сукна.

Таблица дает общее представление о роде производимых в уезде продуктов и товаров, о примерном соотношении различных продуктов и их ценах. Товарных излишков было очень немного.

Вскоре, в октябре 1797 года, киренский земский комиссар Карсаков рассылает по волостям «таксу», т. е. предельные

цены на продукты. Превышение цен влекло привлечение продавца к суду (Фонд 9, арх. № 198, лл. 358-361).

Так, пшеница не могла продаваться (по разным волостям) дороже 30-55 копеек за пуд, рожь — 25-50 копеек, ячмень — 25-35 копеек, овес — 20-40 копеек, мясо — дороже 1-1½ рублей и т. д.

Движение цен на главные продукты за исследуемые 75 лет можно проследить по обильным, но разрозненным и несистематичным отчетам илимской ратуши, воеводской канцелярии и волостных приказных (мирских) изб.

Но из многих десятков тысяч цифр для сводки можно использовать лишь несколько сот показаний.

В отчетах всегда показывались и высшие и низшие цены, обычно помесечно, иногда понедельно.

В таблице 64 приводятся средние низшие цены на рожь по волостям Илимского (Киренского) уезда, вычисленные по 215 показаниям (в копейках за пуд) на январь месяц.

Таблица 64

Годы	Цены на рожь	Годы	Цены на рожь
1724-1730	13,2	1761-1770	17,6
1731-1740	22,8	1771-1780	22,8
1742-1750	25,5	1781-1790	39,5
1751-1760	14,3	1791-1800	36,4

Цены на рожь за $\frac{3}{4}$ века повысились на 176%. Сильное увеличение цен произошло в 30-40 годах XVIII века вследствие тяжелых неурожаев. Например, в 1743 году в Криволуцкой волости пуд ржи продавался по 60 копеек. Начиная с 60-х годов, цены стали непрерывно возвышаться вследствие сильного падения покупательной силы денег.

Но средние цены скрывают большие отклонения конкретных цен по отдельным волостям и селениям. Так, в 1743 году в Барлукской слободе пуд ржи стоил только 15 копеек.

Наиболее дешев хлеб был в Илимске, куда стекались продавцы и с верхнего и с нижнего течения р. Илима, а частью и с Ангары.

В таблице 65 приводятся средние низшие цены, отмеченные по Илимску на январь по главным сельскохозяйственным продуктам.

В конце века уездные учреждения переехали из Илимска в Киренск, и по новому уездному центру стали более тщательно учитывать цены на продукты. В 1775-1780 годах пуд пшеничной муки продавался в Киренске (январские це-

ны) по 30 копеек, семени конопляного — по 30 копеек, мяса — по 57 копеек и масла по 3 рубля. В 1788-1794 годах там же действовали следующие средние цены: пуд овса стоил 26,6 копейки, семени конопляного — 45,8 копейки.

Таблица 65

Годы	Цена за пуд в копейках							
	рожь	мука ржаная	мука пшеничная	овес	горох	семя коно- пляное	мясо говя- жье	масло коро- вье
1724-1730	9,4	13,1	18,1	12,7	14,9	17,6	39,1	168,0
1731-1740	10,5	12,5	25,0	10,0	10,0	15,0	60,0	320,0
1741-1750	—	41,3	—	—	—	—	—	—
1751-1760	14,5	19,0	22,7	11,5	12,0	—	35,3	—
1761-1770	—	12,0	16,3	9,6	—	—	36,7	—
1771-1780	—	14,6	19,1	9,7	—	—	36,0	—
1781-1790	—	19,0	20,0	10,0	—	—	—	—
1791-1800	20,0	27,0	—	—	—	—	—	—

Все эти данные говорят о сильном примерно двойном повышении цен по сравнению с ценами 20-х годов XVIII века.

Приведенные выше цены относятся к одному месяцу — январю. Конечно, внутри года происходили существенные сезонные колебания цен, особенно в годы с очень хорошим или с очень плохим урожаем.

Но вычислить колебания цен трудно, так как лишь в редких случаях имеются полные помесечные данные о ценах.

Все же удалось свести показания о ценах ржаной муки в Илимске за 25 лет (1724-1730, 1754-1761, 1766, 1768-1774 и 1780-1781 годы).

Если принять январские цены за 100, то в апреле они выражались числом 109,2, в июле — 126,9 и в октябре — 125,1.

Значит, наиболее низкие цены на ржаную муку устанавливались зимой, к весне они несколько повышались, летом достигали максимума, а осенью, после уборки урожая, вновь начинали снижаться.

На основании анализа хлебных цен в Илимском уезде можно сделать общее заключение, что они были выше цен в степной части Сибири и стабилизировались на довольно высоком уровне к началу XIX века. Динамика хлебных цен отразила и частные отклонения, вызванные неурожаями, и

постоянно действующую причину повышения цен — падение покупательной силы денег.

Тяжелые последствия от финансовых мероприятий правительства целиком ложились на крестьян. Повышение цен не поспевало за увеличением налогов. Цены на хлеб за $\frac{3}{4}$ века, возросли примерно в два раза, а денежное обложение крестьян за то же время увеличилось более чем в шесть раз.

ГЛАВА VIII

ПОДСОБНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ПРОМЫСЛЫ КРЕСТЬЯН

ПОДСОБНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КРЕСТЬЯН

Наиболее распространенными предприятиями, имевшимися у крестьян и других слоев илимского населения, были мельницы. Число кузниц, кожевен и других мелких заведений было невелико.

О всех этих и подобных им предприятиях можно узнать по данным об обложении их налогами и сборами.

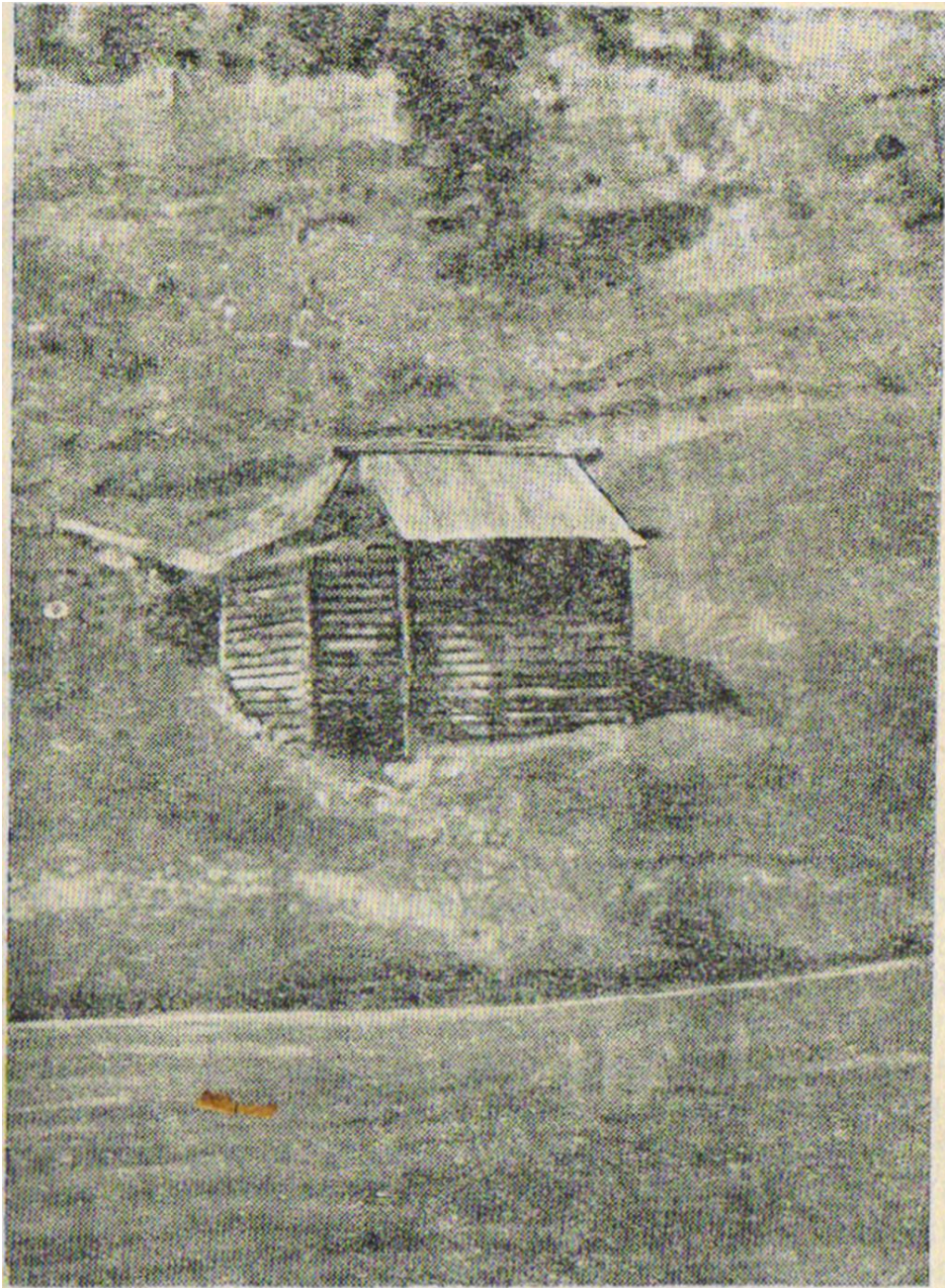
По книге оброчного денежного сбора за 1728-1732 годы в Илимском уезде числилось 254 мельницы (Фонд 75, арх. № 252, лл. 17-43). Наиболее производительными являлись колесчатые подошевные, менее производительными — колесчатые наливные (обычно писали «налевные») и мельницы, действовавшие обычно силой ручьев, так называемые мутовчатые. И сейчас еще можно видеть в Нижне-Илимском и других северных районах такие «мутовки», стоящие на ручьях, иногда по три одна за другой.

Распределение мельниц по владельцам дано в таблице 66.

Таблица 66

Владельцы мельниц	Колесчатые		Мутовчатые	Итого
	подошевные	наливные		
Крестьяне	35	33	154	222
Служилые люди	—	9	4	13
Посадские	9	2	—	11
Духовенство	3	1	4	8
Итого	47	45	162	254

В первой четверти XVIII века в Илимском уезде было 280-290 селений, значит, почти каждое из них имело мельницу.

Мельница у д. Березняки на р. Илиме.

Несколько крестьянских мельниц являлись складническими.

Государство облагало все мельницы, кому бы они ни принадлежали. Средний оброк с подошевной мельницы колебался около 94 копеек, с наливной — 26 копеек и с мутовчатой — 16 копеек в год.

Многие крестьяне платили по 6-10 копеек за мутовчатую мельницу. Но имелись и очень крупные по тогдашним временам мельницы. Так, у крестьянина Семена Купрякова на р. Уде в деревне Бурдушной стояла колесчатая подошевная мельница, с которой он платил оброка 6 руб. 60 коп. Киренский Троицкий монастырь за одну из своих мельниц ежегодно вносил в казну 3 руб. 75 коп., Якутский Спасский монастырь за 2 мельницы платил 5 руб. 25 коп.

Такие мельницы мололи окрестным жителям, разумеется за плату, тысячи пудов хлеба в год.

По Илгинской волости в 1731 году облагалось 20 старых и 12 «новопостроенных» мельниц. Весь размер оброка определялся в «восемь рублей с осмушкою», т. е. в среднем по 25 копеек с мельницы в год. По 5 копеек в год платили два крестьянина (один, впрочем, 5 $\frac{1}{8}$ копейки), 7 человек — от 6 до 10 копеек, 13 человек — от 11 до 25 копеек, 5 человек — от 26 до 50 копеек, 4 человека — от 51 копейки до 1 рубля и один крестьянин, Андрей Солоницын, платил 1 руб. 60 коп. в год. Здесь же имеется пометка, что с посельщика монастыря оброка за мельницу «братъ не велено» (Фонд 75, опись 2, арх. № 91).

Об этих мельницах Илгинского острога имеются сказки их владельцев, с указанием рода мельниц, года их постройки и времени работы в течение года (Фонд 75, арх. № 516, лл. 9-14). Всего подано сказок о 30 мельницах, из них 7 оказалось колесчатых и 23 мутовчатых. 9 мельниц были построены за 50-60 лет до времени учета, 4 мельницы — за 10-40 лет и остальные являлись новыми. О 18 мельницах сказано, что они мелют только весной, 6 работало круглый год, по 6 мельницам сведений о длительности их деятельности не дано. Мутовчатые мельницы стояли обычно на ключах и ручьях, но прямо об этом говорится только в 8 случаях из 23. Все 30 мельниц являлись однопоставными — «об одном станке».

Почти о каждой мутовчатой мельнице сказано: «мелет вешней водой, а летом от маловодия и зимою закипает и стоит бес помолу» или — «мелет вешнею и дождевою водою». Несколько мельниц бездействовало: «обмыло и стоит бес помолу», «обмыло и снесло».

В 1730-1735 годах в уезде было построено 14 новых мельниц (Фонд 75, арх. № 623, лл. 48-53).

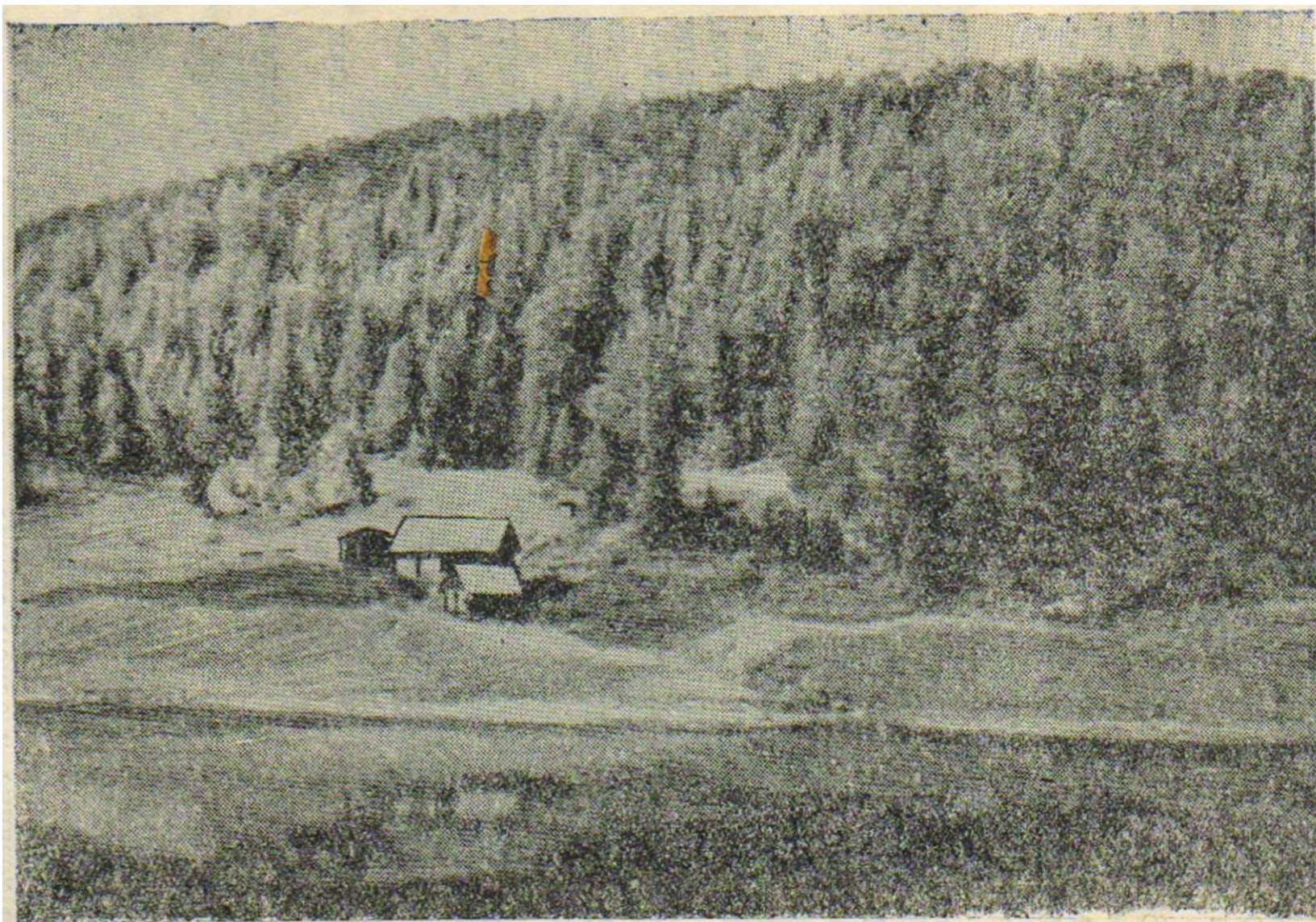
Подробный учет мельниц Илимского уезда производится в 1752 году по требованию «в должности эконома-галтера, экономии ж секретаря Иогана Брокмана» (Фонд 75, арх. № 1889, лл. 1-36).

Всего было учтено 273 мельницы, из которых 231 принадлежала крестьянам.

11 крестьянских мельниц являлись складническими, совладельческими: в 9 случаях собственниками мельницы были два хозяина, в одном случае — три и в одном — четыре хозяина.

Из 14 мельниц, принадлежавших духовенству, 8 являлись монастырскими и 6 поповскими.

Средняя величина годового оброка составляла: по колесчатым мельницам 51 копейку и по мутовчатым — 15 копеек.

Мельница на ручье, впадающем в Лену.

Единственная казенная мельница, стоявшая на речке Зырянке, недалеко от Илимска, сгорела в 1754 году по неосторожности мельника. Он живо рассказал, как топил печь, как лег спать, как заметил «чахлеть» и, наконец, как увидел всю государеву мельницу в огне. С тех пор она никогда не восстанавливалась (Фонд 75, опись 2, арх. № 729, л. 58).

Содержательные сказки о мельницах были собраны в 1756 году по Усть-Кутскому острогу (Фонд 75, опись 2, арх. № 781, лл. 55-69).

Вот одна такая сказка, приведенная здесь почти полностью: «Усть-Куцкого острогу деревни Тирской за крестьянином Семеном Мироновым построенная мельница мутовчатая... против той деревни на ключу, состоит в окладе, на каждый год [в] тридцати копейках... В ней одне жернова, в ширину 3 четверти, в толщину 3 вершка. Мелют кроме апреля — мая месяцев, ибо в те месяцы подступает с Лены реки спорная вода. И после того мелет в летное и зимное время в сутки... по 20 фунтов, про свой домашней обиход. Постороннего помолу не бывает. А когда бывают в летное время дожди, и как от вешной, так и от дождевой прибылой воды анбар разбирает и сносит в угор». Значит, мельница была разборной, переносной. Далее Миронов рассказывает, как случилось, что он платит за мельницу очень много — 30 копеек, а желал бы платить 15 копеек. Он признает свою ошибку, когда при предшествующем опросе согласился платить 30 копеек — «и то учинено им несмыслом, но просто[то]ю ево и беде. От такового многого положенного оброку несет немалую против протчих мельнишных владельцев тягость. При том же имеется на оном ключу, выше ево мельницы по тому ключу, еще две. А когда потребно молоть... то бес протчих владельцев воды спускать невозможно и мелют все одною водою обще, что те мельницы отстоят между ими расстоянием сажени по 3 и 4... Ежели что против вышеписанного показал ложно или утаил, за то б повелено было учинить по указом, чему будет достоин. В том, под лишением живота своего, и подписался».

Несмотря на ручательство животом за верность даваемых Мироновым сведений о своей немудрящей мельнице, его показания были проверены.

К сказке добавлено: «И по общему свидетельству явилось против вышеписанного по скаске упоминаемого владельца Миронова имянно».

Всего таких сказок 35. Указанный Мироновым случай размещения звена из 3 мутовчатых мельниц на одном ручье не был единственным. Воды ручья Маркова вращали мутовки 6 мельниц, на речке Межевой стояло 5, на Мельничном ручье — 7 или 8 мельниц.

Крестьяне платили за 35 мельниц 6 руб. 20 коп. оброка в год, т. е. в среднем по 17-18 копеек за мельницу. Уже размер обложения свидетельствует о мелких размерах мельниц Усть-Кутского острога. И действительно, в волости не было ни одной колесчатой мельницы. На каждой мутовке имелось только по одной паре жерновов по 9-15 вершков в поперечнике, по 1½-5 вершков высоты. В течение всего года действовало лишь 2 мельницы; в отношении 11 мельниц сказано: «в зимнее время закипает и стоит впусе». Слово «закипает» означает выход воды на поверхность льда при промерзании ручья до дна. Наплывающая снизу на лед вода превращается также в лед и таким образом на ручье намерзают наплывы или шапки неровного льда. О пяти мельницах замечено: «Мелют одною весною з гор текущею снежною и дождевою водою».

О производительности мукомольного хозяйства Усть-Кутской волости данные имеются по 30 мельницам из 35: по 20 фунтов в сутки размалывало 14 мельниц, до 1 пуда — 10 мельниц, по 2 пуда — 3 мельницы и по 3 пуда — две. Одна же мельница давала в сутки только 10 фунтов муки.

Данные эти следует признать преуменьшенными; при такой производительности все мельницы волости могли давать в сутки 30 пудов муки. А населению волости в год требовалось около 15000 пудов. Ясно, что 30-пудовый суточный размол не мог бы покрыть даже самых скромных потребностей населения волости в муке.

Есть основание предположить, что производительность мельниц была в действительности раза в 2-3 выше, чем показанная в крестьянских сказках.

Предположение о более высокой производительности мутовчатых мельниц не колеблет нашего представления о них, как о чисто потребительских, в подлинном смысле слова — мелких заведений крестьян.

«...а хотя которые хлебные мельницы и имеются — и то мутовчатые, а иные и колесетые — и те ж малые. Построены на небольших водах, на ручьях и ключах, на иловатых местах и на песке, а не на плотине. И ежегодно почти разваливаются», — так отвечала в 1760 году Нижне-Илимская слобода на один из пунктов, предложенных Академией наук (Фонд 75, арх. № 2591, лл. 124-131).

В 1763 году происходила переоброчка оброчных статей, ставившая целью повышение обложения деревенских предприятий. По Нижне-Илимской слободе был пересмотрен размер обложения по 12 мельницам. Как это производилось, можно показать на примере обложения мельницы крестьянина Ивана Попова из деревни Подпорожной. Он заявил, что молот примерно по 2 пуда в сутки, всего за год до 730 пу-

дов; за помол брал по деньге с пуда¹. Значит, весь доход составлял 3 руб. 65 коп. в год. На разные починки и поделки, по его словам, уходило 1 руб. 15 коп. «За тем расходом наличного доходу 2 рубли 50 копеек». В оброк полагалась $\frac{1}{10}$ часть дохода, т. е. в данном случае 25 копеек. А платил Попов 19 копеек в год (Фонд 75, опись 2, арх. № 993, лл. 115-126). Подобные расчеты, проделанные по 12 мельницам, позволили казне увеличить оброк с 2 руб. 44 коп. до 2 руб. 94 коп. Понятно, что крестьянин не был расположен показывать действительную производительность его мельницы и доход от нее.

Переобработка всех статей по Илимскому уезду, законченная в 1765 году, довольно заметно увеличила обложение населения и, конечно, в первую очередь крестьян. Размер оброчных платежей до переобработки и новое обложение, произведенное по указу Сената от 15 декабря 1763 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 1079, л. 9), показаны в таблице 67.

Таблица 67

Оброчные статьи	Рублей в год	
	до переоб- рочки	после пере- обработки
Пашни и сенокосы	56,05	94,08
Хмелевой остров	0,35	0,60
Рыбные ловли	30,16	78,48
Мельницы	82,67	159,38
Кузницы	3,73	14,46
Кожевни	13,60	19,05
Зимовья	4,46	7,15
Бани	20,60	31,90
Мыльни	0,80	1,10
Итого	212,42	406,20

Всех крестьянских мельниц в 1768 году по Илимскому уезду насчитывалось 381, но из них 70 сгорело или было снесено водой (Фонд 75, арх. № 3088, лл. 565-582).

В 1769 году число их возросло до 393 единиц.

После преобразования Илимского уезда в Киренский в ведении нижнего земского суда осталось 169 мельниц, из них 45 колесчатых и 100 мутовчатых. Остальные 24 мельницы, вероятно, были мутовчатыми (Фонд 9, арх. № 176, лл. 140-144).

Казна платила крестьянам за помол по 1/4 копейки за пуд.

Как следует из приведенных сведений о мельницах Илимского уезда, подавляющее число их являлось мелкими подсобными заведениями крестьян. Но в то же время около $\frac{1}{5}$ части мельниц обслуживали и посторонних помольщиков. Ясно, что владельцы их — монастыри, духовенство и зажиточные крестьяне — извлекали от своих предприятий некоторый нетрудовой доход.

Учет кузниц, произведенный в 1728 году, видимо, не отличался полнотой. Всего по Братскому острогу было обложено тогда оброком только 6 кузниц, и хозяева платили за них лишь 1 руб. 05 коп., т. е. по 17-18 коп. в год за кузницу (Фонд 75, арх. № 252). Илимская воеводская канцелярия в 1736 году сообщила в Иркутск о числе кузниц и размерах их обложения по 11 волостям. Всего оказалось 25 кузниц, из них 20 крестьянских и 5 монастырских. Общая сумма оброка составляла 2 руб. 43 коп., т. е. по 10 копеек с кузницы в год, с колебаниями платежа от 5 до 20 копеек (Фонд 75, арх. № 623, лл. 48-53). По учету 1752 года в уезде насчитывалось 34 кузницы.

За 1730-1735 годы было обложено по 11 волостям 27 кожевен, из которых 16 принадлежало крестьянам, 6 — посадским, цеховым и «жителям», 3 — монастырям и 2 — служилым людям. Общий размер годового оброка составлял 13 руб. 50 коп., в среднем по 50 копеек в год с кожевни. Наибольший оброк достигал 1 рубля, а наименьший — 10 копеек в год с кожевни (там же). По учету 1752 года в уезде насчитывалось 28 кожевен.

О промыслах крестьян имеются обрывочные сведения, свести которые в удобные для обозрения таблицы нет возможности.

Поскольку весь Илимский (в конце XVIII века — Киренский) уезд лежал в зоне тайги, многие неземледельческие промыслы илимских крестьян относились к обработке и использованию дерева. «А состоит оной (лес) в близости, с протяжением по хребтам, неизмеренно, а неизвестно сколько ево».

В сообщениях мирских изб, посланных в киренский нижний земский суд в 1798 году, имеются краткие указания о разных промыслах крестьян (Фонд 9, арх. № 169): «И сверх земледелия и скотоводства занимаются рукоделием — домов, мелких лоток и посуды деревянной» (Чечуйская волость), «занимаются крестьяне Подымахинской слободы и Казарочной деревни рукоделием ходовых судов и мелких лодок постройкой». Крестьяне Кривоуцкой волости «занимаются промыслом разных зверей и нанимаются в работы на слуденые промысла и на сплавку в Якутск на барках, на восках и лотках». Усть-Кутская мирская изба сообщила: «а рукоделия никакого не имеют, кроме строящих

барок и павосков, и то по реткости». Верхне-Илимская мирская изба писали: «И сверх земледелия занимаются крестьяне рукоделием: холстами, лотками и промыслами зверинными и белечьими».

Другие промыслы и занятия, подпадавшие под обложение оброком, встречаются как единичные явления. Крестьянин Панов платил с хмелевого острова в Кежемской слободе 35 копеек в год, с зимовьев на волоках взималась в казну плата с трех содержателей. Сохранилось еще в середине XVIII века обложение ледокола и водопоя, сумма платежа с которых составляла только 3 руб. 40 коп. в год. Крестьянин Алексей Дубровин с извоза товаров мимо Падунского порога платил 6 руб. 23 коп. ежегодно (Фонд 75, арх. № 1889).

Как курьез можно отметить существование в Илимском уезде сбора «с точильного и брусеного камня», который платил крестьянин деревни Тарасовой Орленской слободы в размере 40 копеек в год.

В рассматриваемое время облагались оброком также «мыльни», своего рода торговые бани, принадлежавшие некрестьянскому населению. Так, в 1736 году посадские платили за 3 мыльни 80 копеек в год. По наиболее полному учету бань за 1752 год церковнослужители платили оброк за 13, служилые люди — за 58 бань, и посадские — за 3 «мыльни».

Все эти сборы зародились еще в XVII веке и, потеряв в XVIII всякое значение, были, наконец, упразднены при Екатерине II.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Сведения об охоте и рыболовстве крестьян и других жителей Илимского уезда крайне отрывочны и рассеяны, обычно в виде примечаний, по очень большому числу дел.

Более или менее связные данные, имеющиеся в бумагах илимской воеводской канцелярии, приведены в этом разделе.

Эти данные, как, впрочем, и другие, свидетельствуют о повсеместном распространении обоих промыслов. Многие крестьяне вовсе не занимались ни охотой ни рыболовством, у большинства названные промыслы не выходили за рамки подсобного занятия. Такие крестьяне охотились «в недалъных местах, на зайцев и белок». Зато некоторая, меньшая часть крестьян, именно зажиточная, вела добычу пушнины в крупных, так сказать, промышленных размерах.

О количестве добываемой пушнины и рыбы никаких сведений не имеется.

По требованию илимской воеводской канцелярии 10 июля 1755 г. было «велено в Чечуйску сочинить ведомости к прибытию для свидетельства земель геодезисту Мирону Овцыну».

В чечуйской приказной избе составляется для Овцына несколько ведомостей, в том числе и о занятиях крестьян охотой и рыболовством.

У 175 дворов имелось 10970 «бельего заводу плах», 50 звериных ям, 57 рыбных ловель.

Как видно из этих данных, подсобные промыслы имели в Чечуйской волости широкое распространение. Однако далеко не все крестьяне занимались промыслами.

Например, «звериные ямы» имелись только у 18 крестьян. У двух дворов было по одной яме, у 9 дворов по 2 ямы, у одного двора 3 ямы, у остальных 6 дворов по 4-6 ям.

Такое же неравномерное распределение наблюдалось и по плашкам, как это и показано в таблице 68.

Таблица 68

Группы хозяйств по числу плашек	Число хозяйств	У них плашек
До 50	5	160
60-90	21	1090
100-200	25	3420
250-500	18	6300
Итого	69	10970

Значит, у 106 дворов «бельего заводу» не было, а 18 дворов (из 175) имели почти 60% всех плашек. Только зажиточный крестьянин мог ставить сотни плашек и вести наблюдение за ними.

О рыболовстве местных жителей сведения можно получить лишь по книгам оброчных платежей.

В 1752 году платили оброк с рыбных ловель 92 человека. Одни рыбные ловли — мелкие, удовлетворявшие нужды крестьянского двора, облагались по 10-30 копеек в год, другие — крупные, предпринимательские, облагались довольно высоко. За 84 рыбных ловли потребительского значения платилось в год 13 руб. 40 коп., т. е. в среднем по 16 копеек за одну ловлю, а за 8 крупных ловель — 22 руб. 59 коп., в среднем по 2 руб. 82 коп., или в 18 раз больше средней величины оброка по мелким ловлям. Пользователями крупных ловель были: крестьянин Верхне-Илимской волости, 3 крестьянина Нижне-Илимской волости, посадский Братского острога, «житель» Косыгин, Троицкий монастырь

и крестьянин Терентий Дубровин, откупивший ловлю рыбы за ежегодный оброк в 7 руб. 20 коп. на Пьяном, Похмельном и Падунском порогах (Фонд 75, арх. № 1889, лл. 1-36).

По запросу «учреждено сибирских и камчатских дел следственной комиссии» в усть-кутскую таможенную, в Усть-Куте была составлена ведомость «о проезжающих чрез оную (таможенную) с камчатскими товарами купцов и протчих людех» за 1753 год.

По этой ведомости учтен провоз пушнины из Якутска по выпискам якутской таможни (Фонд 75, арх. № 2043, лл. 65-80).

Итоги провоза даны в таблице 69.

Таблица 69

Название пушнины	Провезено пушнины, штук	На сумму, рублей	Цена за единицу, рублей	Удельный вес по стоимости, %
Соболи	4184	13925	3,33	39,8
Бобры	1644	15503	9,43	44,4
Лисицы сиводушки	929	2547	2,74	7,3
"" красные	1351	2346	1,74	6,7
"" чернобурые	1	45	45,00	0,1
Песцы	149	52	0,35	0,2
Горностай	6250	438	0,07	1,3
Котики морские	312	49	0,16	0,1
Меха, одеяла	4	43	—	0,1
Итого	14824	34948	—	100,0

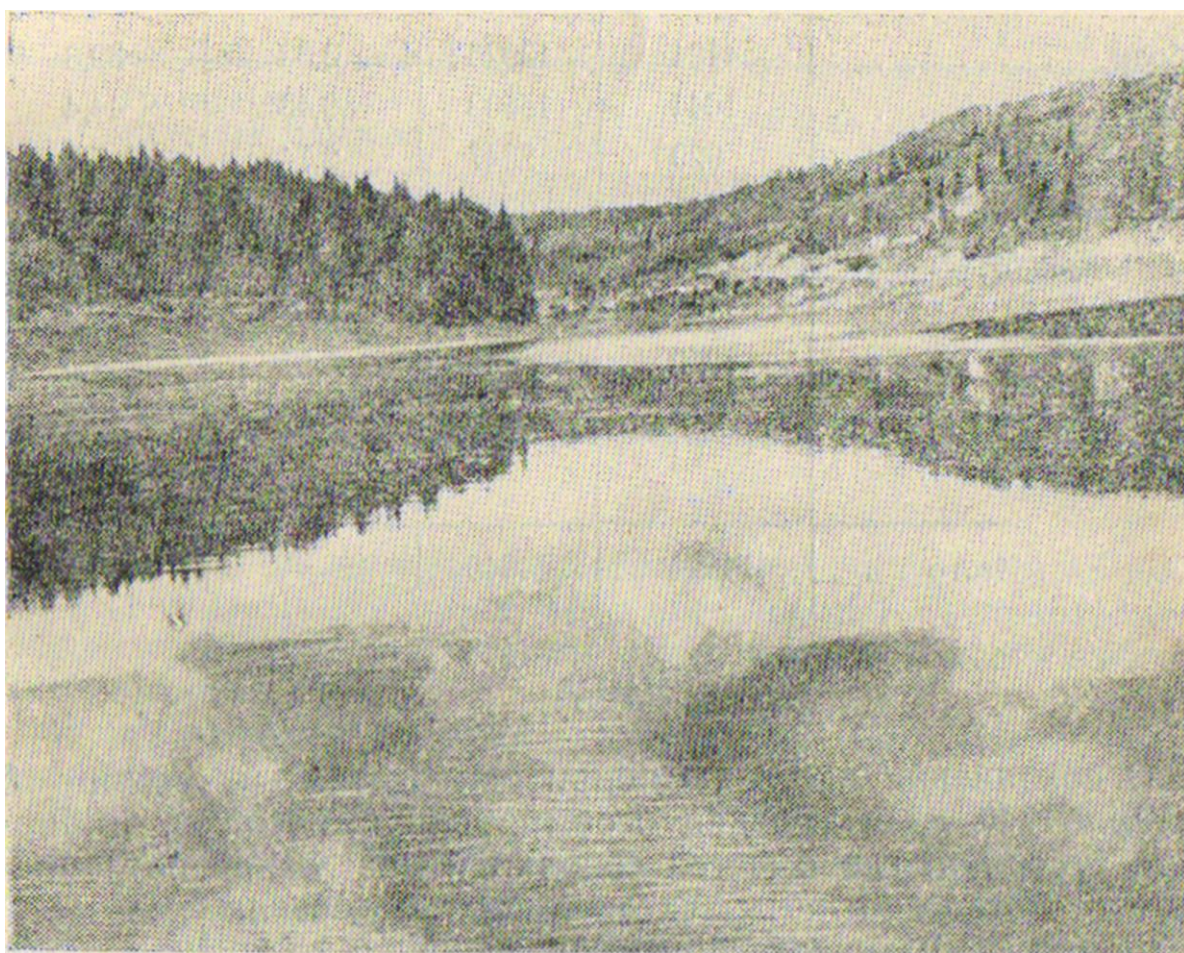
ЛЕСА

О сохранении лесов в Сибири как охотничьих угодий 16 января 1744 г. был издан особый указ Сената: «в Сибирской губернии, где имеется соболиной лов, накрепко запрещать — чтоб лесов жечь никто отнюдь не дерзали». От местных властей были затребованы сведения о состоянии лесов, о размерах ущерба «и где вновь порос» с тем, чтобы пересмотреть и уравнять ясачный платеж в отдельных краях.

Но лишь в конце 1753 года илимская воеводская канцелярия получила из Иркутска требование представить те сведения, о которых говорилось в сенатском указе (Фонд 75, арх. № 2051, л. 175).

Из Илимска в ясачные волости были направлены служилые люди для осмотра лесов и опроса населения.

Илимский казак Михаил Оглоблин в мае-июне 1754 года выполнял это поручение в Нижне-Илимской ясачной волости. По его донесению «по Ангаре реке вверх с устья Илима до Шемановского порогу по обе стороны имеютца хребты каменные, а на оных хребтах состоит лес: сосняг, листвяг, ельник, пихтовник, осинник, березник. И оного лесу... местами выгорело немалое число и вновь выросло... малое число». Такая же характеристика дана Оглоблиным и тем лесам, которые покрывали хребты от устья р. Илима вверх по Ангаре до деревни Кацкой, по речкам Кате, Тушаме и Невонке «с устьев и до вершин», а также по Илимскому и его притокам — Тубе и Игирме. Среди древесных пород в этих местностях упоминается еще кедровник. Правильность сообщения Оглоблина была удостоверена подписями русских крестьян и ясачных людей «под страхом смертныя казни» (там же, лл. 184-196).

Р. Илим. Вдали слобода.

В Киренскую, Усольскую и Верхне-Илимскую ясачные волости выезжал сын боярский Андрей Березовский и представил в илимскую воеводскую канцелярию подписки местных жителей о состоянии лесов и пушного промысла.

Шуленга, старшина и один новокрещенный «с товарищи» Верхне-Илимской ясачной волости показали: «напредь сего

в прежния годы леса были угодный, и и лесах звери: соболи, лисицы, рыси, выдры, расамаки, горностаи, хорьки, белки, сохатые, медведи, волки». Но теперь лес выгорел, «осталось малое число», а на погорелых местах «растет лес, чеща малая, вершка в четыре». К этим показаниям присоединились и русские «старшие крестьяне», мирские старосты, сотские и десятские Усть-Кутского и Киренского острогов, а также иноверцы всех волостей, где был Березовский. Шуленга и 7 старшин Усольской ясачной волости добавили: «а горит лес черес год и черес два года, а отчего горит, про то мы не знаем» (там же, лл. 198-203).

По верхне-ангарским ясачным волостям подписки собирал приказчик Братского острога Петр Березовский. Ясачные показали: «Перед прежним ныне лес вываливается повсегодно, а отчего — про то мы неизвестны, и вновь вырастает повсягодно ж». Русские крестьяне на вопрос о состоянии лесов ответили, что ничего не знают, так как «иноземцы» живут от них далеко (там же, лл. 205-209).

На основании полученных сведений воевода Иван Попов составил сводку по уезду. Он отметил, что лесов везде «предовольно», а если лес горит, то вновь вырастает «и убавки оному нигде нет». Пушной промысел падает, так как «звери против прошлых лет очень умалились, оттого, что год от году их, иноверцов, умножаетца и всякой зверь отшатился в незнаемые дальнейшие места». Воевода добавляет, что тунгусы на промысел ходят «по большей части пешию, на лыжах, а оленей имеют у них немногие иноверцы, и то по малому числу».

Воевода считает, что пришла пора отказаться от соболиного ясака, так как соболей нет, а следует обложить тунгусов «деньгами, окладом против прежняго с убавкою... ибо они, тунгусы, самые люди бедные и никакого скота (в скобках: «как протчия братцкия иноверцы») не имеют» (там же, лл. 212-214).

Вся изложенная переписка показывает, что казна о лесах Сибири вспоминала лишь тогда, когда присматривалась к ниспадающей кривой пушных заготовок. Леса Сибири сами по себе, даже как запас древесины, как предмет промышленного использования, имели для казны нулевое значение.

Падение соболиного промысла, освещенное лесными пожарами, показывало, что указы лишь регистрировали, а не предотвращали истребление биологических ценностей страны.

В большинстве случаев лесные пожары не привлекали внимания ни уездного ни губернского начальства. Чаще всего в делах появляются документы, по которым можно уз-

нать о лесных пожарах только в тех случаях, когда в огне погибало казенное имущество.

Например, в июле 1756 года усть-кутская приказная изба доносила в илимскую воеводскую канцелярию, что «по Куте реке выше Тюменинской деревни, идучи в лодке с хлебом... Акилина Афанасьева дочь с работниками своими ночевала. И поутру, ушедши с того наслегу, огня не погасили, которой огонь ушел в лес, в хребет и весьма по дуброве разжился». В этой местности лежали «елтышные» дрова, заготовленные для солеварения.

Воевода велел по этому донесению вызвать в Илимск Акилину с ее работными людьми. Но она на допросе отрицала, что разжигали в лесу огонь. Воевода отпустил ее «для нынешнего хлебапажитного времени» и велел приказной избе установить размеры потерь казны от пожара (Фонд 75, опись 2, арх. № 780, л. 33).

Бурелом в тайге около д. Суворки.

Лесной пожар, раз он возник, мог прекратиться лишь сам собою, когда фронт пламени подходил к реке или к болоту. Не встречая таких препятствий и находя обильную пищу, пожар мог длиться недели и месяцы, пока сильный дождь не прекращал ужасное шествие стихии.

Человек оказывался беспомощным остановить бедствие. Криволицкая мирская изба 16 июня 1799 г. доносила киренскому нижнему земскому суду, что 13 июня один крестьянин ниже деревни Заборской, на берегу р. Лены, «по край лесу для делания кож жог золу, отчего огонь ушел в хребты и доньне горит». Крестьянин пытался сам погасить пожар, но без успеха; десятским были наряжены люди, но и они не справились с огнем. Когда об этом узнала мирская изба, то староста послал в лес «немалое количество людей... но токмо никак потушить не могли» (Фонд 9, арх. № 120, л. 162).

В 1800 году на основании указа Сената от 9 августа 1799 года иркутское губернское правление предложило нижним земским судам учредить лесных старост или надзирателей, выбираемых крестьянами в каждом селе (Фонд 9, арх. № 224, лл. 179-182).

Никакого жизненного значения не имели правила использования лесов крестьянами. Указом илимской воеводской канцелярии 20 мая 1769 г. доводилось до сведения киренского экономического старосты, что государственная коллегия экономии предложила выделить крестьянам экономического ведомства государственные леса и разделить их на 30 равных частей по числу лет вырубки. Ежегодно разрешалось вырубать не более $\frac{1}{30}$ части лесного надела. При этом одну часть следовало отделить просекой не более 2 сажень ширины, а остальные части отметить столбами. Для столбов надлежало копать ямы по $1\frac{1}{2}$ сажени шириной и $\frac{1}{2}$ сажени глубиной. Столбы от земли должны были подниматься на 2 аршина, на них предписано было вытесывать номера частей: 1, 2, 3... 29. При утере столбов они должны были ставиться вновь...

Ни одно из этих правил не проводилось в действительности. Крестьяне пользовались лесом там, где считали более удобным, тем более, что им лесных наделов нигде не отводили. Значит, и весь порядок вырубки лесов оказывался беспочвенной мечтой.

К таким же указам, не имевшим никакого значения и только отмечавшим бессистемное использование лесов, относится распоряжение иркутского губернатора Бриля от 9 марта 1770 г., чтобы в лесах около Байкала и Тункинского острога «кедровых лесов... отнюдь не подрубали» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1251, л. 34).

Жители лесом пользовались без всяких ограничений. Рубил лес всякий желающий — где хотел и сколько мог. Очень редко заготавливали лес на продажу. Например, плавил лес по Лене в Киренск, когда он стал городом. В 1797 году Марковская волость давала кому-то сведения о сплаве по Лене и указала, что в г. Киренск плавят сосновый «круглой» лес $3\frac{1}{2}$ -4 сажень, толщиной в отрубе 8-9 вершков. За сотню

таких бревен в Киренске платили 15-18 рублей. Для крыш требовался тес по 7-8 аршин, шириной 8-10 вершков. Сотня тесин стоила 12-14 рублей (Фонд 9, арх. № 180, л. 9).

Человек мог лишь в ничтожной степени использовать блага, которые доставляли ему леса Сибири, подобно тому как он черпал воду из сибирских рек. Он не мог ни поставить себе на службу лесные богатства страны, ни истощить их.

ГЛАВА IX

ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН

ХЛЕБНЫЕ ПЛАТЕЖИ

Одной из тяжелых форм государственного обложения сибирских крестьян являлась сдача в казну хлеба.

В первой четверти XVIII века действовало несколько видов хлебного обложения: с пашенных крестьян взыскивался так называемый отсыпной хлеб, величина которого определялась по площади государственной пашни, закрепленной за каждым крестьянским двором; с хлебных оброчников взимался оброчный хлеб в соответствии с размером используемой ими пахотной и сенокосной земли; поголовные оброчники вносили хлеб с каждой семьи; служилые люди, пахавшие вместо хлебного жалования, облагались выделным пятинным хлебом с излишней запашки.

Кроме того, все слои населения, в том числе пашенные крестьяне, служилые, посадские и духовенство за использование оброчных государственных земель платили оброчный хлеб. Но в конце 2-го десятилетия XVIII века все оброчные крестьянские земли заверстываются в общее землепользование. В распоряжении казны остаются немногие участки оброчной земли, сдача которых во временную аренду дает настолько скромный оброчный платеж, что он тонет в суммах других хлебных поступлений в казну.

Выделной или пятинный хлеб, имевший крупное значение в XVII веке, потерял почти всякое значение уже в первой половине XVIII столетия.

С 1733 года Сибирской губернской канцелярией отменяется выдел хлеба у посадских. Им предлагается платить за пользование землей наравне с крестьянами. Если же посадские отказались бы от такой оплаты, то их земли подлежали передаче служилым людям или крестьянам.

Позднее 1746 года документов о взимании выделного хлеба не встречается. С исчезновением выдела отмерла еще одна черта средневековой экономики XVII века.

По счетным ведомостям за 1726 год обложение хлебом касалось следующих групп илимского населения (см. таблицу 70):

Таблица 70

Группы населения и род платежа	Хозяйств	Оклад четвертей	
		ржи	овса
Пашенные крестьяне, платят отсыпной хлеб	1440	3181¼	121½
Пашенные крестьяне, платят оброчный хлеб	—	346⅛	1
Хлебные обротчики	75	298⅞	—
Поголовные обротчики	391	337⅜	—
Служилые люди, платят выдельной	28	62	—
Итого	1934	4225⅝	122½

Пашенные крестьяне должны были платить с так называемой десятинной пашни, размер которой определялся тогда по уезду в 400½ десятины.

В 1726 году хлеба с крестьян не взыскивали «и остался оной правиа́нт для збору в 727 году» (Фонд 75, арх. № 202). Произошло это вследствие путаницы, возникшей с введением денежного подушного обложения. Последовал указ иркутской провинциальной земской конторы от 22 июня 1726 г., которым предлагалось даже оплатить крестьянам взятый у них хлеб, о чем уже излагалось в 1 томе «Илимской пашни» на стр. 180-181.

На основании этого из илимской земской (воеводской) канцелярии посылались в 1726 году указы о сборе только оброчного и выдельного, а не отсыпного хлеба. Таков указ от 19 сентября 1726 г. в Илгинский острог (Фонд 75, арх. № 213, л. 2).

Чтобы разобраться в возникшей заминке, необходимо вспомнить, что денежное подушное обложение состояло из 7-гривенного сбора, уплачиваемого всем податным населением России, и 4-гривенного сбора, касавшегося только государственных крестьян. Помещичьи крестьяне 4-гривенных денег не платили.

Указом Петра I запрещалось, кроме этих подушных сборов, налагать на крестьян какие-либо другие государственные платежи.

Поэтому, когда в Иркутской провинции стали собирать с крестьян 7- и 4-гривенные деньги, то отпало хлебное обложе-

ние. Но это длилось только один год, Сенат 18 февраля 1726 г. указал: «з государственных¹ крестьян, которые пашут десятинную пашню... четырехгривенных денег, положенных вместо помещичья доходу, не имать», зато взыскивать по-прежнему с крестьян хлеб (Фонд 75, арх, № 213, л. 86).

На основании сенатского указа и начале 1727 года возобновился прерванный было порядок взыскания хлеба с крестьян, и 14 февраля илимский сын боярский Федор Литвинцев уже едет по острогам и слободам уезда с предписанием — проследить, как идет сбор и десятинного (отсыпного) и оброчного «правианта».

Всего за 1727 год удалось взыскать из 4225⁵/₈ четверти ржи и 122¹/₂ четверти овса только 573¹/₂ четверти ржи. По отдельным видам взыскания хлеба поступило, в процентах к окладу: отсыпного хлеба с пашенных крестьян 12,8%, с них же оброчного хлеба — 32%, с хлебных обротчиков — 1,3%, с поголовных обротчиков — 11,6% и со служилых людей — 18,4%.

Столь слабый сбор хлеба с плательщиков воеводская канцелярия объясняла гибелью урожая от засухи и нападения червя и кобылки (Фонд 75, арх. № 230, лл. 117-118). Впрочем, хлебных недоимок за 1726 год было собрано в 1727 году довольно много — 2603 четверти (там же).

В следующем, 1728 году, в Илимском уезде вводится новый порядок взыскания с крестьян хлеба.

Этот новый порядок, просуществовавший 45 лет, заключался в том, что вместо подушных 4-гривенных денег крестьяне Сибири, согласно указу Петра II, должны были платить с двора «по четыре четверти бес полуосмины ржи, овса потому ж», т. е. по 30 пудов ржи и по 30 пудов овса. Указ об этом был послан в Илимск иркутской земской конторой (провинциальной канцелярией) 30 декабря 1727 г.

Доход помещика от крепостных крестьян был определен казной в размере 40 копеек с каждой души. Государственные крестьяне «вместо помещикова доходу» должны были платить по 60 пудов хлеба с двора. Если считать средний размер крестьянской семьи в 5 душ муж. пола, то 4-гривенный сбор составил бы на двор 2 рубля, а, значит, пуд хлеба при введении натурального обложения оценивался примерно в 3 копейки. Столь низкая оценка хлеба привела к повышению оклада «правианта», т. е. к переобложению сибирских крестьян, и вызвала огромную недоимочность в большинстве илимских волостей. Указ илимской воеводской канцелярии по поводу введения нового порядка исчисления хлебных окладов говорил: «велено в Ылимску и Илимского ведомства в острогах и слободах и деревнях определение преждебыв-

шего в Ылимску воеводы Федора Качанова, десятинное тягло — отставить... А збирать повелено по одному ж... указу (из Иркутска) з дворового числа, с крестьянства и обротчиков, по 60 пудов ржи и овса с каждого двора» (Фонд 75, опись 2, арх. № 72).

В таблице 71 приводится величина нового хлебного оклада в 8-пудных четвертях по волостям Илимского уезда. Следует иметь в виду, что оклад слагался из двух половин, одна из которых должна была сдаваться рожью, а другая овсом.

Например, по Верхне-Илимской волости оклад равнялся 30 четвертям хлеба, в том числе 15 четвертей ржи и 15 четвертей овса. Но за овес можно было сдать половинное количество ржи. Значит, в ржаном исчислении 30-четвертной оклад составлял 22½ четверти. В таком исчислении он потом и стал показываться во всех почти ведомостях. Впрочем, нередко можно встретить в документах только один ржаной оклад, причем подразумевалось, что к нему еще нужно прибавлять полоклада за овес.

Практически овес был только счетной единицей, и за него всегда сдавалась рожь.

Но в ленских волостях власти требовали (впоследствии) сдавать вместо овса ячменную или овсяную крупу — и тоже «вполы».

Раскладка 1728 года по всем волостям, кроме Карапчанского погоста, показана в таблице 71.

Таблица 71

Волости	Дворов	Хлебный оклад, четвертей	Волости	Дворов	Хлебный оклад, четвертей
Верхне-Илимская	4	30	Тутурская	34	255
Нижне-Илимская	87	652½	Илгинская	107	802½
Усть-Кутская	39	292½	Ново-Удинская	46	345
Криволуцкая	62	465	Яндинская	64	480
Киренская	59	442½	Братская	99	742½
Чечуйская	114	855	Барлукская	10	75
Орленская	41	307½	Кежемская	27	202½
			Итого	793	5947½

В указанных 793 дворах числилось 3688 душ муж. пола. С них было сложено подушного 4-гривенного сбора «вместо помещикова доходу» 1475 руб. 20 коп., но зато наложено 5947½ четверти или 47580 пудов хлеба. Значит, 1 пуд хлеба в среднем шел за 3,1 копейки.

К ведомости сделано примечание: «и в то число на настоящей 729 год за всеконечную крестьянскую скудостью в зборе правиянта не было» (Фонд 75, арх. № 276, лл. 12-13).

Крупным недостатком нового обложения явилось поравнение всех волостей. Где бы крестьянин ни жил, в хлебородной или неурожайной волости, он должен был платить везде одно и то же количество зерна, по 60 пудов с двора в год.

Старая система все-таки в какой-то мере принимала во внимание различные условия для хлебопашества по отдельным волостям. Поэтому с 1728 года отдельные волости, как Усть-Кутская, Киренская, Кежемская, должны были платить в 1½-2 раза больше прежнего.

Полное игнорирование степени хозяйственной мощности крестьянских дворов явилось несомненно самым большим пороком нового порядка обложения.

Сопоставить тяжесть нового обложения с прежними окладами можно по ряду волостей на основании подворной переписи крестьян, произведенной в 1736 году (Фонд 75, арх. № 580, лл. 2-211). К сожалению, данные этой переписи проведены не по одному образцу, поэтому сопоставления приходится делать по отдельным волостям.

Так как перепись дает сведения об обложении каждого двора, то возникает возможность дать некоторые важные группировки. Например, по Илгинской, Орленской и Тутурской волостям можно сгруппировать хозяйства по величине посева и определить тяжесть нового обложения по группам крестьянских хозяйств разной мощности. Такая группировка по трем волостям сделана в таблице 72.

Таблица 72

Группы хозяйств по величине посева	Дворов	Посев, десятин	Хлебный оклад, пудов		Оклад, пудов на десятину	
			до 1728 г.	после 1728 г.	до 1728 г.	после 1728 г.
До 2 десятин	12	21⅜	129	314	6,0	14,7
2,1-5	98	285¼	2060	3530	7,2	12,4
5,1-10	56	431¾	2337	2848	5,4	6,6
Более 10 десятин	18	251⅝	1230	1413	4,9	5,6
Итого	184	990	5756	8105	5,8	8,2

Таким образом, перепись позволяет раскрыть вопиющее неравенство обложения маломощных хозяйств по сравнению с многопосевными. Более того, из тех же данных вытекает, что введение подворного хлебного обложения усилило это не-

равенство. Бедные дворы были переобложены, а зажиточные оказались «во льготе».

Вот где корень последующей недоимочности крестьян!

Общий размер хлебного обложения по 3 волостям возрос на 40,8%.

По другим волостям перепись не дает размеров посевной площади, поэтому по ним нельзя построить такую же таблицу, как только что приведенная.

Все-таки остается возможность прямого сравнения величины нового и старого обложения и в других волостях. Такое сравнение сделано в таблице 73. Чтобы не затемнять результатов сравнения, пришлось исключить из обработки те хозяйства, которые отсутствуют или в 1728 или в 1729 году и, значит, взять только те хозяйства, которые облагались хлебным налогом и до 1728 года и после этого времени. Такое выделение необходимо сделать и потому, что часть сельского населения илимской деревни оказалась с 1728 года «за расположением», т. е. не была обложена провиантским obroком и платила 4-гривенные деньги.

Таблица 73

Волости	Число дворов	Хлебный оклад, пудов ржи		Оклад на 1 двор, пудов ржи		Процент увеличения оклада
		до 1728 г.	после 1728 г.	до 1728 г.	после 1728 г.	
Яндинский острог	68	1763	3066	25,9	45,1	73,9
Ново-Удинская слобода	44	1080	1779	24,5	40,4	54,7
Братский острог	59	1540	2520	26,1	42,7	63,7
Барлукская слобода	43	1524	2031	35,4	47,2	33,3
Киренский острог	35	841	1762	24,0	53,4	109,5
Чечуйский острог	43	1687	2115	39,2	49,2	25,4
Итого	292	8435	13273	28,9	45,5	57,4

Как видно из таблицы, обложение в этих волостях увеличивалось на 57,4%. Крестьяне, включенные в раскладку, приняли на себя тяжесть обложения тех, кто остался «за расположением» и платил вместо хлеба 4-гривенные деньги.

Все лица, оставшиеся при новом «расположении пашни», произведенном в 1728 году, без земли, причислялись к разночинцам и не платили «оброчного правиянта», как и посадские, находясь «во сте в десяти копеешном окладе».

Введение нового способа обложения хлебом по дворам, а не по величине пашни, вызывало справедливые жалобы крестьян. Выборные пашенные крестьяне трех ленских волостей — Чечуйского и Киренского острогов и Криволуцкой

слободы 9 июля 1929 года просили илимскую воеводскую канцелярию положенный на крестьян провиант снять, а положить на них «прежней десятинной оклад, по чему пре[ж] сего з десятины платили, а не с дворового числа». Заявление было подкреплено ссылкой на наводнения, выдиране пашни льдом и указанием, что «по обе стороны Лены реки прилегли великие хрепты и калтусные места. А степных и яланных мест не имеетца».

Но иркутская провинциальная канцелярия не вняла просьбам и доказательствам ленских крестьян и велела илимской воеводской канцелярии взыскивать с них хлеб «с великим старанием и впредь о том не отписываясь в Ыркуцк» (Фонд 75, арх. № 269, лл. 184-185).

Дорого поплатилась провинциальная и воеводская власть за то, что не прислушалась к суждениям подведомственных ей крестьян ленских волостей.

С тех пор в течение 45 лет, пока действовало подворное обложение хлебом, непрерывно звучали два хора голосов: один — ленских крестьян, твердивших о потоплении и «позяблении» хлебов, о невозможности внести очередной платеж, и второй — местных властей, сыпавших угрозами и увещаниями.

Итогом этой 45-летней переклички являлось нарастание недоимок до размеров, исключавших возможность погашения их натурой.

Можно отметить, что крестьяне ленских волостей — Чечуйской, Киренской, Криволуцкой — еще дважды, в 1737 и 1738 годах, обращались в Иркутск с подобной же просьбой. К ним присоединялся выборный и Усть-Кутской волости. Однако это не принесло пользы (Фонд 75, арх. № 836, лл. 301-302).

Сразу после введения нового порядка обложения появились недоимки, и они продолжали непрерывно нарастать вследствие ежегодного наслоения новой задолженности.

С первых же шагов властей по сбору нового оклада пришлось прибегать к «правежу». Например, приказчик Усть-Кутского острога в феврале 1731 года писал: «их (крестьян) держу на правеже многие числа, а доправить с них не могу... Подали доношение... хлеба от засух в сходе ретки... в страдное время от морозов вызябли... А когда у них, крестьян, хлеб зародится, то они платить будут всеусердно» (Фонд 75, арх. № 348, л. 263).

В 1731 году удалось взыскать хлеба еще меньше, чем в предыдущем году — 512 четвертей, т. е. 8,6% хлебного оклада. Вместе с остатками от прошлого года в казенных житницах сосредоточилось лишь 2667 четвертей, из которых 700 пошло на винокурение, а 1967 было отправлено в Якутск

(Фонд 75, арх. № 377, лл. 40-42). В 1732 году сбор дал только 475 четвертей ржи, значит, еще меньше, чем в 1731 году. А с обротчиков и со служилых людей «за лишнюю пахоту» почти ничего не поступило (Фонд 75, арх. № 441, лл. 6-7).

Зимой 1731-1732 года из илимской воеводской канцелярии вновь направляются служилые люди по острогам и слободам, чтобы усилить сдачу хлеба. Сотник Анцыфоров должен был ехать в Нижне-Илимскую слободу «денно и ношно» и принуждать выборного мирского старосту Никифора Погодаева «с товарищи» сдавать хлеб мукой, а не рожью, так как нехватало сырья для винокурения. Анцыфоров докладывал, что молоть хлеба крестьянам негде «за небытием ветра» и вследствие бездействия водяных мельниц, «того ради, что ключи от морозов закипели и мельницы стоят заперты». Он добавил, что скудные крестьяне «держатца под караулом без выпуску и стоят на правеже повсядневно», но хлеба не сдают (Фонд 75, арх. № 444, лл. 1, 3).

Понудители перед отъездом в волости получали инструкции, в которых излагались права и обязанности таких уполномоченных. Илимский служилый Афанасий Бутаков должен был ехать в 1733 году в Яндинский и Братский остроги, «не мешкав ни часу». В его обязанности входило — осмотреть хлеб в крестьянских житницах, заставить крестьян обмолотить «с поспешением» оставшийся в кладях хлеб, выделить «на семена и на пропитание настоящее число» для каждого хозяйства, а остальной хлеб выслать в Илимск «за доимки». Ему же поручалось ссыпать хлеб бездоимочных дворов в особые житницы и обращать его на погашение задолженности казне с тем, чтобы крестьяне потом рассчитались между собою. Он должен был приказчиков и крестьян за неплатеж держать на правеже, «о противности» приказчиков писать в Илимск, «а крестьян за ослушание бить батоги» (Фонд 75, опись 2, арх. № 131).

Еще один понудитель, солдат Копылов, в октябре 1733 года направляется в Яндинский острог с таким же поручением, как и Бутаков. Он получил право ездить по волости «на прикащиковых подводах... А корм брать... от прикащика, чем он сам питаетца». Он должен был «партикулярным закупщиком... запретить» скупать у крестьян хлеб, из Яндинского острога «...не выезжать и не вступатца, понеже во все протчия Илимского ведомства остроги и слободы собыя отправлены принудители». В наказе имелся и такой пункт: «А ежели которые сытые крестьяне сами пожелают скудных, свою братью крестьян же одолжить тем правиантом заимообразно, тем позволить».

Такие инструкции, как только что изложенная, были даны еще 10 уполномоченным (там же).

Приведенные примеры показывают, что при взыскании провианта, как было решено при сборе отсыпного хлеба, применялись всевозможные ухищрения воеводской власти по воздействию на крестьян — поручные, посылка принудителей, выделение особых выборных сборщиков, «правеж» и т. д.

В октябре 1736 года в илгинскую приказную избу была подана подписка «Ближного Закорского десятку», к которой приложили руки десятник и 7 рядовых крестьян, что они «подписуются» сдать хлеб заблаговременно мукой, «а из овса и ячмени зделаем крупу» и сдать все это на Усть-Илгинскую пристань. «А ежели мы, крестьяне, тот правиант заблаговременно не заготовим и в ноябре месяце в Усть-Илгинскую пристань не свезем и в житницы не отдадим, то учинят нам по указу, чему будем достойны» (Фонд 75, опись 2, арх. № 207).

Через месяц там же, в Илгинском остроге, крестьяне произвели следующий выбор: «выбрали мы к приему окладного оброчного правианта, за рожь — муки, а за овес — крупы на нынешней 736 год, да к высылке той муки и круп... из своей же братии, не пашенных крестьян... к приему правианта Игнатия Мамрукова, Андрея Олферова, да за принуждением Захара Голышева» (там же, л. 501).

Как видно, крестьяне выбрали сами себе «понудителя», или, как они его называли, — «за принуждением».

Но илгинские крестьяне пошли еще дальше: 3 декабря 1736 г. они выбрали «к правежу доимочного на прошлые годы с ылгинских крестьян правианта из ылгинских жителей человека доброго и не пьяницу и к тому делу достойного, а имянно Михаила Афонасьева» (там же).

Значит, крестьяне выбрали не только лицо, которое бы их понуждало к платежу хлеба в казну, но и такое лицо, которое могло бы наказывать крестьян за невзнос хлебного налога.

Но нет ни малейшего следа деятельности крестьянских понудителей. Выбор их был чистой формальностью.

В 1734 году поступило предписание иркутской провинциальной канцелярии, что «правиант» следует сдавать мукой, причем, на основании решения Сибирской губернской канцелярии крестьянам за помол на их собственных мельницах следовало выплачивать по 2 копейки за четверть (Фонд 75, опись 2, арх. № 156).

За пуд овса крестьяне стали сдавать с этого времени по ½ пуда овсяной или ячменной крупы.

Введенный в 1728 году подворный порядок обложения хлебным окладом оказался настолько порочным, что уже в первые годы его действия образовалась громадная недоимочность илимских крестьян.

Поэтому вскоре же стали прибегать к раскладкам оклада «правианта» не поровну по каждому двору, без учета его хозяйственной мощности, а сообразно количеству душ муж. пола и размерам хозяйства отдельных дворов.

Чаще всего такие раскладки производились особыми «окладчиками», выбранными крестьянами в числе 2-3 человек на волость.

Зажиточные крестьяне Усть-Кутской волости просили в феврале 1737 года илимскую воеводскую канцелярию, чтобы им разрешили произвести переверстку хлебных платежей. Они указывали: «А когда была оная раскладка (в 1728 году), в то время у которых родилось хлеба со удовольствием, на тех положено против убогих со излишеством, а на убогих меньше».

В заявлении слышится голос недовольного зажиточного крестьянина.

Петр Завьялов, исполнявший обязанности илимского воеводы, вступая в противоречие с буквой указа, в своем решении по просьбе усть-кутских крестьян согласился, чтобы они «расположились», но «дабы... одним перед другими отягощения не было», так как, по его мнению, «крестьяне малотяглые по урождению хлеба [могли] притти по се время во льготу, а великотяглые, за недородом хлеба — во отягощение, отчего происходит правианту паче недобор». На основании этого решения приказчику Усть-Кутского острога посылается указ о переверстке хлебного платежа (Фонд 75, арх. № 678, лл. 13-16).

Но никакие новые «расположения», а тем более произведенные в пользу богатых крестьян, стыдливо называвших себя «великотяглыми», не помогали собирать «правиант».

В 1738 году по указу Сената от 12 января дополнительно к окладному провианту вводится сбор «с русских и черносошных крестьян сверх подушных денег хлеба по одному четверику рожью или мукою, а с татар и прочих иноверцов вдвое». Хлеб, дополнительно собираемый по этому указу в Илимском уезде, надлежало отправить в Якутск (Фонд 75, арх. № 833, л. 243 и № 836, лл. 284-288).

По инструкции, данной о сборе четверикового хлеба «Государственной военной коллегии ис правианской канторы определенному к Сибирскому магазейну... полку... афицеру», устанавливалось качество подлежащего к заготовке хлеба: «Велено (принимать) рожь и муку самую добрую, сухую и овинную, а не сыромотную и не комковую и не лежелую и не затхлую, в указную меру» (Фонд 75, арх. № 836, лл. 314-319).

Но введение нового обложения вряд ли позволило казне заметно увеличить сбор хлеба с илимских крестьян, не выполнявших и своих прежних натуральных повинностей. На-

пример, по Чечуйской волости годовой оклад муки составлял 3395 пудов, крупы 1698 пудов, а недоимки за 1734-1737 годы достигли 8208 пудов муки и 4292 пуда крупы, т. е. составляли 2½ годового оклада. Почти такая же задолженность за эти годы образовалась и по Кривоуцкой слободе (Фонд 75, арх. № 843, лл. 284-293, 331-332).

Даже в самой хлебной волости, Илгинской, за 1739-1740 годы было недовнесено почти 600 пудов муки, «которой правиянт с крестьян правитца ныне». Сходное положение образовалось и в Тутурской слободе (Фонд 75, арх. № 970, лл. 89-91).

Сводка недоимок по хлебу за 1729-1740 годы имеется в делах хлебного повытья за 1743 год (Фонд 75, опись 2, арх. № 337, лл. 21-23).

За указанные 12 лет общий размер недоимок возрос по 10 волостям до 73354 пудов, в том числе по Барлуцкой волости до 73 пудов, по Илгинской — 316, Тутурской — 617, Яндинской — 1123, Орленской — 1147, Ново-Удинской — 1552, Усть-Кутской — 4403, Кривоуцкой — 11571, Киренской — 11593, Чечуйской — 40959 пудов.

Значит, подавляющая часть недоимок образовалась по нижним ленским волостям Илимского уезда.

Годовой оклад по указанным 10 волостям достигал 34556 пудов, следовательно задолженность составляла 2 годовых оклада, а по Чечуйской волости — 6 годовых окладов.

В таблице 74 указан размер недоимок по каждому году 12-летнего периода. Сумма их дает названную выше величину, т. е. 73354 пуда.

Таблица 74

Годы	Пудов	Годы	Пудов	Годы	Пудов
1729	25	1733	3152	1737	10873
1730	3969	1734	4033	1738	9377
1731	3297	1735	4418	1739	11519
1732	3416	1736	5906	1740	13369

Особенно сильно увеличились недоимки в неурожайные 1737-1740 годы, что резко ухудшило снабжение Камчатской экспедиции.

В 1741 году глубокий голод охватил Илимский уезд. Даже наиболее обеспеченные землепашцы, беломестные казаки, не могли заплатить сравнительно (с крестьянами) умеренный хлебный оброк. За 1733-1741 годы на них и других обротчиках Яндинской волости набралось недоимок 602 четверти ржи. Посланные туда два илимских служилых человека

осенью 1741 года сообщили, что собрать «доимки» за скудостью казаков не могли.

Всего там с 48 дворов надлежало взыскать недоимок за 1728-1741 годы 5593 пуда, в среднем по 117 пудов с двора. В числе их было 5 дворов крестьян и крестьянских детей, 10 — казачьих детей и 33 — беломестных казаков. Как с беломестных казаков, так и с казачьих детей взыскивался очень скромный оброк: только один двор платил по 4 четверти ржи в год, остальные вносили еще меньше: 7 дворов по 3 четверти, 10 дворов по 2-2½ четверти, 22 двора по 1 четверти и 2 двора по ½ четверти. В среднем беломестные казаки, имевшие гораздо больше земли, чем крестьяне, платили по 1,6 четверти ржи в год на двор, т. е. в 4½ раза меньше, чем крестьяне.

Получив сообщение служилых людей и подписку беломестных казаков, воевода Кондратьев приказал недоимки собирать «без всяких отговорок и в том прикащика Скуратова принуждать». Он велел усилить уполномоченных еще тремя казаками и недоимки собирать, «понеже, как всем известно, в городе Илимску и в Илимском ведомстве хлеб не родился и имеетца в Ылимску глад, что и купить негде и жалованье служилым людям дать нечего, помирают голодом». В этом же деле собраны настойчивые требования служилых людей о выдаче им хлебного жалования (Фонд 75, арх. № 1000, лл. 11-15).

В следующем, 1742 году, Лоренц Ланг, переоценивая донесения о хороших видах на урожай, послал по уездам указ: «А ныне в ыркуцкой правинцыальной канцелярии известно, что божиим благословением хлеб родился». Поэтому вице-губернатор предложил возобновить сбор хлеба с крестьян (Фонд 75, арх. № 1023, лл. 218-219).

По 1742 год не принес, вопреки чаяниям провинциальной канцелярии, никакого улучшения в сборе хлеба с крестьян.

И именно в этом году Сенат по представлению иркутской провинциальной канцелярии списал с илимских крестьян безнадежной хлебной недоимки, образовавшейся до 1742 года, 73354 пуда 17 фун., о чем Сибирский приказ уведомил вице-губернатора 2 сентября 1742 г.

Почти все эти недоимки, именно 68530 пудов, списывались с четырех ленских волостей.

Однако уже в июне 1743 года Лоренц Ланг вновь направляет воеводам предписание о возобновлении взыскания недоимок.

15 июля 1744 г. издается указ-амнистия «Об отпущении вин и сложении доимок», и в силу этого с четырех ленских волостей списывается еще 27942½ пуда хлебной задолженности казне. Таким образом по четырем волостям было списано почти 96500 пудов хлебных недоимок, накопившихся за срав-

нительно короткий промежуток времени, именно с 1729 по 1744 год.

Казне удалось за указанные 15 лет взыскать с крестьян четырех ленских волостей около 150 тысяч пудов хлеба, или 60% оклада.

После списания хлебных недоимок немедленно стали образовываться новые недоимки и власти возобновили обычные меры по взысканию с крестьян хлебных платежей.

Приказчики, чтобы отвести от себя наказания, которыми не переставали угрожать и иркутская и илимская канцелярии, стали запасаться подписками крестьян о своевременной сдаче ими хлеба.

Например, 29 декабря 1745 г. мирской староста, десятские «и все крестьяне» Илгинской волости дали подписку приказчику Семену Зимину, что отдадут в казну весь «провиант» сполна, «не оставив в доимке не токмо пуда, но ни единого фунта». Если же они не выполнят этого обязательства, то будут «повинны... платить (штраф) помимо ево, илгинского прикащика, також и в чем надлежит — ответственовать во всем собою, помимо ево, прикащика» (Фонд 75, опись 2, арх. № 398, лл. 21-22).

Примерно такую же подписку дали в декабре 1746 года крестьяне Кежемской слободы: «А буде с оным платежей правианта в показанных числах в Илимск не явимся, то повинны мы жесточайшаго истязания». Всего в Кежемской волости было собрано 27 таких подписок (Фонд 75, опись 2, арх. № 448, лл. 7-13).

В свою очередь и приказчики волостей обязывались воеводской канцелярией подписками о исправном сборе хлеба в казну.

В тех волостях, где, хоть и с грехом пополам, хлеб сдавался в казну, придерживались мирских раскладок. Так, за 1746 год имеется окладная книга Братского острога, в которой записано 98 дворов пашенных крестьян, проживавших в 19 селениях этой волости. В книге по каждому двору отмечено число душ муж. пола, по которым производилась раскладка, и указано количество ржи и отдельно — овса, подлежащее сдаче в казну (Фонд 75, арх. № 1397, лл. 1-22).

В таблице 75 дана группировка крестьянских дворов Братской волости по записям названной окладной книги. Так как оклад «провианта» распадается на рожь и овес, причем всегда поровну, то в таблице 75 приведены данные только по ржи, т. е. о половине всего хлебного оклада.

Отсюда можно заключить, что крестьянские раскладки невольно отображали имущественное неравенство дворов. Одни крестьяне платили, например, по $1\frac{3}{4}$ четверти ржи и столько же овса (5 дворов), другие — по 5 четвертей ржи и столько же овса (13 дворов).

Таблица 75

Размер оклада на двор, четвертей ржи	Число дворов	Их общий оклад, четвертей	Среднее на 1 двор, четвертей
1-2	16	27	1,7
2,1-3	16	38 $\frac{3}{4}$	2,4
3,1-4	21	70	3,3
4,1-5	36	165	4,6
Более 5	9	57 $\frac{3}{8}$	6,4
Итого	98	358 $\frac{1}{8}$	3,7

Значит, одни дворы платили в 3-4 раза больше чем другие. Но по той же книге 3 двора несли платеж по 8 с лишним четвертей ржи, следовательно, они платили в среднем почти в 6 раз больше, чем малосемейные дворы.

Подобная же раскладка по Криволуцкой волости имеется за 1748 год (Фонд 75, опись 2, арх. № 477).

И здесь, как и в Братской волости, одни дворы имели небольшие оклады, например 15 пудов ржи (9 случаев), другие по 60 пудов, а один двор даже 90 пудов ржи.

Неурожаи делали недоимочными даже самые хлебобродные волости Илимского уезда. Так, илгинская приказная изба представила в декабре 1746 года ведомость, по которой значилось, что крестьяне в состоянии внести только 425 пудов ржи, «а за позябом от морозу» невозможно взыскать 2943 пуда муки за рожь и 1467 пудов за овес (Фонд 75, опись 2, арх. № 423, л. 52).

Недоимки по хлебу неудержимо росли, особенно по ленским волостям — Усть-Кутской, Киренской, Криволуцкой и Чечуйской. За 1745-1753 годы здесь вновь накопилось недоимок по сдаче муки 45719 пудов, крупы — 30024 пуда (фонд 75, опись 2, арх. № 544, л. 8) .

В Илгинской волости за 1746-1748 годы образовалось недоимок по ржи 488 четвертей (годовой оклад 412) и по крупе. 265 четвертей (годовой оклад 195 $\frac{1}{2}$). К 1752 году недоимки здесь возросли до 15778 пудов. В Братском остроге за 1744-1750 годы задолженность достигла по ржи 913 $\frac{1}{2}$, по крупе 573 $\frac{1}{4}$ четверти (фонд 75, опись 2, арх. № 546, лл. 57-83, 87-88).

Сбор этих сведений из приказных изб сопровождался крутыми мерами. Так, посланному в Усть-Кутский острог нарочному казаку было велено приказчика и писчика «держат в приказной избе скованных в колодах, пока она ведомость (о недоимках) сочинена будет»... Срок составления ведомости был краток — «чрез один день» (там же, лл. 21-22).

Рост недоимок заставлял воеводскую канцелярию переходить к крайним мерам. В 1751 году служилые люди получили указ произвести «доезд», т. е. обыск в крестьянских амбарах Илгинской волости. Но и это не привело ни к малейшему сдвигу и сборе провианта. Крестьяне дали подписки, что за текущий год хлеб внесут, «а из доимки на прошлые годы плати, нечем» (Фонд 75, опись 2, арх. № 590, лл. 84-94).

В Яндинском остроге 87 крестьян имели недоимок за 1744-1751 соды 11588 пудов, или в среднем по 133 пуда на двор; за 41 беломестным казаком той же волости числилось 2066 пудов недоимок по оброчному хлебу, или по 50 пудов на двор. На предложение дать подписки о погашении задолженности 66 крестьян ответили согласием и такие подписки выдали, 7 крестьян отказались подписаться, но обещали заплатить, а 14 крестьян заявили, что платить не могут и никакой подписки не дадут (фонд 75, опись 2, арх. № 592, лл. 60-81).

Полные данные о недоимочности за 1744-1750 годы по 13 волостям (отсутствуют сведения только по Братскому острогу) были собраны по требованию генерал-майора Киндермана в 1751 году (фонд 75, арх. № 1836, лл. 313-319).

Годовой оклад составлял тогда 4542 четверти, недоимок числилось 20164 четверти.

Недоимки по сдаче муки за рожь достигли за какие-нибудь 12 лет почти четырех годовых окладов (11499 четвертей), по сдаче муки за овес («вполы») или за крупу — более пяти годовых окладов (7575 четвертей) и по оброчному хлебу за использование внаем пахотных и сенокосных угодий — почти шести годовых окладов (1090 четвертей).

Всего илимские крестьяне к этому времени должны были казне свыше 160000 пудов хлеба, т. е. в среднем более 200 пудов на один двор.

Эти цифры говорят о крахе натурального налогового обложения.

Все волости без исключения оказались недоимочными. Лишь немногие волости имели задолженность, равную 1-2 годовым окладам, большинство волостей впало в неоплатные доли перед казной.

Недостающие данные по Братской волости можно восполнить по другим материалам. В 1750 году недоимки там составляли 1852 четверти, а в 1753 году — 2598 четвертей (фонд 75, арх. № 2003, лл. 96-97), т. е. достигали более 4 годовых окладов.

Итоги, подведенные илимской воеводской канцелярией в 1750 году по сбору недоимок заставили ее дать распоряжение о новой раскладке «по семьям и по землям и по пожиткам, дабы одним перед другими тягости не было». Согласно этому распоряжению яндинская приказная изба в ноябре 1752 года выслала «переокладную» книгу в Илимск. Новая раскладка была

произведена «окладчиками» — крестьянином Афанасием Константиновым «с товарищи» (фонд 75, опись 2, арх. № 633, лл. 35-47).

Итоги новой раскладки хорошо показывают стремление крестьян произвести подушную раскладку провианта. Но в то же время обнаруживается полное несоответствие тяжести обложения с хозяйственной мощностью крестьянских дворов. Малопосевные хозяйства и по новой раскладке должны были платить с десятины пашни почти в 5 раз больше, чем хозяйства с крупной запашкой.

Это происходило вследствие несоразмерно малой обеспеченности мелких дворов пахотной землей по сравнению с многопосевными хозяйствами. В первой группе на душу муж. пола приходилось 0,6 десятины пашни, во второй — 1,7 десятины, в третьей — 2,6 десятины и в четвертой — 3,8 десятины.

Значит, стремление воеводской канцелярии уравнять обложение потерпело полную неудачу.

Богатый двор ориентировался на сдачу хлеба в той же мере, в какой сдавал бедняк, и воеводская власть не имела на возможности ни желания заставить зажиточного крестьянина полностью рассчитаться с казной, если бедняк оказывался недоимщиком. Жалобы бедноты на неурожай и заявления ее об отсрочке платежей всегда находили твердую поддержку зажиточному крестьянину, так как в этих случаях просьба бедноты приобретала характер общего, мирского приговора.

Воевода, соглашаясь отсрочить платеж, давал равное право задерживать уплату хлеба в казну и бедным и зажиточным дворам. Зажиточный крестьянин был заинтересован в повышенном обложении бедноты не только потому, что с него слагалась часть хлебного оклада, но и потому, что это затрудняло воеводскую власть во взыскании хлеба со всех крестьян, а значит и с зажиточной части деревни. Чем больше переоблагалась беднота, тем ниже был уровень взыскания хлеба с илимской деревни. Неизбежно складывались, таким образом, условия, в которых бедняк не мог платить, а зажиточный мог не платить.

Крестьяне не раз поучали провинциальных и уездных начальников, что порядок обложения хлебом несправедлив, но власти не внимали им.

Выбранный крестьянами Кежемской слободы челобитчик писал илимской воеводской канцелярии в 1755 году о необходимости передела пашни и сенокосов «по тяглом или по душам и о новом розкладе окладного провианта, понеже в той нашей слободе земли не делены. И которые прожиточные и семейные, те по многу содержат, а в тягле и в платеже провианта в малом состоят. А малосемейные и в тягле и в платеже провианта состоящие не в малом, на тех и доимки состоят» (Фонд 75, арх. № 2047, л. 246).

По то, что для крестьян было азбукой, для начальников оказывалось книгой за семью печатями.

Заявления о неурожаях, наводнениях и других крестьянских бедах текли в илимскую воеводскую канцелярию непрерывным потоком. Для подкрепления своих заявлений крестьяне охотно привлекали разных служилых людей. Представляя в Илимск ведомость о хлебных недоимках за 1745-1754 годы, чечуйская приказная изба приложила показания о гибели хлебов: «Чечуйского острогу старостами, выборными, соцкими и десяцкими и пашенными крестьянами — всеми показано: оная доимка на них состоит с 744 году по 754 года за неурождаемым в тех годах хлебом и от Лены реки потоплением, також и морозами вымерзало и градом побивало... Пришли (крестьяне) в крайнее раззорение и в скудость. И оброчного платежа, правианта заплатить нечем. Також прошлого 1754 году мая з 9 по 19 число от во[ли] божии Леной рекой вешним... льдом топило безмерно и много[е] число хоромного строения и скота и протчих крестьянских рукоделе[й] и хлеба семенного и ядобного и пахотных земель с насеянным ржаным хлебом-озимями унесло». Это заявление, связывавшее руки илимской воеводской канцелярии по сбору хлеба и с действительных и с мнимых бедняков, засвидетельствовал подпоручик Кожевников «и с ним ленских острогов и слобод крестьяне с прикащиками, старостами и выборными» (Фонд 75, арх. № 1284. лл. 1-13).

За Чечуйской волостью числилось в это время недоимок 33040 пудов.

Но если из волостей непрерывно поступали всякие заявления, слабые места которых (возможность обложения зажиточных) илимская воеводская канцелярия не замечала, то и обратно — из Илимска в волости непрерывно шли пересыпанные угрозами указы, слабые места которых прекрасно использовались крестьянами.

22 сентября 1753 г. из илимской воеводской канцелярии направляется в Илгинский острог следующий указ: «...понеже по неоднократно посланным от здешней канцелярии ея императорского величества указом велено над всеми Илимского ведомства крестьянами иметь всегда прилежное смотрение, дабы они пашню пахали ежегодно во всех трех полях без недопашки, и всю б оную засевали хлебом в удобные времена и по кабакам бы отнюдь не пьянствовали и не пропивались и, в противность указов, картами и никакою зернию не играли и упражнялись бы в своих крестьянских работах и рукоделиях нелепно».

Такие вступления крестьянин пропускал мимо ушей. Ведь никакого надзора за хлебопашеством не было, никто за посетителями кабаков не следил, да и самого деления пашен на 3 поля в Илимском уезде не существовало.

Все это введение было столь же нужно воеводской канцелярии, как нужно долго молчавшему человеку прокашляться, прежде чем начать речь.

Далее илимская воеводская канцелярия предлагает приказной избе описать у крестьян «всякой хлеб, сперва стоячей, а потом и молоченой, повсягодно», чтобы взять из этого хлеба провиант в казну. Не забыто и указание, что если «с коего крестьянина по подлинному свидетельству за всеконечную скудостью ево или за недородом хлеба... взять будет не ис чего», то брать у зажиточных раскладкою.

И это крестьян мало трогало, так как если бы приказчик и пошел описывать хлеб, то «по подлинному свидетельству» всегда можно было бы доказать крестьянскую «всеконечную скудость».

Поэтому и угрозы, которыми по привычке заканчивала указ воеводская канцелярия, никого не пугали.

Указ угрожал приказчику и старосте взысканием с них всех недоимок. «И сверх того, имеете быть публично наказаны кнутом и сосланы в Анадырской острог в сылку» (фонд 75, опись 2, арх. № 658, лл. 6-7).

Ни один приказчик не только не ссылался за недоимки крестьян в Анадырский или какой-либо другой острог, но даже не подвергался телесному наказанию.

Угроза же взыскать с приказчика и старосты недоимки, числившиеся за крестьянами, была и вовсе бессмысленна, так как недоимки составляли десятки тысяч пудов.

Подобные указы напоминали крестьянам, что существует воеводская власть, что от нее можно ждать всяких сюрпризов и поэтому следует держать ухо востро, но в то же время они доказывали, что пока воеводы шли таким путем, в волостях нечего было особенно беспокоиться с уплатой хлеба казне.

В общем, крестьяне большинства волостей сдавали не более половины наложенного на них оклада, а запущенные недоимки за прошлые годы, как правило, никогда уже не погашали. Впрочем, и илимская воеводская канцелярия все внимание обращала лишь на взыскание текущих платежей, не требуя, обычно, покрытия недоимок прошедших лет.

Можно было бы привести очень большое число показаний о все возрастающей недоимочности в начале 50-х годов. Но все они совершенно однообразны.

Для примера укажем, что в одном деле хлебного повытья за 1755 год (фонд 75, опись 2, арх. № 739, лл. 26-38) имеются ведомости о недоимках по трем ленским волостям за 1745-1754 годы. Недоимки за тремя волостями составляли 66493 пуда, т. е. величину, превосходившую годовой оклад почти в 7 раз.

Правда, значительная часть недоимок, около $\frac{1}{3}$, падала на так называемых посельщиков, т. е. крестьян, переселенных

в другие волости, но, несмотря на это, не видно было никакого улучшения в сборке хлеба с оставшихся, более обеспеченных крестьян.

Задолженность становилась безнадежной, а возможность погашения ее — фикцией. За Василием Первухиным, крестьянином Чечуйского острога, считалось долга казне 606 пудов, а Павлом Черных — 1120 пудов; в Киренской волости за Аврамом Горбуновым числилось 756 пудов, за Антоном Горбуновым — 569 пудов. Ни при каких условиях эти крестьяне не могли погасить хлебом и десятой доли образовавшейся задолженности.

По трем илимо-ангарским волостям, более благополучным, чем ленские волости, к 1757 году накопилось 29523 пуда недоимок (фонд 75, опись 2, арх. № 781, лл. 34-41).

В 1755 году иркутская провинциальная канцелярия, обратив внимание на слабое поступление хлеба по Илимскому уезду, поручила провиантмейстеру Усть-Илгинской пристани подпоручику Кожевникову расследовать причины недоимочности. Кожевников опросил приказные избы и на основании их ответов составил сводный рапорт.

Приказчик и староста Илгинского острога сказали, что в недоимочности виноват бывший приказчик Кузнецов. Кроме того, помешал рекрутский набор, который отвлек внимание руководителей волости от взыскания хлеба с крестьян.

Барлуцкая приказная изба объяснила недоимочность тем, что многие крестьяне записались в ямщики «на большую от Иркутска Московскую дорогу» и что на них числится недоимок свыше 1000 пудов.

Приказчик и староста Ново-Удинской слободы ответили, что отлучались в Иркутск «для некоторых исправности дел» и для отдачи рекрутов, поэтому образовалась небольшая недоимка.

Недоимка получилась «за неурожаем у крестьян своего хлеба», — сказали приказчик и староста Тутурской слободы.

Староста и заказчик Орленской слободы указали, что крестьяне для платежа в казну покупали хлеб на стороне, «обрываячи у себя платье, и скота продавали».

Во всех перечисленных волостях сдача хлеба в казну по текущим платежам шла в 1754 году успешно. Зато представители ленских волостей, лежавших ниже Усть-Кутского острога, сообщили мало утешительные вести.

Выборный и староста Криволуцкой слободы пожаловались на неурожай и потоп, а также на то, что часть крестьян работает по принуждению в Усть-Кутском солеваренном заводе.

Приказчики, прежний и новый, и 2 старосты Усть-Кутского острога обратили внимание Кожевникова на то, что Усольский завод принуждает крестьян работать в страдное время с платой по 9 копеек в день, в то время как пуд хлеба стоит

копеек. «И что оные крестьяне заработ, то в той же работе и съедят». Кроме того, они указали на неурожай и потопление хлебов Леной.

Такое же заявление сделали приказчик и староста Киренского острога.

Наконец приказчик и мирской староста Чечуйского острога прямо сообщили: 14 сентября 1754 года «выпал великой снег, глубиною в 5 вершков, которой де на засеанном хлебе лежал октября по 8 число. К тому же де и мразы были немалые и те хлебы позябли». Кроме того, волость постигло наводнение. Крестьяне гоньбу ведут на 950 верст, содержа 11 почтовых станций. Не все проезжающие платят прогоны, «а другие де безденежно на подводах ездят и ямщиков де бьют, а прогонов не дают». У крестьян хлеба нет. «Из тех плательщиков имеется четвертая часть, не точию казенной провиант заплатить, но и дневной де пищи не имеют». Несмотря на это, под принуждением бывшего приказчика чечуйские крестьяне сдали 1000 пудов хлеба в казну, но этот хлеб, по заявлению крестьян и по осмотру Кожевникова, «явился он видом красен, а пробой сладок и в пищу служителем ея императорского величества негоден». Этот хлеб было велено крестьянам вернуть, а с них собрать хороший хлеб в следующем году.

Представители последних четырех волостей заявили также, что крестьянам платить в казну провиант нечем (фонд 75, арх. № 2198, лл. 286-288, 299-300).

Из этой коллекции ответов, полученных по одному полуслучайному запросу, как бы слышится говор крестьянской толпы, в которой раздаются и тонко обдуманные и вздорные мнения, но равно убедительно свидетельствующие о трудах и затруднениях илимского земледельца.

В том же деле (лл. 290-291) к рапорту Кожевникова приложена ведомость о недоимках за 1744-1754 годы по волостям, приписанным к Усть-Илгинской пристани (Илгинская, Яндинская, Барлукская и Ново-Удинская), задолженность которых составляла 3473 пуда, и по волостям, приписанным к Усть-Кутской пристани (Усть-Кутская, Киренская, Чечуйская и Кривоуцкая), за которыми накопилось 84859 пудов недоимок.

Кажется, одни эти цифры — 3473 и 84859 — должны были показать провинциальной и воеводской канцеляриям порочность уравнительного подворного обложения, без какого бы то ни было учета особенностей разных волостей Илимского уезда. Но таково было обаяние указов, что, несмотря на абсурдность следствий, причин их не доискивались. Раз указано, значит правильно. Все указанное разумно, все разумное указано.

По ведомости недоимок с 1744 по 1756 год по Илимскому уезду без Орленской, Тутурской, Илгинской и Ново-Удинской волостей считалось 140228 пудов хлебных недоимок. Почти

все объяснения этой недоимочности ограничивались указанием на неурожай прошлых лет.

В 1757 году илимская воеводская канцелярия просила отсрочить, платеж хлеба до следующего года из-за плохого урожая зерновых. Сибирский приказ согласился с представлением Илимска и предложил подождать со сбором. Но в 1758 году опять произошли наводнения, повлекшие запоздание с яровым севом, «отчего (хлеба) от осенних морозов... урожая не ушли, и от тех морозов точно позябли, так что принуждены крестьяне одну точию солому для корму скота скашивать. А хотя некоторой хлеб и снимали — и тот в пищу человеческую крайне негоден, зачем и в казну принимать невозможно» (фонд 75, арх. № 353, лл. 311-312).

Иногда воеводам становилось ясным безнадежное положение со взысканием недоимок. Но и в этом случае они предлагали не изменение введенного и 1728 году порядка натурального обложения крестьян, а списания всей задолженности.

Воеводы в своих требованиях списать хлебные недоимки отражали желание всех крестьян, но в первую очередь зажиточных хозяев, которые больше других слоев илимской деревни выиграли бы от признания их неплатежеспособными.

Воевода Павлуцкий дал в 1758 году обстоятельное мнение о списании хлебных недоимок четырех ленских волостей, именно: Усть-Кутской, Киренской, Криволуцкой и Чечуйской (фонд 75, опись 2, арх. № 838, лл. 58-61).

В четырех волостях, писал воевода, состояло «по нынешней и генеральной ревизии», т. е. по переписи 1744-1745 годов, 2250 душ. Из них было переведено в Иркутский уезд, согласно указам Сената, 340 душ, взято в рекруты и умерло после ревизии 517 человек. Крестьяне этих волостей ежегодно должны были вносить в казну 7602 пуда муки и 2981 пуд 5 фун. крупы. С 1745 по 1759 год надлежало взыскать 148247 пуд. 30 фун. муки, а собрано 63931 пуд 11½ фун. Недоимки состояло 84316 пуд. 18½ фун. на 9624 руб. 13½ коп.

Если бы с крестьян четырех ленских волостей вместо провианта производился сбор 4-гривенных денег, то казна получила бы 10589 рублей.

С тех же крестьян по указам Сената, в частности по указу от 15 июля 1744 г., сложено хлебной недоимки по 1745 год 96473 пуда 8½ фун.

После 1745 года недоимки нарастали вновь и, как указано, опять достигли 84316 пудов. «Пашенными землями, весьма малым числом, они, крестьяне, владеют сыстари, то есть с начала, кто где деда и отцы их поселение возымели», а больше земель нет и ежегодно увеличиваются недоимки «от потоплений и от морозов вызебов». Крестьяне отягощены дальней подводной гоньбой, дают на суда работных людей до Якутска, «а вожей до Пеледуя и Витима».

Поэтому, заключает Павлуцкий, следует все платежи хлебом и образовавшиеся недоимки по ним сложить и заменить 4-гривенным сбором. На эти деньги можно в верхоленских волостях закупать хлеб для снабжения Якутска. Крупу можно заготавливать у илгинских крестьян, «ибо в предь реченных четырех местах яровой хлеб почти, за поздними севами, никогда не родится».

Воевода считает, что с четырех ленских волостей «совершенно и взыскать в казну (хлеб), какие б наистрожайшие подтверждения и взыскания не происходили, будет невозможно», а собрать недоимки за прошлые годы «неуповательно и точно ненадежно», и напоминает, что до 1745 года списано недоимок «без мала со сто тысяч пудов».

Переселять же крестьян этих волостей в другие, более хлебобородные места илимская воеводская канцелярия считает невозможным, так как крестьяне несут здесь важную для государства подводную гоньбу.

Таково заключение Павлуцкого о судьбах недоимок, накопившихся на ленских крестьянах за 14 лет.

Может быть, немного лучше, чем в ленских волостях, складывалось положение со сбором провианта в ангарских волостях Илимского уезда.

В конце 1762 года прапорщик Замятин принял Братский острог от приказчика илимского сына боярского Андрея Березовского. При передаче дел была составлена ведомость хлебных недоимок за 1744-1760 годы. Итоги ее оказались неутешительными: окладного хлеба надлежало взыскать 22643 пуда, собрано 5866 пудов, осталось в недоимке 16777 пудов. С крестьян, вышедших на станции, удалось взыскать 608 пудов, а в недоимке числилось 10128 пудов. С оброчных пашен и сенокосов сбор в казну хлеба должен был составить 3395½ пуда, собрано 327½. Недоимки по всем этим платежам достигли 29972 пудов (Фонд 75, опись 2, арх. № 953, лл. 81-105).

Пользуясь передаточной ведомостью приказчика, можно сгруппировать крестьянские хозяйства Братского острога по величине платежа и определить недоимочность различных по хозяйственной мощности дворов.

Упомянутая группировка приведена в таблице 76.

Как следует из приведенной таблицы, раскладка провианта хотя и была довольно ясно дифференцирована, однако недоимки на зажиточных дворах оказались более значительными, чем на дворах маломощных крестьян. Богатый крестьянин здесь, как и в других волостях, ограничивал свои платежи государству тем уровнем, которого достигали в выполнении своих обязательств перед казной маломощные дворы.

Уравнительность окладов вела к уравниванию и действительного платежа. Зажиточный крестьянин сдавал в казну столько

же хлеба с десятины (или в пересчете на 1 душу), как и бедняк.

Таблица 76

Группы хозяйств по величине хлебного оклада	Число хозяйств	Оклад, пудов	Недоимки 1744-1760 гг., пудов	На 1 хозяйство, пудов	
				оклад	недоимки
До 30 пудов	21	486	2458	23,1	117
31-40 пудов	12	439½	1876	36,6	156
41-50	12	549¾	2416	45,8	201
51-60	29	1614¼	7635	55,7	263
Более 60	10	756½	2392	75,7	239
Итого	84	3846	16777	45,8	200

Но, как общее правило, несмотря на перераскладки, крупные хозяйства пользовались землей за более низкую плату, чем средние и мелкие дворы. Это хорошо видно из таблицы 77, построенной на основании учета посевных площадей Илгинской волости в 1757 году.

Таблица 77

Группы хозяйств по величине посева	Хлебный оклад, пудов на десятину посева	Доля изъятия хлеба в казну из урожая, %
До 2 десятин	6,0	35,4
2,1-5	8,0	18,5
5,1-10	6,4	14,0
Более 10	4,1	10,5
Среднее	5,8	13,5

За 1 десятину посева маломощный двор платил государству хлеба в 1½-2 раза больше, чем зажиточный двор. У крестьян, имевших до 2 десятин посева, изымалось более ½ урожая в казну, а зажиточный двор платил 1/10 урожая, т. е. в 3 раза меньше.

Отдельные, самые крупные по величине посева хозяйства платили еще меньше. Иван Новопашенных из деревни Ильдинской заседал 15 десятин, сбор хлеба в 1757 году у него составил 776 пудов, а сдавать он должен был в казну 68 пудов, т. е. 8,8% от валового урожая. Федор Безносков из деревни Дальней Закорской сеял 18½ десятины, намолотил в 1757 году 822 пуда, а государству должен был сдать 70½ пуда, т. е. 8,6% уро-

жая. Матвей Стрелов из деревни Коченской имел под посевами в 1757 году 22 десятины, собрал с них 996 пудов хлеба, а должен был заплатить в казну 84 пуда, т. е. всего 8,4% из полученного урожая. Соседи этих крестьян — Егор Шабалин при 3¾ десятины посева и 210 пудов урожая должен был платить в казну 30 пудов, или 14,3% от валового сбора хлеба, Яков Ожегов из деревни Нижне-Слободской имел 6 десятин посева, собрал 218 пудов хлеба, из которых 60 пудов, или 27,5%, обязан был сдать в казну, Иван Подварков из той же деревни сеял всего 1½ десятины, собрал 85 пудов хлеба, из которых платеж в казну составлял 25½ пуда, или 30%. Марк Куделин из деревни Ближней Загорской сеял 2½ десятины, собрал с них 130 пудов хлеба, а платить должен был в казну 57 пудов, или 43,8% от валового сбора. Таких примеров можно привести сколько угодно.

Недаром один из названных здесь крестьян, Яков Ожегов, жаловался, что платить не может «от всеконечной ево скудости и пахотная земля не вся в распашке». Он был, как и многие другие его односельчане, задавлен непомерной тяжестью государственного обложения.

Льготное положение зажиточных крестьян можно показать еще на данных о недоимочности Нижне-Илимской волости за 1744-1766 годы (фонд 75, арх. № 2043, лл. 99-106 и 109-120).

В таблице 78 дана группировка крестьянских хозяйств по величине пахотной земли в связи с числом душ муж. пола, с величиной хлебного оклада и с недоимками (см. таблицу 78).

Таблица 78

Группы хозяйств по величине пашни	Число хозяйств	Душ муж. пола	Пашни, десятин	Оклад хлеба, пудов	Недоимки 1744-1766 гг., пудов	На 1 душу		
						пашни, десятин	оклад, пудов	недоимок, пудов
До 10 десятин	17	94	141½	438	5053¾	1,5	4,7	53,8
11-15	27	252	387	1195½	13869¾	1,5	4,7	55,0
16-20	19	213	347	1082	12483	1,6	5,1	58,6
Более 20	3	39	114	172½	1919¾	2,9	4,4	49,2
Итого	66	598	989½	2888	33326¼	1,7	4,8	55

Зажиточный крестьянин сдавал за 23 года в казну в пересчете на 1 душу столько же, как и малоземельный крестьянин. Поэтому размер недоимки на двор 1-й группы за все годы составил 297 пудов, 2-й группы — 514 пудов, 3-й группы — 657

пудов и последней группы — 640 пудов. Как видно, зажиточный двор сберегал от сдачи в казну в два раза больше хлеба, чем его маломощный сосед.

Какой бы порядок обложения не вводила казна в отношении крестьян — с площади ли отведенной земли, с души ли муж. пола или с двора — всегда возникало неравенство платежа, поскольку при этом совсем не принималась во внимание хозяйственная мощность крестьянина.

Ленин, анализируя размеры податей в пореформенное время, не раз отмечал громадную неравномерность платежа богатых и бедных дворов: «... распределение податей внутри общины оказывается поразительно неравномерным: чем состоятельнее крестьянин, тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу» (В.И. Ленин. Сочинения, том 3, стр. 126. См также стр. 549 и 550 и том 15, стр. 90).

На примере илимских крестьян можно показать наиболее ясно эту поразительную неравномерность, если взять государственное хлебное обложение. Такая система усиливала расслоение крестьян и ставила бедноту в зависимость от богатого хозяина. Беспрепятственно расширяя свое хозяйство, зажиточный крестьянин мог тем легче овладевать землями обедневших соседей и использовать наемную рабочую силу, чем тяжелее падало государственное обложение на несостоятельную часть деревни.

Недоимки к 1770 году по 9 волостям увеличились до 189617 тысяч пудов муки и крупы (фонд 75, опись 2, арх. № 1259, лл. 28-30).

Все строгие указы уже давно никого не пугали.

Неоднократно поднимался, как иркутской, так и илимской канцеляриями вопрос о замене оброчного провианта 4-гривенным сбором, т. е. о возврате к порядку, действовавшему до 1728 года.

Например, в 1771 году в Илимске была составлена еще раз ведомость, в которой сопоставлялись платежи хлебом за 1759-1771 годы с доходом, который получила бы казна при введении 4-гривенного сбора по Усть-Кутской, Киренской, Криволуцкой, Чечуйской, Орленской и Нижне-Илимской волостям. Весь оклад хлеба по этим волостям достигал за 13 лет 152545 пудов, из которых было взыскано 78154 пуда. По средней «сложной» цене в $11\frac{3}{4}$ копейки за пуд муки и 17 копеек за пуд крупы сданный хлеб оценивался в 14374 рубля. А 4-гривенный сбор составил бы величину на 5020 рублей больше. Отсюда илимская воеводская канцелярия делала вывод о выгодности для казны замены оброчного провианта 4-гривенным сбором (фонд 75, опись 2, арх. № 1272, лл. 16-18).

Но воеводская канцелярия не приняла во внимание одного обстоятельства — возможно ли было бы собрать полностью 4-гривенные деньги.

К 1772 году недоимки по всем волостям за 28 лет, начиная с 1744 года, возросли до 200 тысяч пудов. Из этого числа четыре ленских волости задолжали 157600 пудов. Нижне-Илимская волость — 35600 пудов, остальные 5 волостей — 5800 пудов. По существу только некоторые волости, как Верхне-Илимская, Карапчанская, Ново-Удинская, за все эти годы хлебных недоимок не имели (Фонд 75, опись 2, арх. № 1299, лл. 29-31).

Прошло 44 года с тех пор, как илимские крестьяне были обложены оброчным провиантом по 60 пудов хлеба на двор. Опыт этих лет показал полную порочность подворного обложения.

Такое обложение, как и подушные подати, было выгодно только зажиточному крестьянству. Но и казна получала с крестьян гораздо меньше, чем рассчитывала. Несмотря на списание почти 100000 пудов безнадежных недоимок, к 1772 году оставалось невзысканным около 200000 пудов, а к 1773 году — 230600 пудов.

Последнюю попытку как-нибудь сдвинуть сбор недоимок с мертвой точки сделала иркутская губернская канцелярия в указе 21 августа 1772 г.

Наконец иркутская губернская канцелярия «обще з господином брегадиром, иркутским обер-комендантом фон Линеманом», отвечавшим за снабжение местных войск, «имели разсуждение» по поводу целесообразности сохранения хлебного обложения крестьян. На основании этих рассуждений явился указ от 28 августа 1772 г., в котором кратко излагалась история обложения местных крестьян, затем отмечалось, что еще в 1762 году губернская канцелярия представляла в Сенат мнение об отмене сбора хлеба и пеньки. Сенат согласился с мнением иркутской губернской канцелярии, но почему-то указ Сената из Тобольска не был переслан в Иркутск. Затем губернская канцелярия ссылается на именной указ от 5 ноября 1768 г., согласно которому с государственных крестьян было повелено «в сравнении помещичья дохода збирать по 2 рубли по 70 копеек». Но раз государственные крестьяне облагались и 4-гривенным сбором, входящим в плату 2 руб. 70 коп., то не следовало, значит, собирать с них хлеб. Но все это были только соображения, а точного указа о сложении с сибирских крестьян хлебных платежей в приведенных решениях Сената не было. Поэтому иркутская губернская канцелярия еще раз писала о своих предложениях в Сенат, однако ответа получено не было. Тем не менее она сочла возможным опереться на не вполне определенные указы Сената.

Приведя все эти справки, иркутская губернская канцелярия, «находя по нынешним обстоятельствам хлебной збор столь же для крестьян отяготительным, сколь и в самом существе есть... (решила:) велеть з будущего 1773 года с крестьян об-

рочного правянта не взыскивать». Но вместо хлебного платежа собирать 4-гривенные деньги.

А в соответствии с этим иркутская губернская канцелярия предложила переверстать между крестьянами земли.

Хлеб, нужный для казны, теперь надлежало покупать у крестьян на деньги (Фонд 75, опись 2, арх. № 1310, лл. 90-93).

По этому указу илимская воеводская канцелярия дала 25 сентября следующее, распоряжение в волости: намерить по 8 десятин пашни, сенокоса, выгона, леса и усадьбы на душу муж. пола, всего на двор по 32 десятины, считая во дворе 4 души, «и к тому еще для размножающихся впредь... по 28 десятин, а всего чтоб было по штидесят десятин на каждый двор»; на продовольствие Якутска закупать ежегодно по 20829 пудов ржаной муки; приказным избам составить ведомости о недоимках за 1745-1772 годы; всю задолженность крестьяне должны погасить или хлебом или деньгами (там же, лл. 107-109).

Вскоре поступили сообщения из Ново-Удинской, Яндинской, Илгинской, Карапчанской и Барлуцкой волостей, за которыми почти не числилось недоимок, что они всю задолженность казне по хлебу погасят сполна деньгами в 1774 году (там же, лл. 110, 116-117, 125, 136).

Этот указ имел и то значение, что беломестные казаки и разночинцы приравненные по подушным платежам к крестьянам, должны были «впредь именоваться крестьянами» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1306).

Приказные избы составили в последний раз ведомости о хлебных недоимках за 1744-1772 годы. Задолженность казне за это время достигла 226377 пудов хлеба (Фонд 75, опись 2, арх. № 1342, лл. 22-30, 38-39);

Некоторые волости в 1774 году попросили отсрочить до будущего урожая погашение хлебных недоимок; среди этих волостей были Братская, Илгинская и Нижне-Илимская.

Затем просили об отсрочке платежей крестьяне Ново-Удинской слободы, ссылаясь на неурожай, и их поддержала илимская воеводская канцелярия, сообщая в Иркутск, что они «за тем неурожаем хлебов имеют пропитание травой». За хлебные недоимки крестьянам этой волости было предложено внести деньгами по 2 $\frac{2}{3}$ копейки за пуд (Фонд 2, арх. № 26, лл. 10-11).

Перед илимской воеводской канцелярией была поставлена чрезвычайно сложная задача — пересчитать все хлебные недоимки в денежные и взыскать их в течение нескольких лет. Государство пожелало, чтобы крестьяне вдруг оплатили всю, чуть ли не 30-летнюю недоимку. Это неблагоприятное дело выпало на долю воеводы Черемисинова.

Он произвел следующий расчет по каждой волости: сумма четырехгривенного сбора была поделена на размер хлебного

оклада, и определенная таким образом цена пуда хлеба умножалась на величину хлебной недоимки.

Это было более справедливое решение, так как при этом получались довольно низкие цены хлеба и, значит, платежи крестьян сильно уменьшались. Вычисленные цены оказались почти в два раза ниже «сложных» цен, которыми пользовалась воеводская канцелярия в своих выкладках, проделанных в 1771 году, чтобы доказать выгодность для казны 4-гривенного сбора по сравнению с оброчным провиантом (Фонд 75, опись 2, арх. № 1607, лл. 30-31).

Цена одного пуда хлеба, соразмеренная с 4-гривенным сбором, колебалась в этих расчетах от 6 до 22 копеек. Неудивительно, что в недоимочных волостях на мужскую душу падало платежей, выраженных в деньгах, во много раз больше, чем в хлебобродных местах.

Черемисинову предстояло погубить все влияние, которое он имел в крестьянстве, так как он, будучи на службе, должен был выполнить приказ о срочном сборе всех недоимок, запущенных его предшественниками за 30 лет.

Через месяц воеводская канцелярия принимает еще одно решение и направляет его «понудителям». В нем воевода Черемисинов клеймит зажиточных крестьян, бросает им грубые упреки и теряет меру в выражениях, которые помогали зажиточным вооружать против Черемисинова всех крестьян. Черемисинов отмечает, что сбор денег за провиантскую доимку идет плохо, так как крестьяне отговариваются недостатком денег. Но усть-киренская воеводская канцелярия, говорит Черемисинов, «ни малейшего недостатка их не признает, но сущей во всем достаток и изобильство видит, ибо хлебу сего лета и прошлаго был урожай изрядной, работы ж здесь все дорогие... Многие крестьяне приобыкли находитьца в празности и лености и обращаютца ж более в роскошествах, а не в работах и щеголяют же платьем без меры, а не по званию своему. Большая ж тех часть носят платье немецкое и черкасское, из добрых и дорогих сукон, а жены ж их и дочери платьев у себя имеют чрезвычайное: душегрейки и юпки грезетовые, голевые. На головах же носят платы барсовые и протчие, ценою от 5 и до 10 рублей, шубы и кунтуши голевые и грезетовые, на мехах лисьих и беличьих, а не овчинных... А доимки ж означенной токмо что из одного упрямства, а не из недостатка не платят».

И воеводская канцелярия решает «понудителей» заменить солдатами и казаками с тем, чтобы они собранные недоимки привезли в Киренск через 2 недели (там же, лл. 40-41).

И действительно, сбор денег двинулся очень сильно: поступило 4736 руб. 30½ коп. Но некоторые волости еще просят отсрочки, и Черемисинов дает согласие, так как наступало время сева (там же, л. 107).

Затем Черемисинов, очевидно убедившись, к каким разорениям приводят его приказы, рассрочил на 3 года взнос платежей по нескольким волостям. Иркутская губернская канцелярия дала на это согласие (Фонд 75, опись 2, арх. № 1608, л. 1).

Но, рассрочив платежи, Черемисинов очень строго следил за выполнением крестьянами взносов в назначенное ими время. Неисправных плательщиков садили под караул, как в былые времена. Он предупреждал выборного Чечуйского острога в 1779 году: если в течение 3 недель там не соберут просроченных платежей, то выборный, писчик, староста и лучшие крестьяне «неупустимо сюда возьмутся и жестоко плетью публично з барабанным боем, яко сущия обманщики и лжецы и плуты накажутца» (Фонд 2, арх. № 285, лл. 1-15).

Ни одному другу крестьян судьба не ставила таких ловушек, как Черемисинову. Его предшественники-воеводы, взяточники и насильники, покидая воеводское место, как бы завещали Черемисинову собрать запущенные ими в недоимку платежи. Иркутская губернская канцелярия, взяв в ведение крестьян Илгинского острога, запустила, в свою очередь, в доимку подушные платежи, оставив в наследство Черемисинову долги, которые она же велела ему собрать, не считаясь ни с чем. В ведение воеводской канцелярии передают Витимскую слободу с грузом недоимок, ликвидировать которые надлежало тому же Черемисинову. Поручик Дьяконов раздает в 1772 году в ссуду хлеб, и случилось, что обязанность собрать этот хлеб с крестьян пала на Черемисинова. Сбирать с ясачных старые платежи, запутанные и расстроены с 1742 по 1867 год стало его же делом.

Всей задолженности подушных сборов, окладного провианта, оброчного хлеба, розданных ссуд из казенных и монастырских житниц, а также ясачных платежей за 1744-1772 годы — накопилось на 23936 руб. 17¾ коп. деньгами и 18598 пуд. 35 фун. хлебом. Из этой громадной по уездной мерке задолженности Черемисинов полностью собрал весь хлеб и 19054 руб. 15¼ коп. денег (фонд 2, арх. № 211, лл. 26-27). Еще после ухода Черемисинова продолжала действовать сила давления на крестьян, развитая этим деятелем, и недоимки автоматически поступали в воеводскую канцелярию.

Ни один обдирала-воевода не причинил столько беды илимскому крестьянину, как его друг, защитник и благожелатель воевода Иларион Черемисинов.

Официальная отмена хлебных сборов и замена их деньгами была произведена только Павлом I в 1797 году в указе Сената от 13 декабря.

Для сбора хлебных недоимок 1776-1786 годов, рассроченных уплатой на 20 лет по случаю исполнившегося в 1787 году

25-летия царствования Екатерины II, предполагалось создать особые магазины. Иркутское наместническое правление 19 сентября 1788 г. известило киренскую городовую управу, что «господин экономии директор» предложил создать в городах такие магазины, откуда можно было бы продовольствовать местные воинские команды. По губернии было даже сделано расписание таких магазинов. Но в Киренске такого магазина так и не создали (Фонд 435, арх. № 14, лл. 363-385).

Как нетрудно подметить, история хлебного обложения илимских крестьян есть в то же время история их недоимочности.

Хлебное обложение оказывалось гораздо отяготительнее подушных сборов. Средний крестьянский двор, состоящий из 5 душ муж. пола, вносил в казну 45 пудов ржи. Если взять цену пуда ржи в 20 копеек, то выйдет, что двор должен был ежегодно сдавать государству продуктов на 9 рублей. Но 4-гривенных денег, вместо которых был введен хлебный оклад, крестьянский двор заплатил бы за 5 душ только 2 рубля. Значит, илимский крестьянин четырежды расплачивался за то, что он не был зависим от помещика.

Но к тяжести каждого пуда хлеба, подлежащего сдаче, прибавлялась еще скрытая тяжесть по его доставке в казенные амбары, на пристани, в отдаленнейшие углы Восточной Сибири.

При оценке тягот, падавших на плечи крестьянина в виде «провианта», нельзя отвлекаться от поправок, которые вносил в распределение повинностей кулак.

Если обложение тормозило развитие среднего и бедняцкого крестьянского двора, то оно не ограничивало хозяйственной деятельности богатея, напротив — оно отдавало ему в руки его мало-мощных односельчан.

Илимским хлебом, «провиантом», кормился в течение 125 лет огромный Якутский край с наименьшими (из мыслимых) издержками казны и с величайшими (из мыслимых) тяготами илимских крестьян.

Развитие экономики России и расширение денежного обращения сделали бессмысленным и для казны натуральное обложение государственных крестьян. Все обложение их переводится в денежную форму.

С отменой «провианта» исчезла одна из отяготительных повинностей государственных и экономических крестьян, завещанная еще XVII веком.

Но, как прогрессировала величина хлебного обложения на протяжении ста с лишним лет, так стала возрастать и неизменно повышалась на протяжении следующего столетия величина денежных податей.

ПОДУШНЫЕ СБОРЫ

Подушные сборы, введенные в конце царствования Петра I в 1724 году, т. е. после окончания первой ревизии душ муж. пола, являлись на протяжении XVIII века главным и самым устойчивым денежным доходом казны.

Для илимской деревни подушное обложение имело многообразное значение и приводило к важным последствиям. Неупорядоченное денежное обложение XVII века, выступавшее в множественных формах, заменилось единым денежным налогом — подушной податью. Натуральный хлебный платеж — тоже наследство XVII века — падает во второй половине XVIII века. Отмирают и другие виды натуральных казенных повинностей крестьян. Подобно тому как в подушные сборы пореформенного времени пойдут в какой-то мере крепостнические оброки, в подушное обложение сибирских крестьян в XVIII веке входили в какой-то доле и те повинности, которые до этого выступали в натуральной форме.

Замена подворного обложения личным обложением не коснулась принципа уравниности сборов с податной единицы, и поэтому тяжесть подушных платежей с неравной силой падала на хозяйства различной производительной мощности: слабые дворы оказывались переобложенными, а зажиточные и богатые, если взять их доходы, платили несоразмерно мало.

Устанавливая размер обложения, казна заглядывала во двор крестьянина только для того, чтобы пересчитать число душ мужского пола; она равнодушно отворачивалась от всяких фактов, говоривших о достатке крестьянина. Равное обложение по душам оказывалось неравным обложением дохода. Поэтому подушная подать ослабляла, а иногда и подрывала хозяйство слабого крестьянского двора, ставя его в невыгодное положение по сравнению с зажиточным соседом, которому она открывала возможность неограниченно умножать свои доходы.

Таким образом подушное обложение ускоряло расслоение сибирской деревни, усиливало разделение ее на бедных и богатых крестьян.

Подушное обложение заставляло каждого крестьянина выходить со своими произведениями на рынок в поисках денег. Для скупщика хлеба, для хлеботорговца открывались, таким образом, новые возможности. Разоряющийся крестьянин, которому нечего было предложить на складывающемся рынке товаров, мог предложить свою рабочую силу на возникающем рынке труда. «Несомненно, что денежные оброки и подати были в свое время важным фактором обмена...» (В.И Ленин. Сочинения, том 3, стр. 126, см. также стр. 141 и 548).

Первоначально государственные (в Сибири — пашенные) крестьяне были обложены 8-гривенным сбором с души. Но уже

в 1725 году обложение уменьшается на 6 копеек, а с 1729 года еще на 4 копейки. Так 8-гривенный сбор превращается в 7-гривенный, по 70 копеек с каждой ревизской души муж. пола государственных крестьян.

Другой подушный сбор, 4-гривенный, платили вместо «помещикова доходу» разночинцы и те государственные крестьяне, которые оставались «за расположением», т. е. не получили земли и не платили в казну оброчного провианта.

К сумме подушных окладов прибавлялся сбор «по деньге с рубля» на расходы по сбору и перевозке денег.

Сбор подушных производился по третям года: январской, майской и сентябрьской.

Общее руководство сбором подушных денег в стране осуществлялось Военной коллегией и Камор-коллегией, а с 1732 года эти сборы находились «под дирекцией генерального крикс-камисариата». В губернии действовал «полковой подушного збору двор», которым ведали «обретающиеся на вечных квартирах афицеры». В уездах сборами подушных руководили воеводы. Недолгое время, до 1732 года, существовал институт уездных выборных комиссаров, подчинявшихся полковому двору (Фонд 75, арх. № 423, лл. 7-10).

В Илимске одно время находился уполномоченный полкового двора, ротный писарь, который рапортовал «в ыркуцкой штатной полковой подушного збору двор» о ходе сбора денег (Фонд 75, опись 2, арх. № 112).

Сбор подушных денег в волостях производился выборными сборщиками, обычно, двумя пашенными крестьянами в каждой волости.

В 1731 году по 10 волостям собирали подушные деньги 17 сборщиков, из них 16 пашенных крестьян и 1 беломестный казак. Со служилых г. Илимска собирал подушные выбранный ими казак. С монастырских крестьян деньги взыскивал строитель или по его поручению — поселные монахи.

В Усть-Кутском остроге с 1725 по 1733 год было выбрано и переизбрано пашенными крестьянами 20 сборщиков подушных денег; разночинцами, главным образом бывшими судовыми плотниками — 4; крестьянами совместно с разночинцами — 7, итого 31 сборщик. Просмотр фамилий сборщиков показывает, что совпадения имен нет, значит, ежегодно выбирались новые лица (Фонд 75, опись 2, арх. № 132).

За сбор подушных денег по волости отвечал также приказчик.

Выбор сборщиков записывался крестьянами так: «выбрали мы (крестьяне Илгинского острога) двух человек, добрых людей и не пьяниц и простонаравных». Выбранным вина не пить, казны «не истерять», а «истеря на них (сборщиках) и на нас (крестьянах)» (Фонд 75, арх. № 531, л. 3). Деньги сдавались

в илимскую воеводскую канцелярию «приходчику и расходчику», а затем перевозились в Иркутск.

Общее число плательщиков определялось согласно данным последней ревизии. Ежегодно эти данные уточнялись: приписывались новые души из пришлых элементов и исключались переселенные по распоряжению властей в другие волости или уезды. Умерших и беглых из списков плательщиков не выключали до новой ревизии душ муж. пола. Рождавшиеся лица муж. пола между двумя ревизиями подушными сборами не облагались до новой переписи населения.

Такой косный и жесткий порядок взимания подачи приводил к переобложению одних дворов, плативших иногда по 10-15 лет за умерших, и к льготному обложению других, многосемейных дворов, в которых рождалось много детей после проведения переписи.

В 1728 году по 15 волостям Илимского уезда в числе плательщиком подушных денег состояли: 1504 разночинца, плативших 7 и 4-гривенные деньги, 3688 крестьян «в расположении», обложенных 7-гривенным сбором и «оброчным провиантом» по 60 пудов с двора, 1555 крестьян «за расположением», плативших подушные наравне с разночинцами, и 20 помещиковых дворовых людей, за которых владельцы вносили 7-гривенные деньги. Монастырские крестьяне в числе 391 души муж. пола платили только 7-гривенные деньги (Фонд 75, арх. № 401, лл. 136-153).

Так как подушные деньги поступали в военное ведомство, то в Илимск в начале 1733 года прибывает поручик Якутского полка Остяков, который создает «съезжей доимочного подушного сбора двор». Воевода Турчанинов передает Остякову все дела по сбору подушных денег и получает распоряжение «впредь ни в чем в подушном зборе не мешатца и подушных денег не собирать под опасением жестокого штрафа». Двор должен был собирать подушные деньги по Илимскому и Якутскому уездам.

Остяков получает в Илимске помещение, ему передаются урядник, капрал, 5 солдат и подьячий. Служащие подушного двора могли ездить «на коште» недоимщиков и требовать от них кормовых денег: поручик по 15, урядник и капрал по 5, солдаты и подьячий по 3 копейки и, сверх того, хлеба по 3 и мяса по 1 фунту в день на человека (Фонд 75, опись 2, арх. № 135, лл. 107-110).

В помощь «подушного сбора двору» (или, как иногда говорили, квартире) служилые люди Илимска избирали так называемого земского комиссара по сбору подушных денег и счетчика, т. е. ревизора. Ежегодно производилась смена этих выборных лиц (Фонд 75, арх. № 584, лл. 1-6).

Порядок сбора подушных денег военными властями не давал казне никаких преимуществ и повлек только излишние рас-

ходы. Назначение в уезды офицеров с широкими полномочиями уменьшало ответственность воевод и губернаторов по финансовым делам и запутывало инородными звеньями систему управления. Для крестьян учреждение особых дворов во главе с офицерами и немалым штатом вызывало лишние расходы по перевозу, кормлению господ офицеров и солдат и вообще увеличивало число начальников, а следовательно и взяточников.

Правительство быстро убедилось в бесполезности новых учреждений, и Сенат 8 февраля 1736 г. велел сбор подушных денег вновь возложить на губернаторов и воевод. В помощь им давались 1-2 отставных офицера «для сих токмо одних дел». Сбор с этого времени стали производить не по полкам, к которым со времен Петра I приписывались плательщики, т. е. не по дистриктам, а по уездам (Фонд 75, арх. № 670, лл. 16, 18).

На содержание офицеров и комиссаров по сбору подушных было велено прибавить с этого времени по 2 копейки на рубль подушных денег, вместо $\frac{1}{2}$ копейки накладных, взимавшихся до 1736 года. Прибавка была мотивирована правительством с необычайной циничностью — офицеры полковых дворов на свое содержание брали с крестьян и больше 2 копеек на рубль платежей, иногда и до 10 копеек с рубля. Анна Иоанновна не очень-то стеснялась в выражениях.

Иркутская провинциальная канцелярия во исполнение изложенного указа 14 сентября 1736 г. велела илимскому воеводе выбрать комиссара из дворян или детей боярских и поручить ему вести сбор подушных денег под наблюдением воеводской канцелярии.

Но так как такой «земский комиссар» выбирался и раньше в помощь доимочного сбора двору, то он и принял от офицера все книги, ведомости и инструкции.

После упразднения недоимочного подушного сбора двора в Илимске фактически складывается нечто вроде подушного правления, подчиненного воеводе. В составе этого правления находились два лица, ежегодно избираемых из илимских служилых людей, — комиссар (обычно из детей боярских) и счетчик (из казаков). Писчую работу исполнял наемный подьячий.

С этого же времени, с 1736 года, сбор подушных денег стали производить не по третям года, а в два срока: в январе-марте — первую половину и в сентябре-декабре — вторую половину годового оклада. Но подушные деньги по империи попрежнему поступали на военные нужды и с 1736 года «определены в ведомстве быть под дирекцией... военной коллегии во учрежденной генерал-крикс-камисариатской канторе», как значилось в указе этой конторы в илимскую воеводскую канцелярию от 22 июня 1736 г. (Фонд 75, арх. № 670, лл. 33-81, 102).

С этого времени сбор подушных денег в волостях возлагается исключительно на приказчиков и сборщиков. Взыскан-

ные с. плательщиков деньги ежемесячно сдавались «камисару доимочного подушного збору».

Упразднение «военных подушного сбора дворов» хотя и избавило крестьян от лишних поборов и расходов, но нисколько не изменило самой системы подушного обложения. Вместо офицерского мундира, заглядывавшего на крестьянский двор для понуждения его хозяина к платежу подушных, теперь появлялась борода сына боярского.

Попрежнему сборщики взыскивали и за беглых и за ушедших по рекрутским наборам крестьянских сыновей.

За 1736 год имеются хорошие ведомости по 3 волостям: Тутурской, Ново-Удинской и Орленской, с указанием числа выбывших крестьян, причин убыли и с отметками о том, кто платит за «убылые души» (Фонд 75, арх. № 663, лл. 130-135, арх. № 673, лл. 80-83, арх. № 675, лл. 183-188).

Всего по первой ревизии в этих трех волостях числилось 865 душ муж. пола крестьян и разночинцев. За 16 лет, с 1720 по 1736 год, выбыло 292 души или несколько более $\frac{1}{3}$. Из них умерло 200, переселено на Аргунь и в Якутск 59, бежало 21, взято в рекруты 8, убыло по разным случаям 4 души.

Казна сняла оклады за 57 душ, переведенных по ее указам, а за остальных выбывших платили следующие лица: сыновья за 57 умерших отцов, братья за 46 умерших братьев, отцы за 25 умерших детей, крестьяне платили за 42 выбывших соседа, разные родственники — за 23 души; жены платили за мужей в 6 случаях. За 8 умерших и бежавших батраков платили их хозяева. За 16 душ «платят народом» или «платят миром». В 12 остальных случаях платили разные посторонние люди.

Крестьянин деревни Воробьевской Семен Воробьев в течень 12 лет платил за четырех сыновей 9, 11, 14 и 16 лет, умерших в 1724 году. У крестьянина Ульяна Рудых утонул в 1725 году его 25-летний сын Денис. После этого отец ежегодно, в течение 11 лет вносил в казну подушные деньги за погибшего сына. Дети Василия Головного платили за своего отца, умершего за 16 лет до составления той ведомости, содержание которой сейчас рассказывается.

Подушные деньги собирались впоследствии довольно успешно, что еще раз говорило о ненужности офицерских штатов. Например, за 1736-1743 годы, всего за 7 полных лет, было взыскано с илимского населения 29304 рубля 7-гривенных и 7461 рубль 4-гривенных денег, всего 36765 рублей. Недоимки за 7 лет составили только 727 рублей, т. е. менее 2% от оклада (Фонд 75, арх. № 1103, лл. 87-91, 97).

Более успешному сбору подушных денег содействовало и то, что во многих волостях крестьяне выбирали особых «окладчиков», которые иногда разверстывали недоимки, числившиеся за умершими, беглыми и другими выбывшими членами сель-

ского общества, а иногда и за неимущими, на других платежеспособных крестьян волости.

Интересный заголовок окладной книги Илгинского острога на 1744 год сразу раскрывает сущность таких раскладок (Фонд 75, арх. № 1104, лл. 8-33):

«Книга окладная Илгинского острогу подушному семи и четырехгривенного зборам, что по мирской роскладке выборных окладчиков Илгинского острогу пашенных крестьян Александра Понамарева (далее следует имена еще 4 «окладчиков») надлежит на предбудущей 1744 год, на первую половину, собрать и что за убылые души, за умершие и взятые в службу и за беглых и самых скудных наложено и с кого збавлено, значит ниже сего, 1743 году декабря 20 дня, по которой книге подушных денег збор выборных Михея Дроздова, Никифора Чекотеева».

Выходит, что «окладчики» подчас перераскладывали недоимку, а сборщики взыскивали деньги по такой мирской раскладке.

В частности, в книге, заголовок которой только что приведен, указаны сбавки и прибавки к подушным окладам по каждому двору.

Насколько такие переверстки недоимок были выгодны для «самых скудных», решить трудно, так как это каждый раз зависело от степени влияния на мирские дела деревенской бедноты. Но, в общем, можно уверенно сказать, что при любых перераскладках, если только они не производились поровну на каждую душу, беднота только выигрывала.

Так, по Илгинскому острогу в «окладчики» были выбраны от пяти селений представители различных по мощности хозяйств: два «окладчика» имели много земли, два являлись средними крестьянами, а один — бедняком. «Окладчики» разложили недоимки не поровну на каждый двор и душу, а с некоторой дифференциацией: по 30 копеек, по 35 копеек, по 1 руб. 10 коп., по 1 руб. 40 коп.

Крестьянские раскладки положительно воспринимались властями. В одном из позднейших указов якутской воеводской канцелярии крестьянскому старосте Витимской и Пеледуйской слобод дается указание, как выбирать «окладчиков» и как производить раскладки (Фонд 75, опись 2, арх. № 1130, лл. 66-67, 1767 год): «А дабы в роскладках подушных денег за умерших и самых бедных, едва имущих дневное пропитание, не происходило жалоб, о том подтвердить, чтоб все наличные крестьяне, а по крайней мере по несколько человек, на три сорта, т. е. — первостатейные, средние и самые неимущие и бедные собраны были во едино место и единогласно... расположили подушной збор в роскладку, уважая средних против первостатейных, а самых бедных против средних. Также и за неимущих... хворых, в древней старости находящихся и умерших росклад-

ку чинили[бы] правильную, что впредь от подлости роптания не произошло (произошло), как и наперед сего было».

По все это были или декларации или такие попытки, результаты которых оказывались неуловимо малыми. Единственный деятель, последовательно проводивший классовый принцип сбора недоимок, был воевода Черемисинов.

Первое увеличение подушных налогов, не считая двухкопеечного сбора с рубля, производится в 1746 году. Печатным указом от 31 декабря 1745 г. было велено собирать «прибавочные деньги» по гривне с души, «кои (состоят) в 7 гривенном окладе», и по 5 алтын с души, «кои в сорокоалтынном окладе». Это означало, что пашенные и монастырские крестьяне должны были теперь платить еще по 10 копеек, а разночинцы, посадские и крестьяне, оставшиеся «за расположением» — по 15 копеек с души. «Прибавочные деньги» собирались в первой половине года, начиная с 1746 Года. Указ читался в течение месяца по церквам, торжкам и ярмаркам (Фонд 75, арх. № 1386, л. 69). Весну этого года подьячие илимской воеводской канцелярии встречали за ведомостями, в которых они спешно вычисляли размер дополнительного налога по уезду (Фонд 75, арх. № 1389, лл. 1-9).

Еще затянувшаяся вторая ревизия душ муж. пола не была закончена, как «мы, Елисавет перьвая», уже объявила в печатном указе 30 января 1747 г. о сборе подушных денег согласно новой переписи, «чтоб все наши верноподданные один против друга ничем отягощены не были» (Фонд 75, арх. № 1488, л. 50).

В том же году, 31 января, объявляется сбор драгунских лошадей по данным новой ревизии: с 608 душ поставлялась одна драгунская, а с 2028 душ — одна «подъемная» лошадь (фонд 75, арх. № 1488, лл. 66, 68). В Илимском уезде никогда лошадей в натуре не набирали, а вместо них взыскивали на драгунских лошадей по 3 копейки, а на «подъемных» — по деньге с души муж. пола. 3 мая 1748 г. Илимск отправляет в Иркутск 362 руб. 21½ коп., собранных с 10349 душ крестьян, посадских и разночинцев, за драгунских и подъемных лошадей (фонд 75, арх. № 1543, л. 1).

Прошло 5 лет после окончания переписи населения по второй ревизии, а недоимки по подушным сборам за старые года продолжали взыскивать неослабно. Это вносило большую путаницу, и Елизавета I указом, напечатанным 19 октября 1752 г., велела, наконец, сложить 2534 тыс. рублей недоимок 1724-1747 годов. Причина списания заключалась не только в том, что создавалась неразбериха при взыскании задолженности, накапливавшейся в течение 23 лет, прошедших после первой ревизии, сколько в том, что главными недоимщиками были помещики.

За илимскими плательщиками в 1747-1754 годах недоимок по подушным сборам почти не было. Часть волостей — Тутурская, Орленская, Яндинская — вносили деньги в иркутское казначейство, поэтому по документам илимской воеводской канцелярии нет полных данных о платеже подушных по всему уезду за это время (фонд 75, опись 2, арх. № 766, лл. 297-310).

Целевое назначение сборов, жесткость всей финансовой системы и отсутствие кредитных учреждений приводили к тому, что поступавшие в казну деньги по некоторым сборам иногда оказывались «излишними». Это заставляло казну прибегать к странным мерам, в частности, к возврату «излишне» собранных средств налогоплательщикам.

Так, в 50-х годах XVIII столетия несколько раз зачитывались в подушный платеж избытки соляных сборов. В 1752 году по указу Елизаветы было списано 5 копеек; в 1755 году по указу Сената из подушных денег, подлежащих сбору во вторую половину года, было сбавлено по 5 копеек с души за счет излишне поступивших в 1754 году соляных денег (фонд 75, опись 2, арх. № 764, л. 166). В 1754 году было сложено по 6 копеек с души. По Илимскому уезду убавка подушных в названном году составила 240 руб. 28 коп. (Фонд 75, арх. № 2067, л. 165).

Но вслед за этими сбавками производится в 1761 году значительное увеличение подушных сборов. По печатному указу Сената от 12 октября 1760 г. четырехгривенные сборы с государственных крестьян увеличивались (с 1 января следующего года) до 1 рубля. Основанием для повышения Сенат считал возрастание государственных расходов, а также то, что помещики с своих крестьян нигде не получают меньше рубля (Фонд 75, опись 2, арх. № 898, лл. 7-8).

Для виду в этом указе говорилось: «и с показанных государственных крестьян более того никаких без указа доходов и работ уже не требовать и не брать». У иркутской провинциальной канцелярии сразу же возникло недоумение — а как быть с крестьянами крайнего северо-востока губернии? Если их освободить от перевозок, то для казны возникнут трудности с транспортом. В Сенат пошел запрос по этому поводу (Фонд 75, опись 2, арх. № 926, лл. 111-112).

Для государственных и экономических крестьян с 1 января 1769 г. Сенат ввел по предложению Екатерины II сверх 7-гривенного сбора оброчный платеж по 2 рубля с души. Мотивировка этого указа была чисто крепостническая — умножение доходов крестьян (фонд 75, опись 2, арх. № 1121, л. 95).

Таким образом, подушные сборы были доведены до 2 руб. 70 коп. с души муж. пола. Эта норма обложения, одинаковая и для государственных и для экономических крестьян, слагалась по-разному: для государственных крестьян она образовывалась из следующих слагаемых: 7-гривенные, 4-гривенные,

6-гривенные (дополнение до 1 рубля) и рублевые (дополнение до 2 рублей) деньги; для экономических крестьян: 7-гривенные, 2-рублевые деньги.

Существовали еще 5-гривенные сборы, взыскивавшиеся с государственных и экономических крестьян, если они постоянно занимались торговлей (купечествующие крестьяне). Величина обложения, т. е. 50 копеек с души, определялась как разница между 40-алтынными деньгами, платимыми посадскими, и 7 гривенными деньгами, которыми облагались крестьяне всех наименований. В 1783 году по Илимску насчитывалось 10 крестьян, обложенных 5-гривенным подушным сбором.

Подробные материалы, в виде месячных, полугодовых и годовых рапортов илимской воеводской канцелярии в Иркутск, имеются за 1758-1767 годы (фонд 75, арх. № 2372, лл. 3-380).

Все данные указанного дела сведены в небольшую таблицу 79.

Таблица 79

Виды подушных сборов	Тысяч рублей		
	оклад (с недоимками)	взыскано	взыскания
40-алтынний сбор с посадских	6,97	5,40	77,5
7-гривенный	63,24	59,95	94,8
4-гривенный	7,06	6,61	93,6
Прибавочных	36,71	34,06	92,8
Накладных по 2 копейки с рубля	—	2,08	—
Итого	113,98	108,10	93,0

Кроме того, с монастырских крестьян Илимского уезда в 1764-1766 годах (за 2½ года) был полностью взыскан 1½ рублевый сбор¹ в сумме 1224 рублей.

Как следует из таблицы 79, недоимки составляли небольшую величину. В действительности процент недоимок был еще меньше, чем вычислено в таблице, так как к окладу прибавлена задолженность прежних лет.

Злоупотреблений со сбором подушных денег можно отметить не очень много. Ведь деньги собирали сами, крестьяне, уполномочив на то особых выборных сборщиков. Деятельность последних протекала на глазах у населения, деньги сдавались сборщиками ежемесячно. Если за купечеством и вообще посадскими, служившими целовальниками, ларешными и бурмистрами, числилось растрат на несколько десятков тысяч рублей,

¹ 2-рублевый сбор был введен позднее, с 1769 года.

то за крестьянскими сборщиками казна не числила и одного рубля.

С передачей питейных сборов на откуп уезды Восточной Сибири лишились источника, из которого покрывались многие местные расходы. Поэтому с 1770 года на такие расходы выделялись средства из подушных сборов.

Так, в 1771-1772 годах илимской воеводской канцелярией было израсходовано 3642 рубля, т. е. около 12% от суммы поступления подушных денег. В том числе на жалование воеводе, приказным и команде пошло 2566 рублей, остальные деньги — на мундиры солдатам, на оплату прогонов и сплава, на жалование казакам, на постройку барок и на оплату помола (фонд 75, арх. № 3292, л. 33-39).

Накануне упразднения илимской воеводской канцелярии население платило следующие подушные и оброчные налоги: посадские 40-алтынный сбор, т. е. по 1 руб. 20 коп. с души, государственные пашенные крестьяне 7-гривенные, 4-гривенные и 6-гривенные деньги (увеличение 4-гривенных денег до 1 рубля) и рублевые (дополнение до 2 рублей), всего 2 руб. 70 коп. с души, экономические крестьяне — 7-гривенные и двухрублевые, всего также 2 руб. 70 коп. с души, ясачное население — денежный ясачный платеж, в среднем по 1 руб. 48 кон. с души. Кроме того, все податное население, кроме ясачных, платило двухкопеечные, или накладные сборы, по 2 копейки с рубля подушных денег.

Значит, в наиболее льготном положении оказывались купцы.

Сборы с посадских и с государственных крестьян зачислялись в «комиссариатский доход», т. е. шли в военное ведомство, с бывших монастырских крестьян — в коллегию Экономии, ясачные доходы и двухкопеечные сборы — в Статс-канцелярию, а питейные сборы составляли камер-коллежский доход.

Повышение подушных этим не закончилось. 8 мая 1783 года двухрублевый оклад повышается до 3 рублей. Значит, крестьяне, как государственные, так и экономические, должны были платить по 3 руб. 70 коп. в год с каждой ревизской души муж. пола.

Сенат в печатном указе давал следующее объяснение причин повышения подушных сборов с крестьян: «возросло народное изобилие, умножилось денежное обращение и возвысились вообще цены на всякие вещи. Каждому ощутительна сия истинна». Упомянулось в сенатском указе также и то, что помещичьи крестьяне приносят своим владельцам дохода «вдвое или более», чем получает государство от государственных и экономических крестьян (фонд 2, арх. № 289, л. 2).

Прошло немного более 10 лет, и 30 июня 1794 г. появляется печатный указ Сената об увеличении подушных сборов по 17 губерниям, в том числе и по Иркутской, начиная со второй

половины 1794 года, на 1 рубль в год. Тем же указом повышалось обложение мещан с 1 руб. 20 коп. (бывший 40-алтынный сбор с посадских) до 2 рублей с души муж. пола (фонд 9, арх. № 145, лл. 297-298). Одновременно удваивались цены на гербовую бумагу и соразмерно повышалась величина печатных и других пошлин, а также увеличивалась плата за выдачу «покормежных паспортов» годового с 10 копеек до 1 рубля, двухгодового с 50 копеек до 3 рублей и трехлетнего с 1 до 5 рублей (фонд 9, арх. № 145, л. 266).

Увеличение подушных сборов без учета экономического положения крестьян привело к недоимочности. В 1791 году числилось за крестьянами Киренского уезда 2214 рублей недоимок. Кроме того, из рассроченных на 20 лет недоимок к 1788 году оставалось невзысканных 6435 рублей (фонд 9, арх. № 120, л. 256-258).

По сведениям иркутского наместнического правления недоимки к 1788 году составили 59924 рубля, в том числе за купцами числилось задолженности 984 рубля, за мещанами и цеховыми 27886 рублей, за крестьянами — 30364 рубля и за «ясачными иноверцами» 690 рублей (фонд 435, арх. № 14, лл 386-387).

Павел I, приняв крайне расстроеным Екатериной II финансовые дела, ввел 17 декабря 1797 г. ряд новых налогов и увеличил подушные сборы «со всех поселян казенного ведомства и с помещичьих крестьян» на 26 копеек с души. На мещан было прибавлено по 50 копеек с души.

Одновременно он отменил сбор на содержание «подъемных лошадей при войсках», велел переоброчить оброчные статьи, увеличил цену гербовой бумаги и паспортов.

Указ заканчивался так: «Соизволяем, чтоб все недоимки, счисляющиеся на мещанах, казенных и помещичьих крестьянах по подушному збору, на казенных же поселянах и по оброчному доходу, более 7 миллионов рублей составляют, сложены были, повелевая оныя более в казну нашу не взыскивать» (Фонд 145, арх. № 193, лл. 21-24).

Итак, несмотря на очевидность переобложения крестьян и невозможность взыскать громадные недоимки, вводилось дополнительное обложение.

Жадными руками казна вычерпывала из населения как можно больше доходов, и то, что безвозвратно утекало между пальцев, она «прощала», чтобы удобнее было захватить побольше доходов при следующем туре поборов. Она огрызалась на взяточников, цинично нахваливала свое «матерное попечение» и не гнушалась по временам хулить уходящих со сцены царей и цариц, объявляя их виновниками бед народа и своих неудач.

ЯМСКАЯ И МЕЖДВОРНАЯ ГОНЬБА

Из всех натуральных повинностей крестьян в XVIII веке осталась самая тяжелая — гоньба и связанные с нею дорожные работы.

В Илимском уезде встречалось два вида гоньбы — одна осуществлялась на главных дорогах и велась ямщиками-подрядчиками по найму крестьян (ямская гоньба), вторая велась самими крестьянами на своих подводах по второстепенным дорогам (междворная гоньба).

Крепостническое государство главную тяжесть несения подворной гоньбы перекладывало на крестьян. Оплата подвод с 1725 года производилась по 1 копейке с лошади и версты летом и по $\frac{1}{2}$ копейки зимой. Разница между действительными расходами по организации подводной (и междворной) гоньбы и указанной оплатой падала на крестьян.

Ямщики, которые гоняли подводы по главным дорогам, ежегодно нанимались представителями всех волостей. Но так как одни волости лежали на оживленных путях, где проходило много подвод, а другие отстояли от этих путей на сотни верст, то неизбежно возникали очень сложные расчеты между крестьянами разных волостей. Невозможно было уравнивать волости в оплате подводной гоньбы и потому, что в каждой из них было разное число дворов и разная величина запашки.

Представители волостей, съезжавшиеся в Илимск для найма ямщиков и для уравнивания расчетов между волостями, производили сложнейшие выкладки. Но быстро обнаруживалось, что жизнь вносит существенные поправки в подобные выкладки, и приходилось вновь пересчитывать все сначала.

За основу расчетов между волостями долгое время принималась тяглая десятина. Лишь в конце века отмерла эта давно ставшая архаической тяглая десятина как измеритель повинности крестьян перед государством.

Развитие буржуазных отношений сломало в конце концов средневековую постановку гоньбы, дешевую и ненадежную для государства, дорогую и отяготительную для крестьян.

С 30-х годов XVIII столетия государство начинает создавать, сперва на главных дорогах, почтовые станции, вводит регулярное движение почты и переходит к найму ямщиков по добровольным соглашениям.

Ямщики с этого времени получают не только деньги, но и пашни и сенокосы в бесплатное пользование. Богатым многолошадным крестьянам становится выгодным соединять земледельческие занятия с гоньбой. Так из феодальной повинности возникает промысел.

Переходим к истории гоньбы в Илимском уезде.

Созыв крестьянских уполномоченных производила воеводская канцелярия. Например, в 1727 году она рассылает рас-

поряжение по волостям о высылке в Илимск «за выбором... по человеку, людей добрых, для обстоятельной ямской гоньбы... понеже без общего согласия всего Илимского ведомства крестьян подводной гоньбы... установить невозможно» (фонд 75, арх. № 213, л. 117).

Тутурские крестьяне в декабре 1742 года по всей форме выбирали уполномоченного по найму ямщика. Выбор пал на крестьянина Ивана Лемзякова. «А ехать ему ис Тутурской слободы, — говорилось в выборе, — в Ылимск и обратно... на своем коште. А живучи в городе Илимску всякие держи держать наши, народные, и пить и есть ему, также и лошаде ево в городе Илимску наше же, народское. И что издержано будет, то нам на нем, выборном, ничего того не спрашивать и ево в том во всем очищать народом». Лемзякову поручалось нанять в Илимске ямщика, который гонял бы подводы за Тутурскую слободу. «И в той подводной гоньбе ему, Лемзякову, верим... В том ему, Лемзякову, сей и выбор дали» (Фонд 75, арх. № 338, л. 15).

На съездах крестьянские уполномоченные от имени волостей договаривались между собою о распределении по волостям всего объема подводной гоньбы на предстоящий год. Нередко при этом предусматривалась доплата одних волостей другим. После съезда уполномоченный каждой волости заключал соглашение с ямщиками об оплате, исходя из числа тяглых десятин, утвержденных для данной волости съездом.

Воеводская канцелярия осуществляла общее наблюдение за расчетами между волостями.

Соглашение с ямщиком записывалось в крепостные книги илимской воеводской канцелярии и таким образом приобретало необходимую доказательную силу. Например, 12 декабря 1733 года был составлен и подписан следующий договор:

«Писана крепость Кривоуцкой слободы выборному крестьянину Ивану Москвитину от илимского хлебного обротчика Дмитрия Кокшарова в том, что подрядился он, Кокшаров, у него, Москвитина, за всех кривоуцких крестьян гонять всякия подводы в Ылимску в будущем 734-м году генваря с 1-го числа на одни год, за 8 десятин с четвертью. А за ту подводную гоньбу рядил взять у них, кривоуцких крестьян, денег по 12 рублей з десятины. А прогонные деньги, что будут давать за те подводы, брать им, ямщикам, себе» (Фонд 75, опись 2, арх. №139, л. 25).

Тот же Кокшаров и некоторые другие ямщики заключили однородные соглашения с крестьянами других 5 волостей, которые обязались платить с 52½ тяглой десятины по 10-11 рублей в год. Лишь в Яндинском остроге крестьяне сторговались с ямщиками-подрядчиками несколько иначе, обязавшись платить с тяглой десятины по 6 рублей деньгами и по 6 пудов хлебом.

Представитель Илгинского острога вместе с представителем Орленской слободы подрядили илимского жителя Вдовина гонять подводы за 2 волости в течение года. Разгон происходил от Илимска на 4 стороны: «за Ангарской волок до Мамырской деревни, на низ до Вологжанской деревни, вверх по Илимю до Шестаковской деревни, за Ленской волок до Усть-Куты. А которые подводы пойдут на низ по Лене реке, то возить буду, — говорится в «порушной» Вдовина, — до Якуримской деревни». Вдовин обязуется считаться с другими ямщиками, если придется возить грузы совместно с ними, но не более 80 подвод «на свяске». Сверх же 80 подвод «на свяске» должны «подымать выборные с пашенными крестьянами, собою, по счёту.»

Подобное же соглашение заключили в 1749 году усть-кутские и кривоуцкие крестьяне с подрядчиком, пашенным крестьянином Таюрским. Он должен был гонять подводы «по прежнему обыкновению, которые гоняли сыстари». С крестьян Усть-Кутской волости Таюрский взял за 15 десятин по 10 рублей, т. е. всего 150 рублей, а с крестьян Кривоуцкой слободы за 20 десятин по 11 руб. 75 коп., т. е. всего 305 руб. 50 коп. (Фонд 75, опись 2, арх. № 516, лл. 8-9).

Но разные обстоятельства, в том числе и вмешательство местных властей в установленный крестьянами порядок расчетов, запутывали организацию гоньбы и ставили одни волости в невыгодное положение по сравнению с другими волостями. Неизбежным следствием этого явились многочисленные заявления крестьян обиженных волостей об уменьшении их доли в уездной гоньбе. Обычно власти соглашались с доводами крестьян и перелагали часть гоньбы на соседей. Но тогда поднимали голос другие, соседние волости, и местные канцелярии вновь перераспределяли между волостями тяготы гоньбы.

Так, Ново-Удинская слобода, граничившая с Иркутским уездом, была привлечена к «гонянию подвод» не только по Илимскому, но и по Иркутскому уездам. Крестьяне этой слободы держали разгон подвод до Илимска, до Иркутска и совместно с другими волостями — на Ленском и Ангарском волоках; кроме того, их заставили гонять подводы «в Балаганском дистрикте, от Балаганска вверх до деревни Павла Сереткина». Тогда новоудинские крестьяне выбрали челобитчика крестьянина Луку Пыжьянова и послали его в Иркутск с просьбой освободить их от гоньбы в Балаганском дистрикте. В сентябре 1734 года иркутский вице-губернатор Бибиков удовлетворил просьбу челобитчика (Фонд 75, арх. № 1132, лл. 213-214).

Наиболее отягощенными подводной повинностью оказались ленские волости. Не раз крестьяне этих волостей объединенными усилиями добивались у губернских и уездных властей разных послаблений, чаще всего временных и скоропреходящих.

В отношении подводной гоньбы ленские волости предприняли в 1750 году совместные действия: крестьяне Киренской, Криволуцкой, Орловской, Тутурской и Илгийской волостей выбрали 5 челобитчиков для подачи заявления иркутскому вице-губернатору Лоренц Лангу о своих нуждах.

Они писали, что гоняют «ВСЯКИЕ междворные подводы зимою и летом», возят из Иркутска в Якутск «казны» и указы, строят суда для сплава хлеба по Лене, дают на суда и плоты работников и лоцманов. Кроме того, илимская воеводская канцелярия «по вся годы спрашивает и збирает в ылимскую подводную гоньбу и на воевоцкой двор, на всякий зделья и на дрова», что обходится рублей по 12 в год с тяглой десятины. Наконец, их заставили бесплатно перевозить «тунгуских ясачных шуленег для ясашного збору». Крестьяне сослались при этом на грамоту Сибирского приказа, посланную 11 мая 7194 (1686) года якутскому воеводе, чтобы с десятины собирать на гоньбу по 2 рубля.

Лоренц Ланг подтвердил права крестьян и велел илимской воеводской канцелярии «всячески стараться, дабы крестьяне, видя себе доброе презрение и охранение, имели в пахоте и ко умножению хлеба севу ревностное и неусыпное попечение. И выборным крестьяном (челобитчикам) о том ведать и чинить по сему... указу» (Фонд 75, опись 2, арх. № 550, лл. 11-15). В другом экземпляре этого указа в заключении сказано: «А об оном же челобитчиком... дан с прочетом указ» (Фонд 75, арх. № 1764, лл. 21-24).

Однако понадобилось повторное заявление крестьянских представителей от шести волостей, поданное в 1756 году в Илимск, чтобы воевода отменил гоньбу этих волостей по Ангарскому волоку (Фонд 75, арх. № 2189, лл. 30-38).

За 1751-1753 годы имеются подробные записи о движении подвод по двум параллельным дорогам: вверх по Лене от деревни Чугуевской до деревни Полоротовской или Криволуцкой слободы и вниз по Лене от Киренского до Чечуйского острога. Оба расстояния были почти одинаковыми, 62 и 60 верст. Сводка движения по этому участку, составленная по делу о подводной гоньбе (Фонд 75, опись 2, арх. № 663, лл. 1-18), приводится в виде таблицы 80.

Почти все проезжие не имели к Илимскому уезду никакого отношения. Они неизбежно пересекали уезд по пути из Иркутска в Якутск или при обратном следовании. Только «понудители» и некоторая часть казаков проезжали по делам местного воеводского управления.

Обширная и многосторонняя переписка о подводной гоньбе сосредоточена в одном из дел илимской воеводской канцелярии за 1754-1758 годы (Фонд 75, арх. № 2189, лл. 11-317).

По данным этого дела можно построить сводку разгонов, производившихся в течение 3 лет в 14 волостях. Не все данные

этой сводки являются вполне достоверными, например, по Нижне-Илимской волости. Несмотря на это, взятые в целом, эти данные дают достаточно полное и правдивое свидетельство о тяжелом характере подводной гоньбы, осуществлявшейся крестьянством северного Предбайкалья.

Таблица 80

К т о е х а л	Число случаев	Взято подвод	Число взятых подвод, в % к итогу
Казаки	16	48	6,6
Солдаты	16	93	12,7
Арестанты под конвоем	10	89	12,2
Чиновники	20	186	25,5
Сопровождавшие казну	15	129	17,7
Провиантмейстеры, „понудители“	11	69	9,5
Купцы	22	115	15,8
Итого	110	729	100,0

В 14 волостях, по которым произведен учет подводной гоньбы, числилось тогда 1445 дворов с 6529 душами муж. пола. Эти дворы выставили в 1754-1757 годах 16670 подвод, в среднем на 109 верст. Число подвоверст достигало 1822 тысяч. На одну душу пришлось 279 подвоверст.

Обращает на себя внимание резкая неравномерность в размерах гоньбы по разным волостям. Больше всех давали подвод крестьяне Тутурской, Илгинской и Барлукской волостей, лежавших на главных путях того времени — на Ленском и Московском трактах. Напротив, волости, расположенные на Ангаре между опасными Ангарскими порогами, Киренская и Карапчанская, крайне мало участвовали в несении натуральной междворной гоньбы.

Среднее расстояние, вычисленное по взвешенным величинам, как указано, составляло 109 верст. Но одни волости давали подводы на перегоны на 50, а другие на 100-200 верст.

Большой, дальний и разнообразный разгон подвод вели крестьяне Барлукской слободы: до Иркутска (на 315 верст) подвод по 10 в год, до Илимска (на 354 версты) по 20 «проводных» подвод, до Тулуна (на 111 верст) по 15 подвод, до деревни Шиверской на Ангаре (на 108 верст) по 100 подвод и больше. В 1753 году они дали 170 подвод проезжавшей команде на Анадырь. Кроме того, они возили пакеты и указы до Шамановского погоста на 144 версты, ежегодно выставляя до 20 подвод, возили и до Заларей — на 134 версты (20 подвод),

до Канского острога — на 500 верст (50 подвод), до Шабартуя — на 161 версту (по 24 подводы), до Кимильтея — около 50 верст (до 60 подвод) и до Усть-Илгинской пристани — на 350 верст (10-12 подвод в год). Крестьяне Барлукской слободы наганивали в год до 43 тысяч подводоверст (л. 67).

Такие же показания поступили от крестьян Криволицкой слободы, причем они отметили, что записи подвод не вели («ключней не видно») и подсчитать точно число подвод не могут (л. 73).

Пространное заявление в илимскую воеводскую канцелярию поступило в 1756 году от двух старост, десятских и «всех пашенных крестьян» Чечуйского острога, подписанное от имени 97 человек, т. е. практически от всех дворохозяев волости.

Они просили об упорядочении гоньбы, которую они вели совместно с крестьянами Пеледуйской слободы Якутского уезда. С 1738 года крестьяне Чечуйского острога по распоряжению Греченинова содержали в пределах Пеледуйской волости 1½ «станции». В 1744 году они послали выборного челобитчика к Греченинову просить освобождения от содержания этих станций, но Греченинов его «стегал батожем», и челобитчик подписал согласие от имени чечуйских крестьян содержать 1½ станции. Тогда крестьяне выбрали другого челобитчика и послали его в Иркутск. Иркутская провинциальная канцелярия согласилась удовлетворить желание чечуйских крестьян.

Однако через 11 лет илимская воеводская канцелярия опять обязала чечуйских крестьян содержать 1½ лишних станции, а приказчик Кузнецов принудил их «чрез великое мучение» принять эти станции на себя.

Упомянутые станки или станции лежали в безлюдной местности, снабжать их продовольствием и кормами было очень трудно. Чечуйские крестьяне, доказывая трудность содержания станков в чужой отдаленной волости, рассказывали, как в 1756 году купец Журавлев взял 3 мирских подводы и как в пути ямщик «коня нашего нароцкого утопил. И мокрого он, купец Журавлев, ямщика послал с пустоплесья до Чюи в мокрой лопоте, верст с 40, и он замерз до смерти». Далее они сообщают, что ежегодно у них до 20 лошадей уходит безвозвратно в пределы Якутского уезда, что на содержание своих 10 станов они затрачивают по 650 пудов хлеба в год, «кроме 1½ станцев, на которые выходит по 200 пудов». Крестьяне ссылаются и на трудную работу по сплаву, на дачу лоцманов, работных людей на суда (до 80 человек в год), на дальний летний разгон до Олекминского острога, за 974 версты, и заключают: «и содержать их (1½ станции) никои дела впредь невозможно». Воевода Андреев велел вернуться к порядкам, существовавшим до 1744 года, но крестьяне Витимской слободы Якутского уезда не подчинились его распоряжению (Фонд 75, арх. № 2199, лл. 214-217, 231-235, 241-250).

В свою очередь витимские и пеледуйские крестьяне послали выборного жаловаться на самовольный отзыв ямщиков чечуйскими крестьянами со спорных станков под ложным предлогом, что там ямщину могут держать якуты (Фонд 75, арх. № 2280, лл. 373-375; 1757 год).

Так как спор между чечуйскими и пеледуйскими крестьянами касался двух уездов, Илимского и Якутского, то в разрешении его приняли участие обе воеводских и иркутская губернская канцелярии.

Чечуйские крестьяне, имевшие длительный опыт ведения мирских дел всей волостью, представили в марте 1768 года обстоятельную ведомость о их затратах на подводную гоньбу «от порубежного места» (Вохминского луга) до Олекмы, Витима и Пеледуя с 1744 по 1762 год. Они включили сюда и рабочих, и «вожей», обслуживавших казенные барки, и разгон подвод под грузами и ездоками, и «вожевые подводы», т. е. лошадей, занятых на тяге барок. Они указали точное время прохождения подвод, пункты, до которых они шли, число рабочих и лоцманов и рассчитали стоимость всех этих затрат по плакатным ценам.

За 19 лет всех расходов по переброске людей и грузов до Витимской и Пеледуйской слобод, а также до Олекминского острога набралось по казенной расцепке на 7862 руб. 30 коп. (фонд 75, арх. № 3104, лл. 1-344).

Опор крестьян двух волостей разных уездов был разрешен посредством поселения на безлюдных берегах Лены особых посельщиков из ссыльных на 16 станках.

Впрочем, еще несколько лет, пока не обжились посельщики, чечуйские крестьяне держали 56 лошадей на Чудском и Коршуновском станках, киренские крестьяне 12 лошадей на Частых островах и в Воробьевском станке, криволицкие крестьяне 18 лошадей в Курейском станке (фонд 2, арх. № 146, л. 574).

С 1758 года установился следующий порядок привлечения волостей Илимского уезда к содержанию в Илимске ямского разгона: Нижне-Илимская, Ново-Удинская, Братская, Яндинская и Карапчанская волости должны были, как и прежде, высылать ежегодно в Илимск своих представителей и там нанимать ямщиков «считаясь между собою по тяглам и землям». Три ленские волости — Тутурская, Криволицкая и Киренская — были обязаны доплачивать первым пяти волостям по 100 рублей в год, а Верхне-Илимская и Барлукская — по 2 рубля с тяглой десятины. Чечуйская волость, с ее дальними перегонами в пределы Якутского уезда, от содержания ямской гоньбы по Ленскому и Ангарскому волокам была освобождена совсем.

Ежегодно для расчетов между волостями и для найма ямщиков на предстоящий год в Илимск должны были присылаться выборные (фонд 75, опись 2, арх. № 960, лл. 30-31).

Когда воевода Шарыгин рассорился со своим товарищем «с приписью», то последний оружием своей защиты избрал обвинение Шарыгина в незаконных расходах и в увеличении сборов на ямскую гоньбу. В доказательство он привел данные о величине платы деньгами и хлебом с тяглой десятины по 7 волостям за 1758-1764 годы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1037, л. 13).

Конечно, если бы «с приписью» обладал большим опытом в статистических подсчетах, он не допустил бы некоторых пропусков, уменьшавших доказательную силу его цифр.

Все же можно по его данным вычислить, что в среднем с крестьян 7 волостей собиралось в год по 586 руб. денег (5 руб. 12 коп. на тяглую десятину) и по 501 пуду хлеба (4,6 пуда на тяглую десятину), т. е. примерно в 3 раза больше, чем разрешалось указами.

Еще раз съехались в Илимск выборные от волостей, чтобы решить, кто какую долю подводной гоньбы по Ленскому и Ангарскому волокам возьмет на себя на 1771 год.

С илгинских крестьян было убавлено 11 тяглых десятин из 31 десятины, так как они платили «в подмог» илимским ямщикам и подряжали ямщиков в Усть-Кутском остроге. Орленские и тутурские крестьяне согласились гонять в Усть-Кутском остроге с 10 тяглых десятин каждая волость, но с тем, чтобы не платить илимским ямщикам. Крестьяне Усть-Кутского острога приняли на себя 20 десятин (за 10 десятин стали гонять орленские, за 10 — тутурские, за 20 десятин — илгинские крестьяне). Криволуцкая волость до этого платила «в подмог» илимским ямщикам по 26 руб. 70 коп. в год. Но так как «в разсуждении отягощения чечуйских крестьян и что они против всего Илимского ведомства станциями и подводами отягощены», то криволуцкие и киренские крестьяне освобождались от взносов денег в Илимск и должны были гонять с 12½ десятины каждая волость, а чечуйские крестьяне — с 25 десятин.

Кроме того, было решено набавить на крестьян Братского острога к 22 десятинам еще 13, так как они в течение 6 лет были освобождены от доплат в Илимск. На Барлуцкую слободу тогда же накинули к прежним 3 десятинам еще 4 десятины. Крестьяне Верхне-Илимской слободы могли выбрать одно из двух: или гонять самим в Илимск (с 6 десятин), или доплачивать илимским ямщикам.

Волости, на которые падала обязанность разгона по Ангарскому волоку, должны были прислать в Илимск выборных для решения вопроса: будут ли крестьяне сами, своими силами вести гоньбу или наймут подрядчиков. На этом же совещании было решено привлечь к подводной гоньбе разночинцев и посадских, имеющих пахотную землю (Фонд 75, опись 2, арх. № 1239, лл. 58, 60).

В другом деле (Фонд 75, арх. № 3199) имеются подробные

расчеты, сделанные на этом съезде крестьян по уравнению подводной гоньбы. В основу расчетов были положены: действительный разгон подвод за 1769 год, число душ муж. пола по каждой волости и число тяглых десятин.

Тогда в 14 волостях числилось 9272 души муж. пола. Всего было дано крестьянами в 1769 году 612,9 тысячи подводверст.

Считая одну подводверсту по 1 копейке, можно вычислить, что на 100 душ муж. пола приходилось расходов по подводной гоньбе до раскладки 5 руб. 93 коп., после раскладки — 6 руб. 75 коп.

Из приведенных справок видно, какая тонкая работа была проведена крестьянами по определению доли каждой волости в ямском разгоне.

Крестьяне, несмотря на кропотливый разбор всех условий разгона подвод от Илимска, понимали, что остается неясность в неподдающихся точному определению долях каждой волости по общеуездному разгону. Поэтому они вскоре отказались от расчисления подвод по тяглым десятинам.

Уже в договоре на 1775 год с ямскими подрядчиками крестьяне стали определять долю каждой волости прямым показателем — числом нанимаемых лошадей. «Лета 1775 года февраля в двадесят семьй день» Козма Щегорин («ведомства города Илимска городовых крестьян», т. е. мещанин) и крестьянин Нижне-Илимской слободы Тимофей Панов подрядились у выборных «ото всех крестьян» 8 волостей держать в разгоне 28 лошадей, с оплатой за каждую лошадь по 34 рубля в год, всего за 952 рубля. На душу муж. пола приходилось несколько менее 20 копеек в год. Колебания этих затрат по волостям были не очень значительны; во всяком случае, крестьянам удалось ликвидировать громадную неравномерность в затратах отдельных волостей и сильно упростить все расчеты. Крестьянам Нижне-Илимской и Верхне-Илимской волостей ямская гоньба по волокам обходилась теперь по 20 копеек на душу муж. пола. Карапчанской, Яндинской и Кежемской — по 22-24 копейки, Братской и Ново-Удинской — по 16-17 копеек и Барлукской — по 13 копеек в год.

Ямщики Щегорин и Панов взялись гонять подводы «со отправляющимися от илимской воеводской канцелярии нужнейшими делами и за отвозом казны... также куриеров и протчих же... посыльщиков». Из 28 лошадей они согласились употреблять 14 лошадей под «грудные» подводы. Если бы потребовалось выставить сразу более 28 лошадей, то крестьяне обязывались давать сверх договоренного числа свои подводы (Фонд 2, арх. № 65, лл. 1-6).

Создание станций на всех больших дорогах постепенно делало ненужной громоздкую систему подводной гоньбы, руководимой под надзором воеводских канцелярий крестьянскими мирами.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЧТОВЫХ СТАНЦИЙ

С 30-х годов XVIII века по Сибири проводятся казной широкие мероприятия по созданию регулярного почтового движения: определяются почтовые станции, устанавливается число лошадей для каждой станции, измеряются расстояния между станциями.

Первым организатором почты в Восточной Сибири был знаменитый Беринг. Согласно сенатским инструкциям ему поручалось учредить почту от Томска через Красноярск до Иркутска. За отсылку частного письма вводилась плата. Например, письмо, отправленное из Тобольска до Москвы, оплачивалось по 12 копеек за золотник, от Тобольска до Томска — по 6, до Енисейска — по 10, до Иркутска — по 15, до Камчатки — по 30 копеек.

Иркутская провинциальная канцелярия в августе 1734 года обязала илимского воеводу Игумнова расписать почтовые станы в пределах Илимского уезда. Вскоре такие станы были учреждены по двум направлениям: 10 станов от Илимска через Ангарский волок и далее вверх по Ангаре до Балаганского острога, на протяжении 498 верст и 22 стана от Илимска через Ленский волок и далее, вниз по Лене до Витимского погоста, на протяжении 1053 верст.

Средняя скорость движения между станами устанавливалась в 7 верст за час. Жители каждого стана должны были содержать 4 лошади, предназначенные исключительно для перевозки почты.

Расписание движения, например, по направлению Илимск — Балаганск строилось следующим образом:

От Илимска до зимовья близ Черной речки, 60 верст, почта должна была проходить за 9 часов, далее, 60 верст до зимовья «над речкой Витимом» (нужно — Видимом) — за 9 часов, 55 верст до Мамырской деревни — за 8 часов, 37 верст до деревни Громовой — за 5 часов, 57 верст «до Верхнева Баяну» — за 8 часов, 55 верст до деревни Горячкиной — за 8 часов, 35 верст до деревни Барановой — за 5 часов, 33 версты до Яндинского острога — за 4 часа, 46 верст до деревни Минеевой — за 7 часов и, наконец, 60 верст до Балаганского острога — за 9 часов. Все расстояние от Илимска до Балаганска — 498 верст. Почта должна была находиться в движении 3 суток, «да на выпряшку и перемену 12 часов»; всего почта могла затрачивать на этот путь 3½ суток. В другую сторону от Илимска, до Витима, т. е. расстояние в 1053 версты 100 сажень, почта должна была пройти, считая и остановки, за 8 суток 21 час (Фонд 75, опись 2, арх. № 129, лл. 139-143).

В том же 1734 году составляется расписание 29 станов от Енисейска до Илимска на протяжении 996 верст, которые почта должна была проходить за 6 суток 8 часов. От Илимска до

Иркутска через Балаганск расписывается 16 станов на расстоянии 708 верст, которое почта должна была пробегать в течение 4 суток 21½ часа. Наконец устанавливается направление Илимск-Витим-Якутск, протяжением в 1729 верст 100 сажень (снова курьезная «точность»), на котором располагается 28 станков. Здесь для прохождения почты давалось 14 суток и 2 часа. Значит, Илимск связывался почтовыми дорогами в трех направлениях: на Енисейск, на Иркутск и на Якутск. Общее протяжение всех дорог составляло 3433 версты. На всех трех дорогах устраивается 73 стана, на которых должны были находиться 292 лошади. Расстояния между станами колебались в значительных границах: в обжитых местностях путешественник останавливался через несколько десятков верст, а по Якутскому направлению, где дорога часто шла «пустым местом», мог передохнуть лишь после двухсотверстного пути (Фонд 75, опись 2, арх. № 175).

Так же как и ямская гоньба, содержание почтовых разгонов возлагалось на крестьян, за что они получали от казны определенную сумму средств. Крестьяне должны были или гонять почту от станка к станку по очереди, или подряжать особых ямщиков. Так, в январе 1735 года два выборных крестьянина Кежемской слободы сообщили в Илимск, что крестьяне учредили «во всем Кежемском присутствии... 4 станка», на которых будут содержать 4 лошади «повсякчасно», считаясь между собою по очереди (Фонд 75, арх. № 557, л. 34).

Широкие организационные работы по установлению почтовых станов в Илимской уезде развернулись с января 1736 года. Из Иркутска приезжает сын боярский Чемесов и налаживает гоньбу в Братском остроге, где крестьяне выбирают «для отправления подвод» односельчанина. Отказалось, что на Черной речке, где предполагали поставить станок, никаких построек не было: «жила никакого не имеетца, стало быть пустое место». Объявляются торги на постройку там зимовья.

Строительство почтовых станов на Московской дороге, видимо, затянулось, так как еще в 1743 году иркутская провинциальная канцелярия писала в Балаганск и Илимск, чтобы они кликнули охотников строить станки «от Красноярска, в самых пустых местах, где де никакого жительства не имеется, до Канского острогу, до Тулуну, також и до Иркутска» (Фонд 75, опись 2, арх. № 356, лл. 8-10).

В августе 1743 года пришло в Кежемскую деревню на реке Оке распоряжение иркутской провинциальной канцелярии о создании по Большой Московской дороге станций от Красноярска до Иркутска через каждые 30 верст.

На станциях должно было находиться по 24 лошади. Провинциальная канцелярия предлагала создать станции «по согласию тамошних жителей, не токмо из ближних, но и из даль-

них всех мест», так, чтобы при станциях имелись пашни, сенокосы и «способная вода». Поселяющиеся крестьяне освобождались от оброков за выделяемую для них землю. Провинциальная канцелярия велела в заключение опросить крестьян, не пожелают ли они поселиться на станциях (Фонд 75, арх. № 1125, лл. 99, 107).

Балаганская канцелярия, которой было поручено устроить почтовую станцию Зиму, писала в 1744 году в Яндинский острог: «...велено по Московской проезжей дороге учредить станции... Ежели хто пожелает охотою... А охотников не будет, то взять в неволю». Правда, угроза оказалась напрасной, так как нашлось 4 крестьянина, беломестный казак и разночинец, которые изъявили желание переселиться на станцию Зиму, но все же угрозы являются знаменательными (Фонд 75, арх. № 1223, л. 4).

В других случаях крестьяне сами просили учредить станции, чтобы упростить расчеты с соседними волостями. Выборный Илгинского острога обратился с просьбой к иркутскому вице-губернатору Лоренц Лангу о создании в Орленской слободе особой станции и выразил желание крестьян производить между этими волостями расчеты «против записи 7204 году». Когда-то, в 1696 году, между этими волостями было заключено соглашение о порядке подводной гоньбы. Теперь крестьяне пожелали восстановить старинные отношения (Фонд 75, опись 2, арх. № 516, лл. 1-2).

Опыт учреждения станций на Московской дороге с поселением там крестьян-ямщиков переносится в 1753 году на Якутскую дорогу, которая начиналась от Тулунской деревни. На каждой станции предполагалось держать по 30 лошадей. Крестьяне получали на станах пашню и сенокосы в бесплатное пользование, а также освобождались «от всяких мирских поделок и служеб». 15 крестьян Усть-Илгинской деревни выразили пожелание «в той Усть-Илгинской деревне держать ямской станец и подводы гонять междворные и почтовые, едущие из Москвы в Якутск по новоучрежденной дороге и обратно, из Якуцка в Ыркуцк и в Москву почты и всякие команды, в 3 дороги, ям от яму чрез 30 верст». Это были преимущественно зажиточные многолошадные крестьяне, у которых числилось 124 лошади. Но они осторожно заявили, что выставят 14 лошадей, из них двое согласились участвовать «в половина лошади» (Фонд 75, опись 2, арх. № 664, лл. 5-6).

Для заведования почтовым делом в губернии определяется особый почтмейстер. Временно эту должность исполнял сын боярский Кондратов, которому губернатор Бриль дал 16 ноября 1767 г. наставление о приеме партикулярных писем для отправки в Кяхту, Селенгинск, Нерчинск, Илимск, Якутск, Охотск, Камчатку, Тобольск, «даже и до Москвы» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1202, лл. 6-7).

С образованием Киренского уезда изменились границы бывшего Илимского уезда, часть волостей ушла из его состава. В 1779 году усть-киренская воеводская канцелярия производит роспись 36 станков по Лене, на каждом из которых должны были находиться по 6 лошадей, а в нижних ленских волостях — по 12 лошадей. Каждой волости было дано несколько таких станков. Разгон по Ленскому и Ангарскому волокам потерял к этому времени почти всякое значение (Фонд 2, арх. № 310, лл. 55-57).

Иркутское наместническое правление указом 8 июня 1784 г. установило новый список станций по дорогам Киренского уезда. Через г. Киренск с этого времени дважды в месяц, 1 и 16 числа, проходила почта из Иркутска в Якутск и обратно, для чего требовалось 2 лошади, находившиеся в распоряжении городничего. Для разгонов по подорожным держалось 4 лошади с 2 проводниками. Гоньбу эту вели крестьяне Кривоуцкой слободы и Макаровской экономической волости, нанимавшие ямских подрядчиков. Подводы от Киренска ходили по трем направлениям: вверх по течению Лены за 7 верст, до Кривоуцкой слободы, вниз — «за 20 за 4 версты», до Алексеевской деревни и по реке Киренге за 9 верст, до деревни Юксеевской.

На станке имелось зимой «двои сани, летом двои роспуски и две лодки, крытые, подъемом в 50 и 100 пудов». Прогонная плата поступала ямским подрядчикам, а почта пользовалась подводами бесплатно. Ямщики обязаны были делать проезжающим «вспоможение... со оказанием благопристойности». Общее руководство ямской гоньбой возлагалось на нижний земский суд (Фонд 9, арх. № 2, лл. 117-121).

Киренский земский исправник направляет 31 октября 1784 г. наставление мирским избам о правилах ямской гоньбы. Это наставление нужно было вывесить на дверях тех изб, где отдыхали проезжие. Начинается оно требованием брать с проезжих деньги вперед, в противном случае подорожные следовало задерживать и сообщать об этом земскому исправнику, или нижнему земскому суду. Пользоваться ямскими подводами без подорожных запрещалось. Казенные грузы должны были перевозиться на наемных подводах, а не на ямских. Проезжий мог везти с собой бесплатно не более 10 пудов клади, за каждые лишние 5 пудов взималась доплата в размере прогонов за особую лошадь. За лошадей, взятых сверх подорожных, бралась удвоенная плата (это показывает, насколько низки были казенные расценки за гоньбу). Проезжавший не мог держать подводу более суток. Почту, курьеров и нарочных надлежало «весть с возможною скоростию, безостановочно, в самом лучшем беге лошадей, без огурничества и упрямства»; чиновных господ «везть с прямой рысью конскою, без скаку и излишней натуги лошадям», по 8 верст в час при доброй дороге; прочих

проезжих возить со скоростью 5-6 верст в час, «без крайнейшей натужности, ибо таковым в сутки довольно полагается на угон до 120 верст». Виновных ямщиков и «очередных крестьян» следовало наказывать при отпуске со станка. На обиды «доносить со справедливостию и ожиданием удовлетворения» (Фонд 9, арх. № 4, лл. 578-579).

До 1795 года сохранялось распределение 57 ямских станций Киренского уезда: каждая волость «оганивала» свои станции и, кроме того, нередко содержала станки в других волостях. Например, Нижне-Илимская волость имела в своих границах 8 станков и содержала за свой счет Частинской станец, лежавший по Лене более чем в пятистах верстах от Нижне-Илимской слободы. Она же держала разгон в Мукском зимовье, лежавшем за 150 верст от центра волости.

Но при таком распределении «станцев» между волостями не устранялась неравномерность тягот, падавших на крестьян разных волостей. Поэтому были сохранены денежные доплаты одних волостей другими, «в подмог». Больше всех получали таких доплат крестьяне Чечуйского острога: от 5 волостей им ежегодно поступало 732 рубля (Фонд 9, арх. № 167).

Это расписание станков с 1 мая 1795 года было изменено по просьбе некоторых волостей, в особенности Чечуйской, специальным указом иркутского наместнического правления.

Всего устанавливалось в пределах Киренского уезда 63 станка, на каждом из которых должно было находиться по 18 лошадей. Лишь на самых отдаленных станках, с малым разгоном подвод, содержалось по 4-6 лошадей. Всего по уезду на гоньбе участвовало 648 лошадей.

В самом конце XVIII века правительство издает указ о взыскании при выдаче подорожных по 1 копейке за версту и лошадь. Это давало казне возможность оплачивать ямщиков на важных дорогах из своих доходов.

Полный переход всего почтового дела по империи в руки государства производится лишь в конце XVIII века согласно именному указу от 19 января 1797 г.

Создаются особые учреждения: главное почтовое правление, московский императорский почтамт, по губерниям — почтовые конторы, а в уездах — почтовые округа. Все станции переходят в ведение почтового правления. Иркутский военный губернатор фон Трейден предложил в 1800 году Киренскому нижнему земскому суду дать ему список почтовых станций по уезду. Иркутское губернское правление рассылает на места различные формы отчетности и примерный план постоянного двора. Для приема почтовых станков из иркутской губернской почтовой конторы посылаются в Киренск почтальоны. С 1800 года в Киренском уезде, от Усть-Кутского острога до Витимской слободы действует 28 почтовых станций. На каждой из них со-

держится по 8 лошадей для перевозки почты и проезжающих и 4 лошади для курьеров (Фонд 9, арх. № 224, лл. 31-33).

С этого времени крестьяне Киренского уезда содержат почтовые станки, получая плату от казны, а подорожные деньги поступают в казначейство.

Каждая волость содержит почтовые станки, находящиеся в ее пределах. Староста и крестьяне Макаровской экономической волости в марте 1800 года дали сведения о порядке несения почтовой гоньбы по двум станциям. На Макаровском станке содержится 12 лошадей, цена каждой 35 рублей, общая их стоимость 420 рублей; 12 хомутов по 3 руб. 50 коп. стоят 42 рубля; 12 потников — 24 рубля; 6 седелок — 3 рубля; 12 седел — 42 рубля; 12 узд — 7 руб. 20 коп.; 6 дуг — 60 копеек; «шестеры возжи шерстёные» — 3 рубля; «на пристяжку веревок» 4 пуда — 12 рублей; «на завер[т]ки веревок» 1 пуд — 3 рубля; 2 лодки «набойницы крытые» — 24 рубля; к ним две бечевы — 4 рубля. Плата 6 ямщикам по 35 рублей в год обходится обществу в 210 рублей. Выходит «на прокормление» ямщиков по 30 пудов ржи каждому, всего 180 пудов на 90 рублей. Сена лошадям требуется ежегодно 600 копен на 300 рублей (на лошадь 50 копен, или примерно 300 пудов в год); овса по 35 пудов на лошадь, всего 420 пудов на 168 рублей. Две «полсти» стоят 7 рублей, 6 кибиток — 18 рублей. Итого, все годовые расходы по содержанию Макаровского станка, без стоимости лошадей, крестьяне определили в 937 руб. 80 коп. и были согласны за эту сумму гонять почтовую гоньбу. Содержание другого станка «Рёбрышка» крестьяне оценили в 468 руб. 55 коп. Кроме того, они выстроили почтовый двор, который «кочтует обществу» ежегодно в 250 рублей. Наконец, исправление моста через р. Макарову стоит 20 рублей в год (Фонд 9, арх. № 228, лл. 8-9).

Такие же расчеты стоимости содержания почтовой гоньбы были сделаны крестьянами остальных 9 волостей. Крестьяне соглашались вести почтовую гоньбу за плату из казны по определенным ими суммам затрат (там же, лл. 11-26).

В XVIII веке казна, одновременно с созданием станций на дорогах, проводит работы по измерению расстояний на главных дорогах.

В 1736 году измерение вел в Илимском уезде сын боярский Торопов. Для этого ему была дана веревка в 50 сажень длины. Он должен был измерять дорогу и с помощью разночинцев ставить столбы «и на них надписи (делать) цыфирными словами: острог от острогу и слобода от слободы и деревня от деревни, дабы во все стороны по тем столбам версты были знатны». У Торопова имелся примерный рисунок столба. Ему было приказано «для страдного времени крестьян не брать и никакого им помешательства в их страдном времени не чинить». Ему же вменялось в обязанность устраивать почту на

станках. Из илимской воеводской канцелярии Торопову были даны в помощь 2 служилых человека, 2 посадских и 2 ямщика. Всего Торопов намерил от Иркутска через Балаганск, Мамыр на Илимск 577 верст 68 сажен. В том же году на другом конце Илимского уезда служилый человек «верстомер» Бекетов ставил столбы от деревни Иванушковой до Сполошенского погоста (Фонд 75, арх. № 615, лл. 40—71, 205). Он прошел от Илимска до деревни Иванушковой, т. е. до последней деревни Илимского уезда на Лене, затем направился «пустым местом до Частых островов... до щек» и добрался до «Курейской деревни она ж и Шелагинская» Якутского ведомства. Всего на его пути лежало 69 селений и зимовий, а намерил он 684 версты 250 сажен (фонд 75, опись 2, арх. № 215).

Везде он ставил верстовые столбы, «мерую от земли вверх в 2 сажени», кроме некоторых мест, где был сплошной камень: «понеже имеютца великие утесы и каменя близ Лены реки». Но и в этих случаях делались надписи «цыфирными словами» на стоявших у дороги деревьях.

Постановка верстовых столбов возобновилась в 1768 году. Из Иркутска присылается в Илимск подобающий указ с приложением «плана» столба. По этому плану в Илимске изготавливается образцовый столб. Служилому человеку дается измеренная казенным аршином веревка длиною в 10 сажен, и он отправляется в дальнюю дорогу. На столбы было велено «полагать надпись и под той надписью число верст сделанными железными (железинами?), нажигая словами и цыфирными литерами: на одной стороне — сколько от города Иркутска, а на другой — сколько ж до Иркутска верст». Посланный служилый человек поставил от Илимска до деревни Клепиковской Иркутского уезда 358 столбов. Всего же от Илимска через Ангарский волок и по Ангаре до Иркутска было намерено 568 верст 200 сажен, от Енисейска до Илимска — 1051 верста (Фонд 75, опись 2, арх. № 1171, лл. 32-51).

ЧИСТКА ВОЛОКОВЫХ ДОРОГ

Кроме гоньбы на волоках и по проселочным дорогам, илимские крестьяне вели многие дорожные работы. Одни из них производились более или менее постоянно, другие — по разным особым случаям. Например, в Илимск ожидался иркутский вице-губернатор Жолобов. К его приезду илимская воеводская канцелярия решила привести в проезжее состояние дорогу Ангарского волока и послала в июле 1731 года служилого человека по волостям, чтобы он нарядил пашенных крестьян по одному человеку с десятины «для прочищения на Ангарском волоку новой дороги. А где имеютца грязи и весьма топи, то велено мостить мосты» (Фонд 75, опись 2, арх. № 89). Упоми-

наемые воеводской канцелярией десятины означали прежнюю десятинную пашню, которая к этому времени совершенно исчезла, но нередко выступала в качестве измерителя, по которому развёрстывались разные крестьянские повинности.

Приказные избы Илгинского острога и Ново-Удинской слободы в 1732 году поделили чистку дороги пополам. По указу илимской воеводской походной канцелярии им поручалось дорогу между этими двумя селениями расчистить так, чтобы проезжая часть была «поперешнику 3 сажени», а вычищена «по достоинству» (Фонд 75, опись 2. арх. № 108).

Чистка Ленского волока производилась много раз. Например, в 1736 году, в связи с учреждением почт, илимский служилый Бекетов направляется согласно указу воеводской канцелярии с 6 посадскими и разночинцами «до Избушечного зимовья, и на оном волоку дороги и мосты осмотреть... описав... расчистить, починить». Зимовщика обязали чистить дороги и починять мосты от его зимовья до Муцкого плотбища (Фонд 75, опись 2, арх. № 209).

Чистка Ангарского волока производилась жителями Братского острога на участке Мамырь-Черная речка; другая половина волока, от Черной речки до Илимска, велась жителями этого города. В июне 1740 года воеводская канцелярия велела приказчику Братского острога выделить 30 крестьян и разночинцев и отправить их под надзором двух служилых людей на починку пути по Ангарскому волоку: «где лесом дорогу завалило разчищали [б] неленостно, а в худых местах, а имянно чрез речки... также и по ручьям... велеть сделать мосты добрым и крепким мастерством» (Фонд 75, арх. № 926, л. 92).

Приказчику Усть-Кутского острога илимская воеводская канцелярия послала 13 октября 1746 г. следующее распоряжение: «Понеже по известию... чрез Ленской волок лесом завалило... велеть нарядить пашенных крестьян для чищения помянутой дороги... чрез Каямоновский волок до Муцкого плотбища». Для руководства работой приказчик должен был определить какого-нибудь отставного плотника (Фонд 75, опись 2, арх. № 424).

Довольно большие, но нерешительно и не до конца проведенные работы по чистке Ангарского и Ленского волоков были предприняты илимской воеводской канцелярией в 1757-1758 годах на основании указа Сената от 5 января 1754 г. о приведении дорог в исправное состояние (Фонд 75, арх. № 2277, лл. 1-71).

По распоряжению воеводской канцелярии Илимск должен был выставить 8 рабочих, Верхне-Илимская волость — 10, Нижне-Илимская — 25, Братская — 30, Усть-Кутская — 20 человек. Кроме того, к работам привлекалось все население, жившее на обоих волоках. Каждая из этих дорог была поделена пополам с тем, чтобы чистить их одновременно с двух концов. На каж-

дый из четырех полученных таким образом отрезкой назначается «для смотрения» служилый человек.

Приказчик Усть-Кутского острога так доносил о выполнении этого указа: «вычищено по тридесятое число... шириною по пять сажень, а в нужных и тесных местах по 4 сажени... А расстояние от Куты реки вычищено в хребет на 10 верст» и поделаны мосты. Он же вскоре писал, что «На Ленском волоку чрез Каемонов камень до Купы реки... очищено на 4 версты», а на топких местах поделано 15 мостов, общей длиной в 41½ сажени. Дороги чистились шириной не в 5, как писали в указах, а в 4 сажени. «Пятую сажень» крестьяне обещали расчистить после окончания страды.

Собрав все сведения о приведении волоковых дорог в проезжее состояние, илимская воеводская канцелярия в июле 1758 года решила: «велеть... для нынешнего хлебопашества от чищения той дороги быть свободным, а велеть оную исправу... по свободности от той их крестьянской деловой страдной поры... дочистить после снятия с поль хлебов, шириною в 4 сажени. А шире того, для их собственных работ, от чищения уволить».

Такова обычная картина работ по исправлению главных дорог Илимского уезда.

Вероятно, так же шли работы и по всей Сибири, ибо осуществлялись они по одним и тем же указам и одинаковыми казенными способами. До Илимска дошел указ Сибирского приказа, препровожденный из Иркутска в январе 1760 года: «имеющиеся по Сибирскому до Китайской границы тракту, начиная от уезду Соли-Камской... к Ыркутску и к Кяхтинскому форпосту о проезжей большой дороге неспособные и вовсе для проезду негодные места, а чрез речки обетшалые мосты и на болотах и мокрых местах гатей... привести в исправность» (Фонд 75, арх. № 2551, л. 1).

В силу этого указа 36 крестьян Усть-Кутского острога вновь выехали чистить Ленский волок до Муцкого зимовья (Фонд 75, опись 2, арх. № 918, л. 12).

Можно отметить, что печатным указом Сената от 5 мая 1761 г. предписывалось большие проезжие дороги «держатъ шириною 10 сажень», а в полевых проселочных местах и к рекам для водопоев — по 3 сажени (Фонд 75, опись 2, арх. № 920, лл. 2-3). Поэтому и из Илимска стали слать в волости указы о чистке волоков на 10 сажень ширины.

Одновременно с работами на Ленском волоке в 1762 году велось упорядочение Ангарского, а также всех второстепенных волоков: Игирминского, Илгинского, Кочергинского и Барлукского.

Воевода Ходыревский произвел в 1771 году разверстку рабочих на починку всех волоков, взяв за основу число душ по

3-й ревизии и длину и состояние каждого волока. Для чистки дорог, исправления и постройки мостов, а также для упорядочения волоков он дал следующее задание, отраженное в таблице 81.

Таблица 81

Название волоков	Их протяженность, верст	Назначено рабочих	Рабочих на 100 верст
Ангарский	103	142	138
Ленский	143	165	115
Криволуцкий (Заборский)	69	19	28
Илгинский	77	62	80
Тутурский	20	25	125
Игирминский	22	22	100
Кочергинский	30	42	140
Барлукский	140	52	37
Итого	604	529	88

Число рабочих соответствовало примерно трудности починки каждого волока (Фонд 482, арх. № 46, лл. 52-53).

По третьей ревизии душ муж. пола в Илимском уезде числилось 12299 крестьян и разночинцев. Значит, один рабочий наряженный на чистку волоков, выделялся от 232 душ.

Ходыревский привлек к дорожным работам также тех посадских, которые не имели торгов. Рабочие на дороги высылались с «топорами, долотами и протчими к тому принадлежностями». На каждые 10 человек выбирался десятник. К такому десятку придавалась, не менее как на 1 месяц, лошадь для вывозки бревен из леса. Для надзора над рабочими воевода послал 7 казаков и солдат (Фонд 75, опись 2, арх. № 1317, лл. 29-30).

Волоки, названные в таблице, проходили так:

Ангарский — от Илимска до деревни Большой Мамырской; Ленский — от Илимска до Усть-Кута, там же вдоль реки Куты шел бечевник; Криволуцкий, он же Заборский — от Криволуцкой слободы до Полоротовской деревни; между этими селениями Лена делает большой извив, поворот, причем по берегу шел кружным путем бечевник на 60 верст, а прямой путь волоком составлял всего 9 верст; Илгинский — между Илгинским острогом и Ново-Удинской слободой, практически — между деревнями Федоровской и Мамруковой; Тутурский соединял Илгинский острог с Тутурской слободой и шел от деревни Нижне-Слободской на Лену, до деревни Рудых; Игирминский (писали

«Игирменской») — от Илимска до деревни Вологжанской берегом реки Илима и сверх того, до деревни Прокопьевской вдоль той же реки на 8 верст; Кочергинский — от Подволочного зимовья на Ангаре до деревни Кочергинской на реке Илеме, дорога была тогда и остается до сих пор очень тяжелой; Барлукский соединял Братский острог с Барлукской слободой, но практически начинается не от Братского острога, а от деревни Варгалицкой на реке Ие (там же, л. 31). Тунгусский волок, соединявший Лену и Нижнюю Тунгуску, до конца XVIII века почти не использовался.

Попытка воеводы Ходыревского привлечь посадских к подводной гоньбе и чистке дорог встретила с протестом илимской ратуши. Чтобы подкрепить свою жалобу на воеводу, ратуша сообщала, сетуя на судьбу посадских, что они «от постройки рогаток в городе Илимску и рогатошного караула», введенного Ходыревским, разорились, что воевода запретил жителям складывать сено во дворах, а отвел для этого место на другом берегу реки Илима, что будто бы Ходыревский говорил посадским «похвальные» слова: «так де буду с вами поступать хищною рукою, яко волк на овец». Вся эта смесь правды и лжи поступила в иркутский магистрат, и последний просил расследовать виновность воеводы. Так и не удалось привлечь посадских, даже не имевших торговли, к дорожным работам (там же, лл. 36-44).

Ходыревского поддержал только воевода Черемисинов, сменивший неудачного предшественника, но и он не мог переложить на посадских ни малейшей части тех тягот, которые лежали на плечах крестьян.

ПРОВОДКА СУДОВ ЧЕРЕЗ АНГАРСКИЕ ПОРОГИ

Путь через главные Ангарские пороги, лежавшие ниже Братска, доступен только для мелких судов и только при низкой воде при условии, что суда проходят с участием местных лоцманов — «вожей», людей знающих, осторожных и решительных.

Поэтому к вождению судов еще в XVII веке допускались только некоторые крестьяне, поселившиеся возле самых опасных порогов.

Но случалось, что суда разбивались, если «вожи» терялись в решительное мгновение или допускали оплошность. Так, 10 октября 1732 года разбило барку на самом спокойном пороге — Похмельном (теперь он называется Братским) (Фонд 75, опись 2, арх. № 121, л. 161).

Опытные и добросовестные водители судов через пороги очень ценились, и казна давала им разные льготы.

В делах илимской воеводской канцелярии нет никаких документов, которые освещали бы технику проводки судов через Ангарские пороги. Все, что касается судовождения на порогах, относится лишь к спорам о правах «вожей» т. е. проводников или лоцманов.

На Шаманском пороге еще в XVII веке жили крестьяне Шаманские, главной обязанностью которых было давать «вожей» для проводки судов через один из опаснейших порогов. В 1706 году крестьянину Андрею Шаманскому была дана особая грамота, согласно которой он освобождался от подводной гоньбы и от поставки «пятинного» хлеба.

Сын Андрея Шаманского, Григорий, просил в 1738 году разрешения у илимской воеводской канцелярии передать дело проводки судов через пороги своему сыну и двум племянникам, так как он к этому времени был стар. Заявление было написано по-старинному, с сохранением таких выражений, которые уже исчезли к тому времени из обыденной речи: «Бьет челом Нижно-Илимской слободы деревни Шаманского порогу спускной вожь Григорей Шаманской». Можно заметить, что старик продолжал считать свою деревню в составе Нижне-Илимской волости, хотя она давно уже входила в Братскую волость. Далее он продолжает, что его отцу было «велено вашего императорского величества казну на дощаниках с денежными и с винными и и ис Китайского государства и купецкими казнами и с работными людьми, которые ходят в Китайское государство и ис Китай к Москве, с порога спускать». Он владел пашней «на Митюшкине острову» между Шаманским и Долгим порогами и платил только десятинный хлеб. О сыне и племянниках он отозвался так: «в вожах быть годны и спускать всякия суда в пороги умеют» (Фонд 75, арх. № 829, лл. 60-61).

Внуки Шаманского просили в 1741 году подтвердить их особые права. Иркутская провинциальная канцелярия 27 января того же года решила: «пятинного» хлеба с Шаманских не брать, освободить от работ в Камчатской экспедиции, «подвод с крестьянами не гонять» (Фонд 75, арх. № 988, л. 1465).

На другом пороге, Дубынинском, «в вожах» ходили члены большой крестьянской семьи Дубыниных. Они пользовались многими льготами, и крестьяне Братского острога не раз пытались умалить их права. Например, в 1750 году четверо Дубыниных жаловались, что крестьяне Братского острога выбрали их на сплав хлеба в Якутск и к Юдомскому Кресту. Илимский воевода Попов велел Дубыниных никуда не наряжать «для того, что оные Дубынины от иркутской провинциальной канцелярии [определены] для спуску и подъему казенных дощаников на имеющихся порогах вечно» (Фонд 75, арх. № 1706, лл. 65-67).

Спустя несколько лет выборный от крестьян Братского острога жаловался (в 1767 году) на Дубининых, что они не возят хлеб на Заларинский станец, не дают подвод, не платят мирских поборов и отказываются участвовать «во многих нароцких нуждах и в чищении дорог».

Но Дубынины предъявили приехавшему по этому заявлению служилому человеку указ иркутской провинциальной канцелярии, данный им 28 февраля 1749 г. «о бытии на том пороге в вожах». Всех Дубыниных по переписи 1769 года было 20 душ муж. пола, из них «в вожи» определены 4 человека. По мнению илимской воеводской канцелярии, было рискованно отрывать Дубыниных от работы по сопровождению судов в опасных местах, и поэтому она отказалась удовлетворить просьбу крестьян Братского острога, подтвердив только, что Дубынины должны сдавать провиант в казну (Фонд 75, опись 2, арх. № 1121, лл. 73-75).

Сведений о проводке судов в XVIII веке через Падунский порог, там, где в настоящее время идет строительство Братской ГЭС, к делам илимской воеводской канцелярии не имеется. Известно лишь, что на Похмельном, Пьяном и Падунском порогах зажиточный крестьянин Дубровин в середине XVIII века производил широкий лов рыбы, за что платил в казну крупный оброк.

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Рекруты, согласно правилам, введенным Петром I, избирались крестьянами на сходах или мирских советах. Приказчикам и воеводам запрещалось вмешиваться в крестьянские выборы. Воевода, впрочем, мог осуществлять надзор за действиями крестьянских миров, вследствие чего открывалось поле для разного рода злоупотреблений. В I и II четвертях XVIII века все избранные рекруты осматривались фискалами, которые определяли пригодность рекрута к военной службе. Окончательно решался вопрос о годности рекрута в губернском городе.

Наборы рекрутов производились по мере надобности, а не ежегодно. В военное время брали иногда 1 рекрута со 100 душ муж. пола, в мирное время могли вовсе не производить наборов. Например, в 1717-1718 годах вследствие сокращения численности резервных батальонов манифестом Петра I все «любезноверные поданные» были освобождены от рекрутчины (см., например, печатный манифест 30 августа 1717 г. Фонд 482, арх. № 89).

Если рекрут оказывался негодным, то он отсылался в свою деревню и крестьяне вместо него должны были избрать другого.

Для сопровождения выбранных рекрутов до Илимска или Иркутска крестьяне выбирали особых сопровождающих, так называемых «отдатчиков». С ними обычно выезжал и староста.

Набор рекрутов в XVIII веке всегда производился с определенного числа душ муж. пола. Например, в 1726 году на каждые 200 душ, а в 1727 году — на 305 душ муж. пола избирался один рекрут. По указу Петра II от 18 сентября 1729 года один рекрут набирался от 324 душ. В конце XVIII века нормы рекрутских наборов устанавливались на 500 душ муж. пола. Каждый рекрут получал от мира шапку, кафтан суконный, шубу, рукавицы, штаны и 2 рубашки с портами. Кроме того, полагались чирки или упоки с чулками. Изредка крестьяне вместо одежды выдавали рекрутам деньги, обычно по 5 рублей на человека.

Зажиточные крестьяне нередко откупались от рекрутчины, нанимая вместо себя добровольцев из малообеспеченных слоев деревни. Например, при наборе 1726-1727 годов крестьянин Усть-Кутского острога Зырянов нанял вместо себя крестьянского сына Унжакова, монастырский вкладчик Дорофеев вместо своего сына послал в армию другого крестьянского сына Горбунова.

В делах илимской воеводской канцелярии встречается случай перепродажи рекрутской повинности. Гулящий человек Назимов «по договору... нанялся в Ылимску у посадского человека Ивана Дьячкова в рекруцкую службу», но затем нанял вместо себя другого гулящего человека и просил воеводскую канцелярию дать согласие на такую сделку.

Воевода Петров велел допросить нового добровольца не беглый ли он солдат и «не невольник ли», где записан в подушный оклад и действительно ли желает итти в военную службу.

На допросе этот доброволец показал, что родом он из Тюмени, в рекрутах не бывал и служить желает.

Назимову выдается паспорт, а доброволец едет в Якутск. Вероятно, Назимов не без выгоды совершил описанную коммерческую операцию.

Злоупотреблений служебным положением при наборе рекрутов происходило очень много. В переписке илимского «съезжего доимочного подушного збору двора» за 1733 год (Фонд 75, опись 2, арх. № 135, лл. 75-77) имеется указ иркутской провинциальной канцелярии поручику Остякову, возглавлявшему «съезжий двор», о высылке в Иркутск приказчика Тутурской слободы Буторина за укрывательство бежавшего рекрута Аксамитова. Приказчик получил от отца рекрута взятку в 5 рублей и «быка большего», ценою в 6 рублей.

В том же году из Иркутска в Илимск поступил указ о наборе «великанов», т. е. лиц высокого роста. К указу прилагались бумажные меры «за печатями». Но в Илимском уезде, как

отвечала воеводская канцелярия, «великанов не явилось»; бесполезные меры, которыми определяли рост великанов, где-то затерялись.

В 1732 году набор производился по 1 рекруту с 288½ души, в 1733 году — с 102 душ и в 1734 году — с 169 душ. В рекруты принимались мужчины в возрасте, от 15 до 20 лет, не ниже 2 аршин 3 вершков, а в возрасте от 20 до 30 лет — не ниже 2 аршин 3½ вершков. По этим наборам Илимский уезд должен был поставить 139 рекрутов, в действительности же было поставлено 111.

В Илимском уезде числилось тогда 279 посадских, 1362 разночинца, 20 помещиковых людей, т. е. крепостных, 3997 крестьян «в расположении правианта», 1533 крестьянина «за расположением» и вновь приписанных после ревизии 30 ссыльных всего 7221 душа муж. пола.

Всем рекрутам «указное платье дано было от отцов их, братьей», но денег на дорогу не выдавалось. Поэтому иркутская провинциальная канцелярия при отправке рекрутов в Тобольск выдала им по 4 рубля «заимообразно» и велела собрать эти деньги с крестьян.

Как и при всяком наборе, в 1732-1734 годах оказалось много непригодных рекрутов. Нет сомнения, что крестьяне старались отдавать на военную службу не самых лучших работников.

Иркутская провинциальная канцелярия отпустила в 1737 году по домам 25 рекрутов, присланных из Илимска. Вот описание телесных пороков и недостатков у илимских рекрутов: обеими ногами болен; на правой ноге излом, глазами мороковат и слабо видит: в руках и ногах кости ломит и «французская болезнь» (иногда — «скорбь»); левая рука вывихнута и «ныне выставляетца»; мал, в спине излом и от того горбат и болен; тайный уд гниет; «в меру не пришел против указного числа вершков». Кроме того, оказалось дряхлых и старых 4 рекрута, с больными ногами — 9 человек и недопустимо малого роста — 2 человека. Один рекрут был «зобат».

Документы о выборах крестьянами рекрутов в 1737 году сосредоточены в особом сборнике дел (Фонд 75, арх. № 799, лл. 1-28). Можно остановиться на выборе рекрута вместо негодного в Кривой Луке (Криволуцкая слобода). Выбирали: староста, 8 десятских и 21 крестьянин. Выбор подписало 6 крестьян, что показывает значительное распространение грамотности в этой слободе по сравнению с другими волостями.

Выбранные крестьянами Усть-Кутского острога два рекрута оказались негодными. Осматривали, или «свидетельствовали», их в Илимске: «за салдата копеист Яков Гиляшев» и илимский служилый Тимофей Баженов, т. е. лица, не имевшие прямого отношения ни к врачебному ни к армейскому

составу. Воевода приговорил: негодных рекрутов отослать с указом в Усть-Кутский острог, направить туда «нарошного посыльщика на старостином коште и в том указе подтвердить имянно, чтоб впредь таких негодных не присылали и илимскую воеводскую канцелярию писчею работаю напрасно не утруждали».

Система выбора рекрутов крестьянами имела существенные недостатки: на сборные пункты поступало много лиц, непригодных к несению военной службы, нередко назначенные крестьянским обществом рекруты бежали с пути, набор сильно затягивался.

Наборы 1732-1734 годов по Илимскому уезду затянулись до 1737 года.

В те волости, откуда поступили негодные рекруты, были посланы служилые люди, которым поручалось заставить крестьян произвести новые выборы. Два казака должны были доставить рекрутов, всего 22 человека, из Илимска в Иркутск, согласно следующей инструкции:

«Будучи в пути вести оных рекрут до Иркутска опасно, чтоб з дороги куды не сошли и не збежали и у крестьян или у других чинов безденежно ни у кого ничего не брали и не грабили... А хмельного пить и картами играть — давать им не велеть и от того их унимать. А ежели слушать не будут, то наказывать их батожем».

Инструкция обязывала служилых людей, сопровождавших рекрутов, «обид и налог (им) отнюдь не чинить и ни в чем напрасно не приметыватца».

Рекруты подлежали сдаче в Иркутске под квитанцию.

Ни один набор рекрутов не проходил без инцидентов. При наборе в 1739 году Братский острог не доставил одного рекрута. Когда стали разбираться, почему так произошло, то обнаружили, что староста Беломестных укрыл от набора своего сына. По требованию приказчика Цибульского сын старосты был приведен в приказную избу, где его осмотрели и нашли годным. Тут же появился список многогосемейных зажиточных крестьян, которых староста, конечно не без мзды, освобождал от рекрутчины. В свою очередь староста раскрыл ряд служебных преступлений приказчика, а сам бежал.

Дело дошло до иркутской провинциальной канцелярии, и Лоренц Ланг приказал: Цибульского следовало бить, но так как на него поступило много жалоб, то сперва расследовать их, а потом уже наказывать. Свидетелей Цибульского — 7 человек, которые не донесли на него, — Лоренц Ланг велел наказывать плетью в Братском остроге.

В указанном году по Илимскому уезду было набрано 18 рекрутов в возрасте от 15 лет до 31 года.

Набор рекрутов в 1747 году производился «по новой ревизии», которая проходила в 1744-1745 годах. Всего по им-

перии набиралось 50000 человек, т. е. по одному рекруту с 121 души муж. пола. В указе Сената, напечатанном 31 января 1747 г., предписывалось в рекруты выбирать мужчин 20-35-летнего возраста, ростом не ниже 2 аршин 4 вершков. Рекрут должен был иметь платье (не ветхое): кафтан, шубу, шапку, рукавицы, 2 рубахи «с порты», штаны сермяжные или кожаные, пару обуви с чулками.

Отдатчики обязаны были на каждого рекрута привезти по 12 четвериков ржаной муки, немного крупы, 12 фунтов соли и 3 рубля денег. Впрочем, соль можно было заменить деньгами. В течение полугода общество, выбравшее рекрута, должно было платить ему помесечно деньги.

Тех, «кто себя изувечит», надлежало бить плетью «и писать в службу в погонщики и извозчики». Если же кто повредит себя так, что не сможет работать, то таких надлежало бить кнутом и, вырезав ноздри, «сослать в каторжную работу вечно».

Указ этот читался в церквях, по торжкам и ярмаркам в течение 2 месяцев.

По Илимскому уезду в соответствии с изложенным указом было взято 83 рекрута.

«Доимки» по наборам рекрутов и драгунских лошадей были сложены сенатским указом, «пущенном» 18 мая 1754 г.

Раскладка рекрутов по волостям согласно числу душ мужского населения производилась илимской воеводской канцелярией. Как производился этот расчет, можно показать по набору 1755 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 731. лл. 40-43).

Всего по уезду числилось по ревизии 9868 душ крестьян, купечества и разночинцев. Кроме того, вновь прибыло 119 душ, значит, для расчета нужно было взять 9987 человек. В 1755 году набирался один рекрут с 100 душ, следовательно Илимский уезд должен был поставить 100 рекрутов.

В Верхне-Илимской слободе числилось 118 душ муж. пола, значит, она должна была выбрать одного рекрута. Но при этом «останетца 18 душ»; их прибавили «в складку» к Усть-Кутскому острогу.

В Усть-Кутском остроге имелось 459 душ, с этого числа набиралось 4 рекрута. Оставалось 59 душ. К ним было прибавлено от Верхне-Илимской слободы 18 душ, от Кежемской слободы 15 душ, от Чечуйского острога 5 душ и от Братского острога 3 души. Таким образом составлялось 100 душ муж. пола, и с них по Усть-Кутскому острогу брали еще одного рекрута.

В Чечуйском остроге числилось 705 душ, значит, здесь должны были выбрать 7 рекрутов, но при этом оставалось 5 душ. Их прибавили к Усть-Кутскому острогу.

Так производился расчет по всем волостям Илимского уезда, пока не разверстывали весь набор в 100 рекрутов. При окончательной сводке оказалось, что по уезду нехватает 13 душ муж. населения. Этой величиной пренебрегли, а те волости, от которых прибавляли «в складку» души муж. пола к другим волостям, платили этим волостям деньгами с каждой такой души, исходя из казенной цены рекрута.

Например, при наборе 1 рекрута с 240 душ и при цене рекрута в 120 рублей, полагалось платить по 50 копеек за каждую «складочную» душу.

Рекрут, пройдя военную подготовку в течение нескольких месяцев, зачислялся в солдаты. Но были случаи, когда весь набор по Иркутской губернии направляли не в армию, а на поселение близ Нерчинских заводов, где ощущалась нужда в людях. Указом Сената 1 апреля 1756 года всех рекрутов губернии было велено направить «з женами и детьми к Нерчинским заводам и причислить для распространения горной и плавильной работ, також и разведывания и разрабатывания новых рудников, в мастеровые». Рекрутов и членов их семей выключали из подушных окладов, давали им на месте трехлетнюю льготу и превращали по существу в крепостное горно-заводское население.

Всего из Иркутска в 1757 году было направлено в Нерчинск 207 человек, в том числе 11 илимских рекрутов. Вскоре в илимскую воеводскую канцелярию стали поступать из приказных изб рапорты о том, что жены и дети рекрутов направлены в Иркутск.

Один из илимских рекрутов не прибыл на место назначения. Выяснилось, что это был сын Ивана Главинского, который вместо сына нанял служить новокрещенного тунгуса за 20 рублей. Главинский обманул тунгуса, тот донес о сделке, вследствие чего Главинский был бит кнутом, а тунгус — плетми.

Генеральное учреждение о наборе рекрутов, напечатанное в Санкт-Петербурге 23 декабря 1757 г., предусматривало некоторые изменения существовавших ранее правил и являлось сводом действовавших законоположений по этому вопросу.

Набор поручалось производить губернаторам и воеводам. Принимать можно было только лиц, положенных в подушный оклад, в возрасте 20-35 лет, ростом не ниже 2 аршин 4 вершков. Сохранялось право рекрута нанимать вместо себя другое лицо. Рекрут должен был иметь при себе платье и обувь согласно прежним указам с небольшим уточнением: иметь две рубахи «с двоими порты». На содержание рекрута общество должно было выдавать до отправки рекрута в полк по 1½ рубля денег, по 6 четвериков муки, по 3 гарнца крупы и по 6 фунтов соли в месяц. Натуральное довольствие могло быть заменено деньгами «по торговым ценам». У всех

рекрутов, при их приеме, надлежало «выбривать лбы... не давая им заращивать оных, пока они к полкам приведены будут».

Общество, выбравшее рекрута и «отдатчика», не отвечало за побег рекрута, если он был принят воеводой.

С 1766 года «рекрутская складочная цена» была установлена «по сту по двадцать рублей». Это была цена рекрута.

В течение нескольких лет Сибирь была освобождена от рекрутского набора. Так, в 1768 году, согласно указу Сената, изданного в 1763 году, в Иркутской губернии собранных рекрутов распустили по домам. В указе иркутской губернской канцелярии по этому поводу говорилось: «Сибирской губернии с крестьян ...до указу рекрут не брать... чтоб все состоящие в хлебопашестве, чюствуя такую... милость, неотменно упражнялись в хлебопашестве».

В 1771 году вследствие войн с Турцией были увеличены нормы набора рекрутов, и Сибирь потеряла временные льготы.

Набор 1773 года опять производился по очень высокой норме — один рекрут со 100 душ. В этом году мужское население Илимского уезда составляло 10846 душ, в соответствии с чем илимская воеводская канцелярия произвела разверстку 100 рекрутов по волостям.

Вскоре стали поступать из волостей доношения, что рекруты выбраны «самые крепкие и в военную службу годны, с указным платьем и обувью и жалованьем и со складочными деньгами». В списках выбранных рекрутов указаны их приметы; например по Кежемской слободе и Братскому острогу: «Крестьянской сын Лука Иванов Ионов, 19 лет, мерою двух аршин четырех вершков, лицом бел, одутловат, волосом рус, глаза карие». О других говорилось: «волосы курчавы», «островат», «брови русые, а более ничего не имеетца». У одного, впрочем, была «на пояснице чирьевая язва» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1330, лл. 154-155, 157).

Введя обложения купцов налогом с капитала в размере одного процента, государство освободило их от рекрутской повинности. Государственная военная коллегия сообщила в губернии, что указом Сената от 19 сентября 1776 г. объявлен набор, по одному рекруту с 500 душ. Купцы должны были уплачивать за каждого рекрута по 360 рублей, или по 72 копейки с души муж. пола (360 руб. : 500 душ = 72 коп.).

Сбор рекрутов с этого времени производится казенными палатами (Фонд 2, арх. № 66, лл. 506-512).

По набору 1784 года вместе с рекрутом выбирался еще один человек, «в подставу», на случай, если учрежденная при казенной палате «для набора рекрут экспедиция» найдет рекрута негодным. Так как выбранный «в подставу» крестьянин мог пойти в военную службу вместо рекрута, то он дол-

жен был удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к рекруту в отношении здоровья, возраста и роста.

Набор 1786 года оказался умеренным — с 500 душ муж. пола шел один рекрут. «Цена» рекрута была при этом установлена Сенатом в 360 руб. Значит, при неполном 500 душевом числе населения полагалось собирать с души по 72 копейки. Например, — с 1003 душ Нижне-Илимской волости крестьяне выбрали двух рекрутов, а за 3 души внесли «в складку» 2 руб. 16 коп. (Фонд 9, арх. № 13).

Войны конца XVIII века непрерывно требовали усиленного пополнения армии. Сенатским указом от 1 сентября 1787 года был обнародован закон о наборе по 2 рекрута с 500 душ. Купцы, освобожденные от поставки рекрутов, вносили, как и раньше, по 500 рублей за рекрута (по 2 рубля с души). Как видно, этому классу оборона отечества обходилась очень дешево.

Иркутское наместническое правление, объявляя об этом указе, дало справку, что рекруты собирались раньше с жителей Иркутского, Якутского и Нерчинского уездов «в натуре», с жителей Охотской области взимались взамен рекрутов складочные деньги, а с приписанных к Нерчинским заводам не брали ни рекрутов ни денег. Этот порядок сохранялся и на 1787 год. Далее в справке говорится, что поселенные в Сибири переселенцы освобождались согласно указу 1770 года от поставки рекрутов на 20 лет.

В соответствии с этим иркутская казенная палата произвела разверстку рекрутов по губернии. Киренскому уезду надлежало выставить 21 рекрута.

Не успели крестьяне произвести выборы рекрутов, как 26 сентября 1787 г. последовал новый указ Сената о дополнительном наборе: по 3 рекрута с 500 душ. Киренский уезд должен был поставить еще 31 человека.

В деле, посвященном набору 1787 года (Фонд 9, арх. № 41, лл. 1-107), собраны правительственные указы и рапорты приказных изб о выборе и отправке рекрутов.

Из Подкаменской мирской избы были отправлены 3 рекрута: «Федор Полосков — по собственному желанию за брата женатаго и по благословению отцовъскому, и в службу быть годной. А за ним подстава — шкитающего и пашни не имеющего, Иван Кузаков». Второй рекрут шел «от семьи и по очереди. За ним отвоотьчикъ, празношетающей и ни пашни ни дому не имеющей». К третьему рекруту «подстава» — от семейства Рыданного.

16-летний рекрут из деревни Банщиковой шел на службу «от семейства десяти душ, по очереди и по желанию отца». «За ним подстава... празношетающей». Другой «подстава... отбывая от службы — у левой руки у пальца по первой су-

став перст отсечен». За 17-летним рекрутом из деревни Змеинской, шел «подстава» от семьи, состоявшей из 17 душ. У него «на левой ноге на берце рубец, во рьту на правой руке зуба нет».

Одного рекрута Криволуцкой слободы не приняли «по одиначеству и неимения у него семьи, кроме малолетних двух сынов». В Криволуцкую слободу был направлен указ с предложением переизбрать этого рекрута. Но крестьяне, «будучи в мирской избе, в согласии объяснили, что он, Вондокурцов, выбран был очередной от брата... И перемену зделать ныне по очереди ево другим некем. О чем сие и рапортуется». Так мир, соблюдая очередь, послал в армию этого Вондокурцова, и ряды рекрутов пополнились еще одним крестьянином, похожим как две капли воды на тысячи и тысячи ему подобных сынов народа: ростом он был двух аршин 6 вершков, лицом смугл, телом чист, глаза имел серые, волосы темнорусые.

Тяжелые наборы в армию продолжались в 1788-1790 годах согласно указам Сената от 1 сентября 1788 г., от 29 августа 1789 г. и от 19 сентября 1790 г. По первым двум указам поставлялось с 500 душ по 5 рекрутов в каждый год, а по последнему указу — 4 рекрута. Столь высокое изъятие населения в армию происходило «по причине продолжения сугубой войны со стороны неприятелей наших — Порты Оттоманской и короля Шведского».

Всего с каждых 500 душ муж. пола за 3 года было взято 14 человек, или почти 3% мужского населения. Для крепостнического общества этот процент является весьма высокой величиной.

После окончания войн с Швецией и Турцией рекрутов не брали в течение 2 лет, т. е. в 1791 и 1792 годах. Первый послевоенный набор был умеренным: один рекрут с 500 душ. При этом разрешалось вместо поставки рекрута вносить 400 рублей деньгами, или по 80 копеек с души; купцы, освобожденные ранее от поставки рекрутов «натурой», попрежнему платили за рекрута 500 рублей, т. е. по 1 рублю с души. Но уже в 1794 году вновь набирали с 500 душ по 5 рекрутов.

Войны Павла I с Францией и вступление русских войск в пределы Западной Европы потребовали усиления армии. Указом Сената от 4 сентября 1795 г. был объявлен набор по 4 рекрута с каждых 500 душ муж. пола. В этот набор были установлены новые правила — разрешалось принимать солдат ростом в 2 арш. 3½ вершка, следовательно, было допущено понижение на ½ вершка, однако с тем, «чтобы убавка роста заменяема была широким и крепким сложением рекрут».

Тем же указом устанавливался для всех сословий предельный срок военной службы в 25 лет.

Во всех губерниях, за исключением «обширных», к которым относились и сибирские, прием рекрутов в это время производился только в губернских городах.

В указе Сената от 7 сентября 1797 г. было «прописано», что Павел I при вступлении на престол, нашел армию «не в комплекте», почему и велел набрать по 3 рекрута с 500 душ муж. пола, а с купцов взять по 500 рублей за каждого рекрута. В указе предписывалось сбор производить не в губернских городах, а по уездам, «чтобы рекруты не теряли время» на переезды. В Иркутской и Тобольских губерниях прием рекрутов возлагался на городничих, а там, где города управлялись военными начальниками, — на комендантов.

16 октября иркутское губернское правление извещало об этом наборе подведомственные учреждения, а 26 октября из киренского нижнего земского суда пошли подобные же указы по волостям. Всего в уезде числилось по 5-ой ревизии 5364 души муж. пола государственных и 492 — экономических крестьян. Надлежало по разверстке иркутской казенной палаты выбрать в уезде 36 рекрутов. В ноябре набор был закончен.

Как полагалось, вместе с рекрутами были избраны и «подставные» или «подставы». Например, от Ннжне-Илимской волости направились на осмотр к киренскому городничему 7 рекрутов и 5 «подставных». Городничий признал одного рекрута негодным, и за него пошел «подставной». Это был молодой крестьянский сын 18 лет, в приметах которого значилось: «борода и ус прочикаютца».

подавляющее большинство рекрутов шло по велению мира, раз наступала очередь; немногие изъявляли добровольное желание; например, один из «подставных» — «охотно-желающий и по очереди», другой «священнической скормленник, незаконнорожденный... по добровольному своему желанию».

Находились, как и всегда, люди, стремившиеся освободиться от военной службы, не останавливаясь перед членовредительством. Крестьянин Андрей Банщиков отсек сустав от указательного пальца. В приговоре по этому делу имеется ссылка на генеральное учреждение о рекрутах, изданное 5 октября 1766 г., что таких лиц следует прогонять три раза через строй в 500 человек с шпирутенами и зачислять в солдаты или в извозчики, а в случае непригодности к военной службе — бить плетью и ссылат в каторжную работу «по смерть». Банщиков после наказания был зачислен в Иркутский гарнизонный полк.

При проведении этого набора от Криволуцкой слободы был выбран в рекруты крестьянин Афанасий Рыков, «не имеющей дому и хлебопашества и жись свою продолжая в сроках». Значит, это был батрак. И неспроста, очевидно, под

влиянием зажиточных крестьян, общество остановило на нем свой выбор.

О грамотности рекрутов сведений почти нет, так как в «реэстрах» эта сторона, как не имевшая никакого значения для характеристики военнослужащего, всегда опускалась

Лишь однажды, в 1798 году, рекрутам был задан вопрос: «российской грамоте читать и писать умеет ли», на что 35 человек из 36 ответили: «не умеет», «не учен». И только один ответил: «умеет» (Фонд 435, арх. № 330, лл. 45-49).

Набор 1798 года был скромным — по 1 рекруту с 500 душ муж. пола, притом только «натурой». Значит, зажиточные крестьяне могли избежать рекрутчины лишь путем найма охотников, хотя бы и за высокую плату. Так, крестьянин из деревни Подъельнишной Семен Вострецов заплатил крестьянину деревни Горбовской 260 рублей, и тот пошел в солдаты вместо Вострецова.

В 1799 году в армию было взято по 1 человеку с 350 душ, а в 1800 году рекрутского набора не производилось.

Армия XVIII века строилась на началах, установленных Петром I. Она ясно отражала социальный строй империи: рядовая часть армии была крестьянской, командная — дворянской.

И слава русского оружия в первую очередь принадлежит крестьянам. Какую-то долю ее разделяли и илимские пашенные государственные крестьяне.

ГЛАВА X

СНАБЖЕНИЕ КАМЧАТСКОЙ И ДРУГИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Знаменитая Камчатская экспедиция, закончившаяся великими географическими открытиями на востоке и севере Азиатского материка, потребовала громадных усилий сибирского населения, прежде всего крестьянства, по снабжению ее всем необходимым.

Организованная бюрократией, направляемая в своей деятельности указами из Петербурга, экспедиция неизбежно стала для местного населения тяжким бременем. Она является прекрасным примером того, как казна всякое, даже благое дело, неизбежно превращала в мучение и для народа и для исполнителей.

Тем больше чести для участников экспедиции, для сибирского крестьянства, что в этих условиях экспедиция не погибла в зародыше, что она достигла результатов, поразивших мир.

Илимский пашенный крестьянин едва ли не сильнее всех почувствовал тяжесть экспедичных работ, едва ли не больше других потратил труда, времени и средств на обслуживание обеих экспедиций Беринга.

В архиве илимской воеводской канцелярии отложился обширный материал о Камчатской экспедиции, по которому можно с большой подробностью восстановить картину снабжения экспедиции и показать значение местного крестьянина в успехе всего предприятия.

СНАБЖЕНИЕ ПЕРВОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

По указу из Тобольска илимской воеводской канцелярии было предложено снабдить Беринга всем, что он потребует.

Во исполнение этого илимский воевода Петр Татаринов в сентябре 1725 года дал распоряжение о постройке в Усть-Кутском остроге и на Мукском плотбище судов и велел

объявить торги на поставку леса для поделки судов (Фонд 75, арх. № 192, л. 11).

Вскоре возникает целый поток требований, которые едва успевает удовлетворять илимская воеводская канцелярия. 15 сентября посылается указ в Орленскую слободу о доставке в Усть-Кут двух точил. Из Киренского острога сообщили, что в Усть-Кут посланы 2 паруса «целые, вкруг в обшивинах, ветхия». Из иркутской земской конторы требуют, чтобы Берингу выслали 30 плотников, 4 кузнецов, двух «бочкарей», пушкаря, токаря, «пешника» (лл. 12-17).

Пока давались эти и подобные им распоряжения, сам Беринг направлялся вверх по Ангаре к Устью р. Илима, где и застрял на Большом Косом пороге.

14 сентября 1725 г. Беринг послал в Илимск следующее письмо, в котором для придания веса говорит о себе во множественном числе: «Господин управитель в Илимске. От нас наперед послан с указы от тобольской земской канторы гардемарин Чаплин о вспоможении пути нашего, котор[о]е, надеемся, что давно вы получили. А по прибыт[и]и нашем к илимскому устью 11 числа сего сентября видим и слышали от людей, что з дощениками на Большом пороге пройтить невозможно. Того ради изволите к нам для выгруски дощеников прислать 6 или 8 каюков или больших лоток и других судов, какие есть, в чем бы можно уместить[ся] нашим припасам и дойтить до Илимска».

Кроме того, Беринг потребовал, чтобы из Илимска на устье р. Илима был выслан человек для приема дощаников с енисейским хлебом (лл. 19-20).

Появление Беринга в илимском захолустье представлялось воеводам событием из ряда вон выходящим, а сам Беринг — персоной с неограниченными полномочиями. Воевода Татаринов в своем ответе от 15 сентября подыскивал самые почтительные выражения: «Высокопревосходительнейший господин морского флота капитан, милосердый мой государь. Сего 725 году сентября 14 дня вашего высокопревосходительства за рукою письмо в земской (воеводской) канцелярии чрез посланного вашего превосходительства команды камисара Дура[с]ова получено, в котором письме повелено к вашему превосходительству отправить казаков и лоток для прибытия вашего превосходительства и вашей команды и при вас надлежащих вещей, до Илимска. И по означенному вашему высокопревосходительства требованию, в Ылимском — что явилось каких судов, — описав, посланы до вашего высокопревосходительства с ылимским сын боярским Андреем Сенотрусовым. И ко отправлению вашего высокопревосходительства пути дана тому Сенотрусову инструкция. А коликое число лоток, тому при сем письме для ведома вашему высокопревосходительству приложен реэстр. Вашего

высокопревозводительства всепокорны[й] раб Петр Татаринов» (цитируется по черновику).

29 сентября Беринг запрашивает илимскую канцелярию о расстоянии от деревни Симахиной до Усть-Кутского острога. 2 октября Илимск дает ответ, что от Симахиной до Илимска 148 верст 350 сажен, что, по мнению илимской канцелярии, «от порогу» до Илимска 147 верст 100 сажен и, наконец, что по книге 1721 года считается от Илимска до Усть-Кутского острога 135 верст 350 сажен.

Вскоре, 4 октября, в илимскую канцелярию поступил отчет Сенотрусова: на устье Илама ездил, собрал для Беринга 14 лодок. С устья Илама отправлены 33 подводы «до повосту», т. е. до Нижне-Илимской слободы, в том числе 4 «вершных», да «с повосту» до Илимска «под вышеозначенные ж суды отправил я 29 подвод» (л. 31).

Одновременно Добрынский принял на устье Илама «у маштаваго дела ученика» 3 дощаника, 2 каюка и 5 лодок.

Таким образом можно установить, что Беринг и его команда прибыли в Илимск 27 сентября на мелких судах, буксируемых лошадьми. Приехав в Илимск, Беринг требует подводу для солдата, отправленного им в Иркутск «с нужными письмами, наскоро» (лл. 33-34).

Еще Беринг сидел в деревне Зятейской, а уж появились первые беглецы из его команды. По «ведению» Беринга от 20 сентября он разыскивал двух беглецов. «Сим объявляю, — писал Беринг в Илимск, — ежели оные беглецы где явятца — держать под караулом и учинить по ея величества указу». И илимская воеводская канцелярия рассылает по волостям указы о розыске бежавших (лл. 39-40).

За все время первого пребывания Беринга в Илимске не прекращается поток бесконечных требований к воеводской канцелярии. 20 сентября поступает распоряжение Беринга о выплате хлебного жалования солдатам и рабочим его команды. В список включаются писарь, «квартирмейстер», адмиральский ученик ботового дела, «маштмакорской» ученик, «плотничь десятник», плотники, парусники, конопатчики, кузнец, 31 солдат, барабанщик, сержант — всего 60 человек. Им нужно было выдать по 2 четверика муки, по $\frac{1}{8}$ четверика крупы в месяц на человека, а всем на 3 месяца 45 четвертей муки и 2 четверти $6\frac{1}{2}$ четверика крупы. Затем поступает требование о выдаче хлебного жалования 7 членам команды, оставшимся на устье р. Илама (лл. 52-58).

В начале 1726 года Беринг обращается в илимскую канцелярию с письмом, что он («мы») получил в Иркутске на нужды экспедиции 1000 рублей, что «достальные» велено получить здесь и на основании этого он предлагает выдать ему 2500 рублей.

Затем в Усть-Кутском остроге из местной таможни выдаются деньги вместо хлебного жалования плотникам и солдатам команды Беринга. Там в это время уже находился «морского флота порутчик Шпанберх» (лл. 54-80).

5 октября Беринг обращается в илимскую воеводскую канцелярию с запросом, где можно построить 10-12 судов для сплава в Якутск, «понеже я неизвестен». Воеводская канцелярия дает справку, что на Усть-Кутском плотбище ежегодно строилось по 6-8 дощаников под соль, на Усть-Илгинском плотбище — по 2-3 хлебных баржи и в Усть-Кутском остроге — по 2-3 барки. Однако плотники, занятые на таких постройках, заявили, что для судов нет готового лесу. Поэтому в Усть-Кут для заготовки леса направляется команда из 5 солдат с поручиком и «штюрманом», а также ученик и 29 енисейских плотников. В Усть-Кутском остроге в течение 3 дней подьячий читал «на торгу з барабанным боем» при фискале условия, на которых желающие могли доставлять лес. Один на торгах запросил 6 рублей за дощаник, другой сбавил цену до 5 рублей 31 алтына, окончательно сторговались за 5 рублей 30 алтын. Далее в деле следует поручные по подрядчикам (лл. 81-102).

Но Беринг не надеется, что подрядчики могут сделать 15 дощаников к весне 1726 года и требует, чтобы илимская воеводская канцелярия приготовила местными силами 2-3 дощаника (лл. 103-108).

И действительно, постройка судов шла негладко. Уже 29 октября Беринг велит заготовить 50 пудов пеньки для веревок и 5 тросов «толщиною в 3 дюйма, длиною трос по сту сажен, да 26 бичевы, толщиною в полтретья дюйма, длиною по сту сажен».

Кроме того, он велит доставить ему 120 ведер вина, так как в Якутске оно было дороже почти вдвое. Илимская канцелярия предлагает служилым людям выбрать человека, который мог бы закупить пеньку и смолу. Выбор пал на небезызвестного Григория Курбатова. Воевода дает ему наказ, подорожную и поручает взять деньги в Киренском и Чечуйском острогах. Священник приводит Курбатова к присяге.

В конце февраля стало известно, что постройка судов в Усть-Куте остановилась, так как не было ни смолы, ни пеньки.

Наконец Курбатов мог сообщить, что заготовлено 150 пудов пеньки по цене от 30 алтын 10 денег до 20 алтын за пуд и 100 ведер жидкой смолы по 2 гривны за ведро. Но Шпанберх шлет новые требования: нужно доставить ему 5 коробов «уголья», 30 пудов железа, $\frac{1}{2}$ пуда стали или укладу и еще некоторое количество пеньки и смолы (лл. 115-144).

Как видно, начальники экспедиции сами хорошо не знали, чего и сколько они потребуют. Больше того, они не представляли, что зимний путь на Якутск для команды был закрыт. Из Иркутска сообщили в Илимск, что Беринг, согласно его доношению, рассчитывает добраться в Якутск зимой, разбив свою команду на 3-4 партии, и что для этого потребуется 150 подвод, не считая тех, которые повезут провиант и разное имущество экспедиции.

Несмотря на бессмысленность приказа, посланного из Иркутска, илимская воеводская канцелярия отдала все нужные распоряжения.

Подпись Беринга.

Понимая в то же время всю невозможность переброски зимой команды Беринга в Якутск, илимская воеводская канцелярия дала ему справку, что от Илимска до Якутска считается 1900 верст 19 сажень. Далее в справке указываются условия зимнего передвижения: в прошлые годы ездили до Витимской слободы на санях при условии, если не выпадало много снега; в ином случае пользовались нартами и клали на них груза «по полтретью и по три пуда». Путь длится недели две «и больше». И неизвестно, можно ли найти на Витиме требуемое Берингом число подвод. А из Илимска в Якутск ездят зимой только на легких санях.

Видимо, изложенные илимской канцелярией обстоятельства и беседы с местными жителями убедили Беринга, и он никаких попыток перевезти зимой команду в Якутск уже не делал.

Отправку своих писем в Иркутск, как мы видели, Беринг осуществлял через нарочных, посылаемых илимской воеводской, а по тогдашней терминологии — земской канцелярией.

Также происходила отправка корреспонденции Беринга в столицу. Например, 30 ноября в илимской канцелярии появляется следующий документ: «В ылимскую земскую канцелярию. Ведение. Отправляющее от нас нужнейшие письма в Санкт Питербурх надлежит от оной канцелярии отослать в Тобольск в губернскую канцелярию немедленно и в приеме оных дать квитанцию».

Тут же имеется резолюция Татаринова и приложены черновики промеморий в енисейскую земскую контору и Берингу об отправке 1 декабря его письма в Енисейск (лл. 162-164).

Далее в делах идут бумаги о выдаче 55 членам команды Беринга хлебного жалования за январь-март 1726 года (лл. 165-167).

Закончив все эти неотложные дела, Беринг отправляется 13 декабря в Иркутск на 6 лошадях. С ним едет священник, экспедиции, чтобы привезти церковную утварь.

С отъездом Беринга переписка по снабжению его экспедиции не уменьшилась. Из Иркутска Измайлов и камерир Петров дают илимскому воеводе распоряжение о выдаче в Илгинской волости хлебного жалования 39 солдатам команды Беринга на весь 1726 год: муки по полосмине, круп по малому четверику на месяц каждому солдату, а также по 11 алтын денежного жалования.

Следуют бумаги: письмо подчиненному комиссару Илгинской волости, промемория Берингу и его ответ (лл. 173-177).

Лейтенант Чириков в конце декабря потребовал выслать ему двух бочаров «без замедления, понеже во оных имеетца нужда». Но бочары делали бочки для илимской таможни и взяли с нее за работу деньги вперед.

Вновь возникает сложная переписка: таможенный голова не отдает бочаров, Татаринов пишет в Иркутск, провинциальная канцелярия шлет разъяснения. Беринг, оказавшийся в это время в Усть-Кутском остроге, уведомляет, что один из бочаров нанял вместо себя какого-то Соколова, который признан годным. Переписка потребовала 5 месяцев, прежде чем был решен вопрос о бочарах (лл. 178-194).

В марте 1726 года Беринг возвращается в Илимск и возобновляет переписку по делам снабжения Камчатской экспедиции: пусть илимская канцелярия отпустит на 3-4 месяца хлебное жалование 110 членам его команды, пусть доставит в Усть-Кут 51 пуд 10 фун. масла, купленного в Братском остроге, пусть заготовит веревку, пусть выдаст ему 2500 рублей денег, пусть нарядит 60 человек для сплава дощаников в Якутск.

Одновременно разные требования предъявляли помощники Беринга — Чириков и Шпанберх.

Так, для провоза команды Чирикова и грузов потребова-

лось немало крестьянских подвод. Нужно было перевезти пушки и фальконеты, которые весили 944 пуда, якоря и котлы (1551 пуд), сукно, бисер, ножи, зеркала (113 пудов; эти предметы предназначались, видимо, для торговли с туземцами); церковных книг и сосудов набралось 23 пуда, геодезических и штурвальных инструментов — 63 пуда, медикаментов, денег, писем — 63 пуда, кроме того, более 120 пудов пеньки, 4000 сум сыромятной кожи весом 426 пудов.

Весь груз составлял 3309 пудов; считая на подводу 15 пудов, следовало привлечь для его перевозки 221 подводу. Кроме того, требовалось дать лично Чирикову 5 подвод, четырем лейтенантам — 12, другим членам команды — 84, а всего под груз и для людей — 322 подводы (лл. 38-39).

Со времени отъезда Беринга из Илимска и Усть-Кута в Якутск о нем доходили в илимскую воеводскую канцелярию лишь отдельные отрывочные известия.

Так, в августе 1727 года Беринг писал, что бочар Соколов бежал с р. Юдомы (Фонд 75, арх. № 237, л. 6).

Далее было получено от Беринга два письма о геодезисте Путилове. Беринг писал 20 ноября 1729 г. в Илимск, что «команды нашей геодезист Григорий Путилов оставляется здесь (в Илимске) за болезнию ево». У геодезиста имелись инструменты, для охраны которых Беринг отрядил двух солдат и просил воеводскую канцелярию подыскать геодезисту и солдатам квартиру. В описи вещей значилось: «квадрант, таблицы печатные, готовальня циркулей аглицкой работы, скало планное, один сектор, астралябиум, две стрелки кампасных, полукружие медное, цепь железная мерительная, длиною 100 звен, азимуж, кампас». В другом письме вновь дан перечень геодезических принадлежностей, с несколько иными названиями: «квадрант земной, логари[ф]м печатная, журналы белые и черные» (Фонд 75, арх. № 329, лл. 100-101, 107).

Как видно из приведенных материалов, Беринг пробыл в Илимске очень недолго и требования его к воеводской канцелярии оказались довольно скромными.

Но первая Камчатская экспедиция была только прелюдией ко второй экспедиции, потребовавшей от Илимского уезда, в особенности от крестьян, громадного напряжения сил.

СНАБЖЕНИЕ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Снабжение второй Камчатской экспедиции в значительной мере осуществлялось из Илимска или шло через Илимск.

Казенная постановка всего дела Камчатской экспедиции обрекала как членов самой экспедиции, так и крестьян, снабжавших ее всем необходимым, на непрерывные мучения.

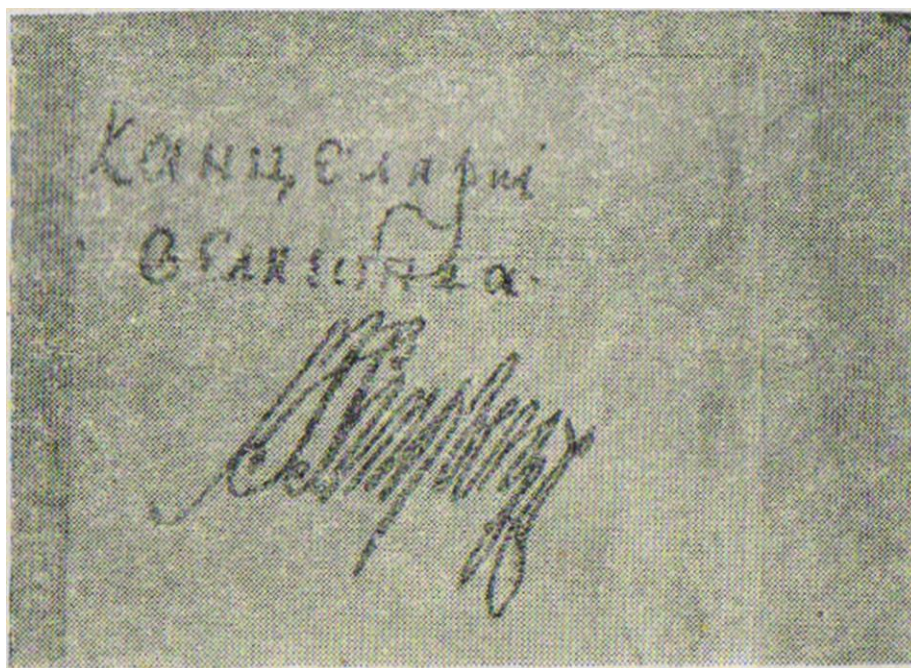
Работа ссыльных на судах Камчатской экспедиции приравнивалась указам к каторге. Но на тех же судах и при том же режиме, который был установлен для ссыльных, работали привлеченные местной властью служилые люди и крестьяне.

Вся разница между свободными рабочими и ссыльными заключалась в том, что первые могли после окончания работ вернуться домой, а вторые сами сплавляли себя на север в вечное изгнание, на каторгу без срока.

Движение громадной по составу второй Камчатской экспедиции начал капитан Шпанберх со своей командой.

Путь его освещен рапортами, хранящимися в Центральном государственном архиве древних авторов.

Капитан Шпанберх послал Берингу несколько рапортов с жалобами на илимскую воеводскую канцелярию и о мошеннических проделках илимских воевод. Беринг пересылал копии рапортов в адмиралтейскую коллегию, а последняя — в Сенат.

A photograph of a piece of aged, textured paper. At the top, there is faint, handwritten text in Russian: "Канцелярия" (Chancery) and "Илимского воеводства" (of the Ilimsk Voivodeship). Below this, there is a large, bold, handwritten signature in dark ink, which is identified as the signature of Captain Shpanberkh.

Подпись Шпанберха.

13 октября 1733 г. Шпанберх жалуется, что енисейский воевода Полуктов не дал ему «вожей» и не заплатил денег рабочим на хлебных барках, направлявшихся в Илимск. По его письму видно, что он 24 сентября доплыл до устья р. Илима и остановился «под деревней Симахиной». По требованию Шпанберха илимский управитель прислал к Симахиной 134 лошади и 27 лодок, «в том числе каюк один, набойных два, а достальные лотки все мелкие, одnodеревки», грузоподъемностью по 10 пудов. Шпанберх выгрузился с дощаников и перевез на лодках и вьюками все тяжести «чрез порог, имянуемой Косой», находящийся в двух верстах выше деревни Симахиной. Часть судов Шпанберх вернул в Енисейск.

27 сентября порох и фитиль доставили на вьюках в Илимск, а остальной груз пошел на лодках «под бичевами», но на полпути был выгружен, так как Илим покрылся льдом.

Шпанберх не преминул пожаловаться, что Турчанинов вопреки указам и распоряжениям дал мелкие лодки «и те весьма худые» и в присылке людей и лошадей «учинил немалую остановку».

3 октября Шпанберх прибыл в Илимск, а 9-го туда же были доставлены на лошадях грузы, захваченные в пути ледоставом. В перевозках было занято 250 вьючных лошадей.

11 октября Шпанберх отправляет на 33 подводах в Усть-Кутский острог 119 рабочих, плотников и кузнецов во главе со «шлюпочного дела мастером». Эта команда должна была «сплыть» в Якутск, где ей поручалось заготовить лес для постройки судов.

Сам Шпанберх 13 октября направился на 8 подводах в Иркутск, «понеже бес прибытия моего туда во всем том от - правлени[и] имеюся я ненадежен, дабы тамошние командиры во отправлениях не учинили таково ж продолжения, как учинено в Енисейске и в Ылимске».¹

В Иркутске Шпанберх справился о положении с провиантом. Иркутская провинциальная канцелярия ответила, что она велела собрать в Илимске и Верхоленске 31387 пудов муки. «А всего в доимке там имеетца» 68311 пудов ржи и 20273 пуда овса.

Нашлись подрядчики, бравшиеся поставить муку и сухари в Якутск. Но Шпанберх решил, что они просят очень дорого: муку по 60 копеек, а сухари до 1 рубля за пуд. Шпанберх приказал «учинить пробу — испекши хлебы, велел накрошить и высушить в сухари. Ис того пуда (муки) явилось добрых сухарей 35 фунтов». Пуд сухарей обошелся в 34 копейки, т. е. в 3 раза дешевле, чем требовали подрядчики.²

Вернувшись из Иркутска в Усть-Кутский острог, Шпанберх велел построить 7 большегрузных барок на 8000 пудов каждую и «выдал мадель». Там же починялось 2 старых барки по 4000 пудов емкостью и 9 дощаников по 800 пудов.

На строительство каждой барки было поставлено по 10 человек. Стоимость одной барки Шпанберх определяет так: вывозка леса — 12 руб. 50 коп., 6 пудов пеньки — 5 рублей, 1000 скоб — 3 рубля, десяти «служилым плотникам» — по 2 копейки в день, на 1½ месяца — 9 рублей, итого 29 руб. 50 коп. На строительстве судов работали 131 человек, выделенных Иркутском.

Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 8/160, лл. 526-532.

² Там же, лл. 552-558.

Получив сведения, что вблизи Якутска нет хорошего строевого леса, Шпанберх задержал 119 рабочих, направленных им в Якутск, и велел ждать его в Сплошенском Погосте.

Капитан Шпанберх решил остаться в Усть-Куте до весны для наблюдения за постройкой судов, «чтоб во оных отправлениях на щет экспедиции не превзошло б какой излишней суммы, как чинено в Ылимском».

Далее Шпанберх сообщает о злоупотреблениях управителя Турчанинова при подрядах на постройку судов.

За три барки, длиной по 50, шириной по 9¾ аршина, Турчанинов выдал подрядчикам все деньги вперед, по 114 рублей за барку.

Но подрядчики, приходившие к Шпанберху, за такие же суда просили по 60 рублей.

Вскоре Шпанберх получил другие сведения о злоупотреблениях с постройкой судов. Один из отставных плотников показал, что бывший управитель Горяистов подрядил его в 1732 году построить 10 дощаников длиной по 8 сажен за 500 рублей. Но плотник передал этот подряд другим лицам, которые согласились строить дощаники по 24-26 рублей. Один из таких вторичных подрядчиков ухитрился сдать постройку дощаника третьему лицу, уже за 15 рублей.

При дальнейшем расследовании этого дела Шпанберх узнал, что первые подрядчики дали Турчанинову «во взятку» 50 рублей, подьячему 20 рублей, «росходчику» 4 рубля, еще одному лицу 2 рубля и канцеляристу «у протоколу» 3 рубля.

Скуратов дал Горяистову по 15 рублей с дощаника, т. е. всего 150 рублей, его слуге 5 рублей, двум подьячим 30, целовальнику 5, мелких расходов 10 рублей. Всего на взятки и мелочные расходы оба издержали 332 рубля.

Убыток казне, по расчету Шпанберха, причинен в размере 693 рублей.

Капитан заключает: «Управители илимские... во всяких отправлениях опасения не имеют», потому что штрафы «роспределяют Илимского ведомства на прикащиков, а прикащики — на народ».

Например, на управителя Турчанинова был наложен штраф в 1000 рублей «за нескорое отправление... морского и сухопутного правянта» в Камчатскую экспедицию. Этот штраф Турчанинов распределил среди приказчиков от 25 до 150 рублей на каждого, «а на свою долю... он, управитель, ни единые доли и не оставил. И то их управительское, а паче же во отправлении дел, стало быть, видимое безстрашие, а к расположению штрафов — ко отягощению народа самовольство».¹

По ведомости, составленной в Орленской слободе о числе взятых подвод Камчатской экспедицией, записан следующий расход крестьянских подвод: в 1734 году «ехал капитан Шпанберх», взял 20 подвод «от Грузновской деревни до Усть-Куты, а прогонов не платил»; в 1734 году он же брал дважды по 8 подвод; кроме того, подводами пользовались солдаты его команды. В 1734 году «господин Беринг» ехал от деревни Грузновки на Усть-Кут, у него в работе находилось 42 крестьянина, получая по 5 копеек в день на человека. За постройку амбара им не заплатили. В конце ведомости приписано: «и никакого раззорения от них, командора... непредъявлены» (Фонд 75, опись 2, арх. № 100).

Нерасчетливые требования Камчатской экспедиции, не считавшейся с местными возможностями и с силами крестьян, приводили к необоснованным запросам.

Когда понадобилось перебросить 1200 четвертей енисейского хлеба, дошедшего на дощаниках до Кежмы в рекостав, то илимская воеводская канцелярия дала по волостям разверстку на 705 подвод. Шпанберх оказался достаточно чутким, чтобы пожаловаться на такие действия воеводской канцелярии, приводящие «к отягощению народа».

Мало задумывалась илимская воеводская канцелярия над тем, что крестьяне какой-то там Яндинской волости должны будут гнать 170-180 подвод за сотни верст на север — в Кежму, а потом за сотни верст на восток — в Усть-Кут, откуда добираться до дома, проделав еще несколько сот верст. Все-таки илимская воеводская канцелярия предварительно, прежде чем давать разверстку подвод по волостям, попыталась объявить торги и с этой целью послала 23 января 1734 г. указ приказчику Тулунской деревни Гусельникову.

Одновременно воеводская канцелярия посылает Шпанберху 16 служилых людей для рубки леса и постройки судов (Фонд 75, опись 2, арх. № 124, лл. 69-70).

Немало затруднений для воеводской канцелярии доставляла пересылка пакетов, поступавших «превосходительнейшему господину капитан-командору Ивану Ивановичу Берингу» (Фонд 75, опись 2, арх. № 129, л. 109).

Так как основная часть постоянных рабочих Камчатской экспедиции состояла из ссыльных, то Илимску часто приходилось иметь дело с их пересылкой и с ловлей беглых.

В 1733 году прибыла из Енисейска на 10 дощаниках, шедших с хлебом, партия ссыльных. Но по дороге от устья Илима к Илимску бежало 9 человек. Впрочем, трое бежавших, побродя по неприютной тайге, вскоре добровольно явились к властям.

По «реэстру» ссыльных, составленному в Енисейске, в партии числилось 79 мужчин и 10 женщин. Принято же в Илимске мужчин 84, женщин 11.

Можно судить, какой порядок был в учете ссыльных, если при таком простом переезде оказалось шесть лишних ссыльных.

Часть ссыльных воеводская канцелярия отдала «в работу» илимским жителям, а 46 мужчин и четырех женщин, направленных в Криволуцкую слободу, было велено «роздать крестьянам для работы, на росписки».

Отправлять ссыльных в Охотск и Якутск к Берингу было «за осенним поздним временем... невозможно». Вскоре якутский воевода Заборовский передал илимской воеводской канцелярии еще 20 ссыльных, которых он сопровождал из Енисейска (Фонд 75, опись 2, арх. № 129, лл. 148-162).

Весной 1733 года идут последние приготовления к сплаву по Лене грузов и людей Камчатской экспедиции. Приказчик Илгинского острога Василий Бейтон получает распоряжение принять «добро-го мастерства и в указную меру 4 барки у подрядчиков пашенных крестьян» Жернакова и Подымахина. Размер барки: 10 сажен длиною, 10 аршин без четверти шириною и 3 аршина без четверти высотой (Фонд 75, опись 2, арх. № 133).

Одновременно иркутская провинциальная канцелярия запрашивает — не найдутся ли в Илимске желающие «во отправляющуюся Камчатскую экспедицию капитана-командора господина Беринга поставить к Лене реке или в Якуцк... муки ржаной 30037 пудов 1½ фунта, круп 3442 пуда 20 фунтов, сухарей 1350 пудов, масла 728 пудов 36 фунтов, гороху 1095 пудов» (там же, лл. 12-13).

Осенью того же 1733 года илимская воеводская канцелярия предлагает нарядчику Ивану Мишарину выбрать «обще с илимскими служилыми людьми» одного человека для покупки хлеба, двух человек для сплава этого хлеба в Якутск и одного — для отбора и препровождения в Якутск 50 крестьянских семей на поселение (там же).

Переписка по делам Камчатской экспедиции за 1733 год сосредоточена в особом сборнике (Фонд 75, арх. № 466, лл. 1-196).

В нем отражена поимка 4 беглых, передача Шпанберху 14 ссыльных, отсылка ему и Гречанинову кузнецов и плотников, отправка 2000 четвертей енисейского хлеба в Якутск и перевозка этого хлеба от Кежемской слободы до Усть-Кутского острога.

В феврале 1734 года власти собирают в Усть-Кут 37 ссыльных, живших в работе у крестьян илимских волостей, для отправки в Охотск (Фонд 75, арх. № 468, лл. 100-101).

Главные работы по обслуживанию судов Камчатской экспедиции, направлявшихся вниз по Лене, выполнялись ссыльными. Тяжкий труд, плохое довольствие, жестокое об-

ращение начальства заставляли ссыльных бежать в тайгу, в безлюдные приленские дебри.

Вряд ли в лучшем положении, чем ссыльные каторжники, оказывались крестьяне и служилые люди, которых направляли на суда Беринга и Шпанберха.

Немудрено, что казаки всячески уклонялись от явки в команды Камчатской экспедиции.

В конце 1733 года илимская воеводская канцелярия дважды направляла в Братский острог казака Туголукова, чтобы он привез в Илимск всех казаков, годных к службе на судах. Но казаки, как писал приказчик острога Алексей Главинский, «учинились противны» и в Илимск не поехали. Сказались больными 9 человек, и 11 казаков скрылись.

Получив такие сведения, исполнявший должность воеводы Чемесов приказал «послать с указом... третично» солдата и дать ему двух служилых людей «в вспоможение». Приказчика Главинского Чемесов велел за отговорки, «оковав, привести к ответу».

Солдат Толмачев, ездивший в Братский острог по этому приказу, привез с собою только двух служилых людей и 4 казачьих детей. И то приехали «вместо Григория Падерина отец ево Андрей, вместо Никифора Кузнецова отец ево Алексей». В своем докладе солдат, кстати сказать — неграмотный, указал, что 12 человек лежат «в огневой немощи», один бежал с дороги, двое умерли, двое «в сыску не явились» (Фонд 75, арх. № 468, лл. 130-138).

Одной из тяжелых работ, выполненных илимскими крестьянами в 1734 году, была переброска енисейского хлеба, «которой остановился в заморозе на 12 дощаниках в Кежемской слободе». Необходимо было этот хлеб «поднять нынешней зимою и перевести половину на Усть-Кут».

Шпанберх, учитывая громадные трудности, с которыми была сопряжена переброска енисейского хлеба в предыдущие годы, решил проверить раскладку подвод по волостям и с этой целью потребовал от илимской воеводской канцелярии сведений о количестве тяглой пашни по волостям Илимского уезда, «понеже о том надлежит нам ведать», как он писал "(Фонд 75, арх. № 435, лл. 25-27).

Рассмотрев данные воеводской канцелярии, Шпанберх принял упрощенное решение: он освободил дальние волости от перевозок, усилив таким образом тяжесть работы для остальных волостей. Поэтому крестьяне Кежемской и Нижне-Илимской волостей, наиболее отягощенные обслуживанием Камчатской экспедиции, обратились в Иркутск с жалобой, что они «от несносных подвод пришли в раззорение». На этом основании иркутская провинциальная канцелярия обязала илимскую воеводскую канцелярию привлечь к перевозке хлеба всех крестьян Илимского уезда, т. е. пришла к

тому нелепому решению, от которого отказался даже Шпанберх.

Тогда крестьяне ряда волостей обратились к Шпанберху с совершенно новым и неожиданным предложением, сущность которого Шпанберх изложил в письме, отправленном 10 марта 1734 г. в илимскую воеводскую канцелярию.

Предложение крестьян, поставленных в безвыходное положение сверхдальними перевозками, заключалось в том, чтобы отдать Камчатской экспедиции свой собственный хлеб, а вместо него взять хлеб в Кежме, лишь бы не ездить за тридевять земель с казенным провиантом!

Шпанберх, изложив предложение крестьян, заключил: «Того ради ко льготе (!) их крестьянской, а паче же к пользе ея императорского величества интереса, учинили мы (т. е. Шпанберх) резолюцию: вместо тех подвод, взамен того правянта, просителем крестьяном, определили — привести собственного своего хлеба с каждой десятины по 3 подводы. А на подводу положено б было осмнадцать пудов». Это, по расчету Шпанберха, давало казне с Илгинской, Тутурской и Орленской волостей до 2500 пудов хлеба (там же, л. 60).

В действительности крестьяне должны были вывезти более 3600 пудов своего хлеба.

Но крестьяне Чечуйской, Киренской и Криволуцкой волостей в мае 1734 года решили обратиться с жалобой на Шпанберха, что он взыскивает с них лишний хлеб — по 54 пуда муки и по 3 пуда крупы с двора, «с мешками», вместо оставленного «в заморозе» в Кежемской слободе енисейского провианта. Иркутская провинциальная канцелярия предложила илимскому воеводе Игумнову исследовать все, на что указали крестьяне, и удовлетворить их просьбу (Фонд 75, опись 2, арх. № 171).

А в илимскую воеводскую канцелярию поступают все новые и новые требования.

Из Тобольска велют купить масла «коровья», а «купя, положа в бочки, перепустить оное масло с солью» (там же, лл. 47-51).

Затем Шпанберх предлагает, на основании указа из Тобольска от 17 января 1734 г., починить старые и поделать новые лодки к прибытию Беринга на устье Илима. Воеводская канцелярия объявляет торги, и отставной служилый человек Скуратов подряжается сделать 2 паузка, размером 4х1 сажень за 30 рублей; отставной судовой плотник Филипов соглашается построить еще один такой же паузок за 15 рублей; казачий сын Скуратов берется сделать 4 паузка; отставной служилый человек Момонтов подряжается построить еще 2 паузка «добрым и крепким мастерством, не текучие, высмоля и выконопатя, с веслами». Срок изготовления судов — 20 июля (там же, лл. 26-46).

В том же году Илимск выдает хлебное жалование команде Беринга в составе 223 человек. «Порутчик Вилим Валтон» требует 3 апреля выдать команде вместо крупы деньгами (там же, лл. 72-78, 80). В апреле он же предлагает дать на 128 человек муку, крупу и соль (Фонд 75, арх. № 534, лл. 11-17).

Из команд Камчатской экспедиции беспрерывно бегут люди, которых должна была разыскивать илимская воеводская канцелярия.

Лейтенант Михаила Плаутин промеморией от 10 мая сообщает, что бежало 3 илимских кузнеца, все носящие фамилию Кузнецовых, и 2 плотника. Через 5 дней поручик Валтон пишет, что от него бежала «дворовая моя крепостная девка», купленная в Енисейске (там же, лл. 133, 134).

Оплата разных расходов Камчатской экспедиции за 1734 год отражена в Делах денежного похозяйства (Фонд 75, арх. № 509).

В марте Шпанберх требует отослать его пакет в Енисейск (л. 8). Через месяц от него идет пакет в Иркутск (лл. 17-18). По каждому такому отправлению возникает переписка: резолюция воеводы, расчет прогонов, выдача подорожной, отпуск денег.

Илимск оплачивает из таможенных и кабацких сборов провоз хлеба от Кежмы до Усть-Кута. За каждую подводу нужно заплатить по 2 руб. 45 коп. с деньгою, так как расстояние между этими селениями составляло по книгам воеводской канцелярии 491 версту 280 сажен. И снова возникает сложная переписка. Сперва оплачивается 47 подвод, затем 13, наконец 4 подводы (лл. 11-13).

Шпанберху чинят 4 дощаника, выдают 94½ аршина холста для пошивки мешков под хлеб. С устья р. Муки просят оплатить постройку 5 дощаников по 40 рублей за каждый дощаник.

Тем временем по волостям разъезжаются служилые люди, чтобы собрать подводы для перевозки енисейского хлеба.

Но крестьяне Ново-Удинской слободы 4 декабря 1734 г. просят разрешить им сдать Камчатской экспедиции свой собственный хлеб. Они писали, что их высылали для перевозки хлеба с устья р. Илима на устье р. Куты, теперь второй раз гонят в Кежемскую слободу на р. Кову, чтобы перевезти хлеб на Лену, «которого правянта нам, нижайшим, вести за дальним расстоянием невозможно, понеже которые лошади были в подводах и оные все пристали. А мы, нижайшие, вместо той поездки, что надлежит с нашей слободы подвод, вместо того правянта по росчислению решили поставить мукою на Усть-Илгинское плотбище своим правянтом, толикое ж число. Да сверх того из Ылимска до Усть-Куты для перевозки под остаточную крупу и масло наняли 25 под-

вод». Подписали — пашенные крестьяне Степан Мамруков, Никита Подкорытов «и всей той слободы пашенные крестьяне» (там же, л. 225).

Снова крестьяне одной из волостей нашли более приемлемым для себя отдать Камчатской экспедиции свой хлеб, привезти его к пристаням и даже нанять других возчиков, чем пускаться в тысячеверстное путешествие на усталых конях по ненаезженным дорогам.

Не миновала общая для всех крестьян повинность и Барлукскую слободу, о которой только что упоминалось. И там забрали 68 подвод. Кроме того, 33 крестьянина этой волости с лошадьми были взяты «по требованию к ним же от флота капитана командора господина Беринга и капитана Шпанберха... для чищения дороги и мосты мостить, а по грязям гати гатить, а по рекам плоты плотить» (там же, лл. 229-234).

Сдача своего хлеба вместо поездки на Кежму была произведена крестьянами Тутурской, Криволуцкой и Киренской волостей.

За провоз 18 пудов хлеба от Кежемской слободы до Усть-Кутского острога, т. е. на расстояние 491 версты 280 саж., считая по деньге с версты, воеводская канцелярия платила по 2 рубля 45 копеек 1½ деньга (Фонд 75, опись 2, арх. № 172, лл. 67-74).

30 марта 1734 г. приказчик Яндинского острога Зарубин донес, что для перевозки капитана Беринга выслано в Илимск 80 подвод (Фонд 75, опись 2, арх. № 173).

Не только илимская воеводская канцелярия была загружена разной перепиской, умножившейся с прибытием в Илимск Камчатской экспедиции, но и некоторые приказные избы отдельных волостей принуждены были завести целые книги новой переписки. Такова частично сохранившаяся книга указов, полученных в 1734 году приказчиком Усть-Кутского острога Алексеем Карауловым (Фонд 75, арх. № 515, лл. 191-235).

Здесь и распоряжение о выдаче денежного жалования по 5 рублей в год 23 илимским служилым людям, посланным в команду Шпанберха в качестве плотников и кузнецов, здесь и указ о перевозке хлеба, прибывшего в Кежму на 12 дощаниках в 1201 восьмипудовом куле, здесь и приказ о починке старых дощаников, постройки 1731-1732 годов и оказавшихся по осмотру Шпанберха негодными, здесь и другие распоряжения: о изготовлении крупы, о выдаче хлеба, крупы и соли команде Шпанберха, о приостановке выплаты плотникам хлебного жалования, о привлечении всех ссыльных к работе, о заготовке семенной ярицы, о пеньке, скобах, караулах, сплаве хлеба по вешней воде и т. д.

Здесь же имеется несколько извещений о бегстве работников, в том числе крепостного, принадлежавшего лейтенанту Василию Прончищеву (лл. 228, 232).

На основании сообщения Беринга от 22 августа 1734 г. илимская канцелярия объявляет сыск 30 человек, бежавших от Шпанберха (Фонд 75, опись 2, арх. № 162). Бежали из команд Камчатской экспедиции непрерывно. От Шпанберха бежало в июне 5 человек, к сентябрю список возрос до 31 человека. После этого скрылось еще 8 (Фонд 75, опись 2, арх. № 170).

Вскоре Илимск стал ждать еще одного командира: «от флота капитан» Чириков весной 1734 года отплыл из Енисейска на десяти дощаниках, направляясь к устью р. Илима (Фонд 75, опись 2, арх. № 170).

Требования продолжали тем временем поступать и в воеводскую канцелярию и в приказные избы с той же постоянностью.

В ноябре 1734 года Шпанберху потребовались топоры, тесла, долота, скобели, напары, 100 пудов пеньки.

Зимой 1734 года началась подготовка к сплаву 1735 года. На заготовку леса привлекаются крестьяне; со 100 душ выделялось по 2 плотника с топорами для работы на Верхо-ленской пристани.

О размерах судов, построенных в 1734 году для Камчатской экспедиции, можно судить по таблице 82, составленной по делу о сплаве 1735 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 191).

Таблица 82

Виды судов	Число судов	Аршин		
		длина	ширина	вышина
Барки	1	38	9½	3½
Дощаники	12	24	5½	2⅝
Каюки	1	15	3½	1½
Новоманерные лодки	4	14½	3⅞	2
Лодки большие	2	14¼	3½	1½
Лодки малые	13	9	1⅞	⅝

Из этих судов 3 были построены в деревне Каемоновой на р. Куте, остальные — на Усть-Кутском плотбище.

В то же время получается указ о заготовке в Илгинском остроге 68 пуд. 20 фун. семенной ярицы для крестьян, поселяемых где-то в Якутске.

Проезжает из Екатеринбурга команда «артиллерии от господина генерала-лейтенанта и кавалера Генипа», которая

должна была построить в Якутске завод «для кования железа» и требует лошадей.

Илимские служилые люди выбирают из своей среды трех человек для покупки масла, круп и гороха (Фонд 75, опись 2, арх. № 172). Они закупают 102 пуда 25 фун. коровьего масла на 301 руб. 82½ коп. Покупалось масло по разным ценам и в среднем обошлось по 2 руб. 94 коп. за пуд (Фонд 75, опись 2, арх. № 1437, лл. 82-83). Значит, пуд молока стоил около 7 копеек.

В конце 1734 г. через Илимский уезд проследовал приплывший из Енисейска капитан Чириков с командой. 12 сентября Беринг дал следующее распоряжение «усть-куцкому прикащику»: до приезда сюда Чирикова остается геодезист Баскаков с солдатом, плотником и конопатчиком. Нужно выдавать по требованию геодезиста «сухопутной правянт до прибытия помянутого капитана помянутым служителям» (Фонд 75, опись 2, арх. № 173).

30 декабря того же года приказчик Нижне-Илимской слободы сообщил, что люди и грузы команды капитана Чирикова перевезены с устья Илима до Усть-Кутского острога, на что потребовалось 286 подвод.

Наступает 1735 год. Начинается он тем, что в Якутске обнаруживается плохое качество вина, поставленного Камчатской экспедиции. Поэтому Илимску предлагают накурить для экспедиции 350 ведер вина, которое «выгорало б вполы», а вино якутской выкурки выгорает на 2½ точки или же не горит совсем (Фонд 75, арх. № 270, лл. 95 и др.).

И Илимск готовит Берингу вино. Согласно «ведения» о выкурке вина, на его изготовление было израсходовано 876 пудов ржаной муки, 190 пудов ржаного солода, 12 пуд. 15 фун. хмеля, 42 ведра дрожжей и 246 сажен сосновых дров.

Из указанных припасов вышло 210 ведер вина. «И по вышеписанному расходу придет оное двойное вино в ыстинне по рублю по семидесят по две копейки ведро». Вино это было послано в Якутск в 11 лиственничных бочках, каждая из которых стоила 70 копеек (Фонд 75, арх. № 270, лл. 112-113).

В январе 1735 года производятся расчеты за перевозки, произведенные илимскими крестьянами для Камчатской экспедиции: за провоз 182 пуд. 33 фун. масла от Илимска до Усть-Кута, на 135½ версты на 10 подводах по 67¾ копейки за подводу выплачивается 6 руб. 9 коп.

Солдату выдают за крупу деньги — по 40 копеек «з деньгою и с полуденьгою, а за мал четверик — 5 копеек». Отсюда можно установить, что малый четверик весил около 5 фунтов. Кроме того, оплачивается привоз пеньки, присланной из Тобольска и выдается жалование 18 солдатам (Фонд 75, арх. № 395, лл. 9-11).

В феврале производится закупка пеньки, и Илимск выдает служилому человеку Бутакову 70 рублей. Осуществляется перевозка церковных колоколов, стали брусчатой и полосового железа, что потребовало трех подвод (там же, лл. 22, 29, 61).

В этом же деле отражены: провоз в марте 1668 пуд. 30 фун. грузов (на $64\frac{2}{3}$ подводы) от Ковы до Усть-Кута, т. е. на 610 верст, что обошлось в 43 руб. 81 коп., затем в апреле — 1356 пудов грузов из Братского острога (лл. 65, 86).

Тут же говорится о подготовке 5 дощаников, о провозе вина, выкуренного в Илимске, о даче подвод и денег Чирикову (лл. 66-128). Для какой-то цели Чириков предлагает купить 25 хомутов. Илимская воеводская канцелярия покупает их за 16 руб. 10 коп. и передает прапорщику Левашеву (Фонд 75, арх. № 531, л. 40). В другом деле подшито требование выслать точило.

Готовясь к весеннему сплаву, руководители Камчатской экспедиции предлагают илимской воеводской канцелярии собрать на суда Ендогурова всех ссыльных, розданных в работу крестьянам разных волостей.

Из Орленги прибывает 28, из Илимска 21, из Яндинска 11, из Нижне-Илимской слободы 28, из Братского острога и Барлукской слободы 13. Кроме того, из Братского острога вместе с ссыльными прибыло 7 служилых людей и казачьих детей (Фонд 75, арх. № 557, лл. 51, 63, 65, 89 и друг.).

Служилые люди противились было отправке, но их привезли под караулом. Воевода Игумнов 16 сентября 1735 г. вынес решение: «...учинить наказание (5 служилым): вместо кнута бить плетью без всякого милосердия, чтоб на то смотря их братье — служилым, впредь противности было чинить неповадно». С виновных взыскиваются прогонные по привозу их в Илимск для наказания. Впрочем, их здесь, в Илимске, поставили на работу к строению и починке города, так как постройка судов уже была закончена (там же, лл. 330-331).

Тутурские крестьяне, 44 человека, отпущенные с постройки судов, получили оплату из илимской воеводской канцелярии. В списке против имени каждого крестьянина помечено: «взял 5 копеек» (там же, л. 297).

Иркутская провинциальная канцелярия 6 апреля 1736 г. по требованию Беринга велела илимской воеводской канцелярии «на 2 пакет-бота морским и адмиралтейским служителем и протчим чинам на порцию (выкурить) вина двойного, самого доброго 178 ведер, да на утечку и на усышку ведр 8, пробую в выгорке против указу по последней мере, что 7 или 6 доль, из размеченной на 8 частей стопки». Вино следовало отправить в небольших 8-10-ведерных бочках

в Усть-Кут до вскрытия льда (Фонд 75, арх. № 558, л. 251-253).

Илимская канцелярия сумела очень быстро, к 24 апреля, накурить 100 ведер двойного вина и на утечку «четыре ведра с четью и с осминою». Оно «по пробе в размеченую осмиточную стопку выгорало 5 доль». Ведро такого вина обошлось в 1 руб. 66 коп. В означенный день вино отправляется с илимскими выборными посадскими на 12 подводах до Мукского («Муцкого») плотбища, откуда его сплавляли после ледохода до Усть-Кута по р. Куте.

Но «от флоту прапорщик» Павел Левашев 29 мая написал в Илимск, что по его испытанию «в выгорке простое выгорело 3 доли, а двойное 5 доль» По инструкции Беринга Левашев не имел права принимать вино, если оно выгорело менее 6 доль. Поэтому Левашев от вина отказался.

В илимскую воеводскую канцелярию направляли требования и самые высшие руководители Камчатской экспедиции и простые рядовые ее участники, вплоть до солдат, перемешивая и неотложные и во все несрочные, и крайне важные, и совершенно пустяковые, копеечные дела. Никто из состава Камчатской экспедиции не задумывался, что вследствие неупорядоченных и несогласованных распоряжений членов экспедиции илимская канцелярия нередко должна была разновременно выполнять однородные или одновременно — самые разнородные приказы. Неизменно из разных частей неуклюжего и беспомощного тела Камчатской экспедиции протягивались руки, чтоб забрать хлеб, деньги, водку, ямщиков, дощаники, смолу, масло, канаты, служилых людей, собак. И все это делалось со ссылкой на указы свыше, иногда на «ея императорское величество».

Не успевала одна рука забрать хлеб, крупу и писчую бумагу или сургуч, как вторая требовала хлеба, водки и перевозки церковных колоколов.

Илимская воеводская канцелярия была на побегушках у всех начальников экспедиции, девкой-чернявкой, поощряемой к усердию подзатыльниками. И так продолжалось 10 лет.

Пожалуй, только один раз за все это время илимская канцелярия составила более или менее подробный отчет об услугах и расходах, которые она оказала Камчатской экспедиции — это отчет за 1733-1734 годы (фонд 75, арх. № 561, лл. 397-450; опись 2, арх. № 738, лл. 4-47).

Остановимся на одном эпизоде, связанном с составлением и отсылкой упомянутого отчета в Иркутск.

Иркутский вице-губернатор Плещеев 11 июля 1745 г. посылает к илимскому воеводе Игумнову солдата Посникова с послушным указом: «И где он тебя получит, то весть тебя в Ылимск под караулом и по прибытии в Ылимск содер-

жать тебя в канцелярии под караулом же по тех мест, пока репорты, також и об отправлении с начала Камчатской экспедиции... ведомости сочинишь». Солдату было приказано привезти воеводу в Иркутск, как только он составит требуемый отчет. Проезд солдата туда и обратно совершается за счет воеводы («...доправить на тебе, обратно повезет на твоём коште»).

Получив этот указ, Игумнов распорядился: указ записать, снять с него копию, ведомости «сочинить в самой скорости. И для сочинения тех ведомостей и репортов приказных служителей содержать в канцелярии скованных» (Фонд 75, арх. № 608, лл. 112-113).

Всякий посетитель, вошедший в то время в илимскую воеводскую канцелярию, мог полюбоваться идиллией: воевода сидит под караулом солдата, а канцеляристы в кандалах сочиняют отчет о снабжении экспедиции Беринга.

Всего за два года поступило 79 требований от 17 учреждений и отдельных лиц.

По всем 79 требованиям илимская воеводская канцелярия заводила сложную переписку и по мере своих сил выполняла их.

Ни многочисленные начальники камчатской экспедиции, ни воеводская канцелярия не замечали, тяжело или легко приходилось илимскому крестьянину и служилому человеку выполнять все эти требования. Удобно ли или затруднительно, хорошо или плохо крестьянину — такого вопроса не существовало.

Раз что-нибудь требовалось Камчатской экспедиции, то, значит, это было необходимо. Если требование выполнялось, то это было хорошо. Если не выполнялось, то это было плохо.

Определить, во что обходилось содержание экспедиции, никто никогда не мог. Правда, илимская воеводская канцелярия подсчитала, что, выполняя 79 приказов Камчатской экспедиции, она израсходовала 13546 руб. 23⁵/₈ коп. Но она не принимала во внимание, что перевозки оплачивались крестьянам по очень низким расценкам, что труд крестьян и служилых людей почти приравнивался к арестантскому труду, что при этом крестьяне отрывались от важнейших сельскохозяйственных работ и расстраивали свое хозяйство.

Все подсчеты расходов на Камчатскую экспедицию являлись заниженными, да они мало кого и интересовали. Даже воеводская канцелярия, обязанная точно определить хотя бы казенные издержки на экспедицию, делала это как попало. Она не позаботилась выверить свои записи, чтобы выправить ошибки и, определяя расход по выдаче 7 января

1734 г. Шпанберху 825 пуд. 4 фун. соли на 33 рубля, записала эту сумму в графу копеек.

1735 год не принес для илимской воеводской канцелярии ничего нового. Чириков требует кузнецов. Пересылаются на кеты Беринга, Илимску предлагается дать лодку пастору до Якутска.

Также как и в предшествующие годы, происходит передвижка многих людей: одних принудительно направляют на северо-восток, другие самовольно бегут в обратном направлении — на юго-запад.

Прибывшие в Якутск 50 семей крестьян Чечуйской, Киренской и Криволуцкой волостей были «освидетельствованы» якутским воеводой. Он велел их поселить «в удобных местах по разсуждению морского флота капитана командора Беринга». Но 8 крестьян оказались, по мнению воеводы, непригодными, а двое умерли по дороге. Лекарь из команды Беринга дал следующее заключение об одном из крестьян: «имеет на колене левой ноги рану и вящее де обдержим нутреннюю болезнь и исходит моча с кровию». Это Камчатская экспедиция так надрывала крестьян.

Присылка больных крестьян рассматривалась властями прежде всего с точки зрения ущерба казне.

В июле 1735 года из Енисейска прибываем партия ссыльных в составе 44 человек, в том числе 12 — «девки да бабы». Из партии оставляется в Илимске 13 ссыльных, из них 2 «бабы», 3 «девки» и 3 «ростриги». Остальных направляют в Якутск и Охотск (там же, лл. 498-499).

В «ведении» Чирикова 28 мая 1735 г. сообщается, что «от строения судов» с Илгинской пристани бежало 32 человека — илимские служилые люди, илгиинские крестьяне и ссыльные (там же, лл. 486-487). По уведомлению Беринга от 7 июля того же года из Якутска бежало 49 человек, в том числе 8 служилых людей, 20 крестьян, 20 ссыльных и разночинец (там же, лл. 493-494).

Стремление избавиться от работ в Камчатской экспедиции заставляло многих изыскивать самые разнородные предлоги, чтобы остаться на месте.

Некто Егор Шестаков, ссыльный, сообщил в феврале 1735 года илимской канцелярии, что он нашел медную руду.

Илимская канцелярия отослала образец руды «для опыта» в Иркутск и собрала поручные записи по Шестакове. Тогда ссыльный попросил дать ему указ и привилегию; потом он сообщил, что другого образца достать не мог, так как вода в Ангаре прибыла и затопила берег. Он просит дать другой указ и получает его (Фонд 75, арх. № 575, лл. 66-67).

Ссыльных осматривал в январе 1735 года лейтенант Ендогуров. «И ис тех ссыльных выбрано мною годных на дощеники в работу Камчатской экспедиции 131, а достальные 148 по смотру моему за старостию и за их болезнями негодны». Ендогуров распорядился негодных к работе отпустить «и велеть жить в тех местах, у кого они жить пожелают». А всех пригодных к работе пока уволить, но представить в Усть-Кут, как только их потребует Чириков. В феврале илимская воеводская канцелярия прислала Ендогурову на осмотр еще 30 ссыльных. Лейтенант отобрал из них 10 человек, а остальных признал негодными (фонд 75, арх. № 592, лл. 33-40, 46-47).

В феврале 1735 года в илимскую воеводскую канцелярию поступило распоряжение — выслать к Чирикову всех ссыльных, живущих в Илимском уезде, кроме тех, «которые своими домами живут и в подушный оклад положены». Узнав об этом, многие ссыльные просили обложить их оброком как посадских, т. е. по 1 руб. 20 коп. с души муж. пола, не скрывая, что они боятся отправки на Камчатку (фонд 75, опись 2, арх. № 185).

Бегство ссыльных, крестьян и служилых людей из команд Камчатской экспедиции приняло к этому времени столь большие размеры, что руководители экспедиции и местные власти наряду с применением порки придумали новый способ устрашения беглецов. 10 апреля 1735 г. было направлено следующее «ведение из илимской походной канцелярии благородному господину морского флота капитану господину Чирикову: велено по Лене реке в Киренском остроге поставить крепкия заставы и при тех заставах поставить три веселицы. И велено тем заставщиком смотреть накрепко, когда ваше благородие с командою своею упловете на судах в Якутск и после вашего благородия ежели пойманы будут... беглые, то велено из ссыльных, кто к тому побегу явитца больше виновен, до трех человек на тех веселицах повесить... чтоб другим бегать было неповадно». Но так как в Илимске не оказалось человека, который бы мог вешать людей, то илимская канцелярия просила Чирикова: «благоволите прислать от команды вашего благородия... к наказанию умеющего — ко учению в заплечные мастера ссыльного Ивана Ремеза» (Фонд 75, опись 2, арх. № 184, лл. 144).

Упомянутый Ремез уехал по какому-то вызову в Иркутск, может быть, там требовалось его палаческое искусство, и сведений о том, чтобы на виселицах близ Киренского острога умерщвляли беглецов, в делах не имеется.

Как бы то ни было, берега Лены впервые украсились глаголями, служившими для местных крестьян невольными символами экспедиции.

Рядом с приведенным письмом имеется «ведение», что пойманного беглого били. И после установки зловещих сигналов (может быть, на тех местах, где был некогда поставлен крест Ярофеем Хабаровым) бегство продолжалось. И если беглецы являлись с повинной, то не потому, что боялись наказания, которое было неизбежно и при явке, а в силу невозможности прожить в неприютной северной тайге.

Так, в конце сентября, при наступлении холодов, в илимскую воеводскую канцелярию пришли 11 беглецов из команды Беринга и заявили, что из лесов их выгнал голод. Семеро из них были биты кнутом и, к их радости, они оставляются в Илимске для починки острога, трое получили более мягкое наказание: были биты «батоги», но зато их направили в Усть-Кут для сплава в Якутск, в распоряжение Камчатской экспедиции (Фонд 75, опись 2, арх. № 185).

Якутская воеводская канцелярия послала 24 мая 1736 г. указ о сыске трех плотников и пятерых служилых людей, бежавших из команды Беринга с Юдомского Креста. В сентябре от Чирикова с Юдомского Креста, «с правянских судов», бежало 16 человек — 14 ссыльных и 2 служилых. Из этих беглецов пятеро ссыльных до побега косили сено на Юдомском Кресте (Фонд 75, опись 2, арх. № 203).

Капрал Колков извещал илимскую канцелярию, что 14 августа из его команды бежали 3 ссыльных, и прилагает приметы беглецов.

Приметы позволяют представить вид людей, окружавших Беринга и служивших ему едва ли не основной человеческой силой.

Ефрем Миломанов «ростом средней, лицом сухощав, волосы светлорусые, гаворит — заикаетца, глаза белы, ноздри пороты». Федор Соколов «ростом средней, волосом черен, лицом сухощав, нос горбат, ноздри пороты, глаза карие, под правой пазухой валдырь». Василий Рудаков «ростом средней, волосом черен, лицом сухощав, нос закорючился и ноздри пороты, глаза карие, ноги кривы» (Фонд 75, арх. № 610, л. 47).

В том же году Беринг сообщает, что с «новозаведенного близ Якуцка Тамгинского железного завода» бежало 7 ссыльных и служилых, и требует их розыска (там же, л. 50).

Алексей Галкин, сопровождавший 64 ссыльных из Енисейска в Илимск, уведомляет, что с дороги бежало 14 человек. 9 сентября 1736 года Илимск объявляет о их сыске (там же, л. 53).

В июле 1736 года Беринг извещает, что «вверх по Лене к Столбовым горам для доставания руды железной» было послано 9 служилых людей (один илимский, 2 енисейских, 6 иркутских) и 5 ссыльных, и что все они бежали (там

же, л. 92; здесь же имеется еще ряд дел о бегстве из Камчатской экспедиции).

Получая такие известия, воеводская канцелярия рассылала указы о розыске беглых по острогам и слободам Илимского уезда. Обычно она получала ответы от приказных изб, что беглых в волости нет, но чаще приказные избы подшивали указы о сыске беглых, не посылая в Илимск никаких «репортов».

Так, приказчик Барлукской слободы, получив указ, что разыскиваются «многие из бегов от Камчатской экспедиции от капитана командора господина Беринга и от капитанов Шпанъ Берха и Чирикова служилые и пашенные крестьяне и разночинцы и присыльные, и чинят в тех побегах смертные убийства и воровства», ответил, что таких в волости нет (Фонд 75, арх. № 615, л. 31).

Пойманные или добровольно явившиеся беглецы обязательно подвергались допросу, а затем и наказанию.

С переездом главной части состава Камчатской экспедиции из Илимска в Якутск требования по ее обслуживанию илимскими силами вряд ли уменьшились.

Беринг 24 сентября 1735 г. писал из Якутска в Илимск, чтобы ему прислали 4 бечевы «длиною по сту сажень, толстотою по 2¼ дюйма, весом по 3 пуда, да пеньки 65 пудов» (Фонд 75, арх. № 625, л. 8). К этому времени в Усть-Кут поступило 278½ пудов пеньки, присланной из Енисейска для Камчатской экспедиции (Фонд 75, арх. № 624, л. 98). Но можно ли было из этого количества выделить то, что требовал Беринг, никто не знал.

Как только Беринг уехал в Якутск, по волостям Илимского уезда рассылается указ об опросе крестьян, не причинял ли им обид солдат Посников. Илимский воевода расширил запрос и велел опросить крестьян, не имеют ли они жалоб на Беринга, Шпанберха и Чирикова (Фонд 75, арх. № 625, лл. 5, 7).

Но жаловаться было бессмысленно, так как Камчатская экспедиция являлась высшей властью северо-восточной Сибири.

Весь 1736 год прошел для Илимска под знаком организации по Лене сплава грузов и людей для Камчатской экспедиции. Хлеб, собираемый с илимских крестьян, направляется теперь, согласно указу иркутской провинциальной канцелярии (Фонд 75, арх. № 561, лл. 514-516), целиком на нужды экспедиции.

Опыт сплава на больших барках, построенных Чириковым, показал, что крупные суда, грузоподъемностью в 5-6 тысяч пудов, часто и подолгу сидели на мели. Поэтому Беринг высказал мнение о целесообразности сплава не столь-

ко на судах, сколько на плотях, которые поднимали бы по 2-2½ тысячи пудов груза.

Иркутская провинциальная канцелярия согласилась с мнением Беринга и 28 февраля 1736 г. предложила Илимску, кроме постройки 3 дощаников и 2 барок, заготовить необходимое число плотов, так как делать плоты быстрее и дешевле, чем строить суда. На плоты не требуется смолы, пеньки, скоб, что сильно осложнило судостроение в минувшие годы. Кроме того, барки в Якутске использовались на дрова, а плоты давали строевой лес. Провинциальная канцелярия предложила построить на Усть-Кутской пристани 5, на Усть-Илгинской 15 и на Верхоленской 10 плотов грузоподъемностью по 1½ тысячи пудов и более. Рубку леса и сплочивание его было велено производить силами служилых людей и тех пашенных крестьян, которые не платили оброчного провианта, а вывозку леса силами пашенных крестьян, обложенных хлебными платежами (Фонд 75, арх. № 625, лл 62-64).

Через месяц провинциальная канцелярия предписала Илимску направить в Усть-Кут и Усть-Илгу для сплава в Камчатскую экспедицию 50 служилых людей, 30 яндинских беломестных казаков, 100 ссыльных из числа не положенных в оклад и не имеющих пашни, а также 40 разночинцев, всего, следовательно, 220 человек.¹

Не довольствуясь этим, провинциальная канцелярия 6 апреля посылает «понудителя», иркутского сына боярскою Ловцова, «которому велено тебя, Игумнова (илимского воеводу), понуждать». Игумнов должен был выставить на сплав еще 50 ссыльных, иначе «понудитель» должен был его держать в канцелярии безвыходно» (там же, л. 119).

В это же время капитан Маремьянов, являвшийся начальником сплава Камчатской экспедиции, приказал илимскому воеводе отправить из Усть-Кута заблаговременно 15431 пуд муки, 800 пудов крупы, 120 пудов пеньки и 310 листов белого железа. Месяц спустя, прибыв в Усть-Кут, Маремьянов пишет, что он принял не всех людей, назначенных на сплав, так как восемь ссыльных «неявилось»: в день его приезда («в ночи») бежали трое ссыльных, а двое оказались негодными, как больные «французскою болезнию». Конец его письма наполнен угрозами по адресу илимской воеводской канцелярии (там же, л. 134).

Маремьянов решил самовольно взять трех усть-кутских крестьянских сыновей, несмотря на то, что имелись ссыльные и разночинцы, не занятые в работах по обслуживанию Камчатской экспедиции (Фонд 75, арх. № 686, л. 25).

В команде Маремьянова работали, в частности, ссыльные князья Василий и Сергей Ухтомские.

Попутно на илимскую воеводскую канцелярию сыпались с разных концов другие требования.

Прапорщик Павел Левашев 23 марта велел купить в Илимске 141 пуд 29½ фунта масла из общего количества в 649 пуд. 11 фун., требовавшихся Камчатской экспедиции. Кроме того, надлежало купить в Илимске 175 пуд. 27 фун. масла вместо испорченного в предыдущем году и 74 пуда 30 фун. вместо «неявившегося» при сдаче в Якутске (там же, л. 94).

В апреле иркутская провинциальная канцелярия разослала распоряжение, основанное на письме Беринга, о покупке в Илимске 100 шуб бараньих и козлиных, 100 кафтанов и 100 чирков. Такие же покупки должны были сделать уездные власти в Селенгинске и Нерчинске (там же, лл. 116-118).

Иногда люди из команд Камчатской экспедиции превышали свои полномочия, но лишь немногие случаи такого рода дошли до сведения воеводской или провинциальной канцелярии.

В 1736 году в отношении передвижки людей сохранились оба направления: вниз по Лене шли принудительно, вверх — своевольно.

26 августа из Енисейска прибыли 64 ссыльных, направлявшихся главным образом в Якутск и Охотск. Но 12 человек из них получают в Илимске топоры, по 5 копеек денег и направляются на местную работу, а 8 оказались старыми, слепыми или безрукими. Через несколько дней прибыла еще одна партия ссыльных в числе 8 человек (Фонд 75, арх. № 718, лл. 24-39, 40-52).

Об обратной утечке рабочей силы, т. е. о беглых, в этом же деле имеется несколько документов. Беринг сообщает 25 мая о бегстве с Майской пристани 6 служилых людей (л. 14), 24 июля он же просит сыскать 3 служилых и 4 ссыльных, бежавших с Тамгинского железного завода (л. 60). Под одной из промеморий, посланных в илимскую воеводскую канцелярию о сыске беглых, кроме подписи Беринга (нерусскими буквами), стоит подпись: «клерк Никифор Захаров» (лл. 20-21). Чем замысловатей оформлялись бумаги, тем большее почтение они вызывали у канцеляристов.

По всем подобным промемориям илимская воеводская канцелярия писала указы в волости, а также вывешивала в Илимске листы с трафаретным содержанием: «Объявляется во всенародное известие: сего июля 6 дня... бежали» и т. д.

Иркутская провинциальная канцелярия в 1736 году также прислала в Илимск несколько указов о поимке беглых: бежал один служилый человек (лл. 65-66), потом 6 чело-

век (лл. 73), затем 9 иркутских и 5 балаганских служилых людей (лл. 81-82).

Илимская воеводская канцелярия опять посылала указы в волости, опять объявляла «во всенародное известие» о сыске беглых.

Местные власти видели только одно средство борьбы с побегами — усиление карательных мер и создание новых застав.

Иркутский провинциальный воевода Плещеев в указе на имя илимского управителя Бейтона писал 7 сентября 1736 г.: «из отправленных в Камчатскую экспедицию и к поплаву правянта служилых и ссыльных людей (заметим, что Плещеев не без основания ставит служилых и ссыльных рядом, в одну категорию людей) бежало многое число, ис которых несколько и поймано и посланы со учинением наказания кнутом попрежнему в то же экспедицию». Многие из них, продолжает Плещеев, намеревались бежать в Томск, Красноярск и Енисейск. Малое число пойманных беглецов служит доказательством плохой деятельности застав «в Балаганску и в Бельску и в Брацку». Плещеев предлагает Бейтону учредить еще одну заставу, именно в Тулунской деревне, лежавшей на Большой Московской дороге.

Для этой заставы Иркутск присылает в Илимск шнуровую книгу, чтобы записывать проезжающих. Илимские служилые люди выбирают из своей среды начальника новой заставы — Семена Миromanова (Фонд 75, арх. № 718, лл. 75-80).

Общее число людей, взятых к 1735 году в Камчатскую экспедицию, можно установить по «ведению» Чирикова от 5 июня этого года (Фонд 75, арх. № 723, лл. 305-314). Всего было направлено на «судовую походную работу» 615 человек «всех чинов», из них служилых людей 129, разночинцев 34, крестьян 212 и ссыльных 240 человек. Главная часть рабочей силы была привлечена из Илимского уезда.

Лиц свободных сословий, т. е. служилых людей, разночинцев и крестьян, взятых на работу в экспедицию, было 375 человек. Из этого числа 266 человек, т. е. 71%, являлись илимскими жителями.

Иркутск дал 38 служилых людей, Селенгинск 36, Удинск 10, Илимск 39, прочие города — 6. Илимск дал в работу 29 разночинцев, Иркутск 5. Илимских крестьян в экспедиции работало 196, иркутских — 16.

Конечно, приведенные цифры не отражают полного числа рабочей силы, которой пользовалась на местах Камчатская экспедиция. Ведь, кроме «судовой походной работы», много крестьян, и притом почти исключительно илимских, было занято на заготовке леса и постройке судов; тоже мож-

но сказать и в отношении изнурительной подводной повинности, требовавшей многих сотен подвод.

Некоторая и довольно значительная часть рабочих, как указывалось, бежала. По тем же ведомостям Чирикова количество беглых к июню 1735 года достигло 76 человек, что составляет 12% от числа привлеченных рабочих. Значит, из экспедиции бежал каждый восьмой человек. Из 76 беглых 18 являлись служилыми людьми, 31 — крестьянами и 26 — ссыльными. Из разночинцев бежал один.

Перевозка хлеба и в 1736 году была произведена по разверстке, причем на этот раз с одной десятины крестьяне должны были выставить по $3\frac{1}{8}$ подвод. Чечуйская волость от перевозок была освобождена (Фонд 75, арх. № 723, лл. 70-71).

Всего 12 волостями было дано 716 подвод, которые перевезли 1673 куля хлеба и 316 сыромятных сум.

Криволуцкая слобода, одна из самых отдаленных волостей от Кежмы, откуда перевозился енисейский хлеб, за $69\frac{3}{8}$ недоставленных подвод была обязана вывезти на Усть-Кутскую пристань $1387\frac{1}{2}$ пуда своего, крестьянского хлеба, считая по 20 пудов на подводу. Взамен своего хлеба, сданного Камчатской экспедиции, крестьяне получали енисейский хлеб на устье р. Илима.

Выборный Тутурской волости дал подписку в том, что вместо недоставленных 10 подвод крестьяне вывезут на Усть-Илгинскую пристань свой хлеб в количестве 200 пудов. То же обязались сделать и крестьяне Илгинской волости.

Через короткое время производится новая разверстка подвод, на этот раз для перевозки 3212 пудов хлеба от Илимска до Усть-Кута. С 11 волостей, в том числе и отдаленных, была затребована 161 подвода (Фонд 75, арх. № 726, лл. 49-55).

В то же время в илимскую канцелярию поступило несколько писем (от Беринга, Гмелина, прапорщика Левашева) о покупке и перевозке масла и пеньки, а также об отправке срочных пакетов (там же, лл. 33, 45-46, 56-60) и об отсылке Берингу 104 ведер вина (Фонд 75, опись 2, арх. № 209).

В Илимском уезде действовала, как упоминалось, застава в Усть-Кутском остроге. Для того, чтобы судить, насколько успешно, а строго говоря, — безуспешно, действовала эта важная застава, стоявшая на стыке больших путей, достаточно ознакомиться с короткой перепиской о смене ее начальника (Фонд 75, арх. № 727, лл. 17-18).

Отставной служилый человек Иван Красильников пишет в илимскую канцелярию, что он определен 31 октября 1735 г. в Усть-Кутский острог «на заставу для беглых и для

всяких беспашпортных людей», но ЧТО он стал стар и просит его отставить. Однако Илимск испытывал в это время острую нехватку служилых людей, поэтому на заставу был выбран казаками «за малолюдством» плотничий сын Иван Гиляшев. Ясно, что плотничьему сыну никакого дела не было до того, вылавливаются ли беглые или нет. Самое большее, на что он был пригоден, это принимать людей, добровольно являвшихся из бегов.

В ноябре 1736 года на Усть-Кутскую заставу явилось двое беглых. Они были отправлены в Илимск, и один из них, Соловьев, на допросе показал:

Он — крестьянин из Переяславля. За ночной разбой ссылается в Сибирь и из Тобольска направляется на дощаники Чирикова. В 1734 году он прибывает в Илимск, где получает отпуск для прокормления в Нижне-Илимскую слободу. Там он «жил у крестьян в работе». В 1735 году его посылают к Ендогурову в Усть-Кут строить дощаники. Весной он поплыл в Якутск, откуда его направили на Алдан и Маю для работы на судах в команде лейтенанта Дмитрия Лаптева. После отгрузки провианта его возвращают в Якутск, а затем посылают за железной рудой к Столбовым горам, где он пробыл 2½ месяца. Так как хлеба у рабочих не было, то Соловьев в мае 1736 года бежал от голода вместе с 4 товарищами. Они шли вверх по Лене до Олекминского погоста «недель с шесть», по дороге «питались сараной и ягодами и другим лесным бытием». Трое беглецов остались в Олекминске, а Соловьев и его товарищ «пошли по Лене реке самдруг». Они добрались до Нюи, питаясь рыбою. Но здесь Соловьев заболел и пролежал в юрте якута около 20 недель. Затем он один возобновил путь, достиг Чечуйской волости, питаясь милостыней и обходя большие деревни. По дороге он встретил одного из беглых ссыльных. Придя в Усть-Кут, они решили явиться к заставщику.

Решение воеводской канцелярии было простым: бить кнутом и отослать в Усть-Кут на постройку судов (Фонд 75, опись 2, арх. № 207).

Нетрудно догадаться, что беглецов заставило явиться под кнут крайнее истощение сил и невозможность скрываться долее в тайге. Соловьев бежал в мае, когда наступало теплое время, и явился к властям 10 ноября, когда оно прошло.

Кто знает, что думал беглец, ложась под удары кнута? Может быть, он надеялся, что его хоть не пошлют снова в каторжную работу на суда Камчатской экспедиции. Такая надежда не была безосновательна. В частности, по делу Соловьева и его товарища илимский воевода вынес сперва решение — бить кнутом и послать снова в Камчатскую экспеди-

цию, но потом почему-то было решено иначе — отослать на постройку судов.

В 1737 году главной задачей илимской воеводской канцелярии был сплав хлеба в Якутск для Камчатской экспедиции и, пожалуй, сыск рабочих, бежавших от нее.

В этом году впервые производятся заготовки хлеба для Беринга в Красноярске, откуда было направлено 1000 четвертей ржаной муки в сопровождении 80 человек. Но этот сплав, насколько можно судить по документам, был проведен охотниками с торгов (Фонд 75, опись 2, арх. № 228).

В конце того же года производится покупка 6520 пудов ржи в Братском остроге. По каким-то причинам хлеб покупался только у некрестьянского населения. Братская Спасская пустынь запрдала 2000 пудов, 12 служилых людей — 2050 пудов (в т. ч. один продал 650 пудов), 5 посадских — 1670 пудов (в т. ч. один продал 970 пудов). Кроме того, 400 пудов ржи было поставлено присыльным, 200 пудов — монастырским крестьянином и 200 пудов — ясачным Степаном Новокрещеновым (Фонд 75, арх. № 735, лл. 199-202).

Для сплава хлеба из Иркутска на Верхоленскую пристань наряжается 20 служилых людей. Илимску было велено «командровать» на сплав хлеба 100 служилых людей и 50 беломестных казаков. Но иркутская провинциальная канцелярия, давая это распоряжение, знала, что в Илимске не имелось свободных служилых людей (Фонд 75, арх. № 735, лл. 25-28).

Размер переписки по вопросам организации Камчатской экспедиции за эти годы не поддается учету. Одна только Иркутская провинциальная канцелярия получила, главным образом из Сибирского приказа, притом за короткое время — с 5 сентября 1734 г. по 1 января 1735 г. — 36 указов. Они касались заготовки масла, крупы, поделки дощаников, выкурки вина, привлечения рабочих и ссыльных, перевода якутов в Охотск, выдачи денежного жалования, пересылки священнических риз и церковной посуды, а также деятельности геодезистов и профессоров.

За 1735 год в Иркутск поступил 31 указ, в том числе о заготовке 800 ведер вина; в 1736 году — 12 указов.¹

Своим давно заведенным чередом идет ловля беглых и в 1737 году.

В феврале усть-кутский заставщик Гиляшев препровождает двух беглецов из ссыльных, и их допрашивает воевода Бейтон. Они показали, что «бежали от нестерпимаго гладу и от наготы». Илимская воеводская канцелярия делает выписки, требующиеся по делу, и Бейтон велит «учинить публичное жестокое наказание — чрез барабанной бой, вместо

кнута бить плетью нещадно, а по учинении наказания отослать в Усь-Куцкой острог для сплавки в Якутск в Камчатскую экспедицию двойного вина, в работу на судно». Воевода в приговоре прибавляет, что беглых следовало бы бить кнутом, «но токмо для помянутой отсылки в работу оное наказание им надлежит умалить того ради, чтоб они к той работе были годны» (Фонд 75, опись 2, арх. № 237).

Грозный тон начальников Камчатской экспедиции, которым они давали распоряжения о сыске беглых, сменялся на просительный, если командиры искали своих дворовых людей.

Капитан Маремьянов писал в октябре 1737 года проходимцу и взяточнику Бейтону: «покажи, благородный господин Матвей Яковлевич, и подай помощи своей. Ехал я из Якуцка, и убежал денщик мой у меня з дороги... и покрал меня он... живота моего (стерто: «на») сто (стерто: «на») двадцать рублей денег и посуды и другога чево... И чтоб соблаговолили ваше благородие дать указ о сыске оного беглеца».

Приметы беглеца: рост 2 аршина 5 вершков, «собою черн, глаза черны, карымыковат», волосы «выстрижены с уха на ухо» (Фонд 75, арх. № 735, лл. 171-172).

Наказание пойманных беглецов производил заплочный мастер, обычно в Илимске. Иркутский вице-губернатор Бибилов 1 июня 1737 г. приказал Бейтону выслать в Усть-Кут заплочного мастера, «кто в Ылимске имеетца, с принадлежащими х кнутному наказанию инструменты, дав ему одну подводу». Мастер должен был явиться к поручику Якутского полка Греченинову «для учинения беглым от Камчатской экспедиции и ссыльным из ссылок наказания кнутом», после чего вернуться в Илимск.

Бейтон 10 июня послал в Усть-Кутский острог заплочного мастера Алексея Стрельцова (Фонд 75, арх. № 730, лл. 80-81).

В этом году команда Беринга осталась без соли. Беринг в начале июля просил выслать из Илимска 500 пудов соли, но в Усть-Куте выварка ее остановилась, о чем усольский ларешный дал справку. Бейтон в августе ответил Берингу так: соли нет, цырен плохой, можно набрать только 70 пудов соли, «но с оным малым числом за дальным расстоянием послать до вашего благородия не для чего (?)... И благородный господин капитан камандор Беринг о приеме сей промемории да благоволит учинить по ея императорского величества указу» (Фонд 75, опись 2, арх. № 237).

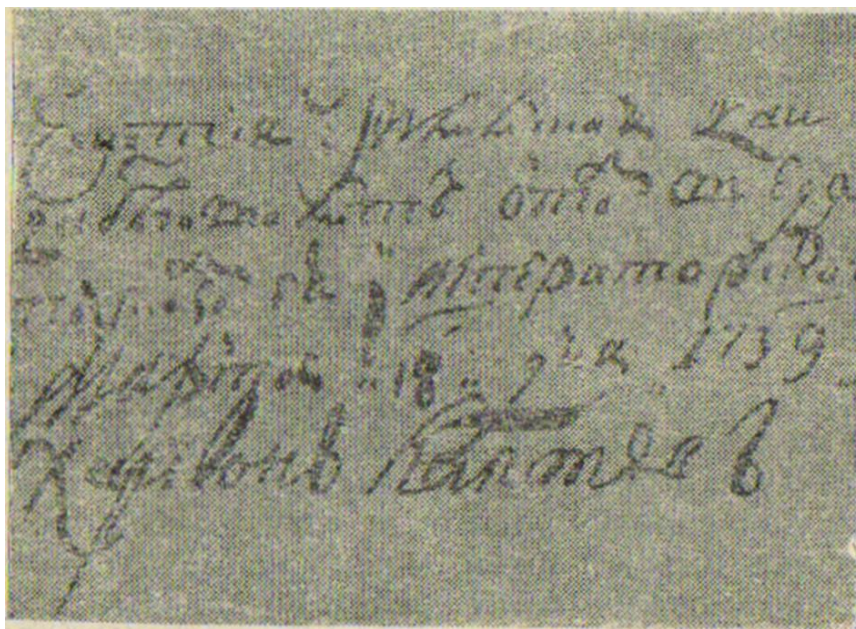
Были у Беринга и другие крупные неприятности. Указ Сената от 7 сентября 1737 г., в котором говорилось об обидах якобы причиняемых Берингом профессорам де ля Кроеру, Миллеру и Гмелину, Беринг получил 1 июля. Через 3 дня

он послал в Сенат объяснение, в котором подробно и искренне говорит о трудностях снабжения и о том, что он мог и чего не мог сделать для профессоров и о чем предупреждал их. «А обид и угроз им, господам профессорам и свите их служителем, от меня никаких не было. И в тех своих доношениях написали (профессора) на меня напрасно».¹

Мало найдется в истории примеров столь тяжелого положения начальника, в котором находился Беринг.

В 1737 году через Илимск проехал знаменитый мореплаватель лейтенант морского флота Дмитрий Лаптев. 24 сентября он писал из Усть-Кутского острога в Илимск, что едет «с Северного моря с нужными ведомостями и с морскими журналами». Он потребовал лошадей и два «суденка». Но через 4 дня выяснилось, что по р. Илимю «за многим льдом» ехать было невозможно, поэтому Лаптев велел выдать ему и трем солдатам, сопровождавшим его, прогонные деньги до Тобольска (Фонд 75, арх. № 735, лл. 161-168).

Через год, 23 декабря 1738 года, Дмитрий Лаптев, будучи на обратном пути в Усть-Кутском остроге, предложил илимской воеводской канцелярии сообщить ему о сборе хлеба, о покупке масла «для моей и Харитона Лаптева команд». Кроме того, он распорядился о присылке к нему ссыльных в работу, чтобы он мог их осмотреть (Фонд 75, арх. № 836, л. 321).

A photograph of a handwritten document in Russian script. The text is written in dark ink on aged, slightly textured paper. The handwriting is cursive and somewhat difficult to read due to the age and the way the ink has spread. The signature appears to be 'Харитон Лаптев' (Hariton Laptev) followed by a date '1739'.

Подпись Харитона Лаптева.

Харитон Лаптев 10 января 1739 г. напомнил о необходимости прислать ему провиант, соль и корабельные снасти (там же, л. 251).

В том же году производится снова закуп 1000 четвертей ржи в Братском остроге для Камчатской экспедиции (там же, лл. 264-276).

Несмотря на то, что илимские, енисейский и тобольские крестьяне переобременялись работами по снабжению экспедиции, продовольственное положение ее становилось все более тяжелым.

Беринг близко стоял к своим сотоварищам по экспедиции и хорошо видел, в каких тяжелых условиях находились люди его команд. В рапортах Сенату, помеченных 30 июня и 30 октября 1738 г., сообщая о трудностях перевозки людей и грузов в Охотск, он писал: «...и в такой нужде весьма люди исхудали и от великой стужи иные служители познобили руки и ноги. Також и за неимением харчевоего запаса и от великой трудности многия такие есть, едва ходят, к тому ж наги и босы... И весьма жалосно смотреть на людей, ибо все платьем и обувью обносились, а помощи учинить никакой неможно и купить ничего негде, понеже оное пустое место... Нынешней год денежного жалования за неприсылкою денежной казны... не получали».¹

Лаптевы в начале 1739 года прибыли в Илимск. Харитон Лаптев, отправляясь «для описания Северного моря от реки Лены до реки Енисея», послал свою жену в Енисейск и потребовал от илимской воеводской канцелярии 2 марта 1739 г. три подводы (Фонд 75, арх. № 869, лл. 12-14, 30). Дмитрий Лаптев 3 марта послал следующее распоряжение в илимскую канцелярию: «Надлежит при команде бота «Иркуцка», когда будет у Северного моря для описи мысов и протчих разъездов иметь собак. Того ради, чтоб от илимской канцелярии определено дать, когда я поплыву к Якутску, а ныне приготовить в нижеписанных острогах по 12 собак, а имянно с Усь-Куцкой, с Киренской, с Криволуцкой волостей и выбирать таких, чтоб в тягу годных, а для промыслу лесного крестьянам не было [б] обидно» (там же, л. 32).

Когда Дмитрий Лаптев в начале июня начал свой путь вниз по р. Лене, то он по дороге забрал и собак. Заказчик Криволуцкой слободы 15 июня писал в Илимск, что Лаптев «у пашенных крестьян набрав в тягу годных 12 собак, а ценою... по 50 копеек... оных собак принял и уплавил с собою», но расписки не дал. Заказчик Киренского острога 9 июня писал, что собаки взяты без расписки (Фонд 75, арх. № 898, лл. 112-115).

Бегство из команд Камчатской экспедиции в 1739 году шло своим чередом. В мае от Харитона Лаптева бежали 4 «невольника». 8 и 14 июня братья Лаптевы сообщили в Илимск, что из их команды бежало трое служилых людей и

18 ссыльных (Фонд 75, арх. № 869, лл. 95, 139). В ноябре разыскивалось уже 32 служилых человека. Из Иркутска 20 февраля было объявлено о сыске бежавших работников, нанятых в Енисейске на сплав до Иркутска. Им было выдано 1061 руб. 33½ коп. В приложенном реестре значились: 1 «вожь», 5 кормщиков и 145 палубщиков.

Впрочем, сыски и розыски не миновали и самого Беринга. Сибирский приказ 10 ноября 1738 г. велел «подтвердить накрепчайшим указом», чтобы на месте был назначен осмотрщик для проверки багажа жены Беринга и его людей, с тем, чтобы все запрещенное к провозу в Россию отбиралось в казну. Илимск получил это скандальное распоряжение из иркутской провинциальной канцелярии, отправленное ею 12 марта 1739 г. (Фонд 75, арх. № 868, лл. 45-46).

По поводу отобранной пушнины у лекаря Буцковского, у лейтенанта Ендогурова и серебра, принадлежавшего якутскому воеводе Заборовскому, возникает обширная и длительная переписка.¹

Вещи, отобранные у жены Беринга, были сданы на хранение. В указе Сибирского приказа от 18 марта 1741 года об этих вещах допущены очень нелицеприятные для Беринга выражения: «пожитки капитана командора Беринга (в скобках: «в том числе может быть и немалая мяхкая рухлядь, набранная им, Берингом, в Якуцку в посулы и выменная им к женою ево па вино, которое он, Беринг, в Якуцку курил») по отдаче жены ево, поставлена для охранения... в якуцкую казенную полату». Из Охотска предупреждали якутскую воеводскую канцелярию, чтобы она «тех бы (вещей) без описи жене Беринга отдавать не благоволила, дабы она (жена), ведав о указе, той мяхой рухляди не ухоронила».²

Были осмотрены вещи мастера бортового дела Козлова и других лиц, все под предлогом исполнения указа о Беринге и его жене, как главных в потенции воров.

Иркутская провинциальная канцелярия писала в июне 1741 года в Сибирский приказ, что бывший командир Охотского порта Скорняков-Писарев задержал пушнину, которую вез Шпанберх. По оценке в Якутске она стоила 628 руб. 38 коп., а по оценке в Иркутске — 797 руб. 50 коп.

Иногда отобранная пушнина у членов Камчатской экспедиции, как например у Ендогурова, из Сибирской губернской канцелярии прямо направлялась в Сенат.³

Отобранная у Шпанберха пушнина, присланная в Сибирский приказ из Иркутской провинциальной канцелярии «за непродажею в Ыркуцке», пролежала в Москве 16 лет.

Фонд Сибирского приказа № 214, опись 10, арх. № 181, лл. 1-34.

² Там же, лл. 43-46.

³ Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 31/183, лл. 923-927.

Она была осмотрена в 1757 году в связи со сменой ларшного, причем оказалось налицо 29 бобров, 76 соболей, 40 лисиц, 9 «разсамак», 940 горностаев и один соболий мех. Вся пушнина была побита молью, многие шкурки оказались «поцвелые», а часть «никуда [не] годных».¹

Возвращаемся к прерванному изложению.

1740 год открылся указом иркутского вице-губернатора Бибикова от 23 февраля. В указе сообщалось, что для Камчатской экспедиции и «на Охоцкое правление» требуется до 55000 пудов хлеба, 698 пудов пеньки и «отрепья», 30500 аршин холста «на парусы и на мешки», 315 пуд. 36 фун. масла, 400 пудов соли, 360 ведер простого вина и 252 работных человека.

Бибиков сообщил, что на ленские пристани посланы провиантмейстеры и закупщики для сбора и покупки продуктов. Он велел выбрать для работы на плотях 188 человек из илимских разночинцев, не положенных в хлебный оклад, а если таких нехватит, то и «из положенных в платеж оброчного провианта», но не из семейных, — по 3 человека с 100 душ муж. пола.

Расчет его был таков: в острогах и слободах Иркутского ведомства по генеральной переписи числилось 2653 души разночинцев и крестьян, а по Илимскому ведомству 6254 души, значит, из Илимска нужно назначить 188 чел. Из этих цифр следует, что по численности сельского населения Илимский уезд превосходил Иркутский уезд почти в 2½ раза.

Выделенных рабочих предписывалось выслать к 1 апреля на Верхоленскую, Усть-Илгинскую и Усть-Кутскую пристани «с добрыми отivotчики» (Фонд 75, арх. № 930, лл. 276-278).

Несмотря на суровый указ, уже при отвале плотов с Усть-Кутской пристани бежало 6 человек. С Верхоленской пристани таким же образом исчезло 14 илимских служилых людей.

Затем в Усть-Кутский острог добровольно явился беглый присильный, отплывший с командой Лаптевых в Якутск. Беглец заявил, что «за недачею мне правианта и за неимением дневной пищи... бежал» (Фонд 75, арх. № 926, лл. 8-9).

Капитан Маремьянинов прислал в Илимск известие о бегстве 4 ссыльных и сообщил их приметы. У троих лицо было «побито оспою», у двух — «нос резан», у одного — «ноздри резаны» (Фонд 75, опись 2, арх. № 285, л. 82).

В том же году поступило сообщение из Якутска о бегстве с дороги 17 крестьян и ссыльных от капитана Мозовского, 14 человек от провиантмейстера Ордина и 17 человек от Его-

ра Попова (там же, лл. 114-115). В Илимске также были получены сведения о бегстве 3 ссыльных подмастерьев «от угольного жжения, от рубки угольных дров, ис кузницы», определенных в вечную работу на железоплавильный завод близ Якутска (там же, л. 125).

В другом деле имеется реестр беглецов, в который внесено 52 чел. Все они, видимо, бежали из команд Камчатской экспедиции (Фонд 75, опись 2, арх. № 286, лл. 82-83).

За 1740 год имеется переписка по разным мелким вопросам снабжения экспедиции. В частности, по Лене было сплавлено 330 ведер вина в сопровождении выборных посадских людей. Но выборные жаловались на «скудость», т. е. на голод от недостатка продовольствия. Илимский воевода Кондратьев велел на пропитание выборных собрать с посадских по 1 рублю с души.

В том же году на Усть-Кутской пристани были приняты суда Чирикова и Шпанберха, на которых они возвратились из Якутска. В числе судов имелось 3 дощаника, судов «мелкоходных» — 4 и 7 лодок. На 5 судах имелись очаги, на дощаниках — печи. «В тех же судах кают з железною управою и с нары» (Фонд 75, опись 2, арх. № 286, лл. 47-48).

Тяжелое положение с продовольствием Камчатской экспедиции, сложившееся в 1740 году, еще более осложнилось в 1741 году. В январе Сибирский приказ потребовал от сибирской канцелярии отправки хлеба в Камчатскую экспедицию из Енисейска, Красноярска и Томска, «не имея на Иркутскую провинцию надежды». Всего Сибирский приказ намеревался заготовить до 50000 пудов хлеба и 3000 пудов крупы.

Спустя месяц, Сибирский приказ получил просьбу иркутской провинциальной канцелярии послать хлеб «с крайним поспешением». Сибирский приказ ответил, что дано распоряжение в Енисейск «крепчайшим указом... яко к нужнейшим ея императорского величества интересу». Если же в Енисейске хлеба окажется недостаточно, то велено «крепчайшим указом» — купить и отправить «с крайним поспешением». Тут же Сибирский приказ сообщил, что по донесениям из Енисейска, там хлеба у крестьян нет, что по осмотру енисейских дворян и детей боярских «молоченого и немолоченого хлеба в скирдах и в кладях и в домах их, у многих ничего не явилось и пропитание имеют себе нужное». Поэтому Сибирский приказ предлагает иркутской провинциальной канцелярии отправить весь свой наличный хлеб Берингу, «не имея на енисейскую провинциальную канцелярию надежды, с крайним поспешением».

Еще не получив этого указа, иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг вновь сообщает в Сибирский приказ о тяжелом положении с хлебом в ленских волостях, откуда шло

главное снабжение продовольствием Камчатской экспедиции. Л. Ланг ссылается на следующее сообщение Девизера с Лены, посланное в Иркутск в июне 1740 года: «в зборе доимочного правианта и к будущему году на тамошних крестьян надежды иметь невозможно для того, что в прошлых 1738-м и 739-м годах хлеб не родился, чего ради прикащики бьют их непрестанно на правеже, правя с них правиант».

Несмотря на недостаток хлеба и неурожай в Енисейске, воевода Валмасов осенью 1741 года отправил в Илимск 12 дощаников с 12429 пудами хлеба. Об этом сибирская губернская канцелярия сообщает в Сибирский приказ 27 ноября. А за неделю до этого она же доносит, что по сообщению енисейской провинциальной канцелярии крестьяне в ряде деревень «питаются... травами, капреем и боршом».

Урожай 1741 года в Иркутской провинции был крайне мал. Значит, и 1742 год не мог принести Камчатской экспедиции никакого улучшения.

В декабре 1741 года, когда уже были от всех уездов получены сведения о полном неурожае, из Иркутска написали в Сибирский приказ: «в зборе и в покупке правианта надежды никакой иметь невозможно», так как с 1734 года хлеб на Лене топило, а в 1741 году там «хлеб весь вызяб», в Селенгинске и Нерчинске «хлебы водами вытопило», в Илгинском остроге, где обычно покупали хлеб, урожай «от морозу позяб».

А в Охотске в это время сложилось невыносимое положение: там не было ни хлеба ни денег, жалование не платили ни за 1739 ни за 1740 год, вместо хлеба выдавали деньгами по 25 копеек за пуд. Как писал 28 декабря 1740 г. командир Охотского порта, мука продавалась там «по два рубли и по два рубли по пятьдесят копеек пуд» и заканчивал рапорт безнадежным тоном: «Команды Охоцкого порта служилые и протчих чинов люди не токмо что в пропитании претерпевают голод, но и платья и обуви у себя многие не имеют».

Вот какое отражение получило в делах Сибирского приказа продовольственное положение Камчатской экспедиции в 1741 году!¹

К 1741 году тяжелые неурожай охватили и Енисейскую провинцию. Но енисейский воевода Валмясов только в ноябре 1741 года, и то между всякими другими делами и вскользь, сообщил сибирской губернской канцелярии о голоде, постигшем ряд волостей: жители там «за неимением хлеба от хлебного недороду, питаются... травами кипреем и боршом».

20 ноября 1741 г. сибирская губернская канцелярия сообщила об этом в Сенат. В журнале Сената от 8 января

Сибирский приказ, фонд 214. опись 10, арх. № 71, лл 1-4, 34-38, 45-47, 52-61, 76, 100-102, 141-142, 145-146.

1742 г. появилась запись: выдать хлеб недородным волостям Енисейской провинции на семена и на еду взаимы.¹

За 1741 год переписки о снабжении Камчатской экспедиции в илимском фонде почти нет. Но в Илимске имелись ясные доказательства, что положение с продовольствием в экспедиции было очень тяжелым. 18 марта 1741 г. из иркутской провинциальной канцелярии рассылается указ в Балаганский и Верхоленинский дистрикты, «в подгородные к Иркутску слободы» и в остроги и слободы Илимского ведомства, чтобы «впредь, пока удовлетворена будет Камчатская экспедиция, никакого правянта партикулярным людям отнюдь не продавали под жестоким штрафом и истязанием». От крестьян было велено собрать подписки, что они никому хлеба продавать не будут (Фонд 75, арх. № 1065, л. 5).

В следующем, 1742 году, с Илимском не велось почти никакой переписки о делах Камчатской экспедиции. Поступившие указы касались самых обычных дел. Например, стало известно от якутской заводской конторы, что бежало 14 ссыльных (Фонд 75, арх. № 1023, лл. 210-212).

А между тем положение с хлебом в Сибири и особенно в Енисейской провинции к лету 1742 года становилось плачевным. 19 июня сибирская канцелярия писала в Сенат, что по сообщению енисейской провинциальной канцелярии «крестьяне за недостатком и недородом хлеба и паче за скудостью питаются травами, назад тому лет с пять, называемой сараною, черемшею, боршом, сосновым и пихтовым соком и кедровыми шишками. А тот де хлебной недород учинился у них назад тому лет з десять оттого, что в прошедших годах многие из оных жителей и крестьян посылаемы были в Камчацкую экспедицию в подводах до города Илимска с лошадьми своими, которых лошади дорогою все перепропали. А имеющийся их пахотный земли, на которых землях прежде сего деда и отцы их, также и они хлеб сеяли, все выпахались и хлеб де родится весьма плох».²

1743 год ознаменовался новыми затруднениями Камчатской экспедиции. Положение с продовольствием становилось безвыходным. Снова требовалось перебрасывать хлеб на тысячеверстные расстояния.

В промемории енисейской провинциальной канцелярии от 20 июля 1743 г. сообщалось, что «во ассигнованную 20-тысячную пудов сумму» отправлено в Илимск оброчного и десятинного хлеба 684 пуда, четверикового 4563 пуда, присланного из Тобольска 318 пудов и доставленного из Красноярска 5966 пудов — всего 11531 пуд на 2752 рубля. Этот хлеб был отправлен из Енисейска к устью р. Илима на 13 дощаниках,

¹ Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 32/184, лл. 17-19.

² Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 32/184, лл. 28-30.

на каждом из которых находилось по 22 рабочих — всего 286 человек, в том числе 132 из Енисейска и 154 из Красноярска.

Хлеб был благополучно доставлен к устью р. Илима, где его принял представитель илимской воеводской канцелярии, а дощаники пошли обратно в Енисейск (Фонд 75, арх. № 1109, лл. 40-52, 76-78).

Иркутская провинция испытывала в 1743 году настоящий голод.

Сибирская губернская канцелярия 30 июля 1743 г. доносила в Сенат о неурожае в Иркутской провинции и просила, выслать хлеб для Камчатской экспедиции из Енисейска и Тобольска, «понеже де в Ыркуцком ведомстве за недородом хлеба означенных экспедицей удовольствовать нечем и в том учинилась крайняя остановка». Иркутская провинциальная канцелярия сама писала о том же в Енисейск: «в Ыркуцке, також и в Ылимском ведомстве, где наперед сего те команды (Камчатской экспедиции) довольствовались провиантом, збором и покупкою, за недородом хлеба достать никак невозможно... Тамошния крестьяне и других чинов люди за неимением хлеба питаютца травою и сосновою корою и разным кореньем».¹

Главный начальник экспедиции погиб, и дела по руководству фактически вел капитан Чириков.

Но долгое время смерть Беринга не была известна.

Сенат, занятый разбором склоки между командирами Камчатской экспедиции и начальником Охотского порта, послал 17 сентября 1741 г. указ Берингу и Шпанберху — быть послушными следователю. Но указ получил Чириков и 20 сентября 1743 г. писал в Сенат: «сим покорнейше репортую, что капитана командора господина Беринга в живых уже не обретається, но в бытность в вояже, будучи на некотором острове, еще прошлого 741 году декабря 8 числа волею божиею умре».²

Илимск продолжает получать со всех сторон требования об удовлетворении различных нужд экспедиции. Из Иркутска поступает распоряжение об отправке в Якутск 3000 пудов соли, о закупке 300 пудов масла. Якутск требует присылки 3744 пудов крупы, 500 пудов пеньки.

Лейтенант флота Андрей Колычев, назначенный в Якутск на место советника Ларионова «ко отправлению в Камчатскую экспедицию всяких потребностей», просит илимскую канцелярию выдать ему и его трем денщикам денежное жалование — 314 руб. 72 коп., а также 87 пудов муки и 6 пудов крупы. Для переезда из Илимска в Киренск, где он решил

Фонд Сената № 248, опись 4, арх. № 32/184, лл. 39-51.

² Фонд Сената № 248, арх. № 28/180, л. 200.

«весновать», он требует приготовить удобное судно (там же, лл. 1,4-6,9).

В ноябре из Чечуйского острога сообщили, что «под архимандрита Иоасафа Хатунцевского, под обретающуюся при нем свиту и под церковную утварь на судно работных людей» дано 18 человек и один «вож» (Фонд 75, опись 2, арх. № 356, лл. 5-6).

Дмитрий Лаптев пишет, что он будет 4 августа на устье р. Куты и велит приготовить ему на устье р. Илима судно с 6 рабочими и выделить «одного доброго вожа», снабдить судно бечевой, веслами и шестами с оковами. Илимск все исполнил к 9 августа (там же, лл. 15-20). Лаптев, направлявшийся в Петербург, проехал по Ленскому волоку из Усть-Кута в Илимск на 36 лошадях. Он один из немногих членов Камчатской экспедиции понимавший, какое отягощение для крестьян приносила эта экспедиция, писал 2 августа приказчику Усть-Кутского острога: «Известно мне, что от илимской канцелярии по указу для проезду моего собирают крестьян чистить дорогу от Усь-Куты до Илимска. А ныне пора самая нужная, рабочая. Того ради, ни одного человека для чищения дороги не собирать, а ежели собраны, то распустить. А будут чистить проводники, которые за подводами» (Фонд 75, опись 2, арх. № 352, л. 248).

Казалось, все шло обычным путем. Писались указы, плыли суда, выгонялись на работу крестьяне и разночинцы, тянулись подводы, бежали вконец забитые люди. Но уже появлялись новые признаки того отчаянного положения, в котором находилась Камчатская экспедиция.

Чириков отправляет 26 августа из Якутска промеморию, полученную в Илимске 24 октября, что «за оскудением экспедиционного правянта отпущено из Якуцка Камчатской экспедиции работных людей, служилых, пашенных крестьян и ссыльных, всего 150 человек».

Все эти изголодавшиеся и надорванные на непосильной работе люди должны были жить до весны 1744 года в ленских волостях (Фонд 75, арх. № 1109, лл. 67, 83-87). 28 октября последовал указ иркутской провинциальной канцелярии, что Чириковым «за умалением» в Якутске провианта отпущено 108 крестьян, 29 служилых и 13 ссыльных в сопровождении 11 солдат. Всех велено было расставить по селениям Киренской, Усть-Илгинской и Верхоленьской волостей (Фонд 75, опись 2, арх. № 355, лл. 3-6).

Промеморией от 23 июля 1743 г. Чириков известил илимскую воеводскую канцелярию об увольнении 8 илимских служилых людей и 53 пашенных крестьян, работавших на перевозке хлеба из Якутска до Юдомского Креста (Фонд 75, опись 2, арх. № 368, лл. 81-83).

Вслед за рабочими, которых не была в состоянии прокормить Камчатская экспедиция, потянулись на запад и начальники.

Снова на Илимск была возложена обязанность перевозить многочисленный персонал экспедиции, только теперь в обратном направлении.

В апреле 1744 года пришло в Илимск из Якутска распоряжение Чирикова, чтобы ему подготовить в Усть-Куте 109 подвод, считая на каждую по 3 лошади, — всего 327 лошадей, а на р. Илеме 6 или 7 дощаников «с принадлежащими судовыми припасы». На каждом судне должен находиться лоцман и 4 рабочих «для гребли». Кроме того, приготовить 300 пудов муки и 20 пудов крупы (Фонд 75, опись 2, арх. № 372, лл. 1-5).

Чириков в промемории указывал: «велено мне и от флота ж капитану Шпанберху для крайняго в Ыркутской и Енисейской правинциях хлебного недостатку до будущего указу в морские вояжи более не ездить» и сообщал список служителей Камчатской экспедиции, которые будут следовать в Енисейск через Илимск.

В список вошли: флота капитан, 2 лейтенанта, 2 шкипера, 3 геодезиста, «артилерного корпуса констапель», 2 лекаря, 3 подлекаря и лекарский ученик, 2 гардемарина, 4 писаря, 4 боцмана, 3 канонира, 4 квартирмейстера, 8 матросов. Из «адмиралтейских»: 3 плотника, токарь, 4 «купора», 6 конопатчиков, 5 парусников, «кузнешной десятник», кузнец, прядильный десятник, 4 прядильщика, 9 сибирских плотников и 43 солдата с барабанщиком. Всего в списке состояло 119 человек (Фонд 75, опись 2, арх. № 372, лл. 70-72, 119).

13 июля Чириков, прибыв в Усть-Кут, велит приказчику принять суда, на которых он ехал, разную утварь и припасы (Фонд 75, опись 2, арх. № 378, лл. 15, 28).

Вслед за Чириковым в Усть-Кут является Шпанберх и 23 июля велит приказчику: «собрать тебе под нас и под команду нашу к проезду чрез Илимской волок... 61 лошадь... в самой крайней скорости, безумедлительно» (Фонд 75, опись 2, арх. № 372, л. 76).

Капитан Чириков, приехав в Илимск, потребовал 23 июля 1744 г. от илимской канцелярии дать ему на устье р. Илима дощаник, 6 павозков и лодку. 30 июля шкипер Д. Коростелев и штурман Х. Юшин дали расписку воеводской канцелярии в получении двух павозков для сплава до Енисейска (там же, лл. 85, 86).

23 июля из Якутска в Усть-Кут приехал лейтенант Ваксель и сдал местному приказчику 3 дощаника, 4 судна мелкоходных, 7 лодок, бечеву, ванты, паруса, брасы, шкоты, векши, бурундуки, причалы. На одних судах были устроены печи, на других — камельки (там же, лл. 87-88).

Но хлеб и другие припасы, приготовленные в 1743 году для Камчатской экспедиции, продолжали в 1744 году заданное движение на восток. По указу иркутской провинциальной канцелярии от 3 декабря 1743 г. было велено прибывший на устье р. Илима енисейский хлеб в количестве 11929 пуд. 5 фун. перевезти на Усть-Кутскую пристань. Хлеб предназначался уже для винокурения и для питания возвращающихся команд Камчатской экспедиции.

Тогда же, в 1744 году, Иркутск дал распоряжение Усть-Кутской заставе пропустить продовольствие и разные припасы, купленные лейтенантом Писаревым для капитана Чирикова и лейтенанта Колычева «для их домово́й провизии»: 40 пудов кедровых орехов, 1000 пудов хлеба, 8 тюней китайки, 30 пар сапогов, 2 пуда сахару, 40 бахчей чаю, 120 аршин сукна, 180 ведер простого вина в 6 бочках (Фонд 75, арх. № 1139, л. 5).

В 1743 году илимская воеводская канцелярия составила сводный отчет о расходах на Камчатскую экспедицию за 1733-1742 годы (Фонд 75, арх. № 1183, лл. 722-779).

Конечно, этот отчет не мог быть полным и не все расходы отражает он в действительных величинах. Например, совершенно не учтена рабочая сила, занятая в течение 10 лет на сплаве, расходы на перевозки исчислены илимской канцелярией по выплате прогонов согласно «платных цен», т. е. гораздо ниже, чем стоила крестьянам подводная гоньба.

Все денежные выплаты, произведенные илимской воеводской канцелярией по распоряжению чинов Камчатской экспедиции за указанный срок, определены ею в сумме 9300 руб. 07 коп. (впрочем, в этих расходах есть какая-то невязка на 53 рубля).

Основная часть выплат падает на выдачу денег за подводы — 4177 рублей. Если считать, что перевозки оплачивались по 1 деньге за подводу и версту, то окажется, что илимские крестьяне только по оплаченной гоньбе дали 835400 подвод-верст. Далее, выдано денег на судовое строение 1816 руб. 65 коп., следовательно, принимая среднюю оплату рабочего по 5 копеек в день, на этой работе было затрачено 3633 человеко-дня.

В общем, 44,9% денежных выплат приходится на подводную гоньбу, 30,8% на судовое строение, 14,0% на снабжение различными припасами, 9,7% на жалование чинам экспедиции и 0,6% на какие-то мелкие расходы.

В сумму расходов не включены выплаты, связанные с проездами профессоров Камчатской экспедиции.

Кроме расходов в денежной форме, в отчете илимской воеводской канцелярии отражен отпуск Камчатской экспедиции разных припасов в натуре.

Всего выдано и сплавлено хлеба в разных видах 97406 пудов, не считая енисейского провианта. Из указанного количества сплавлено муки 77164 пуда, крупы 7939 пудов, отдано крестьянами своего хлеба вместо перевозки грузов из Кежмы 2900 пудов. Остальное падает на купленный хлеб, на солод, семена, сухари и хлеб в зерне.

За то же время отправлено в Якутск соли 7325 пудов.

Илимская воеводская канцелярия оценила (неполностью) расходы на экспедицию в 15786 рублей.

Главная тяжесть содержания Камчатской экспедиции пала, разумеется, на крестьян. Они поставили многие десятки тысяч пудов хлеба, они осуществили все сухопутные перевозки в пределах Илимского уезда, они дали главную часть рабочей силы на сплав.

После 1744 года лишь случайные незначительные дела напоминают изредка о Камчатской экспедиции, как последние всплески столь недавно волновавшейся реки.

Илимский служилый человек Иван Попов «меньшей» еще оставался «для сохранения судов и материалов», покинутых Шпанберхом на Юдомском Кресте, но и он, как последний и единственный представитель Камчатской экспедиции, в марте 1746 года подал челобитье об увольнении и выдаче ему жалованья, причем выразительно писал: «а в. прошлом же 743-м году оная Камчатская экспедиция рушилась» (Фонд 75, опись 2, арх. № 391, лл. 27-29). Этим словом «рушилась» местные жители обозначали конец знаменитых исследований на Дальнем Востоке, предпринятых по замыслу Петра.

В разных местах Илимского уезда еще оставались суда, которые обслуживали Камчатскую экспедицию, но и они вскоре были проданы с торгов или сломаны (Фонд 75, арх. № 1433, лл. 53-54).

В делах 1753 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 661, лл. 49-53) имеется черновик ответа илимской воеводской канцелярии на указ иркутской провинциальной канцелярии, в котором излагается жалоба братьев Лаптевых, что снабжение их команд в 1739 году «отправлялось... с великою слабостию и непорядком».

Воеводская канцелярия даст подробные объяснения по всем вопросам снабжения команды братьев Лаптевых и заключает: «против которых их промемориев илимская канцелярия никакой виновности и во отправлении к ним всяких припасов слабости не признаетца».

В том же 1753 году иркутская провинциальная канцелярия согласно требованию Сибирского приказа предложила пересоставить отчет о расходах на Камчатскую экспедицию с начала ее работ и до 1743 года. Итак, канцеляристам в Иркутске и Москве понадобилось 10 лет на то, чтобы обду-

мать вопрос — хорош или плох отчет илимской воеводской канцелярии. Но для бюрократической системы характерна не только умопомрачительная медлительность — столь же свойственна ей и холерическая спешка.

Поскольку Сибирский приказ пришел, наконец, к заключению, что отчет Илимска нехорош, то из Иркутска немедленно посылается нарочный солдат для понуждения илимской воеводской канцелярии — пересоставить отчет «под опасением тягчайшего штрафа» в самый короткий срок. Солдату было велено держать воеводу в канцелярии «безысходно, а с приписью подьячего и приказных служителей — скованных безвыпускну». Прогонные, выданные солдату на проезд от Иркутска до Илимска, он должен был взыскать с илимской воеводской канцелярии (Фонд 75, опись 2, арх. № 665, лл. 14-15).

Кажется, на этом и должна была бы закончиться драма, поскольку все действующие лица ее прошли перед зрителем и покинули сцену. Но перед самым закрытием занавеса появляется илимский отставной казак Василий Бутаков и заявляет (21 июня 1754 г.), что у него под охранением осталось масло, предназначенное для снабжения Камчатской экспедиции.

Илимская воеводская канцелярия наводит по заявлению Бутакова справки и устанавливает, что масло было принято 12 февраля 1734 г. (20 лет назад!) у енисейского сына боярского Пантелея Лалетина вместо негодного. Всего налицо должно было остаться 43 пуда 35 фун. Но при проверке оказалась недостача 9 пуд. 7 фун. Естественно предположить, что воеводская канцелярия должна была забеспокоиться, — как могло случиться, что масло, поступившее на замену негодного, пролежало «под охранением» 20 лет и почему не было своевременно использовано.

Но, нет! Ведь указа о расходе масла не было, значит, оно должно храниться; а вот почему его нехватило — на это нет никакого документа.

И илимская воеводская канцелярия повела следствие о недостаче масла.

Однако только через 2 года Бутаков был допрошен и на допросе предъявил письменные приказы воеводы Попова, по которым масло расходовалось на освещение (Фонд 75, арх. № 2047, лл. 360-384).

Следствие о масле было последним отзвуком дел о снабжении Илимском Камчатской экспедиции.

* * *

На протяжении десяти лет Илимск являлся основной базой Камчатской экспедиции, а илимский пашенный крестьянин — невольным участником и главной ее силой. Экспеди-

ция действовала на крепостнических началах, и она неизбежно должна была подорвать эту основную силу, углубить упадок крестьянского хозяйства в неурожайные годы и таким образом сделать невозможным продолжение великих научных работ. Не придворные интриги, как это иногда изображается историками, а глубокий упадок крестьянского хозяйства Восточной Сибири и последовавшие голодовки, вызванные Камчатской экспедицией, прервали ее работу.

И потомки, воздающие честь славным деятелям этого поразительного научного предприятия, лишь выполняют свой долг, если вспомнят о позабытом герое — пашенном крестьянине, на плечи которого крепостниками была возложена непомерная тяжесть работ в Камчатской экспедиции.

СНАБЖЕНИЕ ПРОФЕССОРОВ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Кроме обслуживания команд Камчатской экспедиции, илимская воеводская канцелярия должна была организовать переезды профессоров этой экспедиции и удовлетворять некоторые их требования, связанные с исследованием края.

Хотя состав научной части экспедиции был сравнительно невелик и профессора со своей «свитой» довольно редко проезжали через Илимский уезд, а значит, и не могли многого потребовать от местной власти, все же и для них приходилось строить суда, выгонять крестьянские подводы, собирать рабочих и изыскивать денежные средства.

Первое требование профессоров, направленное в Илимск, касалось поимки некоторых зверей.

Получив это задание от профессоров, илимская воеводская канцелярия 10 мая 1733 г. направила в волости указ, в котором требовала «сыскать зверей, маралов, изюбрев...» На это требование из Яндинского острога отвечали: «в Яндинску и в присутствующих деревнях вышеозначенных зверей в сыску не явилось, а ежели в сыску и в поимке явятца, то в ылимскую канцелярию пришлютца» (Фонд 75, арх. № 334, л. 64).

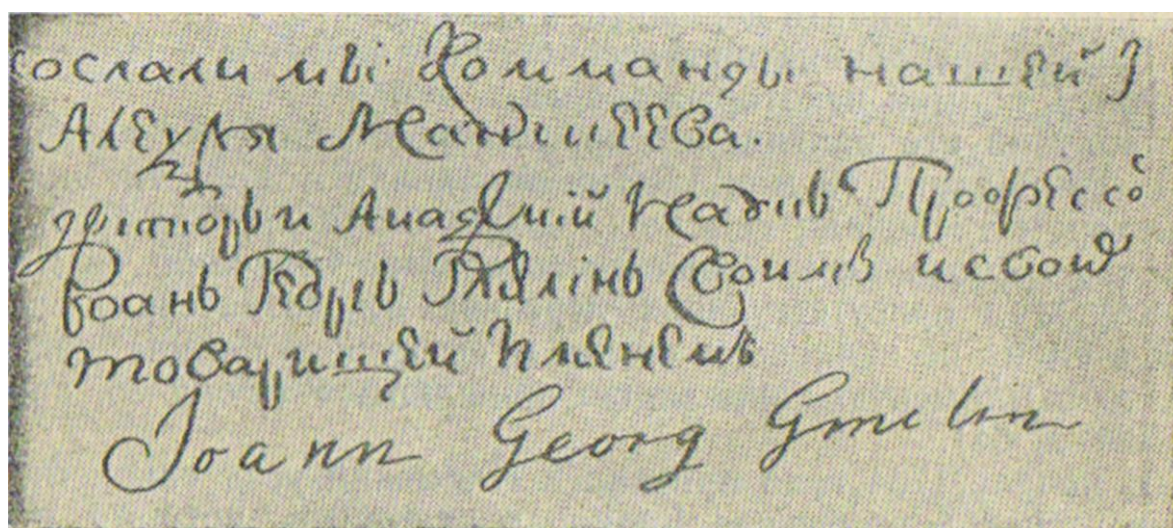
В начале 1734 года приехал в Илимский уезд «академии наук господин профессор Делил де ля Кроер», который потребовал на Падунский порог 2 дощаника и 30 крестьянских подвод (Фона 75, опись 2, арх. № 170).

В том же году в Усть-Илгинской пристани строится 3 дощаника для профессора астрономии, который ожидался из Иркутска.

Затем требуются подводы профессорам Камчатской экспедиции и их свите (имена далее даются с сохранением старинного правописания): Герарде Фридриху Миллеру, докто-

ру Гмелину, Людвиху Делиль де ла Кроеру, живописцу Беркану, рисовальному мастеру Люрсениусу, геодезистам — Андрею Красильникову, Александру Иванову, ученикам-геодезистам Ивану Штырину и Алексею Макшееву, студенту и переводчику Илье Яхонтову, студентам Стефану Крашенинникову, Федору Попову, Василию Третьякову, Луке Иванову, Алексею Горлянову, Петру Метельному, ученику Степану Овсяникову, подлекарю Браунеру, «бергауру» Григорию Самойлову, «квартиемистеру» Макару Андрееву, кузнецу Прокопию Фомину. Кроме того, требовались подводы под аптеку и инструменты (Фонд 75, опись 2, арх. № 170).

Доктор и Академии наук профессор Иоганн Георг Гмелин 21 февраля 1736 г. послал из Братского острога в илимскую воеводскую канцелярию следующую промеморию: «понеже мы известились, что в Илимском уезде на Лене находится зверь кабарга... того ради требуем, чтоб ради положенных на нас по имянному ея императорского величества указу исследований, из илимской канцелярии к кочующим на Лене реке ясашным иноземцам указ послан был, дабы они со всяким старанием онаго зверя, самца с самкою живых, да двух самцов убитых промыслили. И понеже оной зверь от природы нежен, того ради надлежит с живыми весьма бережно водиться, чтоб не умерли, а кормить их тем, чем они обыкновенно питаются... А убитых, не вынимая из них нутреного ничего, привозить к нам в Илимск в самой скорости» (Фонд 75, арх. № 558, л. 210).

Послали мѣ: Романовы наши
 Алехуя Маддинѣва.
 звитовъ и Анастасій Кадивъ Профессоръ
 Романъ Коровъ Якимъ Соинъ и Соинъ
 товарищъ Иванъ
 Ioann Georg Gmelin

Подпись И.Г. Гмелина.

Понятно, никому — ни ясачным ни приказным избам — не захотелось связываться с кабаргой, поэтому через месяц из Киренской, Хандинской и Усольской ясачной волости сообщили, что зверей «упромыслить» не могли. Об этом илимская воеводская канцелярия и сообщила «Академии наук господам профессорам» (там же, лл. 210, 213-214).

К приказчикам Илимского уезда профессора, причисленные к Камчатской экспедиции, обращались и с чисто исследовательскими вопросами, касавшимися природы, хозяйства и быта Илимского края.

Но оторванность профессоров от народа, незнание русского языка и наукоподобные канцелярские вопросники, с которыми профессора обращались к приказчикам, привели к полному провалу всякие попытки получить сведения непосредственно от волостей. Профессора не обратились к крестьянам, которые кормили и поили, перевозили и оберегали профессоров, но не стали ни их советчиками, ни их помощниками. А между тем крестьяне лучше всяких канцелярий могли бы дать ответы на многие вопросы профессоров.

Не получая ответа от приказных изб, профессора не хуже воеводы рассылали солдат, которые понуждали писчиков отвечать на заданные вопросы.

Таким путем профессора получили от некоторых волостей ничего не говорящие ведомости.

Вот некоторые примеры к сказанному: «Ведомость... Тутурской слободы приказной избы. По указу ея императорского величества и по требованию Енисейского полку салдата Афонасия Посникова и против данного ему суплемента из ылимской канцелярии с показанными при нем пункты о всяком звании и о изъявлении. А что и чего против суплемента в сей ведомости описано — и то значит ниже сего, а имянно... Против девятого на десят (т. е. ответ на 19-й пункт или вопрос): ничем более земские люди не питаютца, токмо имеющийся той Тутурской слободы люди питаютца хлебом и друго. всякою черною работою... Против осмого на десят: и за какие вины смертию и какою казнят, про то незнато ж» (Фонд 75, арх. № 615, лл. 109-113).

Приказчик Орленской слободы Иван Шангин очень красивым почерком изложил то, что было известно всем, в том числе и профессорам, — о впадении речек Кухты и Орленги в Лену. «А вершины (р. Кухты) не знатно... А вершины ея (р. Орленги) неявно... А более люди в той слободе питаютца земноделием» (там же, лл. 91-93).

Конец ответов, полученных профессорами из Илгинского острога, гласил: «ворожей, колдунов, волшебников не имеетца и о их состоянии и о протчем сочинить не с чего» (там же, лл. 104-108).

В мае 1736 г. Гмелин потребовал от приказчика Илгинского острога Афанасия Турченинова починки двух дощаников и постройки новых лодок, для чего велел выслать ему 9 ссыльных и 50 крестьян.

Гмелин предложил выбрать крестьян «из семейных домов, чтоб во время страды не было им помешательства. И приказать им, чтоб они для всякого случая готовились в путь до

Якуцка и того ради запаслись надлежащим запасом». Впрочем, Гмелин обещал, если будет возможность, заменить большую часть крестьян другими крестьянами из иных волостей. «А работные деньги даваны будут им по плакату» (Фонд 75. арх. № 619, л. 22).

И вот, хотя и приказчик и крестьяне знали, что на 2 дощаника никогда не потребуется 60 рабочих, Гмелину направляется, кроме 9 ссыльных, еще 49 крестьян. Никто не говорит Гмелину, что его слова о страде бессмысленны, так как он требует крестьян в весеннюю пору и задержит их при сплаве в Якутск до зимы, а просто выполняют его распоряжение.

Приказчик Турченинов 27 мая пишет подобострастно и очень дурным почерком: «Высокоблагородные и почтенные господа профессора, премилостивые государи... Пятьдесят человек выбрал, которых соблаговолите приказать принять... Вашего высокоблагородия всенижайший слуга прикащик Афанасей Турченинов» (там же, л. 23).

На самом деле приказчик выбрал, как следует из его письма и как можно установить из списка, приложенного к этому письму, почти исключительно малосемейных, а значит, маломощных и бедных крестьян.

В феврале 1736 года в пределах Илимского уезда появляются Герард Фридрих Миллер и Иоанн Георг Гмелин. В промемории, посланной из Братского острога в Илимск, Миллер писал: «Камчатской экспедиции от профессоров Академии наук в илимскую канцелярию. Для переезду нашему от сюды до города Илимска потребно есть, чтоб ради дальней езды через волок от Анамырской деревни (ныне — Б. Мамырь) до Илимска на половину дороги из Илимска к нам навстречу подводы посланы были. А в подорожной показано на 26 подвод и надеемся на половину волока быть сего февраля 26 числа. А понеже дорога через помянутой волок гориста и трудна, то надлежит подводчикам объявить, что ежели кто одною лошадию подводу везти не надеется, то позволяется тому вместо одной столько лошадей взять, сколько ему понадобится. И илимская канцелярия да благоволит о том учинить по ея императорского величества указу».

Подводы Миллеру, прозрачно намекавшему на желательность высылки ему дополнительных лошадей сверх 26, указанных в подорожной, были своевременно высланы на половину Ангарского волока.

21 февраля Миллер, еще будучи в Братском остроге, послал с солдатом в Илимск вопросник, на который воеводская канцелярия должна была дать ответ к приезду профессора. Солдат прибыл в Илимск 27 февраля, значит, затратил на переезд через волок 6 дней.

«Того ради, — писал Миллер, — от илимской канцелярии требуем, чтоб по силе данного нам из сибирской губернской канцелярии послушного указа в илимской канцелярии на следующие пункты ведомость сочинена и при приезде нашем нам сообщена была, а имянно: » (идет 7 пунктов). «А команды нашей студенту Алексею Горланову позволено [бы] было старинные приказные дела пересмотреть и что от него выбрано будет, оное по приезде нашем для прочтения в нашу квартиру прислать надлежит» (Фонд 75, арх. № 625, лл. 21-22).

Собираясь ехать в Якутск, Миллер 18 марта требует от илимской воеводской канцелярии, чтоб был назначен «искусной тунгусского языка толмач». Ему называют крестьянина Усть-Кутского острога Логина Каемонова (там же, лл. 84-85).

В тот же день Миллер берет от илимской канцелярии 3 подводы для рисовального мастера Люрсениуса, который направляется до Верхоленского острога и Качинской деревни. Одновременно Миллер заказывает себе и своим товарищам 24 подводы.

Профессора переехали через Ленский волок и благополучно достигли Усть-Кута; по крайней мере с дороги они не слали никаких приказов в Илимск. Но, едва прибыв на Лену, 28 марта, Гмелин предлагает выдать годовое денежное и хлебное жалование в размере 5 рублей и 3 четвертей 1½ четверика хлеба новокрещенному тунгусу Офоньке Огорелкову, назначенному стрелком в команду профессора. Этот тунгус оказался ловким жуликом, увидевшим в профессорах сильных, но несмышленных господ. Он должен был добывать птиц и зверей для чучел. Но он заявил, что у него нет винтовки и что она находится у жены сына боярского Никифора Литвинцева. Гмелин тотчас приказал возвратить винтовку тунгусу. На допросе жена Литвинцева сообщила, что тунгус нанимался в работу, но, не дождавшись срока, ушел от них, взял займы 7 рублей и оставил в залог винтовку.

Тунгусу возвратили ружье, анулировали его долги и выдали деньги и хлеб за год вперед. Ему теперь оставалось только бежать от профессоров, чтобы считать законченной службу в Камчатской экспедиции.

В Киренском остроге, где профессора пробыли с 24 июня по 11 июля, кроме выдачи хлеба ссыльным, никаких расходов на экспедицию не производилось.

В Братском остроге было взято только железное «веретно»; из Ново-Удинской слободы сообщили: «Оные господа профессора... не были» (Фонд 75, арх. № 683, лл. 2-13).

Прибыв в Усть-Илгнскую пристань, Гмелин от своего имени и от имени Миллера писал 25 мая 1736 г. в Илимск, что иркутская провинциальная канцелярия не выслала им для поездки в Якутск полного числа работных людей, по-

этому они взяли «в прибавку» крестьян Илгинской и Тутурской волостей. А так как поездка в Якутск займет больше года, то профессора требовали на смену крестьянам выслать из илимских служилых людей и из ссыльных 81 человека с тем, чтобы ссыльных было не более половины этого числа. Всем работным людям требовалось выдать жалованье из средств воеводской канцелярии (Фонд 75, арх. № 687, л. 99).

Отплытие профессоров вниз по Лене летом 1736 года прошло без инцидентов, если отвлечься от избиения солдатами их команды приказчика Чечуйского острога. По этому случаю производилось следствие, и свидетели подтвердили случившееся (Фонд 75, арх. № 718, лл. 102, 105-108).

Дело началось с промемории Миллера от 4 августа 1736 г., отправленной в илимскую воеводскую канцелярию из Витимской слободы.

В промемории Миллер писал: мы взяли из Илимска новокрещенного тунгуса Алексея Огорелкова (в книгах ясачного платежа он звался Афонькою). Получив хлеб и деньги на 1836 год, «помянутой стрелок» 24 июля из Ичерской деревни бежал. Кроме того, бежали и другие, всего 8 человек. Миллер писал, что 25 июля он (Миллер писал о себе «мы») послал в Чечуйский острог двух солдат, предлагая приказчику «и пашенных крестьян старосте», чтобы они поехали по деревням Чечуйского острога и разыскали беглецов, «ибо в Чечуйском ведомстве окольных дорог нет и нигде инде жить нельзя, как по деревням» (Фонд 75, арх. № 726, лл. 27-28).

Наивность Миллера и Гмелина, полагавших, что беглецы даже летом могут жить только по деревням и что они должны передвигаться только по хорошим дорогам, дорого обошлась приказчику Чечуйского острога Петру Скуратову.

В письме, отправленном Гмелиным 25 июля «из деревни Ивана Березовских» приказчику Скуратову, предлагалось оказать двум солдатам помощь в поимке беглецов. Если же, писал Гмелин, вы беглых не отдадите, «то велели мы оным солдатам — вместо тех беглых — тебя, старосту и Сполошенской слободы десятника взять с собою. И вы да некоторые Чечуйского ведомства пашенные крестьяня будете у нас на судах в работе до Олекминского острогу. А ежели вы отдадите беглых, то мы всех чечуйских крестьян отпустим из Витимского острогу назад» (там же, лл. 31-32).

Очевидно, профессора были уверены в том, что предлагают чечуйским крестьянам выгодную сделку и что те только по глупости, свойственной крестьянам, не отдают беглых.

В действительности же предложение Гмелина являлось грубым и незаконным самоуправством.

Приказчик Скуратов, сообщая в Илимск 4 августа о приезде солдат и о их намерении везти его в Витимскую слободу, жалуются в таких выражениях: «взяли они меня, салда-

ты, за волосье в поташшили к себе в лодку ис судейского места. И стали они, салдаты, меня тут в приказной избе бити до полусмерти и бранили всякою неподобною бранью и кукишками мало глаза не вытыкали» (там же, л. 30).

Приказчика выручили подоспевшие жители.

В 1737 г. профессора были отделены от Камчатской экспедиции. В указе Сената 13 сентября говорилось, что по доношению «профессоров Людвига Делил де ла Кроера, Иогана Георга Гмелина, Герарда Фридрига Миллера» им в команде Беринга не быть. Плавать в море с Берингом одному де ля Кроеру. «А для чего он, Беринг, им, префоссорам, чинит обиды, в том ему прислать в правительствующий Сенат ответ». Этот указ был послан в Илимск из иркутской провинциальной канцелярии 15 декабря 1737 г. (Фонд 75, арх. № 735, л. 203).¹

Осенью 1737 года Миллер возвращается с Лены в Иркутск. 26 октября он пишет из Киренского острога в Илимск, чтобы ему дали 13 подвод, в том числе 8 для него самого, 2 для переводчика, одну для ученика геодезии, одну для солдат и одну под книги и материалы.

Илимск назначает для сопровождения Миллера Андрея Литвинцева, выдает ему деньги, шнуровую книгу для записи расходов на подводы и снабжает его инструкцией. Вся переписка по этому несложному делу занимает более 20 страниц (Фонд 75, арх. № 735, лл. 173-184).

Гмелин 26 сентября посылает из Киренского острога требование усть-кутскому приказчику достать живых «незнаемых зверей — кабаргу или сайгу». За самца он обещает заплатить 2 рубля, за самку 1 рубль 50 коп., а за убитых — «по полтине». Через 20 дней Гмелин посылает второе письмо, упрекая приказчика в неисполнении его просьбы и угрожая сообщить об этом в Илимск и Иркутск (Фонд 75, опись 2, арх. № 237).

Гмелин собрался выехать из Киренска в феврале 1738 года. 16 числа он послал в Илимск следующее требование: «Понеже отправляюсь я с обретающаяся при мне свитой отсюда в Иркутск», а денег на оплату подвод нет, то нужно выслать в Киренск человека доброго и трезвого с деньгами и шнуровой книгой на оплату подвод.

Доктору Гмелину полагалось 10 подвод, под багаж Миллера требовалось 7, живописцу Бергкану — 3, рисовальному мастеру Люрсениусу — 3, двум студентам, Горланову и Третьякову — 7, бергауру Самойлову да подштейгеру Мельникову и кузнецу — 7, под казенные книги и материалы — 3. Кроме того, одна подвода предназначалась для двух стрелков и одна для солдат.

См также фонд Сената № 248, арх. № 180, лл. 116-118.

Илимск исполнил это требование Гмелина (Фонд 75, арх. № 836, лл. 255-261).

Профессора оставили в Киренском остроге суда, на которых они плавали по Лене, и разные припасы и материалы. Иркутская провинциальная канцелярия поручила илимскому воеводе проверить, все ли это сохранялось в целости. По этому документу (Фонд 75, арх. № 833, лл. 203-205) можно установить, что один дощаник был «с маштою», имел 2 каюты с 8 окончилами, наверху имелся очаг, на нем стояла печь, при дощанике находилась лодка с уключинами «о четырех гребях». На втором дощанике были устроены 2 каюты с 9 окончинами, из которых 2 — бумажные. Имелась печь. К каюку была придана лодка о 3 гребях. Третий дощаник, такого же типа, как и второй, имел лодку с двумя уключинами. Наконец еще один каюк с двумя перегородками и очагом имел 4 гребя. С каюком находилась лодка без гребей.

С дороги в Иркутск Гмелин еще раз писал приказчику Усть-Кутского острога, чтобы тот обязал жителей доставить в Верхоленск 3-4 живых сайг (Фонд 75, опись 2. арх. № 254, л. 8).

Летом 1738 года профессора направились из Иркутска в Енисейск. Миллер, будучи проездом в Братском остроге, еще потребовал 10 августа от илимской воеводской канцелярии выслать ему в Енисейск «или где я обретаюсь» копию «да- ной» 1713 года на пахотную землю Братской Спасской пустыни (Фонд 75, арх. № 833, л. 161).

Но чем дальше удалялись профессора от илимских пределов, тем меньшую обязательность приобретали их указы для илимских властей.

Последний раз Илимск оказывает услугу научному составу Камчатской экспедиции в 1740 году. Штеллер 13 марта писал из Иркутска, что нужно построить плот для «бергаура» Самойлова, который должен был по первой воде отправиться вниз по Лене в Якутск. Под требованием стояли подписи по-русски: «Академии наук адъ- юнкт Георг Вильгельм Штеллер» и по-немецки: «Wilhelm Steller» (Фонд 75, арх. № 944, лл. 9-10).

В феврале 1744 года иркутская провинциальная канцелярия сообщила на Усть-Кутскую заставу, что согласно указу Сената «над- лежит взять сюда по некоторому секретному делу к следствию быв- шаго на Камчатке адъюнкта Штеллера, но токмо оной Штеллер где ныне обретается — неизвестно». Если поедет через Усть-Кут, то на- править его в Иркутск (Фонд 75, арх. № 1141, л. 75).

Но, как известно, приказ об аресте Штеллера был вскоре от- менен.

В октябре 1744 года он послал в Илимск промеморию, что намерен ехать из Якутска в Енисейск и потребовал, что-

бы в июле 1745 года ему приготовили на устье р. Илима дошаник с работными людьми (Фонд 75, арх. № 1226, л. 39).

Это было последнее требование, поступившее в Илимск за подписью профессора.

СНАБЖЕНИЕ РАЗНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Через Илимск и его уезд в XVIII веке прошло много самых разнообразных экспедиций. Некоторые из них затронули самые жизненные интересы илимского крестьянина, другие прошли незаметно, не оставив почти никаких следов.

К последним относится переезд Бухгольца из Енисейска в Иркутск и Селенгинск. В 1727 году служилые люди Братского острога приняли на Падунском пороге 26 дошаников, 4 шлюпки и 24 лодки, а также 25 парусов Бухгольца (Фонд 75, опись 2, арх. № 67, лл. 250-259).

В делах илимской воеводской канцелярии сохранилось несколько бумаг о снабжении команды якутского казачьего головы Афанасия Шестакова, направлявшегося в 1728 году в свою известную экспедицию на Камчатку.

Шестакова посылали вместе с обер-офицером Дмитрием Павлуцким «для призыву в поданство росийского владения немирных иноземцов, которые прилегли к сибирской стороне, также и изменников, бывших в поданстве, и для сыску новых земель». Из Томска Шестаков в январе 1728 года направил гренадера со следующим письмом на имя илимского управителя И.С. Литвинцева: «Милостивый мой государь и благонадежный друг Иван Степанович. В милости господни благополучно, радостно здравствуй». В письме излагается цель экспедиции и требования ее к илимской воеводской канцелярии. Заканчивает Шестаков письмо так: «При сем писавы слуга (?) ваш Афанасей Шестаков, униженно кланяюсь» (Фонд 75, арх. № 263, лл. 35-36).

В феврале 1728 года по требованию Шестакова ему готовят продовольствие в Верхоленске и Илимске «против прежняго со удовольствием; также в тое партию для корму собак изготовить в Ылимску муки овсяной 300 пуд немедленно». Иркутская провинциальная канцелярия направляет 19 марта 1728 г. в остроги и слободы Илимского уезда служилого человека «для набору в партию... Шестакова гулящих людей и беглых солдат, которые бежали ис тобольского гварнизону». В марте того же года Илимск посылает казака по деревням для покупки «прядена на сети и невода» не менее 150 пудов. Одновременно начинается строительство на Лене барок для партии Шестакова (Фонд 75, арх. № 243, лл. 21-27).

Идет набор людей, для чего переписывают казачьих детей старше 15 лет. Но казаки Братского острога отказываются от поездки с Шестаковым (Фонд 75, арх. № 245).

В марте «штырман» Генц «да фатермистр, он же и матрос Степан Васильев Сын Малыгин» приняли 33 пуда пеньки, заготовленной Илимском. Шестакову передают на Усть-Муцком плотбище 70 ведер вина. Сам Шестаков получал из казны по 5 ведер вина в год, и Илимск выдал ему за 1724-1727 годы 20 ведер. Одновременно членам команды Шестакова выдается соляное жалование в Усть-Кутском остроге — всего за 1724-1727 годы 92 пуда соли. Вскоре было в Орленской деревне подготовлено для Шестакова 8 плотов. Во время подготовки к сплаву Шестаков за какие-то провинности отставил Павлуцкого. Тот сообщает об этом в Илимск, а Илимск — в Иркутск (Фонд 75, арх. № 263, лл. 57-186).

В то же время, в марте 1728 года монах Игнатий Козыревский требует отправить его в Якутск «без задержания». В своем предложении воеводской канцелярии он сообщает, что он послан из Тобольска и что «за прежние мои многие и нужные службы и за проводывание Апонского государства и морских островов и новых земель и всяких народов милостию его императорского величества ис казны награжден» (там же, л. 41).

По указу Военной коллегии в 1754 году на Камчатку выехал «для спокойства или в совершенное отпадших от подданства ея императорского величества чюкчей и коряк раззорения... секунд-маэор Шмалев с командою». Иркутская провинциальная канцелярия, сообщая об этом Илимску, предлагает в случае его прибытия дать ему жалование, подвод, а с Усть-Кутской пристани — 3 дощаника (Фонд 75, арх. № 2048, лл. 33-36). Но коряки были уже усмирены до приезда на Камчатку Шмалева.

От Илимска Шмалев потребовал семенного хлеба по несколько пудов каждого вида, оплаты его переезда и постройки двух хлебных барок и двух плотов. Строительство барок велось в Усть-Куте за плакатные деньги, т. е. почти даром (Фонд 75, арх. № 2096, л. 76 и др.).

По именному указу в секретную экспедицию в 1765 году через Илимск «следует господин флота капитан Креницын с командою». Местным властям предписывалось оказать ему по дороге от Томска до Охотска полное содействие (Фонд 75, опись 2, арх. № 1076, л. 110).

Приехав в Иркутск, Креницын предъявил секретный указ «господина генерал-маэора лейб-гвардии примьер-маэора и сибирского губернатора Чичерина». Указ, датированный 4 марта 1765 г., предлагал воеводам все, что потребует Креницын, «исполнять без всяких разсуждений, а колыми паче

препятствий и отговорок» (Фонд 75, арх. № 2891, лл. 1-2).

В мае 1765 года Креницын проплыл по Лене на 5 судах, построенных илимскими крестьянами. Но пока флотилии двигалась к Якутску, в Сенате уже было решено экспедицию Креницына отменить, а секретную комиссию «для заграничных обращений», состоящую при сибирской губернской канцелярии, «уничтожить» (там же, лл. 14, 18, 29).

ЗАПРОСЫ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Илимская воеводская канцелярия непосредственно соприкасалась с научными экспедициями, проходившими через северное Предбайкалье. Конечно, связь эта выражалась преимущественно в требованиях экспедиций по вопросам снабжения. Но иногда, как это делали, например, профессора Камчатской экспедиции, к воеводской канцелярии предъявлялись запросы о сборе различных научных сведений. И воеводская канцелярия, располагавшая только подьячими и писцами, с недоумением и беспокойством вчитывалась в незнакомые важные слова, смысл которых ускользал от ее понимания. Но так как запросы поступали от начальства, нередко от имени «ея императорского величества», и за неисполнение их грозило наказание, то воеводская канцелярия, пересылая полученные запросы в волости, писала строгие распоряжения приказным избам о составлении требуемых сведений.

Однако и приказные избы, хотя и приученные отвечать на всевозможные вопросы, поступавшие из воеводской канцелярии, становились втупик перед академическими анкетами. Тогда они передавали такие запросы крестьянам, и староста с десятскими и рядовыми крестьянами составлял ответ, который без изменения пересылался в Илимск, а затем и в Петербург.

Так, на запрос Академии наук «о минералиях», посланный в 1733 году по приказным избам, воеводская канцелярия получила от крестьян Усть-Кутского острога следующий ответ: «Пашенные крестьяне десятские Алексей Тирской... (идет перечисление имен 16 человек) и все Усть-Куцкого присудства пашенные крестьяне... сею скаскою показали в такой силе: ...имеютца горы каменные, а леса имеютца — сосна, ельник, лисвяк, березник, кедровник, пихтовник, осинник, тальник, черемошник, ольховник... А подземельные куриозитеты и уроды минеральные, каковых костей, камень — середолики, томпасы и протчие и минералии — медных, серебряных и свинцовых руд и колчедана, когда находились и ныне есть ли и какой воздух, про то де им, крестьяном, не-

знатно». Сообщали крестьяне, что имеются в лесах звери, а в реках рыба. К такому научному отчету за всех крестьян Егор Подымахин руку приложил (Фонд 75, арх. № 496, лл. 5-6).

Обер-секретарем Сената Иваном Ермоловым 15 января 1760 г. в Илимск был направлен печатный указ Сената о присылке с мест в Академию наук ответов на 30 вопросов «для сочинения нового исправнейшаго Российскаго атласа» (Фонд 75, арх. № 2591, л. 115).

Илимская воеводская канцелярия отнеслась к запросу, как к обычной ведомственной переписке и переслала указ Сената и 30 вопросов в волости.

Нижне-Илимская слобода отвечала: «В таких ремеслах народ больше упражняется — в крестьянской работе, то есть в пахоте хлеба. И по урожаю онго имеют довольство. А когда хлеб не родитца, тогда имеют и недостаток и претерпевают крайнюю нужду... А больше плодovито выходит рожь и ярица... А разных гадин, кроме больше кобылки, и то времянно, видають же жители и змей, токмо их изстребляют. А кобылка сама исчезает... Показать и известия прислать (приказная изба) весьма не могла, того ради, что такие острова и моря ледовитые где имеютца и в которой стороне — неизвестно» (там же, лл. 124-131).

Кежемская приказная изба до запроса Академии наук отвечала в 1748 году на вопросы «геодезии в ранге порутчика князь Ивана Шехонского». Эти ответы были повторены в 1760 году в качестве ответов на вопросы Академии наук. Ответ на один из пунктов гласил: «Построена Кежемская слобода в лето от мироздания 7175 (1667 год) по указу из енисейской бывшей тогда приказной избы... населена Енисейскаго уезда из Рыбенскаго станку жителями: Савою и Иваном Брюхановых, Василием Пановым з братьею, Дементием Привалихиным» (там же, лл. 140-146).

Значит, в памяти народа сохранились сведения столетней давности.

Ответы Братского острога: «Обсеваются жители большее рожью, а сверх того насевают, всяк по своей возможности ярицу, пшеницу, овес, ячмень, гречуху... В Братском уезде иметца народ смешенной с некрещеными иноверцами, брацкими и тунгусами... а по ихнему языку называются они буряты. И счисления времени не знают... И закону никакого не имеют. А жену себе имеют по одной, а иные по две и по три жены вдруг... А от себя жен отлучают по своей воли» (там же, лл. 161-165).

Барлукская слобода писала: «...крестьяня содержат больше скота: быков, коров, овец, баранов, свиней (приписано другим почерком — «и кобыл с конями»)... Между деревень имеется один народ, братские при речках Барлуке — 3, Су-

хой — 4, при Оке — 4 юрты». Состоят под ведомством красноярской воеводской канцелярии (там же, лл. 166-168).

«Народ в Яндинском ведомстве ремесла никакого не имеет, кроме одного, что на них положено крестьянского рукоделия — пахотная земля пахать... Скот содержится: мерины, кобылы, коровы, быки, овцы малого роду и то весьма малое число», — писали из яндинской приказной избы (там же, лл. 176-177).

Из ответов Ново-Удинской слободы можно отметить один — «сеются больше плодовых [хлебов]: ржи, ярицы, пшеницы, ячменю, овса, гречихи» (там же, лл. 178-180).

Из Орленской слободы сообщали: «Имеются в лесах и при полях вредительные гады — змеи ползающие и гусельницы посредственные, мышей множественно... Других народов в жительстве не имеется, токмо бывают из лесов оленные ясашные тунгусы и то времянно» (там же, лл. 187-189).

«Хлеб в Киренском ведомстве больше сеется в равности, по честям: ярица, пшеница, ячень, овес» (там же, лл. 199-203). Примечательно, что киренская приказная изба не упоминает озимой ржи. А ведь за 100 лет до того это растение было преобладающим в посевах Киренской волости.

Илимская воеводская канцелярия добавила ко всем показаниям приказных изб обобщающее замечание: «Народ больше упражняется в хлебопашестве, в промыслах и в работах и находятся в черной работе. А все оные в посредственном и состоянии бедном находятся» (там же, лл. 212-218).

Как видно из приведенных выдержек, ответы приказных изб и воеводской канцелярии содержали наряду с наивными утверждениями много ценных свидетельств о жизни крестьян того времени и, в общем, достаточно правдиво отображали некоторые черты «посредственного и бедного состояния» крестьянства.

В 1761 году илимская воеводская канцелярия получила аналогичный запрос сухопутного шляхетского корпуса с извещением, что академическая канцелярия собирает разные музейные предметы, сгоревшие при пожаре 1747 года: платье, минералы, растения и животных. Прилагалось 30 пунктов, содержащих вопросы по экономике и естественной истории.

Воеводская канцелярия опять поступила до крайности просто: она вопросы, заданные ей, переслала в волости и приказала ответить на них сельским писарям.

Ответы, разумеется, пришли. Например, из усть-кутской приказной избы писали, что «народ больше упражняется в своих крестьянских рукоделиях», что «по Лене реке островов, морей и знатных озер... не имеется», что «горы высокие имеются по Лене и Куте рекам, а на которой ветер простира-

ются, познать об них некому», что «вредных гадин в чрезвычайном множестве: змеи и ящерицы», что «по усь-куцкой приказной избе летописцов не имеется» и т. д. (Фонд 75, опись 2, арх. № 922, лл. 29-50, 56-60).

Казенная наука получила приличествующий ей ответ.

Второй раз илимская воеводская канцелярия встретила с точно таким же запросом, сделанным через иркутскую губернскую канцелярию. Видимо, в Петербурге долго обдумывали, потому что второй запрос пришел через 4 года после первого.

В указе сообщалось, что канцелярия Академии наук требует сбора «для императорской кунсткамеры всяких куриозных вещей» вместо сгоревших при пожаре в 1744 году.¹ Из Иркутска велели исполнить этот указ «без всякого упущения и в том приложить всевозможное старание».

Собранные вещи нужно было представить иркутскому губернатору фон Фрауэндорфу для предварительного просмотра. Надлежало посылать предметы одежды, минералы, семена, чучела животных. Платье следовало выслать и мужское и женское, «дабы оное можно было надеть на болвана». Предлагалось также определить в уездах лиц из казаков или промышленников «для стреляния ретких птиц и зверей, так и для собирания в поле и в лесах семян, каки б оныя именами ни были, в том нужды нет».

За хороший сбор можно было выдавать небольшую плату, и «Академия о добром в том успехе не приминет представить Правительствующему Сенату, а при случае донести и ея императорскому величеству».

К указу прилагалась инструкция по сбору предметов, имеющих научное значение.

Теперь илимская воеводская канцелярия не могла переслать указ в волости, так как в нем прямо говорилось о необходимости выбрать сборщика в уезде. Поэтому сержант Зарубин получил от воеводской канцелярии приказание выбрать «обще с ылимскими казаками ис казаков же» как бы научного сотрудника. Казаки выбрали 12 сентября Ивана Литвинцева, «к тому знающего». Воевода Шарыгин передал ему инструкцию и велел: «сколько им в силу того наставления всяких куриозных вещей, а в полях и лесах всяких же семян собрано будет, оные ему объявлять в ылимскую воеводскую канцелярию при репортах незабытно».

Через месяц, 14 октября, казак Литвинцев подал следующий рапорт: «по силе оного указу и наставления... ходил каждодневно, токмо оных за наступившим студеным временем, показанных куриозных вещей и семян обыскать не мог.

В том числе сгорели коллекции, собранные участниками Камчатской экспедиции.

Того ради тот данной мне указ с наставлением, объявляю при сем». «Прозбой казака Ивана Литвинцова казак Петр Курбатов руку приложил».

Итак, казак, выбранный по академической части, оказался неграмотным (Фонд 75, опись 2, арх. № 1066, лл. 70-80).

Казенная, канцелярская постановка дела по собиранию научных сведений губила живую исследовательскую мысль, на каждом шагу затрудняя работу передовых деятелей русской науки того времени.

ГЛАВА XI

ПОСАДСКИЕ И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО

ПОСАДСКИЕ

Посадские представляли средневековое сословие, главными занятиями которого были торговля и ремесло. По роду своей деятельности посадским надлежало жить в городах или крупных селениях и приписываться к «посаду» какого-нибудь города. К XVIII веку у посадских сложилось свое выборное управление: магистраты ведали делами в пределах провинции или губернии, ратуши — в пределах уезда, земские избы — в пределах города или крупного селения.

Крепостническое государство долгое время не замечало быстрого распада этого сословия под влиянием развивающихся буржуазных отношений и продолжало и в XVIII веке пользоваться услугами посадских по традициям XVII века. Отсюда проистекает сложное и нежизненное законодательство о посадских в послепетровское время.

Степень зависимости управления посадских от провинциальных (губернских) и уездных властей изменялась на протяжении XVIII века довольно сильно.

Илимские купцы и ремесленники, или так называемые посадские, все свои хозяйственные, налоговые, рекрутские, правовые и организационные вопросы разрешали в ратуше. Во главе ее находились бургомистр и его товарищи, так называемые ратманы, избиравшиеся посадскими. В отдельные годы в Илимске избиралось два, но чаще всего один ратман. Воевода мог судить посадских только в присутствии депутата, определяемого от ратуши.

Ратуша назначала земских старост в те остроги, где проживало много посадских. Так, в феврале 1727 года илимская ратуша велела посадскому человеку Плотникову быть земским старостой в Илгинском остроге. Он должен был «посадских и цеховников, також купецких и промышленных людей» Илгинского острога, Тутурской и Орленской слобод

«ведать судом и росправою», собирать пошлинные и подушные деньги, давать подводы по подорожным иркутского провинциального магистрата. В указе Плотникову говорилось «иметь тебе (в делах) крепкое старание и всеусердное радение без всякого фальшивства». Указ подписали бургомистр и два ратмана (Фонд 75, опись 2, арх. № 69).

Другой земский староста был назначен в Киренский острог.

На содержание илимской ратуши производились особые сборы с посадских людей. В 1728 году с души собиралось по 20 копеек, да вместо дров на отопление ратуши по 5 копеек (Фонд 75, опись 2, арх. № 72).

В последующее время, до 50 годов XVIII века, на ратушские расходы ежегодно собиралось обычно по 30 копеек с души муж. пола, в 1759 году собирали по 24 копейки, в 1772-1774 годах — по 44 копейки.

Однажды на поездку бургомистра в Иркутск с посадских было собрано по 10 копеек с души.

Решением Верховного тайного совета в 1727 году все магистраты подчинялись губернаторам и воеводам «для лутчаго посацким охранения». На основании этого иркутский провинциальный воевода Измайлов сообщил илимскому воеводе Бодоруеву, что «во всех городах магистратам не быть, а быть ратушам и в них бургомистрам, с переменной погодно» (Фонд 75, арх. № 261, лл. 21-22).

В декабре 1729 года илимская земская (воеводская) канцелярия на основании приведенного выше указа велит земской избе выбрать бургомистра на 1730 год. Нового бургомистра приводят к присяге (Фонд 75, опись 2, арх. № 85).

Дальнейшие изменения в управлении посадскими внес указ Сената от 11 августа 1731 г.: выбирают в ратуши бургомистров и их товарищей купцы сроком на 3 года; губернаторы и воеводы не должны вмешиваться в выборы; ежегодно в декабре производятся из купцов выборы сборщиков таможенных и кабацких денег; купечество освобождается от службы в коллегиях и канцеляриях в качестве целовальников; устанавливается оплата службы купцов: в ратушах за счет доходов от судебных дел, в таможнях — от сбора пошлин, в кабацких заведениях — от питейной прибыли (Фонд 75, арх. № 458, лл. 17-20). Но в Илимском уезде эти правила об оплате почти никогда не применялись.

При проведении 2-й ревизии душ муж. пола в Илимске были допрошены все лица, приписанные к посаду после первой ревизии. Таких «вновь приписанных» посадских оказалось 29 человек. Все они вышли из северных уездов России и из Западной Сибири.

По социальному положению эти новые посадские происходили: один из дворянских детей, 5 — из монастырских кре-

стьян и вкладчиков, 10 — из крестьян, 8 — из посадских, 2 — из семей священников, два из бобылей и один из казаков.

В новом месте жительства один был записан серебренником, 5 — чеботарями («по мастерству чеботарной работы в цех»), два по мастерству портному, большинство ответило, что записаны «в цех» или «в посад». Один оказался записанным «по иконному мастерству в цех»; это был Яков Семенович Ремезов из Тобольска, по всем признакам — сын знаменитого сибирского картографа. Двое показали, что жили у Луки Афанасьева, священника Илгинского острога.

Таков пестрый социальный состав новых посадских. Одни были купцами или ремесленниками, другие оказались батраками.

Допросив посадских, прибывших в Илимский уезд после первой ревизии, руководитель переписи Нармацкий, на основании инструкций, составленных в средневековом духе, записал: «...и видно, что оные гулящие (!) с просрочными пашпортами причислены ими, управителями и бургомистрами, в цехи и в посадки... в противность вышеозначенных указов и презирая оные, знатно — что из лакомства и из своих бездельных корыстей».

На основании этого Нармацкий всех «гулящих», осевших иногда за 10-20 лет до переписи и устроивших свою жизнь более или менее прочно в Илимске, велел выселить на их прежнее место жительства. «Держатели» не только должны были уплатить штраф по 10 рублей за каждого беспаспортного, но и свезти их за свой счет на места прежнего жительства. Штрафы не заплатила только илимская ратуша, так как она считала себя подчиненной не Нармацкому, а иркутскому магистрату (Фонд 75, опись 2, арх. № 403, лл. 72-197).

Но миновала ревизия, и илимская ратуша ВНОВЬ принимает заявления разных пришлых с Запада людей о приверстании по г. Илимску «в цех чеботного художества», или «портного художества в вечной цех», или «в вечной цех кирпичного художества», или «кожевенного художества» (Фонд 75, арх. № 677, лл. 3-11).

В дальнейшем деятельность ратуши протекала без особых изменений. В соответствии с указом 1731 года посадские производили ежегодно выборы «в разные служении... у таможенных и кабацких зборов». Например, в 1746 году ратуша разослала указы о таких выборах в земские избы, предложив выбрать в Киренске 13 человек, в Усть-Куте — 4, в Илгинском остроге — 4, в Яндинском — 7 и в Братском — 15 человек (Фонд 75, опись 2, арх. № 431, лл. 18-19).

Согласно этому указу илимский городской староста Ядрихинский с посадскими людьми выбрали в таможенную бурмистра, ларёшного, сторожа, «росыльшика», целовальников по

продаже вина на верхний и нижний кабаки в г. Илимске и целовальников в остроги и слободы (Фонд 75, арх. № 1375, лл. 2-3).

По указу Сибирского приказа от 19 августа 1754 г. кабацкий сбор «в городе Илимске и во всем уезде» с 1755 года возлагается на илимскую ратушу и местное купечество (Фонд 75, арх. № 2100, лл. 3-4).

Несмотря на то, что посадские не относились к служилым людям, они несли многие важные обязанности государственных служащих.

Казна искала в сословии посадских бесплатных казначеев и приемщиков налогов, сидельцев, оценщиков, хранителей разных ценностей, сборщиков таможенных пошлин и т. д. Все эти лица, называемые обычно целовальниками, выбирались на один год посадскими, которые ручались, что всякий ущерб казне, причиненный целовальником, если потребуется, будет покрыт из средств выборщиков.

Эта средневековая система оказалась порочной в самом начале ее введения, но во всей силе проявилась ее совершенная непригодность в XVIII веке.

Стремление казны иметь бесплатных служащих привело к беспрерывным во времени и к грандиозным по масштабам злоупотреблениям и хищениям со стороны целовальников. Ответственность посадских за своих выбранных целовальников оказывалась мнимой, поскольку целовальники не подчинялись выборщикам, не отчитывались перед ними и стояли вне всякого общественного контроля.

Ежегодно шайки новых целовальников устремлялись к государственному добру, торопясь извлечь из своей временной близости к деньгам и товарам возможно больше личного дохода.

Злоупотребления служилых людей бледнели перед этим неудержимым грабежом.

Два целовальника в 1726 году незаконно расходовали хлеб. Илимская воеводская канцелярия пришла к выводу, что их следовало бы казнить, но лучше отпустить — пусть погасят растрату (Фонд 75, арх. № 194, лл. 9-16).

Следственные дела о хищениях бурмистров, ларешных, целовальников и счетчиков составляли иногда целые тома. Например, в одном таком деле (Фонд 75, опись 2, арх. № 837), тянувшемся с 1752 по 1758 год, следственные материалы составили 1006 страниц.

В 1733-1756 годах за 77 целовальниками, бурмистрами или головами и ларешными по винной продаже числилось 10268 руб. «недоимок», т. е. растрат. Нехватило 1547 $\frac{1}{8}$ ведра и 95 «копеешных чарок» вина (Фонд 75, опись 2, арх. № 847, лл. 25-35, 52-59).

«Всего на оных головах, бурмистрах, ларешных, целовальниках и дровяных подрядчиках доимки состояло с 733 году... по нынешней 758 год... 21176 рублей 2²/₄ копейки», — говорится в одной ведомости илимской ратуши. В списке числилось уже около 100 растратчиков и недоимщиков. Воевода Павлуцкий, слушая это донесение, приказал ратуше взыскать недоимки со всех илимских купцов. В ратушу воеводой посылаются 2 казака, которые должны были сообщать о ходе взыскания через каждые 3 дня (Фонд 75, арх. № 353, лл. 1-13, 25, 47-110).

Понятно, из этой затеи ничего не вышло, тем более, что действовали правительственные указы 1744 и 1757 годов о прощении многих казнокрадств.

В декабре 1752 года по указу илимской воеводской канцелярии ратуша дала распоряжение старосте илимской земской избы о выборе таможенных служителей на 1753 год.

Согласно этому были выбраны в таможную: бурмистром Устьянцев, ларешным Перетолчин, а также сторожи денщик, всего 4 человека, затем 2 оценщика ясачной мягкой рухляди, поступающей в воеводскую канцелярию, и 26 целовальников в кабаки всего Илимского уезда (Фонд 75, арх. № 1917, лл. 1-2, 5-8).

Но уже в мае 1753 года сменяют ларешного, а по его донесению — и бурмистра. Их обвиняли в растрате 1312 руб. 31 коп.

Обвиняемые отрицали свою вину. Дело сильно затянулось. Наконец в 1761 году, через 6 лет, воевода и депутат дали распоряжение о применении пытки. Когда Устьянцеву нанесли 15, а Перетолчину 20 ударов, они признались, что брали казенные деньги и пили вино безденежно.

Следствие никогда не удовлетворяется одним признанием, поэтому вскоре виновные подвергаются второй пытке, с целью выяснить — не покажут ли обвиняемые еще чего-нибудь на себя. Затем применили третью пытку с теми же намерениями. Один раз обвиняемым дали по 40 ударов.

Окончательно дело было закончено в 1766 году, через 13 лет после его начала. Иркутская провинциальная канцелярия, куда дело поступило для вынесения приговора по материалам следствия, определила отдать преступников «в зажив» иркутским купцам.

Расчет срока отработки был вычислен так: окончательная сумма растраты определилась в 1354 руб. 96¹/₂ коп., при продаже имущества виновных с торгов выручка составила 249 руб. 70 коп., оставалось взыскать 1105 руб. 26¹/₂ коп. Если отрабатывать будут оба виновных и 9 членов их семей, то, считая их общий годовой заработок в 110 рублей, вся «доимка» вернется через 10 лет (Фонд 75, арх. № 1917, лл. 1-548).

К 1760 году сумма растрат за головами, ларешными и целовальниками увеличилась до 23062 руб. 32¼ коп., не считая расхищенных товаров и имущества без цены. Кроме того, не достало 2628 пудов хлеба (Фонд 75, арх. № 2508. лл. 911-990).

Число растратчиков за 27-летний промежуток показано в таблице 83.

Таблица 83

Годы	Число растратчиков	Годы	Число растратчиков	Годы	Число растратчиков	Годы	Число растратчиков
1733	3	1740	5	1747	15	1754	16
1734	4	1741	13	1748	3	1755	13
1735	3	1742	6	1749	4	1756	7
1736	2	1743	6	1750	2	1757	9
1737	2	1744	6	1751	3	1758	3
1738	3	1745	10	1752	15	1759	5
1739	12	1746	4	1753	14	Итого	188

В таможенную ежегодную избирался один бурмистр и один ларешный, значит, за 27 лет их сменилось 54 человека. Но за то же время растраты обнаружены у 20 бурмистров и 22 ларешных. Остальные растраты произведены целовальниками и счетчиками, среди которых было несколько служилых людей.

В приведенные данные не включены растратчики, которые погасили числившийся за ними начет. Разумеется, были и многие другие растраты и хищения, не раскрытые ревизорами того времени.

После списания «доимок» по амнистии сумма их не уменьшилась, а возросла, так как были обнаружены новые хищения. По ведомости, о задолженности за посадскими, находившимися на государственной службе с 1744 по 1757 год, числилось растрат 26136 руб. 6¼ коп. (Фонд 75, арх. № 2578, лл. 20-43).

Немудрено, что среди «колодников», сидевших в илимской тюрьме в конце 1762 года, главную часть составляли растратчики, их было 17 человек, в том числе 15 посадских и 2 казака. За другие уголовные дела, не связанные с растратой казенных денег, сидело только 4 человека (Фонд 75, арх. № 2746, лл. 6-10).

Сумма всех «доимок и недоборов» за 1732-1765 годы по наиболее полному отчету, имеющемуся в делах илимской воеводской канцелярии, составила 43237 руб. 59 коп. (Фонд

75, арх. № 2914, лл. 123-133). Из этих растрат «по всемиростивейшему указу» от 22 сентября 1762 г. было списано 75 начетов на общую сумму 7373 руб. 99¼ коп. Подлежали прощению «неумышленные начеты» до 500 рублей (Фонд 75, арх. № 3088, лл. 485-507).

По указу Сената от 31 марта 1778 г. с илимских целовальников было списано 13064 руб. 36½ коп. В 1781 году списывается 7092 руб. 69¾ коп. кабацких недоимок (Фонд 2, арх. № 199, лл. 65-79).

Насколько быстро возрастали растраты, настолько же медленно шло погашение их. Так, в 1765 году из 10314 руб. 71 коп. «доимок» было взыскано только 362 руб. 6 коп., к 1772 году оказалось погашенным менее половины, именно 4681 руб. 40¾ коп.

Почти все суммы растрат были списаны царскими манифестами.

Многочисленность служб, отрывавших посадских от их профессиональных занятий, приводила в таких неторговых городах, каким являлся Илимск, к большим затруднениям в подборе нужного числа целовальников. А так как обычно целовальники проворывались, то круг лиц, из которых они выбирались, ежегодно сокращался.

Вскоре оказалось совершенно неизбежным, чтобы многолюдный торговый Иркутск посылал целовальников из иркутских купцов и цеховых, так как в Илимске не находили достаточного числа незапятнанных посадских.

В 1759 году из иркутского магистрата посылается в Илимск 2 бурмистра, 3 ларешных и 20 целовальников, выбранных из иркутского купечества. Кроме того, из Иркутска в Илимск направляется 10 цеховых. Вместе с тем магистрат обнаружил, что в Иркутске проживали, находясь под следствием, 20 илимских посадских; магистрат отослал их в Илимск. Наконец магистрат направил в деревни казаков «на коште посадских людей» для розыска «живущих по острогам и слободам и деревням (посадских), коих крестьяне и ямщики защищают и укрывают» (Фонд 75, опись 2, арх. № 875, лл. 16-24).

Пашенные крестьяне «укрывали и защищали» посадских от магистрата потому, что они работали у крестьян в качестве батраков.

Ярким примером нарушения прав свободного сословия, какими были посадские, является указ Сената, принятый 4 ноября 1759 года. По доношениям нерчинской экспедиции и сибирского губернатора Соймонова для нерчинских заводов требовалось дополнительно 3967 душ. По мнению Соймонова, в Нерчинск можно было переселить тех посадских Енисейской и Иркутской провинций, которые не вели торговли и не имели ремесла.

Сенат согласился с мнением Соймонова и приказал переселить к нерчинским заводам 3125 душ посадских и цеховых из Иркутской и Енисейской провинций. Половину переселяемых намечалось употребить «для исправления завоцких работ», т. е. в качестве горнозаводских рабочих, а половину поселить как крестьян (Фонд 75, арх. № 2550, лл. 992-995).

И вот из Киренска, Илимска и других селений Илимского уезда потянулись за Байкал, согласно «реэстрам», словно невольники, представители едва ли не самого свободного сословия России.

Не очень-то хотелось посадским оставлять родные края. Уже в 1761 году в Илимск поступает указ о розыске 46 енисейских посадских и цеховых, бежавших от переселения в Нерчинск (Фонд 75, арх. № 2631, л. 48).

Подавляющая часть посадских Илимского уезда не имела ни торгов, ни ремесел. Большинство посадских было связано с сельским хозяйством, но самостоятельно его вели немногие.

Братская земская изба составила в 1762 году сведение о землепользовании подведомственных ей посадских людей (Фонд 75, опись 2, арх. № 958, лл. 6-8).

Землю имели 20 посадских, из них 11 человек пользовались только небольшими сенокосами, с которых собиралось 390 копен сена; за пользование этими землями посадские платили оброк в размере 1 руб. 30 коп. Двое посадских платили за 2 десятины покоса по 20 коп. в год. 5 посадских занимались хлебопашеством и платили оброк хлебом, всего 38 пудов.

Как видно из этих данных, сельское хозяйство посадских было ничтожным. Сенокосов использовалось лишь несколько десятков десятин, а пашня едва ли достигала 20 десятин.

По предложению Сената иркутский губернатор должен был в 1765 году составить ведомости о посадских, цеховых и разночинцах, чтобы решить вопрос о перечислении в крестьяне тех, кто не занимался торговлей и не имел промыслов. Сводка по Илимскому уезду была сделана ратушей только в 1768 году.

В таблице 84 показаны итоги этого учета.

Следовательно, большая часть посадских, почти 80%, не снималась ни торговлей, ни ремеслами. Илимская ратуша представила в Иркутск следующее мнение о лицах, не имевших ни торговли, ни ремесла: 368 человек определить в хлебопашество, а 55 — оставить в числе посадских (Фонд 75, арх. № 3108, лл. 130-131).

По той же сводке в Илимском уезде было 1257 взрослых и 455 малолетних (до 15 лет) разночинцев муж. пола. По

мнению приказных изб и воеводской канцелярии, можно было определить к хлебопашеству 1345 разночинцев, а остальных 367 человек «попрежнему оставить в разночинцах» (Фонд 75, арх. № 3108, лл. 1-124).

Таблица 84

Занятие посадских	Душ муж. пола		
	взрослых	их детей до 15 лет	итого
Ведущих торговлю	44	19	63
Цеховых	33	19	52
Не имеющих торгов и ремесла	302	121	423
Итого	379	159	538

Как и посадские, жившие по деревням, разночинцы торгов и промыслов не имели, немногие пахали землю, часть ниществовала, а большинство питалось «от работы своей».

Среди разночинцев встречаются многие илимские дети боярские и казаки, некогда бывшие видными служилыми людьми Илимского уезда: Воронецкий, Туголуков, Кузнецов. Скуратов, Щегорин и другие.

Разночинцы Верхне-Илимской слободы, 15 человек, показали: «никаких промыслов и торгов не имеют, кроме что имеют одне оброчные земли», за которые они платили и гоняли подводы наравне с крестьянами. В Нижне-Илимской слободе «таковых торгующих и промыслов имеющих... никого не находитца», в Карапчанском погосте разночинцы питаются и в казну всякие подати платят от хлебопашества и от работы своей», в Братском остроге «питание себе имеют с нуждою и то между крестьянских работ в наймах», в Тутурской слободе «имеют пропитание своею черною работою и по наймам в сроках», в Орленской слободе «имеют производящее себе пропитание как в хлебопашестве, а иные в мире милостиною». Такие же сведения поступили и из других волостей. Нигде разночинцы торгов и промыслов не имели (Фонд 75, арх. № 2843, лл. 1-12).

Приведенные показания разночинцев о самих себе, заверенные приказными избами, достаточно ясно свидетельствуют о социальном положении этого слоя населения Илимского уезда. Сборная группа разночинцев в середине XVIII века ничем не отличалась от низших слоев посадских.

В 1770 году илимская ратуша составила полные списки посадских согласно данным третьей ревизии душ муж. пола. Оказалось, что в Илимском уезде числилось 566 посадских

муж. пола. Из них только 40 относилось к купечеству, а 135 человек жили в деревнях «без указу». Кроме того, ко времени составления списков 43 посадских бежало, 53 умерло, 26 было перечислено в крестьяне, 8 — отдано в рекруты и 2 отправлены в Иркутск. Почти около каждого имени остальных 259 посадских ратуша сделала примечание: «а пропитание себе имеет от протчих крестьянских работ» (Фонд 75, арх. № 3203).

Можно к этому добавить, что за бежавших подушные деньги платили «посадам».

За 1774 год имеются подробные данные о занятиях посадских Братского острога (Фонд 75, арх. 3402, лл. 179-189). Впрочем, возможно, что эти данные относятся к более раннему времени, скорее всего к 1768 году.

Всего в Братске числилось по ревизским сказкам 189 посадских и 148 разночинцев муж. пола. Но только 20 семей, в составе которых было 58 душ. муж. пола, имели какое-то ремесло. Вот некоторые показания посадских: «имеет художество посудного мастерства и дети ево обучены по черошному», «художество — сканья свеч», «имеет промысел и ремесло неводнаго уставу», «имеет художество в промысле рыбы». А один показал, что знает «художество харчевое», видимо — содержал харчевню.

Всего в 20 семьях знали ремесло 27 человек, в том числе 14 — кожевенно-обувное, 2 — посудно-оконное, 4 — обработку металла, 3 — рыболовное дело и вязание сетей. 4 — прочие ремесла.

Остальные посадские жили в деревнях. Из них 21 человек заявил, что у них промыслов нет и они желают оставаться в крестьянстве.

Из 148 разночинцев налицо оказалось 85 человек. Всех их было решено перевести в крестьяне. Но перевод остался на бумаге, ибо неимущий не мог обзавестись хозяйством только по одному желанию властей.

По манифесту Екатерины II, подписанному ею 17 марта 1775 г., посадские, имевшие капитала более 500 рублей, должны были называться купцами, записываться в гильдии и платить в казну 1% в год с капитала; остальных посадских и цеховых было велено «переименовать мещанами» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1421, лл. 33-35).

Так развитие экономических и социальных отношений в России привело к ликвидации средневекового сословия посадских, ставшего в XVIII веке мешаниной разнородных классов, и к законодательному оформлению сословия торговой и промышленной буржуазии.

Илимская ратуша, составляя в 1775 году сведения о подведомственных ей людях, сообщила, что по переписи

числится в Илимском уезде 444 мещанина и 94 цеховых, платящих по 1 руб. 20 коп. подушных сборов. Мещане и цеховые, по сообщению ратуши, «вырабатывают» на платежи и на питание «в разных местах своею работою и услугою, а иные мастерством своим». В отношении купцов ратуша констатировала, что в бывшем городе Илимске (центр уезда в этом году был перенесен в Киренск) ни одного лица, владевшего капиталом в 500 и более рублей, не имеется и что поэтому «в гильдии полагать некого» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1420, лл. 67-68).

Через год, 3 марта 1776 г., ратуша дала более обстоятельные сведения о мещанах Илимского уезда. «Действительно купечествующих, лавочников, приказчиков» в Илимске не оказалось, «ибо все ныне по неимению капитала переименованы в мещане». Ремесленников из мещан оказалось: кузнец — 1, сапожник — 1, «сребреников» — 2, токарей — 2, «кирпишников» — 2, плотников — 7 и «чарошников» — 59 человек. «В науках мастерством обучаетца»: токарному — 2, плотничному — 6, «чарошному», т. е. пошивка мягкой обуви (чирков), — 12 человек. Отпущено из ратуши «для посторонних работ, с покормежными» 19 мещан. «А протчие... мещане... деньги вырабатывают [у] разного чина людей своею работою и услугою» (Фонд 2, арх. № 66, лл. 14-15).

Из общего числа 444 мещан, числившихся по ревизии, в 1778 году служили: бургомистром и ратманом илимской ратуши — 2 человека, в подьячих ратуши — 4, в илимской земской избе (староста, сторож, 4 денщика, 3 рассыльщика) — 9, ларешными, сборщиками «у соляных продаж» и выборными у винных подвалов — 23, сборщиками и счетчиками при ратуше — 3, старостами и денщиками в земских избах разных острогов — 10, оценщиками при усть-киренской воеводской канцелярии — 9 и церковными старостами — 2, всего 62 человека (Фонд 2, арх. № 174, лл. 95-96).

Как следует из всех переписей, подавляющее большинство мещан не было связано ни с какими городскими делами и ремеслами, проживало в деревнях, частью ведя небольшое крестьянское хозяйство, а главным образом, работая у чужих людей по найму. Поэтому переход мещан в крестьяне происходил медленно и не всегда означал простую перемену сословной принадлежности.

К 1778 году пожелали перейти в крестьянство 99 мещан, живших по деревням Верхне-Илимской, Нижне-Илимской, Кежемской и Братской волостей. Указом воеводской канцелярии 27 мещан были в конце 1778 года зачислены в крестьянство (Фонд 75, опись 2, арх. № 1609, лл. 61-62, 66-67).

После перевода уездного управления из Илимска в Киренск властям показалось желательным переселить туда и

цеховых, живших по разным деревням уезда. Но так как цеховые в большинстве случаев не пожелали ехать в новый город, то по деревням был послан подпрапорщик Хабаров, который открыл своего рода военные действия. 11 июля 1778 года он донес, что в Чечуйском остроге и в Подкаменской слободе сыскано 7 семей мещан и цеховых, которые и привезены в Киренск. Но так как мещане были свободными людьми и могли поэтому безнаказанно вернуться в свои родные места, то подпрапорщик, предусмотревший эту возможность, рапортовал: «А у имевшихся их домов печи, потолки разломаны». Месяц спустя, другой подпрапорщик, Кирпишников, привез мещан из других верхоленских волостей, также разломав печи и потолки их жилищ (Фонд 75, опись 2, арх. № 1609).

Сселение мещан в Киренск, ознаменованное успешным разламыванием их жилищ, явилось последней главой в истории илимских посадских людей.

Таковы сведения об илимских посадских. Как ни малочислен был этот слой в илимском населении, все же в его истории отразились общие закономерности развития посадских Сибири.

За внешней оболочкой единого сословия посадских скрывались совершенно разнородные по производственному положению элементы. И если в XVII веке разнородность состава посадских людей проявлялась крайне слабо, то в XVIII веке, когда в стране происходило формирование буржуазных отношений, это единое сословие раньше всех других резко расслоилось на составные части.

Одна часть — состоятельные купцы и промышленники — превращалась в крупную буржуазию, в капиталистов. Другая часть — ремесленники — образовывала мелкую буржуазию, не порвавшую еще с личным физическим трудом, третья часть — мещане — представляла смешанную сборную группу, в которой значительную часть составляли наемные рабочие.

Разложение сословия посадских на классово разнородные части нашло отражение в законодательстве конца XVIII века. Купцы получают монопольное право торговли и право заводить промышленные предприятия; они облагаются особым налогом и освобождаются от рекрутской повинности. Ремесленники получают право иметь цеховые организации. Мещане приравниваются к государственным крестьянам.

С разложением сословия посадских падает институт ценовальников и заменяется чиновниками и подрядчиками.

ИЛИМСКАЯ ТАМОЖНЯ

Кроме прямых налогов, т. е. подушных денег и ясака, в илимскую воеводскую канцелярию стекались различные местные денежные сборы. Часть этих сборов, связанная непосредственно с обложением торговли, взималась илимской таможней и подчиненными ей двумя таможенными избами, Киренской и Усть-Кутской.

Во главе илимской таможни находились выбранные из посадских бурмистр и его помощник — ларешный. Сборы пошлин осуществляли выборные целовальники. Выборы таможенных служителей проводились илимской ратушей, точнее — земской избой, но таможня действовала под руководством илимской воеводской канцелярии.

Илимская таможня находилась внутри укрепления «вверх идучи ис Спаской башни на правой стороне подле городовую стену». Здание таможни было построено в 1714 году, под одной крышей с нею стоял амбар с сенями. Рядом располагалось 11 лавок. При передаче таможни от одного бурмистра другому в 1734 году эти лавки были уже ветхими и стояли пустые.

В таможне находились иконы, печать, «коробье» с деньгами, наказные памяти, контарь, аршин, безмен, стопка с точками для определения крепости вина, «двои сшеты столовые», железо, медь и «доска щетная сосновая черпая на клею, длиною 2 аршина без четверти, поперешнику один аршин».

Вне укрепления, выше острога, стоял листовничный подвал с сушилом. Там хранились вино и посуда. Близ подвала находился мшеник постройки 1730 года. На ключе, вытекавшем из горы, располагалась «винокуренная поварня» с двумя заторными котлами на 100 ведер, кубом и разным инвентарем. Тут же находился еще один мшеник и «бочкарня» (Фонд 75, опись 2, арх. № 181).

При выборах илимскими посадскими людьми бурмистра и ларешного на 1737 год илимская воеводская канцелярия утвердила для таможни следующую инструкцию (Фонд 75, опись 2, арх. № 209).

Принять у бывшего головы (т. е. бурмистра) и ларешного таможню, винокуренную поварню, печать, ключи, вино, казну; описи принятого представить илимской воеводской канцелярии. Голову и ларешного «счесть»; недоимки, если они будут, взыскать. Сбирать десятинные пошлинные сборы с провозимых товаров. Смотреть над целовальниками винокуренной поварни, а также над винокурами, браговарами и работными людьми. Следить, чтоб караульщики стояли на своих местах «денно и ношно». Вино принимать от винокуранных целовальников в подвал такого качества, чтобы оно

выгорало «вполю». Следить, чтоб целовальники, поставленные к продаже вина, табаку и карт, не давали никому товаров в долг. Принимать по третям года деньги из острогов и слобод, а по окончании года велеть целовальникам приезжать к отчету. Казну записывать в книги, хранить ее в надежном месте. Винный подвал держать за печатью головы и за замком ларешного и друг без друга в подвал не ходить. Хмель, хлеб и деньги на винокурение выдавать под расписки. Ежемесячно сдавать денежную выручку в илимскую воеводскую канцелярию (Фонд 75, опись 2, арх. № 209).

Важнейшей местной таможенной была в Илимском уезде усть-кутская таможенная изба. Туда, по выбору илимских посадских людей, назначался целовальник, действовавший под руководством илимской таможни.

Главный торговый путь в пределах Илимского уезда проходил по р. Лене. Илимская таможня не могла достаточно удовлетворительно вести наблюдение за движением грузов по Лене, особенно в годы работы Камчатской экспедиции. Поэтому в Усть-Кутском остроге, на скрещении водного ленского пути и сухопутного Ленского волока, создается в 1739 г. вместо таможенной избы усть-кутская застава, подчинявшаяся Иркутску. Иркутская провинциальная канцелярия в начале этого года посылает в Усть-Кутский острог трех заставщиков, выбранных иркутскими служилыми людьми, с наказом — никого мимо заставы без паспортов не пропускать, ловить беглых, смотреть у купцов «заповедные товары», в том числе соболей, и всех проезжающих записывать в особую книгу (Фонд 75, арх. № 918, лл. 76-79).

Сохранилась книга записи проезжающих за 1743-1746 годы (Фонд 75, арх. № 1112, лл. 1-305), но велась она довольно небрежно. За 1743 год в ней сделано 235 записей.

В 1753 году капитан Фогользанг, ведавший усть-кутской таможенной заставой с 1743 года, передал дела Федору Литвинцеву. При приеме дел было обнаружено «немалое упущение» (Фонд 75, арх. № 2075, лл. 3-6).

По описи были приняты новым комиссаром таможенная изба, в которой находились иконы, зеркало, 1½ аршина красного настольного сукна, старая — медная и новая — серебряная печати, клеймо, оловянная чернильница с песочницей, таможенный регламент; амбар, где хранились ведро мерное, ковш мерный алтынный (входило вина на алтын), стопа мерная грошовая, стопка «копеешная», щуп, вес «терезной», безмен, гири, железный аршин (Фонд 75, арх. № 2004, лл. 88-99).

С созданием в Усть-Кутском остроге таможенной заставы, находившейся под прямым ведением Иркутска, в подчинении Илимска оставалась только киренская таможенная изба.

Дела в илимской таможне тем временем шли своим чередом.

Но вот однажды илимская воеводская канцелярия получила выбор от ратуши, по которому на 1749 год в бурмистры и ларешные были назначены посадские, которые «в грамоте читать и писать не умеют, к тому ж и малосмышленные». Так как время для перевыборов ушло, то воеводская канцелярия согласилась с назначением неграмотных руководителей таможенного дела по уезду, но сообщила об этом в Иркутск.

Ввиду того, что иркутская провинциальная канцелярия не имела права отменять выборов, то она обратилась в иркутский магистрат, чтобы были устроены новые выборы и «вместо вышеписанных безграмотных обоих или уже по необходимой нужде хотя одного в грамоте читать и писать умеющего, определила выбрать ис тамошних посадских, людей добрых, неподозрительных и пожиточных» (Фонд 75, арх. № 1608, л. 69).

Но илимская ратуша заявила, что в силу указов, запрещающих вмешиваться в выборы, она принуждать к выборам «опасна» (Фонд 75, арх. № 1609, лл. 6-7).

Итак, два неграмотных руководителя финансами уезда приняли дела. Они, как и их выборщики, не смущались, что все движение средств нужно записывать в книги, что необходимо учитывать целовальников. К передаточным, «росписным» спискам, по которым неграмотные приняли дела от прежних руководителей илимской таможни, «их прозьбой илимской посацкой Григорей Белов руку приложил» (Фонд 75, арх. № 1667, лл. 1-7).

К чести этих неграмотных можно отметить, что их имена в списке многочисленных растратчиков не встречаются.

В 1750 году илимская воеводская канцелярия снабдила таможню новой, переработанной и достаточно подробной инструкцией следующего содержания (Фонд 75, арх. № 1783, лл. 1-19).

По таможенному регламенту 7207 года каждый приезжий должен был стать на гостином дворе и предъявить таможне товары или списки их. С русских товаров таможня должна была взыскивать по илимским ценам $\frac{1}{10}$ часть стоимости. Если купец скрывал товары от обложения, то пошлины взыскивались в двойном размере, а при вторичных случаях утаенные товары отбирались, купца били «батожем нещадно» и не пускали «в Сибирские городы». Если пошлина была уже взыскана в Верхотурье, то в Илимске проверяли, не везет ли купец лишних товаров. На товар, с которого взыскивалась пошлина, накладывали знак, «как пристойнее». Запрещалось пропускать в Китай соболей, черных лисиц и золотые ефим-

ки. При проезде иркутских воевод или приказных людей «к Москве» или «в низовые города» груз их осматривался накрепко». Деньги, китайские товары и «рухлядь» не в одежде при этом отбирались. С продавцов хлеба своей пахоты при провозе на восток, по Лене, взыскивалось по 10 денег (5 копеек) с рубля и столько же с перекупщика. Сбор уменьшался вдвое, если хлеб направлялся в недородные места. Крестьянам Илимского уезда разрешалось продавать хлеб и съестные припасы «по вольным торгам бесценно, на гостине торг п с возов и с [с]тругов». Торговать крестьянам и служилым людям в лавках запрещалось.

С продаваемой рыбы, лошадей, скота, кроме $\frac{1}{10}$ части стоимости, взималось: с лошади пошерстного по 5 копеек, «а с рога — роговых по 2 алтына с каждой скотины». С укрывающих товар было велено брать вдвое, а при вторичном укрывательстве — втрое и виновных «бить батоги». А за дальнейший обман — бить кнутом и «все животы» брать в казну.

Купцы, торгующие в лавках, обязаны были платить по 10 денег с человека в неделю.

С извозчиков брать похомутных: 1 рубль с тяжелых и 50 копеек с легких возов в год. На хомут при этом ставилось клеймо, ежегодно возобновляемое.

Если купцы провозили шелк, то для «досмотра и выдела» приглашался еще и воерода.

По инструкции, данной илимской воеводской канцелярией бурмистру и ларешному на 1752 год, они должны были записывать поступление и расход денег в шнуровые книги, выданные из воеводской канцелярии, «писать верно, складом, а не цыфирью, и смотреть, чтоб в тех книгах скребения в приправок, також и мараных мест... отнюдь не было». С проезжающих купцов брать десятинный пошлинный сбор. «И при том быть вам всегда безотлучно и показать в том радение, чтоб перед прежними годами учинить прибыль и купечеству никакого утеснения и озлобления и в пути удержания отнюдь не было, под штрафом».

Смотреть, чтоб в Илимске «безъявочно никто пив не варил и медов не ставили». Желаящие варить пиво на свой обиход должны были платить с четверти пива по 4 деньги, с пуда меду «по шти денег».

В остальном инструкция этого года повторяет указы прежних лет, в том числе и угрозы за нарушение указов (Фонд 75, арх. № 1798, лл. 1-4). Общий смысл всех этих инструкций: бурмистр и ларешный должны стараться, чтоб был «прибор, а недобору отнюдь не было».

С изданием 20 декабря 1753 г. и 23 января 1754 г. указов Сената об упразднении внутренних таможен были отменены и многие мелкие сборы средневековья, мешавшие развитию

торговли и задерживавшие окончательное слияние местных рынков в общероссийское торжище.

Развитие торгового обращения в Сибири, особенно после упразднения внутренних таможен, требовало притока денег. Но перевозка денег в Сибирь, в том числе громоздких медных монет, задерживала развитие сибирской торговли.

Указом Екатерины II от 22 декабря 1763 г. пускались в оборот особые сибирские деньги, имевшие хождение только в Сибири. Чеканились из колыванской меди полушка, деньга, 1, 2, 5 и 10 копеек. На всех монетах, кроме полушки, изображались 2 соболя. Из пуда меди чеканилось 25 рублей сибирских медных монет (Фонд 75, опись 2, арх. № 1002, л. 2).

Переходим к рассмотрению местных сборов, поступавших в илимскую воеводскую канцелярию.

МЕСТНЫЕ СБОРЫ

XVIII век унаследовал от XVII множественность сборов — явление, свойственное средневековым финансовым порядкам. Эти сборы цепко оплетали каждый шаг промышленника и торговца, задевая в то же время и помещиков и крестьян.

Сборы эти делились на таможенные, откупные, оброчные и канцелярские. Главный доход казна получала от винного откупа.

По «счетным ведомостям» илимской воеводской канцелярии за 1726 год таможенных сборов поступило 55 рублей, кабацких — 358, пошлин от винного откупа 1182, от пивного откупа 223, канцелярских (с наказов, с «данных», от продажи гербовой бумаги) 15 рублей. Командор Беринг уплатил за 127 ведер накуреного для него вина 82 руб. 70 коп. Все сборы составили 1929 рублей, из них доходы, связанные с продажей вина и пива, — 1847 рублей, т. е. 95,7% (Фонд 75, арх. № 202).

Такое соотношение между сборами сохранилось и в последующие годы. Так, в 1742 году вместо 3915 рублей оклада, или по терминологии XVII века «пометы», в действительности поступило 3193 рубля, из которых 2692 рубля, или 84,3%, — от кабацких сборов. По 15 сборам в этом году не было взыскано ни одного рубля (Фонд 75, арх. № 1177, лл. 178-179).

По счетным выпискам за 1742 год поступило всяких сборов 2419 рублей (Фонд 75, арх. № 1081, лл. 56-57). В таблице 84-а приводится сжатая группировка по отдельным статьям этих поступлений.

В начале 50-х годов резко увеличиваются размеры кабацких сборов, и поэтому удельный вес остальных поступлений

сильно падает. Например, в 1756 году оказалось в приходе 13508 рублей, из них таможенных только 42, канцелярских 683, неокладных 291, а кабацких 12492 рубля, т. е. 92,5% (Фонд 75, арх. № 2196, л. 51).

Таблица 84а

Виды сборов	Рублей	% к итогу
Таможенные	4	0,2
„Кабацкого верного збору“	1039	43,0
Кабацких по откупам	564	23,3
Канцелярских	154	6,3
Ясачной мягкой рухляди	338	14,0
Неокладных	83	3,4
Товаров	238	9,8
Итого	2419	100,0

Следует коротко остановиться на так называемых конских сборах, введенных еще в XVII веке.

Действовало, собственно два вида обложения по лошадям: таможенный сбор по 2 копейки с головы, в случае провоза купеческих товаров, например, по Ленскому волоку, и обложение продажи лошадей в размере десятой части от суммы сделки; кроме того, при продаже и мене лошадей взималось по 5 копеек «пошерстного» с головы.

Взыскание денег должно было производиться на так называемой конской площадке. Но так как таких площадок в Илимском уезде в действительности не существовало, то сборы велись таможнями или приказными избами. При этом велись записи в книге «конской площадки».

Сбор конских пошлин обычно сдавался на откуп.

По книге конской площадки за 1733 год было взыскано с 15 купцов и разночинцев, проезжавших через Илимск на 184 лошадях, 3 руб. 68 коп. У одного из купцов шло с грузами 48 лошадей. По той же книге отмечено взыскание пошлин с продаваемых лошадей в размере 10% стоимости сделки и сверх того «пошерстного» по 5 копеек с головы (Фонд 75, опись 2, арх. № 153, лл. 1-14).

По книгам сбора конских пошлин в Илимске, в Усть-Кутском, Киренском и Братском острогах за 1772 год всего было продано и куплено 198 лошадей и обменено 132 лошади. Средняя цена за коня по книгам составляла 2 руб. 56 коп. Самая низкая, и, безусловно, фиктивная цена, отмеченная в книгах, — 50 копеек, а высшая — 10 рублей. 80% лошадей было продано по 1-3 рубля за голову (Фонд 75, арх.

№ 3309). Такую же картину отражают книги и по другим волостям, например, по Илгинскому острогу за 1770 год (Фонд 75, опись 2, арх. №№ 1241 и 1243).

Сбор конских пошлин был отменен Сенатом в 1777 году.

Многочисленные местные мелкие сборы составляли в доходах казны весьма скромную величину. Порождение эпохи раннего феодализма, они в XVIII веке, потеряв всякое экономическое основание, мешают развитию общеимперского рынка, связывают деятельность предпринимателей и торговцев, больших и малых, служат ареной для всяческих, по большей части неуволнимых злоупотреблений.

Еще Петр I отменил многие мелочные сборы и намеревался вернуться к разбору этого вопроса. Но смерть не дала ему возможности довести начатое дело до конца.

С упразднением внутренних таможен в 1754 году отменяются 26 видов всяких местных сборов; с провозимого хлеба, сена, дров и других сельских товаров, с крестьянских бань, с мостов и перевозов, «с ледоколу» и водопоев, «весчие», с клеймления хомутов, аршинов и четвериков, «померные», с продажи дегтя и сальных свеч, с конских, яловочных и «скотинных» кож, с сусла и квасов, с продажи «виноградов и аввощей», с жернового промысла и горшечной глины, с печатных проезжих грамот, с таможенного «письма», «с венечных памятей», «с ыноверческих свадеб куничные». Упразднялись также подымные, привальные и отвалы, мелкие канцелярские сборы и т. д.

Для Сибири имела значение отмена пошлин с товаров и денег, провозимых за Урал. Впрочем, сохранялось взыскание десятой части пушнины, поступающей из Сибири (Фонд 75, арх. № 2075, лл. 145-147; опись 2, арх. № 1409, л. 67).

Однако еще долгое время собирались на местах многие мелкие канцелярские, неокладные и пошлинные деньги. Например, в 1774 году в Илимске собирали по 28 видам разных обложений.

По указу Сената от 28 июня 1777 г. упразднялось еще 10 сборов, в том числе с покупных, продажных и меновых лошадей, с владельческих лавок, с явки пив, полпив и медов, «сбор с челобитенного письма, собираемый по Сибирским губерниям».

Взамен упраздненных сборов государство усиливает прямое обложение податного населения и встает на путь широкого применения косвенных налогов.

Тем самым фискальное законодательство приводилось в соответствие с общим экономическим развитием страны. Ломка феодальной системы обложения означала расчистку путей для развивающихся буржуазных отношений.

ГЛАВА XII

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПУТИ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Зарождавшийся примитивный капитализм в сибирской деревне проявлялся прежде всего в виде торгового и ростовщического капитала и мог лишь в очень слабой степени затронуть промышленное производство. «...первичной формой капитала всегда и везде был капитал торговый, денежный...» (В.И. Ленин. Сочинения, том 1, стр. 445). Излагая историю купеческого капитала, К. Маркс делает замечание, что «купеческий капитал появляется в качестве исторической формы капитала задолго до того, как капитал подчинил себе само производство» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XIX, часть 1, стр. 354), что «торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет собою исторически древнейшую форму существования капитала» (там же, стр. 352).

Но хотя зарождение и развитие торгового и ростовщического капитала есть предистория промышленного капитала и необходимое условие его возникновения, тем не менее самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала не является достаточным основанием для образовании капиталистического способа производства. Необходимо, чтобы торговый и ростовщический капитал мог свободно переливаться в сферу производства. Такого условия не было, например, в эпоху раннего средневековья. Но даже в пореформенную эпоху в России оставались многие препятствия для свободного обращения торгового и ростовщического капитала в сферу производства.

Объяснение, которое дает Ленин медленному процессу обращения на производство мелких капиталов в русской деревне конца XIX века, вполне приложимо к сибирской деревне XVIII века: «Остатки средневековых учреждений, тяготеющей над нашей деревней (сословная замкнутость крестьянской общины, прикрепление крестьян к наделу, круговая порука, сословная неравномерность податей), создают

громадные препятствия для помещения мелких капиталов в производство, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность. Естественным результатом этого является непомерная распространенность низших и худших форм капитала, торгового и ростовщического...» (В.И. Ленин. Сочинения, том 4, стр. 53-54).

Преобладание в Сибири натурального крестьянского хозяйства и зависимость сибирской экономики от крепостнической Руси оказывались теми дополнительными обстоятельствами, которые задерживали и без того слабое развитие капитализма и обусловили господство в сибирской деревне низших и худших форм капитала. Наряду с купцом сибирский крестьянин-кулак выступает представителем торгового и ростовщического капитала, с тем лишь различием, что он ведет одновременно и торговое земледелие.

В настоящей главе собраны материалы о крестьянской хлеботорговле и ростовщичестве в илимской деревне, а также данные о промышленной деятельности казны и частных лиц.

Деятельность предпринимателей особенно усилилась после отмены хлебного обложения крестьян и натуральных ясачных платежей. Поэтому данные о неземледельческих путях накопления капитала в илимской деревне относятся почти целиком к концу XVIII века.

ХЛЕБОТОРГОВЦЫ

Вследствие недостатка хлеба в ленских волостях для снабжения Якутска иркутская провинциальная канцелярия временами обращалась к услугам подрядчиков.

Взять на себя громадную поставку за 2000 верст 60000 пудов ржаной муки и 2000 пудов ячных круп в течение 1750 года согласился крестьянин Иркутского Вознесенского монастыря Иван Попов. Цена муки согласно договору была обусловлена по 45 копеек, круп — по 65 копеек за пуд.

Попов имел собственной муки 30000 пудов и круп 1500 пудов. Недостающее количество он намеревался купить в тех ленских волостях, где казна не видела никаких хлебных излишков.

Попов согласился платить с покупаемого им хлеба в таможду по 5 копеек с рубля. Это обстоятельство послужило для него прекрасным предлогом получить от провинциальной канцелярии неслыханные права. Казна была так падка на увеличение доходов, что согласилась со всеми предложениями крестьянина.

Попов потребовал, чтобы власти запретили крестьянам тех волостей, где он поведет скупку хлеба, продавать хлеб

вольным людям до тех пор, пока он не закупит нужного ему количества. Было велено хлеб у покупателей отбирать и переписи. его Попову по таможенной цене, «а покупателей бить батоги или плетью», смотря по количеству купленного ими хлеба.

Иркутская провинциальная канцелярия сверх того предоставляла в распоряжение Попова все хлебные житницы по р. Лене в качестве складочных помещений.

Лоренц Ланг 5 декабря 1750 г. дал распоряжение илгинской и усть-кутской приказным избам оказывать Попову «вспоможение»: давать «вожей», снимать с мелей барки и плоты Попова «без отрицания, за плакатную плату».

Дошло до того, что у крестьян тех волостей, где Попов покупал хлеб, осматривали амбары и если обнаруживали лишние запасы зерна или муки, то опечатывали их в угоду Попова.

Крестьянин Ново-Удинской слободы Никита Купряков продал в 1750 году на сторону 1000 пудов ржаной муки по 45 копеек за пуд. По этой продаже возникло следственное дело — почему хлеб продан не Попову, и Купряков был оштрафован на 6 руб. 75 коп. (Фонд 75, опись 2, арх. № 544).

В следующем году подверглись осмотру все амбары у крестьян Илгинского острога, так как явилось подозрение, что крестьяне не продают хлеб подрядчику Ивану Попову. И Ново-Удинской слободе обнаружили «у крестьянских детей», в действительности — у тех же зажиточных крестьян Купряковых, 1900 пудов хлеба «собственной их пахоты». Но хлеб этот не понадобился Попову, так как он успел закупить нужный ему «провиант».

Тогда Купряковы предложили купить у них 900 пудов по 25 копеек (Фонд 75, опись 2, арх. № 577, лл. 97-100).

Таким образом оказалось, что предприниматель Попов прижимал других зажиточных крестьян, которые стали ему на дороге.

За продажу хлеба на отдаленном рынке требовалось уплачивать пошлину. Начальник Усть-Кутской таможни Фогользанг приказал «бить батоги» крестьянина Тутурской слободы Буторина за продажу 600 пудов хлеба «своей пахоты» в Киренске (по 30 копеек за пуд), так как он не явился в таможню и проплыл «Постороннею рекою — Киренгою». Кроме того, Буторину пришлось уплатить и пошлину (Фонд 75, арх. № 1696, лл. 6-9).

Если скупка хлеба крупными торговцами производилась в интересах казны, то местные власти начинали стеснять мелких скупщиков и даже крестьян в продаже хлеба на сторону. Если же скупка зерна хлеботорговцами мешала заготовкам казны, то местные власти вспоминали старые указы

1723 и 1725 годов и пытались ограничить деятельность скупщиков.

Но ни в первом ни во втором случаях существенного успеха власти не достигали.

Особенно широкий размах получили частные перевозки хлеба по Лене после отмены в 1773 году хлебного обложения илимских крестьян. С этого времени казна прекращает сплав хлеба в Якутск, и все сложное, дорогое и рискованное дело переброски хлеба на северо-восток Сибири попадает в руки частных предпринимателей.

Падение феодального установления (хлебного обложения крестьян) тотчас повлекло рождение частнокапиталистического предпринимательства (хлеботорговли).

Имеется прекрасная возможность подтвердить документами широкое развитие крестьянской хлеботорговли за время действия указа 1764 года о сборе пошлин с барок «топорного дела».

Сбор пошлин с судов «топорного дела», проходивших вниз по Лене от верхнеленских пристаней до Якутска, производился в Усть-Кутском остроге особым служилым человеком. В 1767 году там служил Петр Литвинцев.

Он должен был выехать в Усть-Кутский острог «и, как на Лене реке лед [в]скроетца», взыскивать с проплывающих судов пошлины и записывать поступление денег в особую шнуровую книгу. Размер взыскания, согласно указу Сената 15 октября 1764 г., с «топорных судов», проходящих с казенными и «партикулярными» грузами, устанавливался по 30 рублей с каждого судна. С небольших судов Сенат указом 12 апреля 1765 г. предлагал взыскивать по 5 рублей. Обложению не подвергались малые лодки, шедшие за барками и плотами, а также плоты, па которых крестьяне возят хлеб, семена и сено для своих нужд. С плотов, направлявшихся в Якутск с товарным хлебом, Литвинцев должен был взыскивать по 1-3 рубля, в зависимости от нагрузки (50-300 четвертей хлеба) (Фонд 75, арх. № 3035).

Книги, в которые записывались сборы с проплывающих судов, сохранились в разных делах илимской и усть-киренской воеводских канцелярий за 1767, 1774, 1776, 1778, 1779, 1780 и 1781 годы. Последующее изложение будет посвящено разбору записей в этих книгах.

Сводка о числе проплывших судов за 1767 год с хлебом, казенным вином и «купеческой кладью» дана в таблице 85.

Как видно, по Лене шли довольно разнообразные суда, из них самые большие — барки. Из всех показанных судов только 2 барки везли вино, 3 судна и лодки шли с товарами, а все остальные суда — с хлебом.

Крестьянские суда как по количеству, так и по весу груза (79000 пудов) стояли на первом месте. Хлеб везли крестьяне

не только Илимского, но также Яренского, Важского, Иркутского, Верхоленского и других уездов. Среди купцов преобладали иркутские; сплав привлекал хлеботорговцев и других городов, главным образом из северной Руси: Тотьмы, Устюга, Вологды, Сольвычегодска.

Таблица 85

Владельцы груза и судов	Число судов и их виды						
	барки	паузки	водовики	судна	плоты	лодки	итого
Крестьяне	32	3	2	—	1	1	39
Купцы	16	4	3	6	—	2	31
Мещане	1	—	—	—	—	—	1
Казна	2	—	—	1	—	—	3
Итого судов	51	7	5	7	1	3	74
Груза, пудов	143800	2800	3200	7000	1000	150	157950
Среднее на 1 судно, пудов	2800	400	640	1000	1000	50	—

В 1774 году прошло вниз по Лене 74 судна, из них 36 принадлежали крестьянам, 32 — купцам и 6 мещанам. Так как возврат вверх, против течения Лены на 2000 верст был очень трудным, длительным и дорогим, все большие суда бросались в Якутске, где их ломали на дрова. Лишь мелкие суда иногда поднимались до Усть-Кута. В 1774 году таких случаев было отмечено четыре (Фонд 2, арх. № 47).

В 1776 году мимо Усть-Кутского острога проплыло 136 судов, которые везли 153590 пудов грузов, главным образом хлебных. Крестьянам принадлежало 50 судов, на которых провезено 78590 пудов (хлеба), т. е. больше половины всех грузов этого года. Суда других владельцев оказались менее крупными, чем крестьянские (Фонд 2, арх. № 102, лл. 1-16).

В 1778 году зарегистрировано 54 судна, в том числе 25 крестьянских, 11 купеческих, 15 мещанских и 3 казенных. Последние суда вели по договору с казной крестьяне (Фонд 2, арх. № 228).

В 1779 году по р. Лене прошло 51 судно и 8 плотов, на которых было погружено 68000 пудов хлеба и товаров. Из этих судов 2 направлялись в Якутск с солью, несколько мелких судов — с купеческими товарами, а подавляющая часть — с хлебом.

Крестьяне провели 37 судов и плотов с 38360 пудами груза, купцы — 7 судов, мещане и цеховые — 11, низшие церковнослужители (трапезник и дьячек) — 2 судна. Кроме того,

2 судна с солью шли от поверенного Усть-Кутского солеваренного завода (Фонд 2, арх. № 293, лл. 1-18).

В следующем году отмечено также 51 судно и 4 плота, провезено 54900 пудов грузов и 300 бревен. Половина всех грузов провезена крестьянами на 29 судах и плотах, купцам принадлежало 16 судов, мещанам — 9 и дьячку — одно судно (Фонд 2, арх. № 1070, лл. 1-16).

Последний раз регистрация судов, проходящих по Лене, была произведена в 1781 году. Тогда крестьяне провели 32 судна, купцы — 16, мещане — 13 и прочие — 2, а всего 63 судна. Из общего груза в 49970 пудов на долю крестьянских судов падает 28380 пудов, или 57%.

В этом году 13 мелких судов проведено из Якутска в Усть-Кутский острог, из них 2 судна вышли из Усть-Кута 9 и 19 мая, а вернулись, проделав около 4000 верст, 16 августа и 25 октября (Фонд 2, арх. № 623, лл. 1-22).

Книги сбора поштин с судов «топорного лесу» позволяют установить и время начала движения по р. Лене, и время прохода каждого судна, так как в книге всегда ставилась дата взыскания денег с судно- и грузовладельца.

Судоходство в верхнем течении Лены затрудняется летним мелководьем, поэтому сплав начинался ранней весной, «шли за льдом», и главная часть грузов, особенно на судах с большой осадкой, проходила в мае и июне. Летом шли преимущественно мелкие паузки, лодки и плоты, и то в небольшом числе.

В таблице 86 приведены данные о времени отплытия судов из Усть-Кутского острога или времени прихода их осенью в этот пункт. В первой колонке показана дата отправления первого судна, так сказать, открывавшего навигацию.

Таблица 86

Годы	Начало навигации	Число прошедших судов по месяцам							
		апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	итого
1767	15 мая	—	59	4	3	3	3	2	74
1774	11 мая	—	70	4	—	—	—	—	74
1776	12 мая	—	65	43	6	8	13	1	136
1778	10 мая	—	35	3	4	6	6	—	54
1779	25 апреля	10	16	12	2	7	10	2	59
1780	8 мая	—	26	6	2	4	10	7	55
1781	4 мая	—	28	11	7	9	8	—	63
	Итого	10	299	83	24	37	50	12	515
	В %	2,0	58,0	16,1	4,7	7,2	9,7	2,3	100,0

За 1774 год книга, видимо, не закончена и вообще оформлена довольно небрежно. В частности, по ней нельзя подсчитать и количества провезенного на барках груза.

Только один раз за 7 указанных лет движение по Лене открылось в конце апреля (по современному календарю — 6 мая), в остальные года оно падало на начало мая, на его первую половину. К концу мая за эти 7 лет успело пройти 60% всех судов, зарегистрированных усть-кутским надсмотрщиком.

Можно свести все данные о проходе судов, и в том числе крестьянских, в особую таблицу. Эта сводка приводится в таблице 87.

Таблица 87

Годы	Прошло судов		Провезено груза, тысяч пудов	
	всего	в том числе крестьянских	всего	в том числе крестьянами
1767	74	39	157,5	79,0
1774	74	36	нензв.	неизв.
1776	136	50	153,6	78,6
1778	54	25	78,1	31,8
1779	59	37	68,0	38,4
1780	55	29	54,9	27,2
1781	63	32	50,0	28,4
Итого	515	248	562,1	283,4

Крестьянские суда составляли 48,2% от всех судов, прошедших по Лене за 7 лет; провезено крестьянами 50,4% груза от общего количества грузов, сплавленных в Якутск.

За 7 лет отмечено 248 крестьянских судов, как правило, имевших большую грузоподъемность, чем суда других владельцев, значит — в среднем по 35 судов за год.

Книги учета проходящих судов отмечают за 7 лет 105 судовладельцев крестьян. Многие крестьяне плавали за указанное время по нескольку раз, другие проводили сразу по 2-4 судна. Поэтому число владельцев и число судов не совпадают.

Крестьян, плававших в Якутск за отмеченные годы по одному разу, насчитывается в книгах 61 человек, плававших по 2 раза — 26, по 3 раза — 8, по 4 раза — 5, по 5 раз — 5 человек.

Значит, были крестьяне, которые занимались сплавом как промыслом. Кузьма Красноштанов плавал в Якутск в 1767,

1775, 1776, 1780 и 1781 годах. Несомненно, что за время с 1767 по 1781 год, т. е. за 15 лет, Красноштанов плавал не 5 раз, а гораздо больше. Но установить этого с достоверностью нельзя, так как за 8 лет 15-летнего периода книги не сохранились. Всего за 5 поездок Красноштанов провез около 7500 пудов хлеба.

Крестьянин Дмитрий Бушмагин отмечен по книгам тоже 5 раз, он сплавил в Якутск более 6000 пудов хлеба, Алексей Ярыгин — более 7000 пудов, Семен Пежемский — 11600 пудов, причем его имя неизменно встречается, начиная с 1776 года. Петр Кузнецов доставил в Якутск на своих барках 8300 пудов хлеба.

Так как обычная барка вмещала 300 четвертей хлеба, то за одну поездку крестьянин мог везти в Якутск не менее 2000-2500 пудов хлеба.

Совершенно ясно, что приведенные здесь сведения о числе повторных плаваний преуменьшены. Во-первых, не все книги сохранились, во-вторых, в повторные поездки могли отправляться другие члены семьи одного и того же крестьянина, а не те, которые плавали в первый раз. Значит, в таких случаях регистрировались разные хозяйства хлеба, в действительности принадлежавшего одной семье.

Например, в разные годы плавали три крестьянина, носившие фамилию Бушмагина, порознь записаны 2 Беякова, 4 Верховина, 2 Жмурова, 5 Кузаковых, 3 Машукова, 4 Пежемских, 4 Стрелова, 3 Ярыгина и т. д.

Можно остановиться на названном здесь крестьянине Оекской слободы Иване Леонтьеве сыне Верховине.

В Иркутске объявляются торги на поставку в Якутск летом 1773 года 41658 пудов ржаной муки и 84 пудов круп. Соперниками на торгах оказались только два лица — иркутский купец М.В. Сибиряков и упомянутый крестьянин И.Л. Верховин.

Верховин, отстраненный, как крестьянин, от торгов, все же сумел довести до сведения губернской канцелярии, что он доставит муку в Якутск дешевле, чем Сибиряков, именно, по 30 копеек за пуд, а крупу по 49 копеек. Вместе с тем он представил «одобрение» от оекской приказной избы.

Перед иркутской губернской канцелярией возникла затруднительная задача: или заключить договор с купцом, но зато переплатить 834 рубля, или заплатить дешевле, но нарушить закон, запрещавший учреждениям вступать в договорные отношения с крестьянами.

И губернская канцелярия после некоторого колебания подала руку крестьянину. Она предложила ему сосредоточить хлеб на ленских пристанях и предоставила в его распоряжение казенные амбары на Усть-Илгинской пристани.

Верх одержал крестьянин, правильное — хлеботорговец из крестьян, кулак (Фонд 75, арх. № 3391, лл. 22-24).

Осуществил ли он переброску хлеба? Да, осуществил. Об этом можно узнать из другого дела (Фонд 75, арх. № 3364, л. 114). Считая себя, видимо, под высоким покровительством, Верховин проплыл 25 мая 1773 г. на 11 барках мимо Усть-Кутского острога, не заплатив пошлины.

По книгам сбора пошлин можно установить, что плавали 4 Верховина, все из Оекской слободы, носившие общее отчество, вероятно, члены одной семьи. Всего они провезли 32000 пудов хлеба, причем еще раз по р. Лене прошла маленькая флотилия, принадлежавшая Верховину, в составе 6 барок.

Пользуясь ротозейством местных властей и равнодушием надсмотрщиков к классовому и сословному составу хлеботорговцев, крестьяне незаметно овладели половиной всех перевозок по Лене. Они наравне с купцами платили законные и незаконные сборы чиновникам, сидевшим в Усть-Кутском остроге «у збора в казну топорного дела с судов и барок», наравне с купцами обьегоривали одних и обьегоривались другими и оттесняли патентованных торговцев на второй план.

Немудрено, что купцы жаловались на крестьян, вторгавшихся в их сословное занятие. Жалобы их были поддержаны иркутской градской думой, которая в 1790 году обратилась в иркутское наместническое правление с требованием прекратить постройку судов крестьянами для торговли.

Иркутское наместническое правление нашло доводы думы основательными и потребовало от киренского земского суда прекратить судостроительство у крестьян (Фонд 9, арх. № 105, л. 130).

Киренский нижний земский суд представляет в 1800 году казенной палате сводку о собранных пошлинах по новому правилу.

С удивлением можно прочитать в этом официальном отчете киренского нижнего земского суда, что из 6 паузков 4 являются крестьянскими. Попрежнему с судов берут пошлины, невзирая на лица, только по другим таксам, отмечают размеры судов и осведомляются — куда и с каким грузом они плывут.

Мещанин, священник и трое крестьян отвечают, что отплывают в Якутск с овощами, а один крестьянин — что паузок будет плавать на покосы.

Как видно, указы больше регистрировали жизнь, чем направляли ее.

РОСТОВЩИКИ

Широкое проникновение ростовщиков в илимскую деревню началось с конца XVIII века. Но так как их обороты нигде не регистрировались, то о существовании подобной категории эксплуататоров можно узнавать только по случайным и редким долговым «реэстрам», составлявшимся нижним земским судом для взыскания задолженности по претензиям займодателей.

Ростовщики оплетали должников неосязаемой, но глубоко внедренной в хозяйство крестьянина финансовой паутиной, подобно тому как грибница болезнетворного грибка пронизывает живое тело растения.

Киренский земский комиссар составил в 1802 году «реэстр долговой разных деревень крестьян» по Нижне-Тунгусской экономической волости. Всего в список вошло 50 должников-крестьян, по существу почти вся волость.

Долги 28 человек иркутскому купцу Лавру Сычеву составляли 1130 рублей, иркутскому мещанину 21 человек задолжали 933 рубля, киренскому купцу Дмитрию Полоскову — 949 рублей, четырем другим купцам крестьяне Нижне-Тунгусской волости были должны 753 рубля.

Но среди кредиторов имелось немало крестьян других волостей Киренского уезда: 18 таких крестьян ссудили крестьянам Нижне-Тунгусской волости 1121 рубль.

Всего долги 50 крестьян этой маленькой волости состав ляли 4886 рублей, или по 98 рублей в среднем на человека. Отдельные крестьяне были должны по 200-300 рублей.

Деньги, хлеб и товары ссужались крестьянам, надо полагать, под пушнину, так как волость, лежала в промысловой зоне, на севере края. Неудивительно, что купец Полосков выдал одному крестьянину 70 пудов хлеба. Но поставил его по чудовищно высокой цене — по 3 руб. 50 коп. за пуд!

В том же 1802 году два киренских купца просят нижний земский суд взыскать долги с крестьян ленских волостей. Купец Степан Наумов представляет список 59 крестьян, проживавших в 14 селениях и задолжавших ему 208 руб. 7½ коп. Хлеб, который этот купец давал крестьянам в долг, оценен им по 2 руб. 40 коп. за пуд, «по якутской цене», т. е. по цене средней для г. Якутска. Другой купец — Окулов представил список долгов на 242 руб. 75 коп. Сличение списков показывает, что оба они касались крестьян почти одних и тех же селений.

Киренский нижний земский суд произвел взыскание долгов согласно представленным спискам, но многие крестьяне отказались платить, отрицая правильность купеческих расчетов.

В делах встречаются и обратные случаи — задолженность купцов крестьянам. Например, крестьянин Подкаменской слободы Сафьянников просил в 1800 году взыскать с купца Скорюкова 138 руб. 40 коп. По справке городничего этот купец был должен разным кредиторам 4806 руб. 60 коп. (Фонд 9, арх. № 228, лл. 1-2).

Иркутский мещанин Калинин в 1791 г. просил киренский нижний земский суд взыскать с 16 крестьян разных ленских волостей остатки долгов, первоначальная величина которых составляла 106 руб. 91½ коп. Среди должников оказались 4 крестьянских жены. Все долги образовались путем продажи мелочных товаров в кредит (Фонд 9, арх. № 120, лл. 235-237).

По книге записи долговых писем за 1793 год, которые велись тогда в киренском нижнем земском суде, зарегистрированы две кабальные сделки. По первой записи крестьянин Нижне-Тунгусской экономической волости занял у киренского купца Алексея Полоскова 89 пудов ржаной муки по 1 рублю (!). По второй записи дьячок Сполошенской Спасской церкви дал крестьянину той же волости 223 рубля 50 коп., за что последний был «повинен заплатить пышным товаром или деньгами», которых, кстати сказать, у крестьянина (Панфила Фаркова) как раз и не было (Фонд 9, арх. № 124, лл. 8, 9).

Купец Саламатов сосредоточил свои обороты в Нижне-Тунгусской волости, где подвизались и другие представители торгово-ростовщического капитала, привлекаемые пушниной. Но торговля в кредит, особенно при конкуренции ростовщиков, небезопасна и для заимодавца. В кредитах омерщвляются оборотные средства, что лишает купца коммерческой маневренности.

Саламатов в 1800 году оказался банкротом. Иркутский городской магистрат дал ему 3-месячный срок и отпустил в Киренский уезд «для уличения запирающихся его должников». Сын Саламатова составил долговую книгу, в которой было записано 109 должников — крестьян Нижне-Тунгусской волости. Среди них встречается немало женщин, жен и дочерей крестьян. Многие из них записаны своеобразно: «бабушка Кладовикова», «стряпка Артемия Фаркова», «дочь ее Евдокия»; один долг записан «за роднушкою».

Большинство долгов было мелких, по несколько рублей, Но даже за незначительными долгами могут скрываться крупные обороты. Например, Фарков был должен 705 рублей, уплатил 653 рубля. Саламатов дал ему в кредит 5 ружей, 8 винтовок, 55 платков, 32 ножа, замки, ложки, хмель, муку, вино и деньги. Получил с Фаркова в уплату долга 3336 белок, 10 лисиц и иную пушнину. Другим Саламатов давал свинец, мануфактуру, бисер, иглы и вино. Взыскива-

лись долги исключительно пушниной, причем белка шла по 15 копеек (Фонд 435, арх. №№ 63, 67).

Все, сказанное здесь о ростовщике, типично для эксплуататора подобного рода. Он соединяет торговлю разными товарами с заготовками пушнины и покупкой хлеба. Он избирает определенный район для своей деятельности, где находит посредников, и, конкурируя с себе подобными, закабалает сотни крестьянских хозяйств путем выдачи денег и товаров в кредит.

Он пытается овладеть не только всеми формами торговли (Саламатов держал в Киренске винный откуп), но и протягивает руки к оброчным статьям.

В 1795 году в Киренске производилась переоброчка пахотных и сенокосных угодий (Фонд 435, арх. № 43, лл. 414-421).

Всего на торги поступило 46 участков, которыми пользовалось 38 человек, из них 17 крестьян, 7 служащих, 4 священника, 3 разночинца, 3 купца и 2 мещанина. Кроме того, одним участком пользовалось крестьянское общество и одним — содержательница солеваренного завода Ковалевская.

Общая сумма оброка за 696 десятин пашни и сенокосов составляла 182 руб. 90½ коп., т. е. по 26 копеек за десятину.

После переторжки, во время которой оказалось «наддачи» 55 руб. 21 коп., или по 8 копеек на десятину, земля поступила в распоряжение только 12 пользователей. Из них служащих было 5, крестьян 3, священников 2 и один купец. Кроме того, 2 участка общей площадью в 28½ десятины были оставлены за городом Киренском.

Значит, число пользователей в результате переторжки уменьшилось более чем в 3 раза. Произошло сосредоточение земли в немногих руках. У трех крестьян оказалось 178¼ десятины оброчных земель, у разных служащих — 199¾ десятины, у двух церковнослужителей — 59 десятин и у купца Саламатова в 13 участках 230½ десятины.

Ростовщик обзаводился землей.

ПАЙЩИКИ ШЕЛЕХОВА

В феврале 1798 года по городам Иркутской губернии был разослан указ gubernского правления о смерти выдающегося путешественника купца Шелехова и о присвоении жене и детям его дворянского звания. В указе Сената от 22 декабря 1797 г. значится следующее распоряжение Павла I: «Обращая монаршее наше внимание на заслуги умершаго гражданина Шелехова, жертвовавшего жизнью и иждивением в присоединении к отечеству нашему обитающих в Северной Аме-

рике народов... жалуюм жене его, вдове Наталье Шелеховой, разделившей с ним труды в странствованиях, и рожденным от них детям — дворянское нашей империи достинство» (Фонд 9, арх. № 123, л. 141).

Именитый купец — путешественник Григорий Иванович Шелехов, очевидно, вел промысел зверей на паях. Иркутское губернское правление в указе 3 апреля 1797 г. сообщало о порядке расчета с пайщиками и предложило, в частности, киренскому нижнему земскому суду оповестить родственников тех лиц, которые работали у Шелехова, о расчетах с ними «по раздельной ведомости».

Вся добыча должна была делиться на 70 паев, из них Шелехову принадлежало 39.

Среди киренских жителей оказалось 5 крестьян-пайщиков Шелехова. Каждый из них имел по одному паю, на который по «раздельной ведомости» причиталось по 15 бобров-маток или кошлаков, по 1 медведю, по 14 «хвостов», по 1040 котиков и по 9 песцов. Некоторые из этих крестьян получили часть причитающихся шкур «в вояже». Один крестьянин умер, а четверо «остались на островах».

Расчеты производил компаньон Шелехова «мореход, македонский купец» Евстрат Деларов, совладелец судна «Св. Александр» (Фонд 9, арх. № 176, лл. 185-187).

Таковы общие данные о неземледельческом накоплении капитала, данные, дополняющие материалы о развитии кулачества в илимской деревне.

ВИНОКУРЕНИЕ И ПРОДАЖА НИТЕЙ

Из всех предприятий казны наибольший и самый устойчивый доход приносило винокурение, получившее в феодальную эпоху широкое развитие.

Формы организации выкурки и сбыта вина на протяжении XVIII столетия изменились очень сильно: постепенно правительство передало откупщикам все производство вина в империи и отказалось от казенной продажи питей. Выкурка и реализация вина в конце века сосредоточилась в руках крупных откупщиков, видных капиталистов того времени.

Вторая четверть XVIII века началась с отдачи на откуп продажи вина и пива. В 1729 году продажу вина в Илимском уезде взяли с торгов 8 человек, в 1730 году еще 4 человека и в 1731 году еще 9 человек. О торгах объявлялось с барабанным боем, и винные откупа отдавались «в городе (Илимске) с публичного торгу при фискале з запискою, без подлогу» (Фонд 75, опись 2, арх. № 76, лл. 1-8).

Всего в откупах участвовало 24 человека, в том числе 16 служилых людей, 4 посадских и «жителей», 2 пашенных кре-

стьянина. О двух сведений нет. Откуп брался на 4 года. Общая сумма откупных платежей составляла 203 руб. 22¼ коп. в год. Только два откупщика платили довольно значительную сумму: посадский Фокин (101 руб. 64½ коп.) и отставной служилый Григорий Курбатов. Остальные вносили в казну по 1-18 руб. в год, в среднем по 3 руб. 90 коп. на человека.

Продажа вина должна была производиться по единой цене, по 2 руб. 90 коп. за ведро (Фонд 75, опись 2, арх. № 77). Откупщики могли сами курить вино и варить пиво. Разница между суммой затрат по выкурке вина и суммой выручки от продажи по казенной цене и составляла законную прибыль откупщика.

Если в некоторые деревни откупщиков не находилось, то илимская воеводская канцелярия отдавала там продажу вина «на веру», т. е. илимская ратуша посылала в такие селения выборных «верных целовальников».

Вино откупщики могли брать и с казенных винокуренных заводов — илимского и илгинского.

Илимский винокуренный завод во второй четверти XVIII века, когда продажа вина сдавалась на откуп местным жителям, сильно обветшал. На заводе имелось 2 заторных котла — медный на 60, железный на 40 ведер, 26 негодных медных котлов, «чрез которые арака куритца», каждый «по полусема ведра». Из 10 бражных чанов 3 были вовсе непригодны, а «арашные и перепускные печки розвалились» (Фонд 75, опись 2, арх. № 87).

Несмотря на плачевное состояние Илимского винокуренного завода и невзирая на невозможность улучшения его работы вследствие оторванности от сырьевой базы, из Иркутска поступали указы об увеличении выкурки вина на этом заводе. Так, в 1732 году из Иркутска писали илимскому воеводе: «тебе, Горяистову, в Ылимску казенной ея императорского величества каштак размножать с великим тщательным радением». Такие распоряжения являлись отголосками указов из Москвы. Сибирский приказ незадолго до этого обязывал воевод «трудитца по всем городам и уездам: на кабаках питья было [б] довольно и... прилагать лишнее старание повсягодно больши збору присовокуплять; также, чтоб строение на кабаках было не худое и не зазорное. К приходу вино и водки держаны б были добрые, бес примесов воровских» (Фонд 75, арх. № 458, л. 1).

Винокурение велось на Илимском заводе с грехом пополам. В 1735 году там удалось выкурить 1652 ведра вина (Фонд 75, арх. № 582, лл. 1-8).

Илимский винокуренный завод, или «каштак», был заново отстроен в 1751 году. Длина главного здания составляла 15, ширина 6½ сажень. На берегу Илима стояла теперь изба.

В поварне имелось три мшеника (холодных погреба) для хранения вина, араки и перепускного вина.

Большой медный заторный котел вмещал 48 ведер. Кроме того, имелось 21 «брашных» и «арашных» котлов (Фонд 75, опись 2, арх. № 766, лл. 269-275).

В 1732 году состав откупщиков винной и пивной продажи заметно изменился: пашенные крестьяне из богатеев держали 7 откупов винной и один — пивной продажи, служилые люди — 11 и 4, посадские и «жители» — 6 и 5 откупов. Два плотничных сына взяли пивные откупа (Фонд 75, опись 2, арх. № 115).

В этом же году было запрещено приказчикам держать кабаки, вследствие этого один откуп оказался свободным. Так как охотников взять пивной откуп не нашлось, то целовальником был назначен беломестный казак Ягунов. Ему дали инструкцию: «варить тебе пиво беспеременно, чтоб на кабаке... отнюдь простоя не было». Казак должен был продавать пиво по двойной цене по сравнению с выварной себестоимостью, чтобы «была прибыль, также и питухам чтоб обиды не было... И в том тебе приложить крайнее радение и неусыпное старание по присяжной своей должности, за что будешь награжден ея императорского величества милостию». Расход по пивоварению на хмель, дрова, хлеб, а также оплату труда пивовара и работников казак должен был записывать в шнуровую книгу (Фонд 75, арх. № 394, лл. 49-53).

Приказчика обязали выдавать казаку хлеб «по цене». Новый целовальник приводится к присяге, и кабак, которому грозил простой, услужливо распахнул двери для «питухов».

Себестоимость вина определялась по расчету, который лишь в несущественных чертах отличается от современных приемов калькуляции. На каждое ведро вина прибавлялось 10 копеек «поведерных». Разница между себестоимостью с прибавлением «поведерных» и продажной ценой носила название «накладных» денег. По данным за 1730-1747 годы (Фонд 75, арх. № 353, лл. 130-131) можно установить, что средняя себестоимость за 18 лет одного ведра вина составляла 94 копейки. К этой цене прибавлялось 1 руб. 86 коп. «накладных» и 10 копеек поведерных. Значит, все наценки казны составляли к себестоимости 208,5%.

Через 10 лет, в 1756 году, Сибирский приказ установил новые, повышенные цены на вино, продаваемое в Сибири. Со следующего года ведро вина в Иркутске продавалось по 3 руб. 32 коп., в Илимске — по 3 руб. 22 коп. (вместо 2 руб. 90 коп.), в Якутске — по 4 руб. 01 коп., в Анадырском остроге — по 17 руб. 70 коп., в Тобольске — по 2 руб. 33½ коп. Новая отпускная цена слагалась из указной поведерной цены (в Илимске 2 руб. 90 коп. за ведро) и из прикладных гри-

венных и поведерных денег (в Илимске 32 коп.). Продажа вина в Иркутске возлагалась на магистрат и купечество, в Илимске на ратушу (продажа «на вере»), в Якутске на откупщиков, в Тобольске на магистраты, ратуши и купечество (Фонд 75, арх. № 2209, лл. 44-52).

За 1730-1744 годы в Илимском уезде было продано вина и пива на 56565 рублей, т. е. в среднем на 3770 рублей в год, примерно по 34 копейки на душу населения муж. пола.

Вина «верной продажи» отпускалось в среднем за 15-летний промежуток на 2209 руб., по откупам на 1069 руб., поведерные сборы составляли в среднем 116 руб. Значит, продавалось ежегодно 1160 ведер вина. Пиво «верной» продажи в год давало 94 рубля денежных поступлений, и от откупов поступало ежегодно 282 рубля (Фонд 75, опись 2, арх. № 367, л. 52).

В общем, за 15-летний период можно подметить увеличение удельного веса продажи вина откупщиками за счет сокращения удельного веса продажи через целовальников.

До 1736 года действовал один илимский винокуренный завод, производство вина на котором составило в этом году 2018 ведер. При этом было израсходовано 3922 пуда ржаной муки, 980 пудов ржаного солода, 57 пуд. 15 фун. хмеля, 1382³/₄ сажени дров, заплачено работным людям 284 руб. 63 коп. Ведро вина «стало в истине» по 76 копеек «с полушкой и с осмушкой». В отчете о продаже вина илимская воеводская канцелярия произвела расчет среднегодовой продажи из трехлетних данных: «против сложных трех лет на один год» (Фонд 75, арх. № 729, лл. 118-119, 128-130).

Илгинский винокуренный завод начал работу с 1736 года. Открытие его деятельности потребовало посылки туда 14 ссыльных «в каштацкую работу» (Фонд 75, арх. № 2166, л. 1).

Но временами местное производство вина не покрывало потребности в нем, вследствие чего в отдельные года завозилось вино с Александровского винокуренного завода, находящегося в Иркутском уезде.

В 1744 году в Илимск было привезено из Иркутска 1800 ведер вина ценою по 3 рубля, «которое в отжеге выгорало в четырехточную стопку в полторы точки» (Фонд 75, арх. № 1203, л. 1).

Дороговизна провоза вина из Илимского и Илгинского винокуренных заводов в Братский острог вызвала заявление местных казаков о разрешении построить силами жителей винокуренный завод в Братском остроге. Заявление было подано в 1737 году. Иркутская провинциальная канцелярия ответила через 8 лет, в 1745 году (Фонд 75, арх. № 1227, лл. 181-182).

В ноябре 1745 года новый завод начал работу и дал до конца года 176 ведер вина (Фонд 75, арх. № 1301, лл. 1-9).

Илимская воеводская канцелярия составила в 1747 году ведомость о всех винокуренных заводах уезда. Тогда действовало 2 казенных и 5 «партикулярных» заводов. Самый крупный, Илгинский казенный завод, выкурил в этом году 2121 ведро вина, затратив на это 6986 пуд. 20 фун. муки и солода. Братский завод, построенный служилыми, казаками и пашенными крестьянами, выкуривал «сот по восьми» ведер в год.

Частные винокуренные заводы были крохотными. Самый крупный из них, принадлежавший посадскому Попову, выкуривал 134 ведра в год. Завод сына боярского Литвинцева давал 100 ведер. Литвинцев курил «из собственного насеянного хлеба» и продавал вино по откупу; вино двух мелких заводов, находившихся на Ленском и Ангарском волоках, продавалось проезжающим, завод Попова снабжал вином деревни, лежавшие по р. Оке (Фонд 75, арх. № 1448, лл. 237-239).

Многочисленность откупщиков винной и пивной продажи, необходимость вести обширную переписку по мелким откупам и сложность контроля за деятельностью кабаков, рассеянных на громадном пространстве, вынуждали казну искать таких откупщиков, которые взяли бы на себя питейную продажу сразу по целому уезду или по всей провинции.

Среди иркутского купечества уже имелись крупные дельцы с значительными средствами, тянувшиеся к оптовым сделкам с казной, чтобы монопольно владеть обширным рынком.

В 1749 году на торгах в Иркутске все питейное дело по Илимскому уезду перешло к иркутскому купцу Ивану Бечевину «с товарами». Все винные и пивные кабаки Илимского уезда в количестве 48 единиц были переданы новому откупщику (Фонд 75, арх. № 1608, лл. 13-24).

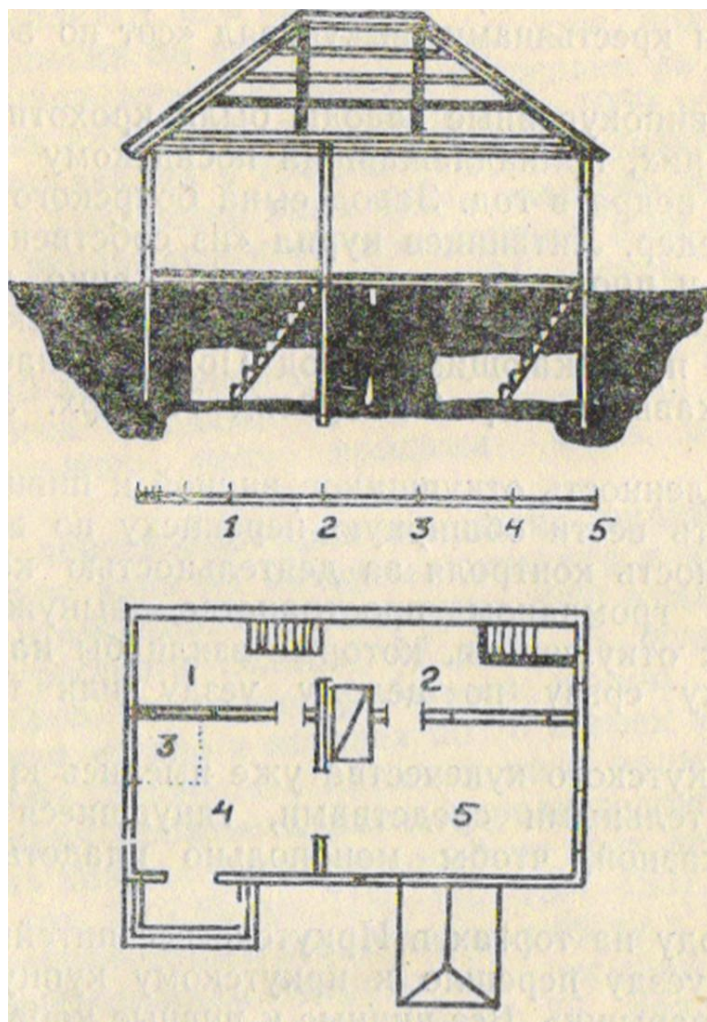
Откупная сумма по продаже вина, пива, меда и браги составляла в 1749 году 5984 рубля.

Крупному дельцу стоило «наддать» 252 рубля к этой сумме, и вся питейная продажа целого уезда переходит в его руки.

При переторжке на следующее четырехлетие продажа вина и пива в Барлукской слободе и Тулунской деревне была отдана иркутскому купцу Федору Турчанинову, который «надал» всего 2 рубля. Купец стал сам курить вино, построив заводик на речке Хайрузовке в Ново-Удинской волости (Фонд 75, арх. № 2188, л. 233).

Конечно, жители г. Илимска могли не только пользоваться вином и пивом, продаваемыми целовальниками Бече-

вина, но и варить пиво сами. Но в таком случае они уплачивали «пивовявочные» деньги в казну. Для записи таких поступлений в илимской воеводской канцелярии имелась особая книга. Размер обложения зависел от количества муки, предназначенного к варке пива: с 10 пудов взималось по 2½ копейки. На крестьян эти правила не распространялись.

План питейного дому.

Так, в 1752 году было взыскано с 388 пудов хлеба 97 копеек (Фонд 75, арх. № 1929, лл. 1-20). Получили разрешение варить пива 21 человек, из них 5 служилых людей, 5 казаков, 6 посадских и 5 «жителей». Наибольшее количество пива варил илимский воевода Попов, затративший 80 пудов муки, затем шел «с приписью» Хлебников, уплативший пивовявочные деньги за 50 пудов.

Значительные изменения в виноторговле последовали в связи с указом Сената от 19 сентября 1775 г. Этим указом повелено было сдавать винокурение на откуп по четырехлетиям, определяя цену откупа «по сложным», т. е. по средним ценам за предшествующее десятилетие. Помещикам разрешалось курить на себя от 25 до 1000 ведер в год, а вино

сверх этого количества надлежало сдавать в казну. Все купеческие заводы, за исключением расположенных в некоторых отдаленных городах, приказано было закрыть (Фонд 75, опись 2, арх. № 769, лл. 56-60).

Правительство открывало дорогу для помещиков-винокуров.

И в Сибири виноторговля (впрочем, временно) уходила из рук купцов в руки дворянства и знати. Сибирский приказ объявил 7 октября 1756 г. о сдаче на откуп продажи вина по всей Иркутской провинции, кроме Камчатки, на 10 лет. «Правительствующаго Сената господину обер-прокурор Александр Ивановичю Глебову». На основании этого илимский и илгинский казенные заводы велено было продать Глебову, как и все подобные заводы провинции, «а партикулярные каштаки уничтожить» (Фонд 75, арх. № 2323, л. 1).

В Илимске за последние 3 года до передачи заводов Глебову выкуривалось простого вина 3676½ ведра и двойное 93¾ ведра, «истинная» цена простого вина составляла 1 руб. 85 коп. за ведро. По этой цене и передавалась продажа вина кабатчику-сенатору. Но, как показано выше, средняя себестоимость ведра вина за 18 лет составляла вдвое меньшую величину, а именно 94 копейки. Значит, казна дарила Глебову по одному Илимскому уезду ежегодно по 3500 рублей.

Но этого мало. Постройки винокуренных заводов были проданы Глебову по смехотворно низким ценам.

Илимский винокуренный завод, заново перестроенный за 5 лет до передачи Глебову, был теперь продан ему за 65 рублей, «Илгинской винокуренной завод с омшеником» был оценен в 3 рубля (там же, лл. 54-55). И только оборудование и припасы передавались Глебову по действительной себестоимости.

С продажей Илгинского завода так спешили, что об этом не уведомили даже илимскую воеводскую канцелярию.

С тех пор Илимский завод навсегда прекращает свою работу, а Илгинский, напротив, становится одним из крупнейших заводов Иркутской губернии.

Бездействующий Илимский завод был продан с торгов через 17 лет (в 1773 году) за 74 руб. 54½ коп.

Приказчик Глебова, управлявший вначале Илгинским заводом, уже в 1760 году сумел сплавить в Якутск 10589 ведер вина в 210 бочках. Самая маленькая бочка вмещала 38¾, ведра, а самая большая — 56¾ (Фонд 75, арх. № 2522, лл. 45-49).

Илгинский винокуренный завод в новых руках стал широко пользоваться подневольным трудом ссыльных, а также использовал местных жителей, приговоренных судом к отработыванию казенных «доимок».

Илимская ратуша в 1759 году направила туда двух целовальников «для зарабатывания» 96 руб. 41¾ коп., не оказавшихся при учете.

Чтобы придать законный вид такой каторге, вспомнили указ Анны Иоанновны, изданный за 23 года перед тем. Бывшие целовальники, оба посадские, были сданы на завод с платой по 1 рублю в месяц. В том же году на завод с той же целью направляется еще 4 недоимщика. Там можно было встретить также бывшего счетчика илимской воеводской канцелярии и разночинца, который отработывал 79 руб. 54¼ коп. за своего тестя-растратчика. В 1760 году ратуша направила на завод посадского, растратившего при службе ларешным 505 руб. 5 коп. Так как годовой труд таких работников оценивался в 12 рублей, то бывшему ларешному пришлось бы работать на заводе 42 года и то при условии, что за это время он не должен был бы получать на руки ни копейки. Понятно, что с завода упорно и систематически бежали.

Указом Екатерины II с 1 января 1764 года повышались многие налоги, сбор которых шел на оплату жалования служащим высших коллегий. Прибавка на ведро горячего вина составила 30 копеек, пива и меда — 5 копеек. Плата с явки пива в городах увеличивалась до 20 копеек с четверти, т. е. повышалась в 4 раза (Фонд 75, опись 2, арх. № 1021, лл. 102-111).

В 1766 году отменяются мелкие сборы с откупщиков винной продажи, в том числе с клеймления кубов. Откупщикам предложено было снизить цену на вино на 3 копейки с ведра (Фонд 75, арх. № 2583, л. 13). Зато по указу 15 декабря 1763 года «вновь положенных» прибавляется по 30 копеек на ведро.

Как производилось обнародование указов о повышении цен на вино, показывает следующий пример.

Иркутский губернатор Бриль 30 ноября 1769 г. посылает в Илимск солдат с секретным пакетом, который надлежало вскрыть перед новым годом.

29 декабря «в седьмом часу пополуночи», т. е. в 6 часов утра, в илимской воеводской канцелярии вскрыли секретный пакет и обнаружили в нем 40 экземпляров печатного указа Сената от 14 октября 1769 г. На основании предписания Екатерины II об увеличении цены на вино, так как война с Турцией требовала увеличенных расходов, Сенат вводил с 1 января 1770 г. повышенные цены на вино. Повсюду, за исключением Иркутской и Тобольской губерний, цена за ведро вина поднималась до 3 рублей, а по двум сибирским губерниям, в которых вино ранее продавалось по разным ценам, прибавлялось по 36 копеек на ведро. Одновременно повышалась цена на водку, водочные изделия, мед и пиво.

Илимская воеводская канцелярия немедленно разослала указ с солдатами по всем волостям (Фонд 75, арх. № 3177). Остатки вина и пива на месте были перемерены, и продажа питей повелась по новым ценам.

Сенат с 1 января 1771 г. передал питейную продажу и некоторые канцелярские сборы на откуп на новое четырехлетие очень ограниченному числу лиц. По Иркутской губернии питейный сбор откупил обер-директор Яковлев, с годовой платой в 198400 рублей, в том числе по Илимскому уезду — 12379 рублей.

Летом 1771 года все кабаки Илимского уезда с посудой и припасами передаются поверенному нового откупщика.

В волостных центрах при новом откупщике создаются так называемые кружечные дворы, или подвалы, ведали которыми попрежнему выборные от посадских, а смотрителями назначались казаки (Фонд 75, арх. № 3394). В Илимске создается «контора илимских питейных и протчих зборов» во главе с поверенным (Фонд 75, опись 2, арх. № 1417, л. 21).

При передаче в 1779 году питейного дела в Илимском уезде представителю нового коронного поверенного по 36 селениям, имелось 6 винных подвалов, 30 питейных домов и 2 поварни. В двух деревнях продажа вина и пива велась из крестьянских домов. Снабжение вином подвалов и кабаков производилось из одного илгинского винокуренного завода; управление питейным делом в уезде осуществлялось из илимского кружечного двора или конторы (Фонд 2, арх. № 268).

Но в это же время сплав вина в Якутск идет не только с Илгинского, но и с Александровского винокуренного завода Иркутского уезда.

С 1788 года появляются вместо кабацких целовальников сидельцы, которых нанимает с торгов иркутская казенная палата.

В одном объявлении о торгах по найму сидельцев казенная палата привела названия существовавших тогда в г. Иркутске кабаков: Каменный подвал, Дворянка, Новой, Епишиха, Варгуниха, Большая и Мала Молотовки, Разгуляй, Залупаиха, Косоголиха, Зырянка, Аптека, Большой, Облупа, Прилука, Девкин, Тычок (Фонд 9, арх. № 41, лл. 79-88). Вероятно, эти названия не были оригинальными для Иркутска, как, впрочем, и все кабацкое дело.

В 1787 году в Илимском уезде начинают постройку трех питейных домов по типовому чертежу, два в Илимске и один в Нижне-Илимской слободе. Под домом предусматривалась яма глубиной в 3 аршина для подвала. Крыша устраивалась на 4 ската, «епанчой» (Фонд 9, арх. № 31, лл. 10-12). Здесь же приложен чертеж питейного дома.

Новое повышение цены на вино, по 1 рублю на ведро, производится Сенатом с 1 января 1794 г. В Киренском уезде с этого времени ведро вина продавалось по 4 руб. 88 коп.

В соответствии с этим киренский городничий, представители нижнего земского суда и уездного казначейства, винные приставы и сидельцы «вдруг освидетельствовали» остатки вина и ординарной водки «в магазейнах», в питейных домах и на выставках и о количестве наличного вина сообщили в уездное казначейство.

Одновременно должны были уменьшиться меры, в которых отпускалось вино «питухам», т. е. ковши алтынные, чарки копеешные и грошовые. Уменьшенные меры изготовлялись в уездном городе; впрочем, разрешалось уменьшать на месте старую посуду «притиркою» (Фонд 435, арх. № 37, лл. 240-241).

Таким образом, за 75 лет цена за ведро была увеличена с 2 руб. 80 коп. до 4 руб. 88 коп., т. е. на 74%.

Последним документом XVIII века об организации виноторговли в Киренском уезде является сдача на откуп продажи вина в 1799 году на новое четырехлетие иркутскому купцу Ивану Малышеву по илимской «дистанции» и иркутскому же купцу Петру Солдатову по г. Киренску с уездом и по усть-кутской «дистанции» (Фонд 9, арх. № 216, лл. 318, 321).

По договору, заключенному купцами с «иркутской камерной частью», они обязались сами нанимать продавцов в винные лавки, развозить вино по питейным домам и выставкам за свой счет, продавать вино «без обмана», летом до заката солнца, а зимой с 7 часов утра до 7 часов вечера «без остановки» и вести учет виноторговли. Откупщик получал за каждое проданное ведро от казны по 90 копеек, он мог сам варить пиво и продавать его по казенной цене, о чем должен был давать отчеты казначейству (там же, лл. 319-323).

Долго и со скрипом производились описанные перемены в постановке винокурения и продажи питей на протяжении XVIII века. В конце концов как производство, так и сбыт вина из казенных рук перешли в руки откупщиков. Выкурка повелась в немногих крупных заводах, все остальные были закрыты. В Илимском уезде остался один Илгинский винокуренный завод. Исчезли, наконец, неоплачиваемые «верные целовальники», возмещавшие невольную даровую службу объегориванием покупателей и разворовыванием государственных средств. Казна предпочла делить свои доходы от винокурения и продажи питей не с бесчисленной армией заведомых казнокрадов-целовальников, а с немногими крупными хищниками — откупщиками.

На широкую дорогу вышла орава предпринимателей-капиталистов, среди которой между зипунами и поддевками купцов временами поблескивал камергерский мундир.

Монопольные права получали и откупщики табачной торговли.

Табачный откуп в Сибири с 1749 года был отдан на четыре года московскому купцу Матвееву. В 1752 году Камор-коллегия и Сибирский приказ печатным указом объявили торги на следующее четырехлетие (Фонд 75, опись 2, арх. № 654, лл. 130-131). В 1759 году на торгах, объявленных Сенатом, продажа табака по всей империи была передана «в содержание» графу Шувалову. Весь табак, имевшийся в Сибири к этому времени, было велено описать и передать доверенным графа (Фонд 75, опись 2, арх. № 886, л. 16). В печатном указе из Камор-коллегии от 5 октября 1759 г. было сказано, что табачный сбор во всех великороссийских городах и в Сибирской губернии и в Иркутской провинции, по представлению и мнению Камор-коллегии и Сибирского приказа, «а по требованию господина генералфельдцейхмейстера, сенатора, ея императорского величества генерал-адъютанта, действительного камергера, лейб-компании подпорутчика. государственного межевщика, орденов апостола Андрея, белаго Орла, святого Александр Невского и святыя Анны кавалера графа Петра Ивановича Шувалова», отдан ему за плату по 70 тысяч рублей в год на 18 лет (Фонд 75, арх. № 2497. лл. 28-32).

СОЛЕВАРЕНИЕ

Единственным беспрерывно действовавшим промышленным предприятием Илимского уезда являлся Усть-Кутский солеваренный завод. Он был основан в 1639 году землепроходцем Хабаровым на соляных ключах, впадающих в р. Куту недалеко от ее устья, примерно в 3 верстах от Усть-Кутского острога.

Через несколько лет казна отбирает завод у Хабарова и ведет сама выварку соли в течение почти 90 лет. В конце первой четверти XVIII века завод передается солепромышленнику Шангину, но вскоре вновь возвращается в казну. Через 20 лет, в 1751 году, завод переходит к купцам Ворошиловым и в последующие 50 лет, находясь в частных руках, достигает сперва высокой производительности, а затем приходит в совершенный упадок.

Усть-Кутский солеваренный завод являлся единственным поставщиком соли не только для северного Предбайкалья, но и для всего громадного Якутского края. Его продукция достигала крайних северо-восточных пределов государства — Охотска и Камчатки.

Незначительная добыча соли велась еще Якутским Спасским монастырем, но она имела узко местное значение.

Усть-Кутский солеваренный завод является хорошим примером ведения промышленного производства в условиях XVII и XVIII веков. Во все это время он был местом самой откровенной эксплуатации как свободных, так и подневольных рабочих. Сюда направлялись ссыльные как на каторгу, здесь заводчики закабалили вольнонаемных рабочих, отсюда жадные глаза предпринимателей оглядывали окрестные крестьянские земли, примеривая — сколько пашен и сенокосов можно прирезать к заводу.

Промышленники-содержатели Усть-Кутского солеваренного завода сделали единственную в истории Илимского края попытку создать вокруг завода крепостное хозяйство и уже готовили деньги для покупки людей.

Завод являлся подлинным детищем своей эпохи.

Усть-Кутский солеваренный завод в июне 1732 года принимается казной от промышленника Шангина. С 1732 по 1746 год здесь было выварено 75528 пудов соли, т. е. по 5030 пудов в среднем за год. Высшей производительности за это время завод достиг в 1734 году, дав 10052 пуда. Главная часть соли продавалась в пределах Илимского уезда; за те же 15 лет местному населению продано 47750 пудов. Остальная часть, за вычетом недостачи и утечки, пошла на снабжение Камчатской экспедиции и на сплав в Якутск (Фонд 75, арх. №№ 447, 453, 456).

Себестоимость пуда соли в 1725 году составляла 3½, в 1732-1737 годах — 4, с 1738 года — 5, с 1742 года — 6 копеек. К себестоимости прибавлялось 12 копеек «прибыльных» и таким образом получалась отпускная цена. Она колебалась около 15-20 копеек за пуд.

Обычно выварка шла не весь год. В месяц делалось от 8 до 22 «варей». Например, в 1734 году сделано 174 вари в течение 10 месяцев и получено 10052 пуда соли. Значит, одна варя давала около 58 пудов и длилась день-два (Фонд 75, опись 2, арх. № 166).

Для продажи соли выбирались из илимских посадских людей целовальники. Но в 1742 году по какой-то причине иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг предложил иркутской, а не илимской ратуше выбрать в Илимск ларешного и 5 соляных целовальников (Фонд 75, арх. № 1019, лл. 4-5).

В 1750 году на Усть-Кутском заводе «соляная варница с припасами во время варения соли от огненного жару згорела». Пошло следствие, которое установило только то, что пожар произошел «от искры сверху». Воевода Попов подал мнение, что солончуга за упущение следует «бить батоги», и переслал дело в Иркутск (Фонд 75, опись 2, арх. № 570, лл. 1, 32-40).

Завод находился после пожара в тяжелом положении, и у илимской воеводской канцелярии не имелось средств на

новое строительство. А в то же время, во уездной мерке, требовались значительные вложения денег, чтобы завод мог снабжать солью Илимский и Якутский уезды.

Иркутская провинциальная канцелярия решает передать завод в частные руки. Находятся иркутские купцы, братья Иван и Василий Ворошиловы, которые и берут завод в свои руки с 1 июля 1751 года. Они решили заново перестроить и переоборудовать завод и выговорили, что будут поставлять соль казне по 9 копеек за пуд.

Через 5 лет, когда завод работал полным ходом, иркутское соляное комиссарство предложило Ворошиловым убавить цену соли и запросило по этому вопросу мнение илимской воеводской канцелярии.

Но илимская канцелярия, вероятно не без воздействия на нее Ворошиловых, не согласилась с предложением соляного комиссарства и послала в «Усь-Куцкое соляное Усолъе» илимского казачьего сотника Михаила Литвинцева для обстоятельного анализа работы завода и для составления отчета, благоприятного для Ворошиловых. В отчете, названном Литвинцевым ведомостью, давались ответы на 11 пунктов, составленных в виде опросника в илимской канцелярии (Фонд 75, опись 2, арх. № 794, лл. 1-87).

Излагаемые ниже материалы о переустройстве завода и его производительности за 1751-1755 годы взяты из указанного отчета Литвинцева.

Ворошиловы приняли старую варницу, ветхий цырен, два разрушенных колодца без крыш, 5 амбаров, 2 избы, кузницу и разный инвентарь, всего на 237 руб. 35 коп. Такова была стоимость завода. Кроме того, на заводе оказалось 4 пуда хлеба, 6 коробьев угля на 4 руб. 20 коп. и 862½ сажени сосновых дров на 215 руб. 62½ коп.

К июлю 1753 года Ворошиловы построили восьмистенную варницу размером 7½х8 сажень, на которую вела лестница «на тетивах», 6 кладей листовенных, «на коих весится цырен», сушилку, печь, ларь для раствора. «Под варницей с улицы для раздувания огня (была установлена) выводная труба». На постройке работало 30 рабочих в течение трех месяцев за двойную плакатную плату, т. е. по 10 копеек в день.

При варнице появился новый колодец на листовенных сваях. В него вели 2 двери и лестница «в тетивах со ступенями и с поручнем». В старой варнице был сделан новый под, а печь «выкладена серым камнем». Завод обзавелся двумя кузницами и станком для подковки лошадей. Заново перестраивались амбары, избы, бани и дворы для рабочих лошадей.

Все строительство оценивалось в 1294 руб. 75¾ коп.

На заводе было установлено два новых, более производительных цырена. Один, длиной $7\frac{1}{4}$ аршина и глубиной в 7 вершков, подвешивался на 64 крюках; стоил он 850 рублей. Другой, привезенный с Екатеринбургских заводов, имел размеры $8 \times 7\frac{1}{2}$ аршина и 12 вершков глубиной, «которой весится на сте на четырех крюках». Он обошелся в 1200 рублей.

Вместо неоплачиваемого целовальника Ворошиловы поставили поверенного, т. е. управляющего заводом, с годовым окладом в 100 рублей. Соловара пригласили из Соли Камской, а затем нашли еще одного солоvara и платили им по 60 рублей. С 1754 года на заводе работало 4 подварка, каждый из которых получал по 25 рублей, и 10 рабочих, с оплатой по 15 рублей в год. Для рассылок имелся особый служащий.

Рабочие получали довольствие от завода. В 1754 году израсходовано 1365 пудов муки («запасу ржаного») и 60 пудов крупы, 160 пудов говяжьего мяса и 5 бочек омулей. Эти припасы пошли на питание постоянных и сезонных рабочих и членов их семей, принимавших участие в работах.

За 4 года, с июля 1751 года по май 1755 года, Ворошиловыми было выварено 71247 пудов соли, т. е. по 18000 пудов в среднем за год. По сравнению с предыдущими годами производительность предприятия выросла в 3 раза.

В заключение. Литвинцев дает расчет себестоимости одного пуда соли и определяет ее за 4 года в $14\frac{7}{8}$ копейки. Так как Ворошиловы сдавали соль по 9 копеек за пуд, то общий убыток завода выразился в 4138 рублей.

Конечно, современный исследователь не может согласиться с таким определением убытков. Ведь тогда в себестоимость включались имущественные затраты и не принимались во внимание остатки материалов, переходящих на следующий год. Значит, сумму убытка следует уменьшить на стоимость построек и оборудования, т. е. на 3345 рублей, затем из убытка исключить другое имущество и инвентарь, а также оставшиеся неизрасходованными дрова. Это даст еще до 900 рублей. Кроме того, в отчете некоторые расходы были преувеличены. Значит, об убытке нечего было и говорить. Конечно, не все шло гладко и у Ворошиловых. Так, в мае 1753 года наводнением уничтожило 3000 пудов соли, разнесло много строевого лесу и припасов.

Солеваренный завод Ворошиловых продолжал успешно увеличивать производство и расширять сбыт соли. Важнейшие вопросы, касающиеся его деятельности за 1751-1763 годы отражены в указе главной соляной конторы отправ-

¹ Переорганизована в 1772 году.

ленном в 1763 году в илимскую воеводскую канцелярию (Фонд 75, опись 2, арх. № 1019, лл. 6-11).

Соляная контора начала свой указ напоминанием, что при передаче Усть-Кутского солеваренного завода Ворошиловым они просили освободить их и их приказчиков от служб и постоев. Кроме того, они просили «для работы при соляном заводе вместо государственных черносозных крестьян, употребляемых прежде, за неимением в тамошних местах для найму в работу вольных людей, позволить им купить на собственные их деньги до двухсот душ».

Тогда главная соляная контора не освободила Ворошиловых от служб и постоев и не разрешила им покупать людей, так как не была уверена в серьезности предприятия.

В 1761 году Иван Ворошилов (его брат отошел от дела) снова просил главную соляную контору разрешить ему покупку 200 душ. При этом он указал на свои заслуги: с 1741 по 1751 год на Усть-Кутском заводе казна выварила 68741 пуд, а он с 1751 по 1761 год произвел 146838 пудов соли. Ворошилов ссылается на указы Петра I и Анны Иоанновны, поощрявшие российских фабрикантов.

Главная соляная контора определила Ворошилова и трех его приказчиков освободить от служб, поручить иркутской канцелярии отвести для солеваренного завода земли по р. Куте и р. Мури-ну, выдавать попрежнему 9 копеек за пуд соли, обязав иркутского соляного комиссара и илимскую воеводскую канцелярию проверить расчеты Ворошилова по себестоимости соли. В отношении покупки 200 душ контора уклончиво ответила, что не может решить этого вопроса, так как Ворошилов не указал места и условий их приобретения.

Сплав соли, ранее осуществлявшийся илимской воеводской канцелярией, с 1768 года взял на себя Ворошилов, соглашаясь поставлять в Якутск ежегодно по 4000 пудов на своих барках, с оплатой за провоз по 6 копеек с пуда (Фонд 75, опись 2, арх. № 1211, лл. 16-21). В последующие годы Ворошилов сплавлял более 5000 пудов ежегодно. «По спопутности» он завозил соль в Витимскую и Олекминскую слободы и в Чечуйский острог, например, в 1774 году он выгрузил по дороге 1800 пудов.

Пользуясь своим хозяйственным могуществом, заводчик Ворошилов сильно стеснил усть-кутских крестьян, завладевая под разными предлогами окрестными пашнями и сенокосами. И это продолжалось до приезда в Илимск нового воеводы, капитана Черемисинова.

Едва лишь усть-кутские крестьяне узнали, что Черемисинов все удобные земли разных владельцев передает крестьянам, они захватили свои прежние луга. Как сообщал в 1773 году поверенный Ворошилова Добрынский, «все те сена

до одной копны... крестьянами отобраны и ими по себе роз- делены».

Добрынский совершил две оплошности, которые не дали ему возможности вернуть все сенокосы, которыми пользовался завод: во-первых, он написал, что сено крестьяне отобрали по указу илимской воеводской канцелярии, и, во-вторых, сам затея драку с крестьянами, отобрал у них 90 копен сена, отнял 2 плота и утопил косу.

Раз земли отобраны воеводской канцелярией, то, решили в губернии, на то есть какие-то основания, а если Добрынский самоуправничал, то его следует привлечь к ответу.

Вот почему, несмотря на заявление Добрынского и его хозяина Ворошилова, иркутская губернская канцелярия решила, что пахотных земель Ворошилову давать не следует, а сенокосов выделить только на действительное число лошадей, занятых на заводской работе.

Ворошилов сообщил, что у него на заводе занято 150 лошадей. При проверке налицо оказалось только 43 лошади. В соответствии с этим при заводе был оставлен небольшой сенокос, который раньше не принадлежал крестьянам (Фонд 75, опись 2, арх. № 1336, лл. 14, 39-117).

Вопрос о землях солеваренного завода так и не был решен до конца XVIII столетия. В 1794 году при заводе числилось пахотной земли 30½ десятины и сенокосов 90½ десятины, за что вдова Ворошилова, вышедшая к тому времени замуж за киренского земского исправника Ковалевского, платила 10 руб. 30 коп. Но крестьяне все время просили отрезать им земли, которыми пользовалась, как они писали, «оная Ворошилиха». Дело было отложено, так как наличные документы, по мнению иркутского наместнического правления, не давали возможности решить вопрос (Фонд 9, арх. № 145, лл. 8-10).

Общий порядок развозки соли по Илимскому уезду к этому времени сложился так: ратуша определяла количество соли, требующееся для каждого соляного магазина, назначала соляных целовальников и наблюдала за порядком продажи, а воеводская канцелярия разверстывала по волостям нужное число подвод, производила оплату их и осуществляла общий контроль за продажей соли.

Всего в 11 селениях Илимского уезда в 1774 году имелось 25 соляных амбаров, почти одинаково устроенных, с перерубом. В одной половине закладывался запас — «годовая пропорция», 2-4 тысячи пудов соли, а из другой производилась розничная продажа (Фонд 75, опись 2, арх. № 1415, лл. 94-107).

Поступающие деньги от продажи соли целовальники пересылали в ратушу, а последняя — в иркутский магистрат. Например, за сентябрьскую треть в Иркутск было выслано

1175 руб. 85½ коп. за проданную соль в количестве 3323 пудов. В числе указанных денег 59 руб. 11 коп. составляли изысканные недоимки с целовальников.

Соль очень дорого обходилась населению и, следовательно, приносила большие доходы казне. Если в 30-х годах XVIII века соль отпускалась по 15-20 копеек за пуд, то в третьей четверти XVIII столетия цена ее, не считая провоза, временами поднималась до 33-34 копеек за пуд. Ратуша, отправляя деньги в Иркутск, показала, из каких слагаемых составляются 1175 руб. 85½ коп., вырученные от продажи соли: «истинных» по 9 копеек за пуд, т. е. цена, по которой солепромышленник Ворошилов отпускал соль казне — 299 руб. 07 коп.; прежних прибыльных, по 12 копеек — 398 руб. 76 коп.; новоуказных по разным ценам (в среднем по 7,6 копейки на пуд) — 252 руб. 76½ коп.; вновь прибавочных по 5 копеек на пуд — 166 руб. 15 коп.

Провоз одного пуда соли из Усть-Кута колебался около 6 копеек. До Илимска платили 3½ копейки, до Нижне-Илимской слободы — 5, до Карапчанского погоста — 8, до Кежемской слободы 12 копеек с пуда. Развозка по ленским волостям обходилась в 5½-7¾ копейки с пуда (Фонд 2, опись 2, арх. № 276, лл. 83-84).

Указом Сената от 11 февраля 1791 г. к действовавшей цене в 35 копеек за пуд соли было добавлено еще 5 копеек (Фонд 9, арх. № 118, л. 466). Таким образом цена, по которой население покупало соль, за 60 лет более чем удвоилась.

В 1781 году проследовало распоряжение Екатерины II «снабжение» солью возложить на казенные палаты, а там, где не проведено новое губернское управление, на главную соляную контору. В государственных амбарах было велено создать двухгодичный запас соли (Фонд 2, арх. № 534). (Устав о соли).

По Киренскому уезду, как подсчитала воеводская канцелярия, о чем и сообщила ратуше, следовало в 1783 году иметь двухлетний запас соли в размере 8400 пудов (Фонд 2, арх. № 1694, лл. 30-31).

В соответствии с Уставом о соли иркутская казенная палата заключала соглашения с разными лицами о службе их в качестве сидельцев в соляных лавках. Так, в феврале 1790 года иркутский мещанин Туголуков принял лавку в Карапчанском погосте на следующих условиях: «сидеть» в лавке 3 года, продавать соль по указанной цене «без отвесов», вести записи проданной соли. Он был обязан продать за год определенное палатой количество соли. Охрана и ремонт лавки должны были вестись за счет казны. Сиделец получал в год 150 рублей и мог нанимать за свой счет людей для помощи (Фонд 9, арх. № 69, лл. 175-176).

Система «бесплатных» целовальников отошла в прошлое,

На основании того же Устава о соли на Усть-Кутский солеваренный завод в 1793 году иркутским наместническим правлением назначается пристав. Он должен был принимать вываренную соль «по пробе и на вес» в казенные магазины и вести книги учета соли, поступающей от завода (Фонд 9, арх. № 145, лл. 416-417).

Возвращаемся к Усть-Кутскому солеваренному заводу.

В 1779 году на заводе произошел инцидент, на котором следует остановиться (Фонд 2, арх. № 146, лл. 339-476).

Рабочие заступились за своего товарища, которого ударил поверенный Добрынский, и сами избили управителя.

Усть-Киренская воеводская канцелярия послала на место происшествия сотника Никифора Качина, чтобы он произвел следствие. Но рабочие потребовали его отзыва, так как он стал пьянствовать с Добрынским. Вместо Качина воеводская канцелярия назначает подпрапорщика Кирпишникова.

Добрынский дал следователю справку о зарботке 9 рабочих завода; 5 человек из них работали с 1771 года, т. е. по 8 с лишним лет, двое с 1775 года и двое с 1777 года. За это время они заработали 630 руб. 83¼ коп., но забрали денег 852 руб. 65¼ коп. Значит, завод все время выдавал деньги вперед, чтобы удерживать должников на работе и тем усиленнее их эксплуатировать. Если принять во внимание, что средний заработок колебался около 1 рубля в месяц (двое зарабатывали по 1 руб. 9 коп., трое по 92 копейки, двое по 50 копеек, двое по 1 руб. 27 коп.), то выйдет, что рабочие должны были отрабатывать свой долг более 2 лет, а двое из них — более 5 лет.

В ноябре 1780 года усть-киренская воеводская канцелярия, закончив следствие по делу об избиении Добрынского (одна выписка об этом занимает 52 страницы!), вынесла мнение, которое пошло на утверждение губернатора: Добрынскому и рабочему, нанесшему поверенному ранение, поскольку они «в той драке все оказались неправы» — надлежало учинить телесное наказание.

Как видно, Добрынский мало что выиграл, подав жалобу о избиении его рабочими. Объясняется это тем, что рабочие (крестьяне и мещане) действовали согласованно. Они сообща защитили своего избиваемого товарища, они добились отстранения пристрастного следователя, подкупленного Добрынским, они жаловались через голову местных властей губернатору.

Елена Ворошилова, к которой перешел солеваренный завод после смерти ее мужа, жаловалась в 1783 году на своих рабочих в усть-киренскую воеводскую канцелярию, что они взяли деньги, а работать не хотят: «Крестьяне и работные люди оказываютца в немалом ослушании». Ворошилова жаловалась «смотрителю при заводе» казаку Балашову, но

рабочие не слушали и его, «а к наказанию их приступить смелости не имеет, бояся того, чтоб ево чем либо не уязвили». Один крестьянин ругал содержательницу «непристойными словами», грозил камнями, а другие работники кричали, чтоб его не трогали. Ворошилова жаловалась также, что рабочие выломали у ней окна, что «хлебные анбары проверчены напарьями и хлеб выточен», что рабочие «чинят отлучки» недели по две. Наиболее виновными она считала 8 рабочих и 3 ссыльных, поселенных при заводе (Фонд 2, арх. № 994, лл. 1-3).

По просьбе капитанши Ковалевской (Ворошиловой) иркутская губернская канцелярия послала в 1783 году на солеваренный завод 10 ссыльных «для работы за плату по 20 по 4 рубли в год». Но из ссыльных двое вскоре бежали; в следующем году убежало еще два рабочих. Ковалевская жаловалась в Иркутск, причем заявляла, что работникам платит «не по указу, а смотря по заслугам, гораздо превосходнее 24-х рублей» и платит за них подушные в казну.

Но двое беглых сами явились в Иркутск к властям, где их посадили в тюрьму. Рабочие показали, что платят подушные сами, пахотной земли и покосов не имеют, «а потому и бежали для принесения... жалобы». Старик-беглец прибавил, что работал на заводе 7 лет «из одного только пропитания, без всякой платы» (Фонд 9, арх. № 145, лл. 413-414).

Дела Усть-Кутского солеваренного завода при Ковалевской шли все хуже и хуже. Давно ничего не строилось, а старое не починялось. Ковалевская все внимание обратила на жестокую эксплуатацию рабочих, а так как вольнонаемные работники с ухудшением их положения оставляли завод, то Ковалевская все больше обращалась к труду ссыльных.

По ее просьбе на завод было послано в 1796 году 20 ссыльных, которых предполагалось поселить близ завода. Из них за воровство было осуждено 11, за побеги 2, за грабежи и разбои 2, за изнасилование 1. Один был сослан «во ослушание помещицы» и трое как «не помнящие родства». Наказанных плетью оказалось 6 (из них у троих были вырезаны ноздри, одному «поставлены знаки»), битых кнутом — 8 и сосланных на поселение без наказания — 6 человек (Фонд 9, арх. № 182, лл. 46-48, 58-61, 102-104).

После осмотра ссыльных, присланных на солеваренный завод, Ковалевская сообщила в Киренск, что отказывается от приема 10 человек: «их ни во что употребить неможно и не заслуживают пропитания». В числе ссыльных 5 человек имели возраст свыше 60 лет, а двое — свыше 70 лет.

Какую грустную картину, вероятно, представлял этот кортеж из 20 ссыльных, большая часть которых была обезображена правосудием, а половина состояла из стариков, кортеж, двигавшийся из тюремного замка на каторжную работу в

сопровождении солдата и сопутствуемый шестью подводами с убогими пожитками. Картина делалась, может быть, еще тяжелее при виде ссыльного, возле которого шагала «вольно-идушая» жена.

На другой день капитанша извещала местную власть, что с завода бежали 8 ссыльных и жена одного из них.

В мае того же года в киренский нижний земский суд поступило заявление крестьянки Усть-Кутского острога Таюрской: «Находилась я, именованная, в работе Усь-Кутского соляного промыслу у содержательницы госпожи Ковалевской 7 лет», по договору должна была получать 8 руб. 40 коп. в год. Но Ковалевская ни разу не платила обусловленных денег. Кроме того, двое сыновей крестьянки работали на Ковалевскую, один дважды ходил на слюдяной промысел, а другой в течение года варил соль. Таюрская просит распорядиться о выплате ей денег «и детей моих... из усиленного содержания в работе о[т] нее, госпожи Ковалевской, освободить, дабы оне... не могли б притти в крайнее раззорение и, за платой в казну податей, в ызнеможение» (там же. л. 111).

В конце того же года от Ковалевской бежал ее «скормленик», т. е. приемный сын. Он ушел в Усть-Кутский острог и там нанялся в рекруты за одного крестьянина. Ковалевская поехала возвращать приемного сына, но 16 крестьян «усильным образом и с великим азартом» выдернули его, как она писала, из ее рук. Она сообщала в заявлении, что платит за него подати, кормила его и назначила ему 40 рублей жалования за варку соли. К заявлению Ворошилова приложила обязательство «вскормленика» — работать на заводе «и за другими работниками присматривать... и доносить ей, Ковалевской» (там же, л. 202).

Из всех дел, связанных с Еленой Ковалевской, вырисовывается зверский облик эксплуататора, от которого бежали ссыльные и вольные рабочие, а приемный сын предпочел запродаваться в рекруты.

Завод при ней быстро разрушался и резко снижал производство, годовая выварка соли к концу XVIII века уменьшилась до 2500 пудов.

Причина упадка деятельности завода ясна: содержатель его не желал вкладывать средства в предприятие, стремясь падающее вследствие этого производство поднять за счет усиления эксплуатации рабочих. Но эта задача оказалась неразрешимой, как ни пытался предприниматель решить ее, то обращаясь к найму свободных рабочих, то делая ставку на ссыльных, то строя проект покупки крепостных людей.

Заводчику нужны были не рабочие, а рабы, не доход, а добыча. Он жаждал не производить, а пожирать. Опустошив завод, растеряв и разогнав рабочих, он свалился, наконец,

обессиленный, не находя более питательной среды, ни которой паразитировал.

Казна догадывается отобрать у Ворошиловой руины завода лишь в начале XIX века.

МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ

Сообщения о нахождении серебряной и медной руды в пределах Илимского уезда поступали в провинциальную и воеводскую канцелярии довольно часто.

Приказчик Криволуцкой слободы писал в апреле 1735 года в Иркутск, что «слюдного промыслу промышленной Иван Попов... ходил... на слуденой промысел и нашел руду, приметами серебряную». В доношении ссыльного Егора Шестакова показано, что он в 1734 году «на устье Илима и вверх по Ангаре рекам усмотрел на стрелочной стороне близ Ангары реки в берегу, близ воды, в горе, медную руду, ис которой горы из земли вываливаются малые каменья» (Фонд 75, арх. № 270, лл. 160-161).

Получив это сообщение Шестакова, власти послали его за образцом руды на устье р. Илима. Он привез 10 фунтов руды и дал следующее описание месторождения: «А та медная руда от усть Илима вверх по Ангаре реке разстоянием версты три тысящих (по старинному исчислению в версте вчиталось 1000 сажен) в коре, прозванием Синенькой. В вышину та гора сажен 10 и больши, крута... На верху той горы озерко небольшое, ис которого вышла малая источина в Ангару реку. А около тое источины близ воды в берегу жила медной руды, ис которой жилы взята... проба... Шириною та жила на 10 сажен, в землю гнездами... Длинною гора больши дву сот сажен». Образец руды из Илимска препроводили в Иркутск (там же, л. 163).

При передаче в 1741 году орленской приказной избы от одного приказчика другому составлялась опись разных предметов, «да горной серебряной и медной руды и протчих казенных инструментов»: 3 молота, наковальня, ложка железная, форма железная, «бродок», гвоздильня, сечка, корытца, меха, уголь. Кроме того, подлежало передаче медной руды «в Чюдинском руднике» 360 пуд. 23 фун., в Отстовском руднике 57 пудов, в Шсмановском 336 пудов и «плохой» руды 498 пудов (Фонд 75, арх. № 1015, лл. 289-297).

Судя по этим данным, в пределах Орленской слободы шли поиски меди в медистых песчаниках вдоль Лены.

В 1758 году допрашивались 13 крестьян, казаков и разночинцев Братской волости о месторождении серебряной руды. Они показали: «От Брацкого де острогу до деревни Большей Окинской имеется мерных 30 верст; а от оной

Большей деревни, переехав Оку реку, едучи на восток бором, пустым местом чрез малую речку Харой Хорохая до озера Сурухая и до горы Антифея, где имеется руда, например верст с 30 же». От горы до устья названной речки, впадающей в р. Оку, «например будет больших прежних тысяшных з десять, а пятисотных з дватцать верст или более». В 1757 году там одним из штейгеров бралась проба. Речь идет, вероятно, о Ермаковском месторождении (там же, л. 144).

С 1755 года там был поставлен караул из двух казаков (Фонд 75, опись 2, арх. № 729, л. 78). В 1765 году в Больше-Окинской деревне находился «у прииску и ширфования серебросодержащих руд ундер-шихтмейстер» Дмитрий Михалев (Фонд 75, арх. № 2841, лл. 42-43).

Поиски медной руды близ Илгинского винокуренного завода предпринял осенью 1771 года «коронный поверенный» Иван Савельев в местностях, где, по его словам, имелась «приисканная им при Илгинском винокуренном заводе, также вокруг оного верст на 20, медная руда». Иркутский губернатор Бриль согласился дать ему до весны следующего года 20 ссыльных, предназначавшихся к отправке на поселение в Якутск. Савельев должен был платить ссыльным по 5 копеек в день человеку (Фонд 75, арх. № 3241, л. 359).

В результате поисков, проводившихся в течение многих лет, была найдена медная руда на Лене, и в 1774 году коронный поверенный Савельев предпринял строительство медеплавильного завода, назначив руководителем постройки Ивана Сисина. Этот «находящийся на Лене реке у разработки разных метал рудников и у построения близ деревни Таюры вододействуемого металлов плавильного завода, называемого Ключи-Воскресенского» поверенный потребовал беспрепятственного закупа и провоза хлеба для рабочих (Фонд 75, арх. № 3398, л. 58).

По указу «Главного заводов управления» Савельеву были выделены из Екатеринбурга 3 плавильщика, «гармахер», «меховой подмастерье» и «зжения угля мастер». Два плавильщика получали жалованье по 18, а один — 15 рублей в год, «гармахер» 30 рублей, подмастерье 24 рубля, а мастер по углезжению 41 руб. 89¼ коп. Расчет последней платы был произведен так: за короб угля устанавливалась оплата по 1 копейке, «за излишней» — прибавка по 3 копейки, за недостаточный — вычет по 6 копеек с короба. Из кучи должно было выходить: или 44 короба березового, или 64 короба соснового угля, полагая на кучу 20 кубических сажень дров (Фонд 2, арх. 146, лл. 70-71).

Сисин впоследствии утверждал, что он увеличил жалованье всем рабочим, кроме мастера по углезжению.

В 1775 году уже поступают от поверенного Сисина «вновь строящегося Ключи-Воскресенского медеплавильного мос-

ковских купцов и заводчиков Ивана Савельева с товарищи завода, ис конторы» требования о сыске беглых рабочих (Фонд 2, арх. № 4, л. 90).

Вот эта только сторона жизни завода, т. е. бегство рабочих, и освещается в илимских бумагах.

В то же время еще один заводчик, Егор Сабинин, строил другой — Троицкий медеплавильный завод в Орленской слободе, на речке Сарафанихе. Завод стоял на левой стороне Лены. Там были выстроены горница с сенями, 2 амбара, баня, кузница. В 40 саженях от горницы стояла «плавильная фабрика», размером 7 сажени на 12½ сажени (Фонд 2, арх. № 249). В плавильне имелись 2 кирпичных печи, в печах железные связи. Среди оборудования можно отметить 4 меха и 4 чугунных сопла, машину (имеется ее описание) и т. д. Но вряд ли завод действовал, так как Сабинин в 1777 году навсегда уехал на запад, препоручив сторожить постройки и другое имущество одному из крестьян Орленской слободы. В 1782 году о бездействующем заводе было сообщено в бергколлегию (Фонд 2, арх. № 720, лл. 1-29).

29 апреля 1775 г. в присутствии иркутской губернской канцелярии вошли 11 рабочих медеплавильного завода, все крестьяне Илгинского острога, и пожаловались, что московский купец и заводчик Егор Сабинин, компаньон Савельева, «не зачитает... сверх годового их срока заработных ими месяцев и дней». Но в губернии решили по-чиновничьи: так как рабочие были должны заводчику, то «за несправедливую прозьбу» они были наказаны батожем и отосланы на медеплавильный завод. Иркутская губернская канцелярия писала Сабинину: «а по заработании оных денег тех работников жить не принуждать, разве что добровольно наняться пожелают».

Однако крестьяне решили по-своему: раз заводчик лукавит в расчетах с ними, а губерния их за жалобу выпорола, то нет смысла идти на работу. Из 11 крестьян вернулся на завод только один, который не был должен ничего заводчику и которого не пороли по этой причине в губернском городе (Фонд 2, арх. № 22, лл. 66-68).

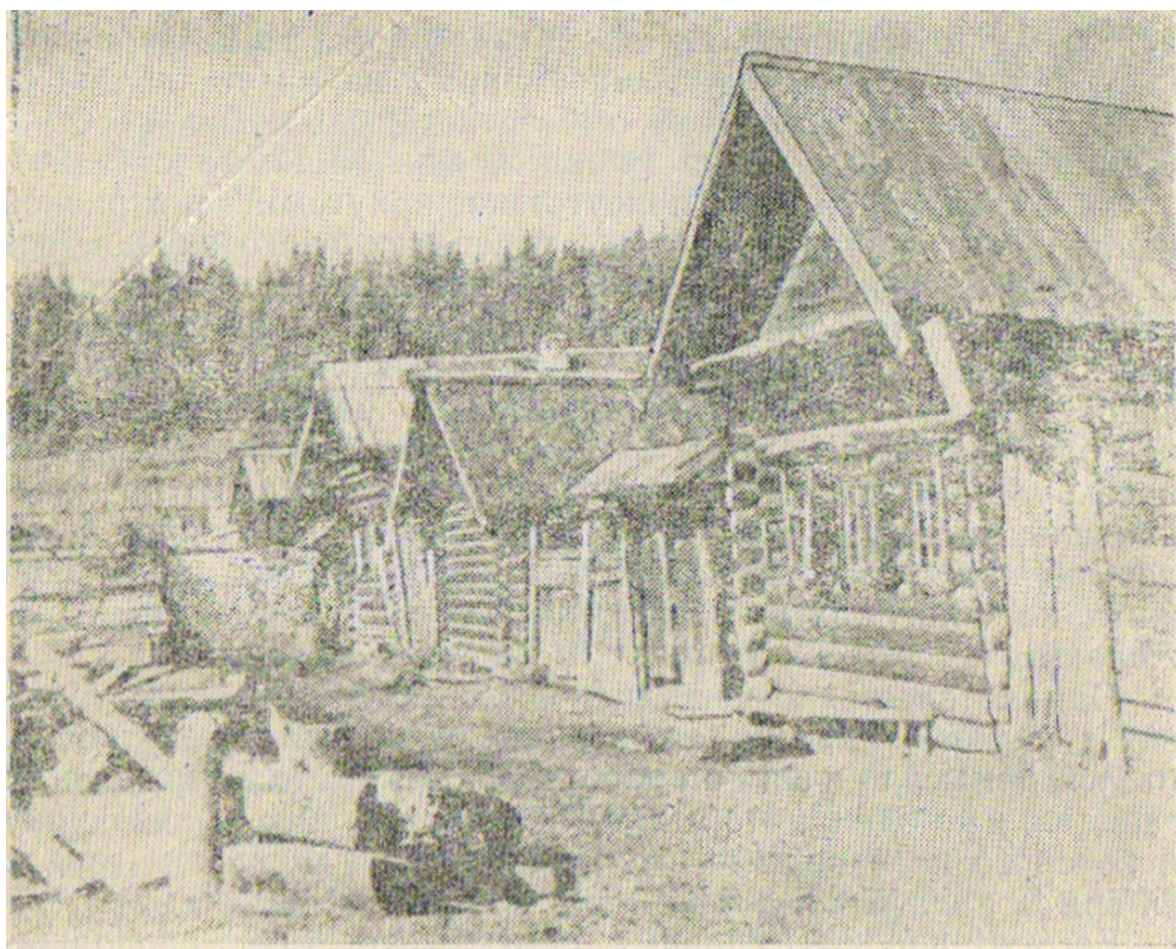
Бегство рабочих, главным образом крестьян, продолжалось и в следующем году: сперва объявляется сыск о поимке 6 беглых крестьян и мещан, забравших деньги вперед под работу, потом появляется новый реестр на 21 беглеца. Это были крестьяне Илгинской, Орленской, Усть-Кутской и Тутурской волостей (Фонд 2, арх. № 60, лл. 27, 32, 35 и др.).

Чтобы удержать крестьян на работе, заводы пользовались общепринятым тогда приемом — выдачей им столько денег вперед, сколько они не могли отработать в течение нескольких лет. Например, 8 крестьян, работавших на Ключи-Воскресенском заводе, в 1781 году были должны заводу

442 руб. 23³/₄ коп. (Фонд 2, арх. № 249, л. 4). Другой метод удержания рабочих на заводе состоял в преднамеренной невыплате заработанных ими денег.

В следующем, 1777 году, бежало 6 ссыльных, из них 2 попадают в руки властей. Так как бежавшие пограбили какого-то купца, то их выпороли кнутом, вырвали ноздри «с поставлением знаков» на лице, после чего отправили «на канате» в Нерчинск (Фонд 2, арх. № 136, лл. 156, 229).

Так включился Ключи-Воскресенский завод, еще до начала своей производственной деятельности, в нормальную жизнь предприятий того времени: обзавелся ссыльными, мучил крестьян, вел сыски и поставлял па каторгу клейменых, обезображенных им людей.

Улица в д. Каймоновой Нижне-Илимского района.

В конце сентября 1778 года к городу Киренску подходила, бряцая 8 ручными и 9 ножными железными кандалами, толпа колодников, привязанных к канату: 22 мужчины и 3 «женки», отправленные в начале августа из Иркутска в сопровождении 4 солдат. Сзади двигались подводы с багажом ссыльных и с казенным грузом, состоявшим из молотка и гвоздильни. Это Русь посылала Сибири дары.

Среди ссыльных трое шли «в вечную работу» за разбой, у 7 колодников были вырваны ноздри, у троих поставлены на лице знаки, семеро подверглись наказанию кнутом или плетью, один направлялся на поселение, об одном сказать ничего нельзя. Две «женки» поплатились за сккрытие убийства помещика; одна «за праздное в Москве житье» была выслана в Тобольск, а оттуда попала в Илимск «за непотребство». Усть-киренская воеводская канцелярия, приняв колодников, направила мужчин на Ключи-Воскресенский медеплавильный завод, а женщин на Якутскую дорогу, на станки, к посельщикам (Фонд 2, арх. № 172, лл. 68-73).

Впрочем, в июне 1778 года 15 ссыльных бежало (Фонд 2, арх. № 226, л. 35).

Случались у Сисина и прямые столкновения с крестьянами. Однажды он произвел самочинный обыск у крестьянина Наумова, обвиняя его в краже заводского имущества. В свою очередь крестьянин обвинял Сисина в том, что тот послал солдата делать у него обыск «без ведома усь-куцкой судной избы, выборного с товарищи и без призыву находящихся в реченной деревне (Таюрской) по суседству крестьян». Односельчане поддержали Наумова и предъявили Сисину и другие требования. Усть-киренская воеводская канцелярия вынесла по этому делу в августе 1781 года следующее решение: запретить Сисину производить самовольные обыски; отобранные у Наумова вещи возвратить; обязать Сисина построить 3 мельницы вместо поломанных им у крестьян при постройке завода (Фонд 2, арх. № 477, лл. 5-6).

Другой конфликт произошел у Сисина с рабочими. Он жаловался, что 3 февраля 1779 г. один из ссыльных, Соболев, «со злодейским умыслом, приговоря себе в партию до 6 человек ссыльных же... з завода бежал». В действительности бежало 11 человек.

Бегство на этот раз было не совсем обычным.

5 февраля староста Усть-Кутского острога сообщил, что бежавшие прошли открыто через острог и что он их не задержал, так как они были вооружены ножами. Беглецы заявили: «идут в команду в ыркуцкую губернскую канцелярию... для прозьбы».

Тогда воеводская канцелярия за свободный пропуск ссыльных приказала сковать старосту, выборного и писчика Усть-Кутского острога и привезти в Киренск для допроса.

Ссыльные двинулись дальше без задержки. Когда они достигли Орленской слободы, выборный вышел к Соболеву со своим братом «навстречу и, перепрося их, яко чесных людей, к себе в дом [пригласил], поил вином и делал всякое угощение».

Воеводская канцелярия приказала привезти в Киренск и этого выборного. На допросе он сказал, что для поимки бег-

лых он собрал 20 крестьян, но часть их разошлась, а оставшиеся уклонились от стычки, так как беглые имели ножи до трех четвертей длиною. Кормил он беглых, «убоясь их страсти».

В Орленской слободе Соболев получил подкрепление. На медных рудниках около деревни Шаманской работали ссыльные, и 6 человек «из ссыльных ево собратий» присоединились к партии.

Беспрепятственно Соболев с товарищами дошел до Илгинского острога. Выборный для задержания беглых будто бы собрал 15 крестьян, но они, прождав день, разошлись. На рассвете явился Соболев «в тринадцати человеках». Выборный, как он сам объяснял, задержать их не мог, испугавшись длинных ножей, и артель беглых ссыльных двинулась вверх по р. Илге.

Воеводская канцелярия, соблюдая черед, вызвала выборного в Киренск для ответа — почему он пропустил беглецов.

А Соболев и его сотоварищи продолжали путь. Через 2 месяца после ухода с медеплавильного завода ссыльные добрались благополучно до Иркутска и явились в губернскую канцелярию. 15 апреля Соболева допросили. Он заявил: нигде артель не насильничала, жителей «не устращивала», подвод не брала. Ссыльные «харчевых припасов не бирали, кроме одного доброхотного их (жителей) даяния на пропитание — хлеба». Ссыльные, работавшие на руднике, пошли с ними сами, сдав предварительно инструменты в казну.

Иркутская губернская канцелярия оказалась в затруднении: люди пришли жаловаться, но покинули самовольно завод; власти обвиняли их в насилиях, но крестьяне беглецов не задерживали и даже давали им подводы; приказчик завода и выборные ссылались на длинные ножи, но крестьяне кормили беглецов и «чтоб они то от страху зделали, — заключили в губернии, — не видно, как те ссыльные были невооружены». И губернская канцелярия ограничивается тем, что предлагает киренской воеводской канцелярии разослать указы, обязывающие крестьян задерживать беглых, а на место для проведения следствия посылает прапорщика (там же, лл. 97-100).

Дела завода, по ряду признаков, шли плохо. Ему приходилось занимать медь в казне, чтобы рассчитаться с покупателями. В 1778 году Сисину выдается 500 рублей на заводские расходы из усть-киренской воеводской канцелярии.

В мае 1779 года Сисина вызывали по следственному делу в Киренск, вероятно, по поводу бегства Соболева, но на завод как раз прибыла большая партия ссыльных, 71 человек, и Сисин занялся ими, тем более, что пятеро из них сразу бежало. Сисин просит воеводскую канцелярию помочь ему, указывает, что окрестные жители ненадежны. Через три не-

дели число беглецов увеличилось на 12 человек, вскоре исчезло еще 7 ссыльных. Сисин пишет в Киренск одно доношение за другим: «ныне, забравшись одеждою и обувью, бегут, а отчего неизвестно», прилагает приметы — у 5 чкловок «голова с четырех сторон брита», просит искать (Фонд 2, арх № 311, лл. 209-225).

Но ничто не могло вдохнуть жизнь в немощный завод. Жестокая эксплуатация рабочих не могла возместить ни бедности руды металлом, ни низкого уровня техники и приводила только к непрерывному бегству и ссыльных и свободных людей. Завод в начале 80-х годов остановился навсегда, вскоре за своим еще более неудачным партнером, Троицким заводом, и к нему был приставлен обывательский крестьянский караул. В 1787 году земли завода пошли в раздел между крестьянами Таюрской и Кокуйской деревень.

ПОПЫТКИ ПЛАВИТЬ ЖЕЛЕЗО

Илимская воеводская канцелярия запрашивала в 1735 году приказные избы, не имеются ли у местных жителей рудоплавные печи. Из Усть-Кутского острога сообщили, что медноплавильных печей ни у кого нет, из Ново-Удинской слободы — что ручных печек для варки железа у населения не имеется. Такие же сведения пришли из Барлукской, Илгинской, Тутурской и Нижне-Илимской волостей. Лишь в Братском остроге многие жители пытались варить железо. Так, в Шаманской деревне кузнец Сутырин построил в 1729 году ручную печь, в которой получал по 5 пудов железа в год. У посадского Чусовитина имелась «печка ручная рудоплавная», построенная в 1730 году. «А по пробе железа не родилось и ныне железа не плавит». В такой же печке не мог получить железа посадский Гуляев, построивший ее в 1730 году в деревне Тулунской. Монастырский крестьянин Бадинской деревни устроил печку в 1734 году для пробы, «и оная руда в дело не пошла, и ныне железа не плавит». Такая же неудача постигла и пашенного крестьянина деревни Бадинской. Обо всех этих опытах воеводская канцелярия сообщила в Иркутск (Фонд 75, арх. № 270, лл. 276-283).

Образец железной руды, присланный в мешочке в Иркутск, исследовали в Нерчинске. Некто Ладыгин толоч ее, пробовал магнитом «и по пробе явилась железная добрая руда», а после промывки «оказался знак золота». Сибирский губернатор Соймонов в 1758 году предложил послать эту руду для исследования в Екатеринбург (Фонд 75, арх. № 1868, лл. 165-168).

В 1765 году из Иркутска пришел в Илимск запрос — не пожелает ли кто из илимских крестьян поселиться в местно-

сти на речке Анге «близ Байкала моря», где имелись удобные для хлебопашества места. Запрос был вызван тем, что имевшийся там «железной завод бывшего заводчика Ланина» с 1751 года бездействовал, ибо «Ланин пришел не в состояние» и умер. «А тот завод остался и ныне находится без никакого действия и плода, и от времени до времени приходит во обетшалость». Власти, потеряв надежду на восстановление завода, решили заселить местность вокруг него крестьянами. Но в Илимске охотников переселиться туда не нашлось (Фонд 75, арх. № 2838, лл. 302-303).

Это единственное свидетельство, имеющееся в илимских делах о заводе Ланина.

СЛЮДЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Месторождения слюды в северном Предбайкалье стали известны очень рано. Использование их началось еще в середине XVII века. Добыча слюды производилась не на постоянно действующих разработках, а путем выезда на промысел партий рабочих под руководством знающего человека.

Каждая такая партия испрашивала всякий раз разрешение искать и добывать прозрачный минерал и предъявляла добытое властям для уплаты пошлин.

Два посадских г. Устюга просили Лоренц Ланга в 1750 году разрешить им поиск и ломку слюды по Лене и по Витиму, до его вершины. Они хотели также обследовать «и впадшие в Витим из гор разные речки и в них ключей, а имянно по Максимихе, по Колотовке, по Маме, по Скарехиде, по Луговке, по Красной, по Петровке речкам и в них впадшие из гор же безымянным речкам же вверх до вершин же, по обе стороны и до Жерноковской собки и на Чунские покати... и в прежних ямах». Промышленникам дан был паспорт до 1752 года, с условием — «в ясашные волости для торгу не ездить и никакого им, ясашным людям, озлобления не чинить». Если промышленники найдут руду, то образец ее должны представить властям (Фонд 75, опись 2, арх. № 536, лл. 5-6).

Вверх по Витиму в 1749 году шли работники иркутского посадского Шалина «для прииску и промыслу слюды». Не желая передать своему хозяину все, что они добыли тяжелым трудом, работники вошли в соглашение со старостой Витимской слободы и распродали купцам тайно 255 пудов слюды. Но все это было раскрыто и по делу возникло судебное следствие (там же, лл. 58, 60).

Вверх по р. Витиму в 1756 году добывала слюду артель «переводшика» Шипина (Фонд 75, опись 2, арх. № 773, л. 26).

Еремей Шипин, крестьянин Чечуйской волости, имел тогда 65 лет от роду; единственный сын его ушел в рекруты, старик занялся промыслом.

По его следам на следующий год направился бывший приказчик, а в то время уже просто разночинец, Иван Возмищев, стремясь достичь речек Колотовки и Безымянной «на прежде приисканные слюденым передовщиком... Шипиным ямы, для слюденного промыслу с работными людьми». Он намеревался также искать слюду по рекам Чуе и Маме (Фонд 75, опись 2, арх. № 1079, лл. 37-41).

Через 2 года крестьянин Усть-Кутского острога Дмитрий Подымахин просил дать ему паспорт на поиски слюды по тем же рекам, а также по речкам Барчихе и Максимихе «на преждеприисканные передовщиками Жерноковым (крестьянин Илгинского острога) — в Подсиверном ручью и Иваном Червочкиным — пониже Нижней Сиверной Стрелки, Савой Агарковым — ниже Колотовки речки». Шел он с наемными работными людьми (Фонд 75, опись 2, арх. № 1112, лл. 13-18).

Всем разведчикам и промышленникам подобного рода давались однообразные паспорта и наставления и брались подписки — в ясачные места не ходить, беречь лес от огня, перекупкой не заниматься, образцы найденных руд представлять в Илимск и не брать с собой хлеба более 50 пудов на человека.

Многие из промышленников являлись крестьянами-богатеями. Весь промысел основывался на эксплуатации труда работных людей.

О цене слюды имеются краткие и обрывочные сведения. В 1770 году из илимской воеводской канцелярии была прислана в Иркутск слюда, взятая в виде пошлины у промысловиков. В губернской канцелярии оценщики разобрали слюду на три части: «головной первого разбора» слюды оказалось 3 фунта 6 золотников, по цене 20 копеек за фунт, «подголовной» слюды, т. е. 2-го сорта, — 1 пуд 3½ фунта, по 15 копеек за фунт и «мелкой» — 3 пуда, по 6 копеек за фунт (Фонд 75, арх. № 3096).

Крестьянин Чечуйского острога Прокопий Черных просил в марте 1781 года выдать ему паспорт для поездки на рр. Маму и Колотовку «на прежде приисканные и разобленные мною ямы... с прибранными мною в артель, не более 30 человек» (Фонд 2, арх. № 555).

Добыча слюды, как вытекает из сказанного, производилась временами, непостоянно, притом всегда силами артелей, набираемых предпринимателями-хозяевами на кабальных условиях.

Часто таким предпринимателем выступал богатей-крестьянин, переносивший свою деятельность с пашни на слю-

дяные жилы, смотря по тому, где было выгоднее загребать жар чужими руками.

О характере договоров предпринимателей с членами артели можно судить лишь по случайным записям в крепостных и им подобных книгах. Крестьянин Дорофей Попов дал 11 февраля 1792 г. настоятелю Киренского Троицкого монастыря Вонифатию письмо, т. е. обязательство: «итти на слюду за 8 рублей на ево хлебе и харче, которые я ныне взял все сполна на платеж подушных денег» (Фонд 9, арх. № 124, л. 4).

Монастырь получал по этому соглашению за ничтожную плату всю слюду, добытую работником.

ПОКУПКА ЛЮДЕЙ И НАЕМ РАБОЧИХ

Закрепощенными людьми в Восточной Сибири являлись горнозаводские рабочие и крестьяне, приписанные к казенным горным разработкам. Такие заводы имелись в Нерчинском уезде, а в Предбайкалье не было ни одного казенного горного завода. Поэтому в настоящей работе ничего не говорится о горнозаводском населении.

Пашенные (государственные) крестьяне, ясачные и разночинцы Сибири признавались законом свободными людьми, вследствие чего здесь развивались свободные формы эксплуатации человека человеком, эксплуатации наемной, а не подневольной рабочей силы.

Пашенный крестьянин мог без всяких ограничений нанимать батраков или продавать свою рабочую силу.

Поскольку общественный уклад России был феодальным, в Сибирь неизбежно заносились элементы крепостнических отношений, прочно сложившиеся в коренной Руси.

Но наем свободной рабочей силы являлся в Сибири закономерным явлением, вытекавшим из производственного к правового положения пашенного крестьянина, а чисто крепостнические отношения являлись наносными, вытекавшими из производственного и правового положения крепостного крестьянина Руси.

Покупка и продажа рабочей силы как типичное явление, а также покупка и продажа людей как случайное явление находит отражение в так называемых крепостных книгах, которые велись сперва в надворном суде, а затем в воеводской канцелярии. Условно считалось, что в Илимске названные книги велись в особой крепостной конторе. Но так как объем работы по крепостным записям, касавшимся купли и продажи рабочей силы, купли и продажи людей, купли и продажи домов, дворов, имений, а также регистрации завещаний, поручных и т. д. был мал, то одному из подьячих

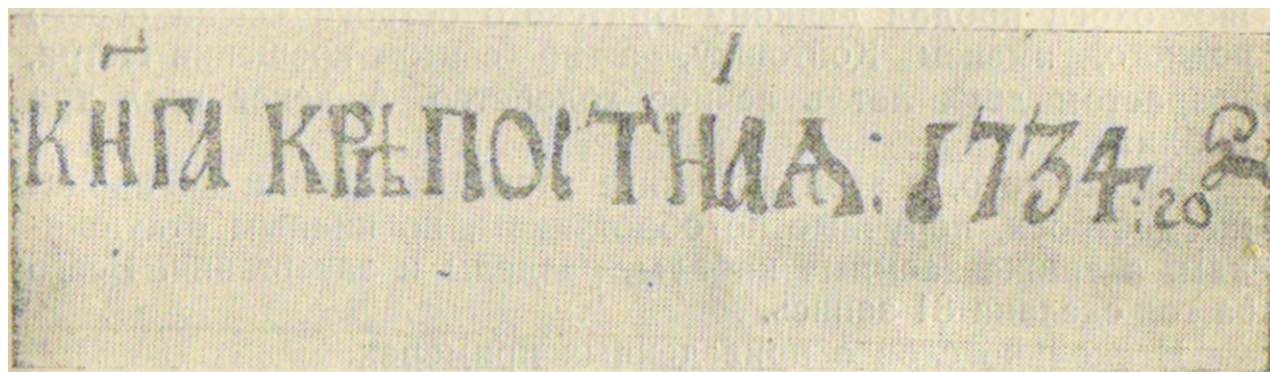
воеводской канцелярии поручалось вести попутно и крепостные книги.

Сохранились в илимском архиве и подлинные крепостные книги и так называемые счетные выписи из них, т. е. краткие сводки, составлявшиеся при проверках, отчетах и ревизиях. Крепостные книги велись согласно указам от 8 декабря 208 года, 30 апреля 1701 г. и 17 июня 1731 г.

Счетные выписки крепостной конторы (которой в действительности в Илимске не существовало) за 1726-1733 годы показывают, что за 8 лет было произведено 9 сделок по продаже рабочей силы («строшная работная запись» или «строшная работная крепость») и 14 сделок по продаже людей.

Из записей, касавшихся продажи людей, 7 относились к купчим «на дворовых девок», 5 — «на дворовых людей». Кроме того, было зарегистрировано: две поступных на «дворовых девок», одна жилая запись на дворового человека и «дворовая крепость на новокрещеную девку в вечное холопство» (Фонд 75, арх. № 205, лл. 1-120).

Регистрация записей велась строго только в отношении продажи людей и имущества, так как запись являлась официальным актом, устанавливавшим право собственника. Без записи в крепостную книгу сделки с людьми законом не признавались. Поэтому все случаи покупки, продажи и дарения людей получали немедленное юридическое оформление.

Надпись на крепостной книге.

Другое дело с наймом свободной рабочей силы. Никто не требовал доказательства права нанимателя. Пока хозяин платил — батрак работал. Та и другая стороны могли разорвать эти отношения в любое время.

Но бывали случаи, когда хозяин выдавал вперед работнику деньги при условии, что последний будет работать определенное время, например, в течение лета или сплавного сезона. Подобные сделки носили часто кабальный характер и хозяин был заинтересован в полном выполнении работником

таких соглашений и естественно прибегал при этих обстоятельствах к регистрации договора.

Но наем работника с выдачей платы вперед был не правилом, а исключением из правила, поэтому почти все случаи найма свободной рабочей силы проходили мимо крепостной конторы и нигде не регистрировались.

За производство записи в крепостную книгу взыскивались разные сборы: пошлины с купчей крепости «по гривне с рубля», т. е. $\frac{1}{10}$ часть с суммы сделки; «от письма» — за написание самого документа — 10 копеек, «от записи» — за внесение сделки в крепостную книгу 3-10 копеек и «на нужные расходы» — на оплату канцелярских расходов крепостной конторы — «четыре деньги», т. е. $\frac{1}{8}$ копейки.

Для образца можно привести несколько записей из крепостной книги за 1727 год (Фонд 75, арх. № 232, лл. 1-21).

Хлебный обротчик Петр Попов нанялся к илимскому посадскому человеку Петру Оглоблину «итти в работе до Якуцка». Гулящий человек Карп Потапов «нанялся в строшную работу *крестьянину Антону Лукину*»; денег взял 21 рубль. Промышленный человек нанялся «в строшную работу» к Григорию Курбатову на один год; взято 4 рубля денег. Илгинский хлебный обротчик Чекотеев продал иркутскому служилому человеку Фролу Иванову «и жене и детям и внучатам ево дочь свою, девку Макрину, возрастом 15-ти лет в вечное холопство. А денег взял за нее три рубли». Пятидесятник нанял казачьего сына на год «в строшную работу»; денег дано вперед 6 рублей. «Ясашный иноземец» Петух Нохтохоев продал дьякону Братского острога «сына своего родного, именем Контошку, а во святом крещении Петра, возрастом двух лет в вечное холопство. А денег взял три рубли».

Кроме того, в этой же книге записаны сделки по продаже построек, поручные по обротчикам, по пивным откупщикам, а также заемные кабалы, разделы и завещания. Всего за год сделана 81 запись.

Несколько слов о приведенных примерах.

Все сделки совершались не крестьянами. Последние нанимали рабочих обычно без выдачи задатков и поэтому очень редко регистрировали наем батраков.

«Крестьянина» Антона Лукина (в приведенной выдержке имя его подчеркнуто) в Илимском уезде не существовало. Под именем крестьянина скрывался сын священника Луки, впоследствии сам священник Илгинского острога Антон Лукин. Цинизм, с которым оба эти священнослужителя эксплуатировали население, выражается здесь в стыдливой форме. Типичная маскировка хищника.

Приведенные два случая продажи людей по 3 рубля почти точно отражают стоимость человека, мало пригодного к ра-

боте. Обычно «дворовых девок» продавали в те годы по 5 рублей. Мужчины стоили еще дороже.

Низкие цены не всегда показывают действительной суммы сделки, так как стремление уменьшить размер крепостных пошлин толкало и продавцов и покупателей записывать сделки по вымышленно низким ценам.

В книге 1730 года (Фонд 75, арх. № 299) записано 64 сделки, из них поручных записей — 46, разделов имущества — 6, кабал (т. е. займов) — 1, поступных (уступка имущества, в данном случае — двора) — 3, договоров найма работников — 3. Кроме того, в книге зарегистрированы три случая женитьбы, связанные с переходом брачующихся в крепостное состояние, один случай продажи жены и три сделки по продаже людей.

Больше всего, как видно из приведенной справки, записывалось в крепостные книги разных поручных или «поручных» одних лиц за других. Такие поручительства составлялись по самым разнообразным случаям — об исправной службе служилых людей, о своевременном платеже оброка крестьянами, поручные по преступникам о их добром поведении в будущем, но главным образом поручные о честной продаже целовальниками вина, пива, меду, табаку и т. д.

Наймов в цитируемой книге записано немного. Протопоп Илимской Спасской соборной церкви Иоанн Петров нанял «новокрещеного ясашного тунгуса» Козьму Грузнова «в строшную работу» на 1 год за 5 рублей. Деньги были выданы. Отставной служилый человек нанялся к илимскому таможенному голове «в строшную работу» с апреля по ноябрь 1730 года, «наперед взял три рубля». Новокрещенный ясачный человек нанялся к служилому человеку в годичную работу за 5 рублей. Вот и все случаи регистрации найма рабочей силы в 1730 году.

Сделки, связанные с продажей людей или с переходом в крепостное состояние, также немногочисленны. Ясачный тунгус Васька Суханков продал иркутскому сыну боярскому Тимофею Литвинцеву «жену свою, по тунгускому названию Гоматку Рыжакову, а денег взял за нею 20 рублей». Илгинский «житель», видимо бывший ссыльный, дал тому же Литвинцеву «дворовую крепость» в том, что он женился на его дворовой девке Овдотье «и жить ему, Епифану, у него, Литвинцова, з женою своею и работать всякая ево работа без ослушания» (так как последняя дворовая запись произведена без указания суммы сделки, то было уплачено сборов только 18½ копейки). Другой подобный же случай был связан с крепостным состоянием не навечно, а на срок: «И жить ему, Ефиму, з женою своею в работе 5 годов» (у Тимофея Литвинцева). Наконец тот же Литвинцев купил в Илгинском остроге, где состоялись и все его предыдущие

сделки, у пашенного крестьянина Безносова «крепостного дворового парня камчадальской породы, новокрещеного» за 10 рублей. Тогда же один илимский канцелярист купил за 12 рублей у солдата «дворовую девку» возрастом 10 лет. Подканцелярист Николай Березовский купил у братского посадского человека Крюкова его дочь, «девку именем Марью в вечное холопство» за 3 рубля.

Как видно, торговля людьми относилась к дворовым, больше всего «девкам», обычно представителям местных народов. Это был самый ходкий людской товар. Случаев продажи крепостных крестьян не встречается, так как такие крестьяне были прикреплены к земле, а земля в Сибири не продавалась и не покупалась.

Счетные выписки о крепостных пошлинах за 1732-1736 годы могут немного пополнить изложенное о содержании дел подобного вида (Фонд 75, арх. № 404, лл. 1-173).

По этим выпискам можно подсчитать число записей за пятилетие. Их оказывается 269, по 54 записи в среднем за год. Среди записей первое место занимают поручные — 204 случая, или 75,8%. Деловых записей, т. е. относящихся к разделам имущества за 5 лет, зарегистрировано 10 (3,7%), заемных кабал — 16 (6,0%), дворовых крепостей, т. е. продажи дворовых людей, — 11 (4,1%), продажи дворов — 10, сдачи тягла или сенокоса — 2, подрядов по подводной гоньбе — 13 (4,8%) и найма рабочей силы — 3 (1,1%).

Содержание записей, связанных с принятием на себя крепостного состояния, раскрывает крайнюю степень нужды людей, совершающих столь роковой шаг и в отношении себя и в отношении своих детей. Кто же идет добровольно в вечное или срочное холопство? — Вдовы, потерявшие трудоспособность, ссыльные и другие, оказавшиеся в безвыходном положении люди.

Подтвердим это выписками.

Присыльный человек Бубнов «взял в замужество крепостную дворовую девку илимского сына боярского Григория Качина. Жить ему до смерти Качина и его жены». После их смерти ссыльный получает 20 рублей деньгами, коня, корову, овцу и свинью. Подушные деньги за ссыльного платит Качин (Фонд 75, опись 2, арх. № 138, л. 1). Илимский житель, ссыльный Журавин, женился на крепостной якутке, принадлежавшей Василию Литвинцеву; жить ему вечно у Литвинцева с своей женой, а если будут дети, то и с детьми. Еще один ссыльный, «илимский житель» Иван Фадеев женится на дворовой девке канцеляриста Николая Березовского и обязуется за это жить у него вечно. «И вольно ему, Николаю, и жене ево и детям ево, Ивана и жену ево и детей продать и заложить». «Ссыльный невольник» Афанасьев женится «на дворовой женке сотника казачья» Анцыферова и

обязуется за женитьбу жить у него 10 лет. «Ссылные люди, негодные в Камчатскую экспедицию по осмотру господина лейтенанта Ендогурова», 2 человека, обязались за долг жить у Василия Игумнова, сына илимского воеводы, в работе 2 года. Игумнов их обещает кормить эти два года и дать им «по шубе, да по китайческому кафтану, по рубахе, да по чиркам». Еще один ссыльный взял у того же Игумнова в долг 100 рублей и обязался работать с женой у сына воеводы 10 лет. «Новокрещеная тунгуской породы девка» дала обязательство илимскому сыну боярскому Петру Завьялову жить у него «в холопстве вечно и всякая ево домовая работа работать и во всем послушание иметь без всяких отговорок». Так как женщина отдавалась в холопство бесплатно, то за составление закрепоощающих ее записей было взыскано только 20¹/₈ копейки. «Житель» Братского острога продал тому же Завьялову 12-летнюю дочь за 20 рублей. Писчик Орленской слободы поступился за долг в 5 рублей «природною своею дворовой девкой русской породы... в вечное холопство».

В этой же книге записана незаконная продажа крестьянином иркутскому сыну боярскому своей 20-летней дочери за 5 рублей. Продажа государственными крестьянами своих детей не разрешалась.

Отставной илимский сын боярский Алексей Литвинцев занял у другого, уже упоминавшегося в цитируемой книге илимского же сына боярского Василия Литвинцева 40 рублей «и в тех деньгах заложил ему сына своего Ивана до выкупу», подушные за мальчика вносит его хозяин и засчитывает за долг его работу в размере 3 рублей в год (Фонд 75, опись 2, арх. № 139, л. 14). Нижне-илимский крестьянин Трофим Бубнов занял у илимского сына боярского Григория Качина, упоминавшегося в начале этих выписок, 11 рублей и обязался работать в погашение долга из расчета 8 рублей в год. Другой крестьянин занял у Григория Качина 26 рублей и передал ему в работу сына на 3 года; «а платье и обувь ему... в тех годах носить свое». «Дворовая баба», видимо ненужная своему хозяину, дала обязательство жить у посадского человека 5 лет за 20 рублей. Наконец илимский отставной служилый человек Никита Куниловский за взятые 15 рублей в долг у сотника Анцыферова, о котором говорилось выше, заложил ему свою 10-летнюю дочь. «И жить ей с сего году у него, Анцыферова, впредь 20 лет в работе. А ежели она будет в чем ослушна, то смирять ее домовым наказанием. А кормить и поить и обувь класть ему, Анцыферову, все свое. А зачитать ей во оное число взятые денег по семидесяти пяти копеек на год».

Так бесстрастно записывались канцеляристами итоги людских неудач, преодолеть которые можно было только личной трагедией или гибелью своих близких.

Нетрудно подметить, что бедственным положением людей пользовались часто одни и те же лица: казачьи сотники, воеводы и другие местные тузы. Также легко из приведенных случаев увидеть, что в бедственном положении оказывались представители разных слоев илимского населения: ссыльные, ясачные, крестьяне и даже отставные служилые люди.

О числе дворовых людей по Илимскому уезду в 30-х годах XVIII столетия дает сведения переписка 1732 года об ошибках, допущенных при проведении ревизии душ муж. пола (Фонд 75, опись 2, арх. № 112). Всего у 10 человек имелось 19 крепостных лиц муж. пола. Владельцами их являлись 7 детей боярских и других служилых людей, 2 священника и отставной дьячок. Наибольшее число крепостных было у попа (4 чел.) и дьячка (4 чел.).

Закрепощение людей в Сибири, как не имевшее ни экономического, ни политического основания, вызывало подозрение у правительства. Ясачные люди при закрепощении попадали в руки разных слоев населения Сибири и таким образом ускользали от обложения. В то же время владельцы их не являлись помещиками, не могли их использовать в привычных для них условиях труда и превращали в дворовых людей, обслуживавших личные нужды владельцев.

Поэтому правительство издало целый ряд указов, запрещавших закрепление жителей Сибири и в особенности ясачных. Таков был, например, указ 1733 года.

Один закрепощенный якут долго переходил из рук в руки, пока в 1723 году не сбежал из Иркутска, скрываясь то в Илимске, то в Енисейске. Узнав об указе, по которому «велено нас, рабов твоих, от мужичья холопства учинить свободных», он подал в 1734 году челобитье илимскому воеводе. Последний взял с него поручную запись и сообщил об освобождении якута в Иркутск (Фонд 75, арх. № 502, лл. 164-165).

Несмотря на запреты, долго еще происходило, правда не так часто, как раньше, закрепление людей под разными предлогами и по разным случаям.

В марте 1734 года илимская воеводская канцелярия приняла к судебному производству заявление отставного служилого Леонтея Микляева, что он купил у ясачного иноземца Бакулова «купленную ево калымную бабу», а Бакулов «бабы» не отдал. Это дело кончилось мировой. Но пока шло следствие и стороны от бранных слов переходили, наверное, не без применения возлияний, к уверениям во взаимном расположении, проданная женщина, решив, что хрен редьки не слаще, бежала неизвестно куда (Фонд 75, арх. № 553, лл. 32-36; арх. № 555, л. 96).

Счетные выписки за 1737-1742 годы о крепостных пошлинах почти целиком состоят из перечня поручных записей, о разделах имущества, о продаже и закладе дворов. Все же и здесь имеется несколько записей о продаже людей (Фонд 75, арх. № 743, лл. 299-387).

Отстанной илимский служилый человек Антонов отдал свою дочь посадскому Сумкину за долг, составлявший, если верить записи, только 3 рубля. Жена посадского отдала своего сына в возрасте 16 недель, прижитого без мужа, подьячему илимской воеводской канцелярии Кочергину. Ссылный Татаринов отдал тому же Кочергину своего 4-летнего сына, «и ему, сыну ево, Ивану, жить у него, Кочергина, до смерти ево и жены ево, которого иметь ему, Кочергину за раба — вместо сына и учить всякому добру». Через 4 года Кочергин купил за 8 рублей у жены бывшего служилого Бутакова ее родную дочь. Он же купил у служилого человека дворовое и огородное место за 1 рубль 95 коп. (Фонд 75, арх. № 1037, лл. 2, 8). Ссылная вдова отдала в 1740 году за долг свою дочь подпоручику из Камчатской экспедиции Свистунову «в вечное владение; и вольно ему, Свистунову, и жене ево и детям владеть вечно и на сторону продать и заложить».

За 1743 год сохранились попорченная временем счетная выписка крепостной конторы. В книге нашли отражение 33 сделки, из них 6 записей касаются людей и их судьбы. Поп Илгинского острога Лука Афанасьев, за 16 лет до этого выставлявший под видом крестьянина своего сына, теперь сбросил маску и выступил открыто как покупатель людей. Пашеный крестьянин Иван Мунгалов, очевидно, крещеный монгол или бурят, перешедший к земледелию, и его жена отдали попу за долг в 20 рублей дочь свою «в вечную работу». Там же записано, что 6 пашенных крестьян заняли у Луки 8 рублей и отдали ему свои сенные покосы.

Две записи касаются продажи илимским «жителем», т. е. вероятно, ссылкой, своего сына капралу Якутского полка за 5 «рублев». Этому же капралу копейист илимской воеводской канцелярии продал своего сына за 15 «рублев».

Наконец две записи относятся к найму рекрутов. Один пошел в рекруты за крестьянского сына, взяв 20 рублей, камзол и «указное платье», другой по такому же случаю получил от крестьянина же 42 руб. 50 коп. и «указное платье» (Фонд 75, арх. № 1093, лл. 1-20).

В 1744 году илимский служилый человек Михаил Оглоблин и подканцелярист Петр Оглоблин совершили какую-то мошенническую сделку, продав сына служилого человека «на Тулуне... в работу монастырскому крестьянину Петру Пневу». Мать проданного жаловалась на служилых в иркутскую провинциальную канцелярию, и Лоренц Ланг по этому

поводу послал нарочного расследовать дело. Чем оно закончилось, сказать невозможно (Фонд 75, арх. № 1225, л. 258).

Почти каждый воевода имел крепостных крестьян или дворовых людей.

Бывший илимский управитель (воевода) Матвей Бейтон продал в 1758 году трех своих дворовых людей подполковнику Якутского полка, но двое из них окрылись (Фонд 75, арх. № 2414, л. 108).

Воевода Попов разыскивал в 1755 году сбежавшую от него крепостную дворовую «девку», которая унесла с собой 85 рублей и различное женское платье: душегрейки, юбки, рубашки, чепцы, козыньки и шубу. Все это в жизни могло сильно пригодиться, денежный человек не вызывал подозрений. Деньги — тот же паспорт. Кто в Сибири мог заподозрить хорошо одетую и со средствами девушку, что она крепостная «девка»? 19-летняя беглянка, среднего роста, с светлорусыми волосами, круглым лицом и серыми глазами могла бы бесследно исчезнуть от преследований воеводы, замешавшись в безликую толпу насельников Сибири. Но ее постигла неудача (Фонд 75, арх. № 1533).

Не все записанные в крепостную книгу сделки о продаже людей являлись законными. В частности, отмеченные выше случаи продажи крестьянами своих детей по действовавшим тогда правилам должны были считаться недействительными. Но раз запись была совершена, то проданный ребенок мог жить как крепостной человек у владельца до тех пор, пока не возникало протеста. И хотя случаев продажи пашенными крестьянами своих детей было очень немного, но еще меньше было случаев протеста.

В 1764 году две вдовы-крестьянки продали двух внебрачных детей поручику Якутского полка, но не зарегистрировали сделку в крепостной книге. Полковой командир, узнав о покупке, просил илимскую воеводскую канцелярию выключить обоих мальчиков как крепостных из подушного оклада. Но илимская канцелярия, не имевшая права выключать плательщиков, обратилась за разрешением этого вопроса в Иркутск.

Иркутская провинциальная канцелярия дала следующее разъяснение: так как нет указа, чтобы государственные крестьяне могли продавать своих детей, хотя бы и незаконнорожденных, то следует их устраивать так же, как и законнорожденных детей. На основании этого из Иркутска было дано в Илимск распоряжение отобрать мальчиков у поручика, «несмотря ни на какие его выкрутки», и отправить их обратно за его счет. Если же поручик задержит детей, то он еще за платит «за пожилые годы».

Илимская канцелярия велела приказчику Чечуйского острога, где произошла эта продажа сыновей, допросить ма-

терей. Они были допрошены и подтвердили, что продали своих незаконнорожденных мальчиков, одного за 15, а другого за 16 рублей (Фонд 75, арх. № 2792, лл. 51-61).

Если поискать в ревизских сказках 1762 года сведения о проданных мальчиках, то можно установить, что один из них, Петр, тогда был в 5-летнем возрасте; его отец умер в 1752 году, значит, во время продажи мальчику исполнилось 7 лет. Другой мальчик, Данило, во время переписи имел 13 лет, семья его родителей состояла из 26 человек муж. пола. Не был ли он лишним в этой 50-членной семье? Или матери, попав после смерти мужей в тяжелое положение, пожертвовали своими, прижитыми от других отцов детьми? На эти вопросы документы ответа не дают.

Наниматель, закабалив работника, мог злоупотреблять своим правом, и у работника, связанного письменным соглашением, находился выход только в том случае, если он мог вернуть взятые деньги. Понятно, такие случаи могли встретиться как редкое исключение.

Купец Суслов заключил договор с крестьянином Ново-Удинской слободы Шерстениковым, который отдавал купцу своего сына в работу на 3 года, за что получил вперед 30 рублей. Но до окончания срока соглашения работник ушел от хозяина, и последний подал жалобу в илимскую воеводскую канцелярию, требуя взыскать неотработанные деньги.

Однако крестьянин не оказался таким простаком, каким считал его жулик-купец. Он доказал, что часть взятых денег была отработана, а остальные возвращены Суслову. Крестьянин предъявил воеводе расписку Суслова.

Так как наказание посадских и купцов могла производить только ратуша, то дело о наказании Суслова было передано в ратушу, где он и был бит. Крестьянину же вернули крепость (Фонд 75, опись 2, арх. № 919, лл. 9-34).

Почти аналогичное дело слушалось в иркутской губернской канцелярии в 1766 году. Заключалось оно в следующем: иркутский дворянин Афанасий Кондратьев в 1758 году, когда он являлся верхоленским управителем, дал займы 31 рубль посадскому Козлову, за что взял у него дочь, которая должна была жить у Кондратьева «вечно». Сделку переписывал «копеист» Падерин. Прошло 8 лет, и брат Козловой подал жалобу, прося освободить сестру, так как она заработала весь долг отца. По распоряжению губернатора Козлова была отпущена, Кондратьев за сделку мимо крепостной конторы был оштрафован на 5 рублей, а писчик «бит батоги» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1447, лл. 4-5).

В 1762-1763 годах вместо крепостной книги вводится 11 новых книг, каждая из которых предназначена для записи сделок одного какого-либо рода.

В 1762 году в илимской воеводской канцелярии ввели согласно общероссийским правилам новую книгу со следующим составленным в средневековом духе названием: «книга записная вотчинная в продаже и в закладе вотчин и вотчинных земель с людьми и со крестьяны и в закладе крестьян без земли и в отдаче в кортом вотчинных земель 1762 году». Остальные 10 книг были присланы в Илимск в 1763 году (Фонд 75, арх. № 2858, лл. 1, 6).

Конечно, в Илимске, как и во всей Иркутской губернии, не совершалось и не могло совершаться сделок, предусмотренных названной книгой. Все-таки в нее попало 2 записи, одна о «поступной» священнику на дворовое место, вторая о найме работника. Крестьянин Ново-Удинской слободы Сидор Вологженин «мая двадесят пятого дня» дал «заемную крепость» иркутскому купцу Елезову в том, что занял у него «на свою необходимую нужду» 25 рублей. За это Вологженин отдал купцу «в зарабатывание 19-летнего сына Ивана «на 5 годов». Работник должен был носить свое платье, а есть и пить за счет Елезова. В договоре предусматривалось, что если Иван умрет или не заработает взятых отцом денег, то деньги будет отрабатывать другой сын — Никон. Если не заработает и этот сын, то купцу возвращаются деньги поручителями Вологженина.

Приведенное соглашение является как бы ответом на неудачу купца Суслова. Купец Елезов усовершенствовал текст договора и крепко закабалил попавшего в нужду крестьянина. В договоре было предусмотрено, что в случае смерти купца, батрак должен был работать на его семью, так как в тексте соглашения значились слова: «отдаю в зарабатывание ему, Елезову, жене и детям ево». 5-летняя кабала была основательно оформлена. Неспроста крестьянин назвал ее «заемной крепостью», недаром сделка была записана в книгу с зловещим названием (Фонд 75, опись 2, арх. № 959, л. 49).

Записи найма рабочей силы велись теперь по новой книге. Но, как отмечалось, почти все случаи такого найма проходили мимо книг, и регистрировались попрежнему только кабальные договоры с авансированием работника. За 1771 год в книге было записано только две сделки. «В девятой на десять день», 19-го сентября, крестьянин Захаровской заимки Кобелев отдал иркутскому купцу Прянишникову своего 16-летнего сына «на пять годов... И работать у него, Прянешникова, всякую домовую работу». Деньги крестьянин взял вперед по следующему расчету: за первые два года по 1 руб. 50 коп. в год, за последующие — по 2 рубля, всего за 5 лет — 9 рублей.

Вторая сделка была совершена крестьянином Нижне-Илимской слободы Афанасием Байкаловым с иркутским це-

ховым Демидовым на отдачу в работы дочери «девки Анны» на 3 года из платы по 2 руб. 50 коп. в год. Деньги, 7 руб. 50 коп., были взяты все вперед. Анна должна была «работать неленосно, не воровать, и покрадчи не зажечь, и под дом ево воровских людей для кражи ни подо что не подводить, и в дом ево воровского и заповедного ни от кого не принимать, и худа никакова не чинить, и убытка не доставить». В случае смерти или убеге Анны отец отвечал за взятые деньги (Фонд 75, арх. № 3254, л. 1).

К обеим сделкам приложены руки поручителей за работников, хотя и странно было, что нашлись лица, ручавшиеся, что батрак «убытка не доставит». Ведь хозяин любой шаг работника мог истолковать как свой убыток.

Напротив, покупатель рабочей силы в договоре никаких обязательств и гарантий не давал. Он становился хозяином, который имел право заставить работника исполнить всевозможные работы во всякое время и в любых условиях.

В этих случаях труд действительно превращался в зазорное дело, в проклятие, в унижение.

Только что упомянутый крестьянин Байкалов не ограничился отдачей своей дочери в работу иркутскому ремесленнику. Одновременно он вторую дочь, Дарью, запродавал в работу иркутскому купцу Власову. Но, видимо, купец не заплатил денег крестьянину, и сделка не была записана в книгу. Отдана же была Дарья на 7 лет с платой по 1 рублю в год.

Вскоре полицеймейстерская контора г. Иркутска обнаружила трех лиц, живших у купца Власова без всякого вида, в том числе Дарью и Герасима Говорина, отданного в работу отцом на 10 лет с платой по 2 рубля в год. Иркутская губернская канцелярия отправила их в Илимск и велела илимской канцелярии послать в остроги и слободы указы, чтобы крестьяне не отдавали в работу детей по «партикулярным письмам». Иркутская губернская канцелярия не могла не обратить внимания на крайне низкую оплату труда работников и предложила ввести правило, чтобы крестьяне нанимались только «з дозволения старост и выборных», отмечая сделки «у крепостных дел, ибо чрез то, как обман от заимодавцев, который, желая работника у себя иметь за самую малую плату, пресечетца, так и те крестьяне в получении надлежащей и безобидной им платы довольны бы и могут».

Нельзя не отметить, что даже иркутскую губернскую канцелярию возмутила кабальная эксплуатация батраков, и она, написав по этому Поводу указ, сделала все, что могла.

Она велела также наказывать тех, что отдавал детей в работу без регистрации; приказала бить «батоги» при крестьянах подушного сборщика Косолапова, который отдал

неплательщика податей на 3 года в работу по 3 рубля в год; потребовала, чтобы купец Власов оплатил работу своих батраков «по учиненному расположению»: одному за 1 год 8 месяцев и 25 дней — 8 руб. 67¼ коп., другому за 1 год 8 месяцев 10 дней — 8 руб. 45½ коп., следовательно, из расчета 5 рублей в год; предложила иркутскому губернскому магистрату «учинить с Власовым по закону» и уведомить ее об этом (Фонд 75, арх. № 3267, лл. 389-391).

Такова интересная попытка губернских властей вмешаться в отношения между хозяином и батраком, попытка-эпизод, попытка-случай, некий административный жест с окриком, одиноко и странно прозвучавший в жестокие и глухие времена.

Пожалуй, лучшим доказательством бесплодности вмешательства иркутской губернской канцелярии в дела о наймах служит факт вторичной отдачи в работу в 1777 году тем же крестьянином Байкаловым тех же самых своих детей — «девки» Анны и сына Петра тем же самым купцам — Демидову и Прянишникову, на тех же условиях, как и в 1771 году (Фонд 2, арх. № 216). Все было по-старому; как и во времена илимской воеводской канцелярии, теперь усть-киренская воеводская канцелярия регистрировала кабальные соглашения, закрывая глаза на то, что сотни других таких же договоров совершались вне стен канцелярий и приказных изб.

К концу XVII11 века сильно возвысились цены на хлеб, государство увеличило подушные и другие платежи, были подняты несколько и «плакатные цены»; понятно, что должна была возрасти и оплата наемных работников.

В 1791-1793 годах по книге записи долговых писем зарегистрировано несколько случаев найма рабочих. Одна из записей: крестьянин Витимской слободы взял у своего односельчанина Серкина «на платеж подушных денег» 35 рублей, «ис коих за 15 рублей» отдал ему сына в работу на один год. Другой крестьянин взял у того же Серкина 25 рублей, «а за оные деньги отдаю в зарабатывание сына своего родного Василия большего в год за 20 рублей». Священник той же слободы Ашепков (наверное — Ощепков) подписал соглашение с крестьянином Чечуйского острога о передаче ему в годовую работу сына крестьянина «за 20 рублей, и быть послушну». Последняя запись относится к протопопу Карамзину, взявшему «во услужение» сына новокрещенного тунгуса на 2 года, с оплатой по 10 рублей в год (Фонд 9, арх. № 124, л. 4).

В аналогичной книге за 1795 год крестьянин деревни Полоотовской отдал своего сына на 2 года секретарю киренской нижней расправы. Размер оплаты — 20 рублей в год (Фонд 9, арх. № 28, л. 19).

Можно наконец отметить найм работников «расправным судьей» Децырманом. Случай этот становится известным потому, что судья жаловался на своих работников в киренский нижний земский суд. Децырман в декабре 1795 года заявил киренской нижней расправе, т. е. учреждению, которое он сам возглавлял, что крестьянин Макаров «запродал ему... дочь свою Анну» за 14 рублей; другой работник, Ярыгин, «запродан был ему... отцом». Вскоре судья заметил, что у работника и работницы возникла взаимная личная склонность, и он, опасаясь установления внебрачной связи между двумя его работниками, предложил им жениться. Они согласились, но, став мужем и женой, перестали слушать его и, как он жаловался, наносили ему оскорбления. Тогда Децырман уволил их и потребовал возврата незаработанных ими денег. Отец работника вернул судье 41 рубль, а за невестку платить не стал, заявив, что не отвечает за тестя. Децырман считал за работницей 10 руб. 87½ коп. незажитых денег и 4 раза от имени нижней расправы требовал вызова к следствию крестьян. Но членами киренского нижнего земского суда были тогда 4 крестьянских заседателя, и под их воздействием этот суд каждый раз отклонял предложение Децырмана, вынося решение, что «не только их (крестьян-должников) к безвинному платежу принудить, но и вызвать сюда и от домов, их по нынешнему страдному времени отлучить ни малого резону не находит». И лишь после упразднения должности сельского заседателя, в 1797 году, Децырман добился через исправника вызова ответчиков в суд (Фонд 4, арх. № 72, лл. 106-132).

Дело это лишний раз показывает, что сельские заседатели, несмотря на ограниченность их прав, все же имели некоторое значение при защите в суде интересов крестьян.

Приведенные материалы по записям крепостных книг о сделках по найму рабочих и о покупке людей позволяют сделать общий вывод, что на протяжении XVIII века исчезли сделки по продаже ясачных, а затем и по продаже детей пашенных крестьян. Это означало, что процесс частновладельческого закрепощения свободных слоев населения Сибири был прерван в зародыше, а крепостнические отношения в среде крестьян и ясачных не получили никакого развития.

Зато эксплуатация наемной рабочей силы, не имея никаких ограничений, оставалась нормальным бытовым явлением. Типичные кабальные сделки нашли отражение в записях крепостных книг.

Эксплуататором здесь был не помещик, а кулак и купец, эксплуатируемым — не крепостной, а батрак, способ эксплуатации — не феодальный, а буржуазный.

ГЛАВА XIII

ЦЕРКОВНИКИ И МОНАСТЫРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В Илимском уезде действовало два монастыря со своими вотчинами-заимками — Киренский Троицкий монастырь и Братская Спасская пустынь. Кроме того, в уезде имелись две заимки Якутского Спасского монастыря — Захаровская и Тыптинская.

Численность монахов была незначительной, а если принять во внимание размах хозяйственной деятельности монастыря, то — до странности малой.

Кроме настоятеля (игумена), строителя, казначея и 3-5 церковно-служителей, в Киренском Троицком монастыре было 3-4 монаха, т. е. всего 10-12 человек. Зато число вкладчиков и крестьян-половников превышало 200 душ муж. пола. Кроме того, ежегодно привлекалось к сельскохозяйственным работам несколько десятков наемных рабочих, количество которых в страдное время доходило до 100-200 человек.

Игумен ведал духовными, а строитель — хозяйственными делами. Управление монастырскими деревнями находилось в руках посельных монахов или просто посельщиков, подчинявшихся отцу-строителю. В ведении последнего оказывались, таким образом, крестьяне-половники, наемные рабочие и почти все вкладчики.

Как пастырское служение игумена меркло перед разносторонней деятельностью строителя, так и редкое церковное пение, сопровождаемое слабым колокольным звоном, тонуло в шуме производственной жизни монастыря: в скрипе телег, в мычаньи коров, в ржаньи коней, в окриках посельщиков на рабочих.

Монастырь походил не на духовное заведение, а на мирское предприятие. В соответствии с этим и переписка монастыря посвящалась не небесным, а земным вопросам: торгам и сделкам, займам и чистогану, наймам и сыскам.

Насколько большие место занимали сельскохозяйственные дела и управлении монастырем показывают инструкции, даваемые его руководителям из Иркутска. Например, Притчину, назначенному строителем Киренского Троицкого монастыря, иркутской духовной консисторией 23 января 1748 г. была дана следующая инструкция, состоящая из 27 пунктов: принять все дела у монаха Корнилия; переписать монастырских крестьян и проверить их обязательства; «накрепко наблюдать, чтоб всякие монастырские работы происходили и на стоящую пору и работные люди работали неленосно и без роптания, чтоб.. от трудов их являлись прибыли... На работу работников возбуждать и нарежать, яко сущих наемников, неослабно»; для наблюдения за работами ездить по вотчинам; виновных наказывать: «овых шелепами, других же сажением в чепи и железа»; смотреть за монастырскими мельницами; охранять земельные права монастыря; переписать монастырский скот; приход и расход денег и ценностей подтверждать записями; следить, чтоб никто не курил вина; в долг никому не давать; скот чистить, коней никуда на сторону не давать; беречься от пожарного случая; вести рыбный промысел; учинить при монастыре училище; самому строителю «содержать мерность и от не свойственных и неумеренных поступок, а паче нетрезвенного жития весьма блюстися»; дела, подлежащие тайности, не разглашать (Фонд 482, арх. № 9).

Такова инструкция отцу строителю монастыря, мешанина наставлений предпринимателя — доверенному, помещика — бурмистру, воеводы — приказчику.

При самом монастыре по описи 1752 года находились церковь во имя Троицы о трех главах, с двумя приделами, церковь во имя богородицы Владимирской, церковь во имя предтечи Иоанна, о 10 главах, деревянная колокольня с 7 колоколами. Вокруг церквей шла ограда, «забирана в столбы заплотом», в ограду вели «двои врата с образами». В ограде же располагались кельи: игуменская, казенная (канцелярия), иеромонашеская, келарская, больнишная, монашеская. Здесь же размещалось 5 амбаров, в которых хранился урожай 1752 года в количестве 10450 пудов.

За монастырской оградой «на холостом дворце» находилось 3 избы, в двух жили вкладчики, в одной — работники. При избах состоял конный двор, где содержалось 73 лошади. Тут же находилась кузница.

Монастырь владел шестью заимками, лежавшими в пределах Киренской волости, и двумя заимками, находившимися в Иркутском уезде.

Всего у монастыря в 1752 году имелось 760 голов разного скота, хранилось в амбарах 23000 пудов хлеба.

Главная церковь монастыря — «во имя живоначальная Троицы» сгорела в 1757 году, и на следующий год монастырь получил разрешение строить вместо нее новую церковь (Фонд 482, арх. № 22).

С 1759 года началось строительство монастыря заново, рядом со старыми постройками. Была возведена новая тесаная ограда «с крышкою четверугольною; на каждом угле по единой тесаной же башне... между которою оградю на воротах об одном престоле церковь, внутрь ограды». В церкви еще не были закончены иконописные работы. В новой ограде строились церковь, келарская, «хлебная поварня», погреб, казенная келья, братские кельи на 20 покоев и настоятельская келья «о двух партаментах».

В 1761 году строитель Вениамин уже доносил, что «моим всегдашним радением» он возвел вокруг монастыря новую тесаную ограду с башнями на всех четырех углах. На воротах «от южной стены» была построена надвратная церковь «во имя Алексия человека божия». У северной стены начато было строительство церкви, трапезы, келарской, хлебной поварни и погребов, у западной стены — разных келий (Фонд 482, арх. № 27).

Полная опись хозяйства Киренского Троицкого монастыря была составлена в 1762 году по требованию илимского воеводы Шарыгина.

Сам монастырь, согласно этой описи, находился в 250 саженьях от Киренского острога, т. е. от укрепления, и был обнесен деревянной оградой, в то время уже весьма ветхой. Внутри ограды располагались церковь, келья келарская и 9 «келей братских».

На шести заимках у монастыря было 299 десятин пахотной земли и покосов на 13900 копен. Вкладчиков и крестьян, положенных в подушный оклад, числилось 225 душ муж. пола.

Монастырь имел в то время три больших мельницы, кузницу и кожевню.

Одновременно второй монастырь, расположенный в Илимском уезде, — Братская Спасская пустынь, составил такую же ведомость, как и Киренский.

Иеромонах Вениамин Скорняков сообщил, что в ограде монастыря имеется церковь, 3 кельи и 9 хлебных амбаров. За оградой помещались: «изба столовая, у которой двор конской», изба скотская с притонами, «овин з гуменником и пригонами».

При пустыне имелось 7 десятин пахотной земли и покосов на 700 копен. Сверх того в д. Короевской и «на Московском острову» имелись оброчные пашни и сенокосы. Монастырь имел две мельницы, в том числе одну в совместном владении с крестьянином Пневым.

Данные о наемной рабочей силе сохранились ТОЛЬКО по Киренскому Троицкому монастырю.

Ведя значительное сельское хозяйство, этот монастырь широко эксплуатировал труд крестьян-половников, монастырских вкладчиков и наемных рабочих. Крестьяне-половники давали монастырю сравнительно скромный доход, вкладчики были заняты преимущественно на разных хозяйственных и вспомогательных работах, а также обслуживали скот. Зато почти все полевые работы, а также большинство хозяйственных и строительных работ осуществлялись наемным трудом.

Типичные данные об использовании труда вкладчиков и членов их семей имеются в одном деле 1754 года (Фонд 482, арх. № 15). Так, один вкладчик находится «в казначейском послушании на монастырском хлебе и платном жалованье». Другой, из половников, «служит ежегодную годовую службу на монастырских хлебах без жалования». Третий — «в подкеларшиках», служащий монастыря. Его жена «живет на коровьем дворе, коров доит, а в лето сено гребет и жнет». Она получала в год 20 пудов ржаной муки, 4 пуда пшеницы, 36 фунтов крупы, 24 фунта соли и денежное жалование. Один сын был скотником и пастухом, а дети, возрастом 2, 9 и 13 лет «за малолетством ничего не трудятся, хлеба и жалованья не получают». Такие же сведения даются еще о 6 лицах.

При Ангинской и Толсто-Мысской заимках, находившихся в Иркутском уезде, жило 45 вкладчиков и их детей, а также 10 постоянных рабочих-батраков. Вкладчики исполняли всевозможные сельскохозяйственные работы: «призирает за коровницами», «обретается в наемной работе», «по лету на страду ходит, а в зиме коров доит», «наряжает наемных работников и сани починивает», «обретается в мельниках ис платы 10 рублей». Одна 11-летняя дочь вкладчика «в лете боронит, а в зиме за малолетством не трудится». Вкладчик Барсуковских пасет конский табун за жену свою, за вклад, 4 года», т. е. отрабатывает вклад за жену, вкладчик Комышев собирал с крестьян выделной хлеб. Вкладчики давали монастырю низших служащих, надзирателей, скотников, хлебопек, мельников и просто рабочих, мало чем отличавшихся от батраков.

Упомянутые 10 работников, «которые работают ис платы, токмо пьют, ядят монастырское, а работают — дрова секут, пашню пашут, сено косят, хлеб снимают и молотят», получали в год по 11-13 рублей деньгами.

Вкладчиком становилось лицо, внесшее в монастырь вклад в размере 20 рублей и за это приобретающее химерическое право — быть записанным после смерти в поминальную книгу.

В действительности вкладчик являлся пожизненным работником, если не сказать — батраком монастыря.

Едва ли не все вкладчики в прошлом были гулящими людьми. При производстве второй ревизии в 1745 году были взяты показания от всех вкладчиков о их прошлом социальном состоянии.

Первым допрашивался вкладчик Ярыгин, происходивший из г. Яренска. В 1728 году он был взят в партию якутского казачьего головы Шестакова, но «по свидетельству» в Якутске оказался негодным «за старостью»; тогда уже он достиг преклонного возраста — 73 лет. Затем он 4 года прожил в Якутском Спасском монастыре, «в коем заработал он работою своею вкладу 20 рублей». Это давало ему право жить и работать на монастырь в Тыптинской заимке. Перед комиссией стоял старик 90 лет. Он предъявил вкладную монастыря, которая гласила:

«По милости господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа нерукотворенного образа и преподобнаго Михаила Малеина, что в Якуцку, зовомый Спасской монастырь, и того монастыря при отце игумене Паисие, при казначее монахе Христофоре Аникове, при подкеларщике монахе Самуиле Шарыпове и при всей еже о Христе братии дана сия вкладная илгинскому жителю Ивану Иванову сыну Ярыгину в том, что по обещанию ево, Ивана, за вклад — за 20 рублей — работою своею в Захаровской Спасской заимке на спасской лопоте 5 годов, с 734 году по сей 739 год. И как он, Иван, за оной свой вклад к нам во оной монастырь придет, и нам ево, Ивана, принять. А живучи ему, вкладчику, в том нашем монастыре, пити и ясти и платье и обувь носить монастырское, казенное, по чину монастырскому. Отцу игумену Паисию или кто впредь по нас будут настоятели и братия — быть ему, вкладчику Ивану, в трудах по силе и в послушании, как и протчии вкладчики трудятца. А ежели исполнит господь бог лет живота его и представит его на вечный покой — и нам его тело погребсти при церкви божии со отпеванием, имя его в литию и в синодик написать и поминать, доколь святая обитель возмееется (в других вкладных: «...и поминать за упокой вечно по монастырскому обыкновению, доколе благословит бог своей обители сей стоять»). В том ему, вкладчику Ивану Ярыгину, во уверение за монастырской печатью и за приписанием руки всечестнаго отца игумена Паисия и вкладная дадися» (Фонд 75, опись 2, арх. № 399, лл. 1-2).

На вкладной остались следы печати.

Всего было допрошено 35 вкладчиков Якутского и 10 вкладчиков Киренского монастырей. Все они вышли из северных уездов Руси, значит, не были крепостными. Из 45 человек 26 являлись в прошлом крестьянами, 8 — посадскими, 6 — служилыми и разночинцами. Об остальных пяти нет

достоверных сведений. Основная часть вкладчиков имела 30-50 лет от роду, т. е. представляла рабочую силу монастырских заимок, и только 14 человек были старше 50 лет.

Двое из вкладчиков ушли с родины до 1700 года, т. е. за 45 лет до второй ревизии, трое в 1701-1710 годах, пятеро в 1711-1720 годах, 14 человек в 1721-1730 годах и 16 человек в 1731-1740 годах. О времени ухода с родины 5 вкладчиков сведений нет.

Многие ушли с прежнего места жительства по паспортам, но затем просрочили их, решив остаться в Сибири навсегда. При допросах 30 человек предъявили старые паспорта, иногда с многочисленными отметками о явках. Например, посадский Оболкин был отпущен из Яренска в 1729 году с паспортом «для прокормления». На обороте паспорта имеются отметки: «явлен» в Соли Камской, в Верхотурье, в Тобольске, в Самаровом Яме, в Сургуте. В Тыптинской заимке «работал 2 лета.. на своей лопоте со строшными вряд всякую работу за себя, за вклад, за 20 рублей», здесь он женился, здесь у него родились две дочери. Паспорт Рогалева имел 7 отметок.

9 вкладчиков были женатыми, а некоторые из них много-семейными.

24 человека внесли в монастырь полный 20-рублевый вклад, в том числе несколько человек за себя и за жену. 10 человек имели неполный оклад и отработывали его в монастырских заимках, остальные 11 человек только еще готовились произвести с монастырями расчеты по вкладам.

Вклад мог вноситься любыми ценностями или отработываться личным трудом, с зачетом 10 рублей за год работы. Это была обычная плата батрака.

Из 45 человек 11 свой вклад отработали, 11 — внесли деньгами, другие всякими ценностями. Один отдал за 15 рублей 67 пудов железа, другой — 100 пудов хлеба за 20-рублевый вклад, третий — 929 пудов соли по 1 копейке за пуд, четвертый передал монастырю коня, пятый сдал $6\frac{1}{4}$ пуда слюды, шестой расплатился разными товарами.

Многие гулящие люди, прежде чем остановить свой бег у ворот монастырской заимки, испробовали на просторах Сибири самые разнородные занятия. Кто батрачил по 7-10 лет у иркутского священника или илгинского попа Луки, кто первые 10 лет работал у крестьянина Идинского острога, а вторые 10 лет — у посадского человека, кто ходил 4 года подряд на Байкал-море «для рыбного промыслу», кто скитался «нищенским образом» или изведывал трудности слюдяного промысла, кто просто «питался работой» или торговал мелочью, кто бежал с судов Шпанберха, или строил в течение 6 лет корабли для Беринга, куда был «взят сильно», кто «ходил для торгу на Камчатку к камчадалам» или пытал

счастье на промыслах по Тунгуске реке. Различными путями судьба подвела этот разнородный, работающий и предприимчивый люд к положению монастырского вкладчика, которого духовные пастыри обязывались за труды и вклад «погребсти» с церковным пением.

Обращаемся к наемной рабочей силе Киренского монастыря.

Обработка книг монастырского казначея даст много ценного для изучения наемного труда, применявшегося монастырем как в сельском хозяйстве, так и на разных других работах.

За 1742 год израсходовано деньгами на оплату наемных рабочих 734 руб. 97 коп., из них сроковым рабочим выплачено 184 руб. 85 коп. В числе сроковых имелось 17 годовых, со средней оплатой 10 рублей в год, 3 постоянных летних и 2 «зимних». Это — батраки.

Другие работники нанимались на короткие сроки. По сеноуборочным работам выплачено 231 руб. 70 коп., по 3 копейки за копну. Следовательно, наемной рабочей силой монастырь заготовил 7-8000 копен сена.

На жнитво и молотьбу хлеба израсходовано 50 руб. 38 коп., по 3 копейки за овин.

Строительные работы, которые вела артель плотников в составе 20 человек, обошлись монастырю в 189 руб. 81 коп.

Было много мелких расходов, свидетельствующих о разнообразной хозяйственной деятельности монастыря. Казначей платил рабочим за выделку овчин и сыромяти, за толчение дуба, за шитье хомути, коновалу, который «лехчил» 6 жеребцов (по 14 копеек с головы) и 25 бычков (по 1 копейке с головы), за рубку и возку дров, вывоз «назьму» или «за наземную работу», «за оральбу», т. е. вспашку, за рубку леса — «ронил 300 заплотнику» и просто «за черную работу». Не упущен расход на духовные нужды: 10 копеек священнику «за молитву» и «священникам монастырским и повоскому (с погоста) за славление» — 20 копеек (Фонд 482, арх. № 5).

По Ангинской заимке в 1744 году записан расход на квас и пиво, которые варились «на помочь жнитвенную», всего затрачено 56 пудов ржаной муки и 33 фунта хмелю. Там же выдано «за жнитвенную работу и... за полчетверты (3½) десятины по 4 пуда з десятины, итого 14 пуд ржи» (Фонд 482, арх. № 3).

Применение «помочи», т. е. приглашение на однодневную уборочную работу окрестных крестьян за угощение и выпивку, являлось излюбленным средством кулаков быстро и дешево закончить с срочными полевыми работами.

Всего в 1744 году было заплачено рабочим 845 руб. 39 коп., в том числе 18 годовым батракам 188 руб. 50 коп. и

трем «зимним» 17 руб. 25 коп. Но наибольший расход был произведен по найму поденщиков: на сенокосе 523 руб. 65 коп. и на жнитве 29 руб. 85 коп. Оплата остальных работ — в кожевне, на мельнице, за мятые конопля, за возку навоза и боронование («вышло в монастыре и на заимках в лето ребятам за бороньбу и за воску назему и копен»), а также «за гуменную молотьбу», — потребовала немного более $\frac{1}{10}$ всех денежных расходов монастыря (Фонд 482, арх. № 7).

В следующем году оплата наемного труда составила 770 руб. 98 коп., из них выдано 14 сроковым рабочим 147 руб. 43 коп., по сеноуборке затрачено 480 руб. 49 коп. Кроме того, поденщикам, без указания рода работы, выплачено 73 руб. 68 коп. Книга этого года позволяет установить размер оплаты ряда рабочих. Поденщику «за 10 ден» выплачено 40 копеек, значит, по 4 копейки в день. Крестьянину, который «орал», за 9 дней выплатили по 5 копеек, другому за 9 дней заплатили 51 копейку. За жатву в течение дня 40 рабочим выплачено 2 руб. 30 коп., т. е. по $5\frac{3}{4}$ копейки. В другом случае за жатву $8\frac{1}{2}$ десятины заплачено 9 руб. 8 коп., значит, по 1 руб. 7 коп. за десятину. На жнитво одной десятины было затрачено 18,6 человеко-дня. Можно отметить несколько выплат за вывозку навоза; об одном из них сказано так: «повосским 13 ребятам за воску назьму». На жнитве заплатили одному монаху 35 копеек; 54 «трудникам» вместо холста выдали деньгами 37 руб. 67 коп.

Среди расходных записей встречается и такая, правда, не относящаяся к производственным расходам монастыря: «В бытность из Ылимска канцелярской ревизии господам офицерам в презент и на протчия всякия потребности» выплачено 29 руб. 50 коп. Это цена зарегистрированных взяток (Фонд 482, арх. № 8).

Следующая сохранившаяся книга монастырского казначея относится к 1752 году. По ней можно в большей степени, чем по другим книгам, установить цену рабочей силы. Всего за год было выплачено наемным рабочим 751 руб. 55 коп.; из них «за годовую строшную работу» 33 батракам, часть из которых использовалась монастырем неполное годовое время, выплачено 286 руб. 3 коп. Если прибавить сюда оплату кузнецу — 5 руб. 34 коп. и мельнику — 20 руб., то этим и будут исчерпаны расходы на постоянную рабочую силу. Все остальные выплаты сделаны сроковым, главным образом поденным рабочим. Опять главный расход денег пошел на сеноуборку — 353 руб. 25 коп. и жатву хлеба — 78 руб. 21 коп.

«Строшным» работникам, занятым в хозяйстве монастыря не круглый год, выдавалась месячная плата в размере 70-86 копеек. Поденщикам, занятым на простых работах,

платили 2 копейки в день, например, по возке копен и навоза («возили назем»). На более сложных работах выплачивалось по 3 копейки в день. Гребцы сена зарабатывали по 5 копеек в день. Разгребание навоза и мятые конопля оплачивались по 6 копеек в день.

На сеноуборке применялись разные способы оплаты: «поставка сена», т. е. косьба, сгребание и скирдование сена — по 3 копейки за копну; косьба сена оплачивалась повременно, по 1 рублю за неделю; на гребле сена встречалась преимущественно поденная оплата — по 5 копеек за день. Всего по сеноуборочным работам расчет произведен с 167 лицами. Из них на кошении было занято 60, на сгребании 58 и на «поставке сена» 49 человек. Всего наемными рабочими поставлено в 1752 году 14165 копен сена, из которых 7550 копен оплачено понедельно, а 6615 копен «за поставку сена» оплачено с копны.

Жнитво хлеба оплачивалось подесятинно. За уборку одной десятины платили 1 руб. 20 коп. (расчет с 51 рабочим) и 1 руб. 15 коп. (расчет с 6 рабочими). Всего на уборку хлебов монастырь привлек 57 рабочих, которые сжали, связали и составили в суслоны урожай с 63½ десятины. Общий заработок этих рабочих составил 75 руб. 61 коп., или по 1 руб. 33 коп. на человека (Фонд 482, арх. № 15).

Значит, монастырь в 1752 году имел 35 батраков, небольшая часть которых использовалась в течение нескольких месяцев, и 224 поденщика, занятых по 1-2 недели на уборочных работах.

Размеры оплаты рабочих на уборке хлеба и сена довольно подробно отражены в «Черной (черновой) книге» казначея монастыря за 1762 год (Фонд 482, арх. № 28).

На жнитве были заняты исключительно женщины с поденной оплатой по 6 копеек. Вот типичная полная запись казначея: «Выдано разного чина женскому полу за жнитво поденное ярового хлеба при Бочкаревской заимке, 20 женкам. Жали один день. Каждой по шти копеек на день, итого всех денег отдано рубль двадцать копеек». Выдано женщинам-жницам 11 руб. 10 коп., значит, за 185 поденщин. Всего сделано со жницами 9 расчетов; видимо, женщины работали артелями в 15-20 человек, так как в книге отражен групповой расчет.

Встречается, но редко, подесятинная оплата жнитва, в размере 80 копеек, т. е. более низкая, чем в предшествующие годы.

На уборке сена применялась понедельная оплата; «понедельщику» платили по 80-90 копеек в неделю, т. е. опять-таки меньше, чем 10 лет перед этим. При расчетах за поставку сена упоминается название «посотчик». Происхождение и значение этого слова становится понятным из расчета с

12 крестьянами-посотчиками, которые поставили 1138 «мерных» копен по 3 рубля «за каждое сто», получив 34 руб. 14 коп. Значит, посотчик — это работник, с которым расчет производится за каждую сотню, здесь — за сотню поставленных копен. Таким посотчикам выдано в 1762 году 47 руб. 55 коп.; следовательно, считая цену поставки 100 копен в 3 рубля, или копны в 3 копейки, можно установить, что было заготовлено 1585 копен.

На сгребание сена привлекались только женщины. Им выплачено 2 руб. 75 коп., т. е. за 55 поденщин, если считать, что на этой работе женщина зарабатывала по 5 копеек в день.

Поденные рабочие, кроме денежной платы, пользовались монастырской пищей. Батраки, или «годовые строшные», кроме обусловленной платы и пищи, пользовались от монастыря пристанищем и, вероятно, некоторой одеждой, как это было принято и у крестьян, нанимавших сроковых работников.

Монастырь никогда не регистрировал своих соглашений с рабочими в крепостной книге илимской воеводской канцелярии. Единственными документами, несколько подробнее освещающими условия найма, являются черновики соглашения монастыря с хлебопеком и годовым «строшным».

Федор Еланцов 23 апреля 1740 г. подрядился при казначее монахе Лаврентии «в строк на год, до того ж числа стряпать в хлебне на братию и петчи хлеб на монахов и на бельцов и на рабочих людей. А жить ему всяким добром, не пить и не бражничать, по пустому не гулять и келарного старца во всем слушать и не огуряться. А за работу ряжено ему денег 10 рублей, холсту 6 аршин, чарки (обувь), аршин сукна, рукавицы с варегами. А наперед дано ему денег 2 рубли» (Фонд 482, арх. № 3).

Возможно, что соглашение не вступило в силу, так как черновик его перечеркнут.

Другое соглашение, может быть тоже оставшееся проектом, помечено 2 ноября 1744 г. Некто Иван Грудина «нанялся в строк в годовой» за 12 рублей. «А робить ему всякая черная деревенская работа. А жить ему в монастыре или на заимке; посельщиков и нарядчиков слушать. А наперед дано ему денег 2 рубли» (там же).

Из первого соглашения видно, что хлеб выпекался и на рабочих.

Впрочем, можно иным способом установить, что работник получал питание от монастыря; достаточно просмотреть расходные книги монастыря по хлебу.

Например, в 1740 году на Хабаровской заимке израсходовано на еду 686 пудов ржаного хлеба, 148 пудов пшеничного и 37 пудов круп. В числе этого хлеба 108 пудов «вышло

на изжень», т. е. во время жатвы. На Макаровской заимке в 1741 году выдано много хлеба и мяса на питание рабочим: «в сенокос вышло понедельщикам 90 пуд, на изжень вышло 100 пуд». Постоянным рабочим выдавалось кое-что из одежды, так как в книгах отражен расход сукна, овчин и чирков (в 1744 году — 185 пар «чарков»).

Таков облик захолустного монастырского хозяйства. Отцы монахи сумели ловко связать разные способы эксплуатации человека в сложный и крепкий узел. Они умножали доходы монастыря, пользуясь и средневековыми приемами обогащения в виде даров и вкладных, поступавших от верующих, и крепостническим закабалением половников и вкладчиков, и не гнушались кулацкой эксплуатацией батраков.

Монастырское хозяйство в Предбайкалье являлось носителем наиболее полно выраженных крепостнических отношений. В то же время в условиях крепостничества монастырское хозяйство оказывалось средоточием развитых буржуазных отношений.

Пользуясь без помехи всеми способами накопления богатств, оберегаемые законом от фиска, монастыри к середине XVIII века достигли в своей хозяйственной деятельности наивысших успехов.

Но для вотчин монастырей уже бил урочный час.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ МОНАСТЫРСКИХ ВОТЧИН

Беспрерывное увеличение богатства монастырей и рост их землевладения противоречили экономическим интересам империи. Но сложные политические соображения долго удерживали правительство от решительного шага по ограничению монастырского землевладения.

Судьбе угодно было, чтобы первый указ о секуляризации монастырских имений был дан Петром III.

В печатных указах 16 февраля и 21 марта 1762 г. Петр III, напомнив, что еще его тетка Елизавета Петровна велела для управления монастырскими вотчинами поставить особых офицеров, определил учредить для управления синодальными, архиерейскими, монастырскими, соборными, церковными и пустынночными вотчинами коллегия Экономии под ведомством Сената. Коллегия должна была «для управления... и для ж защищения крестьян от всяких обид» послать в губернии и провинции штаб-офицеров, а всех монастырских управителей от дел отстранить. С монастырских крестьян Петр III велел взимать, начиная со 2-й половины 1762 года, подушные деньги, как и с государственных крестьян, отменив все обязанности крестьян по отношению к монастырям.

Земли, которые пахали монастырские крестьяне на церковников, было приказано отдать крестьянам, а другие монастырские земли и оброчные статьи — сдавать им в аренду. Все прежние дела об ослушности и «противности» крестьян монастырям, равно как и дела по жалобам крестьян на церковников, было велено отставить и уничтожить. Монастыри с этого времени должны были получать содержание от государства из подушных денег, собираемых с монастырских крестьян (Фонд 75, опись 2, арх. № 959, лл. 4-10).

Иркутская канцелярия направляет 19 июня 1762 г. в Илимск курьера с указом Сената об упразднении монастырских вотчин и об учреждении коллегии Экономии. Иркутская канцелярия распорядилась — пока не прибудет в Илимск офицер этой коллегии — «надлежащее смотрение и распоряжение (над монастырским имуществом в Илимске) чинить самому воеводе ассесору Шарыгину» (Фонд 75, арх. № 2690, лл. 2, 182).

Император Петр III был уже свергнут, а илимская воеводская канцелярия только еще готовилась исполнить его указ. 26 июля илимский воевода Шарыгин, выезжая в Киренский Троицкий монастырь, оставляет заместителю указ — как ему поступать «по отбытии моем, воеводы, из Илимска для того смотрения и распоряжения монастыря заимок» (там же, л. 14). В монастыри и приказные избы Илимского уезда рассылаются указы об отобрании от монастырей их вотчин.

Если отвлечься от того, что воевода Шарыгин воспринял указ Иркутска о своих новых обязанностях как дело, на котором можно было хорошо пожить, то в общем его поездка в Киренский монастырь дает исследователю много ценных материалов. Шарыгин приказал снять копии со всех документов, на основании которых монастырь владел землями и разными доходными статьями. Таких документов оказалось 35; они относились, главным образом, к «данным» XVII века и впоследствии все погибли. А копии, собранные Шарыгиным, все сохранились (Фонд 75, арх. № 2690, лл. 15-68).

Ниже излагается содержание наиболее важных из этих, столь случайно сохранившихся памятников.

Первая «даная» относится к 1652 году и содержит отвод земли, произведенный по приказу воеводы Оладына «пашенных крестьян прикащику Василью Скоблевскому» за денежное и хлебное жалование.

Но Скоблевский недолго владел отведенными ему угодиями. «11 марта 7167 (1658) года в съезжей избе бил челом стряпчему и воеводе Петру Андреевичу Бунакову Василей Скоблевской:

«...И тое де деревню, нем он, Василий, владел, по обещанию отдал к церкви... для воску и фимиану и для всякого церковного строения ввек безденежно».

Это был первый случай в Илимском воеводстве, когда земли переходили в руки церковников. Через несколько лет, в 1663 году, возник Киренский Троицкий монастырь и включил в свои вотчины деревню Скоблевскую и вокруг нее начал усиленно прибирать все окрестные пространства.

В год основания монастыря пашенный крестьянин Аксамитов продал «Усть-Киренского новаго Троицкаго монастыря строителю черному попу Ермогену» свой двор за 190 рублей, стоявший на устье р. Киренги. Двор и земли носили название Бочкаревской заимки. В следующем году воевода Обухов велел монастырю владеть этими землями «безданно и безоброчно».

В 1665 году вкладчик и «черной поп Ермоген» просили воеводу отвести монастырю вверх по р. Киренге «лушки под хлебную пашню» вплоть до р. Кутимы. Они при этом ссылались на то, что в 1663 году построили в монастыре часовню и кельи, «а сытым де им быть нечем». На основании этой просьбы монастырю было отдано 50 десятин пахотной земли и сенокосы на 500 копен, «да под поскотину плохих наволочных и болотных мест на 10 десятин» (л. 26).

Этим актом за монастырем в действительности закреплялись все земли по обеим сторонам р. Киренги, на 100 верст от ее устья и до впадения в нее р. Кутимы.

Далее монастырь начинает овладевать имуществом и землями Ярофея Хабарова. Церковники с большим искусством используют религиозные чувства Хабарова, усилившиеся, надо полагать, к концу жизни землепроходца.

«Се аз, Илимского острогу сын боярской Ярафей Павлов сын Хабаров, дал еси сию прикладную память на великой реке Лене в Усть-Киренской Троецкой монастырь...», — так начинается первая отводная, помеченная 11 ноября 7174 (1665) года, к которой «Ярафийко Хабаров руку приложил», и так будут начинаться последующие документы, в силу которых монастырь постепенно становился владельцем имений Хабарова.

По первой «прикладной памяти» Хабаров «приложил» монастырю Панфиловскую мельницу «против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною рекою на речке Тихтилячихе». Мельница стоила 1000 рублей, и Хабаров взял с монастыря только 100 рублей и 5 «вкладных». Правда, Ярофею удалось выговорить еще два условия: «на той мельнице молоть по смерть мою запас с своей пахоты... безденежно. А меня, Ярафея, поминать вечным поминанием, по смерть мою записать в литию и в синодик».

Монастырь вступал во владение мельницей в том же году «с Николина дни вешнего».

Документ заканчивается следующим заверением Хабарова: «А мне, Ярафею, после сроку (Николина дня) до той мельницы, опроче своево молотья, дела нет никоторыми делы, ни детям моим, ни вну-чам, ни племянникам, ни роду моему, ни племени».

Через полтора года наступила очередь Хабаровской заимки. 25 июня 1667 года Хабаров дал «память» старцам монастыря «з братьею»: «в нынешнем во 175-ом году поезжаю я, Ярофей, с усть Киренги к Москве великих государей за казною. А остается у меня, Ярафея, на усть Киренги реки прежняя моя роспаханная земля и половников моих роспашь на Киренском лугу — Байдоновская и Русковская заимки и мое поставление — двор и хоромы и всякое строение и сенные покосы и рыбные ловли».

В «памяти» указываются границы заимки.

«И буди мне, Ярофею, судом Божиим смерть случитца, им, старцам и всей братии, тою моею заимкою... владеть и душу мою Ярофееву и жены моей Василисы и родителей моих поминать, опричь насеяного хлеба и медной посуды и железного заводу, скота... лошадей и коров».

Старцы обещали Хабарову за его заимку «постричь у себя в монастыре 5 человек нищих, убогих людей... Да с той же заимки давать по вся годы старицам на корм по пятидесят пуд ржаные муки».

Такова была «память» Хабарова. «А у сей памяти сидели торговые люди...» (идет перечень трех лиц).

Смерть Хабарова вводила монастырь во владение его заимкой. 9 февраля 1671 г. монахи Троицкого монастыря писали воеводе Аничкову, что заимку Хабаров завещал монастырю. «А ныне он, Ярафей, умер» и, следовательно, нужно его заимку передать новому владельцу. И воевода исполняет желание монахов.

В этом же деле имеются поступные и других лиц: на кутолакскую мельницу, на Фочкинскую землю (пашенного крестьянина Фочки Григорьева), лежавшую «против Красного щелья», на Макаровскую заимку и др.

Здесь приведены выдержки лишь из небольшой части документов Киренского Троицкого монастыря, удостоверявших его право на владение землями и постройками. Все эти документы сохранились только в копиях. В частности, этим и объясняется, почему имя Хабарова писалось то «Ярофей», то «Ярафей». Последнее написание было принято самим Хабаровым.

Еще воевода Шарыгин описывал Киренский Троицкий монастырь, а уже Екатерина II отменила указ Петра III об отображении монастырских вотчин. По указу, напечатанному

14 августа того же 1762 года, было велено отобранные имения вернуть монастырям и церквям. Новая императрица угодливо выполнила пожелание церкви и вновь вернула в прежнюю кабалу миллионы крестьян. В указе лицемерно говорилось, что монастыри и церкви должны «с крестьянами поступать благоумеренно и никакими излишними зборами и ненужными, или к одному только увеселению властей служащими, работами и строениями не изнурять. Так и крестьянам до будущего о них лутчего учреждения, духовным властям быть послушным». Коллегия Экономии упразднялась, но рублевый сбор сохранялся, и архиереи могли в счет этого платежа привлекать крестьян к работам «без отягчения». Белому духовенству также разрешалось заводить имения, «однакож без отягощения крестьян» (Фонд 75, опись 2, арх. №№ 941, 959, лл. 13-14 и 19-20).

Имущество монастырей Илимского уезда, описанное воеводой и переданное для сохранения выборным от крестьян лицам, возвращается согласно указу Екатерины II их прежним владельцам.

Сохранилась опись возвращенного имущества Братской Спаской пустыни (Фонд 75, арх. № 722, лл. 222-227).

Илимские крестьяне равнодушно относились к исчезновению экономического оплота их духовных отцов. Но монастырские крестьяне были довольны своим освобождением от власти церковных помещиков. Местами монастырские крестьяне оказали неповиновение властям, когда их передавали прежним владельцам. Об этом свидетельствует печатный указ Екатерины II от 10 января 1763 года (Фонд 75, опись 2, арх. № 998, л. 12).

Но жизнь очень быстро заставила императрицу вернуться к акту Петра III.

21 мая 1763 г. печатается указ об установлении «особливой коллегии Экономии духовных имений» (Фонд 75, опись 2, арх. № 998, л. 59), а 29 февраля 1764 г. — указ о передаче всех вотчин церковников в коллегию Экономии. Указ отмечает, что по последней ревизии оказалось архиерейских, монастырских и церковных крестьян 910866 душ муж. пола и что управление столь большим числом крестьян было беспорядочное, для церковников тягостное, а для крестьян разорительное. По этому же указу вводилось денежное обложение бывших монастырских крестьян, по 1½ рубля с души (Фонд 75, опись 2, арх. № 1044, лл. 2-5).

Осенью того же года илимский воевода Шарыгин снова выезжает в монастырские вотчины и производит описание имущества и земель, подлежащих передаче крестьянам. В деревне Захаровской навигацкие ученики произвели при нем обмер земли, которой оказалось 120 десятин. Земля передается 4 крестьянам-половникам (там же, лл. 12-14).

Воевода Шарыгин еще раз отправляется в Киренский Троицкий монастырь в апреле 1765 года. С ним выехали для обмера монастырских земель и для отвода крестьянам 30-десятинных наделов навигацкие ученики Иван Михалев, Иван Лосев и один «копеист» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1068, лл. 27-29).

Навигацкие ученики намерили 502½ десятины пахотной и 381¾ десятины сенокосной земли и отмежевали ее 37 крестьянским дворам, придерживаясь надела в 15 десятин пашни и 15 десятин сенокоса на двор.

Земля не была дана тем вкладчикам, которые находились в монастырском услужении, а также престарелым и больным. О последних говорилось: «за старостию впредь владеть не может» или — «за убожеством их владеть самим собою нечем».

Таким образом, все земли монастыря были отданы крестьянам и некоторой части вкладчиков.

Но у монастыря имелось разное имущество, связанное с ведением сельского хозяйства — скот, хлеб и инвентарь.

Для описи хозяйственного имущества в Киренский монастырь был послан из Иркутска прапорщик Павлуцкий, а продажу осуществил прапорщик илимской команды Хабаров (Фонд 75, арх. № 2850, лл. 2-243).

Хабаров приехал в Киренск 19 июля 1765 г. и стал принимать скот по описи Павлуцкого. Но оказалось, что вместо 750 голов крупного рогатого скота осталось только 406 голов. Все овцы, записанные в опись в числе 86 голов, неизвестно куда исчезли. О качестве скота Хабаров заметил: «Скот весьма сух и инной едва в продажу способен, да к тому ж и мелок. А большего добродородного скота не имеется».

По поводу нехватки скота монастырь дал справку, что с 22 марта 1764 г. по 1 августа 1765 г. продано 192 «скотины» за 351 руб. 95 коп., 130 овец и баранов за 35 руб. 50 коп. и 11 свиней за 6 руб. 20 коп.

Кроме того, убито на еду «от обычаю монастырского издревле прежних настоятелей» 120 голов крупного рогатого скота, 158 баранов и овец и 43 свиньи. Мясо пошло на питание вкладчиков и рабочих людей. Монастырь тут же объяснил, зачем привлекались к работе эти люди.

Кроме проданного и забитого скота, «пало от воли божией и от недостатку сена» 96 голов, «черным зверем съедено» 36 голов, «зеленою травю, называемой омегом, объелось» 55 голов, пало 35 овец и баранов (лл. 91-93). Вряд ли в этих показаниях было хотя в половину правды.

За проданный скот монастырь отдал Хабарову 403 руб. 65 коп. Сам Хабаров продал оставшийся скот. Средняя цена проданного прапорщиком скота составила 83 копейки за голову. Коровы продавались по 1 руб. 20 коп.-1 руб. 70 коп.,

а в отдельных случаях и по 1 рублю. Быки продавались по 1 руб. 85 коп.-2 руб., а несколько голов и по 80 копеек. Молодняк пошел по 20-50 копеек за голову.

Даже по ценам того времени скот продавался задешево. Казне важно было распродать скот быстро, и поэтому при массовой продаже она получила в 3-5 раз меньше действительной стоимости скота.

Но для местного населения продажа монастырского добра по бросовым ценам оказалась своего рода неожиданным подарком. Крестьяне купили 201 голову, вдовы — 21, подьячие и канцеляристы — 17, духовенство — 79, посадские и разночинцы — 65 голов. Некоторые дельцы поднажились на операции, столь бюрократически проведенной казной. Крестьянин Усть-Кутского острога Егор Таюрский купил 54 головы, заплатив 78 руб. 62 коп., пономарь Марковского погоста Косыгин приобрел за 26 руб. 40 коп. целое стадо в 22 головы.

Этот пономарь, несмотря на скромный чин, был крупным богачем. В 1767 году у него украли «окованной приголовок», который находился в сундуке. Там хранилось 1345 рублей денег и «двоерублевые золотые два червонца». Пономарь обратился в суд, но все привлеченные лица «заперлись», и он должен был уплатить судебных пошлин с рубля по гривне — 134 руб. 50 коп., «с суда и пересуду» 20 копеек, «правого десятка» 2 копейки, за бумагу 4 копейки (Фонд 75, арх. № 3066, лл. 1-46).

Одновременно Хабаров продал 59 монастырских лошадей за 171 руб. 50 коп., т. е. в среднем по 2 руб. 92 коп. за лошадь. Действительные цены были тогда по крайней мере впятеро выше этой средней цены.

Крестьяне купили 36 лошадей, разночинцы — 4, канцеляристы — 6, посадские — 4, духовенство — 9 лошадей.

Наконец Хабаров забрал в казну свыше 12000 пудов хлеба и урожай с 55½ десятины посеянной в 1764 году озимой ржи. Для приема и перевешивания хлеба монастырские крестьяне выбрали двух человек, «надежных, годных и неподозрительных».

В Братской Спасской пустыне хлеб был описан в 1766 году сыном боярским Андреем Березовским. Он учел всего 1602 пуда разного хлеба. Кроме того, было намолочено 104 пуда «ис паданного на поле той пустыни хлеба» (Фонд 75, арх. № 2930). Значит, расстройство хозяйства монастыря в связи с ликвидацией вотчин выразилось и в том, что на полях появилась падалица.

Отобранный у монастырей хлеб пошел главным образом на выдачу ссуд местным крестьянам. Уже в год ликвидации монастырского землевладения 46 илимских крестьян попросили займы около 1500 пудов хлеба.

Постройки Братской Спасской пустыни были проданы с торгов в 1769 году. Множество строений образовывали своего рода поместье. Там имелось 6 келий, 9 амбаров, 2 бани, изба, столовая, квасоварня, 9 скотных дворов, телятников и хлебов, гуменник с овинам, кузница, 3 огорода.

Опись дает возможность составить полное представление о типах строительства.

Большая часть построек монастыря была продана за 73 руб. 4½ коп., непроданная часть, стоимостью в 42 руб. 36½ коп., передается на сохранение крестьянскому старосте. И здесь имущество продавалось по очень низким ценам.

Одна келья пошла за 2 руб. 9 коп., другая — за 4 руб. 50 коп., а третья, ветхая, — за 50 копеек. Амбары продавались по 50 копеек, а один пошел даже за 15 копеек. По столь же низким ценам распродался и скот.

В том же году осуществляется продажа лошадей Тыптинской и Захаровской заимок Якутского Спасского монастыря. 16 лошадей, оцененные в 12 руб. 85 коп., пошли с торгов за 17 руб. 55 коп. Например, жеребец «пяти трав» был оценен а в 1 рубль, а продан за 1 руб. 20 коп., кобыла с «селетком», т. е. с жеребенком рождения сего лета, значилась по описи ценой в 80 копеек, а продана за 1 руб. 30 коп.

Почти весь скот был куплен крестьянами.

Оставшаяся земля монастырей после наделения крестьян (по 30 десятин на двор) сдавалась в аренду и считалась оброчной. Мельницы, кузницы и кожевни были также превращены в оброчные статьи казны (Фонд 75, опись 2, арх. № 1198, лл. 6-85).

Так пало эксплуататорское, больше кулацкое, чем вотчинно-крепостническое, хозяйство монастырей Илимского уезда.

После секуляризации монастырских вотчин Киренскому Троицкому монастырю, отнесенному к 3 классу, Синодом был утвержден в 1764 году штат служителей в 12 человек, с годовым окладом в 284 рубля. Игумен получал 150 рублей, остальные от 8 до 22 рублей в год.

Всего на монастырь полагалось расходовать в год до 806 руб. 30 коп. (Фонд 482, арх. № 34).

Расходы эти покрывались из сумм коллегии Экономии, куда деньги поступали от обложения бывших монастырских крестьян. Но практически средства по смете ежегодно отпускала илимская воеводская канцелярия. В приход она заносила подушные сборы с бывших монастырских крестьян и оброчные деньги за аренду земель, мельниц, кузниц, рыбных ловель, принадлежавших ранее монастырям. Например, в 1776 году поступило всего 1022 руб. 37½ коп., оставалось от сборов 1775 года 60 рублей, выдано Киренскому Троицкому монастырю 567 руб. 50 коп., т. е. меньше, чем полага-

лось по смете. Остальные деньги были пересланы в Якутск и Иркутск (Фонд 2, арх. № 127, лл. 1-8).

После ликвидации вотчин монастыри никогда уже не имели того экономического значения, какого они достигли в первой половине XVIII века. Монастыри могли, конечно, и в новых условиях накапливать богатства, но уже не в форме поместий, могли эксплуатировать религиозные чувства населения и даже заниматься предпринимательством, но уже не как феодалы-землевладельцы.

Капиталы монастырей могли увеличиваться путем разных дарений прихожан. Например, в 1791 году вдова илимского крестьянина, умершего «в морском вояже», передала игумену половину ее имущества «для поминовения ево души» (Фонд 9, арх. № 124, л. 1). Капиталы монастырей могли возрастать и путем предпринимательства. Так крестьяне ходили на слюдяной промысел для монастыря «на ево хлебе и харче», получая грошовую оплату (там же, л. 4).

ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ

Все священники и причт Илимского уезда, за исключением причта Спасской соборной церкви Илимского острога, получали доход от верующих.

В 1711 году Сибирский приказ, принимая во внимание, что возле Илимска не имелось удобных пахотных земель, определил в виде исключения («а иным де городам то не в образец») причту Илимской Спасской церкви денежное (из кабацких доходов) и хлебное жалование. Впрочем, в начале XVIII века священник и дьякон этой церкви сумели получить пашню около Илимска за полклода хлебного жалования.

Земля эта долго передавалась от одного священника другому. Такие передачи производились в 1741 и 1746 годах. Видимо, она обрабатывалась спустя рукава и частично была заброшена, так как в завлении одного священника в 1746 году говорится, что земля лежала «лет 40 и уросла лесом» (Фонд 75, арх. № 1392, лл. 59-62).

Земледельческое хозяйство священников обычно не превышало среднего размера крестьянской запашки и нередко велось на основе наемного труда. Но о величине его почти ничего неизвестно, так как оно никогда никаким учетам не подвергалось. Только случайные сведения изредка приоткрывают завесу над этими замкнутыми, не привлекавшими ничьего взора хозяйствами.

Вот судное дело 1732 года. Разбирается жалоба одной женщины, которую бранила другая. Оказывается, дело происходило «на помоче... у барлуцкого священника». Значит,

священник имел немалое земледелие и, пользуясь приемом богатых крестьян, устраивал так называемую помочь, т. е. уборку хлеба крестьянами за угощение (Фонд 75, опись 2, арх. № 103).

Размер оплаты за требы тоже не может быть определен сколько-нибудь точно, несмотря на правительственные регламентации. Чаще всего он определялся соглашением сторон и, значит, мог колебаться в очень широких пределах.

Крестьяне Криволуцкой слободы в 1737 году показали, что церкви у них нет и что состоят они в приходе Киренского острога, «а руги дают... попам, дьячкам и с пономарем купно по семи пуд с каждой десятины» (Фонд 75, опись 2, арх. № 228).

Наверное, для расчета с причтом в основу клалась тяглая десятина. По делам хлебного повытья за 1726 год в этой волости числилось $30\frac{1}{8}$ тяглой десятины. Значит, крестьяне давали причту около 200 пудов хлеба.

В Чечуйском остроге крестьяне руги священникам не платили. Церковнослужители, как сообщал в 1727 году приказчик Воинов, «питаютца доходами», т. е. сборами за требы (Фонд 75, опись 2, арх. № 229).

Такое же сообщение сделали и крестьяне Киренского острога: «Ружных монастырей и церквей и священнослужителей и на жалованье не имеетца», а священники и причт «на потребности употребляют и питаютца от доходов».

Управление хозяйственными делами церкви в пределах прихода вели выборные церковные старосты. Выбор их регламентировался духовными и светскими властями. Из иркутской провинциальной канцелярии 3 апреля 1742 г. сообщали в Илимск, что иркутский архиерейский приказ указал, чтобы «в церковные старосты в каждой деревне приходские люди выбирали погодно, с переменою, добрых людей» (Фонд 75, арх. № 1019, л. 7).

Очевидно, пере выборы церковных старост происходили по предложению духовенства, как показывает письмо священника Илимской Спасской церкви. Он напоминает, что в 1744 году по выбору жителей Илимска был определен посадский Власов «в старосты церковные, також и по силе ея императорского величества указов — для смотру всякого чина людей во время служения святой литургии, ежели кто будет чинить разговоры и шепты творить — о собрании штрафов по рублю с человека, не выпуская из церкви, також для собрания денег в кошелек при служении от доброхотодателей на гошпиталь...» Священник указывает, что срок службы старосты истек, просит его счесть и дать распоряжение о выборе другого (Фонд 75, арх. № 1375, л. 15).

Жизнь высшего духовенства проходила вне поля зрения местных жителей. Лишь изредка архипастыри давали о себе

знать по случайным поводам. Лоренц Ланг 2 мая 1743 г. предлагает поручику Фогользангу пропустить через Усть-Кутскую заставу вещи, которые перевозились к преосвященному Иннокентию, епископу иркутскому и нерчинскому, «без которых его преосвященству в тамошнем отдаленном и неплодном месте обойтись невозможно». Впрочем, Лоренц Ланг предупреждает, чтобы вещи епископа были осмотрены и чтобы не провозилось ничего лишнего против списка. А в списке значилось: вина простого 14 бочек и боченков, 3 бочки китайского табаку, 4 пуда сухарей и 10 пудов воску (Фонд 75, арх. № 1065, лл. 11-12).

Число лиц духовного звания в Илимском уезде было учтено при проведении 2-й ревизии душ муж. пола в 1744-1745 годах. По Илимскому «заказу» Иркутской епархии сведения были составлены «закащиком» священником Лукой Афанасьевым и представлены в воеводскую канцелярию 16 декабря 1745 г. (Фонд 75, арх. № 1221, лл. 1-147).

Всего в Илимском уезде действовала 21 церковь, а том числе одна соборная в самом Илимске. Церковный причт состоял из 59 человек, в составе которых было 22 священника, 1 дьякон, 16 дьячков и 20 пономарей. Среди священников не было ни одного младше 25 лет, и половина их имела по 50-60 лет. Напротив, в пономарях и дьячках служили более молодые люди, самые юные из которых имели по 12-15 лет, а два пономаря начали служение с 7-8-летнего возраста.

Несколько священников находились в церковной службе по 25-30 лет, а один служил 45 лет.

Большинство церковников происходило из духовного звания. Из 44 лиц, указавших свое происхождение, 31 вышли из духовной среды, 9 — из разных сословий (служилых, посадских, казаков, крестьян), а 4 дьячка оказались ссыльными.

Бездетными являлись главным образом низшие служители (24 человека); напротив, почти все священники имели детей. Всего у церковников Илимского уезда было детей муж. пола 101, из них 42 в возрасте 8-20 лет.

Почти все сыновья и внуки церковников обучались грамоте или уже закончили обучение. По переписи оказалось обученных 9, умеющих писать 9, умеющих только читать 5. находилось в обучении 11. В курс обучения непременно входили часослов и псалтырь; нередко дети церковнослужителей обучались пению.

Церковники образовывали довольно замкнутую касту, в которой занятие отца передавалось сыновьям. Среди дьячков и пономарей 18 человек, или половина их общего числа, служили при своих отцах.

Иногда весь причт состоял из близких родственников, как в Яндинском остроге, где священником служил Иван Василь-

ев, дьячком — его 25-летний сын Никита, а пономарем — другой сын — 12-летний Николай.

Число церковнослужителей нельзя признать, малым, если отнести его к населению уезда. На каждые 80 крестьянских дворов имелась в среднем одна церковь, а один церковнослужитель приходился на 31 крестьянский двор. Значит, расход крестьян на содержание церковников был довольно значительным. Так было при 2-й ревизии.

Но не прошло и 10 лет, как число церковнослужителей Илимского уезда заметно увеличилось. По списку иркутской духовной консистории в 1753 году в уезде действовало 23 церкви, а состав причта возрос до 83 человек. В служении находились протопоп, 26 священников, 4 дьякона, 26 дьячков и 26 пономарей. Однако до полного штата не доставало еще 37 служителей (Фонд 75, арх. № 2092, лл. 125-126).

По ведомости города Илимска 1769 года в самом Илимске имелось 3 церкви, «да на поповской заимке» в 5 верстах от города одна и в старом остроге еще одна; в Киренском Троицком монастыре действовало 2 церкви и в 13 острогах и слободах 22 церкви. Всего по уезду насчитывалось тогда 29 церквей.

Твердая плата за требы была впервые установлена печатным указом 18 апреля 1765 года. Сельские священники могли с этого времени брать «за молитву родительницы» 2 копейки, за крещение младенца 3, за свадьбу 10, за погребение взрослых 10, а младенцев — 3 копейки. Исповедь и крещение оставались бесплатными (Фонд 75, опись 2, арх. № 1068, л. 1).

Несмотря на установление казной таксы за духовные требы, священники продолжали пользоваться незаконными доходами. В Илгинском остроге крестьяне ежегодно платили попу Лукину по 2 пуда ржи с венца, т. е. с каждой семьи, где имелись муж и жена. Эта дань сохранялась даже в случае смерти одного из супругов.

Крестьяне Марковского погоста в 1773 году обратились с жалобой к воеводе Черемисинову на священника, который взял у них 32 десятины пашни и «сенных покосов на 5 сот копен». Кроме того, он брал руги «по 3 пуда с венца на весь их крылас» и повысил ставки, установленные указом. Например, за венчание сбор был установлен в 10 коп., а священник брал 1-1½ рубля. За погребение взрослого он вместо 10 копеек брал 50 (Фонд 75, опись 2, арх. № 1351, л. 38).

Из всех представителей местной власти один только воевода Черемисинов вставал при спорах церковников и крестьян на сторону последних.

Другое важное мероприятие правительства, касавшееся духовного сословия, предусматривало зачисление в военную службу детей церковнослужителей. Указом Сената от 20 ян-

варя 1769 г. иркутскому губернатору Брилю было предложено осмотреть годных к военной службе сыновей церковников. Указ отмечал, что в среде церковников имеется много таких, которые «за их празностию... ни в подушный оклад никуда не записывались, ниже в семинарское учение доныне не вступали и принадлежащими науками священническому чину достойными себя не зделали».

Губернаторы или их уполномоченные должны были, осмотрев свободных лиц духовного звания, взять на военную службу четвертую часть всех лиц в возрасте от 15 до 40 лет и половину дьячков, сторожей, «отставленных», неграмотных и недоучившихся.

Правительство предвидело, что духовные лица будут обманывать губернаторов при показаниях о возрасте призываемых, поэтому предложило местным властям применить зверскую меру, допустимую разве лишь в отношении крепостных, а именно — осмотреть детей в возрасте от 10 до 15 лет и половину пригодных взять в военную службу.

В армию принимались дети церковников ростом не менее 2 аршин. Понижение требований к росту объяснялось в указе тем, что церковников мало и «выбирать не из чего» (Фонд 75, арх. № 3186).

По ведомости 1769 года в Илимском заказе грамотных детей церковников нашлось 7 человек, обучающихся псалтыри и часослову — 6, больных и увечных — 4, старше 40 лет — 5 человек, в Братском заказе грамотных — 4, необученных — 7, а один был «отрешен за малоучением».

Но полные сведения о детях церковников имеются, только за 1770 год и то только по Илимскому заказу. Из 60 человек обучалось и было обучено 13, «в грамоте не учены» — 8, малолетних, до 9 лет, оказалось 27, определено пономарями и сторожами — 5, взято на военную службу — 4, больных было 3 человека.

В Илимске должны были пройти осмотр 35 человек. Из них 5 оказались малолетними, 15 негодными и старыми (от 16 до 67 лет), трое — в бегах, пятеро были отпущены домой по разным причинам, а 7 — взято в военную службу.

Кроме того, по обоим заказам следовало взять еще 8 человек «в $\frac{1}{4}$ часть» и «в $\frac{1}{2}$ часть».

Вопрос о землях церквей был решен указом Сената от 18 января 1798 г.: каждой церкви давалось по 30 десятин пахотной и по 3 десятины сенокосной земли. Прихожане могли церковную землю включить в свои земли, но с условием платы за нее священникам хлебом, сеном и соломой. Впрочем, хлеб можно было заменять деньгами. Если у церкви имелись лишние земли, сверх 33-десятинного надела, то священники могли сдавать их в аренду; занятие священников хлебопашеством не поощрялось, «яко дело с сеном их не сов-

местное». Плата деньгами за требы оставались без изменений (Фонд 9, арх. № 123, л. 277).

Этот указ, принятый по настоянию Синода, отбрасывал законодательство к XVII веку, ко времени повсеместного применения руги. Больше того, если раньше многие церкви не имели земли, то теперь каждая церковь получала право на 33 десятины крестьянских земель. Церковники в действительности зачастую и не видели своего земельного надела, который мог прекрасно и не существовать в натуре. Зато они получали гарантированный натуральный доход, ведь крестьяне пахали «их» земли, пользовались «их» пашнями, «их» лугами.

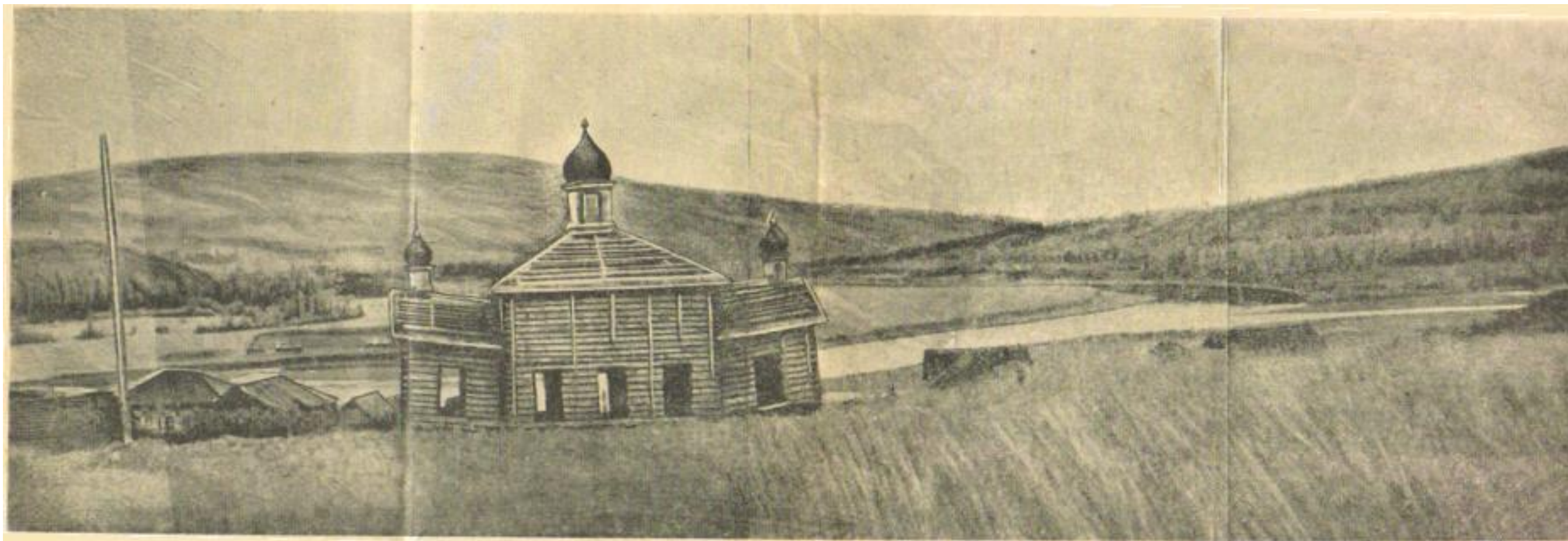
Священники-кулаки, прибравшие к рукам мирские земли, как поп Лука в Илгинском остроге, не лишались права на такие земли. Они могли теперь пускать их в оборот, кортомить, т. е. сдавать в аренду.

Церковь компенсировала ущерб, который причинила ей ликвидация монастырских вотчин, заставив прихожан каждой церкви быть данниками духовных пастырей.

Церковнослужители, привыкшие жить от щедрот деятелей, избалованные как истые представители паразитического сословия дарами пасомых, находили изъяны и в последнем указе XVIII века, указе, который заботливо писался Сенатом и Синодом и был одобрен царем. Ведь там ничего не говорилось о руге. Поэтому некоторые священники, как отмечалось в указе иркутского губернского правления от 20 июля 1800 г., отказывались принимать земли, почитая себя на руге. Губернское правление не могло уразуметь мотивов таких отказов и объяснило их тем, что священники так поступают «не по другой какой причине, а, может быть, от недоразумения своего и непонятия указной силы». Поэтому землемерам было приказано нарезать церковные участки, невзирая на отказы священников. Ругу же церковникам прихожане могли, как объясняли из Иркутска, платить добровольно. Так как на всякие случаи были указы, то иркутское губернское правление разыскало сенатский указ от 11 января 1793 г., который подходил к казусу.

Домогательства духовенства к крестьянам принимали самые безобразные формы. Так, священники Нижне-Илимской волости присвоили 150 десятин крестьянской земли. На просьбу крестьян вернуть им часть земель священники потребовали платежа руги. Но, крестьяне не согласились давать священникам одновременно и землю и ругу и обратились с жалобой в киренский нижний земский суд (Фонд 9, арх. № 224, лл. 115-116).

Такие же случаи наблюдались и по другим губерниям (там же, лл. 47-48).

Часовня в д. Муке. Справа речка Мука, впадающая в р. Куту (снимок 1949 года).

Церковники в течение XVIII века окончательно превратились в особое сословие, жившее эксплуатацией прихожан, главным образом крестьян, оторванное от народа и противостоявшее ему как духовно-полицейская часть феодального аппарата угнетения.

Крестьяне все энергичнее выступают против имущественных домогательств церковников, все чаще защищают и свое личное достоинство от недостойного поведения вероучителей.

Так, крестьянин Сполошенского погоста Емшанов в 1797 году жаловался на священника Пономарева, который его «по щеке ударил и за бороду драл» (Фонд 7, арх. № 34, л. 122). Крестьянин публично, через уездный суд защищал свое достоинство.

Это было знамение нового отношения крестьян к духовенству.

ПОП ЛУКА И ЕГО ХОЗЯЙСТВО

Церковнослужители главный доход получали от прихожан, но они долгое время имели возможность заниматься и земледелием как побочным делом, приносящим дополнительный доход. Социальное и правовое положение священника, его влияние на общину верующих, его независимость от мирских властей открывали для предприимчивой натуры благоприятные возможности к личному обогащению, к созданию крупного земледельческого хозяйства на основе широкого использования наемной рабочей силы.

Примером подобного хозяйства является двор священника Илгинского острога Луки Афанасьева. О нем упоминалось в 1 томе «Илимской пашни» (стр. 532-534).

Лука, наследовав профессию, должность и землю своего отца Афанасия, начал служить с 1717 года и одновременно обрабатывать данную ему пашню наемным трудом. В 20-х годах XVIII столетия у него работало 4 батрака.

Дела, отражающие деятельность попа Луки в описываемое время, открываются его заявлением 1728 года: «крепостной мой дворовой человек якуцкой породы Тимофей Силин из двору моего бежал». Через некоторое время беглец был пойман (Фонд 75, арх. № 257 м, лл. 209 и след).

В 1731 году илимской воеводской канцелярией производится какое-то следствие, начало которого утеряно. К допросу вызывается 43 человека. Среди них можно отыскать работника и трех «девок», работниц попа Луки (Фонд 75, опись 2, арх. № 95).

23 года благополучно эксплуатировал поп Лука Афанасьев своих работников и окрестных жителей.

Но вот в илгинской приказной избе появляется следующий «извет» Луки: «сего 1740 году ноября на 18 число, в

ночи, в третьем часу, неведомо от чего в верхней моей горнице загорелось». В пламени погибло много платья самого хозяина и чужих вещей. Сгорели деньги — несколько сот рублей бывшего илимского воеводы Ивана Литвинцева, хранившиеся у Луки.

Вынесли из огня немного. Сам Лука спасал деньги, находившиеся в деревянном ящике, «в котором было пять сот золотых двою-рублевых. И отдал неведомо какому человеку и велел прихранить. А кто тот человек был, того я не узнал... А голосу он не объявил. И унес он неведомо куды». Когда Лука побежал открывать другие чуланы, «в то время неведомо какие люди товарное и всякой скарб и денег сребренных мелких тысячу рублей в девяти мешках... все унесли» (Фонд 75, опись 2, арх. № 292).

Был ли то поджог, совершенный людьми, озлобившимися на вероучителя, или произошло случайное стечение обстоятельств, во всяком случае пожар и последовавший извет Луки раскрыли крупные накопления священника. В огне и от похитителей было потеряно ценностей на несколько тысяч рублей. Кроме того выясняется, что при пожаре никто ничем не помог своему пастырю, а напротив, какие-то люди, действовавшие согласованно, сделали все, чтобы умножить его потери.

Но, как видно, дела Луки вскоре вновь пошли в гору, так как уже в 1743 году он ссужает одного пашенного крестьянина 20 рублями, за что берет его дочь себе «в вечную работу». В том же году 6 илгинских пашенных крестьян заняли у Луки 8 рублей и отдали ему за это свои сенные покосы (Фонд 75, арх. № 1093, лл. 4, 5).

Вскоре, в том же 1743 году, мать дочери, запроданной Луке в холопство, заявила, что священник «у оной дочери ее, девки Хевроньи, прижил блудным насильством младенца». Но начатое следствие не вполне подтвердило это и, поскольку таким делам в XVIII веке придавалось важное значение, иркутская провинциальная канцелярии предложила возобновить следствие и допросить Хевронью еще раз, чтобы установить, от кого она «обрюхатела» (Фонд 75, арх. № 1225, лл. 46-47).

Отношения его с работниками отчасти раскрываются «изветом», поданным Лукой в илгинскую приказную избу 17 октября 1749 г. (Фонд 75, опись 2, арх. № 520, лл. 42-43).

Священник пишет, что в июне и июле илгинский крестьянин Семен Хабаров взял у него под работу «в жнитво» 7½ пуда ржаной муки и 1½ пуда ячменя, за что обязался выжать 2¼ десятины. Во время сенокоса он взял «наперед» 2 рубля за 2 недели работы. Но косить Хабаров приходил редко, а «одного дня вовсе не заработал за леностию своею». «В жнитвенную страду» он не выжал двух десятин.

«А жал оной Хабаров снопы большия, как в народе не водится, а снопы вязать — вяски рвал». Когда Лука пришел на поле, Хабаров «запирался в пуде муки». По словам священника, крестьянин угрожал ему местью.

Лука тотчас сообщил «угрозные речи» Хабарова «своим работником на поле, при кладеве» (т. е. при кладке, скирдовании хлеба), как возможным свидетелям. Священник приводит в заявлении имена рабочих и тем самым раскрывает существеннейшее для нас обстоятельство — число его батраков. Среди них оказались 7 илгинских, чечуйских, тутурских, усть-кутских крестьян, бобыль и посадский, всего 9 человек.

Но ведь это была только часть работников Луки! Он не назвал ни одной женщины, которые у него работали, считая их за второсортных свидетелей, он не назвал также женщин, проданных ему в холопство.

15 сентября илгинские прихожане могли потешиться редким зрелищем: их пастырь, отправившийся «для присмотру работников», бежал по полю, а Хабаров, «с луком и со стрелами» преследовал его, как зайца, пока священник не спрятался в лесу. Работнику так и не удалось подстрелить своего хозяина, оказавшегося сторожким и прытким.

Неприятности, связанные с созданием крупного эксплуататорского хозяйства, не останавливали Луку. Как и всякий кулак, он не только выжимал доходы из наемного труда, но и беспрерывно расширял фронт своей деятельности, неустанно высматривая, не лежит ли где «лишний» для других и не лишний для него кусок земли.

В октябре 1751 года происходит торг на пахотную землю и сеновые покосы одного умершего крестьянина деревни Ближней Загорской. На торгах состязаются поп Лука и крестьянин Чювашев. Лука дает 1 рубль, крестьянин дал «сверх священниковой дачи» хлеба по 20 пудов на год. Но Лука «наддает один пуд» и земля остается за ним (Фонд 75, опись 2, арх. № 596, лл. 58-61).

Не довольствуясь этим, Лука присматривает землю четырех местных крестьян и арендует ее через подставное лицо, именно через своего сына Антона.

Но так как дело уже шло об обезземеливании крестьян, то по указу из илимской воеводской канцелярии все 4 крестьянина, отдавшие свои (по существу — казенные) земли «в кортом», т. е. в аренду, были «биты батоги» (там же, л. 63).

Все три сына Луки наследовали профессию отца: Антон был дьячком, Яков с 13 лет состоял при отце пономарем, Афанасий с 10 лет помогал Луке в качестве дьячка. Лука умер в 1761 году.

В 1756 году возникает крупное судебное дело о краже казенных денег в Илгинском остроге. Сильное подозрение пало на дьячка Антона. Он был привезен в Илимск, а с ним

вместе работники Луки — крестьянин с женой и монастырский крестьянин. Они «роспрашиваны накрепко», но освобождаются с поруками. (Фонд 75, арх. № 1533).

Через два года Антон Лукин, теперь уже второй священник Богоявленской церкви Илгинского острога, еще раз стал кивается со светскими властями.

На основании распоряжения губернской канцелярии казак Галашев в 1758 году перевесил хлеб у всех перекупщиков, которые готовились сплавить его в Якутск. Кроме того он сообщил в илимскую воеводскую канцелярию, что в Нижне-Слободской деревне он обнаружил у священника Антонин с братьями хлеб в 4 амбарах. Хлеб он не перевесил, так как братья «состоят в сани духовном».

Сверх того, у Лукина «была нагруженна собственная ево барка аржаню мукою», которая готовилась к отплытию в Якутск. Ее задержали и предложили попу выгрузить, но он не послушался. Из-за долгого стояния барка потекла, причем подмокло около 1000 пудов муки. Лукин вынужден был выгружать хлеб, чем и воспользовался казак, опечатав груз (Фонд 75, арх. № 238, лл. 1-3, 5, 9-11, 40-42).

Изложенное дело показывает, что сыновья Луки, как и он сам, являлись не только крупными предпринимателями, строившими свое обогащение на эксплуатации батраков, но выступали и в качестве крупных хлеботорговцев.

Конфискация хлеба у священника свидетельствовала о больших разногласиях между местными духовными и светскими властями.

На один из запросов воеводской канцелярии илгинский староста отвечал, что у священника Антония имеется много земельных участков, которыми владел его покойный отец Лука, «а по какому указу и с которого году, подлинно знать не можем». Староста писал, что никому за эти земли Антоний ничего не платит. Кроме того, он пользуется крестьянской землей, за которую общество вносит хлеб в казну раскладкою. «А оному священнику по особливому с ним договору отдаем руги по 2 пуда с венца в год (т. е. с каждой супружеской пары), а тое пашнею оной владеет у нас не за что». Кроме того, Антоний самовольно завладел пашней и покосами одного умершего крестьянина, всего 40 десятинами, за которые крестьяне платят раскладкою.

Приказчик Илгинского острога Березовский полностью поддерживал крестьянские заявления о землях священника. В сохранившемся черновике его письма в илимскую воеводскую канцелярию он подчеркивает, что Антоний Лукин имеет землю «насильно, а у протчих по закладам... А на выкуп оной поп Антоний никому им, крестьяном, не отдает и погодно за то владение не заверстывает». Приказчик заключает: «И со оного священника следует не токмо что с крестьян

даванные деньги взять, но с самого тем обидимым крестьянам — немалого за владение взыскания, понеже он от того владения получил немалое, как видно, богатство, а крестьяне от того произошли во всеконечное раззорение и в несостояние казенного платежа правянта и денег». Он спрашивает, не отобрать ли у Лукина земли и не отдать ли их крестьянам (там же, лл. 89-92).

В ноябре 1759 года производится обмер земель священника; «при свидетельстве и при перемерке пахотных земель и Сенных покосов» у него оказалось:

У крестьянина Захарова «владеет поп в елани» тремя десятинами пахотной земли, лет с 30, и сенокосами на Петковском лугу, на 400 волоковых копен, лет с 17.

У Мандрыгина он взял 6 десятин за 20 пудов хлеба, которые давал крестьянину еще сам поп Лука. Таким же образом Антоний завладел сенокосом на 200 копен на том основании, что крестьянин лет за 15 до того времени занял у его отца 3 рубля.

У Хабарова Антоний пользуется лет 20 двумя десятинами пашни и покосом на 300 копен. У Грузных он взял 17 лет перед тем 8 десятин пашни и покосов на 300 копен. Оба крестьянина не знают, за что священник отобрал у них земли.

У того же Грузных Антоний взял 3 десятины «не за что».

У Чювашева Антоний косит лет 15 луг, собирая ежегодно по 300 копен сена. За что пользуется его землей Антоний — крестьянин не знает, «понеже он, священник Лукин, не объявляет».

У Куделина Лукин пашет в течение 15 лет 5 десятин.

Таким образом, кулак обезземеливал крестьян в широких по тогдашнему времени размерах. По приведенным итогам обмера можно подсчитать, что Лукин незаконно пользовался 27 десятинами пахотной и до 150 десятин сенокосной земли.

Но, кроме этих земель, у священника имелось 72 десятины пашни и сенокосов, доставшихся ему от отца Луки, и 40¼ десятины оброчных земель. За эти земли он также ничего не платил.

Всего у Антония сосредоточилось 289¼ десятины удобной земли, в том числе 78¼ десятины пахотной и 211 десятин сенокосной.

Сын Луки священник Антоний Лукин был плоть от плоти и кость от кости покойного тятеньки. Он не мог простить покушений на его владения и доходы и, считая виновным во всем приказчика Илгинского острога Березовского, явился 1 ноября 1759 г. в приказную избу с ватагой, вытащил его на улицу и избил «на смерть, от чего оной прикащик едва может ли жив быть».

Вскоре воеводская канцелярия дает полномочия казачьему сотнику Литвинцеву произвести на месте следствие о буйстве Лукина.

В конце декабря того же года Литвинцев, староста, сотский, два десятника и два крестьянина Илгинского острога «обще осматривали» избитого приказчика «и по осмотру явились на нем от битья на спине и на груди от растоптания наступившая кровь, на голове волосы половина выдрана... а паче от разбития череповых составов наступила еще и ныне необычайная кровь и на череповых спаях рупцы» (Фонд 75, арх. № 2423, лл. 62-63 и друг.).

Сам пострадавший мог изложить происшествие только через два месяца. 29 декабря он посылает следующий рапорт в илимскую воеводскую канцелярию:

1 ноября он пришел в приказную избу, где уже был священник Антоний Лукин Типушин. В казенке находились его работники, «пойманные с воровским полишным (поличным) сеном, с четырьмя возами», украденным у крестьянина Чекотева. Антоний требовал выпустить задержанных, но приказчик отказался сделать это. Тогда «оной священник Лукин, выскоча ис казенки... схватил меня за волосы незапно разбойнически и ударил о пол... Отташил от дверей приказной избы, бил своими руками смертно и завертывал голову, желая умертвить». Приказчик впал в беспамятство, а когда очнулся, «то он (Лукин), не удовольствуясь тем битием, что я был уже почти мертв, с великой яростию еще метался от державших ево меня бить. И видно, что ево желание было меня до смерти убить». Но пастыря удержали крестьяне и бывший тут другой священник Богоявленской церкви.

Выйдя из приказной избы, Лукин «вдруг без лошадей уташил к себе в дом (4 воза сена)... А я от тех ево смертных побой, от разбития головы и череповых составов был окровенен, а волосы в ыных местах были с телом [вырваны], а грудь, спина и весь был истоптан и движения собой не имел». Приказчик даже исповедовался.

У священника, по словам приказчика, было до 10 работников.

У приказной избы Илгинского острога долгое время «для опасности крестьян немалое число в карауле находятся», так как они боялись, что их вероучитель мог учинить разгром волостного учреждения.

Пока приказчик лежал больным от побоев, Антоний производил лихие набеги. Так 14 декабря работники по па увезли сено с Петковского луга у крестьянина Захарова «на 20 священниковых лошадях». Вскоре работники Антония отобрали 8 возов сена, которое вез крестьянин Баев мимо двора законоучителя (Фонд 75, арх. № 2526, лл. 5-8).

Эти листы дела вырисовывают Антония силачом, не знавшим соперничества в драке, крупным хозяином, имевшим много батраков и десятки лошадей.

Приказчик тем временем посылал жалобы на священника. 24 декабря он пишет в Илимск, что крестьяне мелют хлеб на платеж в казну мукой на двух колесчатых мельницах Антония Лукина, за что он берет по копейке с пуда, т. е. примерно в 2-3 раза дороже обычных цен за помол.

Приказчик добавляет, что, вероятно, Антоний утаивает от обложения свои доходы от мельниц и в то же время причиняет крестьянам «излишней убыток». Свой рапорт приказчик подкрепляет сказкой старосты, десятских и рядовых крестьян (Фонд 75, опись 2, арх. № 894, л. 10).

Наконец дело о священнике Антонии стал разбирать губернатор Вульф. В его указе от 21 декабря излагается все дело и даются новые сведения о семье Лукиных.

Вульф ссылается на заявление 7 крестьян, которые жаловались, что поп Антон Лукин явился 1 ноября в приказную избу «денным разбоем... дерзостно при зеркале в шапке», вывел арестованных своих работников, избил приказчика. При этом «на битие збежались человек до двадцати» из людей священника.

По справке иркутской канцелярии видно, что Лукин привлекался в 1753 году со всей своей семьей по делу о краже из илгинского винного подвала 2654 рублей и что следствие прервалось из-за смены секретаря и самовольного выезда попа из Иркутска.

Приведя все эти сведения, иркутская канцелярия определила: следствие из илимской канцелярии изъять «за подозрением на ту воеводскую канцелярию»; поручить следствие иркутской духовной консистории; напомнить ей, что о попе были указы из Синода и Сибирского приказа; арестовать всех участников дебоша, «кроме духовных персон, яко то — попов и дьячков» и, «забив в крепкие колотки, под крепким караулом прислать в иркутскую канцелярию», туда же прислать избитого приказчика.

Из Иркутска пишут о Лукине в Синод, в Сибирский приказ, в Илгинский острог, в илимскую воеводскую канцелярию (Фонд 75, опись 2, арх. № 903, лл. 1-3).

После выздоровления от побоев, нанесенных вероучителем, приказчик Березовский согласно распоряжению Вульфа поехал в Иркутск, но когда он достиг деревни Константиновской, то послал обратно в Илгинский острог денщика за писчиком. Березовский просил писчика и крестьян его «проводить, понеже де проехал наперед илгинской священник Антоний».

Пастырь был настолько грозен, что крестьяне уважили просьбу Березовского и дали ему для охраны трех человек.

Предположения приказчика оказались правильными. Едва он и охрана его достигли деревни Дальней Загорской, как «помянутой священник Антоний съехался на одном кони на санях встречу и метался помянутого Березовского к подвотчикам и сдерживал коней; потом метался и к саням (приказчика), а для чего — неизвестно» (Фонд 75, арх. № 2496, л. 290).

Хотя Антоний и попал в целую сеть всяких следствий, хотя о нем писалось и в Синод и в Сибирский приказ, не в его привычке было вешать голову.

Летом 1765 года пришел долгожданный указ из иркутской губернской канцелярии о землях священника Антона Лукина.

Как же, наконец, решила губерния этот вопрос через 6 лет разбирательства? А очень просто: так как поп без указа духовной консистории «будет (решению губернской канцелярии) чинится ослушитель», то дело вернуть в илимскую воеводскую канцелярию, а илгинской приказной избе указать, чтобы резолюцию требовала по команде своей, а не утруждала бы иркутскую губернскую канцелярию (Фонд 75, опись 2, арх. № 1067, л. 1).

Писать жалобы на Анатолия было теперь бесполезным делом.

После смерти Антония илгинские крестьяне не стали платить священнику Грозину ругу.

Отказ крестьян платить ругу означал их решимость освободиться от дани, которую они платили мироеду Лукину.

Кроме того, крестьяне действовали решительно еще и потому, что в Илимске в это время воеводой был Черемисинов, относившийся к священникам с большой недоброжелательностью. Илимская воеводская канцелярия настояла, чтобы Иркутск вынес решение о необязательности руги. Черемисинов тотчас же разослал такое разъяснение по всем волостям (Фонд 75, опись 2, арх. № 1353, лл. 20-21).

Несмотря на обилие документов о попе Луке и его наследниках, документов, освещающих полувековую историю кулацкого хозяйства, многое остается скрытым от глаза исследователя. Ведь почти все, что становится известным об этом хозяйстве, основано на заявлениях об обидах и на контрзаявлениях Луки и его сына. Неизвестна площадь посева этого хозяйства, число скота, характер усадебных построек, величина дохода и т. д. Но и имеющиеся документы позволяют раскрыть кулацкую природу хозяйства Лукиных, широкую эксплуатацию наемного труда и высокую товарность производства хлеба.

Подобные хозяйства были не одиночными и не случайными явлениями сибирской деревни, а постоянными и закономерными спутниками нарождавшейся сельской буржуазии.

МОНАСТЫРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Положение крестьян, подчиненных монастырям, было очень своеобразным. Судя по илимским документам, монастырь не являлся собственником, владельцем крестьян. Монастырь не мог покупать или иными способами приобретать крестьян, как не имел права продавать или дарить их кому бы то ни было.

Отношения между монастырем и крестьянином складывались на почве договора: монастырь предоставлял землю, давал семена и некоторое хозяйственное обзаведение, а крестьянин обязывался работать на выделенной ему земле и соразмерно с ее площадью ежегодно отдавать монастырю четверть урожая хлебов. Поскольку соглашение было бессрочным, крестьянин не мог уйти от монастыря, иначе он объявлялся беглым и нес суровое наказание. Но так как соглашение не предусматривало личного закрепощения крестьянина, то он мог в некоторых случаях, рассчитавшись с монастырем и вернув ему взятые семена, скот и инвентарь, уйти из-под его власти. Правда, такие случаи были очень редкими, единичными.

Монастыри в организации своего полеводства применяли все известные тогда способы эксплуатации рабочей силы.

Земли, непосредственно примыкавшие к Киренскому монастырю, в том числе в Хабаровской, Бочкаревской и Макаровской заимках, обрабатывались силами вкладчиков и наемных работных людей на монастырских лошадях. В двух деревнях, Верхней и Скобельской, 14 крестьян-половников получали семена на посев из монастыря «и со оных десятин (пашни) отсыпи платят» (в документе о каждом крестьянине сказано: «платит») в монастырь по урожаю, за отдачею семян, сколько хлеба будет, четвертую часть». Значит, монастырь в отношении крестьян-половников применял систему выдельного хлеба, отмененную в отношении государственных крестьян за 60 лет до того времени. Только в отличие от казны рента продуктами взималась в размере $\frac{1}{4}$, а не $\frac{1}{5}$ урожая.

Но были случаи еще более кабальных договоров монастыря с крестьянами-половниками. Так, в 1735 году Киренский Троицкий монастырь отдал земли на устье р. Могола крестьянину Макарову «для пахоты и на севу монастырскими семенами и выделу в монастырь сверх семян третьего пуда». Крестьянин только в 1748 году сумел отказаться от договора, вернув все, что было дано ему монастырем: «А данной мне подмог: кобыла работная да корова, сошники да топор отданы все возвратно» (Фонд 482, арх. № 3).

Наконец шесть крестьян деревни Кутимской сеяли хлеб своими семенами и платили «вместо выдельного хлеба» деньгами. Величина платежа составляла 2 рубля за 6-десятин-

ный надел. Полный надел имелся у трех крестьян, половинный у одного и четвертной — у двух крестьян.

Эти крестьяне, как говорится в документе, «пахали сами собою», т. е. на своем тягле и своим инвентарем. В той же ведомости указаны размеры пашни: монастырь пахал наемным трудом 145 десятин, крестьяне-половники, вносившие отсыпной хлеб в монастырь, имели 126 десятин пашни и кутимские крестьяне, платившие деньгами, пахали 24 десятины.

В Братской пустыни и в окрестных деревнях проживало 134 души муж. пола вкладчиков и монастырских крестьян. Наличная земля «насевается казенным хлебом и снимается тот хлеб по наряду монастырскими крестьянами». В пяти монастырских деревнях — Бадинской, Париловской, Баяновской, Барановской и Филипповской считалось 36 крестьянских дворов, которые имели 219 десятин пашни и на 3900 копен сенокосов.

Государство не вмешивалось в дела монастырей и зависимых от них крестьян и все требования к крестьянам, например по подушным сборам или по рекрутским наборам, проводило через монастырское начальство.

В отличие от государственных крестьян, плативших вместо «помещикова доходу» 4-гривенные деньги или вносивших хлеб в казну, монастырский, как и помещичий крестьянин, был освобожден от уплаты 4-гривенного сбора.

В общем, монастырский крестьянин занимал как бы промежуточное положение между помещичьим и государственным крестьянином и по своему правовому положению стоял ближе к последнему, чем к первому.

Если в крепостнической Руси монастырская вотчина была носителем ослабленной, несовершенной, недоразвитой поместной системы, то в Сибири она оказывалась средоточием наиболее развитых крепостнических отношений.

Но в Илимском уезде эти носители крепостнических или полукрепостнических отношений являлись малозаметными островками среди пашенных, т. е. государственных крестьян.

Число монастырских крестьян составляло 3-4% ко всему илимскому населению.

По книге 1729 года в д. Захаровской числилось 33 муж. души крестьян и вкладчиков, обложенных 7-гривенным сбором, в Тыптинской вотчине 51 душа, в Братской Спасской пустыне 86 душ (Фонд 75, опись 2, арх. № 81), в деревнях Киренского Троицкого монастыря 221 душа, (Фонд 75, опись 2, арх. № 84).

Общее число монастырских крестьян, вкладчиков и гулящих людей, т. е. так называемой синодальной команды, по переписи 1719-1722 гг. составляло 391 душу муж. пола.

Чья-то пристрастная рука «очищала» фонд Киренского Троицкого монастыря (Фонд № 482) от «ненужных» бумаг, и он дошел до нас в обрывках. Поэтому невозможно дать связного описания жизни монастырских крестьян и вкладчиков этого монастыря. Глухо отразились в сохранившихся бумагах монастыря какие-то волнения половников и вкладчиков в начале второй половины XVIII столетия.

Крестьянские волнения происходили не раз, и «преждебывый начальник монах Корнилий от них смертью пострадал».

Другой случай возмущения крестьян Киренского Троицкого монастыря относится к 1756 году и раскрывается очень неполно в трех указах иркутской духовной консистории (Фонд 482, арх. № 20, лл. 38 и др.).

Иеромонах Киренского Троицкого монастыря Притчин писал 21 сентября 1756 г. в Иркутск: «хотя прежде сего при самом Троицком монастыре (вкладчики) и того ж монастыря по заимкам крестьяне половенные... в послушании работать противностию и ослушны были, однако всякими снисходительствы вся братия Киренского монастыря для их впредь исправления его преосвященству¹ не представляли».

Но едва Софроний и игумен монастыря Вениамин выехали из Киренска в Якутск, как «онные крестьяне между собою пуще начали к монастырю ослушания чинить и вводить между собою самовольства и недобросовестный согласия... так что на работу наряжать со опасностью, ибо за ослушность игумен з братиею и смирить не смеют, понеже велеречуют все преднародно, что они на него, игумена, все обще подали его преосвященству доношение. А когда же по согласию общевратственному со оных противников какого цепию и смирить хотят, но оные самовольцы крестьяне, набегши в монастырь, оставя всяк свое дело, во велики я удивления — игумена и братию бранию поносят: — за что де вы на цепь вкладчика из нас садите! — А паче на игумена Вениамина похвалки произносят, чрез что... вся братия... опасна... Оной игумен из монастыря вытти опасен ныне».

Приводя эти заявления в своем указе, иркутская духовная консистория потребовала от монастыря сообщить имена «противных» крестьян.

Между тем в Иркутск пришла жалоба монастырских крестьян и вкладчиков на Вениамина (Юзефовича) «о причиненных... обидах и взятках и притеснениях и о протчем». Но жаловался и игумен на крестьян. Получив такие двухсторонние жалобы, иркутская духовная консистория выслала в Киренск священников Тихвинской (Иркутск) и Ильинской

Иркутскому епископу Софронию, когда он был проездом в Киренском Троицком монастыре.

(Марковская слобода) церковей для расследования обстоятельств возникшего дела. С священниками находился консисторский подканцелярист. Сообщая 7 мая 1757 г. о посылке отцов-следователей, консистория велела Вениамину быть им послушным, не притеснять челобитчиков, «яко мстя за свою обиду; озлобления и отягощения не чинить же... дабы следствие было без всякого подозрительства». Впрочем, в указе консистории дается Вениамину право наиболее виновных крестьян «содержать до решения дел под караулом».

Понятно, при такой инструкции никто и ничто не мешало Вениамину пренебречь первой и воспользоваться второй частью консисторского указа.

Когда крестьяне и половники узнали об этом указе, то они его поняли иначе: игумен попал по их заявлению под суд, идет следствие, поэтому они «от производящегося в том монастыре строения самовольно отказались» и перестали слушаться распоряжений игумена.

Тогда консистория 28 июня 1757 г. послала еще один указ, что крестьяне остаются «под дирекцией» игумена. Впрочем, понимая сложное положение игумена, которого крестьяне держали за шиворот, консистория разрешила ему выехать в Иркутск.

На этомглохнут все отзвуки волнений монастырских крестьян.

После ликвидации монастырских вотчин бывшие крестьяне-половники получили название экономических крестьян, а деревни, населенные ими, образовали экономические волости. Эти волости управлялись выборными старостами, в свою очередь подчиненными непосредственно воеводам.

Выборы старосты производились крестьянами Сидоровской, Хабаровской, Скобельской, Макаровской и Кутимской деревень. В 1768 году при выборах участвовало 30 крестьян-дворохозяев, из них трое оказались в состоянии подписать протокол (Фонд 482, арх. № 41, л. 162).

Так же, как и пашенные (государственные) крестьяне, экономические крестьяне выбирали подушных сборщиков, обычно двух на волость (Фонд 482, арх. № 46, л. 22).

Никакой разницы в правовом и экономическом отношении между государственными и экономическими крестьянами в Восточной Сибири не было. Только подушные деньги, собиравшиеся с государственных крестьян, направлялись в военное ведомство, а собиравшиеся с экономических крестьян — в коллегию Экономии.

Воевода получил право утверждать выборы старост экономических крестьян; так, 3 января 1767 г. староста Чивозерцев сменяется Павловым, выбранным из крестьян деревни Бадинской. Новый староста принимает все дела по управлению бывшими монастырскими крестьянами Братской Спас-

ской пустыни, а также бывшие монастырские житницы и получает от воеводы указ, утверждающий Павлова в должности старосты (Фонд 75, опись 2, арх. № 1127, лл. 26-27).

После ликвидации монастырских вотчин и раздачи земель крестьянам у властей появились опасения, как бы монастырские крестьяне без благодетельного присмотра духовных отцов не запустили пашни. Государственная коллегия Экономии 19 сентября затребовала от воевод отчетности об использовании бывших монастырских земель и поручила воеводам «за крестьянами в хлебопашестве всеприлежное и всегдашнее иметь смотрение, дабы ни под каким видом земли ими впусе оставляемы не были». Но все беспокойство властей выражалось в рассылке декларативных указов; иркутская губернская канцелярия пересылала указы коллегии Экономии в Илимск, а илимская воеводская канцелярия направляла их в приказные избы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1127, лл. 7-10).

Старосты экономических волостей во исполнение «трибикатного», т. е. троекратного, указа представили ведомости о посевах 1766 года.

По 7 деревням Макаровской экономической волости посев составлял 193½, в Захаровской деревне 6¾, в Тыптинской вотчине 80½ десятины, всего 280¾ десятины (там же, лл. 13-21, 43, 48-52). В 1770 году посев этих деревень достиг 429 десятин.

Посев в 5 деревнях, принадлежавших ранее Братской Спасской пустыни и насчитывавших 180 душ муж. пола, составлял в 1763 году 151¼ десятины, в 1764 — 184½ десятины, в 1765 году — 233¼ десятины и в 1766 году — 209½ десятины. В 1775 году посев крестьян Макаровской экономической волости составил 295¼ десятины (Фонд 75, опись 2, арх. № 1143, лл. 10-14), т. е. на 100 десятин больше, чем было в год секуляризации монастырских вотчин.

Как видно, коллегия Экономии сильно ошиблась, опасаясь, что нарушится крестьянское хозяйство, если с него будет снято монастырское ярмо.

Освобожденные от монастырской эксплуатации крестьяне быстро увеличивали посевы, несмотря на неблагоприятные годы: греча «позябла», горох «позяб», а конопля «неродилась от потопу».

С 1764 года бывшие монастырские крестьяне сверх подушного сбора стали платить по 1 руб. 50 коп., а с 1768 года — по 2 рубля с души муж. пола. В эту сумму финансисты Екатерины II определили размер прежних повинностей крестьян монастырям.

В 1771 году было создано 4 экономических правления. Иркутск входил во 2-е правление, именно в Казанское.

Согласно печатному наставлению экономическим правлениям, опубликованному Сенатом 4 апреля 1771 г., главным органом управления монастырскими крестьянами оставалась коллегия Экономии, которая была «обязана везде и за всем иметь недремлющее надзирание и попечение... однакож не выходя из предписанных узаконениями пределов». Лучше вряд ли мог выразиться даже Салтыков-Щедрин.

В обязанность экономических правлений входило: взыскание сборов и недоимок с монастырских крестьян, переверстка между ними земель сообразно с трудовыми возможностями крестьянских дворов, заведение запасных хлебных «магазейнов», надзор за противопожарными мероприятиями и за исправным содержанием мостов и дорог. В случае надобности экономические правления могли выдавать семенные ссуды (Фонд 75, арх. № 3267, лл. 309-315).

Упразднение монастырского землевладения и уничтожение грани между государственными и экономическими крестьянами означало исчезновение еще одной черты феодального общества.

ШТРАФЫ ЗА НЕЯВКУ К ИСПОВЕДИ

Введение Петром I поповского надзора за совестью людей является апофеозом казенщины.

Указ Сената 17 февраля 1718 года об обязательности исповеди и штрафования лиц, уклоняющихся от нее, просуществовал с незначительными изменениями 84 года.

Суть этого указа: крестьяне и разночинцы обязаны ходить в церковь; за уклонение от исповеди они подвергаются штрафу: разночинцы и посадские в первый раз — в размере 1 рубля, во второй раз — 2 рублей и в третий — 3 рублей, крестьяне за пропуск исповеди платили сперва 10 денег, т. е. 5 копеек, затем гривну, и, наконец, 5 алтын. Деньги эти передавались госпиталям.

Кроме этого основного указа, в первой четверти XVIII века были еще изданы сенатские указы 8 февраля 1716 г., 10 февраля 1721 г., 6 июня 1722 г.

Первый список неисповедавшихся по Илимскому уезду относится к 1726 году.

В следующем году протопоп Илимской Спасской соборной церкви посылает в воеводскую канцелярию промеморию, к которой прилагает список лиц, «которые о исповеди неоднократно указ его императорского величества слышали и к ысповеди не шли». В списке названо 28 человек, среди них 5 «невольников», т. е. ссыльных.

Этих послушников надлежало подвергнуть штрафу в размере 1 рубля с человека (Фонд 75, арх. № 237, лл. 28-31).

И воеводская власть и приказные избы в волостях вели наблюдение за явкой прихожан на исповедь. Например, в Усть-Кутском остроге в 1736 году было обнародовано следующее предписание: «Велено всем прихожанам и протчим обывателям ходить в церкви божии... Того ради усть-кутская приказная изба имела [б] смотрение, а наипаче принуждение, чтоб обыватели к церкви божией приходили, а за леностию не отговаривались» (Фонд 75, арх. № 624, л. 94).

Сенат печатным указом 31 мая 1737 г. подтвердил, что нарушение указа об обязательной исповеди будет наказываться «с нещадным штрафованием» (Фонд 75, арх. № 833, л. 180).

В 1739 году илимская воеводская канцелярия получила от духовных властей список 957 прихожан и прихожанок, которые не были у исповеди и подлежали оштрафованию (Фонд 75, арх. № 917, лл. 211-226).

Воеводская канцелярия следила не только за верующими, но и за правильностью списков, составлявшихся священниками. В 1740 году илимская воеводская канцелярия поручила приказной избе Братского острога проверить список неисповедавшихся, так как в него были включены умершие и взятые в 1736 году в Камчатскую экспедицию. Кроме того, священник вписал «пеленичных младенцов», а некоторых прихожан занес в список «двоекратно». Привычный глаз приказных воеводской канцелярии быстро обнаружил промахи церковника, малоопытного в письменных делах (Фонд 75, арх. № 926, л. 10).

В 1741 году «закащик, илгинской священник Лука Афанасьев» представил илимской воеводской канцелярии список неисповедавшихся по 12 церквям в числе 2032 душ муж. и жен. пола от 7 лет и старше (Фонд 75, арх. № 1014, лл. 1-47).

Тот же священник представил в 1743 году илимской воеводской канцелярии список, включавший 2139 человек, приписанных к 19 церквям. Таков был «заказ», т. е. район власти Луки Афанасьева. Его «реэстр» занимал 96 страниц! (Фонд 75, арх. № 1066, лл. 362-410).

Он же дал за 1746 год список, состоявший из 1105 человек. Из них 142 служилых и посадских были оштрафованы по 1 рублю, всего на 142 рубля, и 963 крестьянина по 5 копеек, т. е. на 48 руб. 15 коп. (Фонд 75, арх. № 1432, лл. 1-2).

Очевидно, кроме штрафов нарушителей религиозно-казенного долга были приняты какие-то меры, сократившие число неисповедавшихся, так как в 1750 году Лука Афанасьев мог набрать по 19 приходам только 649 человек, подлежащих оштрафованию (Фонд 75, арх. № 1831, лл. 330-338).

В 1753 году оказалось 605 человек, пропустивших исповедь, в числе их 144 «вторично» и 20 человек «третично». Сумма штрафа составила 85 руб. 55 коп. В 1754 году сумма

штрафных денег с 603 человек составила 60 рублей. Среди казаков нашелся один, который должен был заплатить 4 рубля, так как пропустил исповедь «четвертично». В 1755 году штрафу подверглось 378 человек, из них повторно 33. «Четвертично» не были на исповеди 9 человек, и «пятирично» — один человек. Штрафы в этом году составили 70 руб. 05 коп. (Фонд 76, опись 2, арх. № 649, лл. 1-73).

Штрафы с лиц, пропускавших исповедь более чем 3 года подряд, вводятся позднее — с 1756 года. Было велено с тех, кто не был у исповеди 4 года, брать вчетверо, 5 лет — впятеро «и за нерадение чинить наказание». Со «скудных» служилых людей надлежало взыскивать «против поселян» вдвое, т. е. в первый раз по гривне с человека (там же, лл. 74-76).

Путаница со штрафами заставила Сенат издать 4 ноября 1765 года еще один указ с разъяснением, как поступать в случаях, непредвиденных прежними постановлениями. Разночинцев, не бывших более 3 лет подряд на исповеди, и тех, кто не сможет по бедности внести штраф, Сенат велел употреблять на казенных и полицейских работах по усмотрению губернаторов. При этом разрешалось давать таким лицам, отбывающим работу, только хлеб и воду. Зато разночинцы освобождались от телесного наказания. Кроме того, в этом же указе разъяснялось, как надлежит штрафовать рядовых и офицеров армии, если они пропустят исповедь (Фонд 75, арх. № 2907, лл. 624-625).

В 1773 году штрафы были наложены на 1059 человек, в том числе на пономаря Якова Типушина (наследника попа Луки), в 1775 году — на 1663 человека. В 1787 году по Киренской округе не было на исповеди 164 мужчины и 65 женщин, в 1789 году — 309 мужчин и 185 женщин, в 1798 году — 305 мужчин и 186 женщин; в числе подвергнутых штрафу верующих оказалось в 1798 году 13 человек «вновь просвятившихся ясашных тунгусов» и 6 новокрещенных якутов.

В 1799 году киренский уездный суд оштрафовал 208 мужчин и 125 женщин, не бывших на исповеди и у причастия (Фонд 9, арх. № 207, лл. 60-67).

Последний раз составлялись ведомости неисповедавшихся и взыскивались штрафы за 1800 год. В списке значилось 590 мужчин, в том числе 71 штрафовались вторично и третично, и 469 женщин, из них 41 — вторично и третично.

Распределение по возрасту лиц, нарушивших церковные правила, показано в таблице 88.

Видимо, родители не придавали значения тому, чтобы девочки 7-10 лет каялись перед священником в грехах. По всем остальным возрастным группам среди неисповедавшихся число лиц женского пола было меньше числа лиц муж-

Таблица 88

В о з р а с т	Не было на исповеди человек	
	муж. пола	жен. пола
7-10 лет	48	67
11-15	69	66
16-20	99	61
21-30	141	94
31-40	97	86
41-50	66	55
51-60	45	30
61-70	15	6
Старше 70 лет	10	4
Итого	590	469

ского пола. Женщины являлись лучшей опорой церкви, чем мужчины.

Уездный суд, рассмотрев списки неисповедавшихся, подверг их обычному штрафу. Шестерых «верующих», которые не были у исповеди 4 года подряд, уездный суд обязал молиться весь великий пост «во время каждой славословней» и поручил земскому суду наблюдать за исполнением этого приговора.

Было бы смешно думать, что наказание за уклонение от исповеди и причастия укрепляло религиозное сознание верующих. Присвоение полицейских функций церкви только отталкивало население от «духовных отцов», подтверждало в самой наглядной форме, что церковь является казенным учреждением, мало чем отличающимся от светских канцелярий. Многочисленные случаи уклонения от исповеди, не уменьшавшиеся в течение 84 лет, — лучшее тому доказательство.

Окончательный удар по изуверской системе штрафов был нанесен самой жизнью: Павел I был вынужден в 1798 и 1800 годах разрешить старообрядцам иметь свои церкви. Но раз правительство не могло штрафовать старообрядцев за небытие на исповеди, значит, православным становилось выгодным объявлять себя старообрядцами, чтобы избежать штрафа.

Вот почему «святейший правительствующий Синод» обратился к Александру I с просьбой отменить взыскание штрафов с неисповедавшихся. Но церковь не хотела совсем расстаться с контролем над совестью своих прихожан. Поэтому

Синод предлагал на уклоняющихся от исповеди накладывать эпитимию в виде обязательных поклонов в церкви, а «закоснелых... ставить публично на колени в церкви или притворе церковном», а самых упорных отсылать на покаяние в монастырь. Списки же неисповедавшихся составлять попрежнему.

Александр I утвердил 18 января 1802 г. эти предложения церковников.

Таким образом, за церковью были сохранены полицейские функции, отпала только самая кричащая форма наказания прихожан, уклоняющихся от исповеди и причащения.

И введение штрафа за неявку к отпущению грехов, и отмена штрафа были только разными показателями одного явления — кризиса православной церкви. И духовным и светским властителям казалось предосудительным, если на алтаре лежало только евангелие, и они возмещали этот пробел, располагая рядом со священной книгой свод полицейских указов.

Только отделение церкви от государства могло покончить: «с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы...» (В.И. Ленин. Сочинения, том 10. стр. 66-67).

ГЛАВА XIV

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

КАЗАКИ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ

Местные сибирские казаки представляют совершенно своеобразное и неповторимое в истории явление. Они в случае надобности действовали как вооруженная сила, позволившая Русскому государству раздвигать восточные границы до крайних географических пределов континента, а в то же время они не образовывали воинской силы в прямом значении этого слова, так как в большинстве случаев были безоружными. Они при перемене обстоятельств управляли волостями, собирали хлеб и ясак, а при необходимости — сами пахали и добывали пушнину, строили барки и сопровождали их на тысячеверстном пути, чинили дороги, ловили беглых и конвоировали арестованных, могли выполнять кузнечные, слесарные, каменные и плотничьи работы, ездили с важными поручениями вплоть до Москвы и несли незаметную караульную службу в острогах. И, несмотря на звание служилых людей, они не являлись служащими в современном понимании.

Они были свободными людьми, становились казаками по рождению или по желанию, не платили подушных сборов, но служили без срока и не имели никаких особенных прав. Никого не пороли так часто и так усердно, как казаков.

Они не имели своего казачьего начальника, устава службы, не разбивались на отряды и в то же время являлись наиболее организованной частью населения.

Среди казаков почти не было грамотных, но они сделали величайшие географические открытия, и, если не вмешивалась казна, то давали описание неизвестных ранее народов и земель с точностью и добросовестностью исследователей, которыми гордится русская наука.

У них не было своей организации, своего самоуправления, хотя они беспрерывно кого-нибудь выбирали — приказ-

чиков, городничих, уполномоченных, сторожей, сборщиков, счетчиков и т. д.

Они измеряли земли, делали «опыты» с посевами, определяли качество хлеба, обслуживали экспедицию Беринга, в которой начальство смешивало их с ссыльными.

Такой универсализм как нельзя лучше удовлетворял требованиям управления Сибирью в первое столетие после ее завоевания, в эпоху воеводского централизма.

Но усложнение хозяйственной и административной жизни уездов и волостей Сибири потребовало специализации управления.

Усиление в XVIII веке полицейских функций губернских и уездных властей сопровождалось переменами и в положении казаков.

С 1726 года для Илимска был установлен твердый штат служилых людей — 120 казаков и 5 детей боярских, из них 88 казаков в Илимске и 32 — в Братском остроге. С этого времени сохраняется только денежное и хлебное жалование, а выдача соли прекращается (Фонд 75, опись 2, арх. № 71, л. 95). Канцелярские служители в этот штат не входили.

В делах разрядного повытья за 1727 год имеется полный список всех служилых людей Илимского уезда, всего в числе 162 человек, состоявших по старому штату. Из них детей боярских (в том числе один илимский дворянин) было 15, пятидесятников и десятников — 16, конных казаков — 10, рядовых казаков — 118 и прочих (два мельника и палач) — 3. Можно заметить, что с 1726 года конных казаков по Илимску иметь не полагалось.

Из общего числа 162 служилых людей 78 человек несли караульную службу и бывали «в посылках», сопровождая деньги, хлеб и пушнину в Иркутск, Тобольск и Якутск, 31 собирали с населения хлеб, деньги и ясак, 20 являлись подьячими, целовальниками, ларешными, толмачами, 5 несли физическую работу в качестве мельников и кузнецов. Отсутствовало по разным причинам 28 служилых людей: двое «вышли в посад», 4 умерли, 2 были взяты в рекруты, 10 нигде не служили, 7 привлечены к ответственности и отосланы в распоряжение судебных властей (Фонд 75, арх. № 238, лл. 104-121).

Когда началась деятельность Камчатской экспедиции, на илимских служилых людей пали новые, непредусмотренные ранее обязанности. Вследствие этого стала резко ощущаться нехватка наличных сил.

По предложению Сибирского приказа Сенат велел в 1738 году учредить в Сибири драгунский полк и пехотный батальон, набрав в эти части местных дворян, детей боярских и казаков. Илимск должен был выделить в эти воинские части 38 своих казаков.

В феврале 1738 года 25 илимских казаков, зачисленных в драгуны и солдаты, выехали в Иркутск для дальнейшего следования в Тобольск. Каждый из них получил по 5 рублей и по 3 четверти 1½ четверика муки, т. е. по 25½ пуда. Значит, переброска ничтожного отряда требовала целого обоза по крайней мере в 40 подвод.

В 1745 году имелось служилых людей — в Братском остроге 36 (из них 14 служило с пашни), в Илимске 77, отсутствовало 11 человек (бежали, умерли, арестованы). Чтобы пополнить недостаток в служилых людях, были учтены их дети в возрасте от 13 до 25 лет. Детей оказалось 41 человек, они были посланы в Иркутск и подвергнуты осмотру. Годные к службе были зачислены частью в состав илимских служилых людей и частью в иррегулярное войско.

Каждый из них должен был приобрести ружье и палаш или саблю и коня. В том же году производятся выборы трех казаков для обучения их в Иркутске «военной экзерции». После окончания обучения они вернулись в Илимск в качестве инструкторов военного дела (Фонд 75, арх. № 1231, лл. 4-14).

Сравнительно небольшое число илимских казаков постоянно требовало пополнений, так как часть их то и дело отправлялась в дальние службы. Илимские казаки еще в XVII веке участвовали в боевых действиях русских в Забайкалье, а позднее — набирались в отряды, служившие на Камчатке и в Охотске.

В 1747 году потребовалось пополнить гарнизон Анадырского острога, и из Иркутска пришло требование выбрать в партию 15 молодых и здоровых казаков «с ых ружьем» и направить «в крайней скорости» в Якутск (Фонд 75, опись 2, арх. № 440, л. 120). Из Братского острога в Анадырский острог вскоре выехало 5 вооруженных казаков, а в начале 1748 года еще 13. Из Яндинского острога один разночинец выехал «самоохотно»; его нанял вместо себя казак этого острога и обещал платить за него подушные сборы (Фонд 75, опись 2, арх. № 468, лл. 73, 108).

Но поселенные в Охотск казаки, набранные в Иркутской провинции, попали в тяжелое положение, и многие из них бежали. В 1750 году власти сыскивали 31 беглеца, из них одного илимского казака (Фонд 75, опись 2, арх. № 532, лл. 26-29).

Когда были закончены работы Камчатской экспедиции, илимские служилые люди сразу почувствовали облегчение: их перестали отсылать по дальним службам и со срочными поручениями. Но все служилые люди были заняты. В 1753 году из 5 детей боярских и 119 казаков в самом Илимске несли службу по выбору 8 человек (счетчики, городничий, сторожа, пожарный), обслуживали винокурение — 12, находи-

лись в караулах вне Илимска — 23, в Илимске — 45, являлись приказчиками острогов и слобод — 7, заготавливали хлеб — 17 (в т. ч. 7 — «у принуждения крестьян»), собирали деньги — 5, находились в посылках — 3; кроме того, один казак был плотником, другой кузнецом. 2 служилых человека состояли под судом (Фонд 75, опись 2, арх. № 654, лл. 161-162). Мало изменилось распределение служилых людей и в 1754 году.

Служилые люди в 1755 году «находились у разных дел, бес которых пробыть невозможно».

Всего в списке поименовано 5 детей боярских, 122 казака «и их старшин» (Фонд 75, арх. № 2001, лл. 51-52, арх. № 2038, лл. 40-47).

Штат казаков был укомплектован теперь с избытком.

Но в следующем году потребовалось дослать в Охотск 78 казаков, в том числе из Илимска — 19. Илимский городской нарядчик выделил требуемое число людей, они прибыли на Усть-Илгинскую пристань, построили там себе плоты и на них отправились, держа путь на берега Тихого океана (Фонд 75, опись 2, арх. № 765, лл. 68-101).

Напряженное положение на китайской границе потребовало усилить гарнизоны в даурских острожках, и туда было набрано в Илимске 23 казака. Почти вслед за этим набор увеличивается до 40 человек, так как из Нерчинска и Селенгинска поступили «несходные с трактатом известия» (Фонд 75, опись 2, арх. № 765, лл. 142-144).

Этих казаков было велено направить из Илимска в Иркутск «с ружьем» и амуницией. При учете оружия у них оказалось казенных гладких пищалей 18, казенных винтовок — 11; у 7 казаков имелось собственное оружие — фузеи, палаши и винтовки. 9 человек были безоружными.

Посланные на китайскую границу казаки служили в Нерчинске и находились там. «по секретным делам с колодниками и за протчими разными интересными делами». Вернулись казаки (илимских 12 человек) в 1757-1758 годах (Фонд 75, арх. № 2467, лл. 7-8).

Видимо, наборы казаков на границу вызвали необходимость точно учесть количество казаков и степень их готовности к военной или городской службе. Учет 1756 года обнимает 120 казаков (там же, лл. 160-170).

Их возраст: 15-18 лет — 7 человек, 19-20 лет — 7 человек, 21-30 лет — 45 человек, 31-40 лет — 26 человек, 41-50 лет — 26 человек, 51-60 лет — 7 человек и старше 60 лет — 2 человека. Из этих казаков 39 человек находились на службе от одного года до 5 лет, 28 — от 6 до 15 лет, 33 — от 16 до 25 лет, 17 — от 26 до 35 лет и 3 казака служили по 36-40 лет. Среди казаков 21 умели читать и писать, а каждый из остальных 99 человек ответил, что «в грамоте не умеет». Пре-

обладающее число служилых людей, именно 82 человека, были женатыми, а 38 человек холостыми. Подвергались наказаниям 15 человек («бит плетью», «плетью по некоторому секретному делу», «розыскиван», «пытан», «пытан однажды»). Оружие имели 58 казаков. У них было 12 фузей, 14 винтовок, 52 палаша, одна шпага и одна сабля; 62 человека не имели никакого оружия.

Такой же подробный учет казаков был произведен в 1761 году, в общем совпадающий с данными 1756 года (Фонд 75. арх. № 2549, лл. 123-137).

В том же году была произведена проверка состояния здоровья тех казаков, которые не отвечали требованиям службы. Но так как по указу Сибирского приказа от 17 ноября 1743 г. воеводы не могли сами увольнять хотя бы и явно негодных казаков от службы, то намеченные к увольнению 8 казаков были направлены для осмотра в Иркутск. С ними заодно высылаются 5 казачьих детей (Фонд 75, опись 2, арх. № 765, лл. 115-117).

В отношении трех казаков иркутская провинциальная канцелярия определила: «еще несколько времени службу при городе безнужно исправлять могут, затем и нет их желания к отставке». Эти трое были в возрасте 55, 62 и 67 лет! Казак Ознобихин оказался по заключению лекаря непригодным к службе, так как у него «левая нога под коленом переломлена, у левой руки в плече сустав вышиблен. У него ж... нутряная болезнь, называемая колика». Другой казак оказался годным, хотя у него «правая рука в плече бывала вышиблена»; кстати, он имел от роду 63 года. У третьего казака «сухая жила повреждена». У четвертого «левая нога в холке и в колене от давления бревном повреждена и жилы сволокло... И правым глазом ничего не видит». У пятого «огнивцо» переломлено. Наконец у шестого «жилу под коленом сволокло и от того нога короче и приступать не может» (Фонд 75, опись 2, арх. № 764, лл. 115-117).

Посланные в Охотск казаки попадали там в тяжелое положение, и многие, не выдержав испытаний, бежали. В июне 1756 года беглый казак Гаврила Шишелякин был пойман илимскими казаками «на Ангарском волоку в Ыреешном (на р. Ирееке) зимовье».

На допросе он показал, что родился в Илимске и по достижении «осмаго на десят лет» был приведен в казачью службу, но жалованья не получал. Прослужив 4 года, он, «тому лет з девять», т. е. в 1748 году, был послан в Охотск вместе с 4 другими казаками. Там прослужил одну зиму, жалованья не получал и казенного мундира не имел. Согласясь с 16 другими казачьими детьми, он из Охотска бежал и явился в иркутскую провинциальную канцелярию, где просил зачислить его в Илимск в казачью службу. Но назначения он

никуда не получил и проживал до 1750 года в Иркутске, работая у канцеляриста и дворянина Федора Литвинцева. Из Иркутска он направился «за море», т. е. за Байкал, обошел заставу лесом, «шетался» там 2 месяца, вернулся в Иркутск и затем пошел в Илимск, где жили его родственники. По его задержали на волоке.

Так как он в «разбоях и в воровствах не был», с другими беглыми связи не имел, то его до отправки в Якутск отпустили на поруки. Но перед отъездом, в мае 1757 года, он бежал из-под караула, несмотря на то, что был в ручных и ножных кандалах. Ему удалось «скинуть» кандалы с одной руки, остальные оковы он разбил камнем. Лето Шишелякин прожил в лесу, где построил шалаш, ловил рыбу и охотился. В сентябре его снова поймали, а весной 1760 года отправили в Якутск (Фонд 75, опись 2, арх. № 779, лл. 1-30).

В Якутске он и другие беглые казаки были переданы сотнику, направлявшемуся с припасами, «верпами» (?), «дреками» (?) и якорями в Охотск. При этом, «дабы оные по заобыклому их к побегу злomu намерению паки с пути утечки не учинили, обриты им, так как протчим при посылке в Охоцк казакам брито было, с уха на ухо, волосы до половины головы».

Бритье головы производилось у всех казаков тихоокеанской службы. Чечуйская приказная изба рапортует в ноябре 1754 года о получении указа, в котором объявлялось, что «у посылаемых в Онадырск, в Охоцк и на Камчатку в службу казаков выбриты до половины головы волосы». При этом было приказано — если такие люди явятся, то ловить их, «несмотря ни на какия их отговорки» (Фонд 75, арх. № 2048, л. 290).

Государство предпочитало обезображивать своих защитников на дальних окраинах, вместо того чтобы облегчить их положение в трудной и опасной службе.

За самые мелкие провинности и упущения казаки подвергались неминуемым телесным наказаниям.

Битье батогами считалось обыкновенным, простым и испытанным методом воздействия на служилых людей, особого рода внушением. И наказывающий и наказуемый могли сомневаться не в том, целесообразно ли пороть человека, а в том — правильно ли установлено число ударов за определенный проступок. Батоги, казалось, существовали с сотворения мира как воплощение абсолютного возмездия, как атрибут, отличающий человека от животного. Они пережили съезжую избу, приказную избу XVII века, приказную палату, воеводскую канцелярию, земский суд XVIII века и были унаследованы следующим столетием. Свист батогов как необходимый аккомпанемент сопровождал службу казака с начала его карьеры и до смерти.

Сменялись воеводы, камериры, фискалы, комиссары, исправники и передавали из рук в руки пучок батогов. Все изменялось, но принцип возмездия и орудие наказания оставались неизблемыми, как неизблемым казался крепостнический строй, эмблемой которого и были батоги.

Как словесные внушения, так и наказание батогами за мелкие проступки нигде не фиксировалось, не заносилось в послужные списки, не отражалось в указах, отсутствовало в книгах, ведомостях и переписке воеводской канцелярии.

Лишь изредка, случайно, по почину какого-нибудь воеводы записывались столь обыденные явления, как внушение розгами. К таким редким записям относятся дела о наказаниях служилых людей за 1759-1760 годы (Фонд 75, опись 2, арх. № 899, лл. 61-62).

Сторож илимской воеводской канцелярии казак П. Кулаков за пьянство и за неподачу свеч служителям наказан батогами (в приговоре значится просто — «батоги»), казак П.С. Кузнецов за драку — батоги, казак И.С. Кузнецов за крик на площади — батоги, казак М.П. Сизов за пьянство — батоги, казак И. Буланов за пьянство, озорничество и топление бани близ дворового строения — батоги, казаки М. Миromanов и И. Балашев за самовольный арест — батоги, казак Ф. Садовников за пьянство и слабую высылку крестьян с хлебом в Илимск — батоги и т. д.

Недисциплинированные, невооруженные, рассеянные по громадным пространствам казаки теперь уже не удовлетворяли самым простым требованиям управления и охраны, даже в таком захолустном городе, каким был Илимск в середине XVIII века.

Давно следовало упорядочить гарнизонную службу, отказаться от воеводских приказчиков в волостях, от разных целовальников и сборщиков. Но казна, соблазненная кажущейся дешевизной услуг служилых людей, т. е. казаков, крайне неохотно, медленно и неуверенно на протяжении 50 лет вводила некоторые изменения в положение служилых людей.

Лишь в 1764 году в Илимск был назначен начальник илимской городской команды сержант Зарубин.

Команда приняла на себя несение гарнизонной службы и тем несколько упростила обязанности илимских казаков.

Илимская воеводская канцелярия отвечала в 1768 году на запрос иркутской губернской канцелярии о числе казаков в Илимском уезде. Налицо было 120 человек, т. е. полный штат (один сотник, два пятидесятника и 117 рядовых казаков). В подушном окладе состояло 2 человеку. Жалование получали, за вычетом на Тобольский драгунский полк и пехотный батальон, «по 4 рубля по сороку копеек з деньгой». Хлебное жалование выдавалось тем казакам, которые не

получили земли: муки по 21 пуду 13 фун., круп по 1 пуду 20 фун. В заключение было добавлено: «Промыслов и вольностей никаких не имеют, а довольствуются денежным и хлебным жалованьем... Примуущества никакого не имеют и находятца все почти в единственном состоянии».

Иркутский губернатор Бриль поручил в 1771 году илимской воеводской канцелярии самой увольнять и заменять не годных казаков, отбирая от них подписку, что они не будут нищенствовать. В том же году воеводская канцелярия уволила 11 казаков. Все они, за исключением одного, имели от 54 до 64 лет. Грамотен был один, а 10 не умели ни читать ни писать. За время службы 7 казаков из 11 имели какое-нибудь наказание: два биты плетью за ложное слово и дело, два биты плетью за другие провинности, «батошьем» бит один за недостачу хлеба во время сплава в Якутск, один «розыскиван» за утрату казенного хлеба, один бит «за збег от набору в драгуны» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1260, лл 18-21).

В следующем году Бриль предложил объединить всех казаков Иркутской губернии под командой секунд-майора и заменить пашни хлебным жалованием (Фонд 75, опись 2. арх. № 1301, лл. 78-91).

Мало что изменилось в положении служилых людей и при переезде воеводской канцелярии из Илимска в Киренск, даже штат остался прежним — 88 человек. В 1776 году оставался налицо 71 казак. Из этого числа в Илимском комиссарстве «в карауле и у дел» находилось 15 казаков и сотник. Старинное название «пятидесятник казачий» заменилось словом «урядник», число их осталось без изменения (2 человека). «У винного подвала» находилось 15 казаков, из них 7 — «в смотрителях» и 8 — в карауле. Семь казаков охраняли соляные варницы и соляные ключи около деревень Шестаковой, Туруцкой и Марковской. Один находился «у заливной машинной трубы», трое «у казенных работ» в качестве каменщика, кузнеца и плотника, один в воеводской канцелярии «в за почтмейстерах», один — «в за почталионах», трое «при гобвахте (новое слово) в карауле», один при команде «за писаря» (тоже новое слово). Остальные исполняли разные обязанности такого же рода — «при городе за магазейн-вахтера», в канцелярии «в мелочных за камисара», «у зборов денежной казны в щетчиках», Некоторые — в служебных отъездах.

Один казак «состоит в карауле в канцелярии. За оног в карауле стоит отец ево Андрей Курбатов», 9 казаков «находятся в домах своих, а караул за них стоят наймом» (Фонд 2, арх. № 49, лл. 2, 5).

Все — типичное для глухого уездного городка, в котором жизнь текла медленно, без событий и почти без перемен.

Одновременно был произведен учет земель у казаков, а также у детей боярских. Из 76 человек пользовались землей за хлебное жалование 17 казаков и детей боярских, а 26 человек пользовались сенокосами, за которые они платили оброк.

Первая группа имела 280 десятин пашни и 273½ десятины сенокосов, т. е. по 32½ десятины на человека. Вторая — имела в оброчном пользовании 6 десятин пашни и 120 десятин сенокоса, в среднем менее 5 десятин на человека. Такая площадь могла обеспечить содержание 1-2 голов крупного скота на двор.

В том же 1774 году по Иркутской губернии губернатором Брилем были установлены новые штаты казаков. Это было вызвано тем, что со времени утверждения Сибирским приказом штатов в 1726 году многие города и остроги потеряли былое военное и административное значение, зато возникли новые укрепленные крепостцы и форпосты, в которых необходимо было иметь гарнизоны (Фонд 2, арх. № 407).

Численность казаков была установлена по губернии в 2000 человек. Из них 1000 казаков распределялись по старым городам и острогам, остальные 1000 человек размещались (в 1780 году) сотнями по разным крепостцам и форпостам Забайкалья. Годовые оклады в течение истекших 38 лет оставались без изменения.

Большинство казаков жило бедно, жалование не покрывало самых насущных потребностей. Еще в 1780 году иркутская губернская канцелярия просила Сенат сложить с служилых людей недоимки по подушным сборам. Губернская канцелярия указывала, что местные дворяне, дети боярские и казаки «бедны и несут неотложные службы». Но лишь в 1796 году Сенат представил Екатерине II решение о полном освобождении служилых людей Иркутской губернии от подушных сборов и о сложении недоимок. Екатерина II на докладе Сената написала 28 октября 1796 года: «быть по сему» (Фонд 9, арх. № 176, лл. 58-60).

Штат казаков в связи с созданием киренской городской команды был значительно уменьшен. При выдаче в 1787 году хлебного жалования «иркуцкого казачья штата и их старшин», т. е. казаков, числилось в Киренской округе 29 человек и «киренского дворянского штата» числился один сын боярский.

Среди казаков, кроме сына боярского Михаила Литвинцева, имелись 2 конных урядника, 1 капрал и 8 конных казаков, 1 пеший урядник и 17 пеших казаков.

Так усложнение системы управления привело к превращению служилых людей XVII века, носивших неспроста название казаков, в подсобную силу к общему полицейскому аппарату.

Дети боярские являлись как бы старшими служилыми людьми, имевшими по своему званию большее право на занятие первых служебных мест в уезде. Звание это давалось в XVII веке только за личные заслуги, а в XVIII — по протекции уездных властей. Оно могло теряться, если сын боярский совершал какое-нибудь преступление или серьезный служебный проступок. Оно не являлось наследственным, хотя дети сынов боярских могли выступать в качестве первых претендентов на зачисление их в должность отца и на присвоение им его звания.

Несколько выше считалось звание местного (иркутского илилимского) дворянина.

Звание детей боярских в XVII веке давал Сибирский приказ, в первой четверти XVIII века — Тобольск, а затем, с 1732 года — иркутская провинциальная канцелярия (Фонд 75, арх. № 393, л. 12).

С 1726 года по Илимску был определен постоянный штат детей боярских в числе 5 человек. Все они получали только денежное жалование, а вместо хлебного жалования наделялись землей.

Жалование иркутского дворянина первой статьи составляло 20 рублей в год, а с 1737 года, когда были введены вычеты — 17 руб. 62 коп. Илимские дети боярские получали по 8 рублей в год, а с 1737 года — по 7 руб. 4 копейки с деньгой (Фонд 75, опись 2, арх. № 432).

Некоторые изменения в составе детей боярских были произведены в 1751 году. В частности Петр Качин, утвержденный в 1742 году сыном боярским, теперь, по указу иркутской провинциальной канцелярии, лишается этого звания. «На место безграмотного и малое мысленного и к делам неспособного» Петра Качина назначается Андрей Березовский. Понадобилось 10 лет, чтобы уездная и губернская власть убедилась, что Качин неграмотен и неспособен нести ответственную службу! (Фонд 75, опись 2, арх. № 575, л. 93).

Вообще илимские дети боярские, за немногими исключениями, были как служилые люди невысоких деловых качеств. Пожалуй, они стояли в этом отношении ниже рядовых казаков. Может быть, такое заключение напрашивается вследствие того, что дети боярские занимали более видное служебное место и их недостатки скорее находили отражение в делах, чем проступки и недостатки простых казаков. В 1763 году, например, из трех детей боярских выделялся Андрей Березовский. Другой — Иван Литвинцев жил без дела в Яндинском остроге, а против третьего — Никифора Литвинцева якутская воеводская канцелярия возбудила дело о взыскании с него 1000 рублей (Фонд 75, опись 2, арх. № 1033 л. 74).

Но в 1765 году и Андрей Березовский был уличен во взятках. И хотя он «помирился» с крестьянами, однако было велено приказчиком его более не назначать.

Иван Литвинцев в 1766 году был под следствием по заявлению яндинских крестьян «в обидах»; за это его били «батогми». Другой Иван Литвинцев в 1764 году обвинялся в битье витимских крестьян и во взяточничестве. Два остальных сына боярских, числившихся в 1772 году, не были запятнаны никакими грязными делами, но они еще были очень молоды — 20 лет и 21 года и только что вступили на проторенный отцами путь службы, путь обманов и насилий, путь, на котором уже маячили вехами батогми (Фонд 75, опись 2, арх. № 1300, лл. 46-52).

Все-таки и уездная и губернская власть считала детей боярских наиболее надежным слоем в составе служилых людей. В 1774 году были изданы указы, запрещавшие воеводам увольнять и сменять детей боярских. Их дети должны были обучаться грамоте и готовиться к службе. Так, 9-летний сын Березовского «обучается словесному», другой — «обучается писать».

Но значение детей боярских как казачьих «старшин» уже было безвозвратно утеряно. Ко времени переезда воеводской канцелярии из Илимска в Киренск оставалось 4 сына боярских, не игравших уже в жизни нового уезда никакой роли. Один был под следствием, другой «к повышению чина за слабостию и невоздержностию недостойн», остальные не имели и земли.

В лице сына боярского бесславно сходил в XVIII веке со сцены лицедей, запачкавший своим поведением память выдающихся детей боярских XVII века.

ЗАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕР

Запличный мастер, или палач, осуществлял наказание, а когда применялась пытка, то бил кнутом допрашиваемого. Эти обязанности мог в отдельных случаях выполнять по приказанию воеводы любой казак, но заниматься таким нечистым делом, превращая его в специальность, в ремесло — охотников из казаков не находилось. Поэтому на должность запличного мастера обычно подбирались преступники, изъявлявшие желание нести подобную государствену службу.

Первый илимский палач, о котором сохранились сведения, был Петр Шарапов, служивший запличным мастером до своей смерти в 1714 году. Он получал в год 3 рубля денежного жалования, $2\frac{3}{4}$ четверти ржи, 1 четверть овса и $1\frac{1}{2}$ пуда соли.

После его смерти и до 1718 года палачем служил обротчик Иван Екимов сын Долгопол.

Затем, в течение 15 лет Илимск, видимо, обходился без специального палача. В делах за это время ни разу не встречается документов о заплочных мастерах. Да и сама илимская воеводская канцелярия, составляя в 1738 году справку о палачах, указала, что ей неизвестно, кто был заплочным мастером с 1718 по 1735 год.

Ссылный Иван Ремезов просил в 1735 году выплатить ему денежное жалование: «в нынешнем 1735 году по требованию от оной канцелярии взят я, нижеименованный, с Усь-Куту ис команды морского флота от капитана господина Чирикова в заплочные мастера. И ныне имеюсь я в заплочных мастерах, а пропитания никакого себе не имею, а денежного и хлебного жалования мне не определено» (Фонд 75, арх. № 608, л. 120).

Сам палач был неграмотным.

С 1737 года палаческую должность нес ссылный Алексей Стрелков. Он подал челобитье о выдаче ему жалования, но, получив деньги, «из Ылимска нечем куда бежал» (Фонд 75, арх. № 808, л. 55).

Другой ссылный, исполнявший палаческую должность, Григорий Жемчюгов, просил выдать жалованье в 1739 году. Согласно заявлению он получил за год 3 рубля деньгами и 2 четверти 1½ осьмины ржи.¹ За овес ему выдали рожью «вполы»: 1 осьмину (Фонд 75, арх. № 925, лл. 89-93). Но этот заплочный мастер в 1740 году был выслан в Иркутск по секретному делу.

Вскоре поступило заявление ссылного Решмы о зачислении его на освободившееся место. Но так как от иркутской провинциальной канцелярии на 1743 год не было получено разрешения на выдачу жалования заплочному мастеру, то Решма просил зачислить его казаком (Фонд 75, арх. № 1126, лл. 111-116).

После смерти Решмы заплочным мастером был назначен в 1749 году ссылный Басаев, но опять без жалования. С него лишь не брали подушные деньги. Это было платой палачу (Фонд 75, арх. № 1695, л. 13). Затем он получал положенный палачу оклад. Служил Басаев в этой должности очень долго; в 1763 году он просил выдать ему жалование за октябрьскую треть. Палач этот был неграмотным, его ремесло не требовало умения читать и писать (Фонд 75, арх. № 2739, л. 165).

После этого времени заплочного мастера в Илимске уже никогда не было. Еще одна средневековая фигура канула в вечность.

Осьмина — 4 пуда.

ГОРОВОВАЯ КОМАНДА

Политика укрепления полицейских сил, проводимая правительством в конце XVIII века, затронула и Сибирь. В уездных городах были созданы особые городовые команды, которым поручалось несение гарнизонной и полицейской службы.

Сибирский губернатор Чичерин в 1764 году направил в Илимск через секретную комиссию бывшего каптенармуса Ладожского пехотного полка Афанасия Зарубина (Фонд 75, арх. № 2826, лл. 1).

В Илимске Зарубин был назначен сержантом городской команды и, впредь до назначения подпоручика, временным ее начальником. Казаки Илимского уезда получили, таким образом, первого воинского начальника. Вскоре начала формироваться особая илимская городовая команда, главным образом, из негодных к строевой службе солдат.

Сержант Афанасий Зарубин происходил из крестьян Илимского уезда, родился он в деревне Едорме и при назначении в Илимск уже имел 51 год. За свою службу в армии он не раз участвовал в войнах: «В Турецкой акции под Очаковым в 737-м году, в 738-м — под Вендеры (Бендеры), в 739-м — под Хотимом, где было и сражение; в Швеции в 741-м под Вильмоstrandом, в 742-м под Фридрихсгамо и под Елкинфором и под Мызою швецкою, где и сражении были с неприятелем, в 743-м под Абовым, в 757-м — по 762 год в Прусской баталии, под городом Вилавой, где было и сражение, и ранен в левую ногу пулею. Под городом Кистрином голова разсечена саблею».

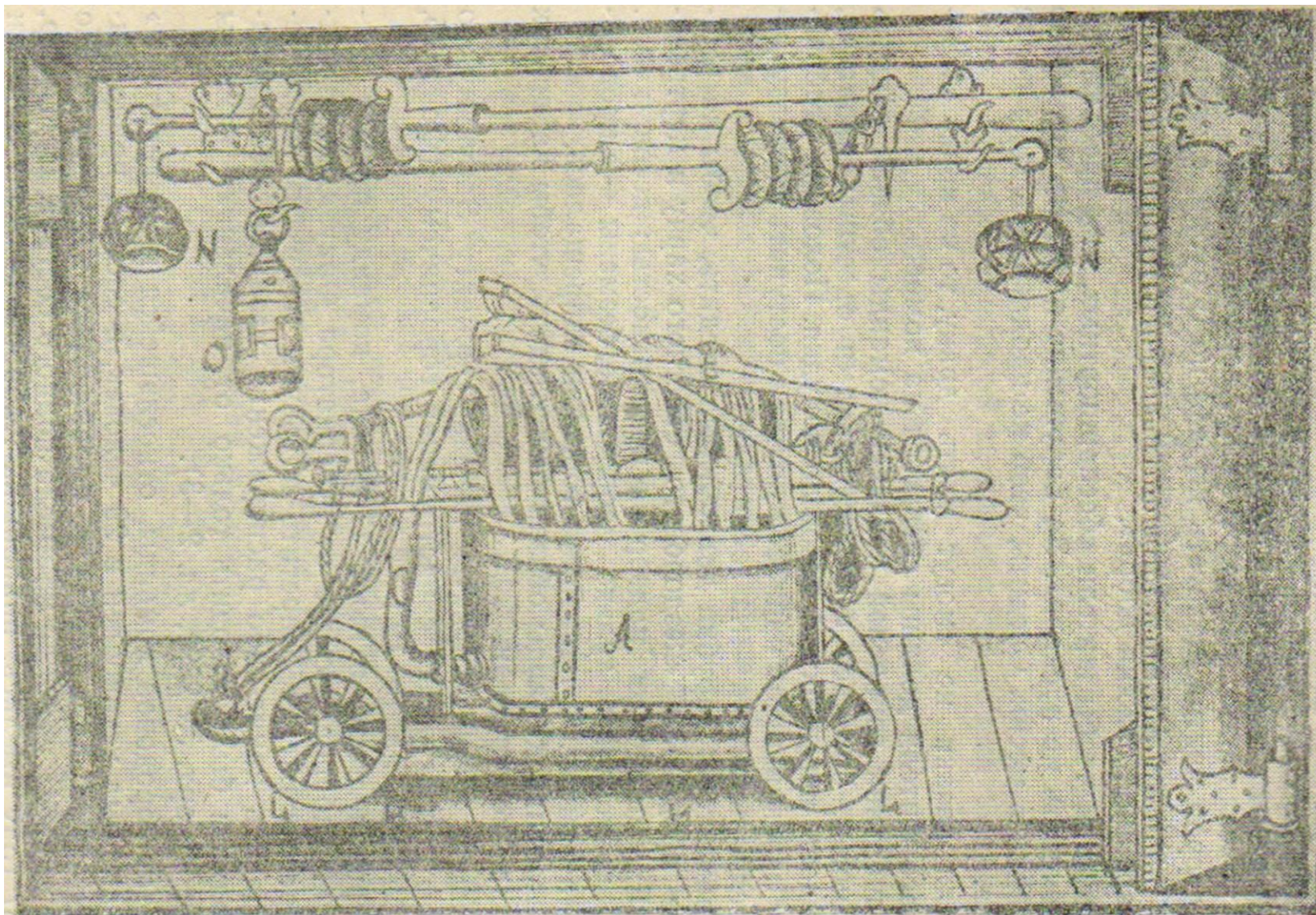
В наказаниях он не бывал. На вопрос «В грамоте читать и писать умеет или нет» об этом заслуженном воине сказано — «не умеет».

Умер Зарубин в 1770 году (Фонд 75, арх. № 3086, л. 149).

В инструкции Зарубину предписывалось принять команду казаков в числе 120 человек, завести списки казаков, «смотреть», чтобы они имели «свое ружье — фузеи или винтовки, палаши или сабли», выдавать им жалованье. Сержант был обязан наблюдать за поведением казаков, чтобы среди них не было «своевольтства», ссор, драк и пьянства, чтобы они «в одежде следили за собой».

Зарубину поручалось вести казачьи наряды, принять казачью караульную избу и держать караул у воеводской канцелярии, при тюремном остроге, у казенных амбаров и у винного подвала.

Затем в инструкции излагаются полицейские обязанности командира казачьей команды. Он должен учредить распорядок на случай пожарных тревог; приказать жителям Илимска завести для печения хлеба и приготовления пищи летом и весной «особливые печи на дворах или в огородах»; распи-

Чертеж пожарной машины, находившейся в Илимске.
Вторая половина XVIII века.

сать, с каким пожарным инструментом должен являться каждый житель на пожар; определить на каждую улицу старосту, на десять дворов — десятского, на 50 дворов — пятидесятника, на 100 дворов — «соцкого».

Каждому жителю Илимска вменялось в обязанность против своего двора «иметь чистоту, и всякой помет и сор чистить и возить в удобныя порозжие места», а на реку нечистоты не сваливать. «За мертвечину, всякой помет, против чьих дворов явитца [налагать штраф] по 3 rubli, а за протчие ж нечистоты и за несвободный сток воды — по 3 копейки с поперешной сажени двора».

Следить, чтобы жители «беспашпортных, как пробьют зорю, ночевать не пускали». За нарушение налагать штраф по 10 рублей в месяц. Следить, чтоб не продавалось вино после «зари».

Если казаки не смогут унять драку, то по крику «караул!» все жители должны сбегаться на помощь.

Начальник городской казачьей команды обязан следить за рынком, бороться с перекупщиками съестных припасов, запрещать перекупку с возов до полудня. Половина отобранных у перекупщиков припасов должна поступать в пользу доносителя, половина — на госпиталь.

Кроме того, Зарубин должен был следить, чтобы на рынке не продавали «нездорового съестного харчу и мертвечины». Ему поручался надзор за правильностью весов и мер. Весы допускались только заорленные, безмены — с проволокой, на ремнях. В праздники торговля запрещалась.

Начальник команды обязан был следить, чтобы на дворах и улицах не стреляли.

Таковы главные пункты наказа сержанту Зарубину, во многом совпадающие с инструкцией городничему (Фонд 75, арх. № 2826, лл. 9-19.)

Через полгода, в июле 1765 года, команду принял прапорщик Хабаров. Вскоре от губернатора Фрауэндорфа пришло распоряжение запретить подьячим и другим служителям давать какие-либо распоряжения казакам. Все приказы должны были исходить только от начальника команды (Фонд 75, арх. № 2891, лл. 2-3).

Штат городской команды, относившейся к «регулярным» войскам, был установлен в 29 человек, в составе прапорщика, сержанта, двух капралов, барабанщика и 24 солдат. Но почти никогда команда не имела полного состава. Например, в 1767 году имелись: прапорщик Хабаров, сержант Зарубин и 22 солдата.

Обмундирование солдату выдавалось на определенный срок: кафтан, камзол, погоны, «шляпа мушкатерская» на 2 года, епанча на 4 года, сапоги круглоносые, башмаки круг-

лоносые, чулки, холст рубашечный, холст штанным на I год и медные пуговицы на 20 лет (там же, 82-83).

Согласно штатам и окладам, утвержденным Сенатом 31 декабря 1763 г. по городovým командам при воеводских канцеляриях, полагалось подпоручику или заменяющему его прапорщику 126 руб. 38 $\frac{1}{8}$ коп. денежного жалования в год, сержанту — 15 рублей, капралу — 11 рублей, рядовым и барабанщику по 7 руб. 50 коп.

Кроме того, капралу и солдатам выдавалось в месяц по 1 пуду 32 $\frac{1}{2}$ фун. муки и по 5 фунтов крупы (Фонд 75, опись 2, арх. № 1219, лл. 25-27).

В городовую команду зачислялись отслужившие свой срок солдаты, многие из которых долгие годы провели в действующей армии. По формулярным спискам 1773 года из 29 человек илимской городской команды в сражениях бывали 10 человек.

Один участвовал в Прусском походе; двое — «в турецкой акции» и в войне со Швецией, где были ранены; один в 1743 году посылался «для усмирения горских татар». Еще один солдат участвовал в 1738 году «в турецкой акции... голова порублена, под бороду пулею прострелена», в 1741 году он был в боевых действиях против «Тухминских татар», в 1753 году его посылали «в Персидские горы против горских татар». Один солдат в 1757 году познакомился со Швейцарией (Фонд 75, опись 2, арх. № 1335, лл. 108-119).

Видимо, в течение следующих 5 лет илимская городовая команда не пополнялась, так как в ней к 1778 году осталось только 5 человек. Сержантом служил Дохтуров, происходил он из подьячих г. Тобольска. Другой член команды — капрал, происходил из ямщиков, служил 37 лет, «грамоте не умеет»; солдат Ступин 67 лет из деревни Ступиной Илимского уезда, был в боях, попадал в плен к шведам, но бежал. На службе состоял 40 лет; солдат Зырянов, 58 лет, бывший посадский г. Илимска, продолжал служить 40-й год, был ранен в боях; последний — солдат Попов, 19 лет, являлся илимским казачьим сыном.

Вся команда, начиная с сержанта, не умела ни читать, ни писать (Фонд 2, арх. № 174, лл. 50-53).

Возраст солдат был, как видно, самым разнообразным. Ступин мог годиться своему сотоварищу Попову если не в прадеды, то по крайней мере в деда, так как был старше его почти на 50 лет. Имя Ступина встречается в последующие годы, когда ему минул 71 год. Он все еще был солдатом илимской городской команды.

Состав команды не изменился и после перевода воеводской канцелярии в г. Киренск. Во II томе дел о служащих и казаках за 1779 год (Фонд 2, арх. № 214, лл. 57-59) приводятся сведения о состоянии здоровья солдат киренской го-

родовой команды. Саве Попову исполнилось 59 лет, «болезни имеет:... дряхл, руками, ногами и головою болен и в голове беспрестанной шум, отчего и ушми мало слышит», солдат Чинавин достиг 62-летнего возраста. «Болезнь... дряхл, руками, ногами и головою болен... шум... мало видит. И всем корпусом слаб и дряхл». Тимофей Сизых, 63 лет — «болезнь имеет в ногах — одна была ломана, а у другой от ознобу, у левой ноги, икра высохла. И ногами в ходьбе едва владеет. Во рте на правой стороне зубов нет. Глазами мало видит. И всем корпусом слаб и дряхл».

Таковы были «холстомеры» екатерининской армии, выдавшие Румянцева, Кутузова и Суворова, а под конец жизни дряхлевшие где-то на заднем дворе российского воинства.

Увольнение солдат из местной команды могло произойти только вследствие полной неспособности солдата к службе.

Уволенные «из нерегулярной службы» давали подписку «с поручными», что они будут жить на своем пропитании... и по миру ходить и празднo шататься... не будут» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1260, л. 34).

Такие солдаты отпускались «на собственное пропитание», и им выдавался аттестат; образец подобного документа, выданного в 1785 году, приводится ниже.

«По указу ея императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской и прочая и прочая и прочая. Объявитель сего, служившей... салдат Михайла Каморников... города Илимска ис крестьян... В штрафе по суду и без суда не бывал... Оказался [негодным к службе] от полученного удара бревном по затылку, имеет в голове беспрестанной лом, шум и слабой слух. У левой руки большей перст расшибен, у правой ноги берцовая кость переломлена, коей весьма худо и владеет... Отставлен мною вовсе... на пропитание подписавшегося по нем иркутского купца Андрея Хромцова. Для чего везде, где он жить будет, чинить ему за службу должное уважение, благодеяние и вспомошествование в потребных случаях. Равным образом и он, Каморников, должен вести себя добропорядочно, а особливо бороду брить и немецкое платье носить, ни до каких шалостей себя не допускать, также и по миру не бродить». Далее в аттестате приводятся приметы солдата. После его смерти этот документ подлежал сдаче «в присутственное место».

На аттестате стояла следующая замысловатая подпись: «Ея императорского величества всемилостивейшей государыни моей генерал-порутчик, правящей должность иркутского и колыванского генерал-губернатора и орденов российских: святого Андрея Невского, святого великомученика и победоносца Георгия третьяго класса, святого равноапостольного

князя Владимира и великокняжеского Голштинского святыя Анны кавалер Иван Якобия» (Фонд 9, арх. № 158, лл. 2, 19).

После ликвидации воеводской канцелярии киренская городовая команда подчиняется городничему, и состав ее пополняется илимскими казаками и солдатскими детьми.

По формулярному списку 1785 года (Фонд 435, арх. № 4. лл. 405-418) налицо имелось 34 человека, включая прапорщика, так и не получившего, несмотря на 46-летнюю службу чина подпоручика.

По возрасту служащие в команде распределялись так 13 лет — 2 солдата, 14-18 лет — 7, 31-40 лет — 11, 41-50 лет — 8, от 51 до 75 лет — 5 человек. Один солдат имел 24 года. Как видно, солдат в возрасте 19-30 лет, за исключением одного, в команде не было.

Служило в армии в течение 5 и менее лет 8 человек, до 15 лет — 3, до 25 лет — 13, до 35 лет — 6, четверо состояли на военной службе от 45 до 50 лет.

По происхождению 14 человек относились к казакам, 10 — являлись выходцами из солдатских и унтер-офицерских семей, 3 — из крестьян, 2 — из церковников, 2 — из офицерских детей и 3 — из посадских.

Большинство солдат было женатых — 23 человека; 11 являлись холостыми. Из 34 человек 16 умели читать и писать, остальные были неграмотными.

Два солдата находились в это время в Иркутске для обучения, один — «портному», другой (13-летний мальчик) «чеботному» делу. Два других являлись счетчиками киренского уездного казначейства, причем один из этих, так сказать финансовых работников, был неграмотен.

Солдат Кирпишников, сын солдата, пробыл на военной службе 30 лет, был произведен в капралы, а затем в подпрапорщики. Но за какую-то «фальшивую инструкцию» был наказан шпицрутенами — его прогнали 5 раз сквозь строй из 1000 солдат; потом он был за битье беглого «бит батоги», а в 1785 году за самовольную отлучку разжалован иркутским военным судом «вечно в салдаты» и приговорен «к прогнанию сквозь строй чрез тысячу человек двенадцать раз».

Этому старому солдату, участнику прусских походов 1760-1761 годов, грозила смерть на казарменном дворе, где заготавливали 12000 розог.

Но нелепость решения, военного суда, приговорившего Кирпишникова за отлучку в нетрезвом состоянии к столь несоразмерно тяжкому наказанию, была так очевидна, что оно не было приведено в исполнение. Подпрапорщик Кирпишников оказался солдатом киренской городской команды.

В конце XVIII века в городовую команду было добавлено 9 драгун.

Так создавалась из старых служак, хотя и небоеспособная, но все-таки организованная сила, несшая гарнизонную и полицейскую службу.

В конце XVIII века в составе илимского населения появилась одна маленькая по численности группа, так называемые военнопоселенные.

Согласно указу Сената от 23 января 1789 г. отставные нижние чины и их семьи, селившиеся в деревнях, выключались из подушного оклада. Но зато все дети муж. пола военнопоселенных, кроме одного сына, оставляемого при родителях по их выбору, зачислялись в военную службу по достижении 20-летнего возраста (Фонд 9, арх. № 158, лл. 1-2).

По волостям Киренского уезда проживало в 1793 году 10 военнопоселенных муж. пола и 9 жен. пола. Все они имели дома, занимались хлебопашеством и были «поведения хорошева», как отзывались о них мирские избы. Кроме отставных капралов и солдат, в уезде насчитывалось 19 отставных казаков в возрасте от 34 до 95 лет. Большинство бывших солдат и казаков было уволено «на вольное житье» по старости или болезни: «за увечьем», «за старостью и дряхлостью», «за изломлением правой руки», «упал с колокольни», «ранен в бою со шведами» и т. д. (там же, лл. 6-20).

В 1798 году в Киренском уезде числилось военнопоселенных 6 дворов, в том числе 2 вдовьих. В списках военнопоселенных имеются отметки о пожелании отца или матери оставить при себе одного из сыновей, чаще всего младшего (Фонд 9, арх. № 200. лл. 107-109).

* * *

Процесс бюрократизации государственного управления и укрепления общеимперской власти в Сибири в корне изменили обязанности и положение всех звеньев сложной группы служилых людей Сибири.

В итоге на протяжении XVIII столетия распалась вся группа служилых людей, имевших в XVII веке столь большое значение в освоении восточной окраины и в управлении ею.

С введением оплаты за мышечный труд исчезли судовые плотники, мельники, кузнецы и им подобные служилые люди, выполнявшие «государевы зделья». Они превратились в оброчников или крестьян.

Отслоились от служилых людей подьячие и писчики воеводской канцелярии и мало-помалу становились низшими чиновниками.

Закончили свою «службу» без обязанностей беломестные казаки и влились в массу государственных крестьян.

Стали ненужными приказчики, и усилившаяся власть безболезненно передала управление волостями крестьянским выборным.

Остальные казаки превратились в подсобную силу полицейского аппарата.

С исчезновением служилых людей стерлись или отпали многие черты XVII века, отмерло и самое выражение «служилые люди».

ГЛАВА XV

МЕСТНОЕ ЯСАЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕСТНЫХ НАРОДОВ И ОТНОШЕНИЕ ИХ К РУССКИМ

В пределах Илимского уезда обитали тунгусы (эвенки) и буряты. Численность их никогда не превышала нескольких тысяч человек. Тунгусы рассеялись по труднодоступным таежным местам, совершенно непригодным для земледелия. Киренско-Хандинско-Усольская ясачная волость лежала по р. Ханде и верхнему течению р. Киренги; Верхне-Илимская ясачная волость простиралась по р. Илим, вверх от г. Илимска; Нижне-Илимская ясачная волость объединяла тунгусов, живших по р. Илим ниже г. Илимска; Верхне-Окинская и Ицкая ясачная волость занимала местности вверх по р. Оке, считая от Братского острога, и по р. Ие; Верх- и Низ Ангарская Подорожная и Удинская ясачная волость простиралась от Братского острога вверх по Ангаре до р. Уды. Состав волостей в XVIII веке несколько раз изменялся.

Никаких границ ясачных волостей не существовало, да в этом и не было надобности, так как нигде ясачное население не занимало сплошных пространств и одна ясачная волость отделялась от другой или безлюдными местностями или русскими «хлебными» волостями.

Бурят в пределах Илимского уезда оставалось к началу XVIII века несколько десятков семей, кочевавших по рекам Оке и Ие. Но постепенно все буряты перешли южнее, в пределы Балаганского «дистрикта», и уже к концу XVIII века их не оставалось в Илимском уезде ни одной семьи.

Каждая ясачная волость управлялась выборным шуленгой. Шуленги подчинялись илимской воеводской канцелярии, а после ее упразднения — киренскому нижнему земскому суду.

Местные народы Сибири вовсе не имели своего голоса ни в воеводской ни в губернской системе управления. Впрочем,

в конце XVIII века кратковременно избирались от ясачных заседатели в нижний земский суд, в нижнюю расправу, а также в некоторые губернские судебные учреждения. Но Павел I лишил ясачных и этого права, которым они едва успели воспользоваться.

Точного и упорядоченного законодательства о ясачных в XVIII веке не существовало. Местные власти руководствовались в отношении ясачных отдельными правительственными актами, указами Сибирских учреждений и некоторых крупных сановников.

Ясачные, как и пашенные крестьяне, считались лично свободными.

Но правовое положение ясачных больше, чем какой-либо другой группы населения Сибири, зависело от произвола властей, а каждый шаг власти, касавшийся туземцев и в действительности направленный к защите интересов казны, истолковывался правительством как доказательство особой милости и неизменной заботы о ясачных.

Все довольно многочисленные государственные акты о запрещении закабалять туземное население исходили из стремления поставить ясачного под непосредственное руководство властей без каких-либо посредников, урывавших часть доходов казны.

Иркутская губернская канцелярия 25 августа 1757 г. (Фонд 75, арх. № 2290, лл. 162-172) подтвердила всем воеводским канцеляриям, что ясашные должны освобождаться от кабалы. При этом была сделана ссылка на указ Сибирского приказа от 26 марта 1757 г. А Сибирский приказ в свою очередь обосновывал свое распоряжение указами Сената от 2 июня 1733 г., 21 октября 1745 г. и 20 июля 1748 г., по которым было велено в Якутске и в Иркутской провинции «у разных чинов людей в холопстве ясачных, новокрещеных и некрещеных мужеска и женска полу иноверцов, отобрав у них, от того холопства свободить в самой крайней скорости». Некрещеных было предложено отпустить на их старые жилища, а крестившихся разрешалось жить в городах и уездах «между христианами». Подтверждались ранее изданные указы — не обращать ясачных в личное услужение «и под образом долгов никаких кабал с них не брать». Если же кабалы выданы, то по ним не взыскивать, исключая долгов по торговым сделкам. В том же указе иркутского губернского правления отмечалось, что сибирский губернатор Соймонов велел расследовать, почему некоторые тунгусы после крещения «живут у восприимных их отцов». Эти крестные отцы «молитву дав, усыновляют (ясачных) и во услугах и в пастухах и в протчих работах у себя содержат... и потом за работу необыкновенно малую цену платят».

Можно мимоходом отметить, что властями было дано указание: «ясашным иноверцам по их древнему обыкновению в делании про себя из молока кумыза и вина запрещения не чинить».

Но торговля упомянутыми напитками не разрешалась (Фонд 75, арх. № 2290, лл. 125-131, также фонд 75, опись 2, арх. № 803, лл. 36-41).

Ясачные освобождались от военной службы.

Но, несмотря на разъяснения, оставалось много неясного как в правовом положении ясачных, так и в их обязанностях к государству. Не раз как воеводская, так и губернская канцелярии затруднялись решать многие вопросы из жизни ясачных.

Однажды якутская воеводская канцелярия запрашивала о порядке судебных разбирательств по делам, связанным с ясачными якутами. Иркутский губернатор Бриль дал 29 июля 1773 г. следующее разъяснение, посланное для сведения и по волостям Илимского уезда: о взыскании частных долгов руководствоваться старыми указами; с пойманными ворами поступать по наставлению 1723 года, данному Савой Владиславьевичем (Разгузинским), указом коллегии иностранных дел от 8 ноября 1729 г. и указом Сената от 16 сентября 1769 г. Дела о воровстве в городе разбирать опекуну вместе с депутатом ратуши и «с протчими в городе случающимися[ся] князцами и старшинами». При этом предписывалось: «дабы (разбирательство) чинили со всякою справедливостью, без малейшей на кого-либо посяшки, но стараться накрепко обидимых от клевет защитить. А кто явится подлинно перед канцелярией, и отсылать в их улусы и волости к старшинам (иногда — «в их команды») с показанием их вин... с подтверждением, чтоб оне из их родов отпусканы не были, а принуждать — велеть ходить обще со своими родниками на звериные и протчия промыслы. А от воровства их удерживать» (Фонд 75, опись 2, арх. 1371, лл. 1-3).

При нарушении прав ясачных они могли обращаться с жалобами, личными и коллективными, в воеводскую или в провинциальную канцелярию. Но при неясности общеправового положения ясачных, безгласности, неграмотности, рассеянности по таежным стойбищам и при слишком прямой зависимости от местных властей, многие жалобы ясачных затеривались в канцеляриях или рассматривались пристрастными, заинтересованными людьми. А сколько обид не было обжаловано, сколько желаний осталось невысказанными!

Даже возбужденные ясачными бесспорные дела нередко заглушались, обычно под видом мировых.

Ясачные в Верхне-Окинской и Ицкой волости «опромыш-

ливались» крестьянами Братской волости, вероятно, в течение длительного времени. Наконец яачные подали в 1773 году жалобу в илимскую воеводскую канцелярию. В яачную волость были высланы служилые люди, чтобы повести следствие на месте. Может быть, следователи казались яачным опаснее крестьян, поэтому челобитчики предпочли примирение суду (Фонд 75, опись 2. арх. № 1419, лл. 70-71).

Другое дело о нарушении прав тунгусов прошло ряд инстанций, и виновные не понесли наказания. Производство этого дела заняло свыше 350 страниц (Фонд 4, арх. № 75, лл. 92-270).

Дело началось с указа иркутского наместнического правления от 23 июля 1789 г. в киренской нижней земский суд об опромышливании нерчинских тунгусов крестьянами Киренского уезда. Тунгусские шуленги жаловались в 1787 году, что 30 русских построили на р. Маме зимовье, нарубили «плашники» и ловят соболей.

Иркутское наместническое правление заканчивало указ предписанием киренскому земскому суду о производстве следствия и о подтверждении прав тунгусов, «дабы ...сего дикаго и необстоятельного народа» не вводить в «затруднительные последствия». Виновным грозило телесное наказание и ссылка в Нерчинск.

Но первые же показания крестьян раскрыли, что они были наняты на промысел священником Витимской слободы Ощепковым и, следовательно, отпадала возможность применения плетей к виновнику.

Узнав об участии священника в опромышливании тунгусов, киренский нижний земский суд просил киренское духовное правление допросить Ощепкова. Последний показал, что 6 крестьян «брали хлеб и протчия припасы... за ряженую плату, з договором, — что' ими будет упромышлено, половина промысла за ужны». Оказывается у Ощепкова в двух артелях было 13 человек.

На очных ставках выяснилось, что Ощепков получил с обеих артелей 42 соболя и 150 белок, которые были проданы за 189 руб. 50 коп.

Способ расчета священника с членами артели оказался довольно своеобразным: перед отъездом члены артели получили от священника хлеб и разные припасы, нужные для промысла, так называемые «ужны». Эти «ужны» оценивались в половину стоимости пушнины, которая будет добыта. Если бы члены артели ничего не добыли, то священник потерял бы все, что он затратил на «ужны». Если бы промысел оказался удачным, то каждый артельщик получил бы деньгами половину стоимости пушнины, а вторая половина засчитывалась бы за «ужны». Допустим, «ужны» стоили священнику по 3 рубля на человека. Фактически на каждого члена

артели было добыто пушнины на 14 рублей. Значит, они получили на руки по 7 рублей, а доход священника составил 4 рубля с каждого члена артели.

При производстве следствия в киренской нижней расправе выяснилось также, что был еще один предприниматель, крестьянин Серкин, артель которого добыла пушнины на 496 рублей.

Киренская нижняя расправа, где, кстати сказать, заседали и крестьяне, решила послать указ киренскому нижнему земскому суду, чтобы он подтвердил запрещение крестьянам ходить на промыслы к ясачным.

Значит, крестьяне, работники обоих нанимателей, были отпущены с миром.

В отношении Ощепкова киренская нижняя расправа постановила: взыскать в казну стоимость проданных зверей, т. е. 189 руб. 50 коп., кроме того, за держание в работе без паспортов семи человек в течение 3 месяцев 9 дней взыскать 9 рублю 58½ коп.; наконец, со священником, по мнению нижней расправы, «за непозволительное обязывание ясачными, посылку и хождение в ясачные улусы — поступать по законам».

Но так как опромышленные тунгусы и священник были другого уезда, то расправа решила переслать в иркутское наместническое правление копию всего дела и просить губернское начальство взыскать деньги с Ощепкова.

Далее возникла переписка между киренской нижней расправой, ни слова не сказавшей о крестьянине Серкине, нанимавшем артель промысловиков, и иркутским наместническим правлением, которое потребовало наказать Серкина.

Но нижняя расправа дала справку, что Серкин ходил к ясачным по нужде, «от неурожая», а тунгусы добровольно, за плату разрешили ему промыслять в их лесах в течение года.

Иркутское наместническое правление не могло ничего противопоставить доводам киренской нижней расправы. Так закончилось это дело, в котором на сторону крестьян встала нижняя расправа. Тунгусы же не могли за отдаленностью ехать на суд в качестве истцов и поддерживать свои жалобы. Ловкие дельцы — зажиточный крестьянин и священник, воспользовались тем, что закон не запрещал сдавать в аренду ясачные угодия.

Киренский нижний земский суд даже принимал к делопроизводству как законно оформленные документы долговые письма ясачных, сдававших свои угодия в аренду. Больше того, он даже регистрировал такие сделки в книге долговых писем, придавая им, таким образом, вид законным документов.

Например, в 1794-1795 годах записано 3 такие сделки: князец тунгус Мадуда Кызыгын отдал киренскому мещани-

ну Пономареву на 3 года «свои звероловные урочища» по реке Чае за 15 рублей в год; старшина одного из родов сдал тому же мещанину «три речки» за 10 рублей на 3 года; еще один тунгус дал другому мещанину письмо «в продаже ясашного моего урочища» в вершине реки Черепанихи на 10 лет за 10 рублей, из которых 5 рублей были получены сразу, а остальные вносились «погодно» (Фонд 9, арх. № 28, лл. 18-19).

Сдача ясачными своих земель в аренду оказалась щелью в туземном землепользовании, через которую проникали, колебля основы этого землепользования, предприимчивые купцы, разночинцы и зажиточные крестьяне.

О развитии земледелия у тунгусов и бурят в первой половине XVIII века известно очень мало.

Местные власти старались «приохочивать» бурят к сельскому хозяйству, но почти не обращали внимания на развитие земледелия у тунгусов, живших в тайге.

Сведения о развитии сельского хозяйства у местных народов тем более скудны, что ни посевы, ни скот у них налогами не облагались, значит, не было необходимости и в учете пашни и животноводства.

Когда в 1754 году до сведения иркутской канцелярии дошло, что в Селенгинске с тайши было взыскано 5 пудов «пятинной ржи», то канцелярия распорядилась «с ясашных иноверцов, кои завели пашни и сеют всякой хлеб... никакого... оброку в казну не требовать», так как в воеводских статьях о таком обложении «не написано» (Фонд 75, арх. № 2048, л. 346).

Если рассматривать отношения ясачных к русским, отвлекаясь от частных и беря этот вопрос в целом, то можно твердо отметить полную лояльность местных народов к русскому населению, к его гомударственности, верованиям и хозяйственной деятельности.

Объясняется это тем, что ясачные соприкасались больше всего с пашенными крестьянами, в лице которых справедливо видели подлинных представителей русского народа.

Крестьяне не вступали во враждебные отношения к местным народам, так как не затрагивали коренных земельных прав туземного населения.

На протяжении всего XVIII века не было случая недружественного отношения и ясачных к русскому народу. Наоборот, когда усложнившиеся международные отношения поставили русскую власть в необходимость обратиться к тунгусам с призывом подготовиться к возможному столкновению с Китаем, то все тунгусские роды немедленно изъявили свое намерение — защищать с оружием в руках общегосударственные интересы.

Напряженное положение на китайской границе вызвало в 1727 году тревогу во всей Иркутской провинции. По волостям выехали уполномоченные, чтобы взять подписки с служилых людей и ясачных о готовности их выступить в поход, если начнется война с Китаем или монгольскими ханами.

Тунгусы Киренской ясачной волости в августе 1727 года «у сей записи сказали: огненного ружья у них есть по пищали, есть у них луки и стрелы и пальмы. И когда позовут их на китайскую границу и они де итти готовы». К этой «записи» приложено 17 знамен и несколько знамен с подписями. Усольские иноземцы на предложение дать подписку ответили: «на оное подписуемся... итти нам, и служить готовы со всем своим ружьем». К обязательству приложены 3 знамени (Фонд 75, опись 2, арх. № 67, лл. 160-193).

Мирное сосуществование русского, тунгусского и бурятского народов омрачается лишь одним эпизодом, спровоцированным лазутчиком и соглядатаем монгольских ханов — ламой Данжином. Но и происшедшая недомолвка между русскими и ясачными больше объясняется недоверчивостью местных властей к ясачным, чем недоброжелательностью ясачных к русским.

Дело началось с того, что иркутская губернская канцелярия 30 января 1767 г. известила илимскую воеводскую канцелярию о высылке генерал-майором Якобиес вышедшего из-за границы «мунгальской породы ламы Гылун Нован-Данжин» в отдаленные места, именно в Илимский уезд. Ламу надлежало направить в один из туземных родов (Фонд 75, арх. № 3081, л. 1).

Илимская воеводская канцелярия 6 февраля поручила шуленге Верхне-Окинской и Ицкой волости Никифору Тетюкову принять ламу, держать его пребывание в тайне, имени Гылуна сородичам не объявлять. На всякий случай воевода выдал шуленге ножные железа.

Два месяца прошло спокойно. Но в июне один крестьянин сделал братской приказной избе важное донесение, что ясачный иноземец Мычикеев «выговаривал: вам только жить до субботного дни», т. е. до 29 июня. Немедленно по получении этого известия воевода отправляет в Братский острог сержанта Зарубина, и тот на другой день задерживает 27 братских людей. При допросе один из них показал, что к Братскому острогу должны придти 150 «иноземцев» и указал место, где якобы было спрятано оружие.

Вскоре Зарубин донес, что шуленга Тетюков и лама вели сговор с 75 ясачными Верхне-Окинской волости и с 60 иркутскими бурятами «итти на Брацкой острог и всех жителей... крестьян и протчих... до смерти убить».

Шуленга Тетюков был арестован и на допросе в Братском остроге принес повинную, рассказав, что лама подго-

варивал его на избиение жителей, «и всей той Верхно-Окинской и Ицкой волости ясашные склонны». Он же сообщил, что послал связанного в Китайское государство и что китайцы якобы обещали быть у Братского острога к Петрову дню. Больше того, будто бы они приходили в числе 200 человек в Верхне-Окинскую волость и будто до 100 человек из них имели оружие.

Все это сильно смахивает на выдумку. Возможно, что к шуленге была применена пытка и он сам не знал, что говорил. Никакого потайного склада оружия не нашли, никто не видел и не мог видеть вооруженных отрядов китайцев или монголов не только вблизи Братского острога, но и нигде, на всем тысячеверстном пространстве от границы до этого острога. В Предбайкалье с юга не мог проникнуть ни один вооруженный или безоружный воин по самой простой причине — оно отделено от Китая сотнями верст непроходимых и безлюдных Саянских гор.

Но в Илимск вскоре поступило сообщение, что лама, который «явился приличен» в заговоре, «в ночи июля 4 числа пропал (т. е. умер) и отвезен из Брацкого острогу и зорыт в яму». Ясачные Нижней Подострожной волости сдали свое охотничье оружие казаку Мироманову без возражения, заявили о своей верности русским — «за собой бунтовства не знают» и поэтому были отпущены по домам с поруками.

Илимская воеводская канцелярия, получив все эти сведения, приняла 9 июля секретное решение — считать виновными в волнениях «единственно... ясашных брацкого роду Верхно-Окинской и Ицкой волости», а все допросы отослать в Иркутск. Из этой волости было арестовано 36 человек. Илимск затребовал из Иркутска военную команду, порох, ружья и аммуницию.

В июле из Иркутска в Братский острог направляется капитан Чемесов с унтер-офицером, 2 капрами и 30 солдатами. С собой он привез 15 пудов винтовочного и 15 пудов мушкетного пороха для раздачи местным жителям.

Почти одновременно из ниже-илимской мирской избы поступило сообщение, что туда явились ясачные и объявили: «никакой думы и злодейства на христианский народ не имеют».

Все же илимская воеводская канцелярия разослала во волостям указ о предосторожности (то же дело, лл. 11, 12, 22, 26-30, 48, 53-57, 76).

Окончание этого печально эпитафии, спровоцированного ламой, находится в следственном деле за 1768-1769 годы (Фонд 75, арх. № 3091, лл. 1-167).

Арестованные буряты в апреле 1768 года после окончания следствия, которое не установило никакой их вины в

возмущении», подали губернатору Брилю заявление об освобождении их из тюрьмы и о расследовании насилий, произведенных казаками при арестах.

В иркутской губернской канцелярии уже имелась жалоба жены шуленги на грабежи казаков и русских крестьян.

Для производства расследования в Братский острог выехал воеводский товарищ Иван Федоров с подканцеляристом и 3 солдатами.

Всего к ответственности было привлечено 58 человек, допросы которых подтвердили справедливость жалобы заключенных. Но жена шуленги назвала тех казаков, которые в это время находились в Иркутске и, значит, не могли участвовать в насилиях при аресте бурят.

Федоров вынес решение: «за то грабительство» наказать 8 казаков плетьюми, а 55 крестьян «батошьем». Жену шуленги Тетюкова он решил за ложное показание не наказывать «в разсуждении того, что она розсийского порятка и законов не знает».

В сентябре 1769 года приказчик Братского острога сообщил, что «приличившиеся крестьяне и разночинцы в брацкую приказную избу собраны были все до единого человека и наказаны («по реэстру») нещадно»).

Сенат 23 апреля 1769 г. велел зачесть бурятам в наказание битье плетьюми при допросах, из-под ареста освободить, оружие им возвратить.

Не все воспользовались свободой. Шуленга Тетюков умер в заключении.

Дело закончилось тем, что 22 бурятам было возвращено 30 ружей и 16 натрусок.

Все описанное дело весьма поучительно. Внешней причиной «измены» явился выход шпиона-ламы, вероучителя бурят. Местные власти поторопились объявить бунтовщиками бурят целой волости и натравили на них казаков и крестьян. Когда же выяснилась вздорность обвинений бурят в измене и лойяльность всех ясачных уезда, то властям показалось «неудобным» не свалить вину на казаков и крестьян.

За ошибки властей буряты расплатились тюремным заключением, а казаки и крестьяне — поркой.

ПЕРЕПИСИ ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

На протяжении XVIII века было проведено несколько переписей ясачного населения Сибири. Но так как они преследовали чисто налоговые цели, то учету подвергалось почти всегда только мужское население в рабочем возрасте, а еще точнее — только лица, способные платить ясак. Правда, не-

сколько раз переписывались дети и старики муж. пола, а один раз в учет попало и женское население.

Не только разная методика счета туземного населения, но и самая подвижность его делают многие показатели переписей мало надежными и почти несводимыми в динамические ряды.

Нельзя не отметить, что численность туземного населения в Илимском уезде была незначительной, а самый уезд — единственным во всей Восточной Сибири, где русское население решительно преобладало над коренным населением.

Все же переписи ясачных и в Илимском уезде содержат ценнейшие сведения о местных народах и их занятиях.

По сказкам 1719 года в Илимском уезде числилось «ясашных тунгусов» мужского пола 824 человека, в том числе в Нижне-Илимской волости — 59, в Верхне-Илимской — 15, в Яндинской — 10, в Братской — 545, в Киренско-Хандинско-Усольской — 195 человек.

Тунгусы, показанные по Братскому острогу, распределялись так: Подгородная волость — 170 чел., Удинская — 5, Окинская — 148, Ицкая — 162, Шаманская — 44, Братская — 16.

Все туземное население обоего пола составляло тогда 1600-1650 человек.

По ведомости прихода денежной и товарной казны за 1726 год было обложено ясаком 375 человек, в 1728 году — 410 человек.

В 1732 году была произведена перепись душ муж. пола «ясашных иноземцев» силами 9 илимских служилых людей (Фонд 75, арх. №№ 248 и 848, лл. 1-44 и 1-57, опись 2, арх. № 120, лл. 1-42).

Итоги этой переписи даны в таблице 89.

Таблица 89

Ясачные волости	Число душ муж. пола				
	действительных плательщиков	18-летних	малых подростков	старых и увечных	Итого
Верхне-Илимская	40	1	53	13	107
Нижне-Илимская	40	—	39	9	88
Усольская	19	1	18	4	42
Киренско-Хандинская	38	2	53	7	100
Верхне-Окинская и Ицкая	97	5	91	19	212
Верх-и-Низ Ангарская и Удинская	99	—	88	12	199
Итого	333	9	342	64	748

Значит, 333 человека были обложены полным окладом ясака, 9 человек — уменьшенным. Среди 748 ясачных оказалось 12 новокрещенных. Все население, включая и женщин, составляло, видимо, около 1500 человек. Кроме 333 «действительных плательщиков», в бегах числилось 9 человек.

Впрочем, массового бегства ясачных в XVIII веке и не наблюдалось. Бежали единичные семьи. Например, в 1735 году из 36 тунгусов Нижне-Илимской ясачной волости числилось в бегах 4 человека, в Верх-Окинской и Ицкой волости из 114 человек бежал один.

В связи с принятием православия новокрещенные, носившие это звание всю жизнь, получали возможность свободного переселения. Встречаются случаи бегства и новокрещенных.

Пример дозволенного переезда можно найти в сборнике разрядных дел за 1736 год (Фонд 75, арх. № 615, лл. 32-34).

Вторая перепись ясачных в XVIII веке была произведена в 1750 году. По Илимскому уезду ее проводил илимский сын боярский Петр Литвинцев, а общее руководство переписью в Иркутской провинции осуществлялось, видимо, комиссией Вульфа (Фонд 75, №№ 1176, 1728, 1731, 1735, лл. 1-79, 1-135, 1-15, 1-82. Кроме того, фонд 75, опись 2, арх. №№ 562 и 563).

Итоги переписи 1750 года и сопоставление их с количеством ясачного населения, учтенного в 1732 году, даются в таблице 90 (число душ муж. пола).

Таблица 90

Ясачные волости	Душ муж. пола			
	плательщи- ков	подрост- ков	старых и увечных	итого
Верхне-Илимская	66	39	12	117
Нижне-Илимская	38	43	12	93
Киренско-Хандинско-Усольская	72	104	23	199
Верх-Окинская и Ицкая	109	99	19	227
Верх-и-Низ-Ангарская и Подострожная	186	99	40	325
Итого в 1750 г.	471	384	106	961
По учету 1732 года	342	342	64	748
1750 год в % к 1732 году	137,7	112,3	165,6	128,5

Итак, за 18 лет общее число муж. пола ясачного населения увеличилось на 28,5%. Меньше всего почему-то возросло число детей и подростков до 18 лет, всего на 12,3%.

Убыль ясачного населения можно подсчитать лишь приблизительно. Складывается она из следующих величин: умерло 354 человека, т. е. почти половина общего числа душ муж. пола, бежало 23 человека, переведено в Балаганский уезд 8 человек, один нанялся в рекруты.

Новая перепись готовилась с начала 1761 года. Сибирский приказ предложил Иркутску и Тобольску «состоящим в Сибирской губернии ясашным плательщикам... учинить вновь перепись. И дабы здешних мест жители знали, что та опись чинена будет единственно для их собственной пользы, удовольствия и облехчения, а не для отягощения». К этому документу прилагался печатный указ Сената от 23 января 1761 г. (Фонд 75, опись 2, арх. № 920, лл. 31, 33).

Через два года печатным манифестом от 13 июня 1763 г. была объявлена «генеральная перепись» ясачных народов, и в Сибирь должен был выехать Щербачев в качестве руководителя переписных работ.

Манифест, как обычно, был уснащен лицемерными заверениями о заботах императрицы и о ее желании устроить дела ясачных. «Как известно нам, что живущие в Сибирской губернии разные ясашные народы терпят от зборщиков яска и прочих тамошних управителей и начальников грабительствы и раззорении, то не могли мы, по природному нашему великодушию, без крайняго сожаления остаться и тех бедных и безгласных ясашных в таковом огорчении без удовольствия, а грабителей, кои нарушают наших подданных покой... без исследования оставить». Поэтому, чтобы ясачные не оставались «в огорчении», а получили «удовольствие», предполагалось послать для производства переписи «нашей лейб-гвардии секунд-маэора Щербачева» (Фонд 75, арх. № 2700, л. 149, также опись 2, арх. № 1023, л. 3).

Щербачеву поручалось смотреть «жительства ясашных», произвести перепись сибирских туземцев и обложить их ясаком.

Намеченная указом 1763 года перепись ясачных началась только в 1766 году. В г. Иркутске была создана «комиссия для расположения ясака и протчаго» во главе с корнетом Василием Полянским, которая 30 декабря 1765 г. предложила илимской воеводской канцелярии произвести перепись ясачных по уезду.

По случаю начала деятельности указанной комиссии в Илимске было вывешено следующее объявление, подписанное Полянским:

«Объявляется всем, кому ведать надлежит», что по указу 13 июня 1763 г. в Сибирь был назначен Щербачев, но 19 мая 1764 г. он отозван, «а та комиссия перепоручена господину генерал-майору лейб-гвардии пример-майору сибирскому губернатору и ковалеру Чичерину». Все ясачные пре-

терпевшие «взятки и раззорении и тому подобные притеснения», могут подавать «справедливыя свои прошения». В обязанность комиссии также входило освобождать от кабал ясачных, согласно указу 8 августа 1748 г. (Фонд 75, арх. № 2913, лл. 2-3).

Для проведения переписи в ясачных волостях Илимского уезда воевода Шарыгин назначил 26 мая 1766 г. «нарочных» — сержанта Афанасия Зарубина, сына боярского Ивана Литвинцева, сына боярского Андрея Березовского и прапорщика Хабарова, дав им в помощь писчиков (там же, лл. 77-78).

Каждый из этих «нарочных» перед отъездом в назначенную ему волость получил список ясачных по переписи 1750 года и инструкцию, разработанную, видимо, в Иркутске.

В инструкции Никите Хабарову было сказано:

Принять печатный указ от 13 июня 1763 г. в двух экземплярах для раздачи шуленгам под расписки. Перепись вести при шуленгах, сличая данные со списком 1750 года. «Стараться приводить... ясашных ласкою», чтоб не утаивали никого при переписи, «объявляя, что оная перепись чинитца единственно для пользы же их, как они после и усмотреть могут».

Вскоре от переписчиков стали поступать списки ясачных. Но для современного исследователя не все в этих свписках является ясным и не все сопоставимым с данными более ранних переписей. Например, не объяснены расхождения с учетом 1750 года, в некоторых волостях не записаны дети, родившиеся после учета 1750 года, неполно отражен перевод ясачных из одних волостей в другие.

Поэтому точного сопоставления количества ясачных по двум переписям сделать нельзя.

После того как илимская воеводская канцелярия представила в Иркутск сводные данные переписи 1766 года, комиссия «для расположения ясака и протчаго» внесла поправки в итоги учета.

В таблице 91 даны все эти величины, т. е. итоги переписи Литвинцева, исходные данные, взятые илимской канцелярией для 1750 года, и итоги учета 1766 года.

Из 734 человек, принятых илимской воеводской канцелярией за исходную величину для 1750 года, умерло к 1766 году 187 человек, т. е. 25,5%, что нужно считать довольно высокой цифрой, так как она относится к сравнительно короткому 16-летнему промежутку времени.

Далее, бежало 13 человек и выбыло по разным причинам — 4.

Из тех же 734 человек было выключено «за старостью» из ясачного оклада 38 человек и по той же причине сбавлен ясак 4 человек. Но «старость» понималась переписчиками

очень своеобразно — возраст имел, в сущности, второстепенное значение. На первом месте стояла общая оценка здоровья ясачного, его способность к промыслу.

Таблица 91

Ясачные волости	Число ясачных муж. пола		
	По учету Литвинцева	1750 г.	1766 г.
Верхне-Илимская	117	101	101
Нижне-Илимская	93	84	80
Киренская, Хандинская, Усольская	199	179	255
Верх-Окинская и Ицкая	227	216	152
Верх-и-Низ Ангарская, Подострожная	325	154	125
Итого	961	734	713

Из 38 человек, освобожденных «за старостью» от ясачного платежа, только 22 человека были старше 50 лет, 7 человек имели по 46-50 лет, 3 человека — по 36-40 лет, 4 человека — по 31-35 лет, а двое не достигли и 30-летнего возраста.

Эти данные говорят о том, что тяжелый промысел, сопряженный с опасностью и лишениями, выводил значительную долю ясачного населения из числа трудоспособных до достижения ими старческого возраста. Не менее примечательно, что многие ясачные, именно 24 человека, оказались слепыми или с ослабленным зрением.

Освобождение от ясака по старости или болезни могло быть причиной злоупотреблений со стороны переписчиков и шуленг, так как все старые и больные подлежали осмотру, после чего переписчик определял — зачислить ли того или иного ясачного в плательщики ясака или освободить его от всяких платежей.

К отчетам о переписи прилагались особые списки старых и увечных. Больше всего встречается болезней и телесных недостатков, вызванных промысловой деятельностью туземцев: «глазами малое зрение имеет», «ногами скучает», «от издавления зверем, называемым медведем, глазами самое скудное зрение имеет», «левая рука и ноги обе в коленях запухли, болят, и ходить не может», «медведь ногу и руку переел», «волос растет из глаз», «горбат наперед и назад», «почасту бывает болен кровавым поносом и животную скорбию» и т. д. (там же, лл. 112, 130, 193-194).

Иркутская комиссия не удовлетворилась тем, что в Илимском уезде переписали ясачных, и потребовала собрать сведения о степени развития земледелия в ясачных волостях и

о возможности заведения там хлебопашества. При этом из Иркутска была выслана для образца очень важная для изучения пространственного размещения ясачных народов Предбайкалья ведомость со следующим названием: «Иркуцкого ведомства брацких и тунгусов ясашные роды состоят в нижеписанных местах» (Фонд 75, арх. № 2913, лл. 385-390).

На основании предложения Иркутска четверо переписчиков, производивших учет туземного населения в Илимском уезде, вновь выехали в ясачные волости.

Согласно их отчету от 11 января 1767 г. тунгусы Верхне-Илимской волости «перекочевывают с места на место», земледелием и животноводством не занимаются, «токмо содержат оленей по малому числу», по другим двум волостям были даны подобные же сведения. По Верх-и-Низ Ангарской Подострожной волости было сделано примечание: «К хлебопашеству угодных мест и сенных покосов малое число», ясачные имеют скотоводства (множ. число). По Верхне-Окинской и Ицкой волости по каждому из 9 родов сделаны примечания, что ясачные занимаются скотоводством и имеют достаточно пахотных и сенокосных земель.

Всего переписчиками во вторую поездку было отмечено 13 родов ясачного населения, в которых числилось 713 душ муж. пола (там же, лл. 393-394).

Когда в 1765 году образовалась Иркутская губерния, то потребовались списки всех жителей уездов. Илимск сообщил, что ясачных тунгусов и братских в 5 ясачных волостях числится 911 душ муж. пола, в том числе 603 души, положенных в ясак (Фонд 75, арх. № 2838, лл. 145-147).

Это число было включено в сводку всего населения Иркутской губернии, составленную для разделения губернии на уезды и комиссарства (Фонд 2, арх. № 4, лл. 4-18).

Всего в Иркутской губернии по третьей ревизии душ муж. пола, проведенной в 1762 году, числилось 110330 человек, из них 73293 души ясачных и 37037 души русского населения.

В Илимском уезде числилось ясачных 911 душ, т. е. всего только 1,2% числа ясачных Восточной Сибири.

Местная перепись, предпринятая иркутским наместническим правлением, была произведена в 1788 году. Сенат, заслушав доклад иркутской губернской канцелярии о положении ясачных народов, 24 мая 1783 г. предложил правящему должностному иркутского и колыванского генерал-губернатора И.В. Якобию собрать дополнительные сведения о ясачных Иркутской губернии и «рассмотря все их выгоды и полученные ими прибыли», разработать предложения о размерах ясачного платежа в соответствии с итогами 5-й ревизии.

Но нижние земские суды не представили нужных сведений, а в Киренске вся переписка по этому вопросу была уничтожена пожаром.

Иркутское наместническое правление 8 декабря 1786 г. подтвердило свой прежний указ о высылке сведений (Фонд 9, арх. № 17, лл. 1-5, 11-18), и члены киренского нижнего земского суда разъехались для производства переписи ясачных.

В июне 1787 года была закончена перепись тунгусов (эвенков) Курейской ясачной волости, только что перешедшей из Туруханского уезда в Киренский.

В подписке, которую дали курейские тунгусы, они подтвердили, что в их волости имеется 267 душ муж. пола, в том числе от 18 до 50 лет 122 души, малолетних до 18 лет и стариков старше 50 лет — 145 душ. Но среди трудоспособных, имевших 18-50 лет, насчитывалось увечных, негодных к промыслу 20 человек.

Такую же подписку дали тунгусы кондогирского и путугирского родов и якуты Кондогирской ясачной волости, перечисленные в 1787 году из Туруханского уезда, как и курейские тунгусы. Всего переписью 1787 года учтено 235, а по другим данным, имеющимся в том же деле, 239 душ муж. пола, в том числе 14 крещеных якутов.

Земледелия ни у тунгусов, ни у якутов не было.

Так как все якуты этой волости являлись православными, то перед ними был поставлен вопрос — не желают ли они перейти к хлебопашеству. Якуты ответили отрицательно.

В подписке, данной 12 января 1788 г., ясачные Кондогирской волости заявили: «Касательно обращения якутов в промыслах и работах, то сие происходит по необыкнованию их ко крестьянскому порядку, некрещеные тунгусы — тож по непривычке нашей к пашне и по дикости, а особливо за неимением оной — не согласны пахать. Разве кто в предбудущее время сыщется. В том под сим и подписуемся».

Перепись тунгусов (эвенков) Киренской, Хандинской и Усольской волости была произведена по другому поводу, а именно вследствие многочисленных жалоб ясачных на шуленгу Жерандоева. Для расследования злоупотреблений шуленги в названную волость был направлен сельский заседатель киренского нижнего земского суда Иван Востров, тунгус из Ханды. В наказе, выданном ему 14 февраля 1786 г. из земского суда, было предложено разобрать жалобы, переписать всех ясачных, произвести перевыборы шуленги, старших и десятских. Нижний земский суд писал Вострову: «по неграмотству вашему» вам дается в помощь грамотный капрал и один солдат.

Востров добросовестно выполнил данное ему поручение, он не только переписал всех ясачных обоего пола, но и указал, где кочует каждая семья.

Место кочевий указано по рекам: Кутолаке, Чукомару, Куте, Белой, Нижней Тунгуске, Катанге, Тире, Непе, Ханде, Туруке, Хану, Желинде, Ние, Сухой, Ергукану, Улькану и другим рекам и речкам бассейнов Лены и Нижней Тунгуски.

Из 81 семьи показали точное место кочеваний 52 семей. «Ухожья» их простирались по речкам на десятки верст. Одна семья уходила на промысел на 5 верст, 4 семьи — на 10 верст, 11 семей — на 20 верст, 5 семей — на 30 верст, 4 семьи — на 40 верст, 11 семей — на 50 верст, 2 семьи — на 60 верст, 8 семей — на 100 верст и 2 семьи — на 140-200 верст. Один указал, что кочует в вершине реки, один — «по расохам», трое «ухожьев» не имели. Все показания даны по следующему образцу: «Кочуют по речке Амуру, ухажьями обширностию занимает верст на 60. Выход имеет в Кокуйскую деревню для хлеба в разные времена, расстоянием верст 150. До города Киренска 345 верст» (там же, лл. 209-231).

Из данных о числе душ обоего пола по указанным трем волостям составлена следующая таблица 92.

Таблица 92

Ясачные волости	Семей	Душ			Средний состав семьи, чел.
		муж.	жен.	итого	
Курейская	98	267	232	499	5,1
Кондогирская	94	235	194	429	4,6
Киренская, Хандинская и Усольская	81	268	280	548	6,8
Итого	273	770	706	1476	5,4

Размер семьи ясачных был значительно меньше средней семьи крестьян, но больше семьи новокрещенных.

Здесь сказалось влияние хозяйственного положения крестьян, ясачных и новокрещенных. Первые должны были объединяться в крупные семейные коллективы, чтобы успешнее работать в трудной обстановке, последние — в значительной части являлись батраками.

По переписям, проведенным в названных волостях, а также в Нижне-Илимской ясачной волости, можно установить возраст 779 лиц муж. пола. Распределение их по возрастным группам приводится в таблице 93.

Для туземного населения того времени характерно незначительное число стариков. Тяжелая промысловая деятельность, связанная с перенапряжением физических сил, быстро выводила людей из строя.

В таблице 93 число лиц в возрасте 21-30 лет больше числа лиц 11-20-летнего возраста. Здесь сказалась какая-то

эпидемия, унесшая за предыдущие 20 лет много детей, особенно в Киренской, Хандинской и Усольской волостях.

Таблица 93

Возрастные группы ясачных	Человек	Удельный вес, %
До 10 лет	276	35,1
11-20 лет	137	17,6
21-30	171	22,0
31-40	85	10,9
41-50	64	8,2
51-60	27	3,5
Старше 60 лет	19	2,4
Итого	779	100,0

Вообще можно отметить слабый естественный прирост местного населения. По 4 волостям в 1783 году считалось 779 душ муж. пола, за 5-летний промежуток, прошедший до переписи 1787-1788 года, родилось 107, умерло 78 человек муж. пола. Значит, увеличение за 5 лет составило только 29 человек, менее одного процента в год.

Удачливые и более обеспеченные тунгусы нередко обзаводились второй, а изредка и третьей женой, когда первые казались им старыми.

По Кондогирской волости в 94 семьях было 11 двоеженцев, в Курейской в 98 семьях 9 тунгусов имели по 2 жены и один — 3 жены, в Киренской, Хандинской и Усольской в 81 семье учтено 5 двоеженцев. В общем, многоженство встречалось в 26 семьях из 273.

Ко времени переписи оставалось в живых 241 мужчина — главы семьи. Из них 59 были холостыми или вдовцами (24,5%), 157 имели по одной жене (65,1%), 24 имели по две жены и один — 3 жены (многоженцев — 10,4%).

Для примера можно привести возраст супругов в семьях двоеженцев: шуленга Кондогирского рода имел от роду 55 лет, его жены — 45 и 39 лет, другой тунгус был 60 лет, его жены — 58 и 25 лет, у одного 42-летнего тунгуса жены были в возрасте 20 и 14 лет, 48-летний тунгус имел жен в возрасте 58, 60 и 20 лет.

Так как никакого ограничения возраста для брачующихся не устанавливалось, то встречаются случаи выхода замуж несовершеннолетних девушек. Переписью 1787 года отмечены 14- и 12-летние жены. Встречается даже 7-летний ребенок, являвшийся женой 17-летнего тунгуса.

Первый указ, запрещавший многоженство, и то только среди новокрещенных, поступил в киренский нижний земский суд в 1794 году (Фонд 9, арх. № 145, л. 150).

После окончания переписи во всех ясачных волостях киренский нижний земский суд составил сводку, привести которую здесь нет возможности вследствие неполноты, противоречий и недостоверности многих данных. К сводке было прибавлено примечание о том, что земледелием местные народы не занимаются: «Пашни и сенных поков нисколько не заведено и к заведению желания не имеют... А сверх того, в самых тех местах совсем и способных мест к расщистке, где они жительство имеют, не имеется. К промыслу ж неусердия никогда не имеют». В другом месте отмечено: «В паходьбу идти не желают, в разсуждении... совсем способных мест к расщистке не имеется и распахать невозможно». Киренский земский суд отметил, что, кроме охоты и рыболовства, ясачные добывают кедровые орехи, на которые они выменивают хлеб у русских крестьян. Начатки земледелия все же среди тунгусов были, их и отмечает киренский нижний земский суд, называя несколько хозяйств новокрещенных (Фонд 9, арх. № 17, лл. 227-231).

Последний раз в XVIII веке число ясачных учитывалось во время проведения 5-й ревизии 1795-1796 годов. Но ведомости этой переписи по Киренскому уезду сохранились неполностью (Фонд 9, арх. № 166, лл. 46-703).

Довольно тщательно переписывались в конце XVIII века души муж. пола. Поэтому можно сравнить итоги 4-й ревизии 1783 года с итогами 5-й ревизии 1796 года только по лицам муж. пола. В 1783 году было учтено в Кондогирской волости 212 душ муж. пола, из них умерло до 5-й ревизии 72 человека, двое выбыли по случайным причинам, родилось 92 и было учтено в 1796 году 230 наличных душ. Значит, за 13-14 лет прирост мужского населения составил всего 8,5% или около 0,7% в год.

Среди тунгусов Кондогирской волости оказалось женатых 85 человек, из них 77 человек имели по одной жене и 8 — по две жены.

По именованным спискам тунгусов, учтенных в 1796 году, можно приблизительно определить возраст женщин, вступавших в брак.

У одной 17-летней тунгуски были дети 3 и 4 лет, значит, она вышла замуж в возрасте 12-13 лет, в 5 случаях замуж выходили 10-летние девочки.

В той же волости учтены крещенные якуты в числе 21 души обоего пола, «жительствоющих домами». Среди якутов двоеженцев не было.

ВЫБОР ШУЛЕНГ И ЯСАЧНЫХ СБОРЩИКОВ

Долгое время единственной формой вторжения власти в жизнь местных племен являлась посылка ясачных сборщиков по стойбищам кочевников. Хозяйственная жизнь, управление, быт туземных народов лежали по ту сторону интересов воевод.

Раз в год из воеводской канцелярии снаряжались казаки, назначенные для сбора ясака, обычно по 2 человека на ясачную волость, и, исчезнув на несколько месяцев в тайге, возвращались с пушниной, которую сдавали вместе с отчетами и окладными книгами.

Вслед за тем из тайги поступали жалобы на обирательство и насилие сборщиков ясака. Жалобы скапливались в воеводских и провинциальных канцеляриях, просачивались в Сибирский приказ, достигали и Сената.

По жалобам, раскрывавшим нарушение государственных интересов, производились сыски, виновных били батогами, посылали других сборщиков с наказами обид ясачным не чинить, но на следующий год все повторялось сначала. Иначе и быть не могло, ибо казаки получали ничтожное жалование, а труд их по сбору ясака не оплачивался.

Важной вехой в жизни местных народов Восточной Сибири был проезд в Китай сподвижника Петра I, «действительного штатского советника чрезвычайного посланника и полномочного министра и Иллирийского графа Савы Владиславича Рагузинского». На китайской границе ему в 1727 году подали челобитье «бракские ясачные иноземцы» об обидах со стороны русских сборщиков ясака. Бурты просили: «дабы русские служилые люди для собрания ясаку в их улусы не ездили, даля того, что их оныя ясатчики раззоряют с требованием подарков, корму и протчего... А они де от себя из всякого роду по три начальника будут посылать повсягодно в города с ясаком». По сообщению из Тобольска «Владиславич мнит, что сей интерес ея императорского величества будет прибыльнее», так как ясатчики присваивают лучших соболей.

Кроме того, буряты просили: «в малых делах, ссорах и протчем своими начальниками своих улусных людей судить и расправы чинить во всем, кроме криминальных дел». И с этим Рагузинский согласился.

Тобольск сообщил о решении Рагузинского в Иркутск 15 марта 1728 г. Иркутская провинциальная канцелярия послала об этом же указы по уездам 30 мая. А 8 июня из Илимска пошли указы по всем волостям Илимского уезда.

Но, видно, не хотелось служилым людям расстаться с привычной и доходной системой обирательства местных на-

родов, так как из всех волостей поступили уклончивые ответы.

Из Братского острога приказчик Иван Перфильев сообщил, что князьцов, зайсанов и шуленг в волости нет и поэтому подписку от ясачных о введении нового порядка сбора ясака взять не с кого. Из Барлуцкой слободы приказчик Потап Сизой писал, что ясачные иноземцы подсудны не ему, а Енисейску. Иван Торопов сообщил, что тунгусы Верхне-Илимской волости слушать указ к нему не поехали и выбирать сборщиков отказались. В Яндинской волости ясачные тунгусы якобы отказались выбирать своих сборщиков и старшин, заявив: «а на ясащиков мы в том ясашном зборе обид и разорений и грабежу никакова не знаем» (Фонд 75, арх. № 248, лл. 184-192).

Несмотря на скрытое противодействие приказчиков, сбор ясака с этого времени стал производится в Илимском уезде самими ясачными, точнее — шуленгами и выборными сборщиками.

Шуленги не только ведали сбором ясака, но и решали все мелкие хозяйственные, административные и судебные дела в ясачной волости.

Шуленги и их помощники — сборщики ясака — избирались ясачными и утверждались после этого илимской воеводской канцелярией. Вот пример такого утверждения тунгусского «десятника»: «Указ из илимской земской (т. е. воеводской) канцелярии... ясачному тунгусу Проньке Гаврилову... Велено тебе... быть у своей братьи того Брацкого острогу у ясашных тунгусов в десятиниках и ведать тебе той волости всех тунгусов во всяких... управлениях и в сборах ясашных (Фонд 75, арх. № 231, л. 9).

Замена казенных сборщиков ясака выборными уменьшила, но не устранила злоупотреблений, так как шуленги и их помощники действовали по казенному образцу, почти бесконтрольно.

В июле 1743 г. выборный ясачный тунгус Верхне-Илимской волости доносил на шуленгу Божука Черноусова в таких же выражениях, как это делали челобитчики илимских крестьян, жалуюсь на приказчиков: Черноусов «по указу и нашему выбору определен к ясашному сбору в шуленги». Он собрал ясак на 1742 год сполна, но продолжает требовать еще «и берет с нас немалые взятки». Выборный жаловался, что шуленга держит тунгусов «в страдную пору, также и во время ясашного промыслу», пускает за взятки гулящих людей «в ясашные угоды». С 14 человек он взял незаконно пушнины на 32 руб. 30 коп. и 2 лисицы. Кроме того, ему дано для сбора ясака 2 лошади; он не удовлетворился этим и взял «кобылу, соболя, лук костеной, еще соболя». С 4 гулящих людей взято им 4 рубля и 150 белок.

Воеводская канцелярия дала по этому заявлению справку: «ясаку ничего не было» (Фонд 75, арх. № 1084, лл. 7-8). Значит шуленга присвоил ясак.

Распоряжение Рагузинского в Илимском уезде не раз нарушалось. Так, сбор ясака и решение мелких споров между туземцами Братской волости илимская канцелярия передала местной приказной избе. В июле 1748 года рядовые тунгусы, шуленги и новокрещенный Халзакчинского рода жаловались Лоренцу Лангу, что к ним продолжают посылать из Братского острога сборщиков ясака. «И чинят де им великие обиды и разорения», привозят их с детьми в Братский острог, где держат по 1-2 недели «и берут ездовые деньги». Указав, что до 1741 года они сдавали ясак в Илимск, а с 1742 года им было велено сдавать в Братский острог, тунгусы просили освободить их от суда приказчиков и отозвать местных сборщиков ясака.

Провинциальная канцелярия решила: «суд между собою, тунгусами, производить самую сущую правдою», ясак сдавать самим, но не в Братский острог, а в Илимск как того хотели тунгусы, «а брацкой приказной избе их, тунгусов, судом и збором ясаку не ведать» (Фонд 75, арх. № 1545, лл. 112-113).

Не только приказным избам, но и воеводским канцеляриям запрещалось вмешиваться в сбор ясака и в мелкие судебные дела ясачных. Воеводы должны были лишь утверждать выборы шуленг и сборщиков особыми указами, чтобы придать выборам законную силу. Вот почему в фонде илимской воеводской канцелярии сохранялось очень много приговоров ясачных родов о выборах шуленг и сборщиков ясака.

Однако призывание властями выборного начала среди местных народов Сибири далеко не означало упорядочения управления ими.

Отстранение приказчиков от суда и расправы над туземными и замена казенных сборщиков шуленгами и выборными сборщиками иногда, как показывает пример Братской волости, оказывалось мнимым. Кроме того, сохранялась опека над ясачными со стороны воеводских провинциальных канцелярий, безнаказанно нарушавших указы о самоуправлении местных народов Сибири.

Впрочем, шуленги являлись почти бесконтрольными, поэтому создавались благоприятные условия для обирательства ими сородичей. Видимо, в XVIII веке не существовало никаких правил о сроке полномочий шуленги. Очень часто смена этих старшин производилась тогда, когда ясачным становилось невмочь от поборов и притеснений шуленги.

Столкновение личных корыстных побуждений шуленги с интересами рода приводило к конфликту, который разре-

шался досрочными перевыборами, и вовлекало воеводскую канцелярию в общественные дела ясачных.

Иногда создавалась в подобных случаях сложная обстановка и шуленги сменялись несколько раз в год, пока ясачные не находили приемлемой для них кандидатуры.

Смена выборной администрации и в конце XVIII века проходила, в общем, нерегулярно. По списку шуленг, старшин в десятских 1788 года можно установить, что один шуленга служил 5 лет, один старшина 4 года, другой — 2 года, но в Нижне-Илимской волости все старшины сменялись ежегодно. Зато в другой волости — Киренской, Хандинской и Усольской даже десятские служили по несколько лет подряд (Фонд 9, арх. № 50, лл. 167, 170).

Шуленга Киренской, Хандинской и Усольской волости Жерандов был смнен по жалобе тунгусов. Почему-то выбор сородичами нового шуленги привлек внимание иркутского наместнического правления, которое 14 октября 1790 г. послало наставление — указ «выбранному... родовыми старшинами и ясашными лутчими ж людьми... Никулке Боявичину».

В указе выражена надежда, что «ты возложенной на тебя чин и должность исправлять будешь так, как принадлежит и пристойно есть доброму и честному человеку и верному ея императорского величества подданному».

Шуленге поручалось вести себя «добро порядочно», собирать ясак, «родников своих... держать в добром порядке и призрении», решать мелкие дела по жалобам ясачных и русских: «во воровстве скота, побоях и все протчие, кроме криминальных дел и смертного убийства» по инструкции графа Савы Владиславича (Рагузинского). Если дело маловажное, то «судить каждого роду своему начальнику, а когда больше, то избирать ис трех родов по 2 начальника, всего 6 человек. И в чем вы осудите, на тем и стоять». Важные дела передавать в киренский нижний земский суд и в киренскую нижнюю расправу. Затем предписывалось «родников своих, братских (ошибка, нужно — тунгусов) принуждать, дабы они неленостно упражнялись в звериных промыслах». Шуленге поручалось «стараться... самому завестись по обыкновению русских крестьян домовым строением, которое послужит тебе лутчим убежищем от ненасливой и дождевой погоды — летом, а зимою — от стужи и других изнуряющих беспокойств... Также стараться о заведении пашен на посев всякого рода хлеба... Ленивых наказывать без упущения». Отлучаться для жительства в другие места ясачным «накрепко запрещать».

Заканчивался указ так: за исправное исполнение дел «имеешь ты ожидать похвалы и законного награждения», а за нерадение — подвергнешься «необожному наказанию».

Подпись: «Правитель наместничества генерал-порутчик и кавалер Михайла Арсеньев» (Фонд 9, арх. № 101, лл. 148-149).

Такой же трафаретный наказ был дан шуленге Нижне-Тунгусской ясачной волости (там же, лл. 152-153).

Приведенные материалы о выборе ясачными старшин показывают, что у туземного населения Илимского уезда в XVIII веке уже не оставалось следов наследственно-родового управления. Во главе ясачной волости, объединявшей чаще всего несколько родов, находился выборный, сменяемый время от времени шуленга. Все дела в волости решались устно, без всякого письменного делопроизводства. Самоуправление ясачных оказывалось еще более примитивным, чем самоуправление пашенных (государственных) крестьян. В лице шуленга русские власти уже начинали отыскивать своих агентов, которые впоследствии станут превращаться в чиновников.

СБОР ЯСАКА

Развитие внутреннего рынка и денежного обращения в стране неизбежно вступало в противоречие с натуральными формами обложения населения.

Противоречие это достаточно сильно проявлялось и в Сибири, где сохранялись с XVII века хлебное обложение крестьян и сдача пушнины ясачными народами.

Как пашенные крестьяне Илимского уезда не раз просили заменить «провиант» денежной податью, так и «ясачные иноземцы» в течение нескольких десятилетий добивались права сдавать ясак не натурой, а деньгами.

Борьба за отмену ясачного натурального сбора является центральным вопросом истории местных народов Восточной Сибири в XVIII веке.

Правительство долго противодействовало попыткам и самим ясачных и местных властей самочинно заменять пушнину деньгами, но убедилось наконец в необходимости перевести натуральные формы платежа в денежные.

Не случайно замена денежным обложением натуральных платежей как крестьян, так и ясачных, произошла почти в одно и то же время.

Обложение ясаком складывалось на протяжении длительного времени, без учета действительного времени, без учета действительной платежеспособности отдельных родов и племен, нередко под влиянием случайных и скоропреходящих обстоятельств. Только этим можно объяснить значительное неравенство окладов ясака, например, у тунгусов, живших по р. Киренге и по р. Оке; первые платили в 1½ раза больше вторых. Еще более резкие колеба-

ния в окладах встречаются по другим уездам Восточной Сибири.

Обложение ясаком начиналось с достижения тунгусом (эвенком) 18-летнего возраста. Включение в окладные книги производилось или воеводой при переписях туземного населения, или шуленгами в промежутках между двумя переписями.

Полные данные о числе ясачных плательщиков, о размере оклада и действительной заготовке пушнины за 1721-1728 годы дает ведомость, составленная илимской воеводской канцелярией в 1729 году (Фонд 75, опись 2, арх. № 81, лл. 71-76).

На основании этой ведомости построена следующая таблица 94.

Таблица 94

Показатели	1721	1722	1723	1724	1725	1726	1727	1728	Среднее
1. Число ясачных людей (плательщиков)	413	412	364	386	419	414	394	410	402
2. Оклад, соболей	1092	1088	1047	1016	1026	1032	953	881	1017
3. Взыскано, в пересчете на соболиный оклад	неизв.	856	794	794	780	715	704	640	755
4. Оценка "ясачной казны", рублей	неизв.	неизв.	860	769	731	704	520	684	711

Средний оклад на человека, выраженный в соболином числе, в начале этого периода составлял 2,6 соболя, затем снизился до 2,4 и, наконец, до 2,1 соболя.

Не все, показанные в ведомости тунгусы, заплатили ясак. Некоторые из плательщиков умерли или бежали, другие оказались неимущими или больными. В среднем из 402 обложенных ясаком тунгусов платило только 347 человек.

Процент взысканного ясака к общему окладу колебался в пределах 69-78% и в среднем за 7 лет (данных по 1721 году не имеется) составил 74,2%. Значит, 25,8% оклада ежегодно превращалось в недоимку.

Счет ясачных платежей велся по «соболиному числу», хотя в действительности ясак сдавался разного рода пушниной и частью деньгами. В среднем ежегодно уплачивалось в переводе на деньги по 711 руб. 34 коп., т. е. по 2 руб. 05 коп. с человека. Из общей суммы платежа 8 руб. 01 коп. вносилось деньгами. Несмотря на кажущуюся ничтожность

денежной доли в общем платеже ясака, нельзя пройти мимо этого обстоятельства.

Внесение ясака деньгами дает ценное указание о том, что тунгусы имели какие-то обороты помимо казны и что по каким-то соображениям туземцы предпочитали часть платежей вносить деньгами.

Конечно, главная часть ясака выплачивалась в это время пушной.

За указанные 8 лет в казну поступило ясака: соболей 115, лисиц 1006, волков 411, горностаев 1037, лосин и оленин 1270, прочих 124 и белок 186673.

Поступившая в 1729 году ясачная пушнина была оценена выбранными оценщиками Иваном Коморниковым и Парфеном Вологжаниным.

Результаты их оценки сведены в таблицу 95.

Таблица 95

Род ясачной пуш- нины	Количество	Сумма оценки, рублей	Цена за единицу, копеек
Белка чистая	18970	396,87	2,1
Волк	16	9,10	57
Лисица красная	39	31,20	80
“Медведно черное”	17	10,30	61
Горностай	100	4,00	4
Лосины	252	135,45	54
Оленина, изюбрина	4	1,40	35
Росомаха	9	7,80	87
Выдра	2	2,00	100
Рысь	1	1,50	150
Соболь	3	2,50	83
Итого	—	602,12	—

Беличьи шкурки обычно оценивались по 21 рублю за тысячу. В таблице вычислены средние цены, около которых колебались цены отдельных партий. Например, цены на лисицу красную опускались до 70 копеек и поднимались до 1 рубля за штуку.

Предоставление свободы коренному населению в выборе форм платежа ясака (деньгами или пушниной) не только избавило бы тунгусов и бурят от обчетов казной и ясатчиками, но и сделало бы ненужным посылку комиссаров и сборщиков ясака в улусы и стойбища.

Регламентирование цен на ясачную пушнину при развивающемся рынке являлось по существу неприкрытой эксплуатацией местных народов.

Вот почему правительство на протяжении всего XVIII века препятствовало замене пушнины деньгами.

Однако губернские и уездные власти, близко соприкасавшиеся с нуждами туземного населения, невольно, под давлением самой жизни нередко разрешали прием ясака деньгами. При этом они опирались на некоторые царские указы, изредка в прикрытой форме почти позволявшие такую замену.

Известный иркутский вице-губернатор Жолобов сбавил ясак в Нерчинске с тунгусов «без указа, собою», как расценивала его действия центральная власть. Он допустил также замену ясака деньгами, приказав платить по 1 рублю за соболя.

С точки зрения казны это было, может быть, тягчайшим преступлением из всех правонарушений Жолобова, обстоятельством, решившим судьбу иркутского помпадур.

Сибирский приказ по этому делу послал иркутскому вице-губернатору Плещееву, сменившему Жолобова, следующее распоряжение Сената: «ея императорское величество всемилостивейше указала — Сибирской губернии в Иркутской провинции соболиные зборы с ясашных людей попрежнему брать соболями. А деньгами за соболей не брать» (Фонд 75, арх. № 558, лл. 94, 99, 101-108).

Так, «всемилоостивейше» ясачные народы были лишены права платить ясак деньгами.

Но местное туземное население продолжало настойчиво борьбу против ясака.

13 селенгинских ясачных родов в 1737 году подали в иркутскую провинциальную канцелярию челобитную о замене ясака деньгами. Заявление достигло Сибирского приказа, Сената, Кабинета и породило обширную переписку. Восторжествовало мнение Кабинета, отраженное в указе Сената от 26 ноября 1739 г.: ясак с 13 родов собирать попрежнему, а где мало зверей — брать за соболя по 3 рубля.¹

Оплата деньгами ясака, столь серьезно встревожившая правительство, занимала ко времени опубликования приведенного указа уже довольно значительную долю. Даже в глухом Илимском уезде денежная оплата, например в 1735 году, составляла по Братским ясачным волостям 41,8% к соболиному окладу, по Нижне-Илимской волости — 25,5% (Фонд 75, опись 2, арх. № 22, лл. 1-34).

По такой же книге 1737 года сбор велся уже только пушниной (Фонд 75, опись 2, арх. № 22, лл. 1-18).

¹ Фонд Сената № 248, опись 20, арх. № 25/1368, лл. 1001-1049.

Наряду с отменой права местных народов сдавать ясак деньгами последовали указы о запрете купцам вести скупку пушнины. Сенатским указом 8 февраля 1740 г. Купцам был запрещен даже въезд в иноземческие улусы: «для покупки мяхкой рухляди никому, как приезжим, так и сибирским купцам, по татарским и других ясачных народов деревням и улусам ездить накрепчайшее запретить и торговать не велеть» (Фонд 75, опись 2, арх. № 325, л. 21).

Через 2 года, 24 ноября 1724 г., Сибирский приказ подтвердил сенатское распоряжение: «российским и внутренним сибирским купцам и никакого чина людям мягкой рухляди, ни дорого ни дешево, ни под каким видом чтоб не продавали, а купцы не покупали» (Фонд 75, арх. № 1065, л. 25).

Несмотря на запрещение перекупщикам появляться в ясачных зимовьях и улусах, туда безостановочно стремились проникнуть ловкие дельцы, правдами и кривдами обиравшие туземцев. Например, в начале 1763 года в усть-кутскую приказную избу поступили сведения от тунгусов, что они были летом 1762 года «близ жилья Каемонской деревни в своих улусах» и к ним приехал илимский разночинец Иван Скуратов «для продажи вина... и за то проданное вино брал и сильно (т. е. насильно) грабил и обирал братию ж нашу, ясашных иноземцов, во-первых, белкою, а потом и камысами и оленьми и лопотью»¹ (Фонд 75, опись 2, арх. № 1024, л. 4).

Все попытки изолировать ясачных от проникновения посторонних людей, как изолируют скот в загородках, не приводили к успеху. Пока казна выдаивала одни племена и роды, где-нибудь в углу уже таился пришелец и занимался тем же делом, что и казна. Вспугнутый в одном месте, он, если его не успевали захватить, появлялся в другом углу, и как следствие его соприкосновения с ясачными являлись шуленги и предлагали казне деньги вместо пушнины.

Вместе с тем не прекращали издаваться указы, подтверждавшие запрещение купцам появляться в ясачных волостях. Например, 26 сентября 1765 г. иркутская губернская канцелярия разослала указ, что «комиссия о расположении в Сибирской губернии вновь ясака и о протчем» велела «накрепко смотреть, чтоб к подострожным баунтовским и ангарским тунгусам и ко всем ясашным иноверцам в их урочища для промыслу зверей никто руския разных чинов люди, а особливо к ангарским и баунтовским, живущим по Лене реке — Витимского, Чечуйского, Киренского острогов и деревень — Пеледуйской, Коршуновой, Сполошной и других мест... ни под каким предлогом не въезжали и чрез то

¹ Слово «лопоть», т. е. верхняя одежда, встречается и теперь в говорах старожилов-сибиряков.

оних тунгусов в разорение и к платежу в казну... ясака в несостояние не приводили» (там же, л. 19).

Не успели разослать этот указ, как от курейских тунгусов поступили заявления, что «ведомства города Илимска и Киренского острогу крестьяне выезжают (в ясачные волости) и промысливают зверей». Об этом стало известно «о расположении в Сибирской губернии вновь ясаков и о протчем комиссии», которая подтвердила распоряжение сибирского губернатора Чичерина — бить таких промышленников кнутом (Фонд 75, опись 2, арх. № 1131, л. 1). На основании этих разъяснений крестьян обязали дать подписки, что они не будут ездить в ясачные волости (там же, лл. 21-23).

Получая многочисленные сведения о тяжелом положении ясачных, о злоупотреблениях местных властей, правительство поручало отдельным лицам и комиссиям проведение следствий по заявлениям ясачных, но не давало права своим уполномоченным затрагивать коренные вопросы жизни местных народов.

Именно такой указ был подписан Елизаветой 20 июля 1748 г. и затем отпечатан 8 августа в сенатской типографии. «Известно нам учинилось, что в Сибирской губернии» разным народам и особенно камчадалам «чинятся обиды и разорения», — писалось в указе. О таких обидах поручалось «накрепко исследовать нашему полковнику Вульфу с прочими штаб-офицеры, которые имеют быть в Иркутске и в других тамошних местах».

В особенности комиссия по иноземческим делам должна была расследовать заявления о взятках, а также изъять все кабалы и обязательства, выданные ясачными. Впредь предписывалось никаких писем на иноверцев и новокрещенных не писать.

Все письменные сделки с ясачными отныне должны были записываться в книги и свидетельствоваться старшинами, если ясачный был неграмотен (Фонд 75, арх. № 1608, л. 72).

Но лишь в апреле 1749 года Сенат утвердил назначение в Сибирь полковника Вульфа и еще 3 офицеров (Фонд 75, арх. № 1693, л. 220).

По предложению Вульфа в 1750 году производится широкая перепись ясачного населения. В Илимском уезде эту работу выполнил, как отмечалось, П. Литвинцев. Его перепись важна не только тем, что она содержит много материалов о численности ясачного населения, но и тем, что он сам дал обстоятельную оценку экономического положения тунгусов и бурят. П. Литвинцев хорошо знал жизнь илимских ясачных, с сочувствием относился к их положению и добросовестно провел сложную работу по переписи туземного населения.

Вот к каким выводам пришел П. Литвинцев: «А по усмотрению моему вышеобъявленные ясачные иноверцы... тунгусы — люди самые бедные и скучные и никакого скота и живота не имеют. А вместо лошадей и скота, по заобычайности своей, а особливо по природе... самое малое число имеют оленей, на которых в лесные и каменистые места для звериного промыслу ходят и юрты свои возят, и то разве из всех тунгусов одна треть. А протчие за совершенною своею скудностью тех оленей не имеют. Они ж жилищами обитают в лесных и каменистых и русским людям незнаемых местах, переходя с места на место, а не так как кочующия братские иноверцы — на степях и хлебобородных местах». Далее Литвинцев отмечает, что если тунгусы зверя не упромыслят, то отходят в такие места, где и сыскать их невозможно. «К тому ж в нынешних летех против прежних лет зверя весьма умалилось». Литвинцев приходит к заключению, что «по такой их самой бедной скудности... положенного на них ясаку, яко-то от пяти до четырех, до трех, до двух соболей никак им ежегодно исправно выплачивать неуповательно». Поэтому он предлагает убавить ясак до одного соболя на человека, ценою не ниже двух рублей и допустить замену соболей другой пушниной. При этом он предлагает расчет нового ясака, размер которого он устанавливает в 351 соболя, т. е. на 229 соболей меньше прежнего оклада.

Предложение Литвинцева не свободно от противоречия. Уменьшение оклада, несомненно, преследует цель облегчить обложение тунгусов. Но повышенная зачетная цена на соболя повлекла бы при сохранении цен на другую пушнину к некоторому увеличению ясака, так как практически ясак соболями почти не сдавался. Литвинцев сам пытается предложить повышение цен и на другую пушнину, например, на белку до 3 коп. за шкурку. Но и при такой поправке пришлось бы сдавать за одного соболя 70 белок вместо 50. Значит при уменьшении ясачного платежа с 2 до 1 соболя на человека пришлось бы сдавать 70 белок вместо 100, или меньше только на 30%.

Порочность системы обложения ясаком проявлялась и в неизбежной, можно сказать, обязательной недоимочности.

Расчисленный на тунгусов оклад ясака оставался неизменным до тех пор, пока не проводилась очередная перепись. Но за это время многие ясачные выбывали из числа плательщиков, кто по старости и болезни, кто вследствие смерти, кто из-за переезда в другие края или перехода к земледелию. На выбывших и престарелых продолжали ежегодно начислять установленный ясак и записывать его в недоимку.

Так как обложение было личным, а не родовым, то, следовательно, нельзя было перелагать ясак с одних плательщиков на других, вследствие чего накопление недоимок де-

лалось необходимостью, своего рода закономерным, «нормальным» явлением.

Поэтому время от времени следовало списывать недоимки.

Указом Сената от 3 июля 1755 года была сложена задолженность нерчинских тунгусов «для их нынешняго [бедствия] от упадку скота». Этот указ пошел «по секретной комиссии», как значилось на самом документе.

На основании этого указа илимская воеводская канцелярия стала собирать сведения о недоимочности подведомственных ей тунгусов как обоснования для ходатайства о списании недоимок.

По улусам и стойбищам снова поехал Петр Литвинцев, который учел по всем 5 ясачным волостям 364 плательщика. При этом был установлен размер недоимок за 1747-1754 годы в размере 604 соболей.

Из 126 недоимщиков оказалось умерших 15 человек, больных 44, отлучившихся 10, «не сыскано» 16, «ясаку промыслить не могли и в улове зверей за скудностью не имелось» — 35, ушел в рекруты за крестьянина — 1, под судом состояло — 2, «написан двоекратно» — 1, «явился противен и ясаку не дал неведомо для чего» — 2 человека.

Илимская воеводская канцелярия послала в Иркутск сводку безнадежных недоимок, достигавших 505 соболей. Свое мнение о невозможности погашения этой задолженности она объясняла тем, что недоимка числилась главным образом на умерших и больных, а также «за малоимением в улове зверей... Оттого, что ежегодно зверь выпромысливается, также отшатился в дальние места». Кроме того, воеводская канцелярия отметила, что «здешние иноверцы живут в немалой скудости» и что многие из них уходят «един по единому в дальнейшия пустыя и незнаемые российскому народу места».

В заключение воеводская канцелярия признавалась, что она взыскать недоимки «твердой надежды не полагает» и что необходимо «упомянутую... все доимку ко удовольствию ясачных иноверцев, как и прежде бывало, сложить» (Фонд 75, арх. № 2188, лл. 56-99).

Манифест 1763 года о переписи ясачных не давал никаких указаний о важнейшем вопросе, который ставился самой жизнью — о размере ясака и формах платежа.

Указ провинциальной канцелярии от 14 декабря 1764 г. полностью отразил затруднения местных властей, возникшие при толковании манифеста.

Иркутский вице-губернатор Сумароков признается, что иркутская провинциальная канцелярия встретила затруднения в разрешении важных вопросов, касающихся ясачных, и обратилась 24 июля 1763 г. В Сибирский приказ, прося

«повелительного... указу — со оных ясашных иноверцов за неупромыслицею соболей и лисиц, не повелено ль будет брать деньгами». При этом провинциальная канцелярия предлагала оценивать соболя по 3, а лисицу по 2 рубля. Но ответа от Сибирского приказа не последовало.

В указе Сумарокова делается ссылка на сенатский указ от 16 октября 1755 г. о сбавке ясака с нерчинских тунгуов, согласно которому было велено собирать не более 2 соболей с человека. Тункинские, верхоленские и култуцкие ясачные писали в Сенат об уравнивании их платежа с нерчинскими, но ответа не получили. А если не уравнивать илимских тунгусов с братскими, то «только будет числиться суммою оклад велик, а собрать того с них в казну сполна ласкою и приветом... за оказанною их бедностию никоими способы нечаательно. А ежели ш взыскивать жесточью и крепким подтверждением, то оне могут разоттись все по незнаемым дальнейшим лесным местам, что и сыскать их будет трудно» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1094, лл. 35-40).

Как же использовали губернские власти данные переписи, которая производилась, как уверяли указы, «для облехчения», «для удовольствия» ясачных, «как они после и усмотреть могут»?

Ответ на вопрос, очень близко касавшийся жизненных интересов туземного населения, можно получить, сопоставляя размеры обложения ясаком, установленные до и после переписи.

В 1750 году было наложено ясака на 374 действительных плательщика в пересчете на деньги — 609 рублей. Согласно переписи 1766 года илимская воеводская канцелярия, принимая во внимание уменьшение числа плательщиков до 317 человек, определила размер платежа в 494 рубля, а комиссия в Иркутске, на которую возлагалось справедливое установление окладов для «бедных и безгласных ясашных», повысила число плательщиков до 339 человек и решила: «А ныне обложены за непромыслицею зверей деньгами, и платить будут со своего уезду по тысяче по семнадцати рублев».

Значит, обязательная сдача ясака пушниной отменялась, а денежный размер обложения удваивался: каждый ясачный плательщик должен был теперь платить в казну по 3 рубля (там же, лл. 346-347).

Так пала азиатская форма эксплуатации местных народов российской казной.

Ясачные могли теперь вносить ясак в казну деньгами или пушниной, по своему выбору. Купец получил свободу действия.

Старая задолженность по ясачному сбору была заморожена. Взыскание ее стало малонадежным делом.

За 1742-1765 годы накопилось по 4 ясачным волостям недоимок 1708 соболей.

Но и перевод ясака в денежную форму лишь немного улучшил сбор платежей в казну. В 1768 году поступили доношения от трех ясачных волостей о причинах неполного сбора ясака. Шуленга Киренской, Хандинской и Усольской волости сообщил, что собрано 64 рубля, а недоимок осталось на 275 рублей, «за неимением в ближних около их кочевий лесах зверей и за ушествием зверей в даль и незнаемые места, к тому ж и за упадком их собственных оленей и собак». Шуленга Нижне-Илимской ясачной волости собрал ясака на 60 рублей, в недоимке осталось 54 рубля «за неуловом в лесах белки и других зверей. К тому ж многие ясачные пришли в крайнее раззорение и убожество... А паче того, заложить и продать из домашних пожитков нечего». Шуленга Верхне-Илимской волости собрал ясака на 115 рублей из 126-рублевого оклада и дал такое же объяснение причин недоимочности, как и его собрат из Нижне-Илимской волости (Фонд 75, арх. № 3098, лл. 192, 195, 197).

В 1771 году было собрано из окладов, установленных в 1766 году корнетом Полянским в размере 1017 рублей, только 401 рубль (Фонд 75, арх. № 3243). Данные о сборе денежного ясака по отдельным волостям за 1771 год приводятся в таблице 96.

Таблица 96

Ясачные волости	Ясачных плательщиков	Оклад	Уплачено	Недоимки
		рублей		
Верхне-Илимская (Подгородная)	42	126	60	66
Нижне-Илимская	38	114	114	—
Киренская, Хандин- ская и Усольская	113	339	155	184
Верхне-Окинская и Ицкая	83	249	—	249
Верх-и-Низ Ангарская и Удинская	63	189	72	117
Итого	339	1017	401	616

Значит, в 1771 году было собрано менее 40% ясачного платежа.

Имеются указания, что в предыдущем году ясачные болели оспой: «многия плательщики находятся в болезни, называемой оспа... Немалое число померло» (Фонд 75, опись 2, арх. № 1244, лл. 2-3).

Недоимочность ясачных влекла посылку в улусы «понуздителей» из воеводской канцелярии. Солдат городской

команды Иван Курбатов получил 27 февраля 1773 г. предписание илимской воеводской канцелярии направиться в Киренскую, Хандинскую и Усольскую волость для взыскания недоимок. Он должен был «шуленг понуждать неослабно, не приемля от оных ни малейших отговорок». Курбатову было велено привезти в Илимск шуленгу, чтобы тот объяснил причину слабого взыскания ясачных платежей, «и с ним лутчих тунгусов, по пяти человек (от рода)». За волостью числилось недоимок: «рухлядью» с 1744 по 1766 год «по цене» на 375 рублей, денежных недоимок с 1767 по 1771 год — 911 руб. 05 коп. и за 1772 год — 134 руб. 30 коп., всего, следовательно, на 1420 руб. 35 коп., что составляло более четырех годовых окладов.

Через 3 месяца Курбатов сообщил, что взыскал только 40 рублей с одного шуленги, а «других не явилось». Он послал за ними нарочных, но не знает, что делать, если они не приедут (Фонд 75, опись 2, арх. № 1371, лл. 23, 31).

Посылка «понудителей» приводила к насилиям над местными народами.

Так, казак Рыбников, посланный в ту же Киренскую, Хандинскую и Усольскую ясачную волость незадолго до выезда туда Курбатова, «чинил», по сообщению шуленги, «немалые обиды, притеснения и немалые налоги». Он избрал и такой прием: «почасту зазывал (шуленгу) в кабак, опивал и заставлял брать (вино для казака), проговаривал: хоть платье с себе пропейте, а ево, Рыбникова, вином пойте». Казак заставил одного тунгуса продать «стрелебной лук за двадцать за пять копеек». Но этого ему показалось мало и он взял у шуленги 50 копеек казенных денег, связал одного ясачного, требуя с него рубль денег.

Шуленга просит, чтобы «тот Рыбников [был] взят в Илимск, ибо он весьма всем страшен, чтоб ево впредь за понуждением ясака не посылать, но определять смирных, кои бы ясашных народов не только увечили, но и не угрожали, чтоб к збору ясака собирались и с охотою вносили б в казну платеж. А таких распуженных человек до восьми, не знаю где взыскать» (там же, лл. 57-58).

Недаром Курбатов сообщал в Илимск, что шуленги к нему не едут.

По окладной ясачной книге Илимского комиссарства 1783 года размер обложения, установленный в 1766 году, не изменился, но число плательщиков заметно увеличилось: оклад составил 678 рублей, плательщиков числилось 458, значит, на одного плательщика в среднем падало 1 руб. 48 коп.

В этом году почти весь ясачный платеж был взыскан полностью. Но 27 душ перешло вместе с наложенным на них

платежом в Балаганский острог (Фонд 2, арх. № 729, лл. 1-3).

В конце XVIII века правительство попыталось вернуться к частичному взносу ясака натурой. Сенат 12 февраля 1797 г. объявил, что ясачные народы, с котрых ясак до 1785 года собирался лосиными кожами, должны и впредь вносить ясак лосиными и оленьими кожами, а не деньгами (Фонд 9, арх. № 176, л. 188).

Замена натурального ясачного сбора денежным означала падение феодальной эксплуатации государством ясачных народов Сибири. Развитие денежных отношений разрушило средневековые азиатские перегородки, отделявшие хозяйство ясачного от внешнего мира, от рынка, заставило государство отказаться от дани, собиравшейся им с подвластных народов Сибири и открыло двери для эксплуатации их купеческим капиталом.

Отныне государство поведет заготовку мехов через скупщиков-торговцев, уступив им львиную долю дохода.

Ясачные народы, освободившиеся от обязательных поставок пушнины, могли легче переходить к земледелию. Этот переход становился неизбежным в тех местах, где земли ясачных перемежались с полями русских хлебопашцев.

КРЕЩЕНИЕ ЯСАЧНЫХ И ХОЗЯЙСТВО НОВОКРЕЩЕННЫХ

Принятие ясачным православия означало не перемену его заблуждений, а переход к новой хозяйственной деятельности. Всякий туземец, терявший связь с родичами и уходивший в русские селения, рано или поздно становился православным.

Поэтому изучение материалов о крещении ясачных не столько относится к истории церкви, сколько к истории туземного хозяйства.

Как только «ясашный иноверец» покидал родную почву и сближался с русским населением, т. е. в первую очередь с крестьянством, он оказывался перед необходимостью принять православие. Два пути открывала жизнь перед ясачным, когда он оказывался в среде русских: или превращение в хозяина-земледельца, или уход в батраки. В первом случае ясачный воспринимал технику, традиции, бытовой уклад, чаяния и предрассудки русского крестьянина, во втором — становился в непосредственную материальную и духовную зависимость от нанимателя. Значит, при всех обстоятельствах он должен был познакомиться с церковью, безразлично, желал или не желал он этого.

Перед ним раскрывались двери храма, звучал колокол,

и он в сопровождении друзей, новых знакомых, родственников и хозяев переступал порог церкви, где совершался торжественный ритуал превращения его в новокрещенного. Вряд ли он вникал в объяснения, которые давал ему священник о его новых, но, может быть, временами понимал, что в движение приводился мощный механизм церкви, который действовал вхолостую, пока новокрещенный оставался номадом-охотником или скотоводом.

В числе учтенных душ муж. пола ясачного населения в 1750 году оказалось 108 новокрещенных, т. е. 11,2%. Все они приняли русские имена и фамилии (прозвания). Среди ясачных появились Рютины, Томшины, Шипицыны, Купряковы, Митюкову, Сосновские, Мамруковы, Хатунцовы, Анцыферовы, Перетолчины, Чюсовитины и Микляевы. Иногда несколько новокрещенных из разных родов имели одну и ту же фамилию. Это значит, что у них был общий крестный отец, фамилию которого они принимали при крещении. А так как большинство крестных отцов являлось крестьянами, то в новых фамилиях ясачных оказалась записанной история крестьянской колонизации Илимского края.

По спискам, составленным П. Литвинцевым, можно сгруппировать фамилии тунгусов четырех ясачных волостей и установить, что 45 тунгусов носило в 1755 году чисто русские фамилии (например, Шипицын, Щукин), 29 — чисто тунгусские фамилии (Саунчин, Буручик) и 52 — фамилии с туземным корнем и русским окончанием (Тарчеев, Скутунаев) (Фонд 75, арх. № 2188, лл. 56-99).

Русские фамилии, носителями которых были главным образом новокрещенные, составляли 35,7%, туземные — 23% и смешанные — 41,3%.

По Верх-и-Низ Ангарской Подострожной волости за 1770-1773 годы крестилось 74 человека. Они получали льготу на 3 года, т. е. освобождались от сдачи в казну 222 соболей.

Крестившиеся приняли русские имена и фамилии своих воспитанников. Так в ясачной волости появилось 17 Дубровиных, 13 Лютиковых, 10 Храмовских. Были здесь и Микляевы, и Никитины, и Климовы, и Ивановы, т. е., судя по фамилиям, носители самых обыкновенных и часто встречающихся в Илимском уезде прозваний (Фонд 75, опись 2, арх. № 1131, лл. 41-45).

При крещении ясачный получал трехлетнее освобождение от уплаты ясака. Чаще всего с ясачного, как только он впервые в жизни осенял себя православным крестным знаменем, приходилось просто списывать с недоимок трех соболей.

После отмены в 1768 году обязательного внесения ясака пушниной крестившемуся ясачному стали зачитывать три

соболя в погашение недоимок, копившихся с 1742 года, о которых ясачный, конечно, и не помнил.

В одном из дел (Фонд 75, арх. № 1131, лл. 46, 48, 60 и опись 2, арх. № 1328, лл. 32-44) имеются полные данные о недоимках по трем ясачным волостям и о величине льготы, данной крестившимся ясачным за 1770-1773 годы. За 111 крестившимися числилось недоимок денежных за 1771-1772 годы 567 рублей и натуральных за 1742-1765 годы — 1333 соболя. При крещении было зачтено 333 соболя.

Таким образом, с 1768 года действительного облегчения в платеже ясачные не получали, так как с этого времени они платили ясак не пушниной, а деньгами. Списание же задолженности по соболям, хотя и составляло заметную величину, около 25%, однако касалось таких обязательств, которые уже не имели реальной силы, ибо и некрестившиеся туземцы не платили недоимок за прошедшие годы.

Важнейшие материалы, раскрывающие экономическое положение новокрещенных, собраны в одном деле за 1769 год. (Фонд 75, арх. № 3096).

На вопрос о занятиях большинство новокрещенных ответило: «живут своим домом, пропитание имеют от работы от крестьян» или «работою своею», или «работою своею у тутошних жителей», или «пропитание имеют работою своею у русских людей», или «в работе у разных людей». Один работал у «отца-восприимника», один «в работе у монастырского крестьянина... от того и пропитание имеет», один был в работе у священника. Значительная часть новокрещенных из ангарских волостей главным занятием указала земледелие: «пропитание имеет от пахотной земли». Очень немногие единственным источником существования сохранили охоту и рыболовство: «питаются работою своею и чернолесным звериным промыслом» или «от лесного звериного, птичьего промыслу и рыбной ловли». Наконец, несколько человек показали: «питание имеет Христовым именем» или «пропитание имеет мирским подаванием».

Таким образом, от родового общинного строя у новокрещенных ничего не осталось. Одни стали хозяевами, другие батраками, соединяя иногда основные занятия с звериным промыслом. Показания новокрещенных о их занятиях сведены в таблицу 97.

Эти данные в некоторой мере объясняют затруднения казны в сборе ясака пушниной. Ведь все новокрещенные, в том числе и перешедшие к земледелию, считались ясачными, не облагались ни «провиантом», ни подушными сборами. Но как мог сдавать ясак пушниной земледелец или батрак?

Переход ясачных в русскую среду сопровождался, как можно заключить по приведенной таблице, уменьшением размеров семьи. В среднем семья состояла из 2,4 человека.

Таблица 97

Главное занятие новокрещенных	Число семей	В них душ обоого пола	Удельный вес семей, %
Работают у других	34	70	40,0
Живут своим домом и своей работой	31	79	36,5
Пашут	10	36	11,8
Промышляют зверя	3	6	3,5
Питаются подаванием	3	5	3,5
Неизвестно	4	7	4,7
Итого	85	203	100,0

Ясачные, снискавшие пропитание батрачеством, имели среднюю семью в 2,1 человека (из 34 глав семей 19 являлись одиночками); ясачные, занимавшиеся земледелием, были самыми много-семейными, среднее число членов семьи у них достигало 3,6 человека; бессемейных, т. е. одиночек, в этой группе не встречалось совсем.

По возрасту 85 ясачных, записанных в ведомость главами семьи и одиночками, распределялись так: до 20 лет — 12 человек, 21-30 лет — 25 человек, 31-40 лет — 21 человек, 41-50 лет — 12 человек и старше 51 года — 15 человек. Среди лиц младше 20-летнего возраста четверо имели по 10-13 лет, а один 5 лет. О последнем сказано, что он пропитание имеет работой своею у русских людей.

Из 26 глав или хозяев, новокрещенных Верхне-Илимской волости, только один имел лошадь, 2 коровы и 2 овцы. У остальных не было ни скота, ни земли.

Два хозяйства Нижне-Илимской волости имели по 2 лошади и по 8 коров, оба двора пахали и косили сено, по 50 копен на двор, но они еще покупали до 250 копен сена.

Ни один из новокрещенных Киренской, Хандинской и Усольской волости не имел скота и не занимался земледелием. Только у Алексея Бажкина было 10 оленей.

Из 48 хозяйств Верхне-Окинской и Ицкой волости и Верх-и-Низ Ангарской волости хозяйство имели 23 двора. Из них у 9 дворов имелось 10½ десятины пашни, все 23 двора имели 58 лошадей, 16 дворов держали 51 корову, у 8 хозяйств имелось 73 овцы, у 6 хозяйств — 18 свиней. Накашивалось в 19 дворах 3255 копен сена.

Земледелие, как видно из приведенных данных, велось в очень скромных размерах. Многие сено покупали или «кортомили», т. е. арендовали сенокосы.

Всего по Верхне-Илимской волости в 1778 году числилось 73 новокрещенных обоего пола, в Нижне-Илимской — 28, в Киренской, Хандинской и Усольской — 19, в Верх-Окинской и Ицкой — 302, в Верх-и-Низ Ангарской Подострожной — 92 и в выделившейся из нее Удинской волости — 50 человек (Фонд 75, опись 2, арх. № 1625, лл. 49-56, 60-73).

Всего, значит, к концу XVIII века приняло православие 564 человека, т. е. около $\frac{1}{3}$ туземного населения Киренского уезда.

Пожалуй, больше крестилось мужчин, чем женщин; так, по данным Илимского комиссарства, из 141 крестившегося мужчин было 86, женщин — 55.

Объяснить это можно тем, что мужчины более близко соприкасались с русскими, а также тем, что женщины не платили ясака и, следовательно, не были заинтересованы в крещении.

В дальнейшем крещение ясачных шло медленно. Охотнику-тунгусу не было смысла принимать новую веру, не связанную с его промыслом, да и перевод ясака в денежный платеж понизил материальный интерес к православию.

Священник Марковской Троицкой церкви в 1791 году однообразно сообщал из месяца в месяц духовному правлению, что «за непростением из иноверцов восприятия святого крещения, мною... никто из оных в веру православного исповедования святым крещением не просвещено» (Фонд 9, арх. № 90, л. 54).

Впрочем, в других приходах некоторое число тунгусов принимало православие. Например, в январе того же года в Нижне-Илимской слободе (в документе сказано — «в Тушамском погосте») крестилось 7 мужчин и 7 женщин. Все они были взрослые (там же, лл. 296, 300).

Таковы данные о крещении ясачных в Илимском (Киренском) уезде. Приняв во внимание, что со времени прихода русских в Илимский край до конца XVIII века протекло 170 лет, нельзя считать высокой долю православных в общем числе туземного населения. Объясняется это трудностями перехода ясачных к земледелию в горно-таежном крае, рассеянностью кочующих племен на значительных пространствах и, следовательно, непрочной связью ясачных с русским земледельческим хозяйством.

Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь тунгусов (эвенков) и бурят привело к отмене натурального ясака и к введению денежного обложения. Это означало не только падение азиатской эксплуатации государством местных народов, т. е. ликвидацию наиболее тяжелых пережитков феодализма, но и ломку перегорода,

отделявших туземное хозяйство от рынка. Русский купец, для которого столь недавно кочевья ясачных были запретными, теперь свободно являлся на стойбища и устраивал там свои торжища. Сами туземцы-охотники все чаще выходят из тайги к русским селениям и завязывают сделки по продаже и по обмену пушнины на русские товары: ружья, охотничьи припасы, мануфактурные изделия, нехитрые украшения, соль, вино и хлеб.

Многие ясачные порывают связи с сородичами и или обзаводятся постепенно хозяйством по образцу сибирских крестьян, или становятся батраками, или пытаются соединить охотничий промысел с земледелием, нередко сдавая свои урочища, свои «породные» земли в аренду за деньги.

Расширение связей с русским хозяйством находит отражение и в принятии ясачными православия. Крещение не только способствует большему сближению местных народов с русскими, но и становится основой для ликвидации варварского пережитка — многоженства. Русский крестьянин привет местным народам и более человеческое отношение к женщине.

Сближение местных народов с русскими являлось исторически необходимым шагом вперед, выведшим их из закостеневшего азиатского состояния на широкий путь общенационального развития. Вместе с тем капитализм получал новое поприще и новых данников.

Пространственное размещение местных народов в XVIII веке по территории Предбайкалья дано в схематической карте, причем названия родов приводятся только по бурятскому населению; размещение тунгусского (эвенкийского) населения показано по ясачным волостям.

Основанием для карты послужила копия указа из иркутской губернской канцелярии, направленная в Илимск 31 октября 1766 г., и сводка илимской воеводской канцелярии, составленная в январе 1767 года (Фонд 75, арх. № 2913, лл. 385-391 и 393-394).

ГЛАВА XVI

СУДЕБНЫЕ ДЕЛА И ССЫЛКА

ПОСТАНОВКА СУДЕБНОГО ДЕЛА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В XVII веке судебная власть в уезде принадлежала воеводе. Судебные реформы Петра I почти не коснулись уездных судов Сибири. В частности, в Илимске была сделана недоведенная до конца попытка создать надворный суд в уезде и институт судебных комиссаров в волостях.

Все судебные дела, за исключением дел о церковниках, решал попрежнему воевода. Если дело касалось посадского, то ратуша выделяла особого депутата, которой вместе с воеводой вел следствие. Важные дела после проведения следствия отсылались вместе с мнением воеводы в Иркутск.

Мелкие дела решались приказными избами, а в ясачных волостях — тайшами.

Воеводы в послепетровское время потеряли право выносить смертные приговоры.

В печатном указе Сената от 17 мая 1744 г. предписывалось, чтобы «казни и политические смерти» на местах «не чинили», а все дела и выписки, связанные с вынесением смертных приговоров, присылали в Сенат (Фонд 75, арх. № 1225, л. 250).

Царская власть неоднократно и в самых жестоких формах разрушала наивную легенду, еще живущую в народе, о выерховной власти, как носительнице высшего правосудия.

Указом 19 января 1765 г. было запрещено подавать челобитья непосредственно императрице. В противном случае «за первое дерзновение» было велено посылать на месячную каторгу, за второе — наказывать публично и давать 1 год каторги, за третье — бить плетью и ссылать навечно в Нерчинск.

Пытка как средство извлечения от допрашиваемого истины была передана XVIII столетию от прошедших веков. Суд

долго не мог отказаться от мысли, что признание в преступлении не является полным доказательством. Екатерина II, переписываясь с философами Франции, осуждавшими пытки, лицемерно ввела перед пыткой «увещевания». В указе Сената 10 февраля 1763 г. было сказано, что если «по делам дойдут до пыток, не чиня им оных о показании истины, увещевать ученым священникам». Но так как такие не везде есть, то сочинить о порядке увещевания «книжицу» (Фонд 75, арх. № 2697, лл. 32-33).

Тем самым было признано, что выколачивание истины орудиями пыток было выше и действительнее, чем пастырские увещевания.

Долгое время правительство, считая, что расходы по содержанию колодников в тюрьмах есть дело самих колодников, не отпускало средств на их пропитание.

Сенат 16 ноября 1744 г., подтверждая введенный Петром I порядок, в указе Сибирскому приказу предписывал: колодников, которые обвинятся или осуждены по государственным преступлениям и которые прокормить себя сами не могут, отсылать в работу в Московскую губернию с оплатой по 4 деньги в день. «А баб и девок, которыя в государственных делах», отсылать на мануфактурные прядильные дворы с той же платой. «Исцовых» попрежнему отпускать было нельзя, их должны были кормить истцы.

Если же в местах, где содержатся «колодники в государевых делах, а не в челобитчиковых», казенных работ не будет, то заключенных разрешалось «отпускать для прошения милостыни» по одной, по двум, по трем связкам «и больши, смотря по препорции колодников. А которую милостыню они соберут, то оную делить на тех колодников, которые в государевых делах содержатся, кроме челобитных дел».

Императорское правительство, как видно связанное логикой своих указов, приняло участие в дележе подаяния, собираемого узникам от сострадательного народа.

По именному царскому указу от 27 сентября 1754 г. было «веле-но подлежащим к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, ставить на лбу «в», а на щеках: на одной «о», а на другой «р».

Это зверское установление имело силу еще в конце XVIII века.

Важных преступников препровождали с охраной, которой давался особый наказ. Например, воевода Никифор Кондратьев снабдил служилого человека, сопровождавшего тугуса Адучу, такой инструкцией:

1. «Принять тебе... по секретному делу колодника, ясажного тунгуса Адучю в ручных и ножных кандалах и привезти его в илимскую воеводскую канцелярию». «Ники-»

2. «Будучи в пути смотреть за ним, Адучею, денно и ноч-

но с великою опасностью, дабы он над собою и над тобою чего не учинил к смертной притчине и с пути не збежал. И нигде ни с кем до разговоров не допускать и тебе с ним разговоров же не чинить». «фор».

3. «Смотреть того, чтоб никакого письменного известия ему не дать знать, а пищу и питье давать, откушивая, а хлеб, разрезывая». «Кон-»

4. «О делах, которые тайности подлежат в государственных делах — оного отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, ниже к тому, от кого отправлен». «драть-»

«У сей инструкции ея императорского величества Иркутской провинции города Илимска печать». «ев» (Фонд 75, опись 2, арх. № 771, л. 42).

В важных бумагах, как и в приведенной инструкции, подпись ответственного лица, разделенная по слогам или буквам, размезалась после каждого пункта.

Нелепое правило отбирать подписки от лиц, осужденных за преступления, действовало и в XVIII веке.

В 1772 году два казака, обвиненные в краже, дали такую поручную запись в особой на эти случаи заведенной книге: «впредь им, Ознобихину, ничего не воровать, а Калгину воровского ничего ж не у кого не покупать и в дом для поклажи не принимать». За казаков подписывались поручители.

Другую запись в той же книге дали вдова илимского разночинца Щекотова и ее дети: «подано на нее... и з детьми... доношение... в напущении на жену ево (посадского Дуракова)... якобы красной и белой грыж, также и в других похвальных их словах». Обязуются из Илимска не уезжать (Фонд 75, арх. № 3312, лл. 1-6).

Поручные нередко помогали лицам, совершившим тяжелые злодеяния, отделаться сравнительно легким наказанием. Часто убийцу постигало возмездие не более тяжелое, чем, например, беглеца.

10 иня 1743 г. братский отставной служилый человек Кузнецов дал по себе поручну в том, что он обвинялся «в заколотии... илимского посадского человека Александра Сумкина кортиком до смерти», за то был бит кнутом. После освобождения он обязуется: «впредь мне такого не чинить» (Фонд 75, опись 2, арх. № 351, л. 60).

Число челобитчиков судных дел было невелико. По отчету за время с мая 1750 по сентябрь 1754 г., т. е. больше, чем за 4 года, находилось в производстве 90 дел. Из них 23 были кончены мировой, по 19 не оказалось требований челобитчиков, по 13 не нашли истцов, велось следствие по 35 делам (Фонд 75, арх. № 2038, лл. 239-274).

Первая серьезная попытка выделить судебные функции из ведения уездной администрации была произведена в

1784 году в связи с ликвидацией системы воеводского управления.

Созданные органы — нижняя расправа (с 1797 года преобразованная в уездный суд) и нижний земский суд — явились главными органами судебной власти уезда. При этом земский суд производил следствие и решал мелкие дела, а уездный суд выносил приговоры.

Хотя капитан-исправники (или земские исправники, или просто исправники) и заменили воевод в деле управления крестьянами, однако уже не имели той, по существу, неограниченной власти, какой наделялись их предшественники.

Следующий случай хорошо показывает эту перемену (Фонд 7, арх. № 450, лл. 288-325).

Исправник Карсаков в 1798 году подал в киренский уездный суд жалобу на крестьянина Подкаменской волости Дмитрия Бушмагина, что он «называл меня фараоном и что я не бог и не государь... полно тебе раззорять нижно-тунгуских крестьян. Ведь ты не государь — подати налагаешь».

При воеводах крестьянину за такие слова грозила крепкая расправа.

На допросе крестьянин отвечал, что «приходил в подгулке, а не в пьяном образе» и исправника не ругал.

Уездный суд решил: «Подтвердить ему, Карсакову, указом наистрожайше, дабы он впредь с представлениями осторожнее был, и чего доказать не может — весьма воздержался и не затруднял бы таковыми пустыми бумагами сей суд».

В общем, в течение XVIII века шел медленный процесс отмирания судебных порядков XVII века. Судебные функции воевод переходят к особым учреждениям, часть заседателей которых одно время выбиралась населением. Уезды потеряли право выносить смертные приговоры, была поколеблена пытка как необходимая мера следственной процедуры.

Сословность суда стала терять свой исключительный характер.

Все это отражало возвышение народившегося класса торговцев и промышленников, которые в XVII веке были бесправными, а в XVIII веке получили многие привилегии.

Уголовные преступления случались в Илимском уезде довольно редко. Изучение судебных дел, посвященных этим преступлениям, помогает раскрывать многие бытовые, а иногда и хозяйственные стороны жизни илимского крестьянина.

В илимскую ратушу пришло известие из Братского острога, помеченное 31 марта 1726 г., что посадский Сава Марков зарезал жену «от похвальных речей... служилого человека Болдина, — а как де оной Болдин похвалялся ево Савиною женою и называл ее сердцем и любушкой» (Фонд 75, арх. № 323, л. 42).

Преступления на такой почве были очень редкими; пожалуй, преобладающими судебными делами являлись дела о драках.

Приказчик Чечуйского острога Василий Сенотрусов избил в 1730 году крестьянина. Тот жаловался воеводе. Через 3 месяца стороны помирились, заплатив пошлин 20 копеек, «с суда и пересуду и с правого десятка» 22 1/2 копейки, мировых 20 копеек и «на нужные расходы» полденьги (Фонд 75, опись 2, арх. № 93).

Воровство среди крестьян было довольно редким явлением. Каторжному Однолеткову и крестьянскому сыну за кражу денег и «шкарбу» у казачьего сына в 1732 году было учинено жестокое наказание — они были «чрез барабанной бой» выпороты кнутом на козле, после чего им отрезали по левому уху, «дабы впредь того и на то смотря другим чинить было неповадно и страшно» (Фонд 75, арх. № 464, лл. 173-189).

Крестьянин редко обвинялся в воровстве, он чаще выступал обвинителем против воров-приказчиков. Не он воровал, а его обворовывали.

Более важные преступления решались иркутской провинциальной канцелярией по следственным материалам, подготовленным воеводскими канцеляриями.

В 1737 году был избит двумя крестьянами приказчик Яндинского острога, причем в избиении принял участие илимский служилый человек Дмитрий Щегорин, который ранил приказчика кортиком «под левую титьку». Все виновные получили по 15 ударов кнутом, а крестьяне были сосланы на р. Чикой (Фонд 75, арх. № 730, лл. 65-66).

За неумышленное убийство обычно били плетью, после чего отпускали с подпиской, чтоб впредь этого не делать.

Так, в 1753 году крестьянин Нижне-Илимской слободы Прокопьев «звал на помощь для жнитва хлеба и пить пива». После помощи сын Прокопьева убил одного крестьянина. Воевода решил, что преступление «учинилось пьяным делом» и велел убийцу «высечь плетью нещадно». Кроме того, такому же наказанию подверглись зачинщики драки, родственники убитого (Фонд 75, арх. № 2034, лл. 318-319).

Впрочем, убийца ограничился легким наказанием, может быть и потому, что его отец был зажиточным крестьянином.

Уголовных преступников находилось в тюрьме и на поруках обычно 20-40 человек на весь уезд. Например, в 1757 году их числилось 27, в том числе 5 женщин, в 1758 году — 44, в том числе 10 женщин, в 1759 — 31, в том числе 3 женщины, в 1760 году — 25 человек (Фонд 75, опись 2, арх. № 1026).

В 1760 году числилось колодников и на поруках: 20 бывших целовальников и счетчиков, растративших казенные

деньги, один каторжный, 2 крестьянина, одна «девка», прижившая двух младенцев, и убийца Петухов, сообщники которого за 17 лет перед тем были казнены в Криволуцкой слободе (Фонд 75, арх. № 2560, лл. 372-377).

Если сравнить число уголовных дел с числом дел о побегах и сысках, то первых окажется очень немного. Поэтому судебные учреждения, заваленные делами о поимке беглецов, лишь изредка отвлекали свое внимание на разбирательство действительных преступлений.

Если в XVII веке все, в том числе и верховные правители, верили в наговоры, порчу и дурной взгляд, а всякое волшебство являлось преступлением, то в XVIII веке все реже встречаются такие воззрения, а подобные «преступления» исключаются из разряда наказуемых деяний.

Когда одна крестьянка обвинила другую в порче (дело происходило в 1774 году), то воевода просто устроил очные ставки и обвинительница под давлением показаний привлеченных к делу лиц была вынуждена сознаться во лжи. А за ложь и клевету по тогдашним правилам следовало бить плетью. Это правило и испытала на своей спине доносительница (Фонд 75, арх. № 3459, лл. 68-69).

Другое дело о заговорах кончилось печально (Фонд 4, арх. № 50, лл. 310-326).

Крестьянин деревни Полторотской Плакин и его жена призвали «шептунов» к своей невестке, так как у их сына с нею две ночи «ни-какого к законной любви совокупления не было».

Пришли три шептуна, наговорили на пиво, вино и квас, дали эти напитки молодой женщине, она выпила их и вскоре умерла.

При следствии шептуны рассказали, что они дали выпить Плакиной и какие наговоры употребляли при этом.

Первый шептун, односельчанин Плакиных Григорий Кошкарров, 50 лет, наговаривал на пиво. Сперва он посмотрел на образ, потом на пиво и сказал: «Христос воскрес! Как пред лицом Божиим свеча восковая тает, так бы от рабы Божия Федоты беси и дьявол, всякой нечистой дух прочь бежал. Также и злой бы человек не мог бы раба Божия Федота ни зрить — ни глядеть, думать бы — не думал и мыслить бы — не мыслил» (три раза). Затем он подал супругам питье и сказал: «Христос воскрес! — пейте и не отдувайте».

Другой шептун, крестьянин Семен Шапошников, 63 лет, наговаривал на вино так: «Тебе, отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Раб Божий Федот, стану благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротми в чистое поле под восточную сторону, на Божей путь, на обрые дела. В чистом поле под восточной стороной стоит престол Христов. На том престоле Христове

сидит сам Исус Христос, чудна мать божья богородица, Прокопей праведной, Гаврило праведной, Козьма, Демьян, Петр и Павел, Михайло архангел, Николай чудотворец, три два девять апостолов. Сохраните, зберегите раба божия Федота от уроков и призоров, от нутреной болезни, ото всякие скорби, от младенческой, посторонной, от колдуна-колдуницы, едуна и едуницы, от волхва-волховицы, от схимной-схимницы, от девки-простоволоски, от бабы-белоголовки, от чернова-черемнова, от краснова-от рыжева, от беловолосова-черноволосова, кто зубами сероват - без зубов серовит (?), волосом сероват - без волос серовит, от роду-от племени, от отца-от матери, от брата-от сестры, от дяди-от тетки, от леснова-от водянова. С нами кресная сила, сам Исус Христос, чудна мать божия богородица, три два девять апостолы. И те слова раб божей Семен говорел-переговорел, запомятовал-позабыл, и те будте в тех же словах крепки и плотны, крепче синево булату заморскаго. И те слова раб божей запираю-замыкаю. И тем словам ключ и замок — в море, ключ — в небе. Христос воскресе!» (последние слова три раза).

Третий шептун, крестьянин Семен Пахоруков, «дому не имеющий», 37 лет, наговаривал на квас: «Во имя отца и сына и святаго духа, ныне присно и во веки веков. Аминь. Стану, рабитца, благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, путем-дорогою, под восточную сторону, на окияне-море. На окияне-море стоит Був остров, на Буеве острове стоит престол. Помолюсь и поклонюсь, раба божия. Истиной Христос, прикрой ее, рабу Божию, черным облаком. Мати пречистая богородица, подпояшь утреней зарею-марею, меня, рабу Божию. Обтычь меня, рабу Божию, вкругом частыми звездами ото всякого дьявольского человека». Напоследок: «во имя отца и сына».

Разбирая это дело, киренская нижняя расправа вынесла следующее мнение: Кошкарова и Пахорукова бить плетью, после чего отпустить домой, предварительно обязав подпиской не заниматься заговорами.

Шапошникова — за то, что отрекся от отца и т. д., а также вследствие того, что «та невеста (?) от того ево шептанья в другой день помре», бить кнутом, «поставить на лбу и щеках штенпелевые знаки (по указу от 27 сентября 1754 г.) и послать в Нерчинские заводы в работу».

Был ли исполнен этот средневековый приговор над человеком, неповинным в смерти женщины, неизвестно; скорее всего, что нет.

Женщина пила наговоренные напитки в небольшом количестве, притом не сразу, а по одному напитку в день; с нею пил ее молодой муж, которому снадобья не причинили никакого вреда.

Истинную причину смерти никто не позаботился устينовать, несмотря на то, что в Киренске тогда имелся лекарь, который мог через несколько часов быть в Полоротовской деревне.

В заговорах, как видно из приведенных образцов, по обыкновению смешана простодушная поэзия народных сказаний и словесная религиозная шелуха.

Женщина-жена находилась в полной власти мужа. И лишь очень редко суд находил преувеличенными меры воздействия мужа на свою жену.

Крестьянка Нижне-Илимской слободы пожаловалась на побои, наносимые ей мужем Лучкиным.

Воеводский товарищ Шестаков, рассматривая это дело, нашел: «и видно, что произошло у них от одной между собой друг на друга ненависти. И здешней канцелярии навели только одно затруднение и в делах остановку». Поэтому, чтобы стороны впредь ссор между собою «чинить не отваживались и находились в согласии», он велел выпороть и жену, и ее свекора, и свекоршу, и деверя, разнимавшего драчунов и послал указ в Нижне-Илимскую слободу — бить батогами мужа крестьянки, хотя она и пыталась его выгораживать (Фонд 75, опись 2, арх. № 1441, лл. 97-98).

Палата уголовного суда в Иркутске, рассмотрев в 1791 году дело «в бесчеловечном избиении жены своей» крестьянином Комлевым, приговорила: «при собрании протчих крестьян учинить [ему] наказание кнутом, лав 20 ударов. И по учинении, если жена согласится с ним жить попрежнему, то ее и оставить при нем, Комлеве».

Односельчане при проведении «повального обыска» хорошо отозвались о Комлеве (но склонен к пьянству и пьяный драчлив) и о его жене Марье — она «полезна обществу», имеет детей и т. д. Марья дала следующую подписку: «В разсуждении прижитых мно с ним законных детей жить впредь желаю, дабы и не могли он и я и дети лишиться домового обзаведения». А мужа ее выпороли (Фонд 9, арх. № 126, лл. 1-29).

За битье женщины-невестки киренская нижняя расправа велела выдержать крестьянина Антипина в карапчанской мирской избе «на хлебе и воде без выпуску две недели», после чего обязать его подпиской не бить женщин. «И по исполнении одного оной приговор возвратить во оную расправу». Приговор был исполнен (Фонд 9, арх. № 156, лл. 1-2).

Защита, хотя и несовершенная, прав жены была все-таки шагом вперед по сравнению с обычаями XVII века.

Число «челобитчиковых» дел в волостях было также невелико. В приказных избах разбирались ссоры, драки, оби-

ды, кражи и иски, стоимость которых не превышала 5 рублей, заявления о потравах и другие мелкие права.

Полное описание судебных дел и поданных в приказную избу «известных челобитных, известных доношений и известных записок» за несколько лет имеется по барлуцкой волости (Фонд 75, опись 2, арх. № 159). Там в течение 1726-1734 годов, т. е. за 9 лет, было решено 36 дел, по 4 дела в год. Из них 5 закончилось мировой или «общей мировой», если дело касалось нескольких лиц. Чаще всего встречаются кражи — 17 случаев, в том числе 12 дел о покраже скота. Дел об оскорблениях прошло 6, о драках — 5, о потраве хлеба и сена — 5, исков «в пропойных деньгах» — 3. Почти все дела, связанные с ясачными, касались заявлений о краже скота.

Дела об оскорблениях заключались «в матерной брани и в порицании». Одна женщина обвинялась «в порицании сукиным сыном», другая «баба» жаловалась на «девку», что та назвала ее «курвой».

Изветных челобитных, доношений и записок за 1720-1734 годы, т. е. за 15 лет, было подано 56, менее чем по 4 в год. «А в прошлом 736 году никаких челобитчиковых дел не было».

Из 56 заявлений 43 касаются кражи скота, 4 — потрав хлеба, 2 — споров об огораживании поскотины, 7 — разных мелких, иногда вздорных дел.

Заявления о кражах еще не означают, что действительно произошло воровство. Чаще всего в заявлениях о краже упоминаются «неведомые воры», таких случаев 23, в 7 случаях подозрения падали на «ясашных иноземцов». Почти все заявления о краже скота отмечали, что «покрали ис поскотины», в заявлениях говорится о краже 22 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота и 7 овец.

Просмотр имен заявителей показывает, что были любители сутяжничества. Например, бывший приказчик Иван Сизов подал 7 изветных заявлений, по которым можно догадываться, что сам он являлся зажиточным хозяином. У него уворовали скот, дрова, кожи из кожевни и разные домашние вещи. Но он же писал и такие челобитные: «Перевозжал кто-то коня; и [конь] у жены моей, до смерти не убил, нос на сторону сломил». Местный священник подал 3 заявления, 7 челобитных принадлежали служилым и посадским людям.

В Криволуцкой слободе составили по требованию илимской воеводской канцелярии справку о нерешенных делах за 1745-1746 годы. Таких дел оказалось семь: заявление крестьянина на соседа, что тот «порицал» его отца вором и плутом, желоба на самовольное выкашивание травы, два дела о ложном свидетельстве, жалоба на крестьянскую жену

в краже «одеяла заячьего, хрептового», дело о подравшихся братьях, заявление на крестьянскую жену «во ударении ево, Мишарина, ковшом по щеке и в брани и в бесчестье» (Фонд 75, опись 2, арх. № 418, лл. 11-12).

Все это были мелкие события, изредка нарушавшие привычную жизнь крестьянина и поневоле возбуждавшие толки и пересуды, за неимением других, более важных происшествий.

Приказные избы в волостях могли, как указывалось, разбирать только мелкие дела. Пожалуй, единственным наказанием, которое применялось по решению приказных изб, было битье батогами. Но по каким-то причинам за 75 лет сохранилось только три свидетельства о таких наказаниях. Отсюда можно сделать предположение, что не все приказные избы и далеко не всегда использовали свое право порки крестьян.

Наказание производилось в самой приказной избе при собрании крестьян или при других свидетелях.

В книге Илгинского острога за 1735 год, начало которой утеряно, с июня по конец года записано 39 случаев наказания крестьян и разночинцев Илгинской волости. Больше всего было бито «за ослушание», именно 12 человек, в том числе Родион Чювашев. В чем заключалось «ослушание» — книга обычно не объясняет. Но в некоторых случаях вина отмечается более определенно, например, — «за ослушание и за недачу подвод выборному» или — «за ослушаниеи за неприезд в Ылгинской острог против насланной памяти десятнику... за невежливые и поносительные слова».

В 10 случаях крестьяне были наказаны за побег ссыльных из-под караула: «за слабой караул, из-за которого бежали ссыльные». Четверо биты за самовольную отлучку: «за побег от сплаву господ профессоров до Орленской слободы» (бит батожьем при десятнике), один — «за збеги от сплавки судов в Камчатскую экспедицию». За драку и пьянство были наказаны 4 человека, за нарушение правил об огораживании полей — 4 крестьянина, за потраву — 1, за укрывательство беглого ссыльного — 1.

Была бита батожьем при десятнике одна крестьянка: «говорила на суде невежливые слова».

Порке придавалось воспитательное значение, она как бы подкрепляла нравоучение. Так, один молодой крестьянин был бит в приказной избе «по прошению отца ево, Алексеева». Вероятно, присутствовавшие при этом одобрительно внушали, чтобы наказуемый слушался старших, почитал бы родителей, не баловал.

Вторая книга илгинской приказной избы о наказаниях крестьян и разночинцев относится к 1744 году (Фонд 75, опись 2, арх. № 368, лл. 11-12). Тогда было бито батожьем

8 человек. Первому досталось «за огурство» илгинскому крестьянину Родиону Чювашеву, которого били при 5 крестьянах-свидетелях, как и 9 лет перед тем. Он отказался дать подводу по требованию десятника, хотя наступила его очередь «против своей братии, крестьян». За ослушание, за «противность» и за самовольные отлучки было наказано еще 6 человек. Последнего в 1744 году били опять того же Родиона Чювашева, который уже дважды ложился под батоги. На этот раз он поплатился «за брань и за порицание небылых слов».

Был ли бит Чювашев в промежуток между 1735 и 1744 годами неизвестно, так как книг и записей за это время не имеется.

За 1760 год по тому же острогу сохранилась книга «записная журнальная, учиненная в ылгинской приказной избе случившимся о разных делах по словесным объявлениям» (Фонд 75, арх. № 2496, лл. 289-292).

В этой книге отмечались и наказания, произведенные в приказной избе. Всего было бито за год 14 человек, из них 5 за «противность», 2 за самовольную отлучку, 5 за пьянство и драку и 2 по другим поводам.

Смертная казнь применялась очень редко. За 75 лет XVIII века можно отметить лишь несколько таких случаев. Все они являлись наказанием за убийство.

В сентябре 1733 года, как писал шуленга, «брацкой ясашной иноземец... за зарезание ножом илимского служилого... каженен смертию, повешен при наших иноземческих юртах». Труп должен был висеть до тех пор, пока «другой (сообщник) в таком смертном убийстве явитца». Но наступила весна, второй убийца не явился, а «от того мертвого тела имеетца смрадной дух, отчего... чинитца немалой вред, которой скот начал гибнуть».

Чтобы обосновать снятие трупа с виселицы, воеводская канцелярия разыскала следующий указ иркутской провинциальной канцелярии от 4 января 1728 г.: «велено держать улицы чистые от навозу скотинного и протчего, не токмо для чистоты народной, но и для пресечения вонии и злаго воздуха, отчего приключаютца в народе болезни».

Воевода Игумнов на основании этой выписки разрешил 22 марта снять тело повешенного (Фонд 75, арх. № 553, лл. 18-20).

В июле того же года «по убийственному делу смертно-убийцы бывшие каторжные невольники (2 человека) казнены смертию, повешены близ Сотниковской деревни в лесу». Трупы их были преданы земле почти через год, в конце апреля 1734 года (там же, л. 37-38).

Третья казнь была совершена самым варварским способом (Фонд 75, арх. № 1015, лл. 324-352).

12 мая 1741 г. один пашенный крестьянин Кривоуцкой слободы сообщил в приказную избу, что за два дня до этого неизвестно куда исчез гулящий Семен Григорьев. Была допрошена жена Григорьева Фекла,, которая созналась, что ее мужа зарезали крестьянский сын Федор Комлев и разночинец Яков Петухов.

Феклу и Комлева из Кривоуцкой слободы увезли в Илимск, а Петухов скрылся.

При дознании в Илимске Фекла рассказала, что по соглашению с убийцами она впустила их ночью в избу, где мужу была нанесена Комлевым рана. Муж выбежал на улицу, но здесь его «дорезал до смерти» Петухов, дожидавшийся своих сообщников. Она подтвердила, что мужа зарезали по согласию с нею.

7 июля Феклу пытали, дав ей 20 ударов. Она призналась, что жила с Комлевым. На другой день пытали Комлева и дали также 20 ударов. Он заявил, что убили Григорьева вдвоем, тело его повезли в лодке по Лене и против деревни Вологдиной опустили в воду с навязанным камнем.

Через несколько дней убийц пытали во второй раз, нанеся каждому по 25 ударов. Фекла выгораживала Петухова.

В конце июля воевода Кондратьев приказал: «взять третично в застенок». Обвиняемые подтвердили то, что сказали раньше. Дано им было на этот раз по 30 ударов.

Материалы следствия, произведенного в Кривоуцкой слободе и в Илимске, были пересланы в Иркутск, и в октябре 1742 года иркутская провинциальная канцелярия приказала: «Учинить им в страх другим смертную казнь в Кривоуцкой деревне: Комлева повесить, а женку Феклу окопать в земле».

Приказчик Мишарин и подъячий Яковлев 7 февраля 1743 г. «учинили против двора показанного Григорьева (убитого) при собрании крестьян: оного Комлева повесили, а женку Феклу под ним, Комлевым, окопали в землю». Они не забыли при этом последний раз опросить осужденных о вине Петухова. Показания их были заверены игуменом Киренского Троицкого монастыря Пахомием. «И она же женка Фекла, быв в той земле, того ж февраля до первого на десять дня (т. е. 11 февраля) сего 743 году помре и оное мертвое ее тело выкопано и отдано для похранения... сродственником ее с роспискою».

К делу приложена расписка отца казненной женщины, что ее тело он получил для похоронения.

Труп Комлева был снят через 4 месяца.

СЛОВО И ДЕЛО

Отвартительная система политических преследований породила гнусное законодательство и не менее гнусную практику «государева слова и дела».

Всякий, сказавший «слово и дело», немедленно арестовывался. В воеводской канцелярии у него должны были только узнать, по какому пункту он делает заявление и затем тотчас же отправить в Иркутск для дознания. Все лица, на которых делалось заявление, также подвергались аресту и отсылке для расследования. Ложные заявления жестоко преследовались.

Всего было 3 пункта, относившихся к важнейшим государственным преступлениям, по которым принимались подобные заявления: «1) ежели ето за кем знает злое умышление на здоровье наше, императорского величества, 2) о измене, 3) о возмущении или бунте» (из указа Петра II от 31 мая 1727 г.).

Несмотря на то, что в Илимске невозможно было умышлять на жизнь царя или с изменническими намерениями вступать в связь с иностранцами, в илимскую воеводскую канцелярию подавалось немало заявлений о «слове и деле». Спрос родил предложение.

Главный мотив, заставлявший людей говорить заведомо лживые вещи — личная месть. Если заявитель надеялся, что при дознании ему удастся вытерпеть пытки, которые являлись неременной частью судопроизводства по таким делам, то оговоренное лицо почти неизбежно подвергалось самому суровому наказанию.

Но, поскольку заявитель решился на такой ужасный шаг, как донос по любому из трех пунктов, он должен был решиться идти и на пытку, так как в случае отказа от выставленных им обвинений ему грозило неминуемое и бесчеловечное наказание.

В большинстве случаев не хватало сил перенести пытки, и заявители становились жертвой своей душевной низости и телесной слабости.

Крестьянин деревни Громовской Петр Филипов сказал «слово и дело» на братского приказчика, старосту и двух писчиков. На допросе он заявил: «в то время был мертов пьян», вины ни за кем не знает. Иркутская провинциальная канцелярия по этому делу 17 мая 1737 г. постановила: за ложное показание вырезать у Филипова ноздри, бить его кнутом и сослать в Якутск на вечную работу (Фонд 75, арх. № 740, лл. 6-11).

Еще двое были биты: крестьянин Орленской слободы Чиин, сказавший спьяна на себя «дело» ложно (бит кнутом) и крестьянин сын Широковских, назвавший своего одно-

сельчанина изменником (бит плетьюми). Канцелярская машина равнодушно отпускала те порции наказания, какие предусматривались указами, не беря на себя риска разбираться в столь шатких и опасных делах.

Под «государево слово и дело» стали подводить всякую мелочь, боясь, что за утайку государственных преступлений виновных ждет тяжелая кара.

На двух крестьянских детей было сказано, что они подмешивают в вино воду, на приказчика заявляют, что он присвоил штраф, собранный с крестьян.

Дмитрий Лаптев сообщил 12 января 1739 г. илимской воеводской канцелярии, что один из рабочих его команды, ссыльный распопа Львов, сказал «в пьянке» «слово» на приказчика Усть-Киренского острога, но при допросе отказался от обвинения. Лаптев просит наказать распопу и вернуть его в команду, «понеже он в работу быть годен». Как водится, дело передается в Иркутск, откуда последовало обычное решение — бить распопу кнутом нещадно и вернуть Лаптеву (Фонд 75, арх. № 924, лл. 3-11). Едва распопа был наказан в Илимске, как он, видимо, устрася работы в Камчатской экспедиции, донес на «иноземца» Шароглазова, будто тот сказал «слово» на другого «иноземца». На этот раз началось громадное следствие (там же, лл. 12-112), которое закончилось в августе 1740 года: за ложное доношение распопу бить кнутом и, вырезав ноздри, послать в Охотск в вечную работу.

В 1740 году было еще бито кнутом много людей.

Илимский служилый человек Иван Толстоухов донес на двух служилых людей, но вскоре отказался от обвинения: «оное я учинил в безмерном пьянстве, по злобе такой, что... Караулов не додал за работу мне денег рубля двадцати копеек». Когда Толстоухова пытали, он стал впутывать других людей и запутался сам. Наконец, через 5 месяцев следствия, связанного с непрерывными мучениями, Толстоухов покался во лжи. Из Иркутска последовало распоряжение: бить кнутом и сослать в Нерчинск «на серебрянные заводы в работу вечно». Вместе с тем иркутский губернатор Лоренц Ланг указал илимскому воеводе, что он мог легко проверить, правильно ли заявление Толстоухова о воровстве хлеба. Ведь стоило произвести учет, а не затевать необоснованных пыток. Доносителя наказали по всем правилам: «бито кнутом по спине тртцать ударов» (Фонд 75, арх. № 982, лл. 5-27).

Когда уличенного в воровстве ссыльного Жемчугова стали допрашивать об обстоятельствах дела, он вдруг показал сразу по 1, 2 и 3 пунктам «слово и дело» на воеводу Кандратьева, на разночинца Артамонова и на посадского Сумкина. Громоздкое дело направляется в Иркутск (там же, лл. 29-58). Достоинно упоминания и то, что этот вор и

клеветник избавился от наказания тем, что подал заявление о зачислении его в палачи.

Казачий сотник Михаил Анцыферов, исполнивший должность полицеймейстера в Илимске, был в ссоре с воеводой и сказал однажды в разговоре с Григорием Курбатовым, что забунтует, если Кондратьев останется воеводой.

Курбатов донес, и Анцыферов, окованный в ножные кандалы, отправился под караулом в Иркутск. Там его били кнутом и отправили обратно, выдав подорожную. Так полицеймейстер съездил в губернский город и вернулся к исполнению своих обязанностей (там же, лл. 59-73).

В гнусную сеть доносов попадают не только рядовые, честные люди. В ней запутываются и проходимцы, вроде Курбатова. Как он заставил полицеймейстера съездить в Иркутск — только что излащались.

Через несколько месяцев, в ноябре 1740 года, он сам оказался замешанным другими любителями доносов в следственное дело о политических преступлениях. Громадный материал, на 100 страницах направляется в Иркутск по делу о Григории Курбатове и его сыне (там же, лл. 146-197 и арх. № 1017, лл. 605-618).

В разгар преступной игры на политических преступлениях пришел печатный указ Елизаветы от 17 апреля 1742 г., отменявший указ Анны Иоанновны о наказании лиц духовного звания по «слову и делу» наравне с светскими лицами. Отныне бело велено у священнослужителей ноздрей не рвать, а самих их в Сибирь не ссылать. Это было наибольшее милосердие, на какое оказалась способной дочь Петра I.

Такие же ложные, пустые заявления стекались в илимскую воеводскую канцелярию на протяжении всего 1742 года.

Поступил донос, что приемщик продал 27 пудов государева хлеба. Следствие выяснило, что приемщик отпустил эти 27 пудов служилым людям из своего хлеба. Доносителя было велено бить плетьюми, а приемщика «за привосокупление своего провианта к казенному» — бить батоги и отпустить (Фонд 75, арх. № 1055, лл. 145-175).

Били плетьюми Ядрихинского за то, что он не помнил — говорил ли он в пьяном виде «государево слово» за собой или не говорил (там же, лл. 176-193).

Несколько дел по клеветническим извещениям возникло и в 1743 году. Били ссыльного, дав 20 ударов кнутом за ложное «слово и дело» (Фонд 75, арх. № 1126, лл. 117-129). Били плетьюми и отпустили еще двух, посадских (там же, лл. 134-153). Били выборного писчика Нижне-Илимской слободы за то, что они принимали заявление о секретном деле от пономаря и дьячка (Фонд 75, опись 2, арх. № 351, лл. 20-21).

Подканцелярист Кочергин пожаловался в ноябре 1744 года на копеиста Хлебникова, что то зазвал его в гости, а потом драл за волосы и сказывал за ним «дело». Хлебникова, неповинного в приписанном преступлении, били плетьюми и взяли с него подписку, что он обязуется «безмерно до пьяна не упиваться и драки не чинить и никаких продерзостей не чинить» (Фонд 75, арх. № 1223, лл. 167-182).

Позорные дела 1740-1744 годов надолго отбили желание и у жителей и у властей играть в политические доносы.

Но, хоть и изредка, привлекаются и после того некоторые служилые люди «по секретному делу». Был бит в 1747 году подъячий братской приказной избы Василий Березовский и т. д.

Подканцелярист Яков Бекетов, сидя в тюрьме, «крычал необычайно и показывал за ассесором и города Илимска воеводою... Свои-тиновым подозрение». Доносителя направили в Иркутск (Фонд 75, опись 2, арх. № 474, л. 126).

Бывший целовальник показал на кого-то «слово и дело». Когда его привели «в судейскую камору», то воевода увидел мертвецки пьяного человека. Его отправили выпасться, но, видимо, и на следующий день он молол всякую чепуху, говоря, что знает за приказчиком «слово и дело по первому и второму пунктам». Несмотря на нелепость обвинения (покушение на убийство царя и измена), его, свидетелей и обвиняемого заковывают и везут в Иркутск. Но оттуда быстро отпускают свидетелей, попеняв илимскому воеводе за допросы пьяного (Фонд 75, арх. № 2630, л. 70). Доноситель все-таки был в Иркутске бит плетьюми (Фонд 75, арх. № 2632, лл. 7-8).

По указу из Иркутска от 26 февраля 1762 г. били илимского посадского, показавшего на двух канцеляристов по 1 и 2 пунктам (Фонд 75, опись 2, арх. № 954, л. 38).

Названный указ из Иркутска, присланный незадолго до упразднения Тайной канцелярии с ее пресловутым делопроизводством по «слову и делу», окаался в Илимске последним словом и последним делом этого дьявольского института.

Печатным манифестом 19 октября 1762 г. была упразднена Тайная канцелярия: «повелеваем Тайной розыскных дел канцелярии не быть и оную со всем уничтожить». Дела ее передавались в сенатский архив. «Ненавистное изращение, а имянно — слово и дело, не долженствует значить от ныне ничего и мы запрещаем не употреблять онаго никому» (Фонд 75, арх. № 2700, лл. 4-5).

Царская власть, сама создавшая по своему облику и подобию всероссийский застенек, теперь демагогически обращалась к населению с осуждением своего исчадия.

АМНИСТИИ

Порочная система налогового обложения населения, а также организация продажи вина и соли с привлечением целовальников неизбежно приводила к образованию громадных недоимок. Невозможность взыскать эти недоимки заставляла правительство время от времени списывать их под разными благовидными предлогами, в виде «всемилоостивейших» манифестов царей и цариц.

Многие манифесты касались прощения беглых, особенно беглых солдат и рекрутов.

Петр II печатным указом 24 февраля 1728 г. велел не брать подушных денег с крестьян и дворовых на майскую треть. По городам Иркутской провинции ради благополучной коронации приказано было стрелять по одному разу из несуществующих пушек в Нерчинске, Якутске, Селенгинске и Илимске (Фонд 75, арх. № 243, л. 43).

Анна Иоанновна после вступления на престол сделала «милосердный» жест, пописав 5 сентября 1734 г. манифест, подтверждающий указ Петра I о «генеральном прощении» долгов, образовавшихся с начала Северной войны до 1718 года: «И о такой нашей... высокой матерней милости повелели мы... публиковать». Но и сама Анна не очень торопилась обнародовать указ; он был напечатан только в феврале 1735 г. (Фонд 75, опись 2, арх. № 148).

По случаю «счастливого» окончания войны с Турцией был опубликован 19 февраля 1740 г. указ, согласно которому подтверждались права шляхетства, списывались некоторые недоимки, освобождались от наказания лица, осужденные военными судами (Фонд 75, арх. № 936, л. 71).

Когда Елизавета I вступила на престол, она в указе 15 декабря 1741 г. объявила прощение по служебным преступлениям, велела сложить казенные «доимки» с 1719 по 1730 год, освободить от наказания воров государственного добра, укравших не более 500 рублей, убавить на 2 года подушные сборы на 10 копеек, т. е. вместо 70 копеек с души взимать 60 копеек, а с купечества 1 руб. 10 коп. Кроме того, в этом указе отменялось распоряжение от 30 января 1733 г. об учете таможенных голов, бурмистров «и прочих верных сборщиков» за 1719-1732 годы (Фонд 75, арх. № 987, лл. 722-725).

Сложение хлебных недоимок в Илимском уезде было произведено в марте 1743 года. Илимская воеводская канцелярия разослала по волостям служилых людей, которые должны были привести в Илимск по одному хлебному сборщику от волости с книгами за 1735-1741 годы и с отчетами об отправке хлеба в Камчатскую экспедицию. Крестьяне, например Илгинской волости, выбрали из своих сборщиков

Петрова и послали его в Илимск. Этому Петрову илимская воеводская канцелярия вручила указ о сложении недоимок, копию указа Сената и реестр недоимщиков «для объявления в народ крестьяном» (Фонд 75, арх. № 1045, лл. 52-54). Таким же образом были извещены о сложении недоимок крестьяне других волостей Илимского уезда.

Елизавета I объявила ещё амнистии указами от 15 июля 1744 г. и 23 декабря 1747 г.

По первому из этих указов всякие казенные недоимки по сборам, кроме подушных денег, слагались по 1744 год. Кроме того, было объявлено прощение по всем преступлениям, кроме важнейших: богохульства, политических по первым двум пунктам и убийств.

Для крестьян Илимского уезда, особенно ленских волостей, эта амнистия означала списание всех хлебных недоимок, накопившихся к 1744 году. Не могли пожаловаться на императрицу и илимские винные целовальники, которым было прощено растрат и хищений на 7000 рублей.

Указом Сената, «пущенном» 18 мая 1754 г., слагались рекрутская и «лошадиная» недоимки (Фонд 75, арх. № 2067, л. 103). Указом Елизаветы от 15 декабря 1752 г. списывались недоимки по подушным сборам за 1724-1747 годы.

Обер-прокурор Сената направил 18 декабря 1761 г. печатный экземпляр указа Сената об освобождении «приключившихся к корчемству и продаже соли виновных людей». Согласно этому указу в Илимске было освобождено от судебного преследования 26 человек (Фонд 75, арх. № 2697, л. 1).

22 сеньября 1762 г. Екатерина II подписала указ об амнистии преступникам, кроме убийц, разбойников, богохульников и осужденных по первым двум пунктам. Прощались казенные начеты до 500 рублей; если начеты превышали 500 рублей, то в казну взыскивалась 1/3, «а взятки и грабежи возратить обидимым сполна».

В Илимске срочно готовились исполнить этот указ и стали собирать сведения о всей задолженности казне, причем оказалось: растрат за посадскими числилось 10525 рублей, недоборов по таможенным и канцелярским сборам 16426 рублей, недоимок по ясачному платежу 1715 рублей, «правианской доимки» 115983 пуда муки и 56695 пудов крупы, примерно на 25 тысяч рублей.

Но в Илимск пришло спешное письмо обер-секретаря Сената, посланное 19 ноября 1762 г., т. е. менее чем через 2 месяца после того, как Екатерина даровала прощение недоимщикам. В письме говорилось, что Екатерина II разъяснила в Сенате, что подушные и прочие сборы с населения

«остаются в прежнем состоянии» (Фонд 75, арх. № 2697, лл. 1-98).

Значит, прощение касалось только преступников: воров и казнокрадов из дворян, чиновников и купцов.

Указов о добровольной явке беглых солдат, рекрутов и матросов на протяжении 75 лет было издано несколько десятков.

По случаю успешного окончания первой русско-турецкой войны и подавления восстания Пугачева Екатерина II в манифесте 17 марта 1775 г. объявила о ряде мер, касавшихся многих сторон жизни империи (Фонд 75, опись 2, арх. 1421, лл. 33-35).

Дворяне, служившие нижними чинами, получили права обер-офицеров; нижних строевых чинов было велено без суда «не наказывать батожем, кошками и плетьюми, ибо таковыя не суть исправления, но сущая казнь».

Беглые из армии получили годичный, а скрывшиеся за границу — двухлетний срок явки. К солдатской порции придавалось 1/2 гарница круп.

Объявлялось прощение сподвижникам Пугачева, «участвовавшим по большей части от ослепления, глупости, невежества или суеверия».

Крестьянам, отпущенным помещиками, было разрешено «ни за кого не записываться».

Этим манифестом начинались реформы по внутреннему управлению империи, проведенные в царствование Екатерины II.

По указу Сената списывались «недоимки», числившиеся за целовальниками. Этот подарок для одних только илимских казнокрадов оценивался в 13000 рублей. Вскоре последовали новые «милости».

По случаю 25-летия царствования Екатерины II и по поводу путешествия ее в Крым было 5 июля 1787 г. объявлено о сложении недоимок по подушным и оброчным сборам до 1 января 1776 года. Недоимки, образовавшиеся с 1776 по 1 января 1786 г., было велено разложить на 20 лет, причем допускалось погашение их хлебом по местным ценам. Прощались неумышленные утраты казны, если они не превышали 1000 рублей, освобождались все содержавшиеся под стражей по орочным и соляным делам, понижались меры наказания для некоторых категорий преступников (Фонд 435, арх. № 7, лл. 505-507).

В ознаменование конца войны с Турцией 2 сентября 1793 г. издается манифест об уменьшении преступникам и о списании некоторых родов начетов (Фонд 75, арх. № 2827).

Все недоимки, образовавшиеся до 1797 года «на мещанах, казенных и помещичьих крестьянх по подушному сбо-

ру... и по оброчному доходу», было велено сложить согласно указу Сената от 18 декабря 1797 г. На основании этого же акта с ясачных Иркутской губернии было списано более 162 тысяч рублей недоимок по ясачному платежу (Фонд 9, арх. № 216, л. 312).

Последний указ XVIII века, касавшийся прощения долгов, именно сенатский указ от 11 декабря 1799 г., распространял действие манифеста о списании начетов до 1000 рублей на все города империи (Фонд 9, арх. № 225, л. 81).

Все эти прощения и амнистии обуславливались одним простым обстоятельством — невозможностью решить правильно вопросы судопроизводства и обложения обычными мерами. Поэтому амнистии были неизбежными актами, единственным средством починить прорехи в государственном хозяйстве. К тому же они касались главным образом привилегированных сословий и, значит, осуществлялись за счет податного населения.

ССЫЛЬНЫЕ

На протяжении XVIII века Илимский уезд принимает много ссыльных, но их роль в заселении края становится с каждым десятилетием все менее заметной. Если в XVII веке сюда нередко прибывали ссыльные целыми семьями и здесь получали правительственную помощь при сельскохозяйственном обзаведении, то в XVIII столетии Илимский край видит одиночек, часто совершенно непригодных к работе.

В указе из Тобольска 13 мая 1729 г. вице-губернатор Болтин сообщил, что велено сосланным в Сибирь на каторжную работу «дать волю, кто чем может пропитаться». Всех их было предложено определить в посадские, а если они «в посадах быть не походят» и пожелают «быть в пашне», то поселить их в деревнях, дать трехлетнюю льготу, после чего положить в подушный оклад. На основании сказанного из Тобольска рассылались колодники «в города, в ссылки вечно», из которых 71 человек назначались в Илимск «во крестьяне», один в Киренск «на житье», 49 в якутскую казачью службу и 2 в Якутск «на житье» (Фонд 75, арх. № 261, лл. 57-58).

В приложении к списку поименованы ссыльные, подлежавшие отправке в Илимск. Среди них было 39 солдат, драгунов и рекрутов, 8 крепостных и 8 монастырских крестьян, 9 государственных крестьян, ученик полотняной фабрики, посадский, церковник.

Больше всего ссылалось за побег — 25 человек, и за разбой 16 человек, т. е. за преступления наиболее характерные для той эпохи. Пошло в Сибирь за кражу 11 человек, за

поджоги, ложные доносы, фальшивые паспорта и подделку денег — 11 человек.

Все эти ссыльные были перед отправкой в Илимск подвергнуты какому-нибудь наказанию, тоже характерному для крепостнического времени: у 34 человек вырезаны ноздри, у одного отрезаны уши, 20 биты кнутом, 16 — «наказаны», но как — неизвестно. Некоторые были и биты и подвергнуты вырезанию ноздрей («выняты ноздри»).

Многие ссыльные несли свой крест каторжника по ничтожным поводам, что также было свойственно той эпохе.

Например, крестьянин Московского Вознесенского монастыря Бобылев «за послабление в рубке заповедных лесов и за презрение указов» был бит кнутом; кроме того у него вырезали обе ноздри. Крестьянин вице-адмирала Синявина Савельев за ложный донос на приказчика и «на протчих» и по обвинению «в непристойных словах» ссылается навечно в Сибирь, в работу.

Не все колодники описанной партии достигали Илимска: часть бежала, кое-кто умер, некоторых оставили в Тобольске. Илимская воеводская канцелярия приняла 62 человека и распределила по деревням только 39 человек, остальные 23 ссыльных остались в Илимске.

Илимская воеводская канцелярия торопилась отправить их на новые места жительства, так как они, «не имея дворов, скитаясь меж двор, паки в воровства впадут» (Фонд 75, опись 2, арх. № 79, лл. 81-83).

Но, сплавив ссыльных с рук, воевода уже не интересовался их судьбой и не знал, как они устроились. Илимская воеводская канцелярия, затрудняясь, куда направить оставшихся в Илимске 23 ссыльных, обратилась за разрешением вопроса к воеводе Петрову. Последний распорядился 19 апреля 1730 г. послать указы всем приказчикам и опросить старост и крестьян, где сколько поселилось и где сколько еще можно поселить ссыльных (Фонд 75, арх. № 321, лл. 203-207).

Из Криволуцской слободы написали, что ссыльных у них нет, и хотя в указе из Илимска говорилось, что к ним послано 2 каторжных невольника, но их «никого не имеетца». Из Киренского острога ответили, что там проживает только один ссыльный (а должно было быть 5), да и тот к работе негоден, «понеже без руки».

В Нижне-Илимской слободе вместо 14 ссыльных обнаружили только четырех. В илгинском остроге вместо 11 ссыльных «явилось» 7 человек.

Зато лишние ссыльные оказались в Ново-Удинской слободе, где легче было найти работу. Так ссыльные разбрелись по уезду, и илимская воеводская канцелярия их растеряла. После этого ссыльные могли переехать в любое

селение уезда в соответствии с указами и с разрешения воеводской канцелярии. «Илимский житель», сосланный сюда в 1724 году, подал в 1732 году воеводе «доношение», что он желает «иттить из Илимска города... в Кежемскую слободу для пропитания черной работы». Ему дают следующий паспорт: «По указу ея императорского величества самодержицы всероссийской и протчая и протчая и протчая. Отпущен из Ылимской канцелярии каторжный невольник Степан Иванов... в Кежемскую слободу для работы... впредь на 3 года». Приметы. Печать (Фонд 75, арх. № 399, лл. 43-45).

В том же 1732 году в Илимск прибыл капитан Греченинов, сопровождавший 190 ссыльных мужчин и 16 женщин с 9 детьми. Кроме того, с партией ехало 6 вольных жен с 5 детьми. Воевода Тарчанинов приказал разослать колодников по волостям и отдать их крестьянам в работу.

Приэтом для воеводы являлось вовсе несущественным обстоятельством то, что 58 колодников «по разбойному делу» были закованы в ножные кандалы.

И вот, 50 ссыльных потянулись в Нижне-Илимскую слободу, 31 — в Братский острог, 45 — в яндинскую и Ново-Удинскую волости и 100 — в Илгинскую, Тутурскую и Орленскую слободы (Фонд 75, арх. № 399, лл. 119-120).

Колодникам, находившимся под караулом, полагалось выдавать в месяц по 2 четверика ржаной муки, «а детям их малолетним вполы».

Проследить за судьбой ссыльных, посланных на житье в деревни, очень трудно, так как воеводская канцелярия почти не вела о них никакой переписки. Но с большой степенью достоверности можно полагать, что такие ссыльные становились батраками или побирались по миру.

Лишь изредка отдельным уачливым ссыльным судьба позволяла получить землю и повести свое хозяйство. Крестьянин Кежемской слободы в 1736 году передал свою землю двум ссыльным, Ротову и Соболеву, и илимская воеводская канцелярия согласилась с таким решением крестьянина (Фонд 75, арх. № 613, лл. 103-107).

Одного ссыльного крестьяне Нижне-Илимской слободы выбрали «просвирней». Воевода утвердил выбор (Фонд 75, арх. № 615, лл. 81-82).

Еще один ссыльный, Григорий Кочергин, бывший астраханский подъячий, сосланный в Илимск за ложный извет, стал подканцеляристом илимской воеводской канцелярии и через 12 лет был освобожден от ссылки (Фонд 75, арх. № 1131, л. 208).

В годы, когда действовала Камчатская экспедиция, всех ссыльных, пригодных к работе, направляли на строение судов и на сплав их по Лене. Негодных к работе направляли на пашню или зачисляли в посад. В 1737 году пятеро

ссылных обратились в илимскую воеводскую канцелярию с просьбой приверстать их в посад. Одному было отказано потому, что он «бегал от Камчатской экспедиции», за что в Илимске «зжен огнем» (Фонд 75, арх. 469, лл. 5-7, 26-28).

В 1734 году в Усть-Кутский острог пересылается 77 ссылных для работы на судах Камчатской экспедиции. Среди них находились князь Илья Чюрмантеев и князь Михайла Ураков (Фонд 75, арх. № 500, лл. 296-297). Князь Ураков жил в Илимском уезде до своей смерти.

Через год в Илимске появляется бывший переяславский полковник Танской. Он был бит кнутом и послан в Сибирь, здесь он находился «под крепким караулом», никого к нему не допускали, бумаги и чернил ему не давали. Конвоиры получили приказ: «на наслегах приковываться вам с ним, Танским, данными вам ис тайной кунторы железами». Инструкцию о порядке перевоза важного преступника подписал граф Салтыков. В Илимске Танскому платили по 50 копеек в день (Фонд 75, арх. № 592, лл. 48-63).

По указу из Тайной канцелярии в Илимский уезд было сослано в 1734 году 8 расстриг, в том числе 5 женщин «на житье вечно». Обвинялись эти ссылные «в богопротивных зборищах». Всем перед ссылкой было «учинено наказание», а у одного «языка урезано» (там же, лл. 131-134).

Сосланные женщины скоро исчезали из поля зрения илимского воеводы: 12 ссылных "ростриг" по их заявлению были отправлены в Иркутский женский монастырь, одна отпросилась в Селенгинск, где жил ее сосланный брат, одну стал сватать пашенный крестьянин Нижне-Илимской слободы. Он писал в 1736 году, что желает «взять себе в замужество... присыльну. девку Ненилу... а без указу женитца на ней опасен». Воеводская канцелярия допросила «девку», которая подтвердила свое согласие выйти замуж за крестьянина. Воевода Игумнов разрешил брак и послал промеморию священнику о венчании. Впрочем, он сделал оговорку: если ссылную потребуют в Охотск, то он ее вышлет туда (Фонд 75, арх. № 165, лл. 4-5, 10-15, 22-24).

В 1737 году в Братском остроге появляется ссылный князь Юрий Долгорукий (Фонд 75, арх. № 730, лл. 82-92). Ему выдавалось кормовых денег по 10 копеек в день. На год ему и его караулу требовалось 730 свечей, количество, показавшееся воеводской канцелярии настолько большим, что было решено объявить торги на поставку свечей.

Как только ссылный освобождался из-под стражи, он приобретал права местного жителя и приравнивался к разночинцам. Насколько мало подчас обращали внимание на то, что человек был наказан и сослан, показывает случай с приверстанием ссылного на место илимского дворянского сына Ивана Литвинцева. Илимская воеводская канцелярия оста-

новила свой выбор на ссыльном Иване Крутынине. Он уже привлекался к службе, сопровождая хлеб до Якутска, но «от той сплавки бежал», и его разыскивали. Через некоторое время его приверстали в посад, но вскоре арестовали «по важному делу» и послали в Иркутск. Впрочем, ему удалось оправдаться. Несмотря на темные стороны в поведении Крутынина, Илимск назначает его на место Ивана Литвинцева (Фонд 75, арх. № 968, лл. 618-623).

В 1744 году из илимской ссылки было освобождено 18 человек согласно амнистии, объявленной указом Сената 30 ноября 1743 г. Все освобожденные подавали илимскому воеводе заявления, причем указывали вины, за которые были сосланы. Все пострадали «за продерзность»: один отрубил 2 пальца, чтоб избежать рекрутчины, другой — за ложное «слово и дело», третий — за побег арестованных из-под его охраны, пять человек — за коллективную просьбу о зачислении их в армию для избавления от помещиков. Остальные — за побег с военной службы (Фонд 75, арх. № 1223, лл. 99-124).

При проведении в 1744-1745 годах второй ревизии в Илимске было допрошено 37 ссыльных о их возрасте, происхождении, времени высылки и занятиях.

Почти все они оказались холостыми, трое женились на месте ссылки, из них один — на вдове крестьянина. Двое показали, что живут своим домом, остальные находились на казенных работах или жили в работниках «у разных чинов людей», преимущественно у крестьян. Например, один сказал о себе, что был отпущен на пропитание в Нижне-Илимскую слободу и жил «у разных крестьян и питался работою своею» (Фонд 75, опись 2, арх. № 401, лл. 1-238).

Здесь же имеется список 169 ссыльных, видимо, оставшихся в Илимском уезде после прекращения работ Камчатской экспедиции. С этими ссыльными находились 49 сыновей.

Среди ссыльных был тогда некто Алексей Басаев, присланный в Илимск в 1738 году. Его направили для работы в команду Камчатской экспедиции, он бежал, был пойман и сидел под арестом. В 1748 году, желая освободиться из-под караула, он подал в илимскую воеводскую канцелярию заявления. «А ныне желаю я быть в Ылимску в палачах из указанного жалованья» (Фонд 75, опись 2, арх. № 466, л. 55).

Но несколько раньше другой ссыльный, Иван Волхонский, изъявил такое же желание.

По второй ревизии душ муж. пола 1744-1745 годов в Илимском уезде было учтено 340 ссыльных. Из них 55 человек обзавелись семьями, в составе которых числилась 121 душа муж. пола. Кроме того, 21 ссыльный был зачислен в по-

садские люди. Остальные ссыльные батрачили или нищенствовали.

В 1750 году по какому-то поводу илимская воеводская канцелярия велела волостям учесть всех ссыльных, в особенности годных к работе.

Почти из всех волостей, где оставались еще ссыльные, сообщили, что «ссылочные в работе быть ненадежны, стары и скорбны». А Яндинском остроге проживало 6, в Орленской слободе 4, в Киренском остроге 2 («стары и древни»), в Чечуйском 5 «и оныя в работу не весьма надежны», в Карапчанском погосте — 3 (Фонд 75, опись 2, арх. № 543, лл. 1-16).

В Братском остроге оставалось 4, в Барлуцкой слободе — 11 ссыльных. Из них двое оказались семейными и записались в ямскую гоньбу на Шерагульскую и Кимильтейскую станции, один был взят в рекруты. Про одного сказано: «живет в бегах в Яндинском остроге и в присутствующих деревнях» (Фонд 75, арх. № 1831, лл. 40-42).

Все годные к работе ссыльные в это время были положены в подушный оклад и считались разночинцами или просто жителями.

Илимская ратуша одновременно с приказными избами представила воеводской канцелярии справку о ссыльных г. Илимска. В списке названо 14 человек, из которых 2 были стары, 4 находились в Иркутске «за счетом», 7 служили целовальниками, ларешными и сборщиками, один даже являлся бурмистром ратуши, и один ссыльный для прокормления уехал в Якутск (Фонд 75, арх. № 1703, лл. 332-333).

Как видно из этой справки ратуши, все ссыльные, причисленные к г. Илимску, превратились в посадских и несли ратушные службы.

Далее, в течение 10 лет о ссыльных в делах воеводской канцелярии почти не упоминается. С окончанием работ Камчатской экспедиции ссыльные как казенная рабочая сила потеряли всякое значение. Оставшиеся в Илимском уезде ссыльные из команд Камчатской экспедиции были обложены подушными сборами, разбрелись по деревням и слились с местным населением.

Илимска почти не коснулся знаменитый указ Сената от 13 декабря 1760 г. о ссылке в Сибирь «за продерзости». Указом разрешалось помещикам вместо наказания за воровство, пьянство и другие «непристойные и продерзостные» проступки ссылать крестьян на поселение в Сибирь.

Такое же право ссылки в Сибирь «неспособных и вредных обществу людей» давалось купцам, гомударственным и монастырским крестьянам.

Как водится, в указе лицемерно предписывалось «напрасного изнурения (ссылаемым) не чинить, но всякому из них

пристойное призрение показывать», чтобы они «всеми потребностями удовольствия видя, от побегов и продерзостей удержаться и в лутчих и добропорядочных поступках жизнь свою спокойно предпровождать тшились» (Фонд 75, опись 2, арх. № 922, лл. 116-117).

С 1766 года стали по особому указу Екатерины II ссылать в Сибирь «кормчемников», т. е. тайных винокуров.

В конце XVIII столетия все поступающие в Илимский (Киренский) уезд ссыльные направляются на Усть-Кутский солеваренный и на Ключи-Воскресенский медеплавильный заводы, о чем излагается в других отделах настоящей книги.

Такова история ссылки в Илимский уезд в XVIII веке. Как видно, ссыльные направлялись на казенные работы или на поселение, затеривались в конце концов среди местного населения и не имели уже никакого значения для развития илимской пашни. Так как ссыльные в большинстве случаев являлись бессемейными, то по ревизским сказкам можно проследить постепенное исчезновение поселенных здесь ссыльных вследствие естественной причины — смерти.

А.Н. РАДИЩЕВ

Документов о пребывании в Илимске знаменитого политического деятеля и революционного мыслителя А.Н. Радищева в илимском и иркутском архивах не сохранилось, если не считать немногих случайных и малозначащих бумаг, рассеянных по разным фондам. Большая часть этих бумаг до начала работ автора над илимскими фондами даже не была описана.

По случайному поводу можно кое-что узнать о сержанте Воробьеве, который надзирал за Радищевым в Илимске. Возник вопрос, как выплачивать жалование Воробьеву, поскольку он числился в Иркутской команде.

Киренский городничий предлагает 18 июня 1795 г. Воробьеву, который находился «для присмотра в Ылимском остроге при секретном арестанте Радищеве», прислать доверенность на получение денег, провианта и прочего (Фонд 435, арх. № 46, лл. 20, 225-227).

По этой мелочной переписке и выясняется, что сержант «который находится в Илимске при секретном арестанте Радищеве», нес очень важную обязанность и что ему было в 1795 году 50 лет, что происходил он из солдатских детей г. Иркутска и в службу вступил с 1765 года, в сражениях не бывал, «российской грамоте, читать и писать и другие какие науки... не умеет» (там же, лл. 32-33).

Сам Воробьев, давая доверенность на получение денег, сообщал, что отлучиться не может: «Нахожусь в Илимске

по особо данному наставлению декабря 15 дня 791 года... за подписанием его превосходительства... Лариона Тимофеевича (Нагеля) за присмотром бывшего господина чиновника Александра Николаевича Радищева, коим повелено, чтоб при нем находиться здесь впредь до повеления, с надзиранием, чтоб он в судьбе своей отягощен не был. И при случившихся оказиях о состоянии ево к ево высокопревосходительству... Ивану Альфереьевичу (Пилю), равно и к его превосходительству Лариону Тимофеевичу ежемесячно репортовать. Почему мною то исполнение и чинитца» (там же, лл. 228-229).

Подписался сержант так: «Сержантъ Николай Воробьевъ».

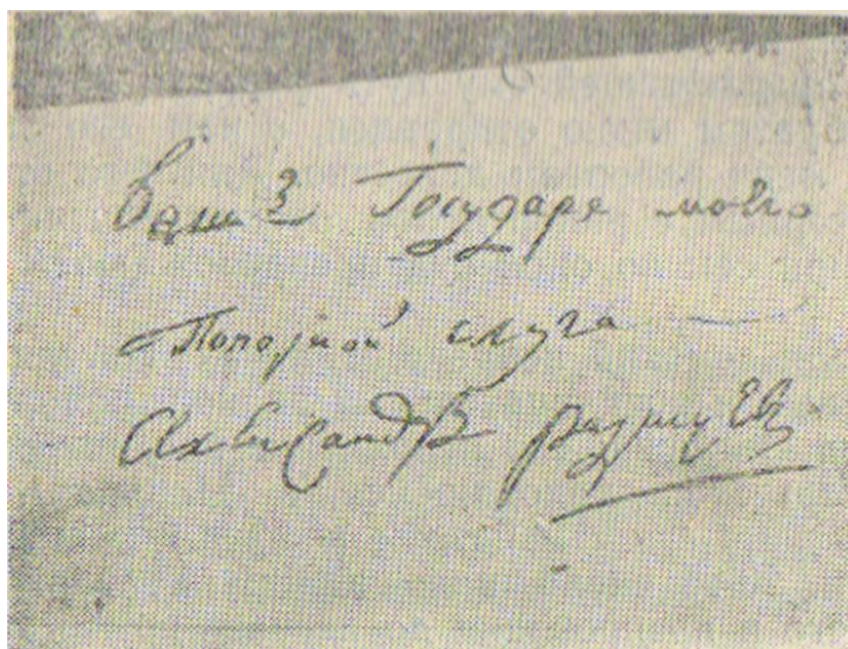
Как писал киренский исправник Карсаков в мае 1797 года киренской нижней расправе, «находившейся в Илимске бывшей чиновник Александр Николаев сын Радищев» доверил ему продать дом (Фонда 4, арх. № 70, л. 239).

Здесь же имеется доверенность, подписанная Радищевым: «Государь мой и приятель, Михайла Иевлевич! Возвращаясь ныне в Россию по имянному... указу из Илимского острога, в котором мне определено было жить по высочайшей конфирмации, я продал иркутскому купцу Климу Яковлеву сыну Малышеву состоящей в середине онаго острога, на месте, где жительствоваали прежния комисары (воеводы), дом мой, построенной собственным моим иждивением... за сто пятьдесят рублей. И оной мой деревянной дом со всем при нем хоромным и огородным, по обе стороны улицы строением, опричь ближайшего к дому огорода, близ башни состоящаго, между улицы, по правую сторону оной, идучи от церкви и берега реки Илима, которой огород уступлен мною илимскому мещанину Якову Прейну. А под оным моим домом и... огородом земли мерою: длиннику 95, поперешнику 54 сажень, за которое строение и огород деньги получил я все сполна». Радищев просит исправника Карсакова совершить на продажу дома крепость от его имени. «И что вы по сему учините, спорить и прекословить не буду. Ваш, гомударя моего, покорный слуга Александр Радищев. Илимск 19 февраля 1797 г.».

На документе имеется заверительная надпись и печать илимской ратуши.

Но киренская нижняя расправа, заслушав в своем заседании 15 апреля 1797 г. просьбу Карсакова о совершении купчей, нашла, что участок земли, которым пользовался «Родищев», превосходит величину, разрешенную для городских владений межевой инструкцией 1766 года. «А как видится позволено ему, господину Радищеву, построить себе дом... Пилем». Ссылаясь на межевую инструкцию, нижняя расправа признала законным участок в 12х30 сажень и по-

этому в передаче бывшего огорода Радищева Прейну отказала (там же, лл. 243-244 и № 71, л. 130). Три сельские заседателя, крестьяне, приложили к протоколу свои печати.

The image shows a close-up of a handwritten signature in cursive script on aged, slightly textured paper. The signature is written in dark ink and consists of three lines. The first line reads 'Ваше З. Титулярное', the second line reads 'Положенное', and the third line reads 'Александр Радищев'. The signature is elegant and characteristic of the late 18th century.

Подпись А.Н. Радищева.

Черновик решения киренской нижней расправы был обнаружен автором в переплете журналов заседаний нижней расправы и докладных регистров 1793 года. Начинается черновик так: «Лета тысяча семь сот девяносто седьмого, апреля в шестой на десять день бывшей в Ылимском остроге чиновник Александр Николаев сын Родищев (далее пишется правильно — Радищев), в роде своем не последней, продал...» и т. д.

Удостоверив продажу дома Радищева Малышеву, киренская нижняя расправа 28 мая 1797 г. приказала «оной лист (о продаже дома)... прибить к судейским дверям и, буде для спора никто чрез 2 года не явится, то впредь всякой спор да уничтожится и земля за покупщиком да утвердится» (Фонд 4, арх. № 69, л. 51).

В этом же фонде имеется еще два дела, в которых упоминается о продаже Радищевым дома (арх. № 61, л. 37, № 66, л. 1).

Отправка Радищева из Илимска на родину отображается тремя документами.

Иркутский губернатор Нагель 16 января 1797 г. писал киренскому нижнему земскому суду: «Находящейся в Илимске Александр Радищев чрез посланного от меня нарочного совсем вызывается в Иркутск, которому в выезде не делать ни малейшего удержания, а в случае требования — показать ему в спокойном сюда проезде вспоможение» (Фонд 9, арх. № 186, л. 12).

Киренский земский исправник Карсаков, получив предписание Нагеля, составил следующий документ, уснащенный вопросительными и восклицательными знаками:

«Предложение? Киренскому нижнему земскому суду! По силе присланного во оной суд... от 16 генваря сего года... предложения, находящейся в Илимске Александр Радищев из онаго в подлежащей ему путь февраля 20-го числ надлежащим образом мною отправлен, о чем его превосходительству от меня рапортом донесено. Для чего оное предложение и с черным с рапорта отъ пуском для приобщения? к прочим при сем во оной суд препровождаю?» (там же, л. 13).

21 февраля земский исправник писал Нагелю, уже без вопросительных и восклицательных знаков, рапорт о выезде Радищева из Илимска: «во исполнение предложения высшего превосходительства... находящейся в Илимске Александр Радищев со всем семейством в подлежащей ему путь сего февраля 20-го числа надлежащим образом мною отправлен, коего и препроводил до первого по Ангарскому волоку зимовья благополучно» (там же, л. 19).

Это все, что сохранилось о Радищеве в местных архивах. Тщательные поиски в фондах Иркутского государственного архива свидетельств об этом замечательном человеке не увенчались успехом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие местного хозяйства в своеобразных условиях северного Предбайкалья шло в XVII и XVIII веках под воздействием социально-го строя крепостнической Руси. На протяжении этого времени изменялись формы государственной эксплуатации сибирского крестьянина и, следовательно, менялась роль местного сибирского земледелия в национальной экономике России. Постепенно свободные пришельцы из-за Урала, из северных уездов Руси превращались в сословно-неполноправных государственных крестьян Сибири.

К концу XVIII века в социально-экономической жизни России переплелись два явления: завершилось закрепощение крестьян и ускорилось развитие буржуазных отношений.

Первое явление означало усиление феодализма. Екатерина II, милостиво улыбающаяся как «матушка-царица» дворянам, оборачивалась всероссийской Салтычихой для крестьян.

Усиление феодальных отношений в империи вызвало еще большую централизацию власти, особенно после крестьянских войн Пугачева, которые грозили поколебать основание крепостнического государства. Воеводский централизм в Сибири, порождение XVII века, не отвечает уже требованиям централизации власти в Сибири, и правительство Екатерины II передает губерниям обширные права за счет ослабления уездного аппарата.

Бюрократические методы управления достигают апогея. Абсолютизм — золотой век бюрократизма.

Второе явление - развитие товарно-денежных отношений и рост торговой буржуазии — привело к отмиранию многих пережитков феодального строя, мешавших предпринимательству и расширению торговых оборотов.

Влияние усилившихся буржуазных отношений и падение многих установлений более раннего феодализма ускорило развитие кулацких элементов в Сибири.

В течение второй половины XVIII века отмирают одни за другими главные пережитки феодально-крепостнического общества, мешавшие развитию капитализма в Сибири: падает вся система хлебного обложения, исчезает натуральная фор-

ма ясака. Следовательно, создаются условия для возникновения хлебного и пушного рынка. Исчезает средневековый хлеб-провиант, появляется хлеб-товар.

Одновременно ликвидируется монастырское землевладение, упраздняются внутренние таможи и отменяются многочисленные архаические сборы. Резко повышается значение денег в сибирской деревне. Ушестеряется размер денежной подушной подати, взимаемой с сибирских крестьян, вводится денежное обложение местных народов Сибири, увеличиваются мирские денежные сборы, растут цены на хлеб и на рабочую силу. В далеком Илимском уезде зарождается хлеботорговля, значительную часть которой осуществляют крестьяне. В оборот вовлекаются такие нетоварные до того времени культуры, как овощи.

Правительство выпускает в обращение особую сибирскую монету местной чеканки.

На протяжении XVIII столетия, особенно во второй половине его, в сибирской деревне происходит нивелирование в правовом отношении всех слоев сельского населения, вследствие чего исчезают многие группы населения, характерные для XVII века: гулящие люди, оброчники, беломестные казаки, государевы судовые плотники и т. д. Монастырские крестьяне превращаются в обычных государственных крестьян.

Поэтому еще больше усиливается крестьянский характер земледелия. Посадские, служилые, церковники и другие слои некрестьянского населения теряют землю; земля окрестывается.

В новых социально-экономических условиях неизбежно усилилось развитие буржуазных явлений в сибирской деревне. Хлеб илимского крестьянина начинает выходить на рынок и, как следствие этого, усиливается имущественное неравенство отдельных слоев илимской деревни, а эксплуатация наемного труда становится обыденным явлением. Выделяется слой зажиточного крестьянства, и наряду с этим появляются безлошадные и беспосевные крестьяне. Исчезает вместе с тем применение крестьянами несвободной рабочей силы.

Крестьянин подстраивает свое хозяйство к рынку, резко меняет структуру посева, переходя от возделывания озимых к культуре яровых хлебов, увеличивает производство товарного зерна, в первую очередь пшеницы.

Но буржуазные отношения в сибирской деревне развивались неполно, медленно, в форме примитивного капитализма, оплетенные средневековыми отношениями. Дремлющая в крестьянстве способность порождать капиталистические отношения проявляется в крепостнических условиях в очень слабой степени (всегда предшествующей развитому капита-

лизму), и тенденция крестьянина стать фермером постоянно ограничивается феодализмом.

Естественно, что в Сибири этот период промежуточных стадий капитализма затянулся непомерно долго, так как слабость российского капитализма помешала ему возделывать готовое для него поле в сибирской деревне.

Сильно изменилось и значение илимской пашни. В XVII и в начале XVIII века местное земледелие приобретало государственное значение, оставаясь лишь местным, так как хлеб и другие произведения сельского хозяйства покрывали потребности государства только в узкой, локальной сфере, притом только в натуральной форме.

Такое значение местного сельскохозяйственного производства, как это хорошо показывает развитие илимской пашни, заставило правительство регламентировать хозяйственные обязанности сибирских крестьян.

С конца первой четверти XVIII века правительство усиливает денежное обложение и в конце столетия делает его единственной формой государственной эксплуатации сибирских крестьян. Местное земледелие вследствие этого теряет локальное государственное значение, зато превращается в основной и постоянно действующий источник денежных поступлений в казну независимо от того, какое место оно занимает в конкретном уезде. Хлебопашество становится личным делом сибирского крестьянина.

Вследствие этого оказывается совершенно ненужным вмешательство государства в производственную деятельность сибирского крестьянина и в его земельные дела.

Зажиточный сибирский крестьянин, в частности - илимский, получив известную свободу в хозяйственной деятельности, мог с успехом переходить к товарному производству хлеба, эксплуатируя подавленного маломощного соседа.

Таковы основания для развития примитивных форм капитализма в илимской деревне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Илимский (Киренский) уезд и его население	5
Волости	5
Остроги и слободы	9
Уездный центр	14
1. Илимск	14
2. Киренск	18
Переписи населения	23
Переселение крестьян	41
Временные отлучки	50
Глава II. Уездное население	57
Перемены в губернском и уездном управлении	59
Выборы кандидатов	65
Состав илимской воеводской канцелярии	69
Деятельность уездной канцелярии	75
Илимский архив	85
Воеводы	88
Управитель Бейтон	100
Глава III. Воевода Иларион Черемисинов	106
Глава IV. Крестьянское управление	132
Крестьянское самоуправление	132
Мирские сборы	137
Коллективные действия крестьян	142
Глава V. Землеустройство и землепользование	153
Отвод и учет земель	153
Переделы земли	169
Приусадебные земли	177
Оброчные земли	180
Геодезисты и землемеры	182
Глава VI. Посевные площади и поголовье скота	187
Общее состояние земледелия по оценке крестьян	184
Посевные площади	194

Посевы дворов разной хозяйственной мощности	205
Структура посевов и система земледелия	215
Незерновые культуры и гречиха	221
Конопля	221
Лен	226
Гречиха	228
Овощи и картофель	230
Животноводство	238
Глава VII. Урожаи и сборы хлебов	248
Показания крестьян о неурожаях	248
Оценка крестьянами видов на урожай	268
Учет урожая по числу овинов	279
Урожаи и высев семян	283
Сплав хлеба в Якутск	289
Балансы хлеба у крестьян	302
Цены на хлеб и припасы	306
Глава VIII. Подсобные предприятия и промыслы крестьян	315
Подсобные предприятия крестьян	315
Охота и рыболовство	323
Леса	325
Глава IX. Повинности крестьян	331
Хлебные платежи	331
Подушные сборы	361
Ямская и междворная гоньба	372
Организация почтовых станций	381
Чистка волоковых дорог	387
Проводка судов через Ангарские пороги	391
Рекрутская повинность	393
Глава X. Снабжение Камчатской и других экспедиций	404
Снабжение первой Камчатской экспедиции	404
Снабжение второй Камчатской экспедиции	410
Снабжение профессоров Камчатской экспедиции	449
Снабжение разных экспедиций	457
Запросы научных обществ	459
Глава XI. Посадские и таможенное дело	464
Посадские	464
Илимская таможня	476
Местные сборы	480
Глава XII. Неземледельческие пути накопления капитала	483
Хлеботорговцы	484
Ростовщики	492
Пайщики Шелехова	494

Винокурение и продажа питей	495
Солеварение	505
Медеплавильные заводы	515
Попытки плавить железо	521
Слюдяной промысл	522
Покупка людей и наем рабочих	524
Глава XIII. Церковники и монастырские крестьяне	538
Монастырское хозяйство	538
Секуляризация монастырских вотчин	548
Церковнослужители	556
Поп Лука и его хозяйство	562
Монастырские крестьяне	570
Штрафы за неявку на исповеди	575
Глава XIV. Служилые люди	580
Казачи и дети боярские	580
Заплечный мастер	590
Городовая команда	592
Глава XV. Местное ясачное население	600
Правовое положение местных народов и отношение их к русским	600
Переписи ясачного населения	608
Выборы шуленег и ясачных сборщиков	619
Сбор ясака	623
Крещение ясачных и хозяйство новокрещенных	634
Глава XVI. Судебные дела и судебная практика	640
Постановка судебного дела и судебная практика	640
Слово и дело	652
Амнистии	656
Ссылные	659
А.Н. Радищев	665
Заключение	669